

The image depicts a dramatic scene of three soldiers in full combat gear, including helmets and tactical vests, standing in a line. They are positioned in front of a massive, intense fire and explosion that fills the upper half of the frame. The soldiers are looking towards the viewer, their faces partially obscured by their gear. The background shows a dark, smoky environment with bright orange and yellow flames. The overall tone is somber and intense.

БУДЕТ ТОЛЬКО ХУЖЕ

ВИКТОР КЛИМОВ

Annotation

Каждое решение имеет свои последствия, и, выбирая тот или иной путь, стоит помнить, что всегда может быть хуже, даже если ты веришь в лучшее. Главное, чтобы дежавю не оказалось чём-то большим, чем просто ложными воспоминаниями.

Глава 1. "Ласточка"

Все совпадения с реальными людьми случайны.

Обычный год. Ну как обычный — високосный. Такой же как и многие предыдущие високосные до него. Почему-то у людей есть предубеждение перед такими годами. Считается, что именно в них происходит больше всего несчастный случаев, происшествий, проблем и вообще они гораздо более негативные. Однако, никаких адекватных доказательств того, что это так никто и никогда не смог привести. В реальности любой високосный год является таким же обычным, как и любой другой и отличается от остальных календарных отрезков, на которые люди привыкли делить время своей жизни, всего лишь на один день.

Наверное, такое отношение к високосным годам связано исключительно с психологией каждого конкретного человека, которое потом выливается в массовое восприятие событий, произошедших в этот период, который отличается от всех остальных лишь тем, что длиннее на один день. А ведь по большому счету, по набору катастроф и разрушений и прочих, в том числе, личных неприятностей високосный год ничем не отличается от любого другого, что легко проверить, сверившись да хоть бы с википедией или подняв в памяти всякие гадости, которые происходили конкретно с тобой.

Тем не менее, по субъективному восприятию 2020 год выдался реально напряженным. Проблемы сыпались одна за другой, и хотя Владу с Алей удавалось от них каким-то чудом уворачиваться, терпение было на исходе. Это как в той игре в вышибалы: можно сколь угодно долго уклоняться от летящих в тебя мячей, но в итоге какой-нибудь в тебя попадет, да еще возможно и в голову, а то и прямо по носу.

В общем, все суеверно ждали окончания 2020-го года, чтобы, выдохнуть с облегчением. Просто хотя бы на том одном основании, что високосный год закончился. Один коронавирус чего только стоит с его локдаунами и ограничениями! Был до этого и птичий и свиной грипп, но они, на удивление, прошли как-то не заметно. Больше всего об этих болезнях кричали на Западе, но создавалось впечатление, что исключительно в целях пиара. А тут вот это вот всё! Проблема, однако, заключалась в том, что объективно следующий год мог оказаться еще хуже, но все ждали окончания этого, високосного.

Да, в мире не прибавилось спокойствия и стабильности. В сопредельных государствах вспыхивали конфликты и даже целые войны, в связи с чем, экономику постоянно трясло, но люди, казалось, уже привыкли к такому положению вещей. Да, курсы доллара и евро опять взлетели, но ажиотажа данная новость уже не вызывала и в банках не выстраивались очереди из желающих скорее купить иностранную валюту. Впрочем, в пользу такой реакции сказывался прошлый опыт, когда на событиях 2014 года народ побежал скупать доллары по цене 100–120 рублей за штуку, а курс возьми да и упади, и больше уже не поднимался даже выше 100 рублей, что заставило многих кусать локти. Ну и правильно, рубль, он хоть и деревянный, но всё ж таки свой, родной.

Примитивное желание заработать на элементарной купле-продаже иностранной валюты всегда поражало Влада своей нерациональностью. Сколько людей относил в банки свои последние сбережения, не имея ни малейшего представления о принципах функционирования валютного рынка, сколько из них в итоге оставались ни с чем, но всё равно всегда находились те, прогадывал и серьезно. А потом им не оставалось ничего другого как молить небеса и желать своей стране ещё большего экономического краха, лишь

бы они могли оправдать доллар, купленный по сто двадцать, да написать полный желчной радости твит.

Хотя и простых простаков хватало.

Однако, даже коронавирусный кризис не заставил людей впадать в какое-то беспробудное отчаяние. Да, пошумели, повозмущались, слетали на море в отпуск, заразились, переболели. В период локдауна так и вообще многие решили, что можно на шашлыки съездить. А кто-то и не заразился и таких были в сотни и тысячи раз больше. А когда не видишь горы трупов, умерших от коронавируса, то и воспринимаешь это совсем-совсем по-другому. Вот если бы из твоего подъезда люди в противочумных костюмах выносили чёрный пластиковый мешок каждый день, то тогда нард мог бы в массе своей серьёзно озадачиться. Но и тогда бы нашлись те, кто стал бы писать в интернете, что правительство ничего не делает, чтобы спасти население.

Так и живём: правительство вводит карантин — народ возмущается его ненужностью, так как люди замертво же на улицах не падают, не вводишь карантин — люди будут возмущаться падающими замертво на улицах гражданами.

Но даже те, кто реально верил и даже знал, что пандемия не выдумка, уже не считали ее каким-то неординарным событием. Ну, есть и есть. Дождь мокрый, ветер дует.

Потому что люди привыкают ко всему. Это такой психологический эффект. Невозможно постоянно жить в страхе перед чем-то, особенно если ты этого даже не видишь. Человека хватает на месяц, максимум на два, чтобы соблюдать осторожность и быть сосредоточенным по отношению к окружающей среде, насколько бы опасной она не была. Потом уже даже самые непривычные условия превращаются в обыденность. В случае с коронавирусом сработали ровно те же психологические механизмы, как и в случае жизни людей в условиях зоны боевых действий. Поначалу люди боятся обстрелов, ищут в панике укрытие, но со временем начинают и на работу ходить под звуки канонады, и дети перестают пугаться взрывов, и в школу бегают, так как уже на слух определяют, куда летит снаряд и как далеко он взорвался.

Говорят, что если снаряд летит непосредственно в тебя, то ты его не услышишь. Наверное, байка. На войне Влад не был, пролетающих мимо снарядов или пуль не слышал, так что однозначно утверждать не мог, да и в армии не служил. С другой стороны, как могли об этом рассказать те, в чью сторону летел снаряд? Кто знает.

В общем, всё как обычно. Тем более, здесь, в северо-западной части России, так далеко находящейся от каких-либо зон боевых действий, да и вирус здесь был не так распространен. Разве что в Питере бушевал, ну так на то он и второй по величине российский город с аэропортом международного значения. Хотя Влада не оставляли подозрения, что власти занижают статистику во избежание лишней паники. Впрочем, он для себя решил, что, на данном этапе, пожалуй, поступил бы точно так же. Паника — зло. Особенно для экономики. Особенно для правопорядка.

Ему нравился подход товарища Сухова из бессмертного шедевра «Белое солнце пустыни», когда «беляк» спрашивает его: «Ну, что тебя сразу, или предпочитаешь помучиться?» А Сухов и отвечает: «Желательно помучиться». Почему лучше помучиться? Потому что тогда у тебя еще есть время на принятие решений, есть пространство для маневра. Да Господи! В конце концов, есть время на то, чтобы ждать чуда! А если «сразу», то тебе уже никакое чудо не поможет.

Тем не менее, вот, есть же люди с открытой формой туберкулеза, да? Есть такие. Но

ведь до пандемии никого не заставляли массово носить маски и перчатки. Или туберкулез не так заразен как этот китайский вирус? Или какое любое другое инфекционное заболевание — мало их что ли. Влад для себя отметил, что надо будет залезть в интернет поискать информацию на этот счет. Но потом.

Радовало еще то, что осень оказалась на удивление теплой. Солнце светило уже несколько дней подряд и даже проходившие время от времени дожди еще не отличались той холодной липкостью, которая характерна для них в этого время года.

На станции пахло креозотом, нефтепродуктами и скошенной травой на газоне, которая еще кое-как сохраняла свою зелень. Пожалуй, еще что-то успеет отрасти до настоящих холодов и травинку попробуют дотянуться до солнца, что становилось все менее ярким и всё более холодным с каждым осенним днём. Легкий ветерок то и дело приносил и другие типично сельские ароматы.

Влад посмотрел в смартфон, который нещадно «тормозил» последние пару-тройку месяцев. Мысленно переплевавшись, он дотронулся до иконки «телеги», чтобы посмотреть последние новости. Давно хотел купить новый гаджет, но супруга постоянно его одергивала. Хотя, он даже не мог определиться, что больше его бесило: то, что жена не давала ему купить новый смартфон, или то, что производители оных намеренно тормозили работу старых моделей, чтобы побудить покупателей приобретать новые. Такое вот капиталистическое издевательство.

Ага, ага... он перелистывал сообщения на экране. Очередной оппозиционер заявил, что его отравил Режим, замечательно. Траванулся несвежими устрицами или лобстером, и пытается выбить политические очки, понятно. А может просто перепил, и такое бывает среди оппозиционеров, да и не только среди них. Так, одна бывшая республика СССР опять объявила войну другой... понятно. Союз продолжает распадаться до сих пор, вот уже как тридцать лет. Угу, предвыборная кампания в США в самом разгаре, ага... да... русских обвиняют во вмешательстве в выборы... угу... причем уже оба кандидата. Мда, маразм крепчал. Однако, было в этой ситуации и что-то положительное. Ощущение, что спецслужбы твоей Родины могут избрать президента Америки, вызывало гордость за страну. Влад про себя усмехнулся. А представляете, если бы по итогам выборов в США Путин такой выходит на пресс-конференцию и объявляет, что, дескать, да, он помог избраться победившему кандидату! Или бы просто сказал четыре сова: "У нас всё получилось!" Вот бы шумиха поднялась, и не важно, будь это кандидат от демократов или от республиканцев.

Раздался гудок приближающегося поезда, потом еще один. «Ласточка» еще не появилась из-за поворота, но уже вовсю сигналила, предупреждая о своем появлении и спугнув зазевавшуюся на рельсах лохматую псину, которая стояла прямо посреди путей, высунув длинный мокрый язык и уставившись на готовившихся к посадке пассажиров. Сглотнув слюну, и так и не дождавшись ничего вкусного, собака разочаровано развернулась и побежала в противоположную от перрона сторону, виляя куцым хвостом.

Неподалёку стояла девушка, которая смотрела прямо на него. Всё бы ничего, но он так-то женат. А она всё смотрит и смотрит.

Не, ну это никуда не годится! А если Аля заметит! И ещё главное улыбается! Ладно, так уж и быть, Влад, тоже улыбнулся. Пока жена уставилась в свой смартфон. В конце концов, улыбка ничего не значит.

Влад засунул смартфон во внутренний карман джинсовки и приготовился взять тяжелые сумки, которые они с супругой опять набили последними свежими овощами с огорода,

картошкой и банками с еще прошлогодними заготовками, «которые же надо есть, а то пропадут»! Уехать налегке всё никак не получалось, как бы он не старался.

«Ласточка» медленно подходила к станции.

***

После недельного похолодания, когда реально хотелось закутаться в плед и сидеть так с кружкой горячего чая или кофе (кому как больше нравится), пришло потепление, да при том такое, что многие достали свои летние рубашки с коротким рукавом да футболки. То тут, то там на улице люди, не стесненные офисным дресс-кодом, ходили в бриджах, а кое-кто даже в шортах, и это в первых-то числах октября! Те не менее, было понятно, что планета всё равно продолжит свой путь вокруг Солнца, и каким бы теплым не была первая половина октября, в итоге любое тепло закончится, и наступающая зима возьмет своё.

Влад предпочитал старые добрые джинсы, справедливо полагая, что в любое мгновение погода может резко измениться, и станет по-осеннему холодно и промозгло. Благо, у него был личный опыт попадания такую ситуацию, когда он, еще будучи студентом в мае, когда казалось бы лето уже вступило в свои права, пошел на лекции одевшись довольно-таки легко. И плюс 22 на градуснике (показания врезались ему в память), как и прогноз погоды с вечера не обещали чего-то неординарного. Но всё оказалось гораздо интереснее, когда после двух часов дня на небо набежали тучи, и повалил самый настоящий снег. Ни о каких 22 градусах уже не могло быть и речи, в лучшем случае за окном было плюс семь-восемь. И вот так в рубашке с короткими рукавами, ему и пришлось добираться до дома, испытав на себе все прелести мокрого снега и холодного пронизывающего ветра. Как он тогда не подхватил воспаление легких, он удивлялся до сих пор.

Вот и теперь, он молча выслушивал нравоучения жены, которая говорила, что он опять-де оделся слишком тепло, и что надо было оставить, как минимум, джинсовку дома, и не преть в жару. Он же, как всегда, буднично отвечал, что ему нисколько не жарко, что было не совсем правдой, но он готов был терпеть это неудобство. В конце концов, в куртке было много карманов, куда он распихивал всякие мелочи.

"Ласточка" подошла к станции, как всегда минута в минуту. Уж в чем в чем, а непунктуальности РЖД обвинить было нельзя. Скорее уж наоборот, Влада постоянно бесило, что в целях, как ему казалось соблюдения расписания, поезд время от времени останавливался и выжидал необходимое время, из-за чего они постоянно теряли по час-полтора на дорогу, как если бы ездили автомобильным транспортом, но рейсы автобусов были отменены уже как года два.

За окном мелькало золото готовой опать листвы, ведь не смотря на теплую не по-осеннему погоду, природа готовилась к грядущей зиме. Коровы в полях флегматично подедали последнюю зеленую траву, В огородах виднелись ребра огуречных грядок, оставшиеся без растений и покрывающей их полиэтиленовой плёнки. Кто-то разбирает отслужившие всё лето и сентябрь парники.

Пару раз он прошёлся по вагону туда и обратно за водой, да и просто, чтобы размяться.

Вот какие-то, судя по всему, студенты что-то рассматривают в ноутбуке, оживленно это обсуждая, сидят на каком-нибудь форуме, или попутно пишут работу для института. Двое других наблюдают сверху из-за кресла и оживлённо советуют. Хорошо, что Влад закончил институт уже довольно давно, воспоминания о курсовых работах и экзаменах ему радости не доставляли, даже, несмотря на то, что он и с тем и с другим довольно сносно справлялся.

Вот девушка сидит, глядя в окно. Одета как-то не по-нашему. Иностранка что ли?

Почему-то иностранцев зачастую можно вычислить в толпе просто по тому, как они одеваются. Вроде бы ничего необычного, но всё-таки как-то не так. Хотя их взгляд скорее выдаёт.

Парень смотрит кино на планшете. Хорошо, что в наушниках. Бесят те, кто врубают в поезде или в самолёте свои гаджеты на полную громкость, как будто они в салоне абсолютно одни.

Молодая мамаша пытается уговорить беспокойного карапуза, который требует дать ему смартфон, чтобы поиграть. Поздно. Не надо было приучать его к смартфонам, чтобы он утихомирился. Сейчас будет только хуже. Да и поезд — не место, где стоит проявлять свою твёрдость в этом вопросе.

В общем, всё как обычно.

Влад достал книгу и стал коротать время за прочтением очередного детектива. Он предпочитал классику, и притом именно в виде бумажной книги, в то время как супруга давно подсела на планшет, из-за чего он тоже периодически имел с ней разговор на предмет зря потраченных денег на книги, которые потом займут место на полке. А Владу нравилось, прочитав книгу, поставить ее на полку. Было в этом действе что-то мистическое. Файл из интернета на полку не поставишь.

Так, за чтением книги и ни к чему не обязывающими разговорами прошло около двух часов. В какой-то момент Влад осознал, что засыпает. Благо сам характер поездки в поезде этому способствовал: мерное покачивание, ритмичное постукивание колес по стыкам рельсов... Вот так всегда, подумал он с некоторой досадой, только захочется спать, а ехать осталось всего ничего. Вроде как уже особо и не покемаришь.

Сквозь навалившуюся дремоту он услышал какой-то шорох по вагону, приоткрыл глаза в надежде, что ему все-таки удастся потом быстро уснуть, и увидел, как пассажиры скапливаются у окон по правой стороне вагона, и что-то оживленно обсуждают, причем в голосах слышались явные нотки нарастающей тревоги. Что там еще? Авария? Лесной пожар? Может дом какой горит? Сейчас погода сухая и то и дело поступают сообщения о лесных пожарах, пожравших то одну, то другую деревеньку.

Пассажиры уже буквально прильнули к окнам. Только сейчас Влад заметил, что его жена тоже перебралась поближе к противоположному окну. При этом все молчали как убитые. Ни звука, только ритмичный стук по рельсам. Обычно в вагоне кто-то говорит, кто-то смотрит кино на планшете, бегают дети, в общем, наблюдается стандартный для таких случаев шумовой фон. А тут все молчат, как воды в рот набравши. И в окно уставились. Всё это напоминало кадр из бюджетного триллера. Появилось чувство ленивого любопытства.

— Аля, — позвал Влад, — что там?

Она обернулась на его голос, и он увидел текущие по ее щекам слезы, а нижняя губа еле заметно дергалась. Ну, вот еще не хватало! Теперь ее будет не успокоить! Это ж теперь на весь день, пока не успокоится. Аля вроде как пыталась что-то сказать, но не могла и только тыкала пальцем в окно. Ну что там такого могло произойти, что довело ее до слёз? Нормально же ехали!

Влад положил книгу на откидной столик, встроенный в спинку стоящего впереди кресла, и подошел к супруге, чтобы ее обнять и успокоить, а заодно посмотреть, что же так привлекло внимание всех пассажиров. Он наклонился и посмотрел вдаль. Внутри от увиденного сразу всё похолодело, а сердце, казалось, замерло как будто перестав биться.

В окне, там, где должно было садиться солнце, на горизонте выростали сразу два

грибовидных облака. Яркая вспышка — стало формироваться третье. Потом ещё. Память подкинула образ бледной поганки, несмотря на то, что мухомор или дождевик были бы ближе по форме к увиденному. И это только те, что удалось увидеть, мрачно подумал Влад. «Грибы» были маленького размера, но это лишь говорило о том, что бомбы взорвались очень далеко.

Сказать, что Влад испытал какой-то ужас, или сильно удивился — так нет. Скорее, он ощутил чувство сродни тому, когда ты видишь что-то, что уже давно ожидал увидеть. Неизбежность. Случилось о, что должно было случиться. Он глубоко вздохнул. Говорить не хотелось. Всё что сейчас ни скажешь, всё не будет иметь смысла.

"Високосный год", — промелькнула бредовая мысль.

Умереть от лучевой болезни со всеми этими выпадениями волос, зубов, разжижением внутренних органов, волдырями и белокровием Влада не впечатляло. Уж лучше пулю в висок. С другой стороны, поезд едет, значит электро-магнитный импульс на технику не подействовал (он вспоминал всё, что знал о последствиях ядерного взрыва), а значит и радиация пока где-то там далеко. А если взрыв произошел в атмосфере, то радионуклиды будут развеяны относительно быстро. Хотя тут всё зависит от количества взрывов. То, что было верно для Хиросимы и Нагасаки, где было взорвано соответственно по одной бомбе, и где сейчас вполне себе строили дома и жили люди, а на месте взрыва в Хиросиме так и вообще парк разбит, здесь могло не сработать.

Раздался треск динамика громкоговорителя. Судя по всему, говорил главный машинист (или начальник поезда — Влад не разбирался в иерархии железнодорожников). Голос его был неуверенным, он как будто пытался найти слова для чего-то, с чем раньше не сталкивался. И его можно было понять. Не каждый день видишь за окнами растущие на горизонте ядерные грибы.

— Уважаемые пассажиры... — машинист запнулся, — мне только что сообщили, что мы... наша страна, подверглась нападению с использованием ядерного оружия. Степень ущерба устанавливается. Пункт нашего прибытия бомбардировке не подвергся...

Очевидно, что не подвергся! Если бы боеголовка взорвалась над их городом, скорее всего они бы уже почувствовали удар взрывной волны. Непонятно только что было, где взорвались бомбы, взрывы от которых Влад видел в окне. Питер? Вроде далеко, не должны были бы увидеть. А может просто взорвалось там, куда смогло долететь. Кто знает...

Влад машинально выставил большой палец правой руки вперед. Как ему рассказывал его знакомый, служивший в ФСО (где-то он сейчас?), это верный способ определить, находишься ли ты в зоне поражения ядерного взрыва, что это не придумка для компьютерной игры. Будем надеяться, он не пошутил. Краем глаза он увидел, как еще один пассажир делает то же самое. Зловещий гриб чуть-чуть не сравнялся с верхом ногтевой пластины.

Потом, как будто взяв себя в руки, машинист добавил:

— Сохраняйте спокойствие, — однако было очевидно, что сохранять спокойствие никто не собирался.

Где-то в вагоне запричитали женщины. Одна из них пыталась воспроизвести молитву, но на словах "иже еси на небеси" запнулась и не смогла продолжить, так как явно не знала слов. В какой-то момент наступила полная тишина, прерываемая только ритмичным стуком колес по рельсам. Раздались звуки детского плача. Где-то матерились мужчины.

Влад вернулся на место и сел. Он видел, как по щекам жены текут слёзы, оставляя темные следы размытой туши. Как она что-то говорит, вцепившись в его левую руку. Он же

почему-то проверял на месте ли его складной нож, который должен был лежать в кармане, и который был когда-то куплен в поездке на Черное море. Нож оказался на месте. Нервы.

В окно было видно, как откуда-то из-за спины вылетела тройка боевых вертолетов и, перекрывая стук колес о рельсы шумом работающих винтов так, что их было слышно даже внутри вагона, удалилась в сторону места взрывов. Как всё завертелось, однако.

Проезжая мимо какого-то полустанка, поезд сбросил скорость, и Влад попробовал выйти в интернет, но сайты не смотря на значок "4G" в правом верхнем углу смартфона, упорно не хотели открываться. На экране всё время появлялось сообщение об ошибке доступа или "ой, что-то пошло не так".

— Есть сигнал? — спросил парень в спортивном костюме, который сидел через проход. Влад отрицательно покачал головой. Видно было, что попутчик сильно нервничает и уже который раз пытается до кого-то дозвониться. Тут, правда, не поймешь, из-за чего нет связи: из-за уничтожения ретрансляторов или просто потому что поезд находится вне зоны действия сети, такое тоже могло запросто быть.

Влад поднял глаза на экран, размещенный под потолком салона. На нем как ни в чем не бывало гоняли рекламу Сбербанка с его финансовой подушкой. Ага, сейчас все финансовые подушки пойдут по борозде, подумал Влад. Нет ничего лучше для скоростного обесценивания денег, чем война. Тем более, еще не известно, что будет с вкладами, информация о которых хранится на серверах. Вроде как они должны быть защищены даже на случай ядерного взрыва, как-то читал Влад, но толку от них всё равно скоро будет практически никакого.

Попробовать включить радио. Он покопался в кармане джинсовки и достал оттуда скомканный пучок проводов из которого торчали два наушника. Смартфон использовал провод в качестве антенны. Воткнув штекер в разъем, он быстро убедился в отсутствие сигнала. Твою ж мать! Сплошные помехи, шипение и треск. Все волны молчали, вещание отсутствовало напрочь. Даже, когда поезд проезжал мимо населенных пунктов, где казалось бы сигнал должен быть по определению, его не было.

Ну и где все те, кто говорил, что ничего такого не может произойти? Что российские чиновники и олигархи хранят свои миллиарды за границей, а значит, ядерной войны не будет. Влад про себя невесело улыбнулся. Странная у них была логика, ведь очевидно, что деньги так называемой элиты, находясь за рубежом, никак не могли быть гарантией от подобного, скорее наоборот.

Вот где те, кто говорил, что Америка не может даже с Северной Кореей справиться, и куда ей нападать на Россию! Почему-то он был уверен, что удар нанесли именно американцы. Почему-почему, потому что, если судить по их базару за последние пару лет этого стоило ожидать. Как они там говорили: мы не знаем, на что еще можно наложить санкции в России. Получается, что остался последний аргумент — ядерный. Не понятно, правда, на что они рассчитывали? На то, что им удастся одним глобальным ударом вывести из строя всю систему противоракетной обороны России? Такие мысли, судя по высказываниям представителей Пентагона, которые они не стеснялись публиковать в СМИ, озвучивались не единожды. Да и в нашем Минобороны говорили, что американцы уже не рассматривают ядерный конфликт в качестве войны, в которой не будет победителей. Они реально считали, что победить можно и при этом с минимальными потерями.

Неужели Трамп отдал приказ? Это как-то слабо увязывалось с его психотипом. С другой стороны, шарахнул же он крылатыми ракетами по Сирии, когда к нему прибежала дочурка,

со слезами на глазах рассказывая, как плохой Асад душит хлором сирийских детей. Вот ведь, паскудная девка.

Решил таким образом остаться у власти? Бывший президент Украины пару лет назад пытался провернуть похожий трюк с военным положением, чтобы отменить выборы. И у него тогда ядерной бомбы не было. А у Трампа была. И не одна, а несколько тысяч. "Сделаем Америку снова великой!", говоришь, ну-ну.

Посмотрев в окно, он отметил про себя, что небо изменилось, приняв не свойственные ему желтоватые оттенки. Птицы черными тревожными стаями вились над полями. Жена по-прежнему что-то ему сбивчиво, глотая слезы, говорила. Нет, не говорила. Она кричала. Собственно, кричал весь вагон, как и весь поезд. Звук женского и детского плача наконец-то достиг его сознания, будто бы он снял наушники. Внезапно мир вокруг наполнился громкими и не приятными звуками. Плачь, молитвы, причитания. Часть мужчин собралась в дальнем конце вагона, они что-то горячо обсуждали. Впрочем, понятно что. Война теперь будет главной новостью еще очень долго... пока к ней не привыкнут.

По вагону в направлении локомотива в сопровождении проводника быстро прошли какие-то люди в военной форме. Знаков различия Влад не успел рассмотреть. Наверное, тоже были просто пассажирами. На станции, где они садились, военных среди ожидающих не было. Значит, сели где-то раньше.

С одним из военных Влад встретился взглядом, служивый, казалось, был серьезно озадачен, понятно от чего. Группа, не громко о чем-то переговариваясь, быстро удалилась.

Как всё, однако, меняется в одночасье, подумал он. В одну минуту. В одно мгновение. Что происходит в зоне поражения, даже не хотелось думать, но мозг сам рисовал картины настоящего апокалипсиса, благо кинематограф, в основном американский, подготовил плодородную почву для этих образов.

Проезд продолжал свой ход. До места прибытия оставалось еще около часа хода. Как-то не так он себе представлял начало ядерной войны. Всё происходило довольно буднично. По крайней мере, если не считать истерики у женской части пассажиров, всё как обычно. И только грибовидные облака на горизонте.

Всё самое страшное в этой жизни происходит тогда, когда этого совсем не ждешь. От сломанного зуба до войны. Даже когда ждешь войну, она всё равно начинается как-то внезапно, когда ты к ней совсем не готов. Он понимал одно: жизнь никогда уже не будет прежней. Сегодня она изменилась навсегда.

Оставалось только ждать, когда поезд прибудет в пункт назначения.

Глава 2. Прибытие

Несмотря ни на что «Ласточка» пришла к месту назначения вовремя. Поезд постепенно сбавлял скорость, пока, наконец, не остановился у перрона, как и было положено по инструкции. Железные, однако, нервы у машиниста, подумал Влад. Так вышколить РЖД, чтобы даже во время ядерной войны поезда ходили по расписанию, дорогого стоит. Да, скорее всего, сейчас не везде так, да, где-то кто-то не дождался поезда со своими родными и близкими, но тем не менее...

А железнодорожники, они же вроде военнообязанные? Если так, что жизнь сейчас у них изменится на 180 градусов, не позавидуешь. Впрочем, как и всем остальным, имеющим соответствующую отметку в военном билете. Взять тех же врачей и прочий медицинский персонал — кого на фронт, кого на увеличенные смены по госпиталям и больницам. Коронавирус покажется легкой прогулкой.

Кстати, о фронте, он вообще есть? Или всё обошлось обменом ядерными ударами? Не понятно даже, был ли собственно, этот обмен ударами, и не обошлось ли всё шайбами в одни ворота. Влад, хоть и понимал, что в ближайшее время у него появятся гораздо более насущные проблемы, всё-таки искренне надеялся, что на Штаты прилетело какое-то количество ракет. Опять же, если это Штаты. С другой стороны, а кто ещё?

Можно было сколь угодно долго говорить, что власть накачивала россиян антиамериканской пропагандой, но разве не было в их словах доли правды? Наверное, в доинтернетовскую эпоху можно было вполне озвучить какие-либо тезисы на широкие массы и у них просто не было бы никаких других вариантов кроме как поверить или нет, так как проверке такая информация каждым отдельным гражданином не могло быть подвергнута. Сейчас же можно спокойно влезть в сеть и прочитав всё то, что говорят о России за Океаном и в Европе. Иногда казалось, что русских назначили новыми неграми, которых можно безнаказанно линчевать и навешивать ярлыки. Однако, и интернет давал свои возможности по оболваниванию населения. Возьми любую социальную сеть, особенно западную, поймешь, как просто изымать одну информацию и продвигать другую, ту, которая выгодна какой-то определенной группе (Влад вспомнил про рептилоидов и про себя улыбнулся). В общем, как ни крути все сводилось к личному восприятию тех или иных событий и информации

С перрона вокзала грибовидных облаков от взрывов уже не было видно, их загораживал городской ландшафт, но желтые оттенки в безоблачном, но уже по-осеннему темнеющему небе, в той стороне, где произошли взрывы, не давали забыть об увиденном, да и обстановка на вокзале была еще та!

На платформе царили суматоха и суета. Тот тут, то там появлялись военные, но пока без костюмов противорадиационной или химзащиты. Люди бегали по перрону, врываются в вагоны, обнимались с пассажирами, которых, по всей видимости, пришли встречать. Многие плакали. В воздухе ощущалась тревога и безнадежность. Вот так вот, съездили на выходные к родственникам, промелькнуло в голове. Черт его разбери, что происходит.

Влад и Аля вышли из вагона, нагруженные тяжелыми сумками, и протискиваясь среди образовавшейся толпы, направились к подземному переходу, который уже выводил непосредственно к зданию вокзала и в город. Здесь было еще больше народа, который стремился скорее покинуть территорию вокзала. Говорить о том, чтобы люди носили

медицинские маски, не приходилось, понятно, что было не до этого, да как бы в скором времени не пришлось на постоянной основе надевать противогаз при каждом выходе на улицу. Та еще перспектива.

Поднявшись на поверхность, Влад поставил сумки на асфальт, неуверенно осмотрелся: вокруг бегали люди, таксистов, которых тут обычно пруд пруди, уже не было видно, на небольшом пяточке перед вокзалом, где стоял памятник средневековому князю, кучковались люди в военной форме вперемешку с гражданскими. "Уже организовали какой-то сбор что ли?", — присмотрелся Влад. Хотя больше это было похоже на спонтанный митинг. Какой-то активный гражданин, встав на притащенный откуда-то ящик, вещал, активно размахивая руками, но поскольку мегафоном он вооружен не был, Влад не мог расслышать, к чему конкретно он призывает.

Город изменился. Не было уже того спокойствия провинциального центра как раньше, все куда-то бежали, что-то спешили делать, автомобили неслись по улицам с явным превышением скорости, но их никто не останавливал. Влад заметил несколько автомобилей, груженных чемоданами и тюками. По всей видимости, люди стремились уехать из города. Интересно, куда? Вглубь территории, куда не долетели ракеты? Понять бы еще, куда они долетели, а куда нет.

— Подожди, Аля, мне надо позвонить, — Влад достал телефон, проверил, есть ли связь. Да, на удивление, она была. Шкала не полная, но тем не менее. Наверное, часть вышек и передатчиков не пострадали. Хотя, Влад опасался, что связь будет отсутствовать напрочь.

То что электромагнитный импульс (насколько он себе представлял последствия ядерного взрыва) не повлиял на работу электроники, он уже понял по тому, что поезд смог дойти до города без проблем. Значит всё-таки взрывы случились очень далеко. О том, какой они были мощности лучше было не думать.

Включив телефон, он быстро нашел нужный контакт. На том конце ответили.

— Алло, Дима! Здравствуй! Да, это я. Да, мы целы, сейчас пытаемся добраться домой, а там решим что делать. Я к тебе вот по какому вопросу... Помнишь, ты говорил, что у тебя есть неучтенный охотничий ствол? Что значит, ты такого не говорил? Давай-ка вот без этого, окей? Да, теперь, видимо всем будет не до этого. В общем денег предлагать не буду, они походу совсем скоро потеряют всякую ценность, но... да, да... Окей, через полчаса у меня. Мы как раз должны успеть добраться.

Влад отключил телефон, и поднял сумки. Удивительно, что связь еще как-то работает. Хоть и с перебоями, слышал он собеседника, как говорится, через раз, но работает. Может, не всё так плохо? Хотя, кого он обманывает: если сейчас еще что-то и функционирует, то в скором времени всё может измениться. Привет вам голубиная почта и гонцы на перекладных! Твою ж!..

— Пошли, — кивнул он жене. — Надо успеть добраться до дома до того, как приедет Дима.

— Зачем тебе ружье, Влад? — она, казалось не понимала очевидного. — Ты же никогда не любил охоту!

Ну не любил охоту, да. И продолжает не любить. Принципиальное желание застрелить какую-то дикую животину он напрочь не понимал, и рассматривал это как некую вредную привычку. Особенно учитывая, что мужики собирались на охоту именно что ради своих вредных привычек, сам видел, сам участвовал.

При этом какими-то возвышенными зоозащитными идеями Влад не страдал. Если

уличная собака вела себя агрессивно, и выбора не было, он мог и по носу ей ботинком дать, а если встанет вопрос выживания, то застрелить или зарезать дикое (а может, и домашнее) животное — дилеммы нет.

— Затем, что охотиться скоро придется на людей, а убивать их ножом крайне не приятно, солнышко. А вот из ружья — в самый раз, если припрёт.

Наверное, в его голосе послышались некие нотки, которых раньше не было, так как супруга даже отшатнулась от него. Однако, человека ему убивать еще ни разу не приходилось, и где-то там в подсознании подавало голос предательское сомнение, что когда такая ситуация случится, он не то что ножом ткнуть не сможет, но даже на спусковой крючок нажать. Он гнал эту мысль от себя, как только мог, загоняя ее в закоулки подсознания.

Надо было быстро выдвигаться до дома. Ожидаемо, на привокзальной площади не оказалось ни одного такси, то ли все разобрали, то ли таксисты, почуяв неладное, свалили решать свои личные дела. Остальной народ на автомобилях явно был не настроен брать пассажиров кроме тех, кого приехали встречать. Автобусов в поле зрения тоже не было, идти надо было пешком и достаточно быстро, что в нагруженном состоянии было ой как неудобно.

Дима был из тех людей, которые всё схватывал на лету, и готовы были помочь друзьям без лишних расспросов. Знакомы они с Владом были еще с института. Хоть и учились в параллельных группах, много времени проводили в шумной кампании, и, по молодости, откровенно злоупотребляли спиртным. Впрочем, на учебе это никак не сказывалось, так как свою меру все-таки знали, не то что некоторые, а такие тоже были.

С ружьем забавная история получилась, оно было найдено на чердаке одного старого деревенского дома, который Дима прикупил на берегу реки (продавцы явно не знали, что хранится на сеновале), о чем он и не смог умолчать во время очередного празднования дня рождения, сам виноват. Обычная такая двустволка 12 калибра, горизонталка (хотя больше нравилась вертикальная компоновка, но дарёному коню...), правда хрен пойми какого года, но в рабочем состоянии. И это Влад ему еще не напомнил о двух МП-40 и и обрезе из "мосинки", найденных там же. Походу именно поэтому он и не стал сильно упираться, когда услышал просьбу Влада. Так сказать, небольшой дружеский шантаж.

Незнакомый мальчуган на автобусной остановке рядом с большими спортивными сумками стал усердно тыкать указательным пальцем куда-то в небо и дергать за рукав разговаривающую по телефону мать, которая нервно с кем-то пыталась общаться по телефону. Видно было, что связь то и дело пропадает и она через слово кричала "Алло! Алло!". Мальчуган меж тем стал кричать «Смотрите! Смотрите! Большие птички!». Влад и Аля посмотрели туда, куда указывал пацан. В еще чистом и светлом небе появились две темные точки. Люди на остановке и тротуаре тоже стали смотреть в ту сторону. Точки быстро увеличивались в размерах, и уже было понятно, что это никакие не птицы.

Внезапно взвыла сирена, да так что Аля дернулась от неожиданности. Откуда шел звук было абсолютно не понятно, казалось будто он идет из каждого фонарного столба. До этого сирена работала только пару раз в год и то в рамках учебной тревоги и проверки оборудования, о которой население эмчезники предупреждали заблаговременно. Звук был до того зловещий, что внутри всё похолодело.

— Так, — скомандовал Влад, — Давай-ка, двинули по-быстрому!

— Что это, Влад?!

— Пошли говорю, быстрее, — стараясь перекрычать сирену, сказал Влад. Прохожие тоже заторопились и побежали, кто куда.

Точки очень быстро приближались, и уже можно было рассмотреть, что то два самолета, военных, истребители или что-то типа того. Владу показалось, что это F-35, которые он не раз видел в интернете, по крайней мере, контур был знакомый. Хотя на таком расстоянии и наши истребители пятого поколения могут быть, сильно они не разнятся. Сначала от одного, а потом и от другого отделились точки поменьше и ринулись в сторону железнодорожного вокзала, оставляя за собой дымный след.

Прошло не более двух секунд и раздался гром. Гром такой силы, какой Владу еще не доводилось слышать. Невидимые руки толкнули его и Алю в спину, и они с размаху рухнули на проезжую часть. Сумки полетели по сторонам. А сверху на них посыпались куски земли, кирпича и асфальта.

Наступила полная тишина, как будто какая-то высшая сила вдруг выключила в мире все звуки разом. Потом в голове зазвенело. Постепенно звон в ушах рассеивался, наполняя окружающий мир треском, человеческими криками, скулежом раненой собаки и разноголосьем спятивших от взрыва автомобильных сигнализаций.

Не пронеслась. Совсем. Жизнь перед глазами не понеслась, подумал Влад, лежа на асфальте. Может, это от того, что он не умер? Открывая глаза, он был готов увидеть загробную жизнь, но нет, всё та же привокзальная площадь. Только бездомная собака, до невозможности жалобно скуля, неестественно ползала на передних лапах, оставляя за собой красный размазанный след.

Влад шатаясь поднялся и посмотрел на вокзал — здание горело. Также дым шел оттуда, где должны были стоять у перронов прибывшие поезда. Вражеские самолеты стремительно удалялись.

Тут же в небе появились еще три истребителя, эти были явно свои, они пронеслись над разрушенным зданием вокзала. Опоздали, чуть-чуть, но опоздали, подумал Влад.

Он закрыл ладонями уши в тщетной попытке прогнать тошнотворный звон. Аля! Где Аля?! Он обернулся в поисках жены. Она сидела прямо на проезжей части и казалось не понимала, где находится. Жива. Её взгляд блуждал, но видимых ранений Влад не заметил. Влад поднялся на ноги, держась за голову, в ушах жутко звенело. Он оглянулся, потом посмотрел на Алю. Она сидела на асфальте, по испачканному пылью лицу текли слезы, оставляя грязные разводы.

Сирена гражданской обороны замолкла, но тут же послышались перебивающие друг друга завывания машин экстренных служб, которые неслись к месту бомбардировки.

Влад подошел к Але, осмотрел ее и погладил по голове, прижав к груди.

— Давай, Аля, пошли, Солнышко, — Влад протянул руку жене, и помог ей подняться. Банки с заготовками в одной из сумок разбились, оставляя на асфальте расползающуюся и пахнущую маринадом лужу. Нести ее уже не было смысла.

Еще раз убедившись, что никто из них не ранен, они быстро пошли домой, благо до него было минут двадцать ходьбы. Хотелось как можно быстрее покинуть это место, чтобы больше не слышать ни этих криков, ни завывания сирен, ни поскуливаний умирающей дворняги.

Всю дорогу до дома они прошли молча, не проронив ни слова, только время от времени переглядываясь. Навстречу им попадались такие же ошарашенные происходящим люди, которые, проходя мимо, норовили бросить на Влада и Алю взгляд, в котором читалось и

любопытство и страх одновременно. Вот чего им надо? Влад начинал злиться от навязчивых взглядов. Он и раньше не любил встречаться на улице глазами с незнакомыми людьми, а сейчас так и подавно это бесило сильнее прежнего.

Когда подходили к своему дому, из подъезда выскочил взъерошенный полицейский, который жил на четвертом этаже в том же подъезде, что и Влад с Алей. На спине у него поверх броника болтался АКСУ. Сильно знакомы они не были, так, обычно просто здоровались.

— Что происходит? Известно что? — только и успел выкрикнуть Влад, но капитан только махнул рукой, мол, некогда, вскочил в автомобиль и дал по газам, уносясь в сторону центра.

То тут, то там люди набивали свои автомобили котомками с пожитками и переносками с домашними животными. Ну, да запас еды на черный день, как ни как, подумал Влад, глядя на очередную дрожащую собачонку, увлекаемую нервной хозяйкой. Вот потащили дико орущего и вцепившегося в куртку хозяйки кота, он смотрел на мир блюдцами огромных глаз, которые, казалось превратились в две маленьких бездонных черных дыры.

Вот мимо пронесли набитые сумки продуктов и прочих товаров первой необходимости. Они остановились у подъезда, поставив уцелевшие сумки на скамейку.

— Так, — он повернулся к Але, достал кошелек и выгреб оттуда всю наличность и банковскую карту, на которую, если честно, слабо надеялся, — Беги в магазин и сгребай всё, что можешь, поняла, Солнышко?

— А ты? — она схватила наличность, и хотела было запихнуть ее в сумочку, но потом засунула ее в карман куртки.

— Я скоро буду, надо дождаться Диму, может, узнаю что-то новое. Как только так сразу, окей? Пока вроде относительно тихо.

Она кивнула. Народ вроде нервничал, но серьезной паники, когда у людей откровенно сносит крышу, пока не наблюдалось, но уровень нервозности явно рос с каждым часом.

— Соль, сахар, спички? — уточнила она, и вроде даже стала приходить в себя.

Влад уверенно кивнул.

— И крупа, и зубная паста. И вообще всё, что стоит на полках. Давай, беги!

Аля побежала в направлении ближайшего супермаркета, а Влад остался ждать своего друга с обещанным ружьём. Почему зубная паста? С какого перепугу она всплыла в его мозгу? Ведь есть гораздо более насущные товары первой необходимости, которые могут пригодиться в будущем. Да хоть те же свечки! Вдруг электричество отключится. Он машинально посмотрел на окна соседнего дома — свет в конах горел. Не понятно как, но горел. Неужели питающие город электростанции уцелели? Этот факт давал некоторую надежду, так как получалось, что противоракетная оборона худо-бедно, но сработала и не все ракеты достигли своих целей.

Тем временем, он наблюдал, как народ, у кого были автомобили, продолжал набивать их поклажей и разъезжаться. Куда они едут-то? Еще толком ничего не понятно, не известно, но при этом все бегут и бегут. Нет ничего хуже паники, а ситуация грозила свалиться именно в это состояние массового психоза.

Где-то за домами в очередной раз прозвучали сирены пожарных машин, а затем послышались и "скорые". Из-за домов, с той стороны там, где находился вокзал, поднимался столб черного дыма.

Ждать пришлось не долго, уже через пять минут у подъезда остановился синий

"Кашкай" Дмитрия.

— Вы с ж/д вокзала? — спросил Дима, вылезая из автомобиля и протягивая руку для рукопожатия. При этом как-то настороженно посмотрел на Влада.

Влад осмотрел себя, он действительно был весь в пыли и грязи, как после разгрузки «камаза» с мешками цемента. Даже в волосах было полно кирпичной крошки, которую он заметил только сейчас, а правая щека была в чем-то липком. Проведя пальцами по кровавому следу, он нащупал рану, рану — кожа была рассечена, скорее всего камнем, или он приложился, когда упал на тротуар, сбитый взрывной волной. Он поморщился от боли, которую до этого просто не замечал. Да, вид у него был так себе. Вот отчего народ так пялился, когда они почти бегом шли дворами домой.

— Да, оттуда, добежали только-только, — кивнул он. — Разворотили платформы, здание вокзала, пути и народу положили немерено, поезд как раз пришел и люди выгружались! Слушай, кто на нас напал, известно? Сеть не работает, я ничего не знаю. Хрен пойми, что происходит!

— Известно кто — американцы с подручными, чтоб их! — Дима обошел машину и открыл багажник.

— Вот то, что ты просил, — Дмитрий достал из багажника чехол. — Патронов могу дать только одну коробку, сам понимаешь. Тут разные, но одного калибра.

— Без проблем, спасибо. — Влад поймал себя на мысли, что слегка заикается и тянет слова. — Хоть что-то. А патроны я поскребу по сусекам, где-то еще оставались от прошлой жизни.

Дмитрий потер нос.

— Теперь у всех жизнь — прошлая.

— И то верно. Знал бы, что так всё пойдет, хрен бы продал ружьё, лежало бы и лежало, есть ведь не просит.

Дима помог затащить оставшиеся сумки до квартиры на шестом этаже. Лифт не работал, и не по причине внезапно начавшейся войны, а просто потому что его делали какие-то хэнд-эсс мастера. Ломался о часто и регулярно.

— Известно вообще, что происходит? — спросил Влад, поставив сумки в прихожей. — Откуда прилетели F-35?

— Да толком ничего не известно Сеть упала, то ли по причине бомбардировки, то ли по причине спланированного отключения извне. Знакомые из органов говорят, что пытаются восстановить, хотя бы частично, но не факт, что получится. Сам видишь, даже сотовая связь работает с перебоями. — Что касается F-35, то по слухам идет жуткий замес на псковском направлении, и эти, что прилетели, прорвались оттуда, летели к химкомбинату, вокзал по пути попался.

— И? Я не слышал, чтобы химкомбинат подорвали. Сейчас был бы тот еще шухер на весь город.

— Так его и не подорвали, не успели, или уже основные боеприпасы израсходовали, выпустили очередь, а потом их сбили. Одного пилота взяли живым. Но это за что купил, за тот продал, как говорится.

Влад кивнул:

— Ну, это понятно.

— Значит всё уже очень близко... — задумчиво произнес Влад.

— Да хрен его знает, Калининград, судя по всему, не взят и отстреливается по всем

направлениям.

— А Москва? Правительство?

— Москва вроде отбилась противоракетами, но говорят, что по Новой Москве всё-таки прилетело. От пятисот тысяч до миллиона жертв, но это пока всё из разряда непроверенной информации. Сам понимаешь, неразбериха, да цензура походу заработала вовсю. Интернет рухнул, и достоверной информации почти нет. Мне и то рассказали со скрипом только как бывшему коллеге.

— А те... взрывы? — Влад кивнул в сторону, где, как он себе представлял произошли взрывы, которые он видел еще в поезде.

Дмитрий неуверенно пожал плечами. Казалось, он не хотел произносить вслух что-то, так как если он это скажет, то это окажется правдой и тогда исчезнет последняя надежда. На его лице мимолетно отразилось горе, которое он пытался от себя отогнать. Он как будто завис.

— Питер, — осипшим голосом выдал он, но тут же добавил, — но это не точно.

В Санкт-Петербурге после развода жила его жена с двумя детьми школьного возраста. Влад не стал развивать эту тему, она и так была скользкой, а при нынешних обстоятельствах так еще и жутко нервной.

Он расстегнул чехол с ружьем, заглянул внутрь, потом достал и быстро его собрал. Всё встало на место как должно. Так же быстро его разобрал, и сложил обратно.

Потом они быстро, почти бегом, спустились вниз.

— А где, кстати, Аля? — поинтересовался Дима. — Она разве не с тобой?

Влад покачал головой.

— Отправлена в магазин, чтобы максимально закупиться, — он кивнул в сторону магазина, располагавшегося в пределах прямой видимости через дорогу, — сейчас сам к ней побегу, а то чувствую его скоро опустошат под чистую, да и деньги, как я уже говорил скоро потеряют всякий смысл.

Наступили сумерки и в небе стали появляться первые неяркие звезды. выходя из подъезда, Влад посмотрел в небо и увидел как в сторону востока несется маленькая яркая точка, оставляя за собой еле заметный хвост. Дима перехватил его взгляд, и только нечленораздельно выругался.

— Ракета? — спросил Влад.

— Скорее всего, — угрюмо подтвердил Дима. — Пробили оборону, сволочи.

Дима утвердительно кивнул. Влад закинул чехол с ружьем за спину, в квартире он его решил не оставлять, за спину и протянул руку:

— Ну, давай, спасибо тебе за агрегат. По возможности сочтемся.

Дима пожал протянутую руку и похлопал Влада по плечу:

— Не переживай, всё норм. Ну, мне пора, думаю, может тоже еще заскочить в какой магазин, где по-свободнее. Правда, не уверен, что такие сейчас есть. И это, если что, то к ружью я не имею никакого отношения, окей?

— Естественно, я его в лесу нашел, — на полном серьезе ответил Влад. — У тебя же свой магазин есть!

— Ага, с бытовой химией, — кисло улыбнулся Дима, — только ей сильно сыт не будешь, разве что на обмен пойдет. Ну да, у меня там сейчас тоже аврал случился. Думаю, что на полках, так уж и быть продам, а склад оставлю за собой, пригодится. Если власть не реквизирует.

— Окей, давай!

— И тебе удачи! Поспеши к Але, а оо кто его знает! — Дима захлопнул дверь потрепанного загородными поездками "Кашка". Машина завелась и укатила прочь.

Влад секунду подумал, что надо было всё-таки оставить ружье дома, но потом решил побежать в магазин, где должна была закупаться Аля, прямо так. Он робко надеялся, что народ еще не окончательно слетел с катушек, и там не твориться дикий ад, но решил не рисковать и ускорился.

Наличными пользовались не многие, банкоматы уже не работали (когда Влад и Аля шли по улицам, они не видели ни одной очереди у банкоматов), и учитывая, что возможность расплатиться по карте, скорее всего, отсутствует, народ мог начать откровенно грабить торговые точки. Уверенность в том, что Visa или MasterCard позволят проводить транзакции по понятным причинам напрочь отсутствовала. Слабая надежда теплилась в отношении карт "Мир", но если процессинговые центры (где они располагаются Влад понятия не имел) уничтожены или повреждены, в купе с рухнувшим интернетом... оставалось надеяться на лучшее, если такое вообще возможной в этой ситуации.

Такой вот 2020-й, такой вот високосный год, подумал он...

Глава 3. Супермаркет

Закинув чехол с ружьем за плечо, Влад быстрым шагом направился в ближайший супермаркет, который находился буквально через дорогу от дома, где они жили, и где сейчас должна была закупаться Аля.

Светофор уныло мигал жёлтым. С одной стороны, хорошо, так как электричество в сетях явно было, по крайней мере пока. С другой, какого хрена он мигает жёлтым в это время суток? Хорошо, хоть автомобилей на дорогах стало гораздо меньше — кто хотел, тот уже свалил из города, однако и те, что остались, притормаживать перед пешеходным переходом не спешили. Дождавшись, когда до приближающегося автомобиля на проезжей части было достаточно далеко, Влад быстро перебежал дорогу.

Вот и вход. Из раздвигавшихся в стороны дверей выбегал народ с тележками, набитыми доверху всякой всячиной. Кто-то подкатывал их к своим авто и выгружал содержимое сразу в багажник, а кто-то так и убегал вместе с грохочущими тележками вдаль.

Его худшие ожидания по поводу возможности расплатиться оправдались. У касс столпились десятки человек, требуя, чтобы им отпустили товар, но платежные системы уже не работали. Нет интернета — нет доступа к счетам граждан. Кредитки превратились в кусок обычного пластика.

Менеджер магазина только и делал, что угрожающе кричал, что вызовет полицию (в том, что она придет, у Влада были большие сомнения, сейчас таких проблем по всему городу в каждом магазине — везде не успеешь), если народ не вернет товар, за который не может расплатиться.

А расплатиться, понятно, можно было только наличными, так как упавший интернет не позволял проводить транзакции, даже карты "Мир" не проходили. Народ напирал и требовал принять к оплате карты, не желая расходиться и сдавать наваленный в тележки товар, оно и понятно, другого случая так закупиться может просто не представиться. Ситуация накалялась с каждой минутой и готова была вот-вот взорваться массовым грабежом. Охранники стояли на выходе и выглядели явно охреневшими, и судя по их виду, готовы были сорваться с места в любую секунду и свалить по домам. Тем более, они рисковали стать основной целью для гнева толпы. Ну а чем бы они смогли сдержать толпу? Строгим взглядом и крепким словом? Да их сомнут в момент! Тут бы целым остаться.

Столько лет говорили, что надо создать автономный Рунет, ту же систему "Мир" делали, средства на автономный интернет выделяли, а всё равно всё обвалилось! Твою ж мать! Никакой информации!

Понятно, что никто ни о каких медицинских масках даже и не думал, социальная дистанция тоже осталась где-то в прошлом. Народ галдел, шумел, толпился и требовал незамедлительного обслуживания. Сколько из них свалится с пневмонией дней через десять? Может и они с Алей заболеют, но конкретно сейчас было не до соблюдения санитарных норм.

— Только наличные! — кричала продавщица.

— Только наличные! Карты не принимаются! — было слышно со стороны другой кассы.

Кто-то, расплатившись, требовал сдачу, которой по понятным причинам просто-напросто не было. Вот уж придурки, подумал Влад, похрен на сдачу — хватай то, что тебе уже отпустили, и беги, а то чего доброго у тебя сейчас отнимут всё, что ты накупал, и

спасибо не скажут.

Видно было, что люди стараются придерживаться понятий о правопорядке из последних сил.

Влад быстро прошел в торговый зал, но Али нигде не видел. Один опустевший ряд, другой, третий. Почти весь товар был сметен с прилавков, ни продовольственных, ни сколь-нибудь значимых хозяйственных товаров было уже не видно, полки пугали своей внезапной пустотой, такого он не видел даже в 2014 году, и даже в 1998-м, когда был еще студентом-первокурсником. А! Вот она! Какая-то тетка кричит на нее, вырывая из рук пакет с гречкой.

— Тебе и так много! Отпусти, дура! — тётка была явно не в адеквате и напрашивалась на скандал.

Влад вырос за спиной у Али, подобно внезапно возникшей скале.

— Что случилось, дорогая? — нарочито любезно спросил он свою супругу, обняв её за плечи.

Аля слегка вздрогнула от прозвучавшего за спиной голоса мужа.

— Женщина вытаскивает у меня из тележки то, что я туда уже положила, но так же нельзя! Товар уже не на полке!

— Но и не оплачен! — не сдавалась взбалмошная тетка, но видно было, что с появлением Влада ее уверенность в своих силах пошатнулась. Вид внезапно возникшего из неоткуда почти двухметрового небритого со следами крови на лице мужика, да еще, по всей видимости, с оружием явно пошатнул её уверенность в себе.

Влад демонстративно поправил висевший на плече чехол с ружьем. Сделал шаг к скандальной женщине. Её зрачки даже расширились когда он буквально навис над ней. Он протянул руку и, насколько это было возможно, твердо сжал упаковку с гречневой крупой и вырвал ее из рук скандалистки. Тетка дёрнулась, как от удара током и побежала, то и дело оглядываясь, прочь.

Разбираться, кто прав, а кто виноват, Влад не хотел и в данной ситуации считал это неэффективной татой времени. Его жена была права и точка!

Владу пришлось включить режим циничной сволочи, который, на самом деле, он терпеть не мог. Не любил он себя ломать через колено и давить окружающих как танк, он просто хотел, чтобы его никто не трогал и не мешал жить спокойно. Правда, был еще момент: он боялся, что ему понравится быть таким.

Он сгреб Алю в охапку, схватил тележку и двинулся к кассе, примерно оценив стоимость набранного его женой товара. Имеющихся наличных денег должно хватить. Толпа стала нервно коситься не человека с оружейным чехлом, послышались возмущенные возгласы, мол, очередь одна для всех.

— Есть наличные, — бросил в ответ Влад, — нет? Тогда заткнись!

Они с Алей пробивались к кассе.

— Наличные! У меня наличные! — закричал Влад, бесцеремонно расталкивая толпу у кассы.

— Куда прёшь без очереди?! — возмутился какой-то небритый красномордый мужик в бейсболке, от которого к тому же порядком несло перегаром. — Самый умный, бл..?!

Влад навис над потным мужиком, поднял правую руку и ткнул средним пальцем ему прямо в лоб между глаз, вложив в жест всё презрение и власть, какие только мог изобразить.

— Съе. ись! — максимально жестко произнес он, оттолкнув мужика в сторону, тот зашатался от толчка в лоб, но устоял на ногах. Про себя Влад поблагодарил высшие силы,

которые помогли его противнику устоять на ногах. Упал он, и это могло стать триггером для всей уже порядком разогретой толпы.

Кассирша, облаченная в медицинскую маску и с перчатками на руках., косясь на толпу и чехол с ружьем, начала сканировать товар. Сканер послушно пикал, на экране появлялись соответствующие надписи с указанием цены. Что продавцов заставляло оставаться на месте и продолжать работу, Влад откровенно не понимал. Наверное, это своеобразное шоковое состояние. Ну да главное, чтобы отпустила товар и можно было бы быстро-быстро свалить отсюда, потому как помещение напоминало осиное гнездо, готовое вот-вот лопнуть и выпустить наружу своё содержимое.

— Пакет надо? — задала стандартный вопрос всклокоченная кассирша, поправляя сползшую маску. Ну, хоть от нас не требует надеть маски, подумал Влад.

Влад коротко кивнул, окинув содержимое тележки взглядом

— Шесть. Больших.

"Пик, пик, пик" — давай быстрее, думал Влад, глядя, как кассирша подносила товар сканеру, считывающему штрих-код, — быстрее, чтоб тебя! Аля быстрыми движениями закидывала всё в пакеты, стараясь, чтобы на дно попали продукты в плотных упаковках.

— С вас шесть тысяч семьсот восемьдесят два рубля тридцать копеек, подытожила кассирша.

— Вот, — Влад бросил на кассу пятитысячную и двухтысячную купюры, — сдачи не надо!

И стал подталкивать замешкавшуюся Алю к выходу. За ними проталкивались такие же счастливые обладатели наличных денег.

— Давай, давай, давай, — почти шепотом повторял он, а сам надеялся побыстрее убежать как можно дальше от супермаркета, ибо толпа — вещь страшная и сметает всё на своем пути. Никакие законы и правила для нее не писаны.

Когда они перебежали дорогу по направлению к дому, позади, из супермаркета, раздался характерный шум разбитого стекла и человеческие крики. Спустя мгновение обернувшиеся Влад и Аля увидели, как из раздвижных дверей повалил народ с тележками полными, по всей видимости, неоплаченного товара. Всё-таки толпа не выдержала. Где-то вдалеке послышались звуки полицейской серены, но сюда она ехала, или куда-то в другое место, было не понять, да и смысла в их приезде было бы не много. Что, они будут искать всех, кто вынес товар, не расплатившись? Убедятся, что жертв нет, и предложат владельцам написать заявление, а когда его будут рассматривать и подавно не известно. Они наверняка уже на каком-нибудь особом положении несения службы.

Вот и родной подъезд, никогда еще Влад не был так рад его видеть, но переводить дыхание он не стал. Взяв все пакеты в одну руку, он достал "таблетку" от подъезда и приложил ее к замку. Послышалась знакомая мелодия и электромагнитный замок разблокировался, позволив им войти внутрь.

Лифт или лестница? Чтоб тебя! Знали бы, не стали покупать квартиру на девятом этаже, но тогда она была гораздо дешевле, чем другие предложения, к тому же бывший хозяин хотел ее продать срочно, что тоже позволяло значительно сэкономить. А теперь ты должен решать подниматься наверх с полными пакетам продуктов, или смириться с риском застрять в лифте, если внезапно отключится электричество.

Всё-таки рискнем — они зашли в открывшиеся двери пассажирского лифта. Впрочем, другого здесь и не было. Время, которое ушло на то, чтобы кабина лифта поднялась на

девятый этаж, тянулось невообразимо долго. В какой-то момент лифт нехарактерно дернулся, а свет в кабине моргнул, у Влада всё похолодело внутри, а на лбу проступила испарина. Но, дернувшись, лифт продолжил свой путь, и в конце концов уставший женский голос безэмоционально и без какой-либо внятной интонации из динамика объявил: "Девятый этаж!" Влад представил, как всё задолбало ту самую женщину, которая голос которой использовали для записи оповещений.

Большой безысходностью мог похвастаться разве что голос из автомобильного навигатора, который ему как-то довелось услышать. Большой безнадёги и безысходности в женском голосе, которым объявлялось о необходимости очередного поворота, представить было сложно. Казалось женщина умоляла сжалиться над ней и повернуть на ближайшем перекрестке, а когда автомобиль проехал перекресток не сворачивая, она, казалось, с ещё большей скорбью объявляла о построении нового маршрута. Впрочем, тогда это казалось больше смешным и забавным, чем грустным и скучным.

Всё! теперь только пешком, и хрен-то с ним, что этаж девятый! Они вывалились из лифта и подошли к своей двери. За соседней послышались шаги, звук открывающегося замка, и в образовавшуюся щель просунулась аккуратно уложенная седая голова соседки. А снизу мохнатую морду высунула коротколапая собачонка неопределенной породы, уставившись на соседей любопытными карими глазами.

— Влад, Аля, это вы?

— Мы, Галина Петровна, — Влад поставил пакеты на бетонный пол. — Привет Малыш!

Последние слова он адресовал собаке, который тут же довольно высунул язык. Почему-то старики особо не заморачиваются с кличками для собак, Малыш, Шарик, Бобик... "Малыш", вроде, была самым распространенной кличкой для такого типа двортерьеров.

Галина Петровна была учителем на пенсии, на которую вышла еще за несколько лет до того, как Аля и Влад переехали в эту квартиру, хотя, если судить по ее возрасту она уже и на пенсии успела успела отработать учителем лет десять, не меньше. Жила одна, муж умер тоже ещё до новоселья Влада и Али, иногда к ней приезжала дочка и зять.

— Что там на улице происходит-то?

Влад отдал ключи от квартиры Але, и та стала открывать замки.

— Так ничего хорошего, Галина Петровна, война, чтоб ее! Вот живешь себе живешь, и думать не думаешь, что такое может случиться, а оно вон как!

Соседка сокрушенно вздохнула, а пёс осмелился всё-таки выйти из квартиры и, подойдя к Владу, встал на задние лапы, передними облокотившись на джинсы. Влад потрепал его по голове.

— И что, прямо, ядерная? Люди всякое судачат, а телевидение ничего кроме оповещения гражданского населения не показывает. Интернет не работает.

— Да похоже на то, — подтвердил ее слова Влад. — У вас вообще есть чем питаться, Галина Петровна? А то в магазин сейчас, судя по всему не скоро получится сходить.

Соседка опять вздохнула.

— Да что-то есть, заготовки те же, кое-какие, правда большая часть на даче в погребе осталась, а как доехать-то и не знаю, дочка с зятем ведь в другом городе живут, а племянник Коля трубку не берёт, всё время занято.

Влад знал, что дочка Галины Петровны с зятем живут в Питере, поэтому тактично

промолчал. В конце концов, Дима тоже мог ошибиться, информации мало, и не всему, что слышишь можно доверять.

Влад вытащил из пакета две банки тушенки и наугад два пакета с крупой, не о с перловкой, не то риса, протянул их соседке.

— Что вы, что вы! — взмахнула она руками. — Не надо!

— Берите-берите, нам хватит, — Влад буквально впихнул продукты соседке в руки. Она благодарно их приняла.

Всё это время в ногах прыгал веселый пёсель. Мда, ему-то и невдомёк, что происходит в мире.

— Ну ладно, мы пойдём, Галина Петровна, нам бы навести порядок в вещах надо, а то мы буквально недавно приехали.

Соседка горячо закивала. Позвав игривого Малыша домой, она закрыла дверь. Влад с Алей тоже поспешили внутрь, всё-таки под защитой железной двери как-то спокойнее. Да и разобрать вещи действительно не помешало бы. И не только это.

— Аля, — сказал Влад, когда они зашли в квартиру, и они свалили пакеты на пол, — надо набрать воды во все емкости, какие только есть, в том числе в ванну. Если хочешь принять душ, то давай, но по-быстрому. Поняла?

— Ага! Там есть вёдра в кладовке, которые мы для дачи покупали, я сначала наберу в них. Может, ты пока на кухне что-то сможешь наполнить? — отозвалась она.

Влад, сидевший на пуфике в прихожей, устало посмотрел на Алю и согласно моргнул. На лоджии, вроде, были пустые банки из-под заготовок, надо в них тоже воды налить. Хрен знает, что там будет дальше. Сейчас надо определиться с планами на ближайшие дни, а потом... потом, пожалуй, реально надо будет подумать о том, чтобы покинуть город. Город реально может стать ловушкой, если ситуация будет развиваться в негативном ключе. В памяти всплыли ядерные грибы — куда уж хуже может быть, да? Его внутренне "я" иронично улыбнулось.

Как же хочется спать! Спать! Глаза буквально закрывались, а организм требовал срочного принятия горизонтального положения, да хоть бы прямо здесь на полу.

— Влад! — голос Али вырвал его из забытья. — С тобой всё в порядке?

Походу он реально чуть не свалился. Что это, шок? Так, надо взять себя в руки! Он махнул рукой, мол, всё в порядке.

Первым делом они решили провести ревизию продовольственных запасов и рассортировать продукты по степени срока их хранения. Крупа, макароны и сахар с солью на одну полку, консервы мясные, рыбные и прочие — на другую. Отдельно было решено пересмотреть все те домашние заготовки, которые они стабильно привозили с дачи, но которые так и не успевали вовремя съесть, и банки со всякими соленьями и вареньями скапливались в шкафу на лоджии и даже в кладовке. Раньше их избыток выглядел как недостаток (занимали место), сейчас же, скорее, как приятный бонус, если начнутся перебои с поставками продуктов, а они, был уверен Влад, обязательно начнутся.

Не известно в каком состоянии дороги, не понятно сохранились ли логистические центры и склады, а они наверняка были повреждены, если не в ходе ядерной атаки, то в результате обычных налетов и обстрелов. К тому же, появился фактор радиоактивного заражения, что тоже накладывало свои ограничения, так как часть продуктов питания могла стать полностью непригодной к употреблению. Надо бы раздобыть счетчик Гейгера, возникла у Влада мысль. Или как он там называется? Когда он учился в школе радиацию,

вроде как еще считали в рентгенах, а сейчас в чём? В голове вертелось слово "зиверты", но он не был уверен, что правильно его помнит.

Картошка... Картошки увы было не много... Её он также привозили с дачи родителей Али, но делали это по мере необходимости, поэтому мешками она никогда не стояла, хранить ее особо в квартире было негде. Влад прикинул в руке массу пакетов с клубнями — килограммов пятнадцать самое большее. Лучше, чем ничего, но и не так чтобы можно было жить на одной картошке много дней. Надо будет экономить, заключил Влад, и решил по возможности прикупить ещё, если где увидит.

Вообще надо будет ввести строгий режим экономии продуктов питания, пока не будет понятно, как будет снабжаться город и будет ли он вообще снабжаться. Если поставок продовольствия не будет, долго город не протянет. И тогда никакая полиция или военные не смогут удержать людей от массовых беспорядков. Надо будет вообще решать вопрос: оставаться в городе или уходить из него. Не самый лучший вариант в преддверии наступающей зимы. Но вариантов вообще может и не остаться. К тому же его могут тупо призвать в армию и тогда уже точно без вариантов.

Этим же вечером было решено собрать "тревожный" чемоданчик, а вернее рюкзак, каждому по одному, на случай, если придется срочно выдвигаться или эвакуироваться. В общем, чтобы не метаться по квартире, пытаясь в суматохе собрать вещи, а можно было бы сразу схватить рюкзак и отправляться в путь.

Из кладовки были достаны два рюкзака на лямках с дополнительными карабинами и ремнями на груди для удобства, один поношенный, а другой совсем-совсем новый, даже запах еще не выветрился. Пришлось объяснять Але и каяться в потраченных без её ведома деньгах — Влад давно хотел такой рюкзак и совсем недавно заказал его в интернет-магазине тайком. Так же тайно сходил на пункт выдачи и запрятал в кладовку до лучших времен. Только вот времена настали не лучшие, а совсем даже наоборот.

Вместо рюкзака Аля хотела загрузить вещами чемодан на колесиках, но Владу эта идея не понравилась сразу же, он вспомнил как таскал этот чемодан по аэропортам и вокзалам, когда постоянно приходилось его нести в руке, а не катить на колесах — то плитка, то лестницы, то переходы без эскалаторов. Тем более, если эти самые колесики отвалятся, а такое уже бывало, то тащить чемодан придется в руке, а это вообще ни разу не удобно, учитывая, что он сам по себе весит килограмма три, не меньше.

Так что волевым усилием было решено использовать рюкзаки, в которые отправился необходимый минимум. В первую очередь, в рюкзак в зип-пакете отправились документы: свидетельство о рождении, дипломы, документы на собственность. Паспорт, СНИЛС и т. п. бумажки Влад и так всегда носил с собой, собственно часть из этих документов всегда лежала вложенной в обложку паспорта.

Потом — минимальный набор медикаментов, и средств первой помощи, то были найдены в домашней аптечке: обезболивающие средства типа анальгина обеззараживающие типа йода и "зелёнки", перекись водорода, бинты (обычный и эластичный), завалившийся в ящике бутылек с драже

Список вещей для тревожных рюкзаков должен был быть минимальным, и туда должно было войти только самое необходимое. В рюкзаки отправились галеты, только что купленные в магазине и по полтора литра бутилированной воды. Шоколад, тушенка, несколько "бомж-пакетов".

Потом очередь дошла до комплекта одежды: бельё, носки, перчатки, запасные джинсы,

джермпер и т. п. Рюкзаки получились набухшими, как рыба-шар, готовая лопнуть, но в меру тяжелыми, самое то, для заплечной носки. Влад взял в каждую руку по рюкзаку, примерился. Ладно, если что, можно тащить и так.

В последний момент вспомнили про миски и столовые приборы. Одну — алюминиевую — взял Влад, другую — эмалированную, найденную в кухонном шкафу, упаковала в свой рюкзак Аля. По ножу, по вилке, по ложке.

Со спичками была проблема — только один коробок, за то в дальнем конце ящика обнаружилась пара старых зажигалок "Крикет", валявшихся там с тех пор, когда Влад еще был не прочь покурить. Одна зажигалка была заправлена только наполовину. Влад решил взять обе — не велика ноша, а пригодиться, если что, могут.

Там же в ящике нашлась недокуренная пачка сигарет. Влад втянул носом запретный аромат табака. Нет, возобновлять курить точно не стоит, но взять возьму, исключительно на всякий случай.

Около полуночи электричество пропало. Появилось только утро. Вода в водопроводе еще была но напор заметно упал. То ли проблемы в водопроводе, то ли на водозаборной станции, то ли нехватка энергии, то ли это проблема девятого этажа, хотя раньше такого они такого не замечали. В любом случае, чем больше наберут воды, тем лучше.

Из-за отключившегося холодильника пришлось заняться готовкой того, что было в морозилке: пачкапельменей "Цезарь", другие Влад не признавал, и замороженный кусок филе индейки, купленный как-то по случаю, но вовремя не съеденный и поэтому отправившийся в заморозку — вот и его участь пришла. Пельмени сварить — съесть завтра, можно будет разогреть на сковородке. Мясо — пожарить.

Ближе к часу ночи усталость и пережитое за день, видимо, взяли своё и они, кое-как отмывшись (до того, как пропал свет) свалились в кровать и проспали так до самого утра. Аля буквально тут же отключилась, как только они обработали раны и царапины у друг друга, наложили повязки, и легли в кровать.

И пусть сейчас их прилетят бомбить, сил уже не было даже для того, чтобы здраво оценить самую опасность налёта вражеской авиации. В конце концов, а что еще они могли сделать в первый день Апокалипсиса?

Хорошо, что у них формально ещё пять дней отпуска и завтра не надо идти на работу. А, кстати, что там с работой? Надо будет навестить всё-таки в офис и даже, скорее всего, завтра, ждать незачем. Вдруг, что важное выяснится.

Аля тихо посапывала, отвернувшись к стене, а Влад впал в какое-то пограничное состояние, то самое, когда не понимаешь, спишь ты или нет. Всю ночь его преследовали разные сновидения, которые будто... они были словно зациклены и повторялись из раза в раз, а Влад в них увязал будто в трясине, не имея сил из нее вырваться. Потом было утро.

...

День был необычайно погожим, солнце ласково грело окружающий мир, небо чистое, с разбросанными обрывками сладкой ваты по голубой синеве.

Они зашли в офис банка, куда они вместе с Алей зашли, чтобы рассмотреть вопрос о кредите на новую большую по размерам квартиру, и только они подсели к менеджеру для консультации, как в банк ворвались грабители. Один из них выпустил очередь из автомата в потолок, по всей видимости, чтобы запугать клиентов и служащих банка и отбить у них всякое желание сопротивляться. Далее всё происходило как при замедленной съемке. Охранник, видимо решив сыграть в героя, попытался выстрелить в нападавших, и выхватил

табельный пистолет. Один из грабителей дернулся и из его руки на пол выпала граната без чеки. Казалось, она катилась по полу вечность. Взрыв. Автоматная очередь. Сверху сыпятся части навесного потолка. Оглушенный Влад разгребает завал. Под грудой мусора из пластика, бумаг и алюминиевых обломков потолочных направляющих лежит Аля, под ее спиной расплзается маслянистое красное пятно. Влад даже не сразу заметил входные пулевые отверстия, которые были присыпаны пылью. Сейчас же они быстро напитывались кровью. Она не дышала. Она не шевелилась. Не подавала никаких признаков жизни. Он приподнял ее голову. Глаза полуприкрыты, из уголка губ стекает струйка крови.

Влад резко открыл глаза. Сон. Это был сон. Сон? Да, сон. Он вытер мокрый от холодного пота лоб. Ну да, война. Вчера попал под бомбёжку. Вместе с Алей попали. Он обернулся на кровати — Аля лежала рядом и всё так же крепко спала. А сейчас наступил новый день. Новый день нового мира. И они пока живы.

Глава 4. Беженцы

Влад никогда бы не подумал, что Апокалипсис может быть настолько скучным. В последующие несколько дней воздушная тревога разрывала городской воздух всего пару раз: один раз ночью, пришлось просыпаться, хватать вещи и спускаться в подвал дома. Другой раз днём, пока он ходил за хлебом, но, в итоге, ни ночью, ни днём вражеской авиации и ракет в небе не наблюдалось. Данных о новых ядерных ударах тоже не было. Что-то светящееся пролетало высоко-высоко в ночном небе, но что это и куда летело было решительно не понять. Может, это знаменитая ракета "Авангард", или "Циркон" нарезает круги по небосклону, чтобы в итоге полететь в сторону Штатов, а может это просто спутник связи, о котором все забыли и он постепенно теряя орбиту, готовится сгореть в плотных слоях атмосферы.

А кстати, как там космонавты на МКС?! Влад, как человек, считающим себя эрудированным и в меру увлекающимся космосом (ну, нравилось ему это), помнил, что на орбите в момент удара должен был находиться международный экипаж, состоящий как раз из американцев и россиян. К тому же буквально перед атакой туда должен был отправиться такой же смешанный экипаж с Байконура.

Итого четверо русских и два американца, в том числе одна баба. Интересно, как изменились их взаимоотношения, когда они наблюдали полеты баллистических ракет с последующими взрывами? Какого это — видеть гибель своих родных и находиться, по сути, с их убийцами в таком замкнутом пространстве, как космическая станция.

Кто-то скажет, что американские астронавты не несут непосредственной ответственности за начало войны и последовавшие смерти, но кто-то может решить совсем иначе, и захочет отомстить здесь и сейчас. Хватит ли нашим космонавтам психологической устойчивости, чтобы не сорваться? Влад примерил ситуацию на себя и решил, что нахрен бы выкинул бы американцев за борт без скафандра. Или наоборот лучше отправить их в последний полет в скафандрах? Ну чтобы они сполна ощутили всю безысходность ситуации. И всё-таки он не был на сто процентов уверен, как бы поступил в такой ситуации.

(Справка: корабль Crew Dragon компании SpaceX, по понятным причинам стартовать не смог, так как Хьюстон и, в частности, мыс Канаверал были одними из целей, пораженных в ходе ответного удара Российской Федерации. Астронавты погибли, когда проходили предполетную подготовку. Но об этом стало известно гораздо позже.)

Он догадывался, что в местах, над которыми произошли взрывы, всё было иначе, что там был настоящий ад. Достаточно вспомнить фото разрушенной Хиросимы или Нагасаки, а там мощность взрыва измерялась всего лишь в каких-то килотоннах. Сейчас же речь о мегатоннах, что на порядки больше.

Некоторое время там, в стороне, где Влад видел ядерные грибы, по ночам можно было наблюдать зарево. Вряд ли это горели города, скорее уж лес вокруг них. Потом свечение исчезло. Но появилось северное сияние, которого ему еще никогда не приходилось наблюдать в этих широтах, да и вообще в жизни. Чёрт его знает, что происходит. Пыль? Радиоактивные частицы, поднятые в высокие слои атмосферы?

Влад вспомнил, как все ждали второй волны коронавируса, а сейчас все ждут второй волны атаки с использованием ядерных боеголовок. Чтобы уж сжечь, всё, что не успели во время первой волны. Или всё-таки выпустили, все ракеты, которые только смогли? Лучше уж

так. Само ожидание очередного подобного нападения уже могло вывести из равновесия кого угодно. Даром, что центральная городская больница была заполнена людьми с сердечными приступами и инсультами, а мест в городском морге внезапно стало не хватать.

Когда они ночью, схватив "тревожные рюкзаки" спускались бегом в подвал (лифтом они зареклись пользоваться), Аля задалась вопросом, что делать, если их завалит при взрыве дома? Девять этажей бетонных плит — даже если подвал уцелеет, то шансов выбраться наружу будет не так уж и много, рассчитывать придется только на внешнюю помощь. Влад обратил внимание, как на нее стали коситься соседи, из тех, что не уехали, и которые тоже по тревоге спрятались в том же подвале. У кого-то случилась истерика на почве клаустрофобии, и человека пришлось откровенно откачивать. Правда перед тем ему вlepили по морде, чтобы успокоился, но то такое, необходимость.

Электричество подавали по графику. Обычно утром и вечером на пару часов, так что в холодильнике, по большому счету, отпала необходимость. Правда можно было еще стирать, но порошок и мыло, ставшие в одночасье дефицитом приходилось экономить.

В какой-то день вражеским Ф-16 с тевтонскими крестами на фюзеляже удалось отбомбиться по городским мостам и даже по химкомбинату. Мостам особого ущерба не причинили, и одна половина города продолжала сообщаться с другой в целом и общем в обычном режиме. А вот из-за попаданий бомб по территории химкомбината, пришлось напрячься всему городу, так как в какой-то момент от завода поползло облако хлора и народ уже прятался не в подвалах (по крайней мере те, кто учил химию, тем, кто не учил, доходчиво разъяснили громкоговорители), а старался подняться как можно выше. Девятый этаж, на котором располагалась трёшка Влада и Али, оказался как нельзя кстати. Правда, в последний момент ветер изменил направление и облако ушло в сторону, попутно отравив всех свиней на подвернувшейся ферме.

На самом химкомбинате без жертв, к сожалению, не обошлось. Порядка двух десятков рабочих пришлось похоронить, собрав предварительно по частям, а еще двух так и не нашли.

Впрочем, люди в жуткого вида спецкостюмах появились почти сразу, они передвигались по городу в спецтранспорте и делали замеры воздуха, по всей видимости, на предмет радиационного заражения, хотя инцидент на химкомбинате, скорее всего, тоже не остался без их внимания. Один вид людей с автоматами, в пучеглазых противогазах, как из фильма ужасов, нагонял неподдельного страха. При этом причиной страха были не столько сами военные, сколько ощущение того, что воздух может оказаться отравленным и ты толком ничего не можешь с этим поделать. Будешь помирать в корчах на каждом выдохе, будучи не в силах сделать вдох, или начнешь покрываться волдырями да терять клочьями волосы при каждом почесывании головы. Да, неизвестность пугает больше всего.

На следующий день по городу провезли останки сбитого Ф-16, на борту которого можно было различить эмблему военно-воздушных сил Германии — крест, напоминающий тот, что использовался еще в во Вторую мировую. Очевидно, что целью такой демонстрации было поднятие духа у населения, особенно учитывая, что самолеты с такими же опознавательными знаками совсем недавно совершили налет на химкомбинат, и весь город замер в ожидании последствий этого нападения.

И ведь знают куда бомбить, подумал Влад. Специально хотят взорвать завод, чтобы вызвать катастрофу и как можно больше человеческих жертв. Впрочем, о том, что вражеская авиация знала, куда сбрасывать бомбы не было ничего удивительного — химкомбинат был часть огромного холдинга, который до войны поставлял продукцию во множество стран

мира, и его расположение не было секретом. Адреса заводов можно было с легкостью найти в интернете.

Паника, случившаяся в первый день и связанная с массовым отъездом из города несколько поутихла и люди стали выходить на улицу, хотя и шарахались от всякого внезапного звука. Ничего, скоро мы все привыкнем и будем ходить по делам даже под звуки канонады. В магазинах начались перебои с товарами, даже ассортимент хлебобулочных изделий уменьшился почти вдвое. Киоски, которые еще несколько дней назад торговали выпечкой, сейчас стояли пустыми. Ни продавцов, ни выпечки. Что-то будет дальше...

МакДоналдс стоял с выбитыми окнами и со следами пожара. Народ выместил свой гнев тем способом, который был проще всего, да и целью стал, если так рассудить, один из символов Америки. Влад надеялся, что хоть до рядовых работников не докопаются и преследовать не будут. Нет, со стороны властей он таких телодвижений не ожидал, а вот народ, озлобленный и разгоряченный новостями о погибших родственниках, вполне мог выплеснуть свой гнев на ни в чем неповинных сотрудников, вся вина которых была в том, что они решили подработать в американской сети быстрого питания. Да и кто там работал-то в основном — студенты, да школьники?

Как-то Владу приходилось слышать, что США никогда не вторгаются в те страны, где есть МакДональдс. Странная, конечно, взаимосвязь, из рода тех, что ветер дует потому что деревья колышутся, но, вроде, пока она работала. Однако, похоже, это правило перестало работать. Всегда есть исключения из правил. Если такая корреляция и имела место, то, видимо, накопилось такая критическая масса факторов, что наличие МакДональдса в России уже не стало иметь сколь бы то ни было решающего значения. Влад даже улыбнулся таким рассуждениям.

Что происходило в стране и за её пределами, по-прежнему было не ясно. По-прежнему, не понятны были мотивы именно нанесения ядерного удара. Но многие, с кем он говорил, из тех, кому он доверял, сходились во мнении, что всё дело в деньгах, как бы это ни банально звучало. Мировая экономика требовала глобальной перезагрузки, в роли которой во все времена выступала война. Неужели противоречия были настолько велики, что иного выхода не было? Или кто-то за Океаном решил, что не хочет рухнуть в пучину кризиса в одиночку, и типа гори оно всё синим пламенем? Вопросов, всё так же, больше, чем ответов.

Данные о происходящем на западных границах были скудные и было абсолютно не понятно, чему верить, а чему нет. Вся информация поступала только в виде слухов и пересуд. Руководство страны в первые дни хранило странное молчание, что закономерно породило слухи о гибели центральной власти в полном составе.

Но постепенно средства массовой информации оживали, но в дико урезанном виде, так как сказывалась военная цензура. Сводки о состоянии дел передавались как по ТВ, так и по хреново, но заработавшему интернету.

В частности, стало известно, что совместно с вооруженными силами Белоруссии удерживается так называемый Сувалкский коридор, через который осуществляется снабжение Калининграда. Регион оцетинился пушками и ракетами аки морской ёж. "Искандеры" делали свое дело, разнося всё вокруг. По причине уничтожения Санкт-Петербурга, Калининград теперь стал главной военно-морской базой России на Балтике. Подвергать Калининград ядерной бомбардировке, по всей видимости, не решились по причине возможного поражения граничащих с регионом стран НАТО, хотя, скорее всего, хотели просто сохранить более-менее не зараженный радионуклидами плацдарм. Веры в то,

что американцы посчитались с интересами Литвы, Латвии или Эстонии ни у кого особое не было. Если бы надо было, шарахнули бы и по Калининграду. И если бы при этом случайно одна из ядерных боеголовок взорвалась над одним из прибалтийских "тигров", то в Вашингтоне никто бы особо переживать не стал — выразили бы глубокое сожаление и всё. В общем, при штурме Калининграда ставка была сделана на конвенциональные вооружения.

Поляки не знают, на чьей стороне воевать. По крайней мере, доходят сведения о расколе в их командовании. Как оказалось, русофобия это хорошо, когда по тебе не прилетают раз за разом "искандеры", а их прилетело прилично, правда, пока большей частью по местам дислокации американских частей, приглашенных в своё время поляками для сдерживания агрессивной России. Сейчас встал вопрос, что надо бы объявить о нейтралитете, но, похоже, никто им такой роскоши позволять не собирается. Вопрос гражданского противостояния в Польше растёт с каждым днём.

Другое дело, что по слухам в Эстонии высадилась мощная группировка сил НАТО, в первую очередь бундесвера и американских морпехов, и начала развивать наступление в сторону Пскова. Город подвергается мощным бомбардировкам, никто делать различие между гражданскими и военными объектами походу не собирался. Утюжили как не в себя.

Странно, но со стороны Санкт-Петербурга таких сведений не поступало. Видимо, посчитали, что после удачно бомбардировки там делать нечего. Крупная военно-морская база Балтийского флота была уничтожена, как и миллионы жителей, а потому усилия было решено сконцентрировать на других направлениях.

Вроде как в сибирской части России упало гораздо меньше ядерных ракет противника, и там можно жить относительно спокойно, не опасаясь попасть под радиоактивные осадки. Как повели себя соседние государства, не понятно. Вроде Китай тоже подвергся атаке, а вроде как и нет. Индия молчит как пришибленная. Сеть продолжала функционировать не шатко ни валко, телевидение и радио работало с перебоями, процветала военная цензура.

Выход на сайты без домена "ru" или "рф" был невозможен. Социальные сети хоть и работали, но сообщения в них нещадно модерировались и подвергались цензуре. Многие паблики были снесены напрочь, но многие продолжали работать, причем то и дело можно было прочесть всякого рода панические посты, распространявшие пораженческие настроения. Да, их почти тут же удаляли, но не сразу. Почему так получалось, Влад догадывался, а потом и смог в этом убедиться, считай, воочию.

Тем не менее, Влад удивился уже тому, что интернет, хоть и в таком виде, но работал. Значит, что-то да успели сделать до войны. Это хорошо.

О заморозке цен на товары первой необходимости до особого указания было объявлено через несколько дней, причем Москвой — значит столица в какой-то части, но цела, правительство как-то, но функционирует. Уже хорошо. Нет ничего хуже, чем безвластие, которое порождает безнаказанность, а безнаказанность приводит к всплеску преступности. Спекуляция будет нещадно пресекаться, однако было понятно, что спекулянты всё равно появятся. Ну да, это их решение, принятое на свой страх и риск.

Когда Влад проходил мимо железнодорожного вокзала, где еще совсем недавно вместе с женой попал под бомбардировку, на огромном экране появилось предупреждение о предстоящем обращении президента Российской Федерации В.В. Путина. О как! Значит жив курилка! Из бункера вещает?

У экрана стали собираться люди, и вскоре под ним образовалась приличная по меркам опустевшего города толпа. Сначала появилось изображение флага и герба России, потом и

сам президент, который выглядел явно постаревшим за эти дни и очень уставшим. Ну что, послушаем, что говорить будет. Народ перешептывался, глядя на верховного главнокомандующего.

"Друзья, товарищи (о как! Товарищи!) наша страна подверглась невиданному доселе нападению с применением ядерного оружия...

Мы не знаем, что послужило причиной таких действий со стороны США и их союзников по блоку НАТО, мы знаем только то, что по нашей стране были выпущены сотни ракет с ядерными боеголовками...

Враг рассчитывал осуществить мгновенный глобальный удар, но у него не получилось...

Значительная часть ракет была уничтожена системой противоракетной обороны, но, к сожалению, не все...

Руководство Соединенных Штатов не выходит на связь и не предъявляет каких-либо требований...

Всё еще сохраняется опасность повторного удара...

В настоящее время мы согласовываем действия с нашими союзниками, которые также стали жертвами ничем не спровоцированной агрессии...

Враг также понес серьезный урон в результате ответного удара...

Я надеюсь на вашу сознательность. Уверен, что вместе мы сможем преодолеть эти тяжелые времена...

Мы никогда не забудем погибших в результате вероломного нападения... Мы должны сделать всё, чтобы наши воины могли сражаться на всех направлениях, где нас атакует враг...

В этом наше будущее. Мы победим!"

Изображение сменилось ставшим уже обычным предупреждением о необходимости сохранения правопорядка, соблюдении комендантского часа и правилах действия в случае объявления тревоги.

Значит, вторая волна нападения с использованием ядерного оружия всё ещё может случиться. Так себе перспектива. Влад не был уверен, стоило ли доносить эту информацию до широких слоёв населения, но что сделано, то сделано.

Внезапно в толпе послышался какой-то шум и экзальтированный молодой человек, типаж — дрищ, с крашеной челкой начал верещать, что Путин не настоящий, что надо сдать и всё такое, типа никто нам не хочет зла... И вообще чуть ли не Россия сама виновата, надо сдать и "будем пить баварское", — про себя завершил предложенную дрищем логическую цепочку Влад. Ему стали поддакивать такого же придурковатого вида две девицы с пирсингом во все лицо и с тоннелями в ушах. Как им магнитное поле Земли позволяет передвигаться? Кажется, они собирались развернуть какой-то плакат. Походу они еще не поняли, как всё изменилось за последние несколько дней.

— Слабоумие и отвага, — произнес рядом стоящий мужчина в кепке и легкой куртке, в руках он держал брелок с ключом от машины. Поди, таксист.

Влад молча кивнул, соглашаясь.

— Придурки! — мужик с брелоком сплюнул на тротуар. — Сейчас начнется.

И действительно началось. Откуда не возьмись, появились крепкие ребята в гражданском и парой ловких движений скрутили протестунов, при этом заехав тому, что был с крашеной челкой под дых, да так, что тот аж пополам сложился и повис на кулаке правоохранителя. А на что они собственно рассчитывали? Страна в состоянии войны, и

всякие подобные выступления будут рассматриваться исключительно как пропаганда в интересах противника. Это вот еще неделю назад они могли бы так спокойно выходить и отделаться максимум штрафом, сейчас бы им жизнь сохранить, уже удача будет.

Тут же, скрипнув тормозами, подъехал "Форд" (и совсем не чёрного цвета, а самого обычного белого) и всю троицу туда быстро и технично, без малейшей заминки, упаковали. Только девицы тонко повизгивали. Или эти звуки издавал дрищ? Хрен их разберешь. Бабы ведут себя как мужики, мужики как бабы.

До выяснения личности или уже с концами, подумал Влад, глядя как за провокаторами закрывается дверь микроавтобуса. Водитель ударил по газам и машина споро тронулась с места, уносясь, по всей видимости в сторону регионального отделения Федеральной службы безопасности.

— А что, уже такое бывало? — спросил Влад у мужчины с брелоком.

— Не поверишь, но да! Вчера на площади Победы похожих укурков повязали. Хрен поймешь, что у них в головах.

Надо будет следить и за своим языком, а то ляпнешь чего, кто-то что-то услышит и донесёт, куда следует. Потом доказывай, что не верблюд. А могут и без "услышал" клязу настрочить, такого тоже нельзя исключать.

А ведь и такая подрывная работа будет вестись. И другая, менее заметная, тоже. Война, она же не только за пострелять и побомбить. Она за умы ведется. Еще не раз подобное увидим, и вбросы в интернете, и провокационные листовки с призывами сложить оружие или не помогать своей же армии. "Иван, стафайся! Переходи на сторону Феликой Германия! Стесь тебя ждет фкусный ужин и крепкая фодка!"

Теперь понятно, почему сообщества в социальных сетях и вообще социальные сети не выпилили полностью. Власть вычисляет с помощью таких пабликов провокаторов и т. н. пятую колонну, нейтрализация которых сейчас явно была одной из приоритетных задач для поддержания порядка на оставшейся территории. Влад не был специалистом по интернету и компьютерам, но решил, если рунет отключен от остального интернета, то делать это наверняка стало гораздо проще.

Народ, кажется, еще не осознал, что он живет в новых реалиях, и это реалии новой, до настоящего момента не виданной войны. Когда начиналась Великая отечественная, в массе своей еще были живы те, кто воевал в Первую мировую и Гражданскую. Сколько им было, лет 40–45?

А мы ведь толком не видели войны, мы не знаем что это такое. Для нас война это череда мелких локальных конфликтов, непосредственное участие в которых принимают отдельные армейские части, бригады, подразделения. Они да, они видят и знают, что такое война. она для них работа. А мы, мы войну если и видели, то только по телевизору, или в видеоигре.

Мы видели, как российская авиация бомбит бармалеев в Сирии, но для нас это было что-то далёкое, почти что ненастоящее.

Выросло целое тепличное поколение, которое не сталкивалось ни с чем более страшным, чем автомобильная пробка длиной в несколько километров. Для них отключение интернета уже становилось бедствием вселенского масштаба, так как они не могли постить свой инфантилизм и котиков на широкую публику, не могли проводить стримы компьютерных игр. Над же, народ настолько обленился, что даже сам не играл в игры, а предпочитал смотреть, как играют другие.

Последняя чеченская когда закончилась? В 2000-м? Это уже двадцать лет считай никаких серьезных боевых столкновений на территории страны. Если где-то что-то и случилось, то далеко в горах, на Кавказе. А тут, да в Москве с Питером жизнь текла своим чередом, не замечая того, что происходит в мире. Народ явно еще находится в шоке и не осознал, что произошло.

Даже со времен развала Союза прошло уже почти тридцать лет. Да это было тоже в своем роде страшное время глубокого экономического кризиса, на который к тому же накладывалась опасность дальнейшего распада государства и первая Чеченская война. Но люди, родившиеся в те годы, ничего этого не видели. Точнее, видели, но своими детскими мозгами вряд ли могли что-то понять и дать происходящему взвешенную оценку. Детство, он такое, мимолетное и запоминается, как правило, в розовом цвете. А потом уже наступили сытые "нулевые", когда реально деньги было некуда девать. Теплица, да.

Да хоть бы Путин, вещавший с экрана, и был ненастоящим. Суть не в этом. Сейчас лучше, чтобы он был хоть какой, и лучше будет добровольно обманываться в этом, чем сеять сомнения в головах окружающих. К сожалению (или к счастью?), человеческая природа такова, что группам людей требуется лидер, а без него, группа становится неуправляемой и впадает растерянность и уныние. По крайней мере до того момента, как не обретет нового лидера, но до этого самого момента, люди могут просто-напросто погибнуть.

Потом на экране появилось уже ставшее привычным объявление о необходимости при первых сигналах радиационной тревоги (это если ветер подует со стороны Питера, или дожди оттуда принесет) запереться дома, максимально законопатив все возможные щели в окнах и дверях, и вентиляцию. Так себе защита, решил Влад, но не безрыбье, как говорится, и рак — рыба.

Ну и, конечно комендантский час, как же без него, с восьми вечера до семи утра. Народом, не осознавшим всей серьезности этого объявления, на второй день были забиты уже все отделения полиции. После физического внушения количество желающих околачиваться по улицам в неустановленное время резко сократилось.

Власть никуда не пропала. Даже наоборот, она показала, что воистину является аппаратом принуждения и подавления, когда разгоняла мародеров. Нескольких, особо зарвавшихся, пришлось застрелить, как ему рассказал при встрече знакомый полицейский с четвертого этажа. И вообще, полиции было дано указание при малейшем подозрении стрелять, а потом уже разбираться.

— Поэтому, — советовал Александр, когда Влад в очередной раз столкнулся с ним у подъезда. — Если вдруг полицейский потребует от тебя остановиться и лечь мордой в лужу — сделай это без лишних слов. Даже если это буду я, понял? Ты меня узнать можешь, а я тебя не факт, что узнаю. Время суток, освещенность, вообще обстановка, всё может сыграть свою роль. Неудобно получится, если мне потом придется Але сообщать, что тебя того.... Лучше сохранить жизнь, а морду потом можно вымыть, как и шмотки постирать. У нас тут были инциденты, двух парней потеряли из-за излишней вежливости, поэтому теперь всё строго. И Алю свою предупреди, понял?

Он достал сигарету из полупустой пачки, тоскливо посмотрел на оставшиеся, и закурил.

— А ты что, ружье купил? — резко сменил он тему разговора.

Вот ведь, подумал Влад, он же тогда не видел, как Дима привез ему ружье. Небось кто-то из соседей в окно увидел и настучал. Нет людям покоя, однако, лезут, куда их не просят, проявляют, понимаешь, бдительность.

— Ну, как бы да, — осторожно начал Влад, на ходу пытаясь придумать

— Ну, ты как бы храни его в сейфе, окей? И лишний раз, как бы, не свети, понял? — подмигнул Александр, и погасил сигарету о край урны.

Влад понимающе многозначительно кивнул. Сильно часто им, как соседям, общаться не доводилось, так пересекались иногда в лифте, или вот как сейчас у подъезда, но на Влада сосед производил впечатление адекватного мента. Хотя, до панибратства дело не доходило, да и всё равно лучше держать дистанцию.

— Слушай, тут сегодня на Вокзальной площади какую-то молодежь повязали, — спросил Влад, — слышал что об этом?

Александр посмотрел на него и глубоко затянулся сигаретой.

— Да, — махнул он рукой, — какие-то еб...нутые на всю голову студенты. Хрен разберет, что у них в головах творится. Одно дело такое такое нести до войны, совсем другое — сейчас. Как будто ни черта не понимают.

По улице мимо подъезда прошла группа солдат в ОЗК с потрескивающим дозиметром. Один из них, явно посмотрел на Влада и Александра сквозь стекла противозаза, но больше никакой заинтересованности не проявил. Процессия не спеша удалялась.

— Хорошо, если они не понимают. — ответил Влад, когда солдаты скрылись за углом. — Тогда есть хотя бы минимальный шанс, что внемлют объяснениям и однажды поймут. Гораздо хуже, если они это делают специально.

— Это да, — задумчиво, глядя куда-то вперед, согласился Александр. — Ну, бывай, мне пора на службу. У нас сейчас режим такой, что мама не горюй!

— Казарменный что ли?

— Типа того, — капитан затушил окурок и развернулся, чтобы пойти к автомобилю.

— погоди! — вдруг воскликнул Влад и полез в карман куртки, чтобы достать старую недокуренную пачку сигарет, которой было года четыре, если он не ошибался. — На, держи, мне она ни к чему.

— Взятка?! — хитро улыбнулся капитан, засовывая пачку сигарет в карман.

— Напоминание о прошлой жизни. Просто не хочу, чтобы был малейший соблазн снова начать. Не то время сейчас, чтобы мучиться поиском табака.

Полицейский развёл руками и направился к своему автомобилю.

— А! Слушай, последний вопрос: призыва ждать?

— Да бес его разберет, — ответил Александр, открывая дверь машины, — Пока армейские справляются, вроде. Как призыв объявят — точно узнаешь!

Он сел в машину, которая завелась не с первого раза, выдав трель сухого кашля курильщика, и уехал.

Да уж, узнаю точно. Впереди нас ждёт много-много еще интересного или жуткого, кому как. Остается только надеяться на лучшее.

Из военкомата звонков не поступало, хотя он и был готов к такому повороту событий. Из офиса тоже не звонили, и Влад решил навестить туда сам, чтобы понять вообще, что там с фирмой. Пусть впереди еще два дня выходных, которые следуют сразу за отпуском, но что-то подобная тишина его напрягала. То ему названивают по поводу и без повода почти из всех отделов, директор требует какие-то отчеты, за которые он вообще-то никогда не отвечал и приходилось вежливо отправлять к ответственным за них лицам (кстати, надо будет с этими лицами при случае как следует поговорить), то вдруг начинается полный игнор. Тем более, что вообще-то на дворе ядерная война, а все как сдохли. Хм... каламбур, однако.

Взяв часть денег, и банковские карты, так как надеялся хоть где-то да снять наличные и купить кое-каких продуктов, если получится, он вышел из подъезда и направился в сторону офиса, благо до него было быстрым шагом минут двадцать ходьбы, а прогулочным полчаса, не больше.

Начинало холодать, и Влад убрал руки в карманы куртки, пожалев, что не взял перчатки и ничего не надел на голову. Пришлось поднять куцый воротник. Простудиться сейчас совсем бы не хотелось, а то с лечением будут явные проблемы. Тем более, война войной, а коронавирусную пандемию никто не отменял.

Он вспомнил, как до войны люди до хрипоты спорили, что никакой пандемии нет, что всё это придумка властей, а то и вообще заговор мирового масштаба. Любимым аргументом было то, что на улицах же валяются горы трупов людей, умерших от коронавируса. То, что городские морги были забиты под завязку, чего не случалось уже давно, для них был не аргумент. Тротуары трупами не завалены — и точка! И что будет с вакциной тоже не понятно. Наверное, забьют большой болт на ее разработку, не до нее сейчас. Хотя кто знает. Может, наоборот, каждый человек теперь на счету, и надо приложить все возможные усилия, чтобы сохранить жизнь каждому? Хватит ли оставшихся ресурсов, вот в чем вопрос.

Он шел по улицам, на которых появились военные автомобили типа тентованных фургонов и явно передвижных лабораторий, на борту которых красовался характерный знак радиационной опасности в виде ядра и исходящих от него лучей. Рядом оказалась очередная группа военных в спецкостюмах и противогазах, замеряющих радиационный фон, о чем Влад догадался, услышав соответствующий треск приборов. Судя по всему фон пока был в норме, так как в работе военных не наблюдалось никакой нервозности. Хотя поди ж ты разбери, нервничают они там за стеклами противогазов, или нет.

Только от чего ж вы в противогазах-то и закупоренные в резиновые балахоны? Влад понадеялся, что это просто такой порядок, что так надо было выезжать на замеры независимо от ожидаемого результата.

Желание обратиться с вопросом о состоянии воздуха к военным отпало само собой, когда бойцы отогнали автоматами одного прохожего, у которого, судя по всему, тоже возникло желание неформального общения. Окей, будем надеяться, что если что, нас известят. А ведь могут и не известить, просто чтобы не вызывать массовой паники. Поступок циничный, но по-военному оправданный. Ну что, будем надеяться на лучшее? Пока, пожалуй, будем. Но и готовиться к худшему тоже не бросим.

Когда Влад дошел до здания, в котором располагалась фирма, он обнаружил офис закрытым, весь этаж, всё здание. Ни тебе сторожа, ни тебе охранника. Ни-ко-го. Как еще мародеры сюда не добрались.

Он подергал дверь — заперта. Ключей от главного входа у него не было, равно как и от пожарного. Открывали здание нанятые охранники, а их он так и не обнаружил, даже обойдя всё здание кругом. На парковке рядом с офисом не наблюдалось ни одного знакомого автомобиля.

— Это я типа без работы что ли остался? — задумчиво произнес Влад, стоя на крыльце некогда вполне успешной по местным меркам фирмы. На ответ, понятно, рассчитывать не приходилось.

Нигде не было даже никакого объявления. Ни директор, ни главбух, ни кадровик не отвечали на звонки, до остальных, чьи номера телефонов были записаны в смартфоне, тоже не удалось дозвониться.

Нет, надо будет всё-таки добить этот вопрос до конца. Порядок всё-таки должен быть соблюден даже при увольнении. Хотя, не исключено, что руководство теперь хрен где найдешь, наверняка оно посчитало данную ситуацию форс-мажором. Ну что же, в полку проблем прибыло — надо искать работу. Пока что сбережений на какое-то время хватит, но вопросом занятости надо начинать заниматься уже сейчас.

Позднее он узнал, что многие частные конторы, даже из тех, что были завязаны на работу с госорганами, позакрывались, растворившись в небытии. Ну оно как бы и понятно: всякие посредники стали внезапно нахрен никому не нужны, а у части производителей вообще изъяли оборудование в пользу государства. Мелкий бизнес сферы услуг почти вымер, потребность в кафе и ресторанах, или квестах как-то сама собой отпала. Сейчас у всех один глобальный квест, и пройти его до конца получится далеко не у всех.

Ночью с балкона можно было видеть, как далеко за городом в небо поднимаются трассеры противовоздушной обороны и взлетают ракеты на встречу распознанной цели. Сигнала воздушной тревоги не было, просто что-то взрывалось далеко в ночном небе освещая напоздшие тучи подобно зарницам.

После своего похода в офис Влад решил проверить, как обстоят дела у Димы в его магазине, но столкнулся с тем же, с чем, когда ходил проверить как там его фирма. Магазин оказался закрыт, металлические шторы опущены и заперты на замок, какие-либо объявления также отсутствовали. Когда он попытался позвонить Дмитрию, то в ответ услышал стандартное "абонент находится вне зоны доступа, или его аппарат выключен". Ну окей, тогда пойдём к его сестре, она тут недалеко живёт.

Дом старой постройки в пять этажей, большие лестничные пролеты и такие же высокие потолки в квартирах, прыгать бес толку, всё равно рукой не достанешь. Вот и квартира 32, здесь он был как-то на дне рождения Димы, когда у него самого был ремонт, а отметить хотелось. Он подошел к металлической двери и нажал на дверной звонок. Раздалась длинная "птичья" трель, и скоро послышался шум открывающихся замков.

Дверь открылась, и на пороге Влад увидел Ирину, димину сестру. Выглядела она не сказать, чтобы хорошо. Припухшие красные веки говорили, что женщина долго плакала.

— А, это вы. Дима говорил, что вы можете зайти, — устало произнесла она.

Влад поздоровался и остался стоять на лестничной клетке. Войти ему не предложили.

— Вы случаем Диму не видели? Телефон вне зоны доступа, магазин закрыт. Хотел бы переговорить с ним.

— Так уехал он, — вздохнула сестра.

— Куда? — удивился Влад.

— Так в Питер и уехал, — пояснила его сестра и всхлипнула. — Искать бывшую жену и сына. Я ему говорила, что ехать бессмысленно, что нет там ничего, никто не выжил. Взрыв произошел как раз над районом, где они жили. А он... он даже слушать не стал. Говорит, что надо убедиться самому и никак не реагирует, что я ему объясняла.

— Понятно, — Влад тяжело вздохнул, уставившись в пол. — Ну, я тогда пойду.

— Погодите, — она схватила его за руку, — он велел вам передать.

С этими словами она ушла вглубь квартиры и вернулась с двумя коробками патронов, протянула их Владу.

— Спасибо, — поблагодарил он ее, принимая боеприпасы.

Повисла неловкая пауза.

— Вы, если что сообщите мне, ладно? Если вдруг, что узнаете о нём?

— Конечно, — Влад коротко кивнул, развернулся и стал спускаться по лестнице. Его шаги отдавались звонким эхом по подъезду.

Банки заработали, но не все и не в обычном режиме. Только самые крупные, а самым крупным был, понятно, Сбербанк. Благо, Владу удалось найти наименее забитое отделение, в котором ему всё-таки удалось снять только часть сбережений, так как было введено ограничение на выдаваемую сумму, которую можно было снять со счета.

В действующих магазинах стало гораздо меньше товаров, но это было вполне объяснимо. Города снабжаются с колес, если где-то и есть какие-то внутригородские склады, то их немного и они не большие, чисто для того, чтобы удовлетворить внезапно возникшую потребность в товаре до основного привоза. Судя по тому, что противник продолжает активно обстреливать и бомбить дороги и коммуникации, и даже иногда прорывается к городу, проблемы с логистикой и обеспечением были ожидаемы, и то, что они будут увеличиваться по нарастающей, Влад не сомневался.

Силы противовоздушной обороны справлялись, но работали, судя по всему, на пределе возможностей. Прорывы хоть и редко, но случались. Это же насколько близко должен быть враг, чтобы его истребители бомбардировщики могли сюда долететь?

А потом появились беженцы. Сначала это были редкие автомобили, груженные такими же тюками, как и те, которые покидали город в первый день бомбардировки. Только теперь они въезжали в город с другой стороны. Потом их становилось всё больше и больше, подобно тому как тоненький ручеек превращается в полноводную горную реку. Сначала разрозненно, а потом уже целыми организованными группами в сопровождении военных, которые нередко были одеты в ОЗК.

Их везли автобусами, они ехали сами на своих авто, а может быть и не на своих, особенно никто не спрашивал. Приезжали армейские тентованные фургоны, в которых людей набивали что тех шпротов в банку. Много, много людей. По городу поползли слухи, что от приезжих "фонит" и на площади опять собрался стихийный митинг, который подогревали провокаторы. Но после приезда ОМОНа митинговать как-то быстро расхотелось. Впрочем, администрация всё-таки выступила с соответствующим заявлением, в котором разъяснила, что все беженцы, допускаемые в город проверены на предмет заражения радионуклидами, радиационный фон в норме.

К каждому автомобилю еще на въезде в город подходила группа военных в спецкостюмах (общевойсковой защитный костюм, как объяснил знакомый полицейский) и проверяла уровень радиации, попутно опрыскивая транспорт каким-то раствором. Периодически они вытаскивали из машины то одного, о другого, и увозили в неизвестном направлении.

Треск дозиметра, казалось, стал естественной частью окружающего мира. Те, кто проезжал установленные на въезде блокпосты, потом рассказывали, что особо "трескучих" беженцев со следами жутких ожогов размещали в специальном лагере, который построили за чертой города, и который был обнесен колючей проволокой и охранялся даже лучше, чем какая-либо тюрьма.

По городу ползли слухи об ужасных последствиях облучения, которому подверглись многие из беженцев, не успевшие вовремя найти укрытие. Невольно можно было прийти к мысли, что лучше было бы умереть в первые мгновения удара, и быть распыленным на атомы, чем потом вот так вот умирать в мучениях.

Выпадение волос, зубов, волдыри по всему телу, слепота, и вообще постепенный отказ

внутренних органов, превращающихся в неудобоваримую жижу. А потом тебя спихнут в бетонную общую могилу, чтобы ты не отравил своим фонащим трупов всё вокруг. Такие вот неприглядные последствия лучевой болезни.

А городские больницы были забиты ранеными без явных признаков поражения радиацией. Таких хватало с лихвой. Но росло и количество умерших. Мертвецов складывали в подогнанные рефрижераторы, но, если так пойдет и дальше, то скоро будут заполнены все помещения, где есть электричество и холод. А когда наступит зима, так и заморачиваться сильно не будут.

Вопрос работы не давал Владу покоя и чтобы не доводить ситуацию до крайности (есть хотелось каждый день, а деньги пока не отменили), он почти каждый день выходил в город, чтобы посмотреть что да как, и по возможности разведать возможность нового трудоустройства.

Второй день в воздухе висела водяная взвесь, которую сложно было назвать дождем, чтобы из-за нее раскрывать зонтик, но из-за которой мокрым становилось всё вокруг, в том числе и одежда. Единственным спасением были полиэтиленовые дождевики, но их-то как раз было уже не достать, а до войны ни Аля, ни Влад не видели необходимости их покупать, хоть бы и стоили они сущие копейки.

Под ногами хлюпали лужи, необрушенные газоны и клумбы с увядшими цветами, которые благодаря теплой осени дотянули аж до начала ноября, дополняли городской пейзаж своей долей депрессивного настроения. Там где отсутствовала асфальт, расползалась мокрая черная грязь, налипающая на подошвы ботинок. Значительно похолодало.

На свободной площадке у городского Дома Культуры, где обычно разбивал свой шатер приезжий цирк, теперь образовался целый палаточный городок, который помогали возводить военные и эмчээсники, которые, впрочем, не сильно отличались в нынешних условиях от первых. Каждый сотрудник МЧС, попавшийся на глаза Владу, был вооружен минимум пистолетом, но чаще автоматом Калашникова.

Городские больницы и гостиницы, которым приказом сверху было положено впустить всех нуждающихся, были уже заполнены до отказа.

Вскоре платками, развёрнутыми МЧС, и самими людьми

— Жуть, Влад, преступность подскочила в разы, мы зашиваемся, а людей свободных нет, — рассказывал в очередной раз знакомый капитан, — ну не расстреливать же их на месте!

И без того подавленные последними событиями жители города, получили возросший риск быть ограбленными, убитыми или изнасилованными. Люди доведенные до отчаяния способны на многие неприглядные поступки, а таких среди беженцев, и не только, появлялось в городе всё больше и больше с каждым днём. Комендантский час помогал, но не столько чтобы решить проблему кардинально. У кого-то могла поехать крыша, и хорошо, если по-тихому, а если совсем с головой плохо будет, что тогда? Случаи самоубийства на почве излишне эмоциональных переживаний уже имели место. Позавчера Влад сам наблюдал, как одна дама выпрыгнула из окна с криками о конце света, приходе Сатаны и необходимости покаяться.

Свести счеты жизни даже в ожидании всеобщего армагеддона выглядело более чем странным. Что тебе стоит подождать-то? Вот придет конец света, и тогда и ты всё равно откинешься, ускорять этот процесс нет никакого смысла.

Однако про "расстреливать" было не таким уж и преувеличением. Как сказал тот же

Александр, в случае изнасилований получены устные указания стрелять на поражение "при попытке скрыться". Суровые времена — суровые меры, не всегда записанные на бумаге.

— Да всё очень серьезно, Влад, — продолжил он, — руководство готовится к подавлению бунтов, так что будь внимателен. И на фронте, со стороны Эстонии не всё так однозначно после того, как Питер считай уничтожили.

— Насколько всё серьезно?

— Там сконцентрирована огромная группировка НАТО, в основном немцы, американцы и поддерживающие их шведы. Псков под постоянными ракетными обстрелами, утюжат как не в себя. Наши отстреливаются, но пока переломить ситуацию не удастся. В Белоруссии опять же проблемы — саданули по ним тактическими боеголовками малой мощности, достали видать из запасников. Калининград держится, но если Сувалкский коридор не сможем удержать, то им придется совсем плохо.

Влад поймал себя на желании закурить. В последние дни Влад и капитан всё чаще стали сталкиваться на улице. Как-то даже обменялись банками с консервами.

— И что, вообще никакого позитива?

— Ну, как сказать, говорят, что резервы есть, но когда их используют, хрен знает. Может, думают, что сейчас еще не всё так плохо? — Александр пожал плечами, — Думаю уже отправить семью куда-нибудь в глубь страны, да хоть бы и в Сибирь, там по части радиации почище будет, да и бомбят не в пример меньше. Только руководство сделало серьезное такое внушение, что если кто панику будет поднимать, того в лучшем случае попрут из органов, в худшем — по законам военного времени.

Александр нервно затыкнулся.

— Ладно, бывай! Если совсем туго станет, я тебе маякну, чтобы жену отправил куда подальше. Ты это, если работу ищешь, то поспрошай в лагерях для беженцев, только осторожно там, лишнего внимания не привлекай, а то народ на взводе. Даже если кажутся тихими, реально могут взорваться от любого неосторожного слова.

Совет на предмет работы было разумным, хотя Влад и не сильно рассчитывал, что ему найдется там место. Попытка не пытка, рассудил он и решил всё-таки сходить в один из ближайших лагерей.

Проходя как-то среди палаток, в поиске штабной палатки с офицерами, (Влад рассудил, что такая должна быть в любом крупном лагере) он старался прислушиваться к тому, что говорят люди, которые прибыли непосредственно из мест, подвергшихся атаке. Странное чувство дежавю накатило с такой силой, что у него даже закружилась голова. Ощущение, что он уже всё это когда-то видел и ходил здесь было страшно реалистичным. И раньше бывало такое, но чтобы так!

Надо бы найти главного по этому лагерю, наверняка такой должен быть, и переговорить с ним на счет работы. Он попытался остановить одного-другого эмчезника, но те походу сильно спешили и не стали задерживаться. Ну окей, подумал Влад, походим-посмотрим. Кто-нибудь да согласится говорить.

Около одной из брезентовых палаток разместились группа людей разного возраста, которые были одеты, кто во что, и многие явно не по погоде. Они соорудили что-то вроде хлюпкого навеса из вертикально вкопанных досок и куском шифера в качестве крыши, под которым разместили старую ржавую бочку, в которой развели костер из собранных в округе мусора и веток. Такая себе буржуйка, но грела.

Снующие между палатками эмчезники смотрели на костёр не одобрительно, но ничего

не говорили, видимо посчитав, что огонь находится в достаточной изоляции от рядом стоящих палаток. Да и трести людей, которые только-только выбрались из самого пекла, не рисковали, учитывая, что обогревателей реально не хватало. Впрочем как и одежды, судя по всему. Где-то может и были склады со всем необходимым, но, во-первых, их наполняемость рассчитывалась явно под другой уровень потребности, а потом не факт, что даже если склады сохранились, то содержимое можно было использовать по назначению.

Огонь от костра, разведенного в старой ржавой бочке, оранжевыми бликами играл на лицах, стоящих вокруг огня. Горящие деревяшки тихо потрескивали, выпуская в воздух небольшие снопы искр. Кто-то раздобыл деревянные ящики, и сидел на них (наверняка их потом тоже пустят на обогрев), кто-то разжился раскладным табуретом из алюминиевых трубок и брезента.

Влад как бы невзначай подошел к группе людей. С поднятым воротником, руками в карманах и с налипшей на ботинки грязью он сам напоминал беженца. На этот раз он надел своё кепи, и подходя к костру, слегка опустил козырёк. Кто его знает, что у людей на уме. Вдруг они тут все знакомы, и чужак у них вызовет лишнее раздражение.

— А вы, Алина, значит прямо из Санкт-Петербурга? — спросила одна из женщин молодую девушку, с арафаткой на шее.

Молодая на вид (Влад посчитал её вполне симпатичной, лет двадцать пять) девушка, к которой обращались, стояла возле самодельной буржуйки, сложив руки на груди, явно пытаясь согреться. Виду у нее был, как отметил Влад, опустошённый, лицо задумчивое, а взгляд устремился куда-то сквозь огонь. Из-под защитного цвета кепи, видимо подаренного военными, выбивалась светлая прядь. Только приглядевшись, Влад понял, что она не светлая, а седая.

Алина поправила намотанную вокруг шеи арафатку и еще больше закуталась в куртку, спасаясь от ноябрьского холода. Хотя огонь давал достаточно тепла, а натянутый брезент худо-бедно спасал от ветра люди, сгрудившиеся вокруг самодельной буржуйки, напоминали нахохлившихся воробьёв. Где-то невдалеке раздался тревожный лай собаки. Вскоре показалась и сама псина, она не особо опасаясь ходила от палатки к палатке, поводя по ветру носом и заглядывая в глаза встречным людям. Походу пёс думал чем-то поживиться, но обитатели палаток сами были не в том положении, чтобы разбрасываться едой. Как бы его самого тут не съели. Питанием, конечно, обеспечивают, но без изысков, да и ситуация может измениться в любой момент.

По куску шифера, который служил крышей навеса над костром, начинал мерно барабанить холодный ноябрьский дождь. Характерный звук разбивающихся о брезент палаток дождевых капель стал усиливаться по нарастающей. Из палаток периодически доносился сильный кашель. Люди стали жаться ближе к огню под хлипкий навес. Бездомный пёс подошел и, как назло, уселся прямо рядом с Владом, да так, что практически прижался к его левой ноге. Из пасти дворняги валил пар, в нос ударил запах мокрой пёсьей шерсти.

Беседа у самодельной буржуйки тем временем продолжалась, девушка с седой прядью вела свой рассказ о пережитом.

— Это был замечательный день, — она грустно улыбнулась, — мы в большой компании праздновали день рождения нашего общего друга у него на квартире, стояла не по-осеннему теплая погода. И небо было такое голубое, почти без облаков. Казалось, что лето задержалось на целый месяц. Питерская погода давно так не радовала.

Мы вывалились на балкон, на котором продолжили выпивать, кто-то притащил хлопушки, и мы начали стрелять в воздух, выпуская тучи конфетти с шестнадцатого этажа.

А из комнаты звучала песня Аллегровой "С днём рождения!". Никогда не любила эту песню, но народ уже порядком был разогрет алкоголем, и всем она казалось как нельзя к месту. День рождения же. По-моему, она играла уже не первый раз.

На западе между высотками можно было видеть как солнце, преодолев низкий северный зенит, начинало уже клониться к горизонту. Но было еще светло по дневному. Тем более, здесь наверху.

Она на минуту задумалась. Воспоминания явно давались ей с трудом.

— Кто-то, вроде Паша, — Алина смахнула внезапно появившуюся одинокую слезу, — сказал, что мы, похоже стали свидетелями уникального природного явления и можем наблюдать т. н. второе солнце. Он показывал куда-то в сторону от того места, где садилось настоящее Солнце.

Из открытых дверей доносилось "С днем рождения!". Ненавижу эту песню! Мы естественно, находясь навеселе, стали, глупо улыбаясь смотреть туда, куда показывал Паша. Там, за облаками, действительно как будто сияло второе солнце, как бы зеркально отражаясь от первого. А потом облака стали разбегаться кругами от этого света. И мы все разом замолчали. Мы смотрели как замороженные на то, как формировался "гриб". Мы были буквально загнипотизированы тем, что увидели. Говорят, что кролики не могут двинуться перед удавом. Вот и мы были такими кроликами.

А потом пришла ударная волна. Не такая, чтобы дом сложился под ее напором, но достаточная, чтобы сбить нас с ног и выбить по всему видимому городу окна. У меня до сих пор в ушах стоит этот звон. Видать этот взрыв случился на достаточном удалении от нас.

Не помню, кто, вроде Сёма закричал, что надо быстро спускаться и бежать до станции метро, она находилась совсем не далеко. Знаете, мы разом протрезвели. Уж я-то точно. Другие девчонки впали в ступор, Аню я так и не смогла оторвать от перил балкона, она в них вцепилась так крепко, что костяшки на пальцах побелели, и ничего не хотела слышать, я кричала ей прямо в ухо, но никакой реакции. Мы...я оставила ее там, на балконе. Мы так и бежали, похватав, какую успели одежду, по лестничным пролетам, а под ногами хрустело стекло. Кто-то в истерике бился в застрявшем лифте, но... мы не могли задерживаться. Паша тащил меня, схватив за руку, не на мгновение не отпуская.

А потом, когда мы уже среди прочих кричащих и напуганных людей спускались по неработающему эскалатору вниз, произошел новый взрыв, и этот был уже гораздо ближе. Мне трудно описать, с чем можно сравнить грохот, который я услышала. Как будто мир содрогнулся до самых своих оснований. Нас потрянуло, с потолка и стен станции посыпались куски облицовки и бетона прямо нам на головы. И люди, люди стали сыпаться с эскалатора, давя друг друга и превращаясь в чудовищную многорукую мокрую массу. Меня спасло то, что мы уже почти успели спуститься, и смогли вовремя отбежать, чтобы нас не завалило. Тогда много погибло от того что их просто раздавили.

А потом мы поднялись на поверхность. Не все, многие отказались, так как боялись радиации, но мы понимали, что другого варианта не было, у нас не было ни еды, не воды.

— Там же вроде водопровод должен быть, — раздался чей-то голос.

— Он там и есть, ответила Алина, не оборачиваясь, — вода только быстро закончилась. В толпе говорили, что должны быть скважины, но насосы либо не работали, либо не нашлось того, кто бы их запустил. Через несколько дней из тоннелей стали появляться

другие люди, те, что как и мы успели спуститься в метро, Они рассказали, что станции, откуда они пришли затапливает, и вода поднимается всё выше.

А потом да, вода появилась и вода. Мы теснились на платформах, желудок сводило от голода, дети постоянно плакали, стонали раненые. Все делились тем, что у кого было с собой, и мы растягивали припасы сколько было возможно, но мы же обычно не ездим в метро с полными сумками продуктов. Уровень воды всё повышался и в какой-то момент мимо нас поплыли тела тех, кого мы относили подальше в тоннель, чтобы просто их не видеть, а потом и тела с других станций. На многих, как на плотях, сидели крысы. Некоторые как будто даже привставали на задние лапы, чтобы получше рассмотреть нас.

К тому же вентиляция отключилась, из-за огромного количества людей становилось нечем дышать. Трупы стали гнить, и я не желаю вам почувствовать этот запах никогда в жизни. Дальнейшее пребывание на станции стало просто невыносимым.

— Понятно, — послышался тот же голос.

— Мы долго не могли открыть стальные ворота, их перекалило взрывной волной. Но то, что мы увидели за ними... Груды тел тех, кто не успел добежать до метро. Сотни, тысячи мёртвых тех, замерших в гримасе ужаса. Я однажды видела фотографии гипсовых слепков того, что осталось от жителей Помпей. Эти скрюченные тела, замершие в страхе от надвигающейся смерти. У нас было страшнее. Мы понимали, что можем получить дозу, но выбор был между плохим и очень плохим.

— То есть вы облучены? Что ж вы тогда делаете здесь? Вам в госпиталь надо или..., - говоривший сконфуженно замешкался.

— В тот лагерь, что за городом? В хоспис для безнадежных что ли? — Алина повела взгляд в сторону говорившего. — Все, кто там был какую-то дозу да получил. Кто-то сразу во время взрыва, кто-то потом, как мы, когда собирали на себе городскую пыль. Кто съел зараженную шоколадку, или выпив воды. Мне сказали, что моей жизни прямой угрозы нет и окружающим тоже. Соврали или нет, не знаю. Волосы пока не лезут, и то хорошо.

Она поежилась, не то от страха, не то от нахлынувших воспоминаний.

— То, что мы увидели наверху, было подобно Аду на Земле. Кругом, сколько хватало взгляда, были руины. Жилые высотки превратились в жалкие огрызки. проходимых дорог почти не осталось, вместо них мыло винегрет из бетона, кирпичей, арматуры и автомобилей. И пепел, я никогда не забуду этот пепел и пыль. Они сыпались как снег и лежали по всюду, покрывая толстым слоем тысячи мёртвых тел. А потом мы встретили тех, кто не успел укрыться в метро, но каким-то чудом выжил на поверхности. Лучше бы я их не видела. Сложно назвать то, что от них осталось, людьми. Да, они ходили, и даже пытались говорить, но, Боже, у меня до сих пор они стоят перед глазами!

Обожженные тела с пригоревшими лохмотьями одежды, волдыри по всему телу, волосы клочьями. Пока я их не увидела, я думала, что безумные взгляд был у тех, кто спасся в метро. Оказалось, я ошибалась. Та безумная пустота, что бы в их взгляде... Помню мать с дочкой, они получили большую дозу радиации. Мать всё время пыталась успокоить ребенка, а у самой кровь шла изо рта. Да и дочь её, на самом деле, была очень спокойной. Она лишь постоянно повторяла: "Мама, не переживай, со мной всё в порядке, я просто хочу пить." Девочка очень хотела пить, постоянно тихо просила воды. Не плакала, не капризничала, просто тихо так повторяла, что хочет пить. Ну и, мать нашла уцелевшие бутылки с водой в развалинах супермаркета, понятно было что зараженную, но дала ей напиток. И сама напилась. Им было уже всё равно.

— Так всё страшно? — обратилась с вопросом женщина средних лет, рядом с которой шмыгал носом мальчуган лет тринадцати в явно зимнем пуховике.

Алина молча кивнула и еще больше подобралась.

— Мы решили идти на восток, на выход из города, по тому, что от него осталось. Так и брели. Очень хотелось пить. Кто-то не выдерживал и подбирал уцелевшие бутылки с водой и еду в разрушенных магазинах. Я так и не рискнула.

— А раненые как же? Ну, те, что в метро, — влез в повествование пацан.

Мать попыталась одернуть сына, но тот не понял почему. Алина осунулась еще сильнее, но ответила:

— Кто мог идти, пошел с нами. Остальные остались на станции.

Сколько мы шли, не помню, я уже как будто спала на ходу, но в какой-то момент появились солдаты в костюмах РХБЗ, они нас стали сортировать по степени истощения и облучения, раздевали, одежду всю забирали, а нас отправляли в развернутые полевые душевые с дезраствором. Сильно с нами не церемонились, срезали с нас, всё что было, снимали всё, что только можно снять (кольца, серьги, цепочки, всё) и подвергали обработке. Нас, не вещи.

Я понимала, что если сейчас не попью, то буду хлебать дезраствор прямо в душе и плевать, что будет потом. Кое как жестами я показала, что хочу сильно хочу пить, губы потрескались, а язык еле ворочался. Помню, солдат так посмотрел на меня сквозь очки противогаза... А я стою такая вся без ничего перед входом в душевую. Кивнул, вытащил бутылку из ящика и протянул мне, а ее еще и открыть не могу, силы совсем оставлять стали. Он помог мне ее открыть. Вы представить себе не можете, что такое напиться после нескольких дней жажды.

Потом нам выдали новую чистую одежду и стали грузить по фургонам. Я до сих пор не верю, что увидела своими глазами то, о чем только читала да смотрела в кино. Как будто всё нереальное, не со мной произошло.

Влад понимал, насколько им повезло с Алей, они видели взрывы только издалека. Он понимал, что сейчас стал свидетелем своего рода исповеди.

— А вы откуда, — спросила Алина, лишь слегка посмотрев в сторону женщины.

— Мы из Пскова, — ответила она, — там не бомбили ядерными ракетами. Но тоже было тяжело.

Глава 5. Новая работа

Разговор у бочки с огнем тем временем продолжался. А пёс всё так же сидел рядом, периодически сглатывая слюни и разевая пасть. Вот ведь привязался. Еще и в глаза периодически старается заглянуть. Тем самым взглядом, после которого всегда хочется чем-нибудь угостить блохастого. Косит так снизу-вверх, высунув язык, из-за чего казалось, будто он улыбается, хотя, конечно же, собаки так не делают. Вроде бы.

"Чего тебе?" — подумал Влад и тут же вспомнил, что в кармане куртки у него лежит уже порядком помятый бутерброд, который он так и не удосужился съесть за целый день, всё было как-то не до еды. Получается, пёс сел рядом не просто так, он почувствовал, что может чем-нибудь да разжиться, чувствует человека, который просто так ногой в бок не пнёт и кирпичом не запустит.

Влад вытащил полиэтиленовый пакет с едой (хлеб уже раскрошился и намок от куска докторской, вообще-то сейчас это дефицит), пёс сразу оживился, и стал переминаться с лапы на лапу, осторожно помахивая хвостом. Ну нет, не то сейчас время, чтобы едой разбрасываться, всё-таки решил Влад, тем более, что именно сейчас он ощутил приступ острого голода. "Кабыздох", провожая взглядом, внимательно отследил путь бутерброда от кармана до рта Влада, и даже замер, приготовившись навсегда проститься с возможностью получить угощение. Он смотрел на Влада, буквально не моргая.

Твою ж!.. Влад откусил половину, а вторую протянул псу. Но если жрать не будешь, получишь пинка, решил он. Но пёсель осторожно, не касаясь руки человека, взял предложенную снедь, и в пару прикусов проглотил колбасу вместе с хлебом, после чего опять уставился на Влада, высунув мокрый язык, с которого капала слюна.

"Да ты совсем охренел!", — подумал Влад. И разорвал визуальный контакт с блохастым. Так ведь, того и гляди, прицепится и будет идти о самого дома. Знаем, проходили уже. Супруга как-то, находясь на курорте, пожалела такого же местного "шашлыка" и угостила его мороженым, так он потом преследовал их несколько километров, следуя по пятам и периодически подбегая и заглядывая в глаза с немой просьбой "дай чё-нить!"

Из-под бочки показался таракан, пошевелил своими длинными усами, как будто сканируя окружающий мир, и тут же скрылся обратно. Мол, люди еще не окончательно все передохли, провозглашать мир своим пока рано. Нужно подождать, пока люди окончательно перебьют друг друга, и вот тогда, мы, тараканы (как нас называют люди в этой Вселенной), получим возможность осуществить эволюционный скачок и создать цивилизацию, которую на самом деле заслуживает этот мир. А учитывая нашу способность переносить высокие дозы радиации, однажды мы пересечём великую пустоту космического пространства и заселим новые миры, которые так и остались недоступны человечеству.

Пройдут тысячи, сотни тысяч, миллионы лет, и какой-нибудь тараканий учёный раскопает окаменевшие кости существ, которые когда-то считали себя венцом творения и детьми Господа Бога, который сотворил их по своему образу и подобию. Только всё это будет обычным прахом... пылью и камнем. И тот таракан, что раскопает кости и возможно какие-то ещё чудом сохранившиеся артефакты, с детства будет уверен, что Бог по своему образу и подобию создал именно его, а не этих странных существ, некогда населявших планету, и у которых кости были внутри тела, а не снаружи, как и задумывалось Всевышним для нормальных существ. Не исключено, что именно поэтому они и вымерли, ведь, где это

видано, чтобы мясо нарастало на скелет снаружи, а не внутри, это же не логично! Чудны однако пути эволюции, подумает таракан-палеонтолог, перебирая суставчатыми лапками окаменелости.

Влад поморщился.

И что, это будущее Земли — тараканы? Они переживут и ядерную войну, и химическую, и биологическую, будьте уверены. Внезапно в голову пришла мысль, что он уже очень давно не видел ни одного таракана. Нет, ну реально! Последний раз, когда он сталкивался с этими рыжими чертями — лет двадцать назад! Он даже вспомнил, как читал похожие посты в соцсетях, в которых люди удивлялись тому, что давно уже не встречали тараканов: ни рыжих, ни чёрных.

Порой казалось, что народ обеспокоен исчезновением тараканов даже больше, чем вымиранием пчёл. Хотя, что касается пчёл, то это больше напоминало какую-то городскую легенду: кое-где, то там то сям, пасеки ещё встречались в порядочном количестве, да и пчёлы нет-нет да и ужалят кого-то из знакомых по лету. А вот тараканы как-то резко исчезли, будто затаились, чего-то выжидая. Закопались поглубже в землю, в канализацию, ведь как говорится, бережённому бог бережёт. Свой тараканий бог. Человеческий походу уже покинул эту планету, махнув на всё происходящее рукой.

Неужели тараканы ждали именно этого — когда люди в очередном приступе безумия захотят истребить друг друга? А этого рыжего типа просто послали проверить, мол, как там человеки, ещё не все передохли от радиации? Нет, пока ещё трепыхаются кожаные мешки, гремят костями, что-то пытаются изобразить. Ну, тогда ещё подождём.

Люди продолжали тихо общаться у импровизированной печки. Оранжевые блики огня играли на лицах собравшихся свой затейливый танец.

— А Паша, это ваш молодой человек, Алина? Вы говорили, что он вас крепко держал за руку, когда вы бежали в сторону метро, — решила уточнить мать мальчугана в пуховике. — Он здесь, с вами?

Алина молчала. Она будто бы не услышала вопроса. Пауза затягивалась, и когда уже казалось, что она не ответит, тихо произнесла:

— Нет, его здесь нет. Он погиб во время давки на эскалаторе. Толпа нас разделила ещё на входе на станцию, он отстал, а меня увлекли вперед. Потом был второй взрыв и люди стали валиться вниз. Я просто больше его не видела. Из нашей компании, на том дне рождения, выжила только я. Повезло.

На последнем слове Алина горько усмехнулась. Женщина протянула руку и дотронулась до плеча Алины.

— Ну, может быть он всё-таки жив? — она явно пыталась ее приободрить.

Алина замотала головой, на ее глазах вновь проступили слёзы. Похоже, было, что она вот-вот разрыдается и всё напряжение последних дней вырвется наружу как лава из проснувшегося вулкана.

— Я не хочу в это верить, я не хочу давать себе ложную надежду. Чудес не бывает, — она попыталась взять себя в руки, но внезапно она стала содрогаться всем телом в глухих приступах плача. Вулкан всё-таки взорвался.

— Да ты поплачь, поплачь, дочка. Может, станет легче.

В то, что станет легче, Влад однозначно не верил, сам проходил через подобное. Ни в случае девушки по имени Алина, ни вообще. Ни плачь, ни время не лечат. Время может затереть воспоминания о горе, но не излечить душу.

Город буквально на глазах приобретал черты, которые до этого ему приходилось видеть только в кино. Обездоленные люди, кучкующиеся в лагерях для беженцев, много военных на улицах, жуткий дефицит продуктов, периодический вой сирены, возвещающей о возможном налёте вражеских беспилотников или бомбардировщиков.

— А мы вот из Пскова, — продолжила она, успокаивая Алину, наверное, решила, что история её мытарств поможет заглушить переживания Алины. — С первых дней нас стали страшно бомбить, не проходило и суток, чтобы не звучала сирена и в небе не появлялись очередные бомбардировщики, или не падала ракета. Потом вроде армия сориентировалась, и стало потише, но не надолго. Говорят, в Эстонии и Латвии огромные войска сконцентрированы, оттуда и устраивают налеты. Наши бьются отчаянно. Однажды мы пошли за хлебом, а когда пришли, то наш дом уже был разрушен. Девятиэтажка была уничтожена почти полностью. Говорят, крылатая ракета. Лупят уже без разбору, лишь бы куда попасть. Вот так вот, вышли из дома, а возвращаться уже было некуда. Только растерянные люди, да спасатели по развалинам ползают, выживших ищут, да погибших откапывают. Отца убило еще в первые дни.

С этими словами она обняла и крепче прижала к себе мальчика. Влад так и не понял, это ее сын, или нет. Племянник? Может быть. Да и по виду женщины было не разобрать, мать она ему или просто молодая бабушка. Сыном ни разу, опять же, не назвала.

Влад решил, что здесь он услышал всё, что можно и пошел дальше, в ту сторону, откуда чаще всего приходили и куда уходили военные или сотрудники МЧС. И действительно, через пару минут блужданий по палаточному городку, он набрел обособленный шатер, над которым висел российский триколор, а у входа стоял, по всей видимости, часовой.

Солдат неспешно курил, держа двумя пальцами сигарету и выпуская клубы сизого дыма, но как только Влад приблизился на достаточно близкое расстояние, бросил сигарету в лужу и технично перехватил наизготовку автомат.

— Стоять! — приказал караульный, когда Влад подошел ко входу в палатку. Сквозь небольшое полиэтиленовое окно пробивался свет электрической лампочки. — По какому вопросу?

Не опуская ствол автомата, который держал в правой руке, часовой поднял левую руку ладонью вперед в запрещающем жесте. Понятно было, что если что, то выпустить очередь он сможет без особых колебаний.

— Да я как бы по вопросу работы. Мне знакомый из полиции сказал, что сюда можно обратиться, а то фирма накрылась медным тазом, а жрать-то хочется, — он решил говорить, как есть, да и скрывать, собственно было нечего.

— Из местных? — часовой, казалось, слегка успокоился.

Влад утвердительно кивнул.

Солдат с сомнением посмотрел на Влада, но сделал знак подойти ближе, после чего провел быстрый обыск, похлопав руками по одежде Влада.

— Что в кармане? — спросил он, кивнув на карман куртки.

— Нож. Складной. Чисто на всякий случай. Времена не спокойные.

— Необходимо сдать, получите обратно на выходе.

Заполучив заветный нож, часовой еще раз проверил Влада уже с помощью ручного металлоискателя.

— Ждите здесь, — коротко произнес он и скрылся за зеленым пологом.

Спустя несколько секунд приговоров по рации, солдат коротко бросил "Проходите!".

Влад зашел в палатку и встал в нерешительности. Куда идти-то? Явного командира среди присутствующих он не мог выделить. Разве что сориентироваться по погонам? Прямо рядом с входом никого не было, здесь стояли сложенные друг на друга ящики и прочий скарб, в том числе кули и одиноко прислонившиеся к брезентовой стене складные носилки. Помещение было освещено равномерно развешенными не слишком мощными электрическими лампочками — где-то недалеко мерно тарахтел генератор — из-за чего глазам пришлось привыкать к такому режиму освещенности.

Присмотревшись, он увидел в глубине палатки два поставленных друг против друга стола, с установленными на них ноутбуками и мониторами. За обоими сидели военные. Ну и кто из них тут главный?

Внезапно один из них обратил внимание на вошедшего и рукой пригласил подойти. Влад быстро прошел к подозвавшему его офицеру, который оказался майором. В остальных знаках и значках Влад сильно не разбирался, поэтому не смог определить принадлежность майора к какому-либо конкретному роду войск, да и не разглядел он их. Разве что по общим тенденциям окружающего мира, он мог догадаться, что майор, как и остальные присутствующие в палатке принадлежали к войскам радиационной, химической и биологической защиты. Хотя, кто его знает, может, командовать лагерем поручили какому-нибудь пехотному офицеру из или внутренних войск. Нашивка над карманом сообщала, что майор носил фамилию "Гареев".

В углу, прислонившись к зеленому армейскому ящику, сидел военный в костюме РХБЗ, только противогаз был снят, и было видно, как у него лбу слиплись мокрые от пота волосы, а под глазами образовались темные круги.

— Я не понимаю, как некоторые из них еще живут. На них живого места не осталось. Я ведь такое раньше видел только на картинках, да на видео. А тут всё в реале! Никому такого не пожелаешь.

— Ты хоть обработку-то прошел, что в таком виде сюда заваливаться? — обратился к нему майор Гареев, переключив внимание с Влада на собеседника. Влад продолжал стоять, ожидая, когда к нему обратятся напрямую.

— Отвали, слушай, я спать хочу. Обработан я полностью с ног до головы, два раза.

— Ну, тогда иди отдыхать. Нехрен здесь околачиваться в таком виде, только народ в лагере пугаешь. Люди итак натерпелись, а здесь ещё ты в боевом облачении.

Военный поднялся, взяв противогаз в руки и, проследовав мимо Влада, покинул штабную палатку. Гареев проводил его взглядом и, наконец, обратил свой взор непосредственно на стоявшего поблизости Влада.

Майор, признаться, выглядел не многим менее уставшим, чем покинувший палатку военный. Он сидел за столом, а перед ним стоял ноутбук, тускло подсвечивающий его лицо, на столе были аккуратно разложены бумаги, за спиной висел большой плакат наглядно демонстрирующий, что нужно делать в случае ядерного взрыва. Понятно, что плакат выполнял, скорее, роль наглядной агитации для тех, гражданских, что оказывались в здесь, военные-то наверняка на зубок знали, что да как делать, узри они ядерный гриб. Пока майор разговаривал с тем в противогазе, Влад изучал картинки на стенде. "Увидев вспышку, упасть на дно окопа. Запустить секундомер, ждать прихода звуковой волны. Доложить командованию..." "Если при вспышке ядерного взрыва по близости не окажется никакого укрытия, необходимо быстро лечь на землю ногами по направлению к взрыву." Так себе способ спастись, подумал Влад, взрывная волна поднимет с земли всё что не приколочено,

но на безрыбье и рак рыба, пару процентов к вероятности выжить это действительно может добавить. Другое дело, что последующая жизнь может оказаться хуже смерти, но это уже другой вопрос.

"Чтобы избежать поражения глаз, ни в коем случае не смотрите на вспышку взрыва. Закройте глаза руками, быстро лягте на землю", "Спрячьтесь в придорожной трубе, проходящей под насыпью...."

— Чего надо? — вздохнул майор Гареев, оборвав изучение Владом наглядных материалов.

Влад внутренне приготовился к трудному общению с военным. Жизненный опыт показывал, что люди, надрюченные постоянной дисциплиной, которая просто так становится естественной частью их самосознания, а военнослужащие как раз были из их числа, общаются с окружающим миром по параллельно-перпендикулярному принципу. Тона и полутона им почти не известны, а если и известны, то они предпочитают держать это знание при себе. С другой стороны, у такого образа мышления есть и свои плюсы: задаёшь чёткий вопрос — получаешь чёткий ответ. Однако мозг сам собой вытаскивал из закоулков сознания образ капитана Смоллета из ещё советского мультфильма "Остров сокровищ". Как там было: "Они заряжают пушку! Зачем?! Что? Да! Они собираются стрелять!"

— Ищу работу, товарищ майор, — ответил Влад. — Фирма, где я работал, судя по всему, прекратила свое существование, все разбежались как крысы с корабля, вот... нужны, как говорится, средства к существованию. Готов на любую работу.

— Прямо-таки на любую? — устало уточнил майор, переворачивая пальцами карандаш и ударяя им об стол.

В какой-то момент стало так тихо, что стало слышно шум, исходящий от системных блоков, стоящих в палатке компьютеров. Обычно на такой шум не обращаешь внимания, он идёт фоном и перекрывается другими раздражителями внимания.

— Ну, желательно, чтобы не убивать людей, — ответил Влад.

В памяти почему-то всплыли газетные заметки с объявлениями "согласен на любую работу", и как по таким объявлениям заказчики реально находили исполнителей заказных убийств, как профессионалов, так и просто отчаявшихся людей, попавших в трудную жизненную ситуацию.

— Да у нас тут юморист, как я посмотрю! — сказал он так, чтобы услышали остальные военные в палатке. Послышался легкий смешок. — Пацифист что ли? Может, вы не заметили, но у нас война на дворе. А на войне приходится убивать.

Только сейчас Влад заметил, что кроме него, майора и лейтенанта, сидевшего за столом напротив, за ящиками полулежит еще один военный.

— Да нет, просто необходимый опыт отсутствует. Никогда не убивал. Даже на охоту не ходил, так, стрелял по тарелочкам иногда. Не знаю, какотреагирую. А так, что скажете, то и буду делать в пределах компетенции и возможностей.

Майор перестал вертеть карандаш и положил его рядом с открытым блокнотом, листы которого были испещрены резким, но чётким почерком. Не чета тому, как писал сам Влад с его еле понятной скорописью, которую даже он сам не всегда умудрялся разобрать. Компьютер и текстовые редакторы идут явно не на пользу мелкой моторике и красивому почерку.

— Ну, хотя бы честно, а то ходят тут всякие, — майор размял лицо руками. — Ладно, давай: имя, фамилия, отчество, дата рождения звание, если есть... паспорт, военный билет.

Влад назвал полное имя, фамилию, отчество, год рождения.

— Рядовой запаса, — он протянул военный билет майору.

— Не служили что ли? — сморщился майор.

— Не служил, но мужик.

— Ну, это как посмотреть, — с сомнением в голосе произнёс майор.

— Шойгу тоже не служил срочную, — напомнил Влад.

— Юмор — это хорошо, рядовой запаса, без юмора сейчас совсем никак, да и вообще никак, — проговорил майор, на мгновение подняв глаза и листая военник Влада, заострив внимание на странице, где был указан размер головы, посмотрел оценивающе на Влада, а потом пролистал опять вперёд.

Он еще раз вернулся на несколько страниц назад и вновь

— Что-то здесь с размерами наврано. Если вам выдать противогаз по тем, что размерам, что указаны в военном билете, он на вас явно не налезет.

Влад пожал плечами. Военник, понятное дело, был выдан давным-давно и ему, если честно, было всё равно, что там написано. Собственно, с тех пор, как его выдали, он, если им и пользовался, то только для предъявления в отдел кадров при устройстве на работу.

— Годы идут, товарищ майор. Голова растёт. Помню, тогда тоже не особо замеряли, написали в военкомате на глаз и посчитали, что и так сойдёт.

Майор задумчиво кивал головой.

— Значит, откосил? — майор испытующе посмотрел Владу в глаза.

Влад отметил про себя, что майор перешел на "ты". Что это просто переход на менее формальный уровень общения или своего рода проявление некоторой степени презрения?

— Нет, не косил, всё по закону, — Владу не было причин чего-то стыдиться. Он спокойно выдержал взгляд майора.

Майор Гареев недовольно хмыкнул. Ну, оно и понятно: у военных своё, особое отношение к тем, кто не служил, независимо от причин.

— Финансовая служба, значит.

— Так точно, — подтвердил Влад, — тоже определили ещё в военкомате. Видимо исходили из полученного мной образования.

— Получается, желаешь поступить на службу, рядовой запаса?

Вообще-то Влад не планировал сходу записываться в ряды армии, решив, что когда призовут, тогда и пойдёт, а всеобщую мобилизацию пока не объявляли. Проявлять излишнюю ретивость, пока есть еще люди, готовые заниматься военным делом профессионально, он не хотел.

Влад предпочитал наниматься на какую-либо работу и выполнять её, не сильно вываливаясь за рамки должностных обязанностей, но стараясь при этом делать работу максимально качественно. И не важно, какой сложности и какого рода это была работа. Если он понимал, что его знаний и навыков не хватает, он просто за неё не брался. Отношения с нанимателем предпочитал поддерживать исключительно деловые, дабы лишней раз не разочаровываться потом в человеке, тем более, что поводы в прошлом уже были.

— Насколько мне известно, у вас должны быть гражданские должности, — задумчиво произнес он.

— А послужить Родине желания, значит, нет?

— Если вы меня примите на работу, я и так буду ей служить, не важно в погонах или без

онных. Объявят всеобщую мобилизацию — укрываться от призыва не буду, а пока не вижу смысла.

— Без оных... — вполголоса зачем-то повторил майор. — Ну, по крайней мере честно.

Майор смотрел в монитор компьютера, периодически прокручивая колёсико мыши и стуча по клавиатуре. Наверное, сверялся с какими-то базами. В какой-то момент Владу показалось, что майор забыл про него и ему как бы стоит уже идти, но тут майор Гареев вдруг поднял на Влада глаза.

— Ну, люди нам сейчас нужны, как никогда, из беженцев служащие по объективным причинам так себе. На огромное жалование рассчитывать не придётся, ещё будет паёк едой.

— Да уж хоть какую-нибудь получать. И еда не помешает. Как говорится, не до жиру, быть бы живу, товарищ майор.

Майор промычал, что-то нечленораздельное.

— Короче, будет у тебя работа, — подытожил он. — Судя по тому, что я на тебя накопал, ты нам подходишь, но потребуется еще дополнительная проверка, сам должен понимать.

Влад кивнул, соглашаясь. Не в первый раз он проходил такие проверки.

— Так, у тебя был оформлен допуск к сведениям, составляющим государственную тайну... по первой форме. Значит с порядком в какой-то степени знаком, так?

— Знаком, но допуск уже не действует. Давно это было.

— Разберёмся.

Он еще что-то просмотрел на мониторе, понажимал клавиши и подписал некий бланк.

— Приходи дней через пять, — велел майор, — должно хватить, чтобы проверить тебя. Раньше бы управились и за сутки, но сейчас связь работает, сам знаешь как. Валя, пробей этого гражданина по всем имеющимся базам и сними у него отпечатки, как положено. А с этим придёшь в следующий раз.

Майор Гареев протянул Владу листок с надписью "пропуск", а листок с записями — молодому лейтенанту, сидевшему за соседним столом, тот встал из-за стола, подошел и принял его. Вернувшись на свое место, он тут же стал набивать на клавиатуре. Потом подозвал Влада и с помощью сканера сделал дактилоскопические снимки и ладоней с пальцами и пальцев отдельности. После чего вернулся к поиску компромата на Влада, который остался стоять, вспоминая, как однажды ему приходилось проходить похожую процедуру, только тогда он еще минут десять отмывался от черной краски, которой измазали кисти его рук.

— Ну, что стоишь? — Гареев поднял взгляд на Влада. — Свободен.

Влад кивнул, поняв, что аудиенция окончена и вышел из палатки, направившись домой. Сегодня он уже наслушался и посмотрелся достаточно, да и желудок настойчиво напоминал о необходимости что-нибудь употребить в пищу. Вообще-то хотелось откровенно жрать, и он даже стал жалеть, что часть бутерброда отдал бродячему псу. Он машинально огляделся: не хватало ещё, чтобы животина увязалась за ним, но нет, пса поблизости видно не было.

— Твою мать! — сквозь зубы выругался он, когда не обнаружил у входа солдата, изъязвленного у него при обыске нож. Перед ним стоял уже совершенно другой боец, лишь мельком взглянувший на Влада.

— А где тот, что здесь до тебя стоял?

У солдата даже изменилось лицо, и брови полезли вверх.

— А мне почём знать? Мне сказали явиться на пост, я явился, а куда этого вызвали, не

моё дело.

— Он у меня нож изъясил, обещал вернуть, когда я выйду.

— А я тут при чём?

— Понятно... — протянул Влад и побрёл домой без ножа. Хороший был нож, однако, дарёный, несколько лет служил верой и правдой, ни разу не сломавшись, и сталь была отличная, бумагу можно было резать. Сходил, млять, на поиски работы.

В следующие два дня не произошло чего-либо заметного и интересного, если не считать того, что со стороны Эстонии поступали сведения о скоплении значительного контингента противника, и об огромном количестве беженцев из этой страны из-за развернутых этнических чисток. А кто уехать не успел, попал в лагерь для неблагонадежных элементов, к которым, по понятным причинам, были отнесены все, кого заподозрили в малейшей лояльности к России, а в категории таковых попадали, в первую очередь, все русские и русскоязычные. Что это было пропагандой военного времени или реальность — было не понятно, но, учитывая, то как вели себя местные власти ещё до войны, поверить лагеря и этнические чистки русских было не сложно. Скажи Владу, что эстонские вояки нацепили на себя эмблемы SS, он бы ни разу не удивился.

Помнится, Влад ещё по молодости был удивлён, как это страны, в которых прямо прославляются бойцы Waffen SS и которые ежегодно ходят маршами памяти по улицам городов, считают что концентрационные лагеря это лагеря трудовые, если вообще не санатории, были приняты в Евросоюз и НАТО. Впрочем, если с НАТО было более-менее понятно, так как там заправляли Штаты, ставшие одно время на пару с Канадой убежищем для нацистских преступников и коллаборационистов, то с Евросоюзом была некоторая непонятка. Всё-таки это объединение строилось на принципах толерантности, взаимного уважения и правах человека, которые вообще-то не сильно вяжутся с принципами Третьего Рейха. Однако впоследствии он перестал удивляться. Двоемыслие, о котором писал Оруэлл, явно цвело и пахло в структурах, возглавляемым Брюсселем. Доходило до того, что те же самые лица, которые считали служивших в рядах SS героями своей нации, не стеснялись обвинять в фашизме официальных и не очень лиц России. Короче, творился какой-то сюр.

Что стало ещё известно за эти дни? Например, то, что Севастополь, на удивление, не подвергся ядерной бомбардировке, видимо противник планировал разместить там свои войска, а для этого полуостров должен был быть чистым в плане радиации. В целом Крым держал оборону подобно Калининградской области, благо, всё время с того момента, как полуостров перешёл под российскую юрисдикцию благодаря дурости украинствующих элементов, его накачивали вооружениями. Как оказалось, не зря. Налёты натовской авиации, которые поначалу носили массовый характер, вскоре превратились в эпизодические. Что было и не удивительно, учитывая количество сбитых как пилотируемых, так и беспилотных машин. Отправляться на убой румынские или болгарские лётчики не сильно хотели, хотя, судя по всему, в Вашингтоне именно им была поручена роль пушечного мяса.

В то же время в районе Новороссийска складывалась тяжелейшая ситуация. Город был разрушен в результате удара, значительная часть флота уничтожена, а остальная передислоцировалась в Крым. Крымский мост был разрушен, массивным ракетным ударом, сделав проход крупных кораблей и судов через Керченский пролив невозможным. Разрушенные пролёты даже показали по центральному телевидению. Впрочем сейчас всё телевидение было центральным. Все технические мощности телеканалов и персонал перешли в подчинение государству.

В общем, Крым держался и был настоящей занозой в натовской заднице, правда, были проблемы с водоснабжением из-за засушливого 2020 года, но сейчас уже было не до этого, тем более, что нельзя было исключать выпадения радиоактивных осадков. Водой будут заниматься выжившие, потом. А сейчас с полуострова шла эвакуация всех невоеннообязанных и пожелавших покинуть полуостров, в первую очередь стариков, женщин и детей. К сожалению, уже имела место атака на пассажирский самолёт с беженцами, что привело к гибели более чем трёхсот человек. Поэтому основной упор было решено сделать на сухопутный коридор. Тем более, что теперь с этим было гораздо меньше проблем, чем раньше.

Взорвавшаяся над Днепропетровском американская ядерная ракета кардинально изменила расклад сил в регионе, и, несмотря на разрушенный мост, Крым теперь снабжался не только по воздуху, что было сопряжено со значительными рисками, да и возможности крымских аэродромов были после ракетных ударов сильно ограничены, но и по суше через Донецкую, Запорожскую и Херсонскую области. Как не пытались американцы да особс упоротое свидомостью украинское руководство выдать взрыв над Днепропетровском за российскую атаку, объективные данные говорили об обратном, и информация об этом быстро распространилась по украинской армии и среди населения. Оправдания американцев, в том ключе, что это была досадная ошибка, и что ради общего дела противостояния москалям надо понять и простить, не возымели должного эффекта. Несколько сот тысяч погибших жителей Днепропетровска, или, как его называли после "революции гидности", Днепра были не тем сопутствующим ущербом, от которого можно было бы так просто отмахнуться.

"Collateral damage", так, кажется, это называют американцы. Для них какие-то туземцы вообще не представляли никакой особой ценности, кроме той, что должны были воевать за американские интересы до последнего украинца, молдаванина, румына, болгарина... Попытка съехать с темы по принципу "мол, чё вы там, с кем не бывает" обернулась серьёзным провалом на их восточном фронте.

Кто-то сказал, что первым в пылу боя погибает план сражения. Есть, конечно, выражение и про правду, первую жертву войны, но в данном случае вариант с выброшенным в помойку планом ведения войны подходил намного точнее. Вряд ли те, кто затевал немислимое — ядерную атаку на Россию — рассчитывали, что всё пойдёт так, как пошло. Скорее всего, в мусорную корзину отправился и план "В" и план "С". Если, конечно, в своей уверенности моментального разгрома Москвы инициаторы нападения вообще разрабатывали какие-либо запасные планы. Вы в курсе, что во время Второй Мировой у Германии не было плана на случай поражения в войне? Вот. А у Великобритании был. Был и у Советского Союза.

В общем, не оценив глубину извинений американской стороны, которые, по правде, выглядели как откровенная издевка над папуасами (не в обиду последним), значительная часть ВСУ взбунтовалась и послала в известном направлении и генштаб и президента. Последний, к слову, куда-то пропал и не давал о себе знать с самого начала конфликта, лишь изредка выпуская в сеть видеообращения из какого-то бункера не то с Западной Украины, не то вообще откуда-то из Европы. Особо упоротые бандеровские кадры из гражданских в зоне т. н. ОРДЛО были арестованы и высланы в направлении Киева, а тем, кто проявил особую свидомость и упорство в деле продвижения украинства пустили пулю в лоб, ну или в спину, при попытке побега.

В результате после недолгих переговоров при участии представителей российского военного командования была выработана тактика совместных действия отколовшейся части ВСУ и формирований Донецкой и Луганской Народных Республик против остальной части вооруженных сил Украины, сохранивших пока ещё верность Киеву. Собственно, в том числе, благодаря этому расколу в рядах ВСУ и стало возможным снабжение полуострова Крым по суше и эвакуация жителей тем же путём. Российские войска получили возможность беспрепятственного прохода по территории Украины, не опасаясь получить масштабную диверсионную войну в своём тылу.

Фактически имел место раскол некогда независимой Украины минимум на две части, судьбу которых было решено определить по окончанию войны. Знать бы только, когда она закончится.

Добавьте к этому бунт в Одессе, и вы получите всё Черноморское побережье Украины в распоряжении России. Тактическая группа, переброшенная на помощь восставшим, быстро навела порядок в портовом городе, что привело к масштабному бегству украинских националистов, уверенно время окопавшихся в этом прибрежном городе. И да, 2-е мая кое-кому припомнили. Тем не менее, как и прошлом веке, Одесса оказалась на передовой линии сопротивления. И пока перспективы удержания города выглядели не совсем радужно.

Российские военные журналисты вещали прямо из города, который подвергался постоянным налётам натовской авиации, большей степенью румынской, а противовоздушной обороны, по понятным причинам, почти не было. Попытка захвата фрегата ВМСУ "Гетман Сагайдачный", стоявшего на рейде, провалилась, и в итоге было принято решение его уничтожить.

Западная Украина была себе верна, впад в такой националистический угар, которого до настоящего времени ещё никто не видел, по крайней мере так рассказывали те, кто успел бежать на восток от массовых погромов и расправ. При этом американские наблюдатели и командиры в чьё подчинение фактически перешла оставшаяся часть ВСУ не могли ничего поделаться с разбушевавшимися украинскими националистами, которые вымещали свою злобу самыми кровавыми способами на всех, кто, по их мнению, не уважал ридну нэньку и не размовлял украинскою. В итоге, американцы просто-напросто умыли руки, отпустив вожжи.

Что-то происходило на Аляске, как-никак это самый близкий штат по отношению к России. В принципе в особо холодные времена, как читал когда-то Влад, до американского полуострова можно было дойти пешком по льду. Или это было в доисторическую эпоху? Как бы то ни было, по ТВ ничего особенного про Аляску не рассказывали, это были скорее слухи из разряда "одна бабка сказала". Что там происходило, доподлинно не было известно, хотя по остальным вопросам телевидение старалось оповещать население достаточно своевременно. И порой, даже чересчур открыто, как казалось Владу. Даже на его взгляд, власть пыталась сохранять какую-то видимость свободы, в том числе свободы информации, совсем не присущей военному времени. Тем более, это никак не вязалось с расстрелами мародеров и прочих бандитов, если их ловили с поличным. Хотя, скорее всего, в самое ближайшее время всё окончательно встанет на военные рельсы, и вообще всё это сугубо субъективное восприятие окружающей обстановки. Не исключено, что это такой тактический приём спецслужбистов в целях выявления подрывного элемента. Кто их эти спецслужбы разберёт.

Как бы то ни было, война, судя по всему, переходила в позиционную фазу с редкими больше диверсионными операциями в глубине территории противника. Казалось, что все

стороны замерли в ожидании, занятые приготовлениями к очередному большому броску. А он будет, хоть ты тресни. И скопление натовских войск в Эстонии тому подтверждение.

Правда это или пропаганда военного времени? Кто его знает. Но казалось, что в какой-то мере власть старается сохранить человеческое лицо, и не ввергать население в "прелести" военного времени сразу с головой, хотя определённая жестокость методов поддержания общественного порядка всё-таки имела место. В частности, Влад стал свидетелем расстрела группы мародёров, которые грабили брошенные хозяевами квартиры. Их поставили на колени на грязный асфальт прямо на улице, рядом валялось награбленное добро, двое из них развозили сопли по лицу, умоляя их пощадить, еще двое, казалось, приняли свою судьбу. Раздалась команда, и группа из четырёх же полицейских под командованием пятого одновременно нажали спусковой крючок. Четыре выстрела слились в один. Тела безвольно повалились на мокрый осенний асфальт. Неподалёку скопилась группа прохожих, которые тихо о чём-то переговаривались между собой, пожилая женщина в платке перекрестилась. Никто и не собирался скрывать казнь, все должны были понять, что ситуация серьёзно изменилась и порядок будет поддерживаться самыми жёсткими методами.

В один из дней всё-таки раздался сигнал тревоги, оповещающий население об опасности радиационного заражения. На город надвигался циклон, суливший залить город радиоактивными осадками, можно было наблюдать, как народ бежит домой, чтобы максимально закрывшись в домах и квартирах пережить смертельный дождь. Бежали и Влад с Алей, отстояв длинную очередь за хлебом, но так его и не купив, не до этого было. Звук сирены, волнами наполнявший городские улицы, подстёгивал, словно бич надсмотрщика, одним своим звуком заставляя рабов трудиться интенсивнее. Все понимали, что тревога не учебная, все понимали, что всё по-настоящему.

В квартиру они ворвались в состоянии загнанных лошадей, готовых рухнуть и тут же околеть, но времени не было даже на это, надо было быстро проверить все окна и заклеить скотчем малейшие щели. Хорошо, что совсем недавно Влад, найдя в кладовке неиспользованную ёмкость с монтажной пеной, заполнил ей щели между бетонными плитами на лоджии, какая никакая, а защита.

Потом очередь дошла до вентиляции, которую тоже пришлось закрыть, учитывая, что короб выходил прямо на улицу, рисковать не хотелось, уж как-нибудь переждем и не задохнёмся, пока отравленный дождь будет колотить по стёклам.

По уму надо было бы еще и двери в подъезде законопатить, да хотя бы полиэтиленом закрыть, но вдруг кто из жильцов прибежит, а войти никак? Да и плёнки на все подъезды всё равно не хватит. Влад смотрел с балкона как люди в панике бегут по домам под звуки надрывающейся сирены. Вот по улице, не спеша, проехал военный фургон с установленными на крыше громкоговорителями, из которых граждане оповещали о надвигающейся опасности и необходимости укрыться как можно скорее, а также о подготовленных убежищах для тех, кто по каким-либо причинам замешкался и не может попасть домой.

Город замер в ожидании смертельного дождя. Только звук сирены разрывал пространство.

Однако, в последний момент погода сжалилась над людьми и направление ветра изменилось. Город остался относительно чистым, чего не скажешь и широкой лесополосе и нескольких деревнях севернее. Благо там почти никто уже не проживал и эвакуация нескольких десятков жителей, в большинстве своём пожилых пенсионеров, не вызвала затруднений. Влад представил, как они покидали свои дома, в которые им уже наверняка не

суждено вернуться, и стало грустно. Вариантов, что им когда-то удастся это сделать, почти не было. Дезактивировать в ближайшем времени эти деревушки наверняка никто не будет, не до этого, а сами хозяева домиков могут элементарно не дожить до того самого момента возвращения. Вон, Припять сколько лет уже заброшенной стоит, никто не возвращается. Да, есть те, кто на свой страх и риск приезжает жить в такие же сельские дома, как и здесь, но таких единицы, и ради этих единиц огромная государственная машина навряд ли будет шевелиться. Войну бы пережить.

Помимо огромного числа беженцев, пребывавших, в первую очередь, из Ленинградской и Псковской областей, город быстро наполнялся военной техникой и непосредственно военными. Хотя попадались люди и из Мурманска, который также был атакован ядерным оружием и из Петрозаводска, но из последнего бежали в большей степени из-за того, что ожидали полномасштабных военных действий с использованием так называемых обычных вооружений. Встретить танк или БТР на улице уже не было чем-то неожиданным. То и дело проносились "Тигры" с установленными на крышах пулеметами. То тут, то там асфальт был перепахан танковыми траками.

За это время под размещение беженцев уже отдали рядом находящийся городской дом культуры, собственно туда же перебралось армейское руководство по управлению всеми лагерями беженцев в городе. На это Владу указал один из эмчээсников, когда тот обнаружил, что палатка, где еще пару дней назад он имел разговор с майором Гареевым, заполнена стройными рядами раскладных коек, занятых людьми. Кашель, чих, скрип пружин, где-то в глубине тихо плачет ребенок.

Буквально перед зданием Дома культуры, спилив росшие там сосны, организовали вертолетную площадку. Там же стоял узнаваемый по фильмам про Афганистан вертолёт Ми-8 с установленным на подвесках вооружением и звездами на бортах. При этом центральная площадь города вообще была перекрыта военными и перепрофилирована в одну сплошной аэродром для винтокрылых машин, которые то и дело барражировали над городом, распугивая голубей и ворон, которых тоже заметно прибавилось за последние недели. То и дело от громкого звука, издаваемого лопастями, начинала верещать автомобильная сигнализация, припаркованных автомобилей.

Подъезды ко многим административным зданиям были перекрыты блокпостами и бетонными блоками, уложенными на проезжую часть в шахматном порядке. Самые широкие улицы тоже были перегорожены, и в других местах тоже возводились укрепления. Создавалось впечатление, что город готовят к обороне и уличным боям. Но что тогда делать с беженцами, которые всё прибывали и прибывали? По слухам, их переправляли вглубь страны по отремонтированной железной дороге, но сам Влад этого не наблюдал. Александр, тот, что капитан полиции, рассказал, что за городом начали восстановление старого аэродрома, который прекратил своё существование ещё в начале 90-х как не нужный и нерентабельный атрибут социалистической эпохи. Людей будут вывозить с помощью авиации? Вполне может быть. А может быть, военные строят его для своих военных целей. Кто знает.

Передвигаться по городу самостоятельно и в одиночку становилось всё сложнее. Влада уже два раза останавливал военный патруль для проверки документов, а один раз даже пришлось пройти под конвоем в комендатуру для выяснения личности, несмотря на то, что паспорт был показан тут же и без препираний. Видите ли, он был похож на фоторобот какого-то мародёра. Всё шло к тому, что ночевать пришлось бы в застенках, но дежурный

всё-таки внял просьбе Влада и позвонил в полицию, где служил знакомый капитан с четвёртого этажа его дома.

Если честно, Влад не сильно рассчитывал, что этот звонок ему поможет. Пускай они с капитаном, и были соседями по подъезду, но близкими друзьями не являлись. Перебрасывались, бывало, парой фраз, да "прикурить" давали друг другу, если у кого аккумулятор разряжался. Но, попытка не пытка, решил Влад, и каким-то чудом смог убедить дежурного набрать указанный им номер. Представлять, что будет с Алей, если он не придёт домой ночевать он даже не хотел, обзвон больниц и моргов с последующей истерикой, учитывая ситуацию, был гарантирован. А под его описание может попасть далеко не один труп, доставленный в место складирования.

Несмотря на обоснованные опасения, что звонок не даст ожидаемого результата, где-то через час подъехал Александр, всё также в бронике и с АКСУ наперевес. Показал удостоверение, подождал, пока дежурный сделает звонок и, наконец, пошёл вместе с военным выпускать Влада из-за решётки.

Выйдя на крыльцо комендатуры, капитан, как обычно, достал пачку сигарет и нервно закурил.

— Тебе бы на работу устроится побыстрее, Влад, а то народ сейчас нервный, — он кивнул в сторону комендатуры, — на всех празднично шатающихся реагируют как собаки на котов. А так, бумагу дадут, что ты приписан к тем-то и тем-то — проблем меньше будет. Ты сходил, куда я тебе советовал?

— Конечно, сходил, сказали подойти через пару дней, пока проверять будут. Не сидеть же мне безвылазно дома и ждать пока на тебя свалится очередная ядерная бомба, мочи нет!

— Сплюнь! — произнёс капитан и даже вроде изобразил что-то вроде крестного знамения. — Не хватало ещё, чтобы сбылось. У меня жена каждый день молится, чтобы такого не повторилось. Никогда верующей не была, а тут как подменили! Да уж лучше и посидел бы дома, а то в следующий раз либо позвонить не дадут, либо я не смогу ответить. В городе творится, чёрт знает что, каждый день кого-нибудь убивают, прямо, как с цепи все сорвались. Вчера было четыре вызова — людей грохнули прямо в собственных квартирах.

— Мародёры?

— Да кто их разберёт, может, что и вынесли, но я только мёртвые тела видел: расстреляли кого в лоб, кого в спину.

— Пытались спастись?

— Похоже на то. А главное, двери, судя по всему, жильцы сами открывали, — Александр бросил окурочек на тротуар и наступил на него носком ботинка.

Влад поёжился, холодало. Александр на удивление оптимистично ухмыльнулся:

— Ладно, бывай! Прорвёмся!

Они пожали друг другу руки и расстались, Влад пешком отправился домой. А мог бы на машине, подумал он, если бы она, конечно, не поломалась перед самым нападением, и не стояла сейчас во дворе без дела. С другой стороны, бензин достать для личного транспорта стало почти невозможно, на заправках во время привоза скапливаются огромные очереди и отпускают только в бак и никак иначе. Тем не менее, на чёрном рынке (куда ж без него в такое время) топливо можно было купить, но по дико конским ценам, хотя чего ещё ожидать от чёрного рынка. Правда, качество купленного таким макаром бензина оставляло желать лучшего, и движки часто глохли посреди дороги.

Да, на фоне заморозки цен на товары первой необходимости, чёрный рынок появился

почти мгновенно, и цены на нём рванули ввысь буквально с первой космической скоростью, потеряв всякую связь с реальностью. Даже не смотря на то, что за спекуляцию можно было огрести серьёзный срок, а то и отхватить высшую меру.

"Капчур" стоял во дворе. Сломался за несколько дней до отъезда, поэтому и пришлось воспользоваться поездом. А теперь уже и не известно получится ли отремонтировать, нужная деталь была заказана, но ожидать, что она будет доставлена почтой, было равносильно надежде на чудо. Каждый раз, проходя мимо, он смотрел на авто с грустью. Вздыхал, чертыхался про себя и хлопал ладонью по крыше железного коня. Надо всё-таки пошариться по знакомым, из тех, что не уехали из города, может, у кого есть. Хотя особых шансов на удачу не было.

Постепенно в городе беженцами заполнялись все свободные помещения общественных строений и зданий, а в местном дворце спорта, который имел аж целых два ледовых катка, устроили временный морг, куда помещались тела до опознания. Городские морги были уже забиты под завязку, ходили слухи, что нерадиоактивные трупы складывают в мешках прямо на земле, чему способствовало наступление холодов. Для жертв лучевой болезни сооружались настоящие могильники, так как сжигать такие тела, было признано опасным, радиоактивный пепел разлетался бы и оседал по округе. Хотя вот на Украине, как слышал Влад, ещё до войны вполне себе рубили древесину в зоне отчуждения вокруг ЧАЭС и пускали её на топливо для теплоэлектростанций. И да, зараженный радионуклидами пепел разлетался по окрестностям.

Холод, нарастающая антисанитария, как бы с ней не боролись, нехватка продовольствия и прочие негативные факторы сыграли свою роль в появлении нового штамма коронавируса, о чём Влад с Алей узнали из проезжавшего по улице фургона с громкоговорителями. Всем, понятно, рекомендовали (заставляли, видимо, решили бессмысленно) соблюдать масочный режим, о котором вообще-то в местах скопления беженцев можно было только мечтать, средств индивидуальной защиты элементарно не хватало. К тому же, будем честными, когда ты в маске, а на тебя кто-то чихает, то такая защита курам на смех.

Все знали, что существует вакцина, но когда её подвезут и в каких количествах, было совершенно не понятно. Не исключено, что производственные мощности были перенастроены на производство чего-то более ценного в данной ситуации.

В общем, если тебя не оросил радиоактивный дождь, то тебя вполне мог оросить новым коронавирусом какой-нибудь чихнувший прохожий. Никто об этом особо не говорил, но складывалось ощущение, что от вируса умирало людей больше, чем от лучевой болезни. Обстановка постоянной опасности нервировала и угнетала. И одно дело, когда по тебе шарахает артиллерия или ты рискуешь быть разбомбленным во время очередного налёта, и другое — бояться того, чего ты даже не можешь увидеть, а когда поймёшь, что заболел, уже будет поздно. Хотя и к такому, наверняка, привыкнешь. Человек ко многому может приспособиться. Почти как таракан. Почти.

У входа в Дом культуры, внезапно превратившегося и в гостиницу для беженцев и армейский штаб, стояла пара часовых, которым Влад показал пропуск, несколько дней назад выданный майором Гареевым. Один из них по рации передал запрос и, получив утвердительный ответ, разрешил пройти внутрь здания, предварительно проведя обыск. Внутри пришлось пройти через рамку металлодетектора и еще один, становившийся уже привычным обыск. Ну, надо так надо, подумал Влад. В конце концов, времена беспокойные, обстановка обязывает.

Влад поднялся по лестнице и прошел по коридору в поисках кабинета, на который ему указали. Пока он шёл, навстречу ему попадались чины уже повыше майора. Вот и нужный кабинет. Влад стучать не стал, он считал, что в служебном помещении все должны быть заняты делом, и стучаться выглядело в его глазах чем-то не логичным и глупым. Если кому-то очень было бы надо, то дверь бы просто закрыли на ключ. Впрочем, в данном случае, стучаться в дверь было излишним даже для перестраховки, так как внутри располагалась маленькая приёмная, из которой уже можно было пройти в основной кабинет.

— Здравствуйте, — поздоровался Влад. — Я по поводу работы, был у вас несколько дней назад. Только тогда вы ещё в палатке располагались.

Перед ним сидел тот самый лейтенант, Валентин кажется, которому было поручено провести проверку Влада на предмет возможности найма. Он посмотрел на Влада, явно его узнал, вытащил листок А4 с из папки и пригласил пройти в кабинет. Видимо майор Гареев не страдал излишним формализмом, так как лейтенант даже не стал оповещать его о посетителе.

— А, это вы. Всё-таки решили прийти? — майор сидел за столом в небольшом кабинете, перед ним всё также лежали аккуратно разложенные стопки бумаг и включенный монитор компьютера, слабо освещавший его лицо.

Влад обратил внимание, что майор опять перешёл на "вы", хотя, в прошлый раз он очень быстро перешёл на "ты" в общении с Владом. Странная манера перескакивать в манере обращения начинала откровенно раздражать, но выступать с претензиями или с вопросами, он пока решил повременить, положение просителя к этому не располагало.

— Ну, мы же вроде договаривались о встрече, сказано было подойти через пять дней — ответил Влад. — Ваше предложение ещё в силе? Если, конечно, я прошёл проверку.

— Прошёл-прошёл, — закивал майор, перейдя на "ты", чего ж его так болтает-то? — Ну что же, если вы согласны на озвученные условия, для вас будет гражданская должность, хотя вы сами должны понимать, с определенными ограничениями и распорядком.

— Прекрасно понимаю.

— К тому же, не исключено, что, в скором времени всё-таки будет объявлена всеобщая мобилизация, и придётся принять на себя обязанности военнослужащего.

Влад пожал плечами:

— Ну, когда будет объявлена, тогда и приму обязанности. Пока меня и так всё устраивает.

— Тогда присаживайся, бери ручку и заполняй документы. Не забывай ставить подписи.

Майор Гареев достал из органайзера набор бумаг и передал их Владу, рядом легла простая шариковая ручка. Влад тяжело вздохнул, увидев уйму пустых полей анкеты, не отличающихся большим и в которые ему предстояло уместить большое число текста, при том, что его размашистый почерк вот ни разу этому не способствовал. Придётся помучиться, подумал он. Как же он терпеть не мог все эти бумажные дела, но необходимость кормить себя и жену вынуждала его уж как-то постараться в заполнении многочисленных граф и строк.

Из внутреннего кармана он извлёк и положил на стол заранее подготовленную стопку документов, начиная от военного билета, заканчивая трудовой книжкой и дипломом с паспортом.

Следующие двадцать минут, Влад заполнял анкеты и подписывал всякого рода согласия и ограничения, в том числе, связанные с государственной тайной, а майор брал уже

заполненные листки и перечитывал, попутно занося данные в компьютерную базу.

В скором времени он, по всей видимости, удовлетворившись написанным, сложил листки в стопку, постучал ими об стол и, соединив их простой металлической скрепкой, положил в одну из секций органайзера.

Нажал на кнопку коммуникатора, загорелась красная лампочка включённого микрофона:

— Валя, позови Цукермана.

— Будьсделано, тащмайор! — отозвался коммуникатор.

Через минуту в кабинет вошёл тот самый рядовой, который еще несколько дней назад обыскивал Влада перед тем, как впустить в палатку к майору Гарееву. Кстати, когда Влад покинул палатку, этого часового уже н месте не было, а новый

— Рядовой Сахаров прибыл! — отчеканил он, встав в дверях.

Понятно, подумал Влад, что-то видать случилось во время службы, какой-нибудь безобидный, но смешной эпизод, и за рядовым стойко закрепилось прозвище, основанное на его настоящей фамилии.

— Цукерман! — с расстановкой произнёс майор. — Отведешь нашего нового сотрудника на склад, вот бумаги, пусть ему там выдадут всё что нужно.

Рядовой, чуть ли не чеканя шаг, подошёл к столу, протянул руку и забрал бумаги. Услышав "Свободны!", развернулся и вышел из кабинета, Влад направился за ним.

— Нож где, Цукерман? — поинтересовался Влад, когда они вышли из кабинета и пошли по коридору, устланному по старой традиции красной ковровой дорожкой.

Сахаров на ходу полез в карман разгрузки и, достав заветную железяку, протянул её законному владельцу.

— Меня вызвали тогда по делам, — как бы оправдываясь, сообщил он. — Решил, что когда вы явитесь, тогда и отдам. Мне ваш нож нафиг не сдался.

А потом, помолчав, добавил:

— И моя фамилия — Сахаров.

— Да я уже понял, солдат, — кивнув, ответил Влад, и прямо ощутил, как напрягся рядовой от очередного фейла. Походу, пацану не повезло стать объектом солдатского юмора и насмешек.

Что могло произойти? Сахаров что-то прихватил, что плохо лежало? Или просто попал в такую ситуацию не специально, а кто-то заметил и ничтоже сумняшеся разнёс это среди остальных сослуживцев?

Глава 6. Новые знакомства

Днепровский инцидент (справка)

Одним из элементов плана по атаке на Российскую Федерацию было отвлечение внимания на украинском направлении, чтобы связать значительные силы ВС РФ боевыми действиями, или как минимум деморализовать армию и общество быстрым захватом территории непризнанных республик с выходом к российской границе.

Помимо прочего украинский блицкриг должен был создать более благоприятные условия для действий «кротов» в российских властных кругах и непосредственно армии, чтобы нейтрализовать возможности противоракетной обороны путём прерывания цепочек передачи приказов и обычного саботажа.

Особенно важным было вывести из строя так называемую «руку мертвеца», систему, которая гарантировала ответный удар по Соединённым Штатам и их союзникам даже в случае полного уничтожения руководства страны. А для этого было необходимо время, и выиграть его было решено, в том числе, с помощью провокации на Донцеком и Луганском направлении.

Активные действия ВСУ на востоке Украины должны были сковать большую часть российских вооружённых сил и создать отвлекающий фон для действий американских, и не только, агентов внутри России. Понятно, что украинская сторона не была посвящена в планы по нанесению ядерного удара по Российской Федерации, иначе предсказать, как повели бы себя военные и население страны, было бы невозможно. К тому же вероятность того, что данная информация станет известна Москве раньше времени, была далеко не нулевой. Поэтому с украинскими властями обсуждался вопрос исключительно «освобождения» Донцака и Луганска.

Утечка конфиденциальной информации о подготовке наступления на ЛДНР и без того была гарантирована, что уж говорить о такой важнейшей информации как подготовка ядерного удара по России. В определённом смысле, американские спецслужбы рассчитывали на то, что российские «кроты» в украинских властных структурах и армии будут снабжать российские спецслужбы данными о грядущем наступлении, отвлекая разведывательные ресурсы в нужном Вашингтону направлении. Помимо этого, в данной ситуации, повышалась возможность дезинформации Москвы путём передачи ложных фактов в общем потоке информации.

В украинских средствах массовой информации, подконтрольных Офису президента и лояльным ему олигархам, разгонялась тема необходимости решения конфликта на востоке военными методами, при этом конкретные сроки не назывались, чем, с одной стороны, разогревали общественное мнение в пользу военного решения, с другой стороны показывали гражданам, что это произойдёт не прямо сейчас. Расчёт был, однако, на то, что когда начнётся военная операция, украинское население в большинстве своём её безоговорочно поддержит.

С этими целями непублично американцы сняли запрет на использование систем «Джавелин», которые уже были поставлены в страну, украинскими военными и на помощь в вооружении националистических подразделений ВСУ, таких как «Азов» и прочие. В течение короткого времени на Украину было поставлено большое количество стрелкового оружия и боеприпасов к нему под видом гуманитарной помощи и прочими благовидными

предложениями. Часть таких поставок даже получила освещение на украинском телевидении. Через черноморские порты под прикрытием гражданских сухогрузов было поставлено большое количество бронетехники и артиллерийских систем ещё советского производства, скупленных или изъятых везде, где только это было возможно.

Незадолго до начала войны украинское командование сконцентрировало значительные силы на границе с мятежными регионами. Это, впрочем, не осталось незамеченным для российской разведки, которая рекомендовала повысить боевую готовность военных частей в регионах, граничащих с Украиной, и начать тайную переброску сил специальных операций, которые бы своими действиями дали время для развёртывания более крупной группировки войск на украинском направлении.

Расчёт украинского руководства был прост и в то же время невообразимо циничен. Украинские войска должны были молниеносным ударом, как минимум, войти в Донецк и Луганск, а как максимум, выйти к границе за очень короткое время, охватив мятежные регионы фланговыми ударами. На операцию отводилось буквально несколько дней.

Скоротечность операции была одним из главных условий, поставленных западными кураторами, и причиной тому была всё ещё необходимость хоть как-то, но считаться с общественным мнением в своих странах, гражданам которых могли не понравиться кадры уничтожения городов и деревень украинской армией, солдаты которой зачастую не гнушались использовать символику Третьего Рейха.

Вместе с тем, западные средства массовой информации не переставали нагнетать обстановку и работать над созданием негативного образа не только России, как государства, но и её граждан в целом, чтобы добиться необходимо эффекта в своих обществах.

К моменту атаки ВСУ по ряду параметров значительно превосходили соединения народных республик, которые в качестве оперативной помощи могли надеяться только на подразделения сил специальных операций МО РФ и ЧВК, находившихся на территории мятежных регионов, и которые могли быть оперативно и скрытно переброшены Донецкую и Луганскую области. Развёртывание полномасштабной группировки войск для противостояния ВСУ могло занять гораздо больше времени.

По задумке идеологов операции, ВСУ должны были фактически поставить российскую армию в такие условия, при которых, чтобы выбить киевские части из города, россиянам пришлось бы идти на штурм населённых пунктов, что неминуемо повлекло бы за собой значительные жертвы среди гражданского населения и российских военных, а это должно было вызвать как рост недоверия к русским со стороны жителей Донецка и Луганска, так и рост недовольства операцией внутри самой России.

Также необходимо было нейтрализовать возможность быстрого продвижения российских войск в направлении атакуемых городов. Для этого предполагалось начать массированный артиллерийский обстрел, вызвав тем самым огромный поток беженцев, которые перекрыли бы своим транспортом основные автомобильные трассы, устремившись в сторону российской границы.

Таким образом, предполагалось решить сразу две основные задачи: серьёзно затормозить ВС РФ в продвижении к Донецку и Луганску и осуществить чистку этих территорий от нелояльного Киеву населения.

Вопрос того, что российские войска при необходимости могут пройти, минуя дороги по степи по какой-то причине украинским командованием в расчёт не брался. Упор делался на дождливую погоду, что помешает тяжёлой техники идти по полям. По всей видимости,

желание решить проблему так называемых ОРДЛО было сильнее отдельных непроработанных моментов будущего плана.

Помимо этого, огромные риски для ВСУ несла российская авиация, которая с 2014 года и до настоящего момента в гражданском конфликте на востоке Украины не использовалась. В то же время, состояние украинских ВВС оставляло желать лучшего, Запад не осуществлял поставки своей авиационной техники опасаясь раскрыть планы раньше времени.

Впрочем, украинская сторона всё равно рассчитывала на вмешательство в конфликт американского военно-морского флота, чьи корабли как раз находились в это время в акватории Чёрного моря. Кроме того, американские дипломаты не раз намекали, что в случае успешного для Киева развития событий, ему на помощь могут прийти иные страны-участницы блока НАТО, поддержав Украину своей авиацией. Речь в первую очередь шла о Румынии, Болгарии и Польше. Последняя во взаимодействии со странами Прибалтики должна была блокировать вооружённые силы Беларуси и калининградскую группировку ВС РФ.

При этом планировалось разогреть общественное мнение при помощи популярных оппозиционных и не только блогеров, которые подпадали под определение лидеров общественного мнения, так называемых ЛОМов. Осуществлялось тайное финансирование сети ячеек несистемной оппозиции, готовой организовать выход на улицы российских городов сотен тысяч своих сторонников с требованием немедленно остановить войну и заключить мир с Украиной на любых условиях.

Несмотря на то, что незадолго до войны подобные попытки не увенчались каким-то серьёзным успехом, и протестная активность на улицах с каждым разом становилась всё ниже и ниже, работа в этом направлении не прекращалась. В частности, рассматривались варианты принесения т. н. сакральных жертв, когда западные спецслужбы убивали некоего российского оппозиционера, находящегося под их контролем, но у которого нет особых шансов прийти к власти законным образом. При этом улики косвенно указывали бы на причастность российских властей. Учитывая шаткость доказательств, было предусмотрена полномасштабная информационная кампания в мировых средствах массовой информации, чтобы добиться положительного для себя общественного мнения, которое бы развязывало руки для осуществления самых радикальных ответных мер.

Стоит отметить, что американская разведка сообщала ответственным за принятие решений лицам, что украинское руководство переоценивает боевые возможности ВСУ. Без серьёзной подпитки извне ресурсов ВСУ не хватило бы на продолжительное противостояние с Россией. Но это если принять во внимание, что блок НАТО во главе с Соединёнными Штатами Америки не планировали вмешательство в конфликт изначально.

Атака ВСУ на Донецк и Луганск, несмотря на всю масштабность, захлебнулась в первые же сутки, встретив ожесточённое сопротивление со стороны ополчения, поддержанного силами специальных операций ВС РФ, действовавшими в тылу наступающих украинских частей.

С учётом того, что российская сторона оперативно ввела на территорию ЛДНР значительные вооружённые силы, которые до этого официально участвовали в учениях на приграничных территориях, а также благодаря действиям ВКС РФ, наступающие части украинской армии понесли серьёзные потери, как в технике, так и в личном составе.

Среди украинских военных началось откровенное саботирование приказов, поступающих из Киева, подразделения отказывались идти в наступление, которое до этого

момента казалось однозначно выигрышным. Случаи прямого неисполнения приказов офицерами и солдатами нарастали лавинообразно. Лезть в пекло уличных боёв никто особого желания не испытывал, при том, что поддержка с воздуха была чрезвычайно ограниченной, если не сказать, что отсутствовала совсем по причине уничтожения техники силами ССО МО РФ. При этом накопленных запасов турецких беспилотников явно не хватало для решения оперативных задач.

Однако в целом, наступление продолжалось при массированных артобстрелах городских кварталов Донецка и Луганска со стороны артиллерии ВСУ, что повлекло сотни жертв среди гражданского населения в первые же часы атаки.

Новость о ядерном ударе по территории России многие в ВСУ встретили с ликованием, предвкушая скорую победу. Особенную радость, по понятным причинам, данная новость вызвала у подразделений, укомплектованных сторонниками украинского национализма, в местах расположения которых, открывали салют и праздновали почти свершившуюся победу. Среди националистически настроенных солдат зрели планы о марше на Москву.

Сведения об ответном ударе по США и её союзникам на тот момент ещё не поступали, иначе восприятие случившегося было бы, не исключено, несколько иным. К тому же ослабления сопротивления со стороны сепаратистов не наблюдалось, а вот данные о колоннах российской бронетехники, которые двигались в сторону украинской границы, уже начали поступать. С каждым часом становилось понятно, что блицкриг по захвату Донецка и Луганска с дальнейшим выходом к границе провалился.

Когда стало понятно, что это не война с применением обычных вооружений, а самая, что ни на есть ядерная, в отличие от националистов, остальные реалистично думающие командиры ВСУ задумались о дальнейшем развитии ситуации. Невыполнение приказов старшими офицерами быстро распространялось по частям, что вызывало негативную реакцию у националистов в рядах армии. Под предлогом законов военного времени, на передовой и в тылу прокатилась череда расправ праворадикалов над солдатами и офицерами, высказывающимися не так, как это было принято в кругах бывших участников добробатов и что поддерживалось киевскими властями.

Внутри ВСУ на фоне усиливающегося после некоторого затишья, вызванного ядерным ударом, сопротивления со стороны регулярных частей ЛДНР и наступления ВС РФ, назрел явный раскол относительно дальнейших действий.

После того как стало понятно, что ядерная бомбардировка России не принесла желаемого быстрого результата, часть украинского командования не без основания стала опасаться, что Россия для нанесения ответного удара выберет Украину, что может окончательно добить и без того неустойчивую государственность этой страны.

И удар был нанесён. Впоследствии он получил название «Днепровский» или «Днепропетровский инцидент». Только ядерные боеголовки, взорвавшиеся в этом городе, прилетели вовсе не со стороны России.

Ядерный удар, нанесённый сразу несколькими боеголовками и который в свете отсутствия эффективной украинской противоракетной обороны привёл к катастрофическим последствиям, в первую очередь, для мирного населения, внёс окончательный раскол в вооружённые силы Украины, заставив значительную часть вооружённых сил официально выйти из подчинения центральному командованию в Киеве.

Количество единовременных жертв и последовавшая за этим чудовищная волна беженцев, которым никто не мог помочь, и облучённые и обгоревшие люди умирали прямо

на дорогах по пути из зоны поражения, шокировали украинское общество. Патриотический, а вернее сказать, антирусский запал на восточной части Украины сразу снизил свой градус.

В настоящее время исследователи так и не пришли к выводу, был это целенаправленный и осознанный удар со стороны США и их союзников, или имел место пресловутый человеческий фактор. При этом часть специалистов отстаивает точку зрения, что имел место некий компьютерный сбой.

Как бы то ни было, среди украинских военнослужащих стала набирать обороты версия, согласно которой американцы нанесли ядерный удар по Днепру, чтобы украинская армия определилась и сделала выбор, с кем она: с Америкой или с Россией. Вариант нейтралитета при этом не рассматривался.

Наиболее радикальная часть украинского общества даже нашла положительные моменты в гибели Днепра, объявив, что город был потенциальным рассадником русского мира и его уничтожение лишь пойдёт на пользу делу украинства. Понятно, что такой подход не нашёл понимания у значительной части населения и вооружённых сил.

Попытки обвинить в бомбардировке Москву ни к чему не привели. Выжившие свидетели чётко указали, откуда прилетели ракеты, да и реакция командования США, которое сначала заявило, что имела место досадная ошибка, сыграла свою роль.

Несколько запоздало Вашингтон попытался свалить всю вину на Москву, в стиле майданных властей сообщив, что это «они сами себя». Сообщения, что это русские хакеры взломали системы управления ракетами, то есть удар нанесли русские, не вызвали ничего, кроме взрывного роста недоверия к Вашингтону.

Буквально сразу в ряде частей вспыхнули бунты, в ходе которых наиболее радикально настроенные по отношению к России военнослужащие и командиры попытались взять власть в свои руки, но были арестованы, а в отдельных случаях даже расстреляны. Оставшиеся в подчинении Киева подразделения в спешке стали отходить к Киеву, в то время, как через границу на востоке двигались колонны российской армии.

Учитывая ситуацию на Чёрном море, сложившуюся после уничтожения Новороссийска и налётов на Крымский полуостров со стороны таких стран НАТО как Румыния и Болгария российская авиация не сильно церемонилась и наносила удары по отступающим частям ВСУ, верным Киеву. Данные обстоятельства дополнительно деморализовали украинских военных, что привело к массовому дезертирству с их стороны.

В ходе переговоров между российским командованием и представителями, вышедшими из подчинения Киеву подразделениями ВСУ, было решено сформировать Первую Украинскую Армию, которая перешла под командование Восточно-украинского фронта.

Днепропетровск, или, как его переименовали в ходе дерусификации, Днепр стал символом провальных ожиданий и надежд, связанных с ориентацией постмайданных властей на США и НАТО. На помощь Запад не пришёл, ему было не до какой-то Украины которая имела ценность только как раздражающий фактор в отношениях с Россией. Впрочем, учитывая, уничтожение нескольких американских крупнейших городов, падение Вашингтона, гибель Лондона и Парижа и многих других городов, Украина если кого и интересовала, то только в качестве дешёвого пушечного мяса.

***

Или рядовой Сахаров просто был жуть как прижимистым и эту его черту заметили многие сослуживцы? Надо будет по возможности расспросить, что да как. В любом случае, главное, чтобы армейский юмор не стал причиной неуставных отношений, а то шутить над

человеком, который вообще-то имеет доступ к оружию, по мнению Влада, было крайне неблагоразумным делом. Сейчас ты над ним шутишь-шутишь, а у человека в котелке варится обида, понятная только ему, и однажды крышка котелка со свистом отлетит, он тихо возьмёт автомат, выданный ему по долгу службы, и пойдёт разбираться с юмористами. И доказывать потом, что обидчики просто шутили, будет уже поздно. Поэтому Влад предпочитал в работе придерживаться строго уставных отношений, а вернее делового этикета и абы с кем не шутил и анекдоты похабные не рассказывал. А если что, то обязательно добавлял "шутка", а то вдруг человек воспримет всё очень близко к сердцу.

А так, армейский юмор это хорошо, особенно сейчас, когда в нём, быть может, есть даже большая потребность, чем раньше. Смех — естественная реакция на стресс, а стресс, сопровождающийся постоянным ожиданием смерти, требует особого отношения в борьбе с ним. Без шуток и юмора можно и кукухой двинуться.

Солдат заметил направление взгляда в сторону нашивки с фамилией и поджал губы. Видать это прозвище его порядком доставало, а все, видя его реакцию, только больше начинали его дразнить. Вообще, да, согласился про себя Влад, не фиг человека дёргать по пустякам. Если его до сих пор не попёрли отсюда и доверяют ходить с оружием по лагерю, то, видать, ничего серьёзного не произошло. Так что дёргать лишний раз его не стоит.

— Сахаров, так Сахаров, нет проблем, — деланно равнодушно прокомментировал Влад. Заполучить врагов на новом месте работы, на которое он даже толком ещё не успел устроиться, у него не было ни малейшего желания. Даже среди рядового состава. Де-ло-вой стиль общения — лучшая модель поведения для таких случаев, а там, когда обживётся и познакомиться с людьми, можно будет слегка отпустить вожжи сдержанности. Может быть.

Пару минут они петляли по коридорам городского Дома культуры, и еще через минуту они оказались в другом крыле здания, которое напоминало что-то среднее между складом и офисом. Офисного всё-таки было больше, а сравнение со складом навевали коробки с бумагой стоящие столпами вдоль стен. Помимо упаковок бумаги кабинет был заставлен оргтехник и рядами скоросшивателей на полках. В дальних углах громоздились тяжёлые крашенные бежевой краской сейфы с опечатанными замками. Знакомая картина, подумал Влад.

— Вот, — солдат протянул папку с бумагами женщине в очках, которая сидела за письменным столом. На вид ей было лет тридцать-тридцать пять, вполне миловидная, несмотря на скупой макияж и затянутые на затылке в простой пучок волосы. На столе, как и у майора Гареева, стоял компьютер, лежал планшет и органайзер с разложенными по отделам бумагами.

Она, не вставая, приняла бумаги и рядового Сахарова и махнула рукой, мол, можешь быть свободен. Рядовой развернулся и быстро покинул кабинет. В кабинете раздавался только шум работающего системника, да разносился аромат растворимого кофе (початая банка стояла на тумбочке рядом с чайником). Хорошего или плохого, Влад не разбирался, но почему-то был уверен, что растворимый кофе хорошим быть не может. Стереотип как ни как, хотя никакого другого кофе он не пил уже очень и очень давно. Молоть кофе из зёрен, в которых он, к слову, тоже не разбирался, а потом варить напиток в турке, считал лишней блажью тех, у кого есть время, а кофе-машину покупать считал экономически неэффективным, так как не сильно часто и пил-то этот напиток.

Старший лейтенант — Влад посмотрел на погоны с тремя небольшими звёздочками. Анисимова А.Д. - прочитал он нашивку. Судя по всему какой-то кадровик, хотя на двери

кабинета никакой особой таблички кроме номера в ромбике, не висело. Не просто же так его направили к ней. Ну, что, послушаем, что она скажет? А то, вдруг сейчас от ворот поворот и живи как знаешь, питаюсь постоянно сокращающимися домашними заготовками прошлых лет. Маринованные огурчики и помидорчики, конечно, хорошо, но питаюсь только ими можно легко посадить и желудок и печень. А этого сейчас совсем бы не хотелось. Гастрит сейчас не та болезнь, на которую будут обращать большое внимание. А картошка тоже уже заканчивается, как бы они с Алей её не старались экономить. Если честно, то уже пару дней как Влад испытывал пусть и не сильный, но голод. Может, конечно, сказывался отказ от кофе и сладкого, а может реально начинала давать о себе знать нехватка продовольствия. Разносолов в магазинах не было, да и работали они кое-как, в основном продавая товары первой необходимости по строго фиксированным ценам, как и было объявлено. При этом за хлебом, макаронами или чем таким постоянно выстраивались длиннющие очереди, хвост которой, порой, вился далеко по улице.

Так что Влада больше интересовала не перспектива стабильного заработка — деньги стремительно обесценивались, — а возможность получать пищевой паёк, которым, как он понял, обеспечивались не только собственно военнослужащие, но и гражданский персонал, который, судя по всему активно набирали.

Могут ли его впоследствии призвать непосредственно на воинскую службу? Запросто. А могут и не призывать, а просто всучить автомат, дай бог с парой рожков, и отправить отстаивать свободу и независимость Родины. Свои перспективы в бою Влад оценивал крайне скептически и не рассчитывал, что выйдет живым из первого же боестолкновения. Опять же, он не служил, и соответствующими навыками не обладал. Может ну его тогда этот институт? Отслужил бы свои два года, так хоть бы знал с какого конца за "калаш" браться. Как говорится, знал бы, где упадёшь, соломки бы подстелил.

Поэтому, в данных жизненных обстоятельствах, он не видел большой разницы между службой в гражданской должности и службой в погонах. Так и так, скорее всего, воевать придётся, а там видно будет. Во вторую мировую ополченцы шли отстаивать Москву вообще том, в чём на призывной пункт пришли прямо с завода или фабрики. Винтовка в руки и вперёд! Нужно было затыкать дыру во фронте — её затыкали теми, кто оружие, если и держал, то только в тире, а кто-то и вообще винтовку разве что в кино видел. Загадывать на будущее сейчас гиблое дело. Хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах, всплыла в памяти старинная мудрость. Только есть ли он, этот Бог. И если есть, то, какого лешего всё это допустил? Или он типа дал человеку волю и право выбора, и просто наблюдает за тем, как его дети друг друга сжигают в ядерном пламени? Типа делайте, что хотите, спрошу я с вас потом, когда придёт время.

Старший лейтенант Анисимова, наконец оторвалась от компьютера и отхлебнув из кружки, обратила внимание на Влада. Кивком головы указала на свободный стул рядом со столом. Влад тут же сел.

— Я пробила вас по базе данных, у вас был допуск к гостайне. Хоть и по 2-й форме, но всё-таки... Будем считать, что вы добропорядочный гражданин, раз вам однажды доверили государственные секреты. А то с людьми у нас реальная ж@па. Что личного состава, что гражданского персонала не хватает критически.

А, вот оно что, подумал Влад, походу Гареев, переслал ей материалы по нему, и она уже была в курсе, кого к ней привёл рядовой Сахаров. Ну, окей, значит, придётся меньше о себе рассказывать, быстрее дело пойдёт.

— Ну а чего вы из беженцев людей не набираете? — Решил поинтересоваться он. — И вам помощь, и люди делом заняты.

Анисимова скептически хмыкнула, мотнув головой.

— С наймом персонала из беженцев есть проблема, если вкратце, то у подавляющего большинства жуткая психологическая травма, их мысли заняты, прежде всего, собой, а не общим делом. Так что мы делаем это только по крайней необходимости. Тем более, чо у многих отсутствуют документы, а базы данных, понятное дело, находятся не в том состоянии, чтобы мы могли ими пользоваться без оглядки. Получить достоверную информацию по кандидатам зачастую просто невозможно. С вами проще, вы из местных и пробить вас можно достаточно быстро. К тому же уже сдавали свои "пальчики". А придёт к нам человек, назовётся Васей Ивановым и что, верить ему на слово? Паспорта нет, отпечатков нет. Кто он, что он?.. А если диверсант?

— И что, встречаются диверсанты?

Старший лейтенант двумя пальцами спустила очки на нос и пристально посмотрела поверх них на Влада.

— А-то как же! Бдительность, бдительность и ещё раз бдительность! — она пальцем указала на плакат на стене, на котором была изображена женщина в платке с приложенным к губам указательным пальцем, а надпись гласила "Не болтай!"

Кто бы мог подумать, что на его веку наступит время, когда все эти плакаты из такого, казалось бы, забытого советского прошлого вновь обретут свою актуальность. "Не болтай!", "Болтун — находка для шпиона!", "Будь начеку!" — пронеслись в голове старые плакаты, репродукции которых так любили вешать в некоторых офисах чисто ради забавы. Типа немного стиля ретро, забавная изюминка в оформлении интерьера. А оно вон как всё обернулось.

— Согласитесь, было бы странно не вести диверсионно-подрывные действия в тылу противника, верно?

То, что противник будет подрывать армию изнутри, совершая диверсии и террористические атаки в тылу, было очевидно даже для пятиклашки. А учитывая опыт прошлых войн, помимо собственно боевых операций будут осуществляться действия, направленные на подрыв доверия гражданского населения армии и правительству, пропаганда будет вестись как явная, так и косвенная. Влад вспомнил тех экзальтированных молодых людей, которые попытались организовать антивоенный митинг на привокзальной площади, и которых, скрутив и, распихав по салону микроавтобуса, быстро увезли в неизвестном направлении. Что с ними сейчас? Наверяд ли отпустили, а если и отпустили, то оставили под негласным надзором. По крайней мере, Влад бы поступил именно так, но спецслужбам безусловно виднее.

— Это да, — согласился Влад и поднял указательный палец кверху. — Без этого никуда. Надо быть начеку!

Видимо тон, с которым Влад произнёс последнюю фразу, показался кадровичке чересчур несерьёзным, а несерьёзной здесь могла быть только она.

— Хватит придуриваться! — вдруг отрезала старший лейтенант, и Влад инстинктивно подтянулся на стуле. — Необходимо сдать отпечатки ладоней и пальцев. Если вы уже проходили эту процедуру, а вы её проходили, вашу личность будет легче подтвердить, если что.

— Если что *что*? — он приподнял бровь.

— Как будто вы не понимаете.

— Типа если от меня останется только один палец?

— Типа того, — утвердительно кивнула она, включила сканер для снятия дактилоскопического снимка. — И это хорошо, если хотя бы палец останется.

— Вообще, я уже проходил эту процедуру несколько лет назад. Зачем опять?

— Бдительность — наше всё, — товарищ Алексеенко! Помните, о чём мы говорили несколько минут назад? Ну и что, что ещё раз, трудно что ли "пальчики" откатать? Не мешки же с цементом ворочать. В базах сейчас бардак, хорошо, если серверы уцелели, но лишний раз продублировать не помешает. Заодно проверим вас ещё раз, вдруг вы не тот, за кого себя выдаёте и не являетесь человеком, который когда-то уже сдавал отпечатки, а? — Лейтенант Анисимова отхлебнула из кружки.

— Ну, вам виднее, если надо так надо, порядок должен быть соблюден.

— Вот именно, — теперь уже она подняла указательный перст в назидательном жесте.

Влад поочерёдно положил на стекло сначала одну ладонь, потом другую. Сканер мерно загудел, из-под ладони прорывался яркий белый свет.

— А теперь будьте добры ваши ручки испачкать, — из ящика появился набор для снятия дактилоскопической карты, что называется по старинке, картонная форма и валик с чернилами.

— Это на тот случай, если сервер грохнется, я правильно понимаю?

— Именно! — лейтенант растянула губы в ироничной улыбке. — Вы всё правильно понимаете. Бумага, знаете ли, бывает гораздо надёжнее всех этих электронных гаджетов. Вот есть на вас бумажка — хорошо, нет — плохо. Ну или наоборот, в зависимости от ситуации. Бахнет ядерный взрыв, электромагнитный импульс электронику уничтожит, а картонки останутся целёхоньки.

Влад вспомнил, как ещё в школе препод по ОБЖ рассказывал, что часть советской авиации вообще летала на ламповой технике, на которую электромагнитный импульс не действовал, и как бы американцы посчитали это умным решением, у них-то тогда уже всё на микрочипах было. Правда, они не знали, что в СССР своих микрочипов тогда просто не было, вот и летали на лампах. Может и байка, а может, и нет. Он не силён был электронике, поэтому не мог с уверенностью утверждать, что ОБЖэшник не наплёл с три короба.

Тем временем кадровичка промокнула валик в губку с пигментом.

— Без бумажки ты букашка... — произнёс Влад, пока старлей Анисимова водила валиком с чёрной краской по его ладоням.

— А с бумажкой — человек! — серьёзным тоном закончила она поговорку, прикладывая его ладони к дактилокарте. — И хорошо ещё, если справку о том, что не верблюд, не потребуют.

Спустя несколько минут Влад старательно оттирал носовым платком красящий пигмент, но всё равно каким-то образом незаметно для себя умудрился испачкать куртку.

— Распишитесь здесь, — ткнула она пальцем в строчку в анкете.

Влад взял ручку из стакана и пододвинул к себе лист бумаги.

— И здесь, — указала она на ещё одну графу.

— Это что? — спросил он.

— Расписка о неразглашении. Всё, что вы видели, слышали или могли узнать может быть объявлено военной тайной. Если коротко, то отныне, если что, вас могут расстрелять при малейшем подозрении.

— Понятно. Что такое государственная тайна, мне известно. Правда, в прошлый раз расстрелом не грозились.

— Ну, сейчас и времена другие, — она растянула губы в милой улыбке. — Сейчас всё серьёзней. Вот и замечательно. Так, и вот здесь ещё чирканите свою загогулину.

Она подсунула бланк размером чуть побольше банковской карты. А потом отошла к ламинатору.

— Так, вот ваш пропуск, с ним вы можете ходить по территории лагеря и должны предъявлять по первому требованию, в том числе патрулю, если вас остановят в городе.

Влад забрал пропуск и положил во внутренний карман куртки.

— Пойдёте на склад, там вам выдадут вещевое имущество, в просторечии называемые шмотками, а потом сюда, — она написала на отрывном листке номер очередного кабинета. Скажете, что прибыли для прохождения службы, и вас нагрузят работой по полной соответственно вашим навыкам и квалификации. Всё понятно?

— Я воль!

Кадровичка зыркнула на него поверх очков. Отпив очередной глоток кофе, она откинулась в кресле. Влад, держа пропуск в руке, оправился на склад. Вскоре он уже получал комплект формы без знаков различия, оно и понятно, взяли его как гражданского. Форма была добротной и удобной. Это хорошо, что к новой работе кроме зарплаты и еды полагалась одежда, месить грязь, в которую с каждым новым днём погружался город, учитывая отсутствие уборочной техники, задействованной на более важных направлениях, и время года, в гражданском как-то не особо хотелось.

Глава 7. Планы

"Планы эвакуации? О чём вы вообще? Все планы были рассчитаны на случай обычной войны, или если произойдут какие-нибудь природные или даже техногенные катастрофы, даже на случай взрыва АЭС был план. Однако сложно представить, что взорвётся не одна, а сразу несколько атомных станций. Но даже эта гипотетическая ситуация вполне могла быть взята под контроль. Но что делать, когда над десятками густонаселённых городов взрываются ядерные заряды? В некоторых случаях даже сигнал воздушной тревоги не успел сработать, а там где его всё-таки включили, люди просто-напросто не верили, что происходит что-то серьёзное, что это не очередная учебная тревога или проверка систем оповещения гражданской обороны. Пока не стало слишком поздно."

***

"Помню, мы ехали с дачи, дети играли на заднем сиденье автомобиля, октябрь был необычно тёплым и мы решили с мужем воспользоваться последними тёплыми деньками в году. И вот, когда мы уже практически покинули пределы Новой Москвы, вдруг нас стали обгонять автомобили со всех сторон, кто-то подрезал и мы чуть не столкнулись. Муж выругался матом, и я на него шикнула, так как в салоне были дети, а потом он посмотрел в зеркало заднего вида, побледнел и уже сам вжал педаль газа в пол. Я обернулась, чтобы посмотреть, что его так напугало, и застыла от ужаса. Прямо позади над горизонтом вырос ядерный гриб, похожий на огромный перезревший шампиньон. А потом нас настигла взрывная волна. Не такая сильная, как я ожидала, всё-таки мы были уже достаточно далеко, но всё-таки нас подбросило. А потом пришла обратная волна, машину занесло и мы, столкнувшись с несколькими попутками, вылетели на обочину."

***

Прошло несколько недель с тех пор, как Влад устроился на новое место работы в лагерь беженцев, где в его обязанности входило следить за получением и распределением грузов, предназначенных для снабжения беженцев, которых с каждым днём становилось всё больше и больше. Служащих МЧС не хватало катастрофически, так как их перебрасывали то на участки по дезактивации, то разгребать завалы, то окучивать новую партию беженцев из мест, подвергшихся ядерным ударам. И это при том, что собственно войска РХБЗ разрывались на части, вытаскивая людей из зон заражения.

На фронте, если то, что происходило в разных частях страны, можно было назвать фронтом, наступило некоторое затишье. Противники обстреливали друг-друга ракетами, совершали налёты авиации, но в прямую атаку не шли, ни русские с белорусами, ни натовцы.

— Точки или очаги напряженности, — как-то обрисовал ситуацию майор Гареев, с которым Владу приходилось часто общаться по работе. Пожалуй, лучше так. Хотя понятийный аппарат ещё только вырабатывается, учитывая новые условия и формы ведения войны. То тут, то там противнику удаётся прорваться, высадить десант и учинить беспредел, если ставится такая задача. Даже плацдарм не всегда удерживается. Больше всего это похоже на набеги кочевников из далёкого прошлого. Набег, разрушение, отход. Происходит постепенное истощение противника, его обескровливание. Армия вынуждена реагировать на местные прорывы обороны, отвлекая значительные материально-технические и человеческие ресурсы для исправления ситуации и защиты населения, в то время как где-то там копят основные силы.

— Где-то там, это Эстония и Норвегия?

Гареев утвердительно кивнул.

— Тогда почему мы не нанесём удар по скоплениям противника? Если они там так сосредоточены, то может не стоит позволять накапливать силы для последующего удара?

— Было бы всё так просто, войны бы не затягивались на года. Даже в августе 2008-го, когда наши раскатали обученную по стандартам НАТО грузинскую армию, мы понесли серьёзные потери, в том числе в технике. А тут мы столкнулись со всей мощью США и его союзников одновременно.

— Ну, "грузинская армия" уже само по себе анекдот, примерно как "еврей-колхозник".

— Ну, ты на евреев-то не наговаривай, нормально они так в своих кибуцах работали. И тем не менее... Ситуация такова, что если НАТО пойдёт на решающий штурм Калининграда и Сувалкского коридора, или решат ломануться в псковском направлении, они могут потерпеть поражение. Если наоборот мы попытаемся переломить ситуацию и пойдём в наступление, то аналогичные последствия могут ждать нас. Вот и происходит постепенное накопление сил с одновременным изматыванием друг друга диверсионными операциями в тылу, или местными атаками на линии соприкосновения.

— То, что нас изматывают понятно, а мы-то хоть что-то делаем?

— А как же! Взять тот же Сувалкский коридор, фактически мы отхватили значительный кусок Литвы, из-за чего местные вояки чуть было в панике не эвакуировались в Скандинавию. Аналогичная ситуация сложилась в Латвии. Да ты и сам об этом знаешь, по ТВ об этом не однократно говорили.

— Так по ТВ могут и соврать, военная пропаганда и цензура же, и всё такое.

— А ты чего хотел? Без этого никуда, но и врать долго не получится. Пропаганда хорошо действует тогда, когда она подкреплена реальными фактами.

Понеся серьёзные потери в первые недели войны, Северо-атлантический альянс отказался от прямого штурма Калининграда, тем более, что моральное состояние польских подразделений вызывало серьёзную озабоченность в Вашингтоне. Вопрос выхода из подчинения поляков остро стоял на повестке дня, дезертирство стало обычным делом, остановить его не помогли даже показательные расстрелы. При этом объединённое командование переоценило европейскую солидарность, это привело к тому, что со стороны натовцев был допущен серьёзный просчёт, который лишь разогрел недоверие польских солдат: расстрел дезертиров был поручен американцам, несколько из которых оказались немецкого происхождения.

Указанный факт сразу был использован машиной военной пропаганды, когда на смартфоны польских военнослужащих внезапно стали приходить смски соответствующего содержания.

Боевой запал гордых шляхтичей быстро иссяк, столкнувшись с жесткой реальностью войны лицом к лицу. Одно дело заирать Россию на словах, и ожидать очередной похвалы по типу "good boy" от американцев, и совсем другое терять тысячи человек от падающих на их головы "искандеров". А уж когда дело непосредственно дошло до рукопашной, то "крылатые гусары" только и могли что выдать своё знаменитое "o, kurwa!" и откатиться на прежние позиции.

Майор Гареев фактически являлся начальником начальника Влада, поэтому пересекался он с ним довольно часто, особенно после того, как Влад раскрыл торговлю одеждой и продуктами, которые должны были быть распределены среди беженцев, но

вместо этого уходили на чёрный рынок. Получилось всё как-то само собой, Влад даже сам удивился. И понимая, что заинтересованные лица могут быть среди боле высокого командования, всё же решил рискнуть и озвучил свои мысли майору Гарееву. Повезло. Майор был не из числа заинтересованных.

Поначалу Влад опасался, что это вызовет отторжение у местных обитателей и сослуживцев (слухи разносились с огромной скоростью), и ему придётся работать в обстановке недоверия, но всё обошлось. Видимо народ в массе своей посчитал, что наживаться на людях, которые зачастую лишились даже личных вещей, — сущее крысятничество, поэтому руку ему подавать после этого не перестали. Виновных, среди которых оказались как гражданские, так и военные, задержали и отправили в неизвестном направлении. В лучшем случае им светил порядочный срок, а в худшем — по законам военного времени.

Военные и эмчэсовцы уже узнавали его и не задавали лишних вопросов, как это было поначалу, когда он ходил по лагерю, чтобы понять, где тут что и как устроено, попутно выполняя поручения начальства. Лагерь рос на глазах, и комендатура уже начинала подумывать о заселении части беженцев в пустующие дома и квартиры, которых после массового бегства жителей в первые дни войны было предостаточно.

— Это вызовет недовольство, а может быть и протесты, — заметил Влад, когда Гареев озвучил ему эту идею, так как Владу, скорее всего пришлось бы заниматься и этим вопросом в пределах выделенных полномочий.

— И что теперь? Смотреть, как люди мокнут в палатках, когда под рукой много пустующего жилья?

— Чужого жилья, товарищ майор.

— Ты мне тут ещё мораль прочитай! И без тебя знаю! Только это распоряжение с самого верха. Вопрос с компенсациями будем решать после войны.

— Ну да, как в том анекдоте: обедать будем после атаки, как раз на всех должно хватить.

— Тьфу! — майор зло бросил недокуренную сигарету в лужу, которая образовалась после того, как выпал первый в этом сезоне снег. — Ты где так умный, а где так упёртый до невозможности! Не понимаешь, что твориться вокруг?

— Я прекрасно всё понимаю, товарищ майор, — ответил Влад примиряющим тоном, — но и вы должны понимать, что это будет использовано против нас. Кому надо, то раздует из этой мухи целого слона.

— Для этого есть ФСБ и контрразведка, пусть они и занимаются. Хватит баклуши бить, пошли работать.

В один из дней Влад, как обычно после работы в лагере пришел домой, где его уже ждала Аля. Возможность приходить домой было своего рода привилегией гражданского сотрудника, хотя и с определенными оговорками, связанными с военным положением, введенным в стране. Опять же, их с Алей квартиру, скорее всего, не конфискуют.

На столе уже стоял ужин, хоть и скромный, но вполне сытный. Разносолов, как до войны, не было: нельзя было купить фрукты и овощи, кроме консервированных, или тех, что были выращены в России. По понятным причинам, в ноябре найти свежие апельсины или бананы было не возможно, но иногда привозили гидропонные овощи с близлежащих ферм. Но и они, подозревал Влад, могут скоро закончиться, так как гидропоника требовала много электричества, а с его выработкой становилось всё хуже и хуже. Налеты и ракетные удары

противника были направлены на инфраструктуру и источники энергии, которыми являются электростанции, а мобильные генераторы покрывали только насущные нужды.

Реально спасали заготовки, сделанные еще летом. Варенье, соленья и маринованные овощи серьезным образом скрашивали однообразный картофельно-макаронный рацион последних недель, но и они были не бесконечны.

Влад приступил к еде, в то время как Аля вышла в прихожую и вернулась с каким-то листком бумаги формата А5. Листок был исписан напечатанным текстом.

— Вот, погляди, что я нашла, когда возвращалась с работы. И такие валяются во многих местах, и расклеены по стенам и на дверях подъездов.

Влад отложил ложку и кусок хлеба, вытер салфеткой рот и откинулся на стуле. Так, что тут у нас. Он взял сначала один лист бумаги в руки и пробежал по нему глазами. Потом — второй.

— Твою дивизию! — только и смог произнести он.

Он посмотрел на Алю.

— Солнце, никогда и ни при каких условиях не приноси это домой, — он сделал ударение на слове "это", — Поняла? Не подбирай и не читай.

Он вновь перечитал листовку. А это была именно листовка. Агитационная. Прямо как по классике из фильмов про Великую отечественную войну, с призывами прекратить сопротивление, саботировать указы и распоряжения правительства и военного командования. Сообщалось, что страны НАТО не враги обычному русскому человеку, и то, что произошло, было вынужденным ответом на агрессию российского правительства и лично Путина. Оканчивалось послание тем, что солдаты НАТО и русский народ смогут вместе остановить эту войну, установив долгожданный мир.

Также предлагалось оказать всемерную помощь пилоту или любому другому солдату, буде он окажется раненым или в затруднительном положении на территории, контролируемой ВС РФ. За помощь обещалась награда вплоть до эвакуации и гражданства США.

Но эта листовка была еще куда ни шло, на такую разве что идиот клюнет, а вот вторая... Вторая была гораздо хуже, и действовала уже непосредственно на подсознание человека, вызывая у него самые негативные эмоции, в частности страх. Страх перед беженцами, которые могли оказаться зараженными радиацией или опасными болезнями, принесенными из мест, подвергшихся удару.

Всё это приправлялось неоднозначным утверждением, что правительство от вас скрывает степень зараженности беженцев. Мол, как вы думаете, вам говорят всю правду о ваших новых соседях? Такие вещи в купе с дополнительными мерами могут разогреть толпу и вызвать массовую истерию и беспорядки.

Вот оно как, подумал Влад, старые добрые листовки не теряют своей актуальности, а их распространители находятся здесь, в городе, и призывают к саботажу и сотрудничеству с потенциальными оккупантами. Вопрос был серьезнее, чем можно было представить на первый взгляд. И такая листовка в руках любого, кто ее подобрал, могла стоить ему в лучшем случае долгих часов допроса и потери нервов, а в худшем... не хотелось даже думать об этом.

Он встал из-за стола и подошел к раковине, включил воду, которая текла без особого напора вот уже неделю, а то и вообще отключалась. Достал из выдвижного ящика зажигалку и поджег листовку, держа ее двумя пальцами. Дождавшись пока она окончательно сгорит и превратится в пепел, он смыл его водой.

— Никогда не поднимай их и не клади ни в сумку ни в карман. Никогда нельзя быть уверенным, что кто-то этим не воспользуется. Помнишь, ты рассказывала, как с кем-то ещё до войны поругалась на работе? — серьезно сказал Влад.

— Ну да, было такое, — кивнула Аля.

— Вот, а теперь представь, что этот кто-то, у кого на тебя зуб, увидит тебя с этой листовкой и решит тебе напакостить, сообщив куда следует? Замучаешься доказывать, что не верблюд. И не факт, что докажешь.

Влад спокойно сел и стал доедать суп. Надо было подумать, сообщать об этом начальству или нет. В принципе Гареев должен выслушать, в прошлый раз ведь выслушал. Тем более, что о чём-то подобном они уже говорили. Иногда Владу казалось, что майор не просто майор ВС РФ. Надо подумать.

Глава 8. Холодное утро

"Мы летели рейсом "Анталия — Санкт-Петербург", Турция же, не смотря на коронавирус, разрешила отдых в своих отелях, а мы копили целый год, и не хотелось лететь в Крым или Сочи, в которых на пляжах упасть было негде, да и сервис по сравнению с турецкими отелями, там так себе, уж извините за откровенность. Тем более, что в октябре в Крыму уже не так солнечно и тепло, как в том же сентябре. Хотя сейчас сочинский сервис показался бы верхом достижения цивилизации. Да что там! Сейчас бы даже отдых в каком-нибудь гостевом доме вспоминается, как нечто невообразимое.

Вроде бы мы тогда пролетали в районе Новороссийска, там ещё стояла плотная облачность, когда что-то еле заметно чиркнуло в дали, а потом я в иллюминатор увидел, как в дали прямо из облаков взбух белый шар, а облака стали разбегаться кольцами вокруг этого шара. А потом ещё один, и ещё. Взрывы были далеко, поэтому, как мне потом объяснили, нас не затронул электро-магнитный импульс, но всё равно качнуло взрывной волной. Помню, как облака под нами рассеялись, и мы увидели землю. И тишина, вы представляете себе тишину в салоне авиалайнера? Я теперь знаю, что это такое. Мне потом рассказывали, что в других местах люди кричали, плакали, выли от увиденного, а у нас вот было совершенно тихо. Кажется, даже дети притихли.

Командир экипажа на удивление сухо сообщил, что Россия подверглась нападению с применением ядерного оружия. И что самолёт не полетит в Санкт-Петербург, потому что над ним тоже взорвались ядерные боеголовки. Самолёт будет лететь в Волгоград, так как пока этот город нападению не подвергся."

***

"Вспышка. Гром. Цунами. Вы хотели узнать, что я видел? Вот, я вам рассказал. Потом всё, как во сне. Мурманск затопило. Лодки, катера, целые корабли неслись по заполненным водой улицам, врезаясь в дома, разрушая их, разбивая окна, круша кирпич и бетон. А потом долгие — дни на крыше, пока вода не спала. Пока нас не забрали спасатели. Сейчас вот волосы выпадают. Говорят, что лучевая болезнь и ничего не обещают. Ну, хоть честно."

***

Спалось очень плохо. Несколько раз за ночь Влад просыпался от ощущения, что падает в пропасть. Чувство беспокойства усиливали звуки полицейских сирен и шум вертолётных лопастей от пролетающих над городом машин. Всё это сопровождалось ярким свечением прожекторов, чьи лучи, то и дело били в окно и освещали комнату даже сквозь плотные шторы. Где-то далеко раздавался лай собак, которые, похоже, тоже не испытывали радости от постоянно летающих над головами вертолётных и патрулирующих улицы нарядов.

В конце концов, Влад провалился в некое подобие забытья, но, как и положено, по закону подлости, будильник на телефоне прозвенел практически сразу. Голова была тяжёлой, будто её набили цементом. Влад надеялся, что это всего лишь усталость, а не подхваченная простуда или пресловутый коронавирус, лечить который сейчас явно никто не собирался.

Более-менее проснувшись и кое-как приведя себя в порядок, он запил простенький бутерброд из хлеба и сала, что оказалось в выданном сухпайке, и, как обычно, направился в лагерь для беженцев, к которому был приписан.

С неба сыпалась мелкая снежная крупа, тучи нависали монохромным свинцовым

одеялом. В последние дни становилось всё холоднее и холоднее. От переохлаждения, кстати, хорошо помогал бушлат, выданный на складе. Вещь оказалась на удивление качественной.

Подходя к лагерю, внимание Влада привлекло яркое пятно на асфальте. Подойдя ближе, он узнал в желтоватой бумаге листовку, аналогичную той, которую вчера показывала ему Аля. Листовка выглядела совсем свежей, бумага даже не успела ещё толком намокнуть.

Влад огляделся, впереди совсем рядом был лагерь, встречающий очередной тревожный день своей обычной суетой, справа — жилые дома, слева — тоже. Грязный снег на тротуарах. То тут, то там виднелись редкие прохожие, спешащие по своим делам этим пасмурным утром. Все дела надо успеть сделать до начала комендантского часа.

Глаз зацепился за вышедшего из лагеря удаляющегося мужчину средних лет. Прохожий, заметил Влада, стоящего у оброненной листовки и их взгляды встретились. Незнакомец как будто что-то придерживал под кожаной курткой. В ней он выглядел гораздо толще, чем можно было бы ожидать. А может под ней просто толстый свитер. Было холодно, а куртка на мужчине явно выглядела не по сезону. Хотя, кому сейчас легко, у кого что есть, тот то и носит. Однако... взгляд незнакомца скользнул на лежащую под ногами Влада листовку, и что-то в его поведении изменилось. Он развернулся и зашагал явно быстрее, чем до этого.

Оно, конечно, всякие люди могли посещать лагерь: тут тебе и военные, и врачи, и сотрудники благотворительных организаций, с которыми он даже успел познакомиться. Простые жители города старались не соваться в лагерь, появившиеся как черте, так за пределами города. Иногда, конечно, приходили сердобольные граждане и приносили запасы одежды и еды, учетом и распределением, которой, в том числе, занимался и Влад.

"Оно тебе надо?" — пронеслось в голове. Но тут же возникла другая мысль: "Ну и что ты тут забыл?"

Сначала человек показался Владу абсолютно незнакомым, что было странно, так как лица в лагере за несколько недель примелькались, а внешне незнакомец совсем не выглядел как беженец. Даже не столько по одежде, сколько по тому как держался, и вообще, как говорится, по морде лица не походил на человека лишившегося крова или близких людей. Но мозг говорил, что Влад его уже где-то видел.

Без лишнего наезда, вполне себе вежливо, он решил уточнить цель нахождения мужчины в лагере, чисто для очистки совести. А то потом мысли замучают, что не спросил, а расскажет потом начальству, ему предъявят, что он не среагировал. Хрен разберёшь, как лучше.

— Эй, уважаемый, подожди! — крикнул Влад вслед незнакомцу.

Мужик с оттопыренной курткой только ускорил шаг. Не то, чтобы бежал, но шёл уж очень быстро. "Твою ж мать!"

— Эй, стой! Да погоди ты! Надо переговорить! Ты беженец? Или новенький? — Влад ускорился и в несколько шагов догнал незнакомца, схватив его за левую руку, от чего тот развернулся на сто восемьдесят градусов.

— Тебе чего?! — огрызнулся мужик и вырвался из захвата, попутно сделав движение, будто что-то реально удерживает под курткой. Влад отметил про себя, что горла от толстого свитера он над воротником куртки он заметил. Значит и правда что-то прячет под одеждой. Неужели очередной "несун" гуманитарки в лагере завёлся? Только-только с одними разобрались, а тут очередные нарисовались.

— Да погоди ты! — начал примеряющим тоном Влад. — Я здесь работаю, вот и интересуюсь, что да как. Вот смотри.

Он аккуратно достал удостоверение, и, развернув его, показал незнакомцу. По его глазам было видно, что он только больше стал нервничать.

В свободной руке мужчина держал брелок с ключом от автомобиля, и машинально крутил его на пальце. Владу показался этот жест знакомым. Да и внешний вид незнакомца вызвал к какому-то отложенному воспоминанию. То, что он где-то его видел, Влад уже не сомневался. Осталось только вспомнить, где. Город маленький, иногда знакомыми становятся лица абсолютно незнакомых людей, просто потому, что ты их видишь каждый день в автобусе по пути на работу, или в магазине в очереди на кассе.

И тут Влад вспомнил, где видел этого человека раньше! Ну да, конечно! На площади у вокзала, когда группа студентов пыталась провести антивоенный митинг с лозунгами, явно не направленными на поддержку народа и армии. Их тогда еще увезли подоспевшие, как думал Влад, эфэсбэшники. Затолкали в микроавтобус как мешки с картошкой и улетели в дель. Это же он тогда бросил фразу "Сейчас начнётся!"

Похоже незнакомец тоже узнал Влада, или просто у него сдали нервы, и он забыл, что у него под курткой что-то есть. Хватка ослабла и на тротуар выпала пачка бумаги формата А5.

— Таак... — только и успел выдать Влад, а мужик уже вытаскивал из правого кармана пистолет.

На Влада напало оцепенение, похожее на то, когда он в лесу наткнулся на змей. Пару раз эти гады вообще выползали прямо из-под руки, когда он тянулся за грибом или ягодами. Холодок бежал по спине, а тело буквально замирало. В голове пронеслась поганенькая мысль "Ну вот и всё!".

Оцепенение внезапно спало, как только он заметил, что пистолет зацепился за край кармана мушкой, что подарило одну-две секунды на реагирование.

И вот он уже двумя руками вцепился в руку с пистолетом, старясь максимально увести его в сторону и самому уйти с линии огня. Однако, незнакомец не думал сдаваться и навалился всей массой, пытаясь направить ствол на Влада.

Самое плохое, что всё это происходило в утреннем полусумраке, да при том ещё и при выключенном уличном освещении, так как электроэнергию нещадно сэкономили. Увидят ли драку со стороны, не было никакой уверенности.

Они молча топтались на месте, в попытке убить выжить соответственно. Одну руку ломало нещадно и суставы в запястье уже начинали откровенно хрустеть. И тут противник поскользнулся на выпавшей пачке листовок, потерял равновесие, а вместе с ним ослабил и хватку на спусковом крючке. Влад смог положить свой палец поверх его пальца и вывернуть пистолет.

Раздался выстрел. Удивительно громкий в утренних сумерках несмотря на то, что был сделан практически в упор. Незнакомец медленно осел, повалившись лицом в холодную осеннюю лужу.

Со стороны лагеря беженцев уже бежали солдаты с автоматами наперевес. Влад не стал геройствовать, а просто встал на колени и убрал руки за голову, сцепив пальцы замком. Нахрен-нахрен, сейчас все нервные, вдруг его в сумерках не узнают и пристрелят к чёрту на месте. Так себе сюрприз для жены будет.

Пот стекал градом, под бушлатом всё прилипало к телу, а от головы валил густой пар.

— Удостоверение в нагрудном кармане, — только и сказал он, задыхаясь, подбежавшим военным.

Один из них обошел его, при этом дуло автомата продолжало быть нацеленным на

Влада, и достал удостоверение. Второй всё время стоял за спиной, и наверняка тоже держал Влада на прицеле, он буквально ощущал это затылком.

— Я знаю его, — сказал один из солдат. — Это Влад, он тут работает в лагере.

— Встать! — приказал другой. Влад подчинился, но руки опускать не стал. — Повернись!

Солдат с погонями сержанта (его Влад раньше не видел) пристально посмотрел сначала на него, потом на узнавшего Влада солдата.

— Он? — коротко бросил он.

— Он, да, я его знаю, — коротко ответил тот.

Только сейчас сержант несколько расслабился, опустив автомат вниз. Он сделал пару шагов к телу убитого, проверил пульс. "Готов" услышал Влад.

— Кто это? Знаешь его? — сержант дулом автомата указал на труп.

Влад, стараясь не делать резких движений, отряхнул со штанов грязь. Хорошая кстати вещь, столько стоял на коленях, а они почти не промокли.

— Мужики, давайте сделаем проще, — предложил Влад, — Вы сейчас выставите здесь охранение, отведете меня к майору Гарееву, хоть в наручниках, хоть без, и вызовите местных эфэсбэшников или кто там сейчас контрразведкой занимается. Это походу провокатор, распространял листовки агитационного характера, это как минимум. А может и ещё какую диверсионную работу вёл. Но это пусть разбираются, кому положено.

— А ты здесь каким боком? — не унимался сержант.

— Просто шёл на работу, — устало произнёс Влад.

Солдат по рации вызвал еще подкрепление, чтобы оградить место убийства, а Влада повели в здание Дома культуры, по всей видимости, на допрос. Сковывать наружниками его не стали, но при этом Влад явственно ощущал, что с него не спускают глаз, а возможно даже держат на прицеле. Оборачиваться и проверять он не стал. Ну что же, ожидать чего-то другого не приходилось. Если бы не знакомый солдат, он бы наверняка сейчас лежал бы рядом с застреленным им провокатором мордой в мокрый асфальт.

Глава 9. Пограничник

Влада привели в допросную, под которую переоборудовали один кабинет Дома культуры, и оставили ждать приезда сотрудников ФСБ и контрразведки. Понятно было, что инцидент не будут рассматривать как обычную бандитскую разборку, и Влад морально готовился к долгим часам допроса. Знаем, проходили, подумал он. Сам допрашивал людей часами, правда, давно это было. Вот только какие методы, учитывая обстановку, применят к нему гэбэшники, было непонятно. И Гареев, если что не поможет. У него у самого могут быть проблемы.

Очень не хотелось, чтобы били. Влад не знал, сможет ли он выдержать, так сказать, допрос с пристрастием, а представить, что его начнут, что есть сил мутузить, выбивая признательные показания, он мог запросто.

Влад, конечно, и сам был сторонником известного принципа «вор должен сидеть в тюрьме», когда ради справедливости можно пойти на определённые процессуальные нарушения (ну, что есть, то есть), но насколько его хватит, если ему начнут вырывать пассатижами ногти? Чёрт его знает!

Дверь закрылась, и он услышал звук проворачивающегося ключа. В комнате не было окон, под потолком тускло светил блок из люминесцентных ламп, одна из которых моргала с периодичностью примерно в полминуты, словно отправляя кому-то сообщение посредством морзянки. Сейчас он готов был поклясться, что лампа выдавала сигнал «СОС» — единственное сочетание точек и тире, которое он знал из азбуки Морзе. Паранойя, конечно.

Через десять минут это мигание стало порядком раздражать. Руки оставили свободными — хороший, однако, знак, видать, не всё потеряно. С другой стороны в кабинете не было ничего, что можно было бы использовать в качестве оружия. Как говорится, шаром покати. Разве что стул? Да нет, у того ножки металлические, хрен отломаешь, да и не собирался он драться и, и тем более, бежать. Он чист перед законом. А если всё пойдёт не по плану? Время сейчас нервное, люди тоже.

Маленькое зарешеченное вентиляционное отверстие под потолком. В такое разве что кошка пролезет.

Что это? Мысли о побеге? С какого перепугу? Он ни в чём не виноват, это его пытались застрелить, а не он кого-то. Вроде, всё понятно, но отчего-то всё равно ощущался дискомфорт. Буквально вчера он убеждал свою жену не брать в руки листовки, потому что потом замучаешься доказывать, что не верблюд, и вот на тебе! Сам в такой ситуации, а то и гораздо хуже.

Когда Владу уже откровенно надоело ждать, а в тишине допросной он отчётливо слышал, как ускоренно бьётся его сердце, всё еще напитанное адреналином, в замке послышался характерный скрежет и дверь открылась. В комнату вошли три человека: два в штатском, один форме ВС РФ, полковник. За ними в дверях виднелся майор Гареев, но он заходить не стал.

Дверь закрылась, полковник сел на свободный стул, а те, что в штатском, остались стоять. "Ну, понеслось", — подумал Влад, ожидая долгих часов допроса. Такое уже случалось в его жизни, приятного было, хоть бы он был тогда всего лишь свидетелем.

— Полковник Савельев, контрразведка, — представился военный. — Вы знакомы с погибшим?

Полковник был сухощавым человеком, с колючими холодными глазами. Владу он чем-то напомнил дикого, но жутко умного волка.

— Никак нет, товарищ полковник.

— Но вы его раньше видели?

— То, что я его раньше видел, я понял только, когда он вытащил пистолет. Да, он был среди людей на привокзальной площади.

— То есть то, что вы стояли тогда рядом с ним просто случайность? — полковник расстегнул молнию на кожаной папке и выложил на стол распечатанные снимки.

Это оказались скриншоты с камер уличного наблюдения. Вот ведь как! Ну, теперь точно надолго засядем, пронеслось в голове. На фото, действительно можно было узнать Влада и застреленного им незнакомца, когда они оказались рядом в момент организации антивоенной акции. Влад отчётливо помнил, что решил, что это простой таксист. Чтоб тебе земля была стекловатой! "Сейчас начнётся!" Началось, млять!

— Да, на фото я, но это просто случайность. Ровно такая же, как и то, что рядом с ним стоят и другие люди. Они могут быть связаны с ним ровно в той же степени, как и я.

Докажи им теперь, что ты там оказался случайно. Что просто ходил по городу в поисках хоть какой-то работы, да к тому же сидеть дома и ждать непонятно чего, было просто невыносимо.

— Проблема в том, что они его не убивали. А вот вы его застрелили. Свидетелей вашего разговора нет, борьбу тоже никто не видел, люди слышали только выстрел. Неосвящённый участок улицы. Согласитесь, что это подозрительно.

Понятно, что это было подозрительно. Влад не удивился, если бы узнал, что гэбэшники сейчас прочёсывают город в поисках всех, кто тогда был на площади и оказался запечатлён на фото. Будут трясти и тех горе-хипстеров, что пытались протестовать против войны и за мир во всём мире.

— Это была самооборона и немного везения. Если бы он не поскользнулся, я бы сейчас здесь не сидел. А по городу продолжал бы ходить диверсант.

— Откуда вы знаете, что он был диверсантом?

Влад чуть было не приложил ладонь к лицу.

— Это предположение, товарищ полковник. Листовки плюс пистолет. Уж точно не добропорядочный гражданин.

— Как я и сказал, — как ни в чём не бывало, продолжил полковник — свидетелей нет. Может быть, это был ваш подручный, или связной, и вы им специально пожертвовали, чтобы войти в доверие. Итак, когда последний раз вы видели погибшего.

"Понеслась Настя по ненастьям!"

В течение последующих двух часов Владу задавали вопросы относительно его прошлой работы, утреннего инцидента, работы в лагере беженцев, почему он пришёл работать в лагерь, кто ему посоветовал туда прийти (он мысленно попросил прощения за беспокойство у полицейского-соседа), как он познакомился с майором Гареевым, и потом опять по кругу. Не забыли и вопросы о семейной жизни родственников и жене. Вопросы часто повторялись, но были сформулированы по-разному, чтобы запутать допрашиваемого и поймать на противоречиях.

В какой-то момент Влад, стараясь не сорваться, напомнил, что перед приёмом на работу его проверили вдоль и поперёк вообще, его проверяли уже не первый раз.

— Это если вы заранее не подготовились, чтобы создать правдоподобную легенду, —

равнодушно возразил полковник, и приходилось признать, что определённая логика в его словах была.

Влад растёр ладонями лицо. Адреналин от борьбы и убийства постепенно уходил, и на его место приходила жуткая усталость. Всё равно, что похмелье после обильной пьянки.

— У погибшего был брелок с электронным ключом от автомобиля. На вашем месте я бы попытался найти автомобиль, он должен быть не далеко, пробить адрес регистрации собственника по номеру, или по камерам вычислить, где чаще всего он парковался. Есть шанс, что выйдете на остальных. По горячим следам.

— Нам виднее, что делать, — сухо ответил полковник, глядя в раскрытую папку с документами, но всё-таки встал, подошёл к одному из эфэсбэшников и что-то ему тихо сказал. Тот коротко кивнул и покинул допросную.

Прошёл еще минимум два часа, прежде чем Влада всё-таки отпустили, заставив расписаться во всякого рода бумагах, в том числе взяв подписку о невыезде. Интересно, и куда бы он решил свалить? Где бы он мог найти убежище, в случае чего? Влад невесело помотал головой.

— Ты вообще как? Нормально себя чувствуешь? — майор Гареев положил Владу руку на плечо.

Тот сидел на ступеньках Дома культуры, глядя в пустоту, хотя передним уже несколько раз приземлился и взлетел вертолёт, и совсем рядом кипел своей странной жизнью лагерь беженцев. По улице пронеслась, завывая сиреной, скорая помощь.

Задерживать его не стали. Видимо всё-таки сопоставили одно с другим и решили, что на роль глубоко законспирированного агента и провокатора он никак не подходит. Это в лучшем случае. В худшем — за ним установят негласное наблюдение. В любом случае, допрос был не последним и его ещё не раз пригласят на "беседу по душам".

— Нормально, да. Только мутит малость. Давно не ел, наверное, — а ещё сердце опять стало стучаться как бешенное, но об этом Влад говорить не стал.

Майор присел рядом и закурил сигарету.

— Ну, стыдиться здесь нечего, Влад. Я когда первого бармалея в Сирии в рукопашной зарезал, тоже неважнецки себя ощущал, как бы нас тогда не натаскивали. Как бы психологи не работали, а всё равно кошки на душе скреблись.

— А раньше, значит, убивали, но только издалека? — спросил Влад, продолжая смотреть вдаль.

— Издалека убить гораздо проще, — ответил майор, — вот бежит враг, вот ты в него целишься, вот он упал. Между вами могут быть десятки или сотни метров. Некоторые снайперы вообще на километры работают. В этом случае как бы нет прямой причинно-следственной связи между тем, что ты нажал на курок, и тем, что человек, оказавшийся в прицеле, упал. Точнее связь есть, но субъективно она ощущается совсем по-другому. На, выпей, — Гареев протянул плоскую фляжку в кожаном чехле.

Влад поднёс фляжку к носу, и в ноздри ударил сладкий запах коньяка — большая редкость сейчас, как ни крути. Сделал осторожный глоток, и по пищеводу прокатилось тепло, упав жгучим огнём в желудок.

— Пей-пей, реально станет легче. Хотя бы сейчас. Главное, потом не увлекайся. Да, и завтра у тебя выходной. Твоему непосредственному начальнику я сообщу.

— Что он делал в нашем лагере, известно? — сделав очередной глоток коньяка, поинтересовался Влад и вернул фляжку.

Гареев задумчиво жевал нижнюю губу. Задумаешься тут. В подведомственном ему лагере оказался провокатор и не известно, есть ли ещё такие же, как он и сколько. Неприятно с любой стороны. Начальство за такое по голове не погладит. Хорошо, если всё закончится разбором полётов и усилением режима, хотя поди уследи за сотнями людей, которые ещё совсем недавно имели работу, машину, квартиру, родных, хорошо одевались и питались тем, чем хотели, и, вдруг, в один миг всё потерявших и превратившихся фактически в нищих.

— Помнишь тех, ублюдков, что крысили продовольствие и одежду с медикаментами?

Влад молча кивнул.

— В лагере параллельно с твоим допросом случился шухер, люди из Конторы нашли свидетелей, которые видели, как твой распространитель листовок общался с ними. Судя по всему, он пытался снова выйти на них, но не нашёл их там, где ожидал, и решил свалить потихому, а тут ты.

— Значит, будут трясти наших спекулянтов...

— А как же! — воскликнул майор. — Если их уже не пустили в расход, то конечно из них теперь душу вытрясут. Одно дело припасы, предназначенные для беженцев, воровать, совсем другое — работать в связке с провокатором.

Гареев затянулся, кончик сигареты зардел ярко оранжевым цветом, выпустил облако густого сизого дыма, которое лишь усиливало чувство безысходности.

Влад поморщился. Запах табачного дыма его откровенно раздражал.

— О чём задумался?

— Да вот думаю, что жене говорить, — вопрос и в самом деле занимал мысли Влада.

— Ничего не говори, — пожал плечами Гареев.

Влад с сомнением посмотрел на Гареева. Скрыть то, что ты убил человека и что тебя допрашивали несколько часов, наверное, мог только человек, у которого вместо нервов стальные канаты. Влад представил, как бы он себя ощущал, если бы провокатора пришлось резать, а не застрелить, и к горлу подкатил ком. Он еле сдержал рвотный позыв.

— Пусть узнает сама, когда время придёт. Зачем лишний раз беспокоить. Если сильно донимать будет, скажи, что просто новая партия беженцев прибыла и надо было их распределить. А так, ничего не говори, — произнёс Гареев. — Давай, иди домой, скажи, что было много работы, что получил благодарность, и тебя отпустили отдохнуть. Только телефон не отключай. И вот...

Майор протянул ему небольшую рацию.

— Частота настроена. Это на случай, если мобильная связь окончательно накроется.

Влад взял рацию и засунул в карман бушлата.

«Домой, так домой» — подумал он.

***

Аля очень удивилась предоставленному Владу выходному, но расспрашивать о причинах такой щедрости не стала, тем более, что Влад буквально валился с ног от усталости и даже не стал ничего есть. Просто пришёл, упал на кровать и заснул мертвецким сном. Сон, однако, был хоть и глубоким, но тревожным, снилось всякая тягостная гадость.

Под утро выходного дня мозг опять решил выдать историю о том, как они с Алей поехали в банк получать ипотеку на новую квартиру, но на полпути в их «капчур» на перекрёстке влетел автомобиль, за рулём которого оказался в усмерть упитый козёл. Влад даже помнил запах перегара, смешанный с парами бензина, и эту наглую осоловевшую

морду, вылезшую из другого автомобиля. Причём урод отделался синяками и ссадинами.

Аля в той аварии погибла. Влад даже помнил, как она умирала у него на руках, вся в крови. Трудно вспомнить, когда бы ему снился такой до не возможности реалистичный сон.

Проснулся он с тяжёлой головой и затёкшей шеей.

И ведь, главное, они действительно хотели пойти в банк, чтобы рассмотреть возможность получения кредита на приобретение новой, более просторной, квартиры. Но война тогда внесла свои коррективы, поход за новым жильём придётся отложить на неопределённый срок.

Впрочем, был один, если так можно сказать, положительный момент, который породила война: все выплаты по кредитам и займам были заморожены до особого распоряжения. Хотя, опять же, для кого как. Кто-то мог запрыгать от радости, а кто-то сказать "Какого хрена?!". Последнее, понятно, касалось кредиторов.

«А ведь могли бы и списать» — Влад потянулся в постели, разминая шею.

Выходной прошёл без особой цели. Влад ел, но без аппетита, пытался смотреть телевизор, но изображение постоянно пропадало, да и не было там ничего интересного — как обычно, гоняли новости и военную пропаганду. С интернетом — та же история. Пробовал читать, но тоже не пошло.

Хотелось выпить, но в доме не было ни капли спиртного. Хотя это, может быть, и хорошо.

Аля с расспросами не лезла, и если что-то и подозревала, но спрашивать не рискнула. От этой мысли стало чуть полегче, всё-таки повезло ему с женой.

Шухер в лагере, о котором упомянул Гареев, продолжался ещё пару дней. Поскольку смерть провокатора была фактически публичной, и слухи о застреленном вблизи лагеря человеке расползлись среди беженцев и персонала со скоростью молнии, конторские сильно не стесняли себя в допросах и перетряхивании всех и вся. Количество прошедших через их руки людей не поддавалось подсчёту.

Дёргали на допросы и Влада, который уже заколебался повторять одно и то же, но конторские, видимо, имели своё представление о цели таких мероприятий. Не исключено, что, не имея прямых улик сговора, они надеялись, что в какой-то момент Влад проговорится, и им будет за что зацепиться. Но с другой стороны, рассуждал Влад, его не отстранили от работы, если не считать того выходного, который ему предоставил Гареев, и он продолжал ходить по лагерю как ни в чём не бывало, и даже коллеги не стали относиться к нему как-то по-другому. Ладно, ФСБ виднее, что да как. Были бы у них какие-то серьёзные подозрения относительно него, его бы уже давно упаковали.

Гареев всё это время ходил мрачнее тучи. Знакомый лейтенант шепнул Владу, что какой-то особо рьяный контрразведчик поднял тему личной ответственности майора за произошедшее в лагере. И, поди докажи, что ты не верблюд, учитывая, что всё делается чуть ли не с ходу, а поиском диверсантов вообще-то должно заниматься другое ведомство.

К тому же подняли вопрос об установке вокруг лагеря ограждения с вышками, но вопрос отпал, так и не воплотившись в реальность. Наверху здраво рассудили, что если обнести лагерь для беженцев забором с колючкой, да ещё с вышками лагерь уже будет напоминать не место, где могут найти временный кров обездоленные люди, а самый настоящий концентрационный лагерь. Давать лишний повод для возбуждения недоверия со стороны людей было неоправданно. В итоге было принято решение усилить общую работу по охране и развивать агентурную сеть для своевременного выявления провокаторов и диверсантов. А

блокпостов в городе и так хватало с лихвой.

К тому же почти каждый день в лагере появлялась новая палатка, из-за чего пришлось бы каждый раз увеличивать площадь огороженной территории, — никакого забора не хватит. В другой бы ситуации, может быть, так и поступили, но не тогда, когда люди прибывают нескончаемым потоком, а переправить их в другие регионы страны не хватает ни времени ни транспорта.

В ходе одного из обысков, учинённых в лагере сотрудниками Конторы, всё-таки нашли неучтённое оружие, боеприпасы и листовки агитационного характера, направленные против действующей власти. Благо предполагаемых хозяев этого добра взяли ещё до инцидента с убитым провокатором.

После очередного допроса Влад вышел на крыльцо Дома культуры, и машинально стал хлопать себя по карманам. Дико хотелось курить. Привычка, которая, казалось, была побеждена давно и однозначно, всё чаще напоминала о себе.

Рядом оказался младший сержант Потапенко, только что сдавший пост и обративший внимание на владовы поиски курева. Вытащил из кармана пачку и протянул Владу. Тот посмотрел на нее с глубокой тоской, но поблагодарив, брать не стал.

— Бросил, — пояснил он, — не стоит и возобновлять.

— Это да, — согласился Потапенко, — сам пару раз бросал. Как в том анекдоте: нет ничего проще, чем бросить курить — я делал это сотню раз!

Потапенко расщерепился бородатому анекдоту, который сам же и рассказал, обнажив пожелтевшие зубы. Влад, соглашаясь, кивнул, и попытался просто откинув все мысли, подышать свежим воздухом. "Пока не надуло нуклидов", — пронеслось в голове.

— Как сам? — любопытствовал Потапенко.

— Да как-то так, вот с очередного допроса выпустили.

— Это всё из-за того случая? — мотнул головой Потапенко в неопределённую сторону. — Ну, понятно. Вроде, уже не теребят часами, как раньше, и то хорошо.

— Так уже рассказал всё, что знал. Не сочинять же.

Внезапно Потапенко приблизился, наклонил голову и заговорил заговорщицким тоном.

— Тут это, — начал сержант, — пока тебя там конторские муржили, здесь тоже переполох случился. Забавно было так, что чуть до стрельбы не дошло. Особенно учитывая недавние события.

Последними словами он явно намекал на историю с участием Влада. Потапенко даже подмигнул. "Болтун — находка для шпиона", — ухмыльнулся про себя Влад, глядя на младшего сержанта.

— Что так? — заинтересовался Влад.

Солдат подождал, пока мимо прошёл явно спешащий по своим делам офицер, вскочил, отдал честь, затаился и, выпустив дымное кольцо, продолжил:

— Да приехал тут один контуженный пограничник...

— В смысле контуженный? — перебил его Влад.

— Да это я так говорю просто, вёл он себя, как на всю голову контуженный ну, в общем, появился на "тигре" тот пограничник. Броневики тут же уехали, а он ломанулся внутрь прямо мимо меня. У меня аж дыхание перехватило от такой наглости, я же на посту, типа охраняю. Дуло ему в морду направил, он и замер. Правда, через секунду стал орать на меня как умалишённый. Ты бы слышал этот мат!

Потапенко затаился последний раз и затушил брошенный окурок носком ботинка.

— Ещё думаю, схер@ли граница так далеко в тылу, а он походу какой-то особист что ли... ну я его и не пустил с разгону, кто его знает, вдруг террорист. Тем более, после всех событий. Знать я его не знаю, пропуск не предъявил, даже не представился. Много ругался, тот контуженный, хотя, может, просто кукухой поехал (запросто так-то!), требовал немедленно его пропустить к начальству, а ты сам видишь, без пропуска никак, только по согласованию.

— Ну, так и позвонил бы начальству, объяснил, что к чему, — пожал плечами Влад.

— Так я и собирался, а он прям ни в какую ждать не хочет, срочно ему надо к начальству и всё тут, а у меня же тоже приказ — без пропуска не пускать. Я автомат наставил на него, тревожную кнопку нажал, и ору на него, чтоб руки за голову и всё такое. Думаю пусть постоит, остынет, воздухом подышет.

А тут как раз полкан, что тебя, кстати, допрашивал, вываливается из здания и всё это на его глазах. Граница к полкану, тот аж опешил от такой наглости, граница-то по звездочкам капитан обычный. Полкан уже хотел было его по законам военного времени тут же под трибунал отправить, а капитан этот какую-то ксиву достает и в нос тычет полкану. Ты бы видел, как тот в лице переменялся. Походу граница не простой капитан, а какой-то особист, не иначе.

— Ну, так погранслужба же в подчинении ФСБ, насколько помню, чего удивляться.

— Не, тут что-то другое. Пусть он и из ФСБ, но Армия и Контора всё-таки немного сути разные вещи, а тут какой-то хрен с горы, и моё начальство строит по струнке! Не нормально это.

— А что сейчас нормально, Женя?

Боец задумчиво кивнул, по всей видимости, соглашаясь, что в текущем положении дел действительно далеко не всё нормально.

— Странно, что он эту свою ксиву сразу не показал.

— Спешил, наверное, забыл, — предположил Влад. — Да к тому же, она тебе ничего бы не сказала, а полковник от контрразведки сразу всё понял. Что там в недрах государства твориться, кто знает...

— Ну да, походу ему именно этот полковник был нужен, а то чего ему сюда переться, когда всё высокое командование в обладминистрации обитает.

С минуту, наверное, они молчали, глядя на происходящую вокруг ставшую уже обычной суету.

— Вот и думаю: наградят меня теперь, или стоит люлей стоит ждать за то, что не пустил сразу.

— Да ничего тебе не будет, ты же по инструкции действовал, а пограничник этот сам виноват, должен понимать, что да как.

— Ну, спасибо, что успокоил, а то хрен их знает этих особистов, — закивал Потапенко.

Влад, решив, что разговор окончен, отошёл в сторонку, присел прямо на бетонных ступеньках, достал блокнот и ручку. Младший сержант явно заинтересовался и решил проследовать за Владом.

— Ты чего это делаешь? — с любопытством спросил он.

— Да так, записываю всякое, свои ощущения от прошедшего дня, от общения с людьми. Истории, которые мне рассказывают в лагере. Помогает держать себя в психологическом равновесии.

— Дневник что ли?

— Ну, типа того, скорее даже заметки. Так легче пережить всё это, — Влад повёл взглядом вокруг себя.

— Ты это, главное ничего секретного не записывай в свой дневник апокапи... аполаки... апокалisp..., тьфу, ну ты понял, окей? — подмигнул Потапенко. — А то пуля башка попадёт, совсем мёртвый будешь!

— Да уж, учту! — деланно серьёзно ответил Влад

Они рассмеялись. Но в каждой шутке, как говорится, есть только доля шутки. Пожав Владу руку, младший сержант отправился по своим делам. Влад, сделав пару записей, убрал блокнот во внутренний карман и пошёл по своим.

Глава 10. Лишь бы не сойти с ума

«Мои соотечественники американцы, я рад сообщить вам сегодня, что подписал указ об объявлении России вне закона на вечные времена. Бомбардировка начнётся через пять минут». 11 августа 1984 года. Президент США Рональд Рейган.

"Так началась первая, и пока последняя ядерная война в истории человечества. Что руководило президентом Рейганом так и осталось загадкой, так как с тех пор его больше никто не видел. Кто-то говорил, что он скрылся в недрах горы Шайенн, где ещё в 1960-х годах был построен бункер, буквально вырублен в скальной породе, на случай ядерной войны с СССР. Но точно ли он скрылся там, или в каком-то другом бункере точно не известно, так как разведка докладывала, что вскоре после приказа атаковать Советский Союз Рональд Рейган скончался от сердечного приступа, и вся полнота власти перешла к вице-президенту Джорджу Бушу.

Хотя относительно причин смерти президента Рейгана тоже имеются определённые расхождения. Многие историки считают, что он не столько скончался от сердечного приступа, сколько был убит, а именно отравлен. Кто-то идёт дальше и утверждает, что его просто убили те из офицеров армии США, кто был категорически не согласен с его авантюрой ядерного удара по Советскому Союзу. А может быть, его устранили просто как отработанный материал. Мол, сделал своё дело, можно и в расход, а то наболтает чего лишнего.

Да, у США было гораздо больше ядерных боеголовок, чем у СССР, но для того, чтобы убить достаточно одной пули, и даже, если у противника в руках заряженный автомат, и он обвешан пулемётными лентами, достаточно всего лишь одной точно выпущенной пули, чтобы нейтрализовать всю эту мощь. Примерно так получилось и здесь: ядерного арсенала Москвы хватило с лихвой, чтобы нанести такой ущерб Вашингтону, после которого превосходство в количестве ядерных боеголовок уже не имело значения.

Сотни городов в США и Канаде, а также Великобритании сгорели в ядерном пламени вместе с населяющими их жителями, а танковые колонны Советской Армии сорвались со своих баз в ГДР в западном направлении, наматывая на тяжёлые траки солдат Западного блока. И то, что Москва лежала в руинах, не имело никакого значения: предназначенные на этот случай конверты были вскрыты и приказы прочитаны. Оставалось только их выполнить, а за этим дело не стало.

Параллельно сражения шли в воздухе (стратегическая авиация была одним из способов доставки ядерного оружия, а истребители были вынуждены их прикрывать) и на море, противники охотились на подводные ракетоносцы друг друга, чтобы не допустить использования их для очередного удара, так было очевидно, что у противоборствующих сторон сохранились ещё изрядные резервы для продолжения ядерных бомбардировок.

Опасения советского руководства относительно лояльности польских товарищей, учитывая зарождающиеся и подогреваемые из-за антисоветские течения, испарились вместе американским ударом по Варшаве. Поляки одними из первых пересекли границу с ФРГ в составе сводной группировки войск Варшавского договора.

Буквально в момент весь лоск цивилизации слетел с Европы, которая буквально завопила в ужасе, увидев на горизонте бронетехнику с красными звёздами на бортах. Сопротивление европейских армий давилось буквально на глазах мировой общественности,

но был ли выбор? Массированный удар ядерными ракетами по СССР его просто-напросто не оставлял. Необходимо было максимально быстро взять под контроль потенциальные места пуска других ракет, в том числе, базирующихся в Западной Германии.

Войска двигались по европейскому континенту так быстро, что грозили выйти к Ла-Маншу буквально в течение месяца. В Вашингтоне явно рассчитывали на иное развитие события, стараясь понять, что же пошло не так, ведь, казалось бы, всё было выверено.

Крупнейшие города США лежали в руинах, десятки миллионов людей остались без крыши над головой, без средств к существованию и без еды. Ситуация грозила голодом и смертями от эпидемий, средств лечения лучевой болезни остро не хватало, и только высшее руководство США отсиживалось в секретных бункерах, полностью обеспеченное всем необходимым. Пятнадцать изолированных помещений, вырубленных в скальной толще на глубине более 600 метров от поверхности. Все помещения герметизированы и размещены на амортизированной подвеске, которая предохраняет от землетрясений, а толстый слой гранита надежно защищает оборудование от электромагнитного импульса.

Нанести внезапный удар с нанесением непоправимого ущерба у американцев не получилось. Да, многие города в Союзе так же лежали в руинах, а люди испытывали крайнюю нужду во всём, но ответный удар был настолько сильным, что о победе в войне уде не было речи. Оставалось только молиться и надеяться, что удастся хоть как-то это всё пережить."

Приснится же такое, подумал тогда Влад. Сейчас он отчего-то вспомнил этот свой сон, который приснился ему ещё минувшим летом, ещё до войны. В мире тогда тоже творилась всякая дичь, но до текущего положения дел было, как до Луны.

Если бы ему это приснилось сейчас, он бы ничуть не удивился, но тогда? Да, тогда бряцали ядерным оружием, строили всякие модели ограниченного ядерного конфликта. Российское и американское руководство обменивались нотами и взаимной высылкой дипломатов, но чтобы влупить друг по другу ракетами!

Влад вспомнил, как на обеде рассказал приятелю о своём сне, чисто как шутку озвучил, чтобы поддержать разговор. Приятель ещё вспомнил, что Рейган действительно говорил нечто подобное, правда в реальности это была всего лишь неудачная шутка актёра, ставшего волею судеб президентом крупнейшей ядерной державы, и забывшего снять петлицу с микрофоном.

Они тогда ещё поговорили и Влад решил, что сон был предопределён пересмотренными накануне фильмами "На следующий день" и "Нити", которые как раз и рассказывали о подобных событиях. Обычное дело — насмотришься сериалов или кино, а потом тебе мозг всё это возвращает ночью в извращённом виде.

Или взять хотя бы "На последнем берегу", который он тоже как-то давно смотрел. Но в том-то и дело, что давно. Или текущие события оживили старые впечатления от когда-то увиденного кино? Кто ж его знает! Про навязчивое чувство дежавю он и вовсе предпочитал не вспоминать.

Но что стоило отметить, так это то, что ночной кошмар действительно имел нехарактерную для сна структурированность, иначе он бы его не запомнил. Что-то он потом уже додумал, всё-таки сновидение обычно имеет свои лакуны, но в целом выглядело всё стройно и логично, он даже ради забавы записал его содержание в дневник.

Влад разомкнул веки — надо вставать и идти на работу, в лагерь беженцев. Опять вести учёт, выдавать, раздавать, проверять, писать отчёты, докладывать начальству, в том числе

Гарееву.

Опять выслушивать истории людей, лишившихся всего и незнающим, как им теперь жить дальше.

Он осторожно потянулся. Рядом умиротворённо посапывала Аля. И как это у неё получается, ума не приложу, подумал Влад. Ладно, пусть спит, всё равно ей никуда не надо, найти работу юристу сейчас ой как не просто. А ему, пора просыпаться, всё равно уже не уснёт.

С другой стороны, чему удивляться таким снам, учитывая то, что окружающий мир действительно был готов вот-вот рассыпаться в труху.

«Военный, может, бахнем?»

«Бахнем! И не раз! Весь мир в труху! Но потом»

Получается «потом» уже наступило. Вот оно, смотрит на тебя из окна, заглядывая жёлтым глазом низкой Луны сквозь опухшие веки тяжёлых свинцовых туч, которые чуть что, могут вылить на тебя тонны заражённого дождя.

Глаза видят, что происходит вокруг, мозг эту информацию закладывает в подсознание. А ночью, пока ты спишь, начинается время чудес: подсознание начинает над тобой издеваться, сплетая из увиденного днём и твоих собственных мыслей замысловатую паутину сновидений. Иногда она, приходится признать, получается довольно логичной.

Ну и какого ляда подсознание решило тебе сейчас напомнить об этом? Как будто мало тебе того, что ты видишь каждый божий день?

Божий день... Божий... А не покинул ли Бог эту землю? Посмотрел на то, что люди вытворяют и сказал» «Делайте, что хотите! Я устал, я ухожу!»

Вот только свято место пусто не бывает, не так ли? И кто же пришёл ему на смену?

Сейчас Аля проснётся и расскажет, кто и зачем пришёл в этот мир. Это она может. Она любила строить из себя добрую христианку, хотя по жизни вела себя далеко не всегда однозначно, что давало Владу массу поводов для шуток и подначек.

Сон — целый мир. Переживание того, что произошло и того, что может произойти, облачённое в кружева переносных значений, неоднозначностей, странных аналогий и даже магии. Только во сне вы можете летать, и при этом ощущать полёт так, как будто он происходит наяву. Со всей восторженностью от охватившей ваше тело лёгкости и всем ужасом от возможного падения. Иногда только проснувшись, ты понимаешь, что это был сон. Прекрасный, обычный, жуткий, но сон.

Сны снились всё чаще, и становились всё чётче, хотя Влад с большим удовольствием предпочёл бы тупо проваливаться во тьму и потом просто просыпаться.

Раньше такое бывало редко, и Владу нравились такие сны, так как они были своего рода хорошим кино, которое можно посмотреть и при этом поспать. Вполне логичными и лишёнными каких-то непонятных аллегорий и гипербол, как это бывает в абсолютном большинстве других сновидений. А то и вообще, бывало, проснёшься и не помнишь вообще, что тебе снилось. Если то, что Влад читал о снах, то выходило, что они снятся всегда, просто далеко не все они запоминаются.

Сновидение же это, в целом, что такое: набор каких-то мыслей, идей, информации, накопленных за день или за несколько дней до этого, а потом мозг всё это перерабатывает и, бывает, выдаёт такую дикую ересь, что ни словом сказать, ни пером описать. Один сплошной набор метафор и гипербол.

Помнится, как-то ему приснился кролик, нападающий на прохожих и жрущий их

заживо, Влад тогда долго бегал во сне этого зверя, которое по ходу сновидения становилось всё больше и больше. Он пытался от него спрятаться, но кролик всё время его находил. Ну, пришлось поковыряться в памяти, и оказалось, что он действительно видел буквально за день до этого кролика с красными глазами, на которого обратил внимание, а то, что во сне пришлось от этого крола убегать, так это таким образом подсознание отразило ситуацию с навалившимися проблемами, которых тогда реально было много, и шли они буквально одна за одной, не давая передышки.

Или вот сны, когда ты хочешь попасть домой, но мозг всё время издевается над тобой, то убирая лестничные пролёты, то заставляя сесть в автобус не того маршрута и вообще междугородный, да который потом ещё, чего доброго, взлетает. Или лифт, который начинает ездить не только по вертикали, но и по горизонтали и вообще, как ему вздумается.

Вообще, Влад уже давно заметил, что любой даже самый бредовый сон можно разложить на составные части и найти его предпосылки в реальном окружении и событиях прошлых дней, как правило, наиболее близких по времени. Будь то что-то привлекшее внимание, даже на подсознательном уровне, или просто яркие впечатления от просмотренного накануне фильма.

А тут... тут совсем по-другому. Ещё до войны ему, бывало, снились сны, отсылки в которых он не мог найти в реальном мире. Это были сны о войне. О ядерной войне. Сколько таких было снов — два, три... в любом случае, хватило бы пальцев на одной руке, чтобы пересчитать их. Но сны яркие, логичные. Такие не часто снятся.

Сейчас же ему снилась мирная жизнь со всеми её заботами и суматохой. Такая реальная. Такая далёкая и недоступная. Вот она, ядерная война, буквально за окном. Ядерные грибы, вырастающие на горизонте (он вспомнил свою поездку в "Ласточке"), патрули в спецкостюмах, постоянно прибывающие беженцы с пострадавших территорий, и назойливый треск дозиметра, который, казалось, преследовал его повсюду, куда бы он ни пошёл. А вот мир, но во сне. Обычный. Без войны. Вот они с Алей едут отдыхать на море. Вот они гуляют по летнему парку.

Влад даже ловил себя на мысли, что идёт после службы домой, чтобы уснуть и уйти в тот доступный ему только во сне мир. Идиллию сновидений портил только один сон, тот, в котором Аля погибала в автокатастрофе. Он снился уже пару раз с незначительными вариациями, и Влад, засыпая рядом со своей женой, хотел лишь одного, чтобы, именно этого сна сегодня в расписании кинотеатра "Морфей" не было.

И ведь, главное, они реально хотели пойти в банк, так как давно задумывались о покупке новой квартиры, и деньги на первый взнос были уже накоплены, и даже на мебель бы осталось.

Но была ещё одна проблема. Когда он просыпался, его часто не покидало чувство реальности произошедшего во сне. Или в жизни? Или во сне? И это чувство вообще не внушало позитивных эмоций. Ну, представьте, что вы не понимаете, где реальность, а где сновидение, так и крышей поехать недолго. Нет, до такого он ещё не дошёл, чтобы окончательно спутать явь и сон, но всё же...

Влад даже начал думать, что его психика выдаёт некую компенсаторную реакцию на события последней пары месяцев, мол, мозг, сколько мог, столько и держался, а когда стресс стал обыденностью и он к нему мало-мальски привык и как-то расслабился, ослабив хватку на эмоциях, тут-то подсознание и решило подогнать ему проблем.

Как там говорил сержант Потапенко о пограничнике, размахивавшем

удостоверением, — "Поехал кукухой", — кажется так. Вот так насмотришься на все "прелести" войны и решишь, что лучше пребывать в иллюзорной реальности, созданной мозгом, чем принимать реальность таковой, какая она есть. И это тебя ещё не контузило и развороченных трупов и умирающих от лучевой болезни, он собственными глазами не видел. Но видел тех, кто работает с такими людьми каждый день в специальных лагерях за городом, и их взгляд, когда они пересекались глазами, совсем ему не нравился.

Может, мозг так хотел компенсировать то, что ему приходилось видеть воочию каждый день? Стоит признать, сейчас не самое лучшее время, чтобы ходить к психологу, или вообще попасть на приём к психиатру. Хотя он и раньше в психологию не сильно верил, больше в психиатрию, так как не видел ни одного человека, которому бы реально помогли беседы у какого-то левого чела, которому ты ещё и нехилые бабки должен отстёгивать. А вот примеры хорошей работы психиатров ему доводилось наблюдать, приходилось ему видеть неадекватных и опасных, в первую очередь, для окружающих людей, по которым психушка плакала. Как говорится, хорошее слово — хорошо, а хорошее слово и хорошая доза галоперидола ещё лучше.

Поэтому Влад списал всё на стресс, и решил попытаться взять себя в руки. Ну а то, что сны необычные, так на то они и сны. Может в этой необычности и заключается их обыкновенность. Мало ли, может у него такой мозг особенный. Ведь у каждого разум отличается какими-то особенностями, вот и у него тоже.

Но были и другие сны, не менее чёткие и реальные, они тоже были о войне, но о какой-то другой войне. Он словно видел обрывки или коллаж из нарезок фото- и видеоматериалов, газетных заметок. А когда просыпаешься, как будто остаётся какая-то дымка, своего рода туман и постепенно угасающее эхо.

Надо держать себя в руках. Не хватало, чтобы его ещё попёрли с работы, благодаря которой они более-менее сыты и одеты (и это в такое жуткое время!) по причине его неадекватности. "Стал неадекватен" — так себе диагноз. Впрочем, приложив некоторое умственное усилие, он всегда возвращался в реальность и понимал, что есть что, где сон, а где явь, какой бы неприглядной она не была. Он понимал, что сейчас уже декабрь 2020-го года, что в октябре была ядерная атака, что была она в основном со стороны США (союзники не сильно успели им помочь), что страна находится на военном положении, напрягая все имеющиеся силы для сдерживания наступления противника главным образом на западном направлении.

Главное, не "поехать кукухой", ну-ну...

Он посмотрел в окно. Зима. Обычная ядерная зима 2020-го года. Ядерная не потому, что она была вызвана ядерными взрывами, прогремевшими в октябре и поднявшими облака пыли в стратосферу, а просто по факту первого масштабного применения ядерного оружия в целях достижения реальных военных целей. Насколько она будет соответствовать тем апокалиптическим картинам, которые в своё время рисовали учёные, будет понятно, когда наступит календарная весна следующего 2021-го года, а за ней и лето. Вот тогда будет ясно, как сильно ядерная бомбардировка повлияла на климат.

До будильника был ещё целый час. Спать не хотелось.

Сев на краю кровати, Влад стал натягивать штаны и футболку, попутно обдумывая запланированную на сегодня работу, но всплывший под утро в памяти сон, да и не только сегодняшний, не давал сосредоточиться.

Глава 11. Деньги, сектанты и Апокалипсис

Взрыв произошёл над Новой Москвой, где-то в районе Троицка. Остальные ракеты, летевшие на Москву, смогли сбить, но и этого хватило, чтобы жизнь в столице замерла на какое-то время в шоке. А потом началась паника. На смену панике пришло желание мести к теоретическим виновникам. Почему теоретическим — в первые часы ещё не было понятно, кто конкретно осуществил ядерную атаку. Все вроде бы понимали, но особенно в Москве, почему-то люди допускали, что это может быть не Америка, а кто-то другой. А кто ещё, если подумать? Северная Корея? Китай, Иран или Индия? Нахрена им это? Они никогда с такой возможностью не заявляли, а искать какой-то глубинный заговор с их стороны, по моему, глупо. Кто ещё — Израиль? Для него это самоубийство. Остаются только Соединённые Штаты и их союзники типа Британии и Франции. Так что на самом деле всё было понятно сразу, просто люди не могли в это поверить до конца и цеплялись за ускользающую соломинку надежды.

Но потом стали поступать сообщения о других взрывах по всей территории России: Санкт-Петербург, Мурманск, Новороссийск, Владивосток... и ещё много городов и территорий. Когда всё стало понятно окончательно — откуда прилетели ракеты, и то, что на западных границах развернулась настоящая наступательная операция, народ стал собираться в толпу, которая направилась в переулок Большой Девятинский, дом 8. Да-да, туда, где располагалось посольство США.

Сложно сказать, что творилось в головах сотрудников посольства, ведь их жизнь круто поменялась в одно мгновение. Вот они просто сотрудники, хоть и не дружественного России, но всё-таки поддерживающего отношения государства. И вот вы уже в самом центре столицы государства-врага, по которому твои родные США только-только нанесли превентивный ядерный удар.

Когда они поняли, что дело пахнет керосином, кто-то попытался уехать (и это-то на автомобилях с дипломатическими номерами, у некоторых даже флажки звёздно-полосатые на торпеде стояли!), кто-то бежать пешим ходом. Большая же часть забаррикадировалась в здании посольства, но как потом оказалось, это им не сильно помогло.

Свою лепту в то, что потом произошло, внесли американские морпехи, которые открыли огонь по толпе из окон посольства и даже швырнули несколько гранат. Однако, вместо того, напугать людей, это лишь больше их взбесило. Люди буквально как с цепи сорвались.

Откуда-то быстро нашлись автоматы с подствольниками, и началась самая настоящая перестрелка, пальба была жуткая, но в итоге особо рьяные и злые граждане прорвались внутрь здания, ну и... случилось, то что случилось. Крови тогда было много.

Долго искали непосредственно посла Джона Салливана, уж очень хотелось ему задать несколько животрепещущих вопросов относительно американской политики. Понятно, что ответов никто особо ждать бы не стал, и судьба посла была бы довольно печальной.

Было достоверно известно, что он не покидал территорию России никаким из видов транспорта, по крайней мере, через официальные пункты пропуска. К тому же его видели буквально за сутки до Удара.

Может, верхушка США решила пожертвовать сотрудниками посольства и

консульств, не знаю, но те, кого удалось задержать и допросить, утверждали, что им ничего не было известно о готовящейся атаке. Звучит, на самом деле логично, ведь, чтобы не допустить утечки информации, учитывая масштаб атаки, все должны были вести себя как обычно. Чем больше людей знает, тем больше вероятность утечки, а это может поставить под вопрос успех всей операции. Ради такого можно смириться с жертвами среди собственных граждан на территории иностранного государства. Тем более, всех всё равно не вывезешь, не вызывая подозрения. Как говорится, ничего личного.

Как бы то ни было, посол и еще несколько высших сотрудников посольства США пропали и ищут их до сих пор. Не исключено, что за считанные часы до нападения они всё-таки были предупреждены и скрылись на какой-нибудь глубоко законспирированной квартире, или уже тайно пересекли границу, например, с Финляндией. Но скорее всего, они до сих пор находятся на территории России, наверняка здесь найдутся граждане, кто захочет им помочь из числа тех, кого раньше называли несистемной оппозицией. Понятно, что за ними установлена слежка и сами они непосредственно помощь оказывать не будут, но и менее известных сторонников так называемых либералов хватает.

Представляете, что у них сейчас в голове творится? Это ж самый настоящий, как они любили говорить, разрыв шаблона.

В общем, если такой исход рассматривался американцами изначально, я о том, что они не успевали вывезти посла, то подготовка места, где можно было бы залечь, тоже велась достаточно давно. Не удивлюсь, что где-нибудь в лесах Вологодчины есть замаскированный подземный бункер, в котором они сейчас и отсиживаются. Ну да если страну они покинуть не успели, то единственный шанс для них — дожидаться гипотетической победы США в войне и прихода оккупационных войск, так как в противном случае их всё равно найдут, вон, ориентировки развешаны на всех столбах.

Что касается выживших морпехов, то их схватили и тупо повесили на первых попавшихся под руку проводах, выбросив прямо из окон посольства. Остальных согнали в холл, где учинили самосуд. Жуткая картина одним словом, никогда такого не видел.

Там был серб один. Он ходил и методично расстреливал поставленных на колени сотрудников посольства. Его, конечно, скрутили подоспевшие росгвардейцы, пока он всех не положил... Собственно, это потом мы узнали, что он серб. Говорил по-русски, почти без акцента, так сразу и не разберёшь. В общем, оказалось, что в 1998-м году его родители и маленькая сестра погибли под натовскими бомбами, когда американцы проводили свои "гуманитарные бомбардировки", освобождая Косово от сербов. А сегодня, ну, то есть не сегодня, а в день атаки, погибла вся его семья, которая как раз проживала в Троицке. Жена и пятеро детишек. Такая вот судьба у человека. И там всех родных потерял, и здесь. С тех пор я его больше не видел. Вроде как одного морпеха он собственными руками задушил. Не хочу наговаривать, но, по-моему, он тогда рассудком тронулся. Ну, а кто бы не тронулся от такого?

Американцев тогда искали по всей Москве, хотя остальные иностранцы тоже попадали под раздачу, если не успевали свалить из города. Ну, а что вы хотели? Американец? Англичанин? Француз? Значит — враг! Были такие, кто пытался вступить и призывать к человечности, но сложно внять умиротворяющим речам, когда твои родные и близкие сгорели в ядерном пламени, превратившись в радиоактивный пепел, или им уготована участь медленной болезненной смерти от лучевой болезни. Пока власти не взяли ситуацию под контроль, расправы были обычным делом, особенно в первые часы после

атаки. Понятно, что под это дело активизировались всякие криминальные и не вполне адекватные элементы, которым только дай повод, чтобы кого-нибудь замочить под благовидным предлогом.

Потом всё относительно успокоилось, конечно, мародёров и убийц стали расстреливать прямо на месте, если брали с поличным.

Для иностранцев, тех, что уцелели, в итоге были созданы специальные зоны безопасности, где они частично обитают до сих пор, их там охраняют, ну и заодно с ними, понятно, работают спецслужбы. Потом уже их стали развозить кого куда, но тоже под охрану.

Ну, а спустя несколько дней в Москву потянулись колонны беженцев. Тогда ещё сразу не сориентировались и по улицам шли те, кто выжил в Троицке, жуткое зрелище. Это потом оказалось, что от них фонило, как от ликвидаторов Чернобыля. Пока разобрались, пока наладили работу и сортировку беженцев... да...

Москва превратилась в цитадель, оцетинившуюся противоракетами, и в то же время местом, куда тянулись нескончаемые реки тех, кто выжил во время удара Первой волны со всех соседних регионов и не только. Люди надеялись, что Москва, фактически накрытая невидимым куполом противоракетной обороны, защитит их. При этом они отказывались эвакуироваться в другие регионы, не веря, что в другом месте они будут в большей безопасности.

Страшно всё это, и чем закончится неизвестно.

***

Деньги. Что есть деньги? Мера богатства? Хм... Можно ли наесться деньгами? А выпить? Что говорите? Можно купить хлеба и воды, а то и мяса с вином? Ну да, ну да. А если деньги ничего больше не стоят, что тогда? будешь грызть купюру? Или, может быть, жарить золотые слитки?

Порой ситуация может обернуться таким образом, что как в том анекдоте: в жизни бывают такие моменты, когда любая бумажка становится ценной. А встречающиеся до сих пор в глухих деревнях сортиры, обклеенные банкнотами царского правительства или никчёмными керенками, являются ярким тому подтверждением.

Неделю назад Владу пришлось выложить шестнадцать банок такой дорогой теперь, а главное незаражённой радиацией тушёнки, когда ему понадобилось всего лишь несколько таблеток антибиотика. Аля заболела внезапно и так не вовремя, а получить лекарство в государственных учреждениях и найти в аптеках, ассортимент которых всё больше ограничивался активированным углём, йодом и бинтами, было просто невозможно.

Что поделаешь, пришлось обратиться к услугам чёрного рынка, а там потребовали не деньги, которые нещадно съедала инфляция (да, цены на товары первой необходимости были заморожены, но это не спасало от дефицита и очередей), а то, что сейчас действительно ценится — чистую от радиации еду в консервах. За антибиотики пришлось выложить почти всё, что было сэкономлено и накоплено из получаемых пайков на работе, при том, что никакой гарантии подлинности таблеток никто не давал. Как бы то ни было, но Аля пошла на поправку и лучше уж так, чем договариваться о похоронах.

В мире постапокалипсиса... хотя, подождите, почему "пост-"? Апокалипсис вполне себе продолжается. Вот уже скоро и новый 2021 год наступит, осталось-то пару недель, а конца и края войне нет. На фронтах, если к сложившейся ситуации можно применить термин "фронт", установилось относительное затишье, чем-то напоминающее окопную войну

Первой мировой. Вроде в штыковую атаку никто не идёт, но обстрелы и налёты при этом продолжаются, да диверсионно-разведывательные группы противника то и дело тревожили тыл. Работа ПВО вроде и стала отличаться большей стабильностью, чем в первые недели, но вариант погибнуть от разорвавшейся или от сбитой ракеты, осколки которой упадут тебе на голову, был далеко не нулевым.

Кстати, вы в курсе, что собственно означает слово "апокалипсис", его дословный перевод? А то все воспринимают это слово, как само собой разумеющееся, вкладывая в него смысл по мере своей образованности.

"ἀποκάλυψις" да, это слово греческого происхождения, в более-менее дословном переводе означающее "откровение", "срыв покровов". И сразу как всё заиграло, да? А то "конец света, конец света!".

В более широком смысле апокалипсис это смена эпох, когда человечество перенастраивает свой разум, привыкая к существованию в новых условиях. Вот и получается, что вроде как человечество сорвало покровы, показав свою истинную сущность, и теперь вынуждено жить, или доживать (это кому как) в новых условиях, которые само же для себя и установило. Но мыслят люди уже по-новому, не так как до известных событий.

Правда, никогда не поймёшь, в какую сторону, в худшую или лучшую, людские массы изменят образ своего мышления. Вот взять хотя бы Первую мировую войну — вы знали, как её называли до Второй мировой войны? А просто "Великая война". Да, та, война по сравнению со всеми предыдущими казалась действительно Великой, а все, что были до неё, так, местечковыми разборками. И люди 20-х годов прошлого века всерьёз размышляли, что уже никогда и ничего подобного не произойдёт, так как ничего более ужасного человечество просто не переживёт. А война казалась действительно ужасной, чего стоит только одно массовое применение химического оружия в виде отравляющих газов. Первое массовое применение авиации. Первое массовое применение бронетехники. Появление автоматического оружия, которое косило пехоту, как газонокосилка подросткую траву. Повисшие на колючей проволоке бездыханные тела. Выкашливающие свои легкие солдаты, вдохнувшие иприт.

Но что в итоге? Человечество почесало затылок и придумало ещё более изощрённые способы массового убийства себе подобных, и вообще подошло к вопросу с изобретательностью, наладив промышленный процесс истребления неудобных рас. Понятно, что низшими расами назначались другие народы, исходя из субъективных предпочтений тех, кто назначал.

А сильно ли изменилось человечество с тех пор? Ещё до текущей войны вместо расового вопроса (который, если что, вообще-то никуда не исчезал), на первое место вышла градация человека по иным, куда более размытым признакам, чем цвет кожи. Одно очень могущественное государство решило решать свои проблемы, навешивая на страны и целые народы ярлыки соответствующих или несоответствующих их представлениям о демократии. Открыто негров притеснять было нельзя, а слово "расист" стало жутким оскорблением и вообще поводом уличённого в нём (неважно, реально или нет) для увольнения с работы и общественной обструкции, но куда-то эту энергию надо было сбрасывать, верно? Вот и решено было устранять по всему миру тиранические режимы, а просто недемократические — расшатывать до состояния демократии.

То, что на месте поверженных диктаторских режимов воцарялся сущий хаос, и местные жители, спустя несколько лет начинали с ностальгией вспоминать золотые времена

диктатуры, Соединённые Штаты особо не колыхало. Правда, и им иногда из этого хаоса прилетало, однако не так часто, как тем же европейцам, которые только и делали, что брали под козырёк, выслушивая новые указания из Вашингтона и влезая всё в новые и новые развязанные им авантюры. Да, США были далеко, отгорожены от остального мира с двух сторон Мировым океаном, а вот Европа, она к местам возникновения хаоса (который в спецслужбах США упорно называли управляемым) располагалась очень даже близко, из-за чего количество террористических атак, случившихся в европейских странах, не шло ни в какое сравнение с теми редкими инцидентами, что имели место в благословенных Штатах.

Иосифу Сталину приписывают фразу из разговора с президентом Рузвельтом: "Господин президент мне разъяснил, что демократия это не просто власть народа, а власть американского народа." Сказать, что американцы вели себя именно так всю свою историю может быть и было бы преувеличением, хотя нет, не было бы. Именно так они себя всегда и вели, буквально с момента провозглашения независимости первыми тринадцатью североамериканскими колониями.

Почему оно так делало? Да потому что могло себе это позволить. Если расизм нельзя показывать внутри страны, то его надо куда-то выплеснуть. И свои расистские замашки Штаты срывали на всех, кто не мог им противостоять в военном плане и были финансово бесполезны — туда они осуществляли интервенции, и на тех, кто мог (взять, к примеру, ту же Россию) — на таких государствах они отработывали другие меры воздействия, такие как санкции, которые плодили аки взбесившийся принтер.

А может быть всё дело в том, что экономическая модель существования США элементарно выдохлась и подгоняемая внезапно начавшей разгон инфляцией, она искала выход в перезагрузке мировой экономики путём глобального конфликта?

Ещё до последней войны среди экспертов от политологии и экономики бытовало мнение, что роль очередного мирового конфликта сыграла пандемия коронавируса, которая стала шоком для мировой экономики, разрушив привычные связи между государствами, но, видимо, этого оказалось мало.

Как бы то ни было, ведь это Соединённые Штаты Америки были до настоящего времени единственным в мире государством, применившим ядерное оружие в военных целях. При том, что фактически острой потребности, с точки зрения дел на фронте, в этом не было. Япония проигрывала и проигрывала решительно, а когда Советский Союз молниеносно (наверное, его руководство и само такого не ожидало) разбил Квантунскую армию, дислоцирующуюся в Маньчжурии.

Но, в качестве целей были выбраны Хиросима (военный порт) и Нагасаки (просто потому что город подвернулся под руку, а дальше лететь было опасно — могли сбить), по которым и был нанесён удар, в результате которого были уничтожены десятки тысяч гражданских жителей городов, еще сотни тысяч потом умерли от лучевой болезни, а в генетической памяти японцев была пробита такая брешь, что они превратились в депрессивных производителей манги и аниме, напрочь забыв о каких-то национальных амбициях. Разве что иногда вспоминали про так называемые Северные территории, и то только потому, что им на это дали добро из Вашингтона.

Вот как так получилось, что американцы, совершившие немыслимое в отношении японцев, сделали их чуть ли не самыми верными союзниками в этой части света, а Советский Союз, максимально гуманно обойдясь с немецким народом и вытащив из пекла геноцида многие европейские народы, стал ими потом проклинаяем? Может, надо было того,

тоже шарахнуть ядерной бомбой по кому-нибудь, чтобы любили так же как американцев? Хотя, понятно, что Москва бы на такое не пошла, не тот менталитет был у советских людей. Но было над чем задуматься.

Или вот взять ещё одно модное словечко, которое часто употребляют в связи с последними событиями, — "армагеддон"! О сколько в этом слове для сердца нашего слилось! А если по существу, то христианство понимает это слово как место последней битвы добра со злом в конце света. Если ещё больше углубиться, то это название конкретного места где-то в современном Израиле под названием Мегиддо. Интересно, кстати, как там сейчас Израиль поживает, вроде как про ядерную бомбёжку

И что, сейчас вся планета сейчас превратилась в это поле битвы? Или всё-таки последняя битва ещё впереди? Вообще, хотелось бы думать, что хуже уже не будет. Однако, вся история человечества доказывала, что хуже как раз вполне ещё может быть. Вообще, не факт, что люди останутся, пока не уничтожат себя подчистую.

И кто в этой последней войне или битве будет на стороне добра, а кто на стороне зла? Понятно, что для США воплощённое зло это Россия, и решив нанести по ней ядерный удар, они всего лишь хотели избавить мир от этого зла. Но в результате миллионы американских граждан просто сдохли.

С другой стороны, для русских абсолютным злом — были США. Такое вот единство и борьба противоположностей. Диалектика, чтобы её.

И опять из всех щелей полезли сектанты, которых полиция и ФСБ только и успевали упаковывать. Причём много их было именно среди т. н. протестантов, которые до войны вольготно жили на финансирование из США, а сейчас, складывается такое ощущение, отрабатывают полученные деньги.

Вы знали, что протестанты разных течений, в первую очередь евангелисты, баптисты, иеговисты и т. п., имели приоритет при получении американских виз? Вот, теперь знаете. Хотя, казалось бы, зачем делать такую дифференциацию среди претендентов на американскую визу? Но, тем не менее, было над чем задуматься. Люди мотались за Большую лужу, как к себе домой, и как им там промывали мозг, одному Богу известно.

Уж больно они мутили воду, учитывая и без того стрессовое состояние населения, в одночасье оказавшегося в новой реальности и лишённого большинства, казалось бы, столь привычных благ: нормального интернета, телевидения, горячей воды, воды вообще (перебои случались всё чаще), привычной еды, походов магазины и доступной медицины. А любая внутренняя нестабильность работала в пользу противника. Тем более, что проводить аналогичные операции на территории врага представлялось проблематичным: навряд ли какой-нибудь православный батюшка, чудом уцелевший в США (а там, наверняка, тоже велась зачистка всех неблагонадёжных элементов) мог бы сподвигнуть население на капитуляцию, или хотя бы просто подогреть антивоенные настроения.

Справедливости ради стоит отметить, что среди тех, кто приписывал себя к традиционным религиям, тоже хватало тех, кто с истовой яростью ждал прихода Антихриста, по случаю и без случая, требуя покаяться в грехах любого встреченного ими прохожего.

За последнюю неделю до Влада докопалось сразу четыре таких человека с горящими глазами, иногда чуть ли не требуя пасть ниц и молиться во спасение своей, то есть его, Влада, души. Двух удалось отшить крепким словцом, одному пришлось врезать, чтобы отвалил, а другой тащился за ним вплоть до лагеря, где его и приняла охрана, организовав

ему свой личный Армагеддон в области рёбер и почек.

Правда, пока его мутузили, он ни на секунду не переставал вещать, как заведённый:

И семь Ангелов, имеющие семь труб, приготовились трубить.

"Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть деревьев сгорела, и вся трава зеленая сгорела.

Второй Ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнем, низверглась в море; и третья часть моря сделалась кровью,

и умерла третья часть одушевленных тварей, живущих в море, и третья часть судов погибла.

Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод.

Имя сей звезде «полынь»; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки.

Четвертый Ангел вострубил, и поражена была третья часть солнца и третья часть луны и третья часть звезд, так что затмилась третья часть их, и третья часть дня не светла была — так, как и ночи.

И видел я и слышал одного Ангела, летящего посреди неба и говорящего громким голосом: горе, горе, горе живущим на земле от остальных трубных голосов трех Ангелов, которые будут трубить!"

Так его и утащили под белы ручки. Псих, чего с него взять.

Как бы то не хотелось признавать, но всякого рода проповедники несли явную угрозу стабильности государства, находящегося на военном положении, и их призывы покаяться, и апокалиптические речи работали на противника, а этого допустить было никак нельзя. Контрпропаганда, конечно, работала, но и старых добрых задержаний никто не отменял. Ибо не хрен народ смущать своими сектантскими речами.

Вот ты и превратился в параноика, подумал Влад.

Сектанты сектантами, но у многих солдат на форме можно было увидеть шевроны со знаменитой надписью "Мы попадём в Рай, а они просто сдохнут". Несмотря на то, что шевроны были явно неуставными, командиры закрывали на это глаза. Если это помогает поддерживать боевой дух и сражаться, то почему бы и не позволить маленькое отступление в форменной одежде.

В общем, глупо винить какие-то высшие силы в том, что произошло. Пovyлезавшие из всех щелей сектанты с явными признаками психоза только и делали, что вещали в своих уличных и тайных проповедях о пришествии в наш Сатаны и рождении Антихриста, которые и устроили весь этот ядерный кошмар, но горькая правда жизни заключается в том, что Бог (или боги, это, опять же, кому как) наделил человека разумом (правда этому способствовал Змей, если брать христианскую догматику), и с тех пор человек сам отвечает за свои действия. Правильные или неправильные. Праведные или неправедные. Но принимает решения он сам. Да, потом придётся отвечать перед Богом, но отвечать придётся за свои решения и их последствия, о которых ты вообще-то мог и сам догадаться, так как разум тебя качественно отличает от всех остальных животных на этой планете.

Хотя вот посмотришь вокруг и невольно задумаешься, а так ли уж нужен этот самый разум, если он приводит к бедствиям подобных масштабов? Может, оно и к лучшему было бы пребывать в блаженном неведении и не кусать то злополучное Яблоко? Всё-таки Змей гадом оказался.

Глава 12. Шаг в пропасть

Будут, будут тебе мутанты. Только не такие как ты себе представляешь, или какими их рисовал кинематограф или игровая компьютерная индустрия. Вот этих всех огромных лысых крыс размером с человека, ну или волосатых, не будет. Не будет летающих драконов, которые превратились из летучих мышей под воздействием радиации. И всяких там плюющихся ядом огромных пауков тоже не увидишь. Навряд ли случится мутация, которая наградит пауков лёгкими, а без них они ни при каких обстоятельствах не вырастут до размеров, которые были бы большие среднестатистического птицеёда.

Природа рациональна и всё, что нежизнеспособно или выпадает из её представления об эволюции, очень быстро окажется на её обочине, оставив после себя, в лучшем случае, окаменелые останки, которые когда-нибудь раскопают археологи. Вот уж они удивятся. Если, конечно, будет кому удивляться.

Всё что может сделать проникающая радиация в больших дозах, так это испоганить ДНК любого живого организма, выбивая из цепочки один ген за другим, или нещадно их тасуя и меняя местами. Там, где должен быть по плану глаз, будет рот, там где должен быть нос — глаз. По плану хвоста не должно быть — значит будет!

Мутанты будут, но совсем другие. Если хочешь, они будут гораздо более обычными, но от этого не менее страшными. И от того, какими они будут, нормального человека стало бы мутить. Ему бы стало противно от взгляда на них и жалко одновременно.

Дети с двумя головами, с лишними руками и ногами, гидроцефалы и прочие отклонения. Или наоборот без конечностей, и повезёт тому, кто родится только без пальцев. Хотите сростихся какими-нибудь частями тела "сиамских" близнецов — получите и распишитесь. Вот и будут они мучиться всю свою недолгую жизнь. Всё, что раньше было редким стечением обстоятельств, станет обычным явлением.

Животные с изуродованными телами станут обыденностью. А чего ты хочешь, если прилетит какой-нибудь нейтрон или другая там альфа-частица, да выбьет страйк из их генов, перемешав их, как Бог на душу ляжет. Вот тебе и родится какой-нибудь телёнок с копытом на спине, или, чего гляди, с глазами на заднице.

Но, в первую очередь, из-за повреждённых генов люди и животные будут болеть. Болеть много и сильно. И раковые заболевания станут такими же частыми, как сейчас насморк. Хочешь опухоль — на тебе! Да не одну а сразу с десяток. И белокровие в придачу. Саркомы всякие и т. д. и т. п. И те, кто не смог укрыться от излучения, даже если выживут после атаки, будут потом умирать долго и мучительно, а если и не мучительно, то всё равно вырождаются, так как потомство у них будет слабое и нежизнеспособное. Думаешь можно привыкнуть к радиации? Ну-ну.

Мы уже сейчас наблюдаем, как люди в лагерях хворают. Ведь почти все в той или иной степени схватили дозу. Кто-то сразу после взрыва, а кто-то потом, попав под радиоактивные осадки. Мне тут рассказывали, как целая семья так померла: пытались значит, спасаясь, уехать из города (вообще, логичный поступок), но остановились по дороге в деревушке воды из колодца напиться. И всё бы ничего, да только там как раз осадки выпали, ветер в ту сторону подул, а у них связи никакой, не знали, что это теперь зона заражения. Короче, все умерли. Не сразу, конечно, отец последним умер. Их солдаты так в автомобиле и нашли, глава семейства ещё жив был.

Что говоришь? Тараканы? Тараканы, да, эти могут выжить. но не потому, что они не подвержены воздействию радиации, а потому что могут уйти глубоко под землю, где излучение их просто не достанет. И потому что жрать могут всё, что ни попадя, начиная от грязного обмылка и заканчивая каким-нибудь клеем. Про плесень и говорит нечего, это сам Бог велел. А те, что на поверхности останутся, те подохнут, тоже может быть не сразу, а постепенно, вырождаясь от всяких болезней, вызванных радиацией.

Вот выжившие тараканы нас и раскопают, ага. Так что будут тебе мутанты, обязательно будут. В общем, ты это, не пренебрегай защитными средствами. Противогаз там, комбез опять же. И про дезактивацию не забывай. Вот тебя в детстве учили мыть руки, так? Вот и сейчас прими за правило проводить дезактивацию. Некоторым, правда, что об стенку горох, они руки после туалета и в тридцать и в сорок лет не моют. Ну, то их выбор. А ты не забывай. Так и запиши в свой блокнот.

***

Складывалось ощущение, что мир замер в ожидании очередного акта ядерной драмы, готовой обрушиться на людей с новой силой. Мы словно бы оказались в центре урагана, где наблюдается относительное затишье, но которое готово вот-вот разразиться новым штормом, обрушив на нас весь свой гнев.

Проблема была в том, что в данном случае всё зависело от людей, а не от сил природы, мы сами были авторами этого урагана, который готов был смести человечество с лица планеты. Да, может быть погибнут не все, но какое существование они будут влачить в мире, заражённом радиацией? В лучшем случае это будет Средневековье 2.0. В худшем... в худшем мы скатимся до уровня каменного века, а то и вымерем подобном динозаврам.

Кто из американского руководства принял решение о нанесении ядерного удара по Российской Федерации, достоверно не известно, да и не столь важно, по крайней мере, на этом этапе. Сейчас важно было, чтобы ничего подобного больше не повторилось. Однако как раз в этом у многих были серьёзные сомнения.

Обстановка на театре боевых действий явно не стремилась качнуться в чью-либо сторону, застыв в как-то подвешенном состоянии.

Майор Гареев как-то описал ситуацию словами: "Мы со Штатами сейчас как тот доисторический носорог, который схватился с саблезубым тигром и в итоге оба получили тяжелые ранения. Оба ранены, понимаешь? И всё бы ничего, может кто-то и выжил бы, да только оба застряли в трясине, так и идут медленно ко дну, истекая кровью."

— А трясина, значит, это война? — спросил тогда Влад.

— Скорее политика, череда событий, которые начали жить своей собственной жизнью. Ты, вроде как, и мог бы остановиться, чтобы не влететь в стену на полном ходу, но точка невозврата уже пройдена, и педаль тормоза не реагирует, как бы та её не давил. Ситуация патовая, и кто бы не начал активные действия, он может рассчитывать разве что на то, что сможет нанести максимальный урон противнику при этом без малейшей гарантии на победу.

Майор, как всегда курил, а Влад только морщился от неприятного ему и столь вожделенного одновременно табачного дыма. Он твёрдо решил, что курить всё-таки не будет. Хотя подленькая мысль, что умереть от лучевой болезни, но с чистыми от никотина лёгкими так себе перспектива.

— То есть мы всё равно умрем? — Влад отпил из кружки растворимого кофе.

— Ну, мы так и так умрем, это без вариантов, проблема в том, что вместе с потомством

и раньше времени, а это уже совсем не хорошо. С другой стороны, как ты помнишь, мы попадём в рай, а они просто сдохнут.

Влад ничего не ответил, просто молча кивнул. Этими словами президента были пропитаны все последние события и надежды людей. Если честно, мало кто верил в положительный исход войны, но многие не хотели умирать просто так, многие хотел быть уверенными в том, что даже после их смерти Соединённые Штаты прекратят своё существование, когда сработает система "мёртвой руки".

Были ли те, кто надеялся на победу? Конечно, были. Даже те, кто хотел, чтобы "они сдохли" надеялись на победу, просто не так очевидно, а где-то в закоулках подсознания. Кто такой пессимист? Это хорошо информированный оптимист. Ну, или думающий, что он хорошо информированный. Ведь человек такое существо, которое зачастую руководствуется не строгим расчётом и логикой, основанной на информации, а своими представлениями о той информации, которой он владеет. Увы, но это так.

В один из дней до Влада дошли слухи, что готовится всеобщая мобилизация, и он решил узнать всё из первых рук, тем более, что с майором Гареевым у него сложились хорошие деловые отношения, близкие к дружеским. Мобилизация так мобилизация, но лучше уж подготовиться, да и жену, которая ещё отходила от тяжёлой болезни, подготовить тоже бы не помешало.

В добровольцах, впрочем, тоже недостатка не было. Видать, поэтому до сих пор и тянули.

Пройдя привычный досмотр и предъявив пропуск, он поднялся на этаж, где располагался кабинет Гареева, но не найдя его там, решил пройтись по коридору, пока не встретил знакомого офицера, сообщившего ему, что видел майора в дальнем крыле здания. Недолго думая, Влад направился в указанном направлении и вскоре из-за одной из дверей услышал голос майора, который что-то кому-то строго внушал.

Влад стучаться не стал, помещение официальное и дверь была не заперта. Он вообще считал, что стучаться в присутственных местах нет никакой необходимости, все, кто находится за дверью, должны быть одеты и готовы к официальному разговору. Это не номер в гостинице или комната в квартире, где человек привык находиться в более расслабленном состоянии, чем на службе.

Как только он вошёл, в нос ударил резкий запах алкогольного перегара и табачного дыма. За столом сидели двое, один — Гареев — стоял и что-то объяснял другому офицеру, который был, что говорится, в состоянии "невменос", а его рука лежала на пистолете, который в свою очередь лежал на столе. Походу Влад стал свидетелем сцены, которой бы лучше не видеть. При этом лицо офицера, того что с пистолетом, одновременно с признаками сильного алкогольного опьянения выражало какую-то жуткую потустороннюю решимость.

Майор Гареев услышал движение за спиной и осторожно повернулся на шум, при этом Влад заметил, что одна рука майора придерживает руку офицера с пистолетом. Третий сидел с откровенно виноватым, но таким же напряжённым видом.

— Влад, — подозвал майор, — быстро ступай в кабинет 315, там скажешь, что от меня, и чтобы быстро топали сюда, понятно?

Влад коротко кивнул, спокойно, но без лишнего ускорения развернулся, и поспешил в обозначенный кабинет, в какой-то момент, удалившись от помещения, в котором сейчас находился майор Гареев, он перешёл почти на бег.

В указанный кабинет он влетел без стука, распахнув с шумом дверь, и у сидевших там армейских, которые чистили автоматы, даже лица вытянулись от такой наглости, но, услышав, что их срочно вызывает Гареев, они без вопросов поднялись и отправились к майору.

Войдя в кабинет офицеры, взяли под руки Кузнецова, и, получив строгое указание Гареева не спускать с него глаз, не подпускать к оружию и поместить пока под замок, увели его прочь отсыпаться. Сам майор принялся отчитывать капитана, который стоял перед Гареевым, слегка покачиваясь.

— Твою мать, Сергеев! Ты совсем охренел?! Какого чёрта ты решил нажраться вместе с Кузнецовым?! Ты, @лять, страх потерял?! Под трибунал захотел?! Давно там не был?!

— Я думал, — названный Сергеевым покачивался, — если мы поговорим, выпьем, ему станет легче, если он выговорится. Он что-то совсем загоняться стал.

— Ну, что?! Поговорили?! Иди, проспись, твою мать! Ещё раз увижу в таком виде отправлю под трибунал! Усвоил?! И не шатайся по зданию, а то не хватало, чтобы ты на глаза командованию попался!

— Так точно, товарищ Майор! Разрешите идти?! — отчеканил капитан.

— Разрешаю! — рявкнул Гареев.

Капитан Сергеев отдал честь и, всё так же пошатываясь, вышел из кабинета.

Гареев присел за стол и жестом показал Владу, чтобы тот тоже садился на свободный стул. Он повертел в руке недопитую бутылку водки и убрал её с глаз долой. Влад спросил первым:

— Товарищ майор, что случилось с этим, с Сергеевым? Вроде я его раньше не видел у нас. Кузнецова встречал, а этот на глаза не попадался.

— Перевели недавно, после ранения. Сослуживец Кузнецова ещё по срочной. Он был в командировке, когда на Питер упали первые бомбы. В общем, у него там мать погибла и жена на сносях. Мать, насколько знаю, сразу на Васильевском завалило насмерть, а жена чуть погодя отошла, от радиации и ожогов. У них должен был ребёнок родиться в этом месяце. Долго не получалось, уже об усыновлении думали, и вот удачная беременность, протекала как по нотам. А потом — война, — вздохнул Гареев.

— Понятно. Переживает, значит до сих пор.

— Это если легко сказать. Хотел застрелиться, хорошо мне Кузнецова сдали, что видели его с бутылкой. Психолог хренов!

Повисла пауза. По большому счёту, добавить к сказанному добавить было нечего. Сейчас таких историй тысячи, если не миллионы.

— Не пойму, — произнёс Влад.

— Что именно?

— Не пойму, почему Питер накрыли, а Москва устояла.

Майор Гареев откинулся на спинку стула.

— Москву тоже задело, прилетела одна боеголовка. Мы же не с второстепенным государством столкнулись, а с крупнейшей по военной мощи державой, прибавь сюда её союзников, тоже далеко не отсталых. Не всех, конечно, часть откровенные подпевалы без какого-либо особого потенциала. Ты, наверное, по поводу мобилизации пришёл спросить, так?

Влад утвердительно кивнул.

— Я не могу тебе ответить положительно. Могу лишь рекомендовать быть готовым.

— Я услышал, — ответил Влад.

— Не будет секретом, если я скажу, что мы все ждём Второй волны. Такие дела. Ни мы, ни Америка далеко ещё не израсходовали весь свой ядерный запас. И вот если она случится, то тогда планета точно погрузится в такое состояние, при котором человечество потеряет человеческий облик. Я так вижу.

— Смахивает на пораженческие речи, товарищ майор.

— А, — Гареев безразлично махнул рукой, — ты всё равно меня не сдашь, так как понимаешь, что в моих словах нет предательства.

Влад молчал. Майор продолжил.

— Что у нас, что у них, хватит ещё зарядов на несколько уничтожений всей матушки-Земли. Расколоть каменюку не расколем, но жить здесь уже будет практически невозможно.

— И всё-таки в Пентагоне решили, что они могут победить?

— Да хрен его знает, кто там что решал. Ясно одно — тактика моментального глобального удара, на который они рассчитывали, не сработала. Нанести мощный удар с одновременной нейтрализацией противоракетной обороны и вообще сил ПВО у американцев не получилось. Вопрос решался буквально в последние минуты перед ударом. Наши "кроты" в их командовании смогли предупредить нас буквально, что говорится, впритык, передав список их агентов, работающих у нас под прикрытием. И теперь, я не удивлюсь, американцы в глубоком раздумье, что делать дальше. Признать статус-кво? Так он не в их пользу, если честно. Пойти на переговоры? Но на них надо будет как-то объяснить свои действия, причину начать войну, многие просто не поймут, если эти вопросы им не будут заданы, а это может вылиться в международный позор и проклятия всего человечества. Ведь кто-то должен будет ответить за сотни миллионов смертей.

— Про наших кротов, это случаем не гостайна, а то не хотелось бы...

— Это логическое суждение, исходя из того, как развивались события, — перебил его Гареев.

— Понятно. Кстати, раз уж речь зашла о жертвах. Сколько их? Сколько погибло людей?

— В России? — уточнил Гареев.

— В том числе.

Майор немного помолчал, а потом произнёс:

— По предварительным подсчётам в России погибло порядка двадцати миллионов.

— Это точные цифры?

— Точные цифры мы, если и узнаем, то явно не в ближайшее время. Это подсчёт сделан, исходя из того, какие города подверглись атаке. Например, население одного Санкт-Петербурга до войны составляло порядка пяти с половиной миллионов человек. Можешь представить порядок цифр. Кто не погиб сразу, умрёт потом от лучевой болезни и ранений. Ну и эпидемии сюда добавь. Так что я бы смело добавил ещё минимум пять миллионов смертей в ближайшие месяцы к этой цифре. Как у нас, кстати, по части санитарии.

— Плохо, — признался Влад. — Предметов гигиены остро не хватает.

— Понятно, — майор покачал головой, посмотрел в потолок.

— Двадцать пять миллионов, — произнёс Влад, обдумывая услышанное, — столько примерно погибло за четыре года Великой отечественной. И двадцать пять миллионов за несколько недель этой. Двадцать из них в первые же часы.

Он тяжело вздохнул. Перспектива представлялась безрадостной.

— Но вы сказали, что наша разведка всё-таки успела сработать?

— Хотелось бы, чтобы сработала лучше, правда? Ну, уж что есть, то есть. Хотя, если бы наши диверсанты грохнули американского президента, и то меньше ущерба было бы. Да, жаль, что не грохнули.

— А дальше что было?

— Дальше? Дальше началась волна арестов в правительстве, среди военных и крупных предпринимателей. Как только стало понятно, что они раскрыты, часть из них попыталась скрыться, но были схвачены, другие (в меньшем количестве) застрелились. Один даже выпрыгнул из окна высотки Москва-Сити, лишь бы не попасть в руки органов. А после того, как обстановку в Москве взяли под контроль, утихомирили бунты и панику, и убедились, что грязное облако обойдёт город стороной, зачистка продолжилась.

— Предатели?

— Ну а куда же без них! Там не только чиновники и военные были, ещё всякие крупные бизнесмены, имевшие доступ к крупным государственным заказам. Хрен знает, чего им не хватало ещё в этой жизни. Проблема в том, что всё случилось слишком неожиданно, чтобы подготовить какой-то план по эвакуации населения, переброске войск и тому подобному. Сигналы вроде поступали, но невнятные и противоречивые. И только перед самым ударом, как говорят, поступили достоверные сведения с именами и должностями. Не исключено, что кто-то из *наших* в США заплатил за них собственной жизнью.

В общем, ты, наверное, и сам отчасти помнишь, как всё происходило. 18 октября в воскресенье в 15.02 по Москве произошло обрушение интернета, причём практически по всей стране, что оставило без связи многие госучреждения. Ты же в курсе, что до войны множество телефонов тоже через интернет работали, да? Классических, которые бы питались от линии, было днём с огнём не сыскать, всё больше у стариков каких на квартирах стояли, да и то, они же были завязаны на серверы.

— Цифровизация, да, — вставил реплику Влад.

— Ну так вот... Поначалу думали, что это обычный сбой, просто очень большой, мало ли блэкаутов случалось по всему миру. Но очень быстро стало понятно, что это не простое зависание Сети. Выведенными из строя оказались многие программные продукты, созданные для работы в среде Windows, особенно в ней, но Linux тоже подверглись атаке. А именно эта операционная система имела и имеет широкое распространение в учреждениях государственной власти. Устройства Apple вырубались повсеместно. Но это был лишь один из этапов атаки.

Проблема для американцев заключалась в том в том, что системы управления противоракетной обороны, а также ядерным оружием были изолированы от основной сети Интернет, и находились под управлением собственного российского софта, да и железо там тоже было отечественное. И вот тут уже требовалась эффективная агентурная сеть, с самым высоким допуском. И если по каким-то причинам они бы не смогли получить доступ к программному обеспечению, предлагалось параллельно осуществить саботаж по подготовке и нанесению ответного удара. Для этого предполагалось использовать целый комплекс мер вплоть до физического устранения ответственных лиц, которые могли бы своими действиями запустить цепь команд по осуществлению такого удара. Необходимо было не допустить срабатывания «Мёртвой руки», а в Штатах как раз очень её боялись... и бояться до сих пор, да так что спать спокойно не могут.

Влад на последней фразе скептически посмотрел на майора. Но тот только подался вперёд.

— Боятся-боятся, можешь не сомневаться. Поверь человеку, который отдал вооружённым силам не один десяток лет. Задача американских агентов состояла в том, чтобы вывести из строя системы управления ядерным оружием и ПРО. В первую очередь ПРО, так как уничтожив оборону, они получали реальную возможность уничтожить наши ядерные ракеты еще на земле.

Ты в курсе, что американская ПРО создавалась в первую очередь для противодействия остаткам ядерных сил России, а не против полноценного арсенала и вида вооружённых сил?

— То, что они не успокоились на развале СССР, это и ежу было понятно, но получается что они хотели нас полностью лишиться ядерного оружия, я правильно понимаю?

— Это был бы для них наилучший вариант, но и к тому, что его реализация затянется, они тоже готовились. У какой-то из частей России, которая должна была развалиться ещё на несколько государств к 2012 году, могло остаться какое-то ограниченное количество ракет с активными боеголовками. Вот против них-то и разрабатывалась их противоракетная оборона.

— Но наша страна в 2012 году не распалась. И к 2014 году, когда случился переворот на Украине тоже. Они должны были понимать, что их ПРО не сможет справиться с полноценным ядерным ударом, который должен был бы стать ответом на их агрессию. Но они всё-таки решились...

— Да, они должны были понимать, согласился Гареев. — Поэтому и разработали операцию по внедрению своих агентов практически во все слои российского общества и уровни государственной власти.

— То есть настолько глубоко они проникли во власть?

— Ну так! Фирма веников не вяжет!

— А если вяжет, то фирменные, — грустно улыбнулся Влад. — Проглядели, значит.

— Не без этого. Американцы были уверены, что их агентура справилась с задачей. Несколько их агентов, из тех, что успели взять живыми (многие, как я сказал, покончили с собой), на допросах кололись как орехи, но все визжали, что были не в курсе спланированного удара...

— А иначе они бы свалили из страны, либо подняли панику, жить-то хочется, не все готовы покончить с собой даже перед страхом смертной казни, — Влад стал подозревать, что майор говорит со знанием дела, и видимо сам был причастен к допросам шпионов.

— Там даже не часы, всё решали минуты. Удалось экстренно восстановить связь и отдать необходимые распоряжения и приказы, активировать коды доступа. Чтобы предупредить дальнейшие действия штатовцев, было решено экстренно связаться с их руководством, но на том конце молчали. Никто не ответил, понимаешь? Сам президент звонил, но ему не ответили. Потом уже нам стало известно, что в Вашингтоне у некоторых политиков и генералов, посвященных в планы Удара, случилась натуральная истерика, когда они поняли что операция, на которую они потратили долгие годы и сотни миллиардов долларов на грани провала, но поезд уже набрал обороты и уже просто так не мог остановиться. В общем, тогда нам никто не ответил, трубку не подняли. Если бы они поняли, что им не удалось полностью вывести нашу систему ПРО, наши ядерные ракеты, не исключено, что они отказались бы от своих планов, но нам никто не ответил.

Ты представляешь, даже на подлодках оказались их агенты. Хорошо хоть не в таком количестве как в Москве, но тоже ничего хорошего. На одном из АПК случился инцидент, когда старпом застрелил капитана, обвинив его в предательстве, что типа он хотел

самостоятельно шарахнуть по Штатам без приказа из Москвы. Ну, экипаж здраво поразмыслив, что такого не может быть, обезвредил старпома и зарядил им торпедную установку.

Чёрт его знает, что заставило этих людей пойти на предательство!

— Деньги, власть, ещё какое-нибудь благо, которое им пообещали.

— Да не без этого, конечно, — согласился Гареев. — Отдельные экземпляры пытались кричать, что они против диктатуры Кремля, за свободу, и вообще против всего плохого за всё хорошее, но, как выяснилось, от денег они тоже не отказывались. Хотя, стоит признать, что были особо упоротые типы.

Влад переваривал услышанное. По большому счёту, что такого поведал ему майор, до чего бы он сам не додумался? То, что без глубоко законспирированной агентурной сети такое нельзя было бы провести, это и ежу понятно. То, что страну шатали все годы после 1991-го — тоже очевидно. Конкуренты никому не нужны, а уж американцам тем более. Вся история говорила, что они постараются уничтожить конкурента, как только представится такая возможность. Все договоры с США работали только до тех пор, пока другая сторона имела силы обеспечить их исполнение. И то, как посыпалась вся структура соглашений по ограничению ядерного оружия после развала СССР, было явным тому подтверждением.

Но вот то, что Гареев явно сам соприкоснулся с ловлей агентов и имел непосредственное отношение к допросам с пристрастием, он теперь почти не сомневался. Не исключено, что именно поэтому для майора так легко прошёл инцидент с провокатором, которого застрелил Влад. Всё-таки майор Гареев не простой военный.

— Не думали, что американцы именно потому и не стали отвечать на звонки, что осознали отсутствие выбора? Типа всё зашло так далеко, что гори оно всё синим пламенем! По-моему, чтобы сделать шаг в пропасть, надо иметь на то веские причины. Либо не видеть пропасти там, где она есть.

Гареев пожал плечами.

— В твоих словах есть логика. Но это ж сколько надо поставить на кон, чтобы принять такое решение? Боюсь, настоящих причин мы не узнаем ещё много лет, если вообще узнаем. Ладно, пошли, у нас ещё много работы.

Глава 13. Налёт

Я не знаю как это по-русски. Я вообще плохо понимаю, недостаточно хорошо. Я учить русский язык самостоятельно. Кириллица очень трудно для восприятия. Этаким микс, то есть смесь из латинского и греческого алфавит. Странное сочетание греческий и латинский алфавит, да. Можно я говорить английский, да? Спасибо.

Почему я поехала в Россию осенью? Потому что так дешевле. Гораздо дешевле. С трудом получила визу, да, но я слышала, что американскую визу гражданам России было получить ничуть не легче, и я всё понимаю, но всё-таки... Да, я знала, что лучше ехать в Россию летом либо зимой, а в межсезонье всё выглядит тускло и уныло, к тому же дожди, но финансовый фактор сделал своё дело.

На счастье, как раз сентябрь и октябрь в этом году выдались в России очень тёплыми, по крайней мере, мне так говорили люди, с которыми я встречалась. По их словам такой тёплой погоды в октябре не было уже несколько лет.

Почему вообще решила поехать в Россию? Меня всегда привлекала русская культура, было в ней что-то притягательное и странное одновременно. Я перечитала много произведений русских классиков, а потом перешла на переводы современных писателей. Стала изучать русский язык, чтобы читать произведения в оригинале, смотреть ваше кино. И вот, в один прекрасный день я решилась на поездку.

Я долго копила деньги, но считала, что оно того стоило. Да, многие друзья и родственники меня отговаривали, и я сама понимала трудную политическую ситуацию, санкции, Украина, и всё такое... Но, если честно, мне хотелось самой убедиться во всём этом и посмотреть, чем живут люди. И уж тем более я никогда бы не поверила, что отношения между нашими странами могут дойти до такой степени. Да, я не наивная и понимала, что может быть новая холодная война, какие-то проблемы в дипломатических отношениях, но... чтобы вот так, довести ситуацию до обмена ядерными ударами! Это какой-то настоящий кошмар. Этого не должно было произойти.

Сначала я прилетела в Москву, и несколько дней посвятила вашей столице. Потом посетила Санкт-Петербург — красивый город, особенно его старая часть, та, что с каналами. В остальном обычный современный город.

А после решила поехать в ваши старые города Новгород и Псков, ну они были ближе всего к Санкт-Петербургу и добраться легко. Да, я слышала историю о том, как туристы во время чемпионата мира по футболу в 2018 году путали Нижний Новгород с Великим, но я подготовилась заранее и знала, что где находится. Хотя история обычная, так как в разных штатах тоже бывают города с одинаковым названием, или почти с одинаковым. В общем, да, я поехала тогда в Псков, но не доехала.

Я отправилась сначала в Псков из Санкт-Петербурга на автобусе, я решила посмотреть обычную страну, хотя ехать, как по мне, очень долго. Хотела поглядеть как живут люди вдали от двух самых крупных городов. А вот потом, на поезде "Ласточка" я отправилась до Великого Новгорода, а оттуда собиралась тоже на поезде до Москвы, чтобы улететь Шереметьево в США.

Я ещё думала в следующем году, или через год (как получилось бы накопить денег) добраться до Урала и побывать на Байкале, можно было бы сделать хорошее видео для Ютуба, да. Наверное, теперь этому не суждено сбыться.

В общем, да, это случилось 15 октября, в воскресенье. Поезд спокойно ехал по рельсам и я даже в какой-то момент уснула под музыку из наушников, когда у меня вдруг перестал работать смартфон. Удивительно, но человека иногда заставляет проснуться не шум, а наступление тишины.

Я открыла глаза и увидела, что люди собрались у одной стороны вагона и, как мне показалось, с интересом смотрят в окна. Было тихо, и вдруг кто-то выкрикнул: "Ещё один!"

Я встала с кресла и подошла к окну. Пассажиров было не очень много, и со мной рядом никого не было. Да, я посмотрела в окно и у меня ноги стали ватными. В животе как-то сразу стало пусто, знаете, такое неприятное ощущение. Да, я видела то, что никогда не думала увидеть в своей жизни. Ты живёшь, живёшь, и ведь не ждёшь чего-то страшного, а тут перед твоими глазами на горизонте вырастают ядерные грибы, и ты понимаешь, что твоя прежняя жизнь осталась далеко в прошлом.

У меня, знаете, футболка была с американским флагом, да, и сверху куртка, которую я поспешила застегнуть, чтобы скрыть флаг. Что-то мне подсказало, что так будет лучше. Я, конечно, американка, но не тупая. Да, понимаю, сейчас эта шутка вашего сатирика, не помню имени, не кажется такой смешной как раньше.

А потом, кто-то из пассажиров тихо спросил:

— Кто это мог сделать?

— Американцы, кто же ещё! Суки! — раздался другой голос, в котором явно звучали нотки агрессии.

Я еле смогла вернуться на своё место и сесть, так как мне стало плохо, я ведь понимала, что для пассажиров я теперь могу стать олицетворением врага. Где-то в душе я надеялась, что это не американские ракеты, но разум подсказывал, что другого не дано.

А потом в начале вагона появился проводник и несколько военных, которые направились в мою сторону и у меня вообще всё внутри похолодело и кажется я вспотела. Но они прошли мимо, не обратив на меня никакого внимания.

Я поняла, что меня сейчас вырвет, и поспешила в туалет, где меня, да, вырвало. Голова стала кружиться, думаю, у меня началась паническая атака. Кто-то постучал в дверь:

— Как вы там? Вам плохо? — раздался голос.

— Угу, — только и выдавила я, боясь выдать себя акцентом.

Просто я не знала, как отреагируют люди, узнав, что я гражданка США. Хорошо, если стали бы просто злобно шептаться, а то могли ведь и что похуже сделать.

Я умылась и вышла из туалета, за дверью стояла проводница.

— Да, жуткое зрелище, не все такое могут выдержать, — понимающе произнесла она.

Я лишь закивала головой, говорить я откровенно боялась. И надеялась, что ничем не выдам в себе американскую гражданку. Вернулась к себе на место и так и просидела до конца поездки. А чем ближе к городу мы подъезжали, меня снова стало колотить, ведь я не знала, что делать дальше: одна в чужом городе, в чужой стране, которая к тому же, воюет с твоей страной (к моменту прибытия на вокзал, машинист объявил об этом по радио).

Ещё несколько часов назад у меня было всё расписано, я знала, что у меня забронирована гостиница, что через пару дней я смогу поехать в Москву, а оттуда полететь домой. А что делать сейчас? Где ночевать, как добраться до Москвы? Да и есть ли в этом смысл, и существует ли ещё Москва? В итоге, походив по вокзалу, посидев в зале

ожидания, я решила пойти в гостиницу, где у меня был забронирован номер. Маршрут я знала по памяти, там было относительно недалеко даже пешком.

Я решила, что терять мне нечего, и что перспектива попасть в тюрьму гораздо лучше, чем остаться на улице без вещей и еды, тем более, что приближалась зима.

Я добралась до гостиницы и, ещё немного подумав, всё-таки зашла внутрь. У стойки я увидела молодую девушку — менеджера отеля, которая смотрела последние новости, там как раз шла речь о нападении и потере нескольких крупных городов. Сказали, что какой-то пригород Москвы тоже был атакован, остальные ракеты были сбиты. Санкт-Петербурга спасти не удалось.

А потом сказали, что Россия нанесла ответный удар по Соединённым Штатам Америки. Я слушала перечисление поражённых целей, и боялась услышать название родного города, но менеджер выключила телевизор, и репортаж оборвался на полуслове.

Менеджер посмотрела на меня строго, но в её глазах я не увидела какой-то жуткой агрессии, скорее даже понимание. Она взяла мой паспорт и стала заполнять бумаги.

— Я должна буду сообщить о вас в полицию, поступили новые указания от правоохранительных органов. Так будет лучше для вашей же безопасности.

Мне оставалось только согласиться. Я взяла ключ и прошла в свой номер.

Потом ко мне действительно приехали из полиции, и кажется ещё кто-то из другой службы, ФСБ, если не ошибаюсь. Со мной долго общались, я расписалась в каких-то бумагах, но видимо, они поняли, что я действительно обычная туристка, которая оказалась здесь волею судеб, и не представляю никакой опасности. Скорее уж опасность может грозить мне.

Нет, меня здесь никто не винит. Никто не преследует и не оскорбляет. По-моему, мне даже сочувствуют. Я стараюсь много не говорить, по крайней мере мне так советовали люди из полиции, приставить к каждому иностранцу охранника они не могли, по крайней мере до того момента, пока не решат, что с нами делать.

С тех пор я здесь. Помогаю в лагере для беженцев. Персонал лагеря знает, что я американка, да. С беженцами я стараюсь не говорить, чтобы не выдать себя акцентом, всё-таки у них есть причины ненавидеть меня. Точнее, не столько меня, сколько мою страну, реакция может быть самой разной, но и сидеть без дела на пособии я тоже не могу. Я не хочу сказать, что я пытаюсь получить некое прощение, работая в лагере, но всё-таки...

***

Выходя из кабинета, майор Гареев как бы между прочим спросил Влада:

— У тебя есть знакомые пограничники?

Влад серьёзно напряг память, но нет, ничего такого не вспомнил. Прямо вот чтобы пограничники... нет, не было таких знакомых.

— А чем вызван вопрос, если не секрет? — Влад вспомнил, как недавно говорил с Потапенко, и тот ему рассказывал про "контуженного" пограничника.

— Да интересовался тут тобой один погранец, но, судя по всему, погранвойскам имеет такое же отношение, как я к Большому театру. Скорее всего, он из Конторы. Я краем уха слышал, решил сначала тебя спросить. Не исключено, что это всё по тому делу с провокатором.

— Погранслужба, насколько помню, в структуру ФСБ входит. Так что неудивительно, что он, как вы выразились, из Конторы.

— Влад, погранслужба, конечно, подчиняется ФСБ, но Контора — это Контора. И пограничник тот разве что нарукавный знак пограничной службы носит, не больше.

— Хм, понятно. Точнее, ни черта не понятно. Если бы вы сказали, что меня искал какой-нибудь полицейский, или даже следователь, этого вполне можно было бы ожидать: и там и там у меня были знакомые. А с Конторой я по-настоящему столкнулся только после того случая с провокатором. Так что нет, знакомых из пограничников у меня нет, и не было.

— Ну, ты всё равно имей в виду. Напрямую меня он о тебе спрашивал, поэтому я ничего не сказал, но имей в виду, что тебя могут вызвать на разговор.

— Спасибо, буду, — поблагодарил Гареева Влад.

Они разошлись, каждый по своим делам. Первая половина дня прошла в стандартном режиме, полном служебных дел и рабочей суеты, связанной с управлением лагерем, тем более, что сегодня пришла очередная партия беженцев, которых нужно было как-то разместить в далеко не резиновом лагере, рассортировать их по степени состояния здоровья (облучённых явными признаками инфекции отсеяли ещё на подъезде к городу, отправив в лагерь с особым режимом), обеспечить их едой, лекарствами и тёплыми вещами. Добавьте сюда необходимость гасить то и дело возникающие конфликты между самими беженцами по самым надуманным предлогам.

Тем временем прибывающих людей уже распихивали по всем свободным помещениям в городе, и вопрос использования брошенного частного жилья уже перестал быть чем-то из разряда гипотетического. То там, то здесь вырастали никем, кроме самих беженцев, не управляемые палаточные городки, что естественным образом вызывало рост преступности, и соответственно рост чёрного рынка. Как бы не работали правоохранители, как бы не следили внутренние службы безопасности, у барыг можно было купить всё, начиная от антибиотика, и заканчивая армейским сухпайком.

За городом быстро приводили в порядок старую взлетно-посадочную полосу некогда заброшенного аэродрома, укладывая новые бетонные плиты. Походу готовились принимать тяжелые транспортники. Вопрос, для чего: сюда что-то доставлять типа техники и войск, либо наоборот вывозить отсюда. Вопрос беженцев и гражданского населения стоял остро и автомобильный транспорт так же как и железнодорожный не справлялся с вывозом людей в отдалённые регионы, наименее пострадавшие от ядерной атаки, тем более, что сухопутные коммуникации то и дело подвергались атакам диверсионных групп или просто ракетным ударам.

Наличие большой концентрации гражданского населения в городе делало его притягательной целью для нанесения ракетно-бомбового удара. Да, противовоздушная оборона и авиация пока справлялись и не позволяли вражеским бомбардировщикам, в том числе беспилотникам проникать вглубь воздушного пространства, но исключать прорыва было нельзя, а посему людей надо было по возможности эвакуировать, как можно дальше, в том числе в глубь территорий союзных государств, расположенных по соседству, о чём велись переговоры с Казахстаном и даже с Монголией.

В первые часы и даже дни после начала войны люди, рассудив, по большей части здраво, что города могут стать бетонными ловушками без пропитания и воды, стали их покидать, сгрузив пожитки на свои личные автомобили, либо договаривались и уезжали на автобусах и даже грузовиках. Проблема была в том, что не у каждого горожанина было куда поехать за город, всё-таки тех, у кого нет ни дома в деревне, ни элементарного дачного участка, тоже огромное количество. В общем паника первых дней прошла и люди даже стали

потихоньку возвращаться обратно. Тем более, после случаев, когда радиоактивные осадки делали непригодными для проживания целые сельские районы. Вот тебе, как говорится, бабушка, и юрьев день: с одной стороны риск остаться в городе, лишившемся снабжения, с другой — напиться из колодца заражённой радионуклидами водицы. Кстати, такие случаи были, и погибали целые семьи, причём умирали долго и мучительно.

Детинец превратился в опорный пункт и перешёл под управление военных, хотя трудно было найти что-то, что не перешло под их управление. Если раньше на кремлёвской стене можно было увидеть прогуливающихся горожан и туристов, то сейчас по ней вышагивала вооружённая до зубов охрана, а в башнях засели на постоянном дежурстве снайперы. На территории самого кремля расположились мобильные системы противовоздушной обороны.

Мосты через реку, разделявшую город пополам, тоже были взяты под контроль военными, и проехать из одной части города в другую можно было только по специальным пропускам. Правда это практически не приводило к образованию автомобильных пробок, так как особо по городу никто и не передвигался.

Не сказать, чтобы в современном мире, где царствуют ракеты и дроны, средневековая крепость играла бы какую-то значительную роль, но против техники и пехоты как оборонительный рубеж вполне себе сойдёт. Стоит ли ждать, что дело дойдёт до столкновения лицом к лицу, а не через прицел БПЛА? Случиться может всё что угодно такие времена. В конце концов, перед глазами был пример Калининграда, где на отдельных участках дело доходило даже до рукопашной.

В один из дней Влад с пакетом документов направлялся Дом профсоюзов, который уже более двух месяцев выполнял функции штаба по управлению делами беженцев. Пройдя обставленный бетонными блоками КПП, появившиеся не так давно вышки со стрелками и прожекторами (их всё-таки решили поставить), он проходил между рядами брезентовых многоместных палаток, из которых торчали скромно дымящие трубы положенных по регламенту печек-буржук. Неразберихи, мусора и самодельных обогревателей из пустых бочек, как в первые недели, уже не встречалось, их разве что использовали под мусор. Но это здесь, практически у самого штаба по управлению делами беженцев. В других местах, территориально удалённых от штаба, дела обстояли несколько иначе.

— Что такой озадаченный, Димон? — Влад обращался к младшему сержанту Потапенко, который выходил ему на встречу из Дома культуры. Походу он матерился, но только тихо-тихо, чтобы отцы-командиры не услышали.

Вокруг царила уже привычная суета лагеря: окрики солдат, снующие эмчезники, детский плач, где-то лаяла собака (как её ещё не съели?), над городом на фоне серых зимних облаков в патруле барражировали штурмовые вертолёты. Раздавались звуки и доносились ароматы полевой кухни.

Потапенко устало махнул рукой и протянул её для рукопожатия Владу.

— Да, помнишь, я тебе на днях о погранце рассказывал?

— Ну, было дело, типа контуженный, — насторожился Влад, — он ещё тебе неадекватным показался. Неужто на тебя рапорт накатал с жалобой? Вот ведь!...

— Да про «контуженный», это я тогда так, на нервах, хотя кто его знает. Не, обошлось без жалобы, вроде как, и не было ничего. В конце концов, как ты и говорил, я же всё сделал правильно, цепляться не к чему.

— А, ну и ладно, раз обошлось, кому нужны эти бюрократические проволочки сейчас. И так людей не хватает, а тут бы тебя ещё на гауптвахту отправили. Тем более, что не за что.

Сержант достал сигарету и закурил. Протянул пачку Владу, но тот только мотнул головой, отказываясь от предложенного курева. С неба начинал падать редкий снег, больше похожий на крупу, чем на привычные снежинки. Главное, чтобы не "грязный", подумал про себя Влад, но тревоги не звучало, и бегущих с дозиметрами "слоников" тоже не наблюдалось.

— А ты чего такой кислый, синяки под глазами? — поинтересовался сержант, после очередной затяжки.

— Да, не высыпаюсь, снится всякая хрень, вот и синяки, — Влад даже невольно зевнул.

— Понятно. Так сходи в медпункт, пусть тебе выдадут каких снотворных, будешь спать, как убитый. Я тут тоже бессонницей стал мучиться, так мне выдали таблеток — теперь засыпаю и встаю по часам! А то, тоже всякое снилось, что лучше бы не спать, — и устался на Влада с таким взглядом, мол, не хочешь ли узнать, что было дальше.

— И что тебе приснилось? — задал ожидаемый сержантом вопрос Влад.

— Кароч, снится мне, будто я в бане, а там женский день, и никто типа не кричит и не возмущается! Никто в меня тазами и мочалками не швыряется и не веником не хлещет. Наоборот! Бабы, все как на подбор фигуристые, — мечтательно продолжил младший сержант. — Типа все просят себя попарить да спинку потереть. Прикинь!

— Баба тебе нужна Димон, — вздохнул Влад и похлопал сержанта по плечу, — а так, отличный же сон, что плохого-то?

— А плохо то, что во сне я член дома забыл! — рассмеялся Потапенко, а потом резко замолчал и как будто о чем-то задумался, словно проверяя все ли органы его тела на месте.

— Тогда да, — согласился Влад, — тогда это кошмар.

Какое-то время они стояли, молча, пока Потапенко докуривал сигарету.

— Так чего ты там про этого погранца говорил, типа опять появился в наших краях? Честно сказать, уже интересно на него посмотреть, что он тебя так озадачивает при каждом своём появлении.

— Да ищет кого-то. Одно слово, что пограничник, скорее на сыскаря похож. Везде свой нос суёт, и командование перед ним чуть ли не на вытяжку стоит. Не почину, в общем.

— Меня и ищет, — признался Влад, которого история со странным пограничником начинала уже порядком доставать, как будто ему было мало проблем с эфэсбэшниками. Воспоминания о многочасовых допросах до сих пор вызывали у него раздражение и злость.

— Да ну, серьёзно?! — удивился младший сержант, доставая вторую сигарету. Влад неодобрительно на него посмотрел.

— Ты бы так не частил с никотином, — сделал он дружеское замечание. — Да, Гареев сказал, что слышал, как он меня спрашивал. Надо будет пойти уже самому его найти, да выяснить что за чем. Мне, в конце концов, скрывать нечего.

— Не, сейчас ты его здесь не найдёшь, он улетел на служебной машине куда-то после звонка. Так что здесь его не ищи. Так это, мне его к тебе отправить, если увижу?

— Да, без проблем. Всё равно же докопается, да и любопытство уже гложет, что ему от меня надо.

День прошёл в суете, но обещанный пограничник больше в лагере не появлялся, а если и появлялся, то Владу об этом ничего не было известно, никто его никуда не вызывал и никаких особых указаний не передавали.

Людской шум, шум двигателей, снег и скрежетание дозиметра и удары лопастей пролетающих над головой вертолётов — вот, наверное, как можно описать прошедший день.

При этом Влад уже начал отличать нормальный треск дозиметра от того, который должен вызывать тревогу. Однажды в лагерь завезли

А ведь каким был тихим город до войны! Нет, он и сейчас не особенно шумный, но тогда он был тихим совсем по-другому. Влад вспомнил свои командировки в Питер, Ярославль и Москву, особенно в Москву и то, как возвращался потом домой! Москва и Питер жили буквально в круглосуточном режиме, а когда он вышел из автобуса у себя на автовокзале считай в центре города и во вполне себе ещё детское время, на улице почти не было транспорта. Одна, две, пять автомашин, да устало следующий по много лет назад установленному маршруту оранжевый "Икарус". Как же давно это было, подумал Влад, и "Икарусов" уже не видно на улицах вот уже как несколько лет.

После смены Влад решил зайти к Гарееву узнать появлялся ли пограничник и вообще узнать как обстановка. И даже если никаких новостей с фронта не будет, то отсутствие новостей в сложившихся обстоятельствах уже само по себе хорошая новость.

Однако, не в этот день. В приёмной никого не было, и Влад решил сразу зайти в кабинет. Внутри находились несколько человек, часть из них Влад знал хорошо, например, кадровичку Анисимову, других видел редко, а кого-то и вообще не знал. Все были задумчивы и молчали. Влад было решил, что он попал на какое-то совещание и решил быстро ретироваться, но Гареев встретившись с ним взглядом, остановил его и пригласил его зайти.

Влад подошёл к столу и увидел, что на нём стояла бутылка водки и скромная закуска из хлеба и порезанной колбасы, что вообще было не характерно для майора ни разу. Без фанатизма, но он был противником распития алкоголя на рабочем месте, о чём свидетельствовал недавний инцидент с офицером, который пытался застрелиться. Майор достал ещё один стакан и налил горькой жидкости на два пальца.

— Присаживайся, Влад, — Гареев указал на свободный стул. — Ты же знал Сахарова.

— Это который Цукерман? — Невольно уточнил Влад, и увидел, как присутствующие опустили глаза. Гареев же просто кивнул.

— Убили сегодня, — коротко пояснил он и протянул стакан с водкой Владу. — Помяни парня.

Влад, молча, взял стакан, тихо выдохнул и опрокинул спиртное в горло. Дыхание, из-за того, что часть водки попала в дыхательные пути, всё-таки перехватило, и он зажмурился.

— Как это случилось? — спросил Влад, когда водка перестала жечь горло.

— Поступил сигнал о группе боевиков, связанных с тем провокатором, которого ты застрелил. Контора отработала и вышла на их след, но нужно было срочно действовать, чтобы они не ушли, и у нас запросили людей, — ответил Гареев. — Я выделил несколько бойцов, в том числе Сахарова.

Владу показалось, что на последних словах майор запнулся.

— Бандитов накрыли, но они оказали сопротивление, открыв шквальный огонь. А потом... потом была граната.

— Если бы не Сахаров, полегло бы человек пять, — вставил тот, кого не Влад не знал. — Ошиблись мы в оценке опасности. Надо было мочить их из гранатомётов, а мы попытались взять их живыми... А Сахаров, он накрыл гранату, которую в нас швырнули, собой.

— Родителей известили? — спросил второй, которого не знал Влад.

— Да нет у него никого, родители ещё до войны в автокатастрофе под Питером погибли. Влетели на мокрой дороге под фуру. Он тогда ещё совсем мальчишкой был, его

тётка воспитывала, которая тоже погибла, но уже сейчас во время бомбардировки, — рассказал Гареев, — вроде старшая сестра есть, но живёт она где-то в Сибири, сейчас ищем.

— Надо похоронить с почестями, и сообщить сестре, как подобает, что погиб, спасая товарищей.

Гареев утвердительно кивнул.

— Ну, зато одного смогли боевика смогли взять живым. Сейчас из него душу вынут.

Влад посмотрел на пустой стакан.

— А чего его все Цукерманом дразнили? — не обращаясь ни к кому конкретно, спросил он.

Гареев тяжело вздохнул, а Анисимова вроде как даже всхлипнула.

— Да неважно уже.

Влад ничего не стал отвечать. Присутствующие снова молча наполнили стаканы и кружки и, не чокаясь, выпили.

— Пусть земля тебе будет пухом, Санёк! — произнёс кто-то тихо.

Было уже темно, когда Влад покинул место службы. Как и обычно зимой, а был уже декабрь, темнело очень быстро, но на небе не было ни одного облака, звёзды рассыпались по небосклону светящимися росинками, а в той стороне, где когда-то был Санкт-Петербург, а теперь радиоактивные руины, на небе слабо светилось северное сияние. В первые дни после взрывов оно было особенно сильным, что вызвало очередной приступ у особо помешанной на религии публике, которая тут же принялась вещать о наступившем Апокалипсисе. А это была обычная война. Обычная ядерная война.

Свежевыпавший тонким слоем снег отражал тусклый свет из окон, уличные фонари были отключены в целях экономии электроэнергии, но даже так идти было вполне сносно. Если бы не было снега (который на удивление оказался не заражённым), на улице было темно, что вырви глаз! А так — ничего, зрение быстро привыкает, и ты идёшь своим путём, не рискуя вступить в какую-нибудь яму или не замёрзшую лужу.

На мыслях о гибели Сахарова Влад, не особо спеша, направился домой, борясь с нахлынувшим ощущением мимолётности жизни. Вызвано оно было водкой и самим фактом гибели солдата, которого, он успел хорошо узнать за последние недели, так как часто приходилось видеть его в лагере, и ездить вместе с ним на базу снабжения, Гареев часто выделял его в помощь Владу. Сколько Сахаров успел отслужить до войны — полгода, чуть больше? Обычная срочная служба, которая должна была закончиться в следующем году, обернулась настоящей ядерной войной, как-то так.

Путь домой был таким же, как обычно, лишь периодически Влад менял дорогу, как посоветовали ему после допросов сотрудники госбезопасности. Мотивировали они это тем, что у застреленного им провокатора вполне могли остаться сообщники на свободе, которых ещё не успели задержать, и кто его знает, что у них может быть на уме. Впрочем, он и так об этом догадывался, но вариантов маршрута было не так уж и много, поэтому при желании подстеречь его было можно без особых проблем.

Не сказать, чтобы Влад срисовал слежку за ним на раз-два, скорее, наоборот, но один и тот же человек, встречавшийся ему на пути уже не первый день, вызвал обоснованное подозрение. Особенно подозрение усилилось, когда, следивший стал резко делать вид, что он занят завязыванием шнурков, как только Влад обернулся — классика жанра. Может это оперативники из полиции или ФСБ? До сих пор не уверены в его лояльности, и поэтому пустили за ним хвост? Хм... Тогда Влад понизит своё мнение об их профессионализме.

А если это не свои? Тогда кто? А может просто совпадение? Людей в городе прибавилось и это мог быть человек из недавно прибывших и теперь живущий где-то неподалёку. Влад припомнил как в довоенное время, почти каждый день мог встретить по пути в офис одних и тех же людей, но тогда это было обычное дело — город маленький, пусть и областной центр. Ладно, может быть, всё-таки показалось, но надо быть настороже.

Влад, оставляя чёрные следы на асфальте, стараясь не поскользнуться, дотопал по свежесвыпавшему тонким слоем снегу до дома и поднялся на свой этаж, где в квартире его уже ждала Аля. Выглядела она гораздо лучше, чем еще несколько дней назад. Значит антибиотики оказались реальными, а не пустышкой плацебо, или, что могло быть ещё хуже, отравой, сделанной где-то в подвале в антисанитарных условиях. Ну, хоть какой-то позитив за сегодня.

Скинув верхнюю одежду и разувшись, Влад прошёл в гостиную и рухнул на диван, закрыв глаза. Потом расцепил веки и уставился в экран неработающего телевизора. Единственное, что он сейчас чувствовал, это очень сильная усталость.

— Есть будешь? — В комнату вошла Аля с полотенцем на руке и присела рядом и положила свою голову ему на плечо.

— А как ты думаешь? — шутливо ответил Влад, пытаясь скрыть навалившуюся усталость. — А есть вообще что поесть-то? Не до обеда сегодня было, желудок к позвоночнику присох.

Он вспомнил, как обменял банки с тушёнкой на антибиотики, но ради того, чтобы Аля была здорова, он готов был отдать последнее съедобное, что мог бы найти в доме. Да, потом встал бы вопрос, что надо что-то кушать, но проблемы надо решать по мере их поступления.

Из-за двери послышался лай Малыша, соседского двортерьера, которого несколько лет назад приютила Галина Петровна. Пёс всегда чувствовал, что кто-то идёт по лестничной площадке, и его лай было слышно даже через две двери. Пёс откровенно заливался и прекращать не хотел, что говорило только об одном: кто-то задержался на их этаже и не уходит.

— Надо глянуть, кому там не сидится дома в комендантский час? — Влад, раздосадовано вздохнув, встал с дивана и, стараясь не топтать, направился в коридор. Аля на цыпочках тоже пошла за ним. Время не спокойное, кто его знает, кто там шастает.

В глазок Влад увидел трёх незнакомых ему полицейских, которые о чём-то вполголоса переговаривались стоя на площадке. Из-за лая соседского пса было плохо слышно, что они обсуждают. Впрочем, он же не знал всех полицейских в городе, что до войны, что сейчас. Он даже своего участкового в лицо не знал, что уж говорить об остальной массе сотрудников, которых, тем более, могли перевести в его город уже после бомбардировки. Однако, что-то заставило его насторожиться. Манера держаться у полицейских? Их произвольная жестикуляция? Какие-то они не правильные что ли...

В итоге один из них выругался, отпустив пару нецензурных определений в адрес собаки, не прекращающей лаять, а другой подошёл к их двери и нажал на кнопку звонка. Над головой Влада раздался мелодичный перелив.

Влад выждал несколько секунд. Потом, несколько раз топнув, как бы изобразив, что подходит к двери, спросил, не открывая:

— Кто там?

— Полиция, откройте, будьте так добры! — раздалось в ответ.

— А что случилось? — продолжил Влад распрос. — Время просто позднее, мне одеться

бы надо.

— Так одевайтесь быстрее! — не выдержал один полицейских. — Дело серьёзное, через дверь нельзя!

Влад задумался, но открывать не спешил.

— Вы от Николая Васильевича? — спросил он с как можно более посредственной интонацией

Казалось, полицейские на мгновение озадачились. А потом один из них ответил:

— Да, от него, откройте, пожалуйста, нам надо с вами переговорить лично. Ситуация складывается нестандартная. Вас велено доставить в Управление. Вас и вашу жену.

Влад достал охотничье ружьё, переломил ствол и вставил два патрона: один с крупной дробью, другой с пулей. Затем отпрянул от двери. Никакого Николая Васильевича он никогда не знал, и озвучил первое имя которое всплыло у него в голове, навеянное книжным томиком на полке, а именно имя великого русского писателя Гоголя.

"Ага, от самого Гоголя" — произнёс про себя Влад.

— Звони в полицию! Быстро! — прошептал он Але, которая тут же стала набирать номер.

— Откройте! — прозвучало из-за двери уже более требовательно, но всё ещё достаточно вежливо.

— Да что ты с ним лясы точишь?! — вдруг буквально закричал другой "полицейский". — Открывай, сука! Разговор есть! Иначе хуже будет!

Ну да, вы ещё скажите, что по мороженому нам дадите, подумал Влад.

— Вас там трое, вот и поговорите! — Огрызнулся он в ответ и резко отскочил от двери, когда незваные гости вскинули автоматы и передёрнули затворы, отправляя патрон в патронник.

Раздалась автоматная очередь и во входной двери образовалось несколько отверстий, а с противоположной стены посыпалась бетонная крошка и в воздух взлетели обрывки обоев. В воздухе повис кислый запах пороха. Аля, с телефоном в руке прощмыгнула мимо и скрылась из поля зрения. В квартиру уже откровенно ломились. Потом выстрелы по замкам и удар ногой в дверь.

А ведь могли бы пристрелить его сразу, как только он подошёл к двери и глянул в глазок. Прямо через глазок бы и стреляли, но видать лающий кобель их отвлек.

"Идиоты, — зло подумал Влад, — дверь открывается наружу!" Походу бандиты настолько спешили, что на такие мелочи они внимания не обратили, но тем не менее, замок был выбит, как и защелка, и в любую секунду они могли вломиться внутрь.

"Только бы не граната!" — пронеслось в голове, так как использовать её в этой ситуации было бы максимально логично. Но нет, гранаты не было, видимо элементарно не захватили с собой. Ну и на том Всевышнему спасибо!

Влад занял позицию из-за угла стены, чтобы видеть, если они полезут в дверь, а они точно полезут, не для того они устроили такой шум, чтобы уйти ни с чем. Двустволка, выстрела два, а рязеных полицейских три. Не факт, что будет время на перезарядку. Остаётся надеяться на чудо.

Вот, дверь с металлическим скрипом приоткрылась, и в образовавшуюся щель пролезла рука с автоматом, который выпустил ещё одну короткую очередь по стенам. Крошка посекала Владу лицо, а пыль попала в глаза. Но Влад стрелять не стал — слишком рано. Если просто выстрелить по конечности, остальные получат явное преимущество над ним.

— Чё ты очкуешь?! У него нет оружия, я его по базе пробивал! — послышался злобный голос одного из бандитов.

"У вас устаревшая информация" — подумал Влад, прицеливаясь и готовясь выстрелить. Его охватило злое чувство азарта и в то же время какое-то необыкновенное спокойствие.

Дверь ещё больше приоткрылась, но образовавшийся просвет так никто и не вошёл. Всё-таки очкует твой кореш, подумал Влад. И тут дверь резко дёрнулась, и в прихожую впрыгнул один из бандитов. Споткнувшись о брошенный у порога ботинок, он на секунду замешкался, но этой секунды хватило, чтобы нажать на курок.

Грянул выстрел и Влад ощутил знакомую отдачу в плече, а в ушах из-за замкнутого пространства слегка зазвенело. Голова лжеполицейского лопнула подобно перезревшему арбузу, и на однотонных обоях нежно-персикового цвета расцвёл кроваво-красный цветок с тычинками из мозговой ткани и волос. Обезглавленное тело, некогда бывшее человеком, грузно упало на пол и стало дёргать конечностями, которые вдруг лишились центра управления в виде головного мозга и лихорадочно пытались понять, что происходит.

— Сука! — зарычал с лестничной площадки один из бандитов. — Я ж тебя и твою тёлку сейчас уг@ндошу!

"Зэков что ли понабрали" — пронеслось в голове. Очень хотелось дозарядить ружьё, но он опасался, что ему просто не хватит времени и звук перезарядки привлечёт внимание нападавших.

Второй, видимо тот, что угрожал, был осторожнее и влетел в прихожую, одновременно ведя огонь из автомата, от чего Владу даже пришлось скрыться за углом стены, так как пули рикошетом летали по всему коридору.

Доли секунды, всё решают доли секунды. На мгновение огонь прекратился. Влад, упав на пол прихожей, делает второй выстрел. Правая рука нападавшего обвисает, и он не может нажать на курок. Дробь сделал своё дело, перебив сухожилия. Удача. Пока удача.

Доли секунды. Сердце рвётся из груди. Перехват ружья за ствол и цевьё обеими руками так, чтобы приклад смотрел вперёд, пока бандит пытается левой взять АКСУ в левую руку. Удар в прикладом в нос. Хруст и какой-то неразборчивый звук. Из разбитого носа хлынула кровь и кажется, на пол упала пара зубов.

Третий медлит, чтобы вступить в дело. Это хорошо. Влад проскакивает за спину второго и перекидывает ружьё через голову бандита, так что ствол оказался на уровне его шеи и начинает его душить, одновременно упираясь ему коленом в спину. Если бы у бандита были целы обе руки, то не факт, что у Влада получилось бы справиться.

Доли секунды. Даже с одной рукой нападавший серьёзно сопротивляется, стараясь просунуть уцелевшую руку между стволом ружья и своим горлом. А вот и третий! Старается прицелиться из пистолета, но на линии огня всё время находится его подельник, а Влад у него за спиной. Интересно решится ли он пожертвовать своим корешем?

Решился! Выстрелы. Пули попадают в тело второго и в цевьё охотничьего ружья. Это ж как им надо было убить Влада, что они готовы жертвовать своими подельниками! Правое плечо обжигает горячим

Тот, кого душил Влад начинает оседать, и он понимает что буквально следующий выстрел может придти ему в голову. Но в подъезде слышится какой-то шум, как будто люди бегут по лестнице вверх. Вооружённые люди. Твою мать! Неужели ещё одни?!

Однако третий начинает нервно оглядываться и стреляет уже не во Влада, а куда-то вниз по ходу лестницы, откуда спустя мгновение раздаются ответные выстрелы, и третий

прошитый автоматной очередью, шатаясь опирается спиной о стену. Спустя секунду он начинает сползать по ней, оставляя красные неровные разводы на светло-розовой краске.

Тишина. Влад падает, придавленный телом второго бандита. С трудом его откидывает и машинально пытается перезарядить ружьё, но оно разбито пулей и механизм не поддаётся.

— Пригодилось, значит, ружьишко, — перед Владом стоял запыхавшийся Александр, его знакомый, который жил в этом же подъезде, а за ним маячили ещё несколько человек в касках и бронежилетах, переговариваясь с кем-то по рации.

Он посмотрел на разбитое ружьё и окровавленный приклад, окинул взглядом результат прихожую.

— Быстро вы примчались, — сказать, что Влад был рад видеть настоящую полицию — не сказать ничего, он сидел на полу, облокотившись на стену и, стараясь погасить бешено стучащееся готовое вырваться из груди сердце. — Аля только-только вас набрала.

— Ммм... нет, — покачал головой Александр, — мы не получали от неё звонка, и вообще ни от кого отсюда. Нам приказ срочный поступил — приехать и проверить твой адрес, при наличии жильцов доставить их Управление.

— Чертовщина какая-то!

— То, что чертовщина творится, это точно, — капитан потёр нос. — По городу какие-то ублюдки людей убивают пачками.

— Это не новость, — ответил Влад, утерев пот с лица. — Если ты не заметил на дворе война, люди гибнут.

— Нет, ты не понял, мы же вроде как в тылу, а тут врываются в квартиры, в том числе под видом полиции, и расстреливают целые семьи. Да я же тебе рассказывал как-то, когда тебя из отделения забирал. А сегодня твой адрес в ориентировке: срочно проверить твою квартиру, я как увидел, так сразу и вызвался в группу, а тут такое!

— Может, грабители работают? Ловят рыбу в мутной воде.

— Знаешь, даже для этих времён это как-то запредельно, учитывая, что мы не в оккупации, а вроде как на подконтрольной территории. К тому же всё говорит, что хотели именно убить, даже не пытались имитировать ограбление. Разгром есть, а вот похищено ли что-то ценное — не понятно. Если жертвы не сопротивлялись, то и разгрома нет — одни трупы. И свидетелей либо нет, либо кто-то что-то слышал, не более.

Кстати, на днях какие-то ряженные в полицейской форме устроили разгром в гостинице, тоже кого-то искали, судя по всему, вот думаю, не эти ли же гаврики.

— Осталось понять, какого лешего этим от меня понадобилось. Может так быть, что это дружки того, с кем я схлестнулся у лагеря? Типа пришли отомстить, — предположил Влад.

— Как версия, может быть, согласился Александр, — Может быть и просто совпадение, хотя какое тут совпадение, учитывая ориентировку, — задумчиво произнёс Александр, глядя на трупы бандитов.

Он наклонился над одним из них и вытащил двумя пальцами из кармана убитого смартфон.

— Не повреждён, это хорошо, — Александр оценивающе осмотрел гаджет. — В общем, ты должен будешь проехать с нами. И жена тоже.

— Прямо сейчас? — недовольно спросил Влад, глядя на простреленную дверь. Нахлынувший во время перестрелки адреналин возвращался к своим нормальным показателям, и на него накатывала жуткая усталость.

— Про указание доставить, не забыл? Кстати, где Алевтина?

Только сейчас Влад обратил внимание, что супруги рядом нет. Он позвал её по имени, но она не откликнулась. Что-то недоброе зашевелилось в груди. Он вместе с полицейским прошёл в комнату. На диване сидела Аля, она была бледна как свеженакрахмаленная простыня, её грудь часто-часто вздымалась в коротких вдохах. Обе руки она прижимала к боку, а между пальцами уже просочилась кровь.

— Твою...! — выругался Александр и схватил рацию. — Быстро скорую, пулевое огнестрельное ранение в туловище! Женщина 25–30 лет! Не исключено поражение печени! Срочно! Диктую адрес....

Всё самое ужасное в этой жизни происходит тогда, когда этого совсем не ждёшь, когда ты к этому не готов ни на йоту. Ты просто не готов по определению, и судьба бьёт тебя наотмашь из-за угла, когда казалось бы у тебя всё более-менее наладилось. Даже когда вокруг война. Ты и к ней привыкаешь. Но смерть близких...

Аля умирала на руках Влада, ослабевая с каждой минутой, кровь никак не останавливалась, стекая по одежде и уже пропитав диван, а он лишь обнимал её, прижимая к своей груди. Пустота приближалась бездонной тьмой одиночества. А "скорой" всё не было.

Он поддерживал её голову, а она пыталась что-то ему сказать, её губы еле-еле двигались в беспомощной попытке произнести какие-то слова.

Как так получилось, что стрелявший не попал во Влада, в то время как роковая пуля угодила в Алю? Что за проклятый рикошет. События последних часов и минут по кругу крутились в его голове, заставляя перебирать варианты их развития в тщетной попытке повернуть время вспять, чтобы отыграть всё заново, чтобы предупредить, чтобы просто не идти сегодня домой, ведь он заметил слежку, так почему пренебрёг собственной интуицией?

"Скорой" всё ещё не было.

Подбежавшие полицейские пытались остановить кровь подручными средствами, но ничего не помогало.

В какой-то момент Влад понял осознал, что его жена не дышит.

Прибыли медики. Поздно.

Он посмотрел на её бледное лицо с полузакрытыми замершими глазами и поцеловал в пока ещё тёплые губы.

***

Алю забрала скорая помощь, но уже не для того, чтобы попытаться спасти. Иногда даже современная медицина бессильна перед судьбой. Он хотел поехать с ней, но полиция не позволила. Его должны были доставить по месту назначения.

После того, как Владу оказали первую помощь, обработав и перевязав раненую руку, его повезли в местное Управление МВД, в котором по совместительству базировалось и Управление Федеральной Службы Безопасности. Они ехали по пустым тёмным улицам, занесённым снегом, сквозь который проступал чёрный асфальт, и которые освещались прожекторами патрулирующих вертолётов. Ни одного прохожего, только патрули. И снежинки, искрящиеся в свете фар.

Проехали площадь, на которой с одной стороны возвышалось здание областной администрации, а с другой — Детинец, превратившийся из исторической достопримечательности в оштетинившийся стволами форт. Из музеев, которые располагались внутри старинной крепости, уже эвакуировали большинство ценных экспонатов и теперь в помещениях располагались военные. Зачем эвакуировать экспонаты? Разве что город считается потенциальным местом боевых действий, и, возможно, его не смогут удержать.

Площадь перед областной администрацией превратилась в один большой блокпост с бетонными блоками, расставленными в шахматном порядке. Появились вышки, колючая проволока, стояли броневики и несколько танков. В центре организовали вертолётную площадку, с которой буквально сейчас взлетала винтокрылая машина.

Центр города серьёзно изменился, ничего не скажешь, но Владу было как-то всё равно. Уже всё равно. Автомобиль, который его вёз, останавливается, водитель получает разрешение на проезд и петляя между ограждениями едет дальше.

Влада вели по коридорам Управления, в котором он до этого бывал всего лишь пару раз в жизни, и то по ерундовым основаниям, то ли справку получить, то ли ещё что-то. Потом они спустились в подвал. Не исключено, что его всё-таки пристрелят по каким-то неведомым ему причинам, иначе как можно объяснить такой интерес к его персоне. Но ему было всё равно. Инстинкт самосохранения словно бы подал в отставку, махнул на всё рукой и оставил его навсегда. Всё происходило в каком-то состоянии полузабытья. Хотелось просто спать.

Его завели в кабинет, и усадили на стул, у боковой стены под мерцающей люминесцентной лампой сидел ещё один человек, девушка, лет двадцати. Казалось, она была очень напугана и одновременно растеряна. По крайней мере, об это говорила вся её неуверенная поза и смятый носовой платок в руках, который она периодически начинала нервно мять. Ему показалось, что он уже её где-то видел.

На столе стояла полупустая пластиковая бутылка с водой и пара стаканов. Влад ощутил дикую жажду и потянулся, чтобы налить себе воды. Девушка дёрнулась, Влад на мгновение замер, но потом всё-таки налил себе полный стакан.

Дверь в кабинет приоткрылась, и внутрь заглянул полицейский, но, видимо, лишь для того, чтобы убедиться, что всё нормально, после чего дверь вновь закрылась. Так прошло ещё минут десять или пятнадцать, Влад откровенно потерял счёт времени, а часы с него слетели ещё во время борьбы в коридоре собственной квартиры.

Наконец, дверь распахнулась, и в кабинет вошёл очередной военный в полевой форме типа "цифра" с отличительными знаками пограничных войск, и даже тактической разгрузке поверх бронежилета. Такое ощущение, что он жуть как переживал за свою безопасность. Ну, или просто был готов к любому развитию событий, какими бы они ни были.

Он был чуть выше среднего роста, но ниже Влада, на вид ему было лет тридцать-тридцать пять максимум. Стройный, в меру, как бы сказали, накачанный, насколько можно было судить, учитывая форму и бронежилет с разгрузкой.

Лёгкий тик — правый глаз периодически подёргивался, но в целом лицо выражало уверенность, как показалось Владу, человека склонного к риску.

Он немного постоял, посмотрев на доставленных двух человек, будто о чём-то раздумывая, а потом присел на край стола.

— Ну, что, п-поговорим? Меня зовут Алексей. Во-первых, п-приношу соболезнования, — он посмотрел на Влада. — Слишком поздно я раздобыл перечень п-пассажилов поезда.

Еле заметное заикание. Не всегда, и не везде, но оно было. Не исключено, что пограничник был реально контужен, но не долечился, либо не лечился совсем.

Потом он перевёл взгляд на девушку.

— Вам я тоже соболезную, Джессика — у незнакомки расширились глаза. — Ваши родители погибли в ходе ответного удара по США.

Девушка, названная Джессикой, казалось, захлебнулась от накатившего желания разрыдаться, но сдержалась. Не исключено, что она уже давно смирилась с возможной гибелью родителей, которая была более чем вероятна в сложившихся условиях, а потому уже давно выплакала все слёзы, которые могла.

— Сейчас я вам расскажу о выборе, который у вас есть, — продолжил пограничник. — У вас будет возможность согласиться на мои условия или нет, особенно это касается вас, Джессика, как гражданина враждебного государства. Если вы не примите нашу сторону — Бог вам в помощь. Но для начала мне придётся осветить вам ряд фактов, в которые возможно будет трудно поверить.

Глава 14. Выбор

То, что шла накачка населения западных стран соответствующими идеологемами, становилось всё очевиднее. Примерно так поступали пропагандисты Третьего Рейха перед Второй мировой, и американцы перед бомбардировками Югославии и потом уже Ирака и Ливии.

Они всячески старались демонизировать потенциального врага, представляя его своим гражданам в качестве кровожадных дикарей, которые не разделяют их замечательных западных ценностей, которые они считали общечеловеческими, в том числе, такие, которые никогда не были характерны для данной местности и народа, но которые в глазах Запада были основным признаком принадлежности к группе просвещённых народов.

Враг должен быть обезличен и лишён основных человеческих черт, перечень которых опять же определялся без учёта мнения тех, к кому он должен был быть применён. Ну и в самом деле, кто вы такие, чтобы вас о чём-то спрашивать. А вот когда в обществе возникнет устойчивое понимание, что те — они другие и дикие, не приемлющие наших взглядов на цивилизацию, вот тогда можно будет атаковать. Тогда солдатам будет гораздо легче нажимать на курки и кнопки на рукояти управления дроном.

Экономические интересы заставляли их искать способы перезагрузки мировой экономики на глобальном уровне, как это было во время Второй мировой войны. Но просто взять и напасть — это было сложно объяснить своим гражданам, которые даже в условиях жесточайшей цензуры со стороны медиа- и IT-гигантов могли бы выразить массовое неприятие действий своих правительств. Граждане должны были согласиться с действиями, а еще лучше, горячо их поддержать.

Именно поэтому на протяжении последних лет велась массированная пропагандистская кампания, которая выставляла Россию кровавой диктатурой с поставленными на поток репрессиями в отношении всех несогласных. Для решения этой задачи был подключен весь арсенал возможностей, предоставляемых средствами массовой информации (США в них недостатка не испытывали и контролировали почти девяносто процентов мирового медиaprостранства), а также вся совокупность неправительственных организаций, получающих щедрое финансирование из госбюджета, но при этом позиционирующие себя в качестве независимых экспертов.

Проблема в том, что эти НКО за щедрые гранты были готовы видеть мнимое нарушение прав человека (опять же понимаемые ими превратно) только там, где это было необходимо для достижения политических целей. И как бы ужасно не нарушались права человека в других частях нашей планеты, какие бы зверства там не творились, они их не замечали в упор.

Можно было сколь угодно много журналистов расчленить и распихать по бочкам, но пока это делали по приказу руководства государства — покупателя твоего оружия на десятки миллиардов долларов, то на это можно было не обращать внимания. В самом крайнем случае, можно было погрозить пальчиком. В конце концов, принцип "Сомоса — с@кин сын, но он наш с@кин сын", сформулированный ещё Генри Киссинджером, никто не отменял.

Но чтобы ударить по России ядерным оружием! Страна ждала санкций, к которым откровенно уже привыкла и они даже не вызывали серьёзного колебания курса

национальной валюты, может быть локальных военных операций, блокады, которую трудно себе представить, учитывая наличие того же Китая в качестве торгового партнёра... Но ядерная бомбардировка! Это реально было что-то за гранью. Для этого должны были быть причины, и причины железобетонные.

Но... разве кому-то нужны доказательства (кроме, понятное дело, обвиняемого), когда обвинителю жуть как необходимо достичь заветной цели? В такие моменты "джентльменам принято верить на слово", а любые попытки потребовать доказательств рассматриваются как кощунство и покушение на саму суть демократии.

Так, глава Минобороны Великобритании Роберт Бен Лоббан Уоллес выразил убеждение, что Российская Федерация может убить тысячи людей "второй химической атакой" на улицах страны. При этом за его утверждениями ни стояло никаких опубликованных доказательств. Подданным британской короны просто говорили, что вот эти злые русские, они страшные и наверняка убийцы, надо быть готовыми ко всему. Ко всему, да, и в том числе нанесению превентивного удара по России. Чисто ради собственной безопасности. Мог ли это быть удар ядерным? Прямо об этом не говорилось, но, как говорится, имеющий уши да услышит.

Собственно да, среди тех ракет, что взрывались над российскими городами, были, в том числе, и британские, запущенные с подводных лодок. Всё должно было получиться. План был просто великолепен. Так, по крайней мере, казалось.

Кто бы мог подумать, что что-то пойдёт не так, да, мистер Уоллес? То что министр обороны Великобритании, как и большинство кабинета и королевская семья покинули Лондон, было ожидаемо, люди всё-таки не глупые и решили подстраховаться. Правда, населению о грозящей опасности сообщили уже постфактум. Когда поняли, что ответный удар будет. И после того, как сообщили, что, мол, вынужденно прибегли к использованию ядерного оружия, чтобы нейтрализовать исходящую от России угрозу. И зарылись в самый глубокий бункер, какой только смогли найти на своём острове.

А вот для почти девяти миллионов населения Лондона и пятисот тысяч Эдинбурга такого бункера явно не было. У них оставалось всего несколько минут до того момента, как в небе те из них, кто не успел найти убежище, увидят белые инверсионные следы. Людей оставили умирать, подставив под ответный удар со стороны России. На что они рассчитывали? Что ударят по Мурманску, а Россия из гуманитарных побуждений не будет наносить удар по густонаселённым городам? Нет уж, джентльмены, как говорится "Мы попадём в Рай, а вы просто сдохнете".

Откуда стало известно, что руководство Великобритании выжило в бункере? Так они не постеснялись выйти в эфир с воодушевляющей речью, направленной к собственным подданным. Правда, Черчилля из Уоллеса не получилось. Подозреваю, что, попадись он группе шотландских парней в тёмном переулке, его бы порвали на куски голыми руками под одобрительный возгласы местного населения.

В тот день многие жители Лондона увидели свой первый и последний восход рукотворного солнца над городом, это было грандиозное зрелище. А потом они просто испарились в порыве раскалённого атомного ветра.

Кто-то спросит, разве не жалко всех этих людей в Лондоне, в Париже, в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Вашингтоне... Да, жалко, но ещё большую жалость вызывают люди во Владивостоке, Санкт-Петербурге, Мурманске, Петрозаводске, Ярославле...

***

Пограничник остался сидеть на крае стола, глядя на Влада и Джессику сверху вниз. Разговор ожидался долгий, но поглотившая Влада апатия после смерти Али, откровенно выбила его из колеи, лишив всякого интереса к происходящему. Военный посмотрел на ушедшего в себя Влада и скривил гримасу не то сочувствия, не то жалости, хотя если бы кто-то заметил в ней презрение, то был бы тоже прав. Чёрствая гнида.

— Ещё раз, — пограничник повысил голос, — приношу вам свои соболезнования, но что есть, то есть. Сейчас необходимо решить, что делать дальше, и будет гораздо лучше, если вы будете сотрудничать в добровольном порядке.

Американка сидела тихо как мышь, боясь двинуться с места. Оставалось только догадываться, что творилось сейчас в её голове, забитой штампами американского кино о злобных служителях GULAGa, которых хлебом не корми, дай кого-нибудь помучить из числа наивных иностранных туристов, случайно оказавшихся в их полном распоряжении.

И это при том, что пограничник не вызывал каких-либо явно негативных ассоциаций. Ну, военный, ну с оружием, а чего ещё ждать, учитывая то, что происходит буквально на улице.

Чего она ждала? Что её расстреляют эти сумасшедшие русские? Да вроде бы уже не расстреляли, даже не упекли в камеру, а позволили работать в лагере беженцев. Наверняка проверили её вдоль и поперёк, решив не тратить ресурсы на её охрану или содержание взаперти. Только кто знает этих странных русских! Сегодня они с тобой невероятно добры, а завтра пристрелят под звуки "калинки-малинки". Не исключено, что русские просто махнули на неё рукой: мол, пусть будет что будет. Устроим её в лагерь, пусть там за ней присматривают, а если кто в состоянии аффекта её грохнет, как представителя враждебного государства, то так тому и быть. Особо никто огорчаться не будет.

Интересно, сколько раз она проклинала тот день, когда решила отправиться в Россию? Сколько раз молила Бога, чтобы он вернул её в тот день, когда она садилась в самолёт, чтобы она могла передумать и отказаться от этой дикой затеи и вернуться домой. Как бы всё хотелось вернуть назад.

Пограничник, тем временем, продолжал:

— Вы люди не глупые, и, наверное, догадываетесь, что наши государства использовали далеко не полный арсенал имеющегося в их распоряжении ядерного вооружения, а ведь есть ещё биологическое и химическое.

Про биологическое Владу было ничего неизвестно, а вот то, что химическое оружие вопреки всем подписанным договорам об уничтожении благополучно хранилось на американских складах, даже не было секретом.

США хранили огромные запасы ядов и не уничтожали их под предлогом нехватки финансирования. Как вам?! У Вашингтона, видите ли, не было денег на то, чтобы уничтожить запасы химоружия для выполнения обязательства в рамках конвенции.

Государство, которое печатало резервную валюту всегда, когда ему это было очень нужно для ведения войн, или спасения из кризисной ямы банка Федеральной резервной системы, не смогло эмитировать некоторое количество долларов для того, чтобы уничтожить накопленный за долгие годы холодной войны яд. Вместо этого он аккуратно складировался и охранялся. Вдруг пригодится.

Со стороны России обязательства считались официально выполненными и закрепленными соответствующими международными документами. Но кто знает, как там обстояли дела на самом деле. То, что при необходимости Россия могла использовать против

врагов некие вещества, которые убивают человека за доли секунды, почему-то особых сомнений не вызывало. Но это его мало беспокоило.

Добавьте сюда возможно затаившиеся на дне мирового океана автоматические подводные дроны, взрывы которых у побережья США могут вызвать апокалиптическое цунами.

Но зачем эти речи?

— Вы это сейчас к чему? — без энтузиазма спросил Влад, его мысли были заняты совсем другим. — То, что будет вторая волна, почти никто не сомневается. Умрут ли все? Вполне возможно, но скорее всего кто-то ещё останется... чтобы умереть чуть позже. Так, какое это имеет значение?

Пограничник кивнул.

— Да, могут умереть. Но это можно п-предотвратить.

— Предотвратить вторую волну? — спросила Джессика, она говорила по-русски в целом правильно, но с сильным английским акцентом. — Неужели вы думаете, что люди настолько глупы, чтобы не понимать, что следующий удар может стереть человечество с лица Земли?!

Пограничник пожал плечами. Видно было, что он ожидал самого дикого развития событий и применение оставшегося арсенала оружия массового поражения под девизом "Да гори оно всё синим пламенем!" для него вполне реально.

— Можете выйти наружу и п-посмотреть, на что способны люди. Ещё пару месяцев назад сам факт применения ядерного оружия казался чем-то запредельным, — он достал из кармана конфету, развернул фантик и закинул её в рот. — Но лично я всегда исходил из того, что человек может совершить гораздо более сумасшедший поступок, чем он делал до этого. Но я говорю не о том, чтобы п-просто предотвратить очередной акт Апокалипсиса, а чтобы откатить всё на позиции, как было до него. Но для этого, необходимо, чтобы вы пошли со мной.

— Звучит как откровенный бред, — отозвался Влад. — Слушай, капитан, или кто ты там есть, я жутко устал, у меня болит простреленная рука, и мне ещё разбираться с похоронами жены. Я хотел бы уже пойти.

— Что вы имеете в виду? — вдруг спросила Джессика у пограничника.

— То, что сказал. Вы же хотите, чтобы ваши родители были бы живы, так? Чтобы всё это, — он сделал круговой жест рукой, — оказалось п-просто страшным сном.

Если бы Влад обернулся и посмотрел в глаза Джессики, он бы увидел как на её лице одна эмоция быстро сменяет другую. Вот в её глазах загорелась почти религиозная надежда, вера в то, что её молитвы услышаны и всё можно откатить обратно, воспользовавшись неким магическим бэкапом.

Интересно, к какому христианскому течению она принадлежала, ведь известно, что в США процветает множество различного рода сект и направлений, местные довольно легко поддаются воздействию харизматичных сектантов и трактуют Святое Писание, как им вздумается, а если их в нём что-то не устраивает, то придумывают свою священную книгу или даже целую религию. При этом они как-то умудряются совмещать религиозность с абсолютно невероятной показной толерантностью. Впрочем, когда общественные установки начинают явно не контактировать со Словом Божьим, они начинают задумываться о том, чтобы просто переписать Святое Писание под себя.

Потом Джессике охватило разочарование и пессимизм, так как всё-таки она была

человеком материальной культуры и при всей религиозности, как она её понимала, она не могла отрицать реальность происходящей вокруг ядерной войны.

— По-моему, вы издеваетесь, — прошептала она.

— Да не издевается он, — возразил с нескрываемым сарказмом Влад. — Просто последствия контузии.

Пограничник всё это время преспокойно сидел на крае стола, флегматично пережёвывая конфету. Фантик он тщательным образом расправил, сложил несколько раз и убрал обратно в карман.

— Ваши родители снова будут живы, Джессика, неужели для вас это ничего не значит? Неужели возможность снова их увидеть и обнять для вас не стоит того, чтобы довериться? — он смотрел ей прямо в глаза. Владу начинало это казаться каким-то сюрсом. — Вам всего лишь двадцать один год, Джессика, и как бы хотели прожить оставшуюся жизнь? В атмосфере умирающего от радиации мира, или как так, как вы и планировали до поездки в Россию? Времени на принятие решения, напомню, очень и очень мало.

— Не, капитан, тебя реально не хило так долбануло, — не выдержал Влад, вложив в слова весь доступный ему скепсис.

Пограничник неопределённо пожал плечами, а Влад продолжал.

— Может, ты, капитан и моих родителей вернёшь, раз пошла такая пьянка?

Капитан сделал вид, что не заметил злого сарказма Влада и ответил:

— Ваши родители, Владислав, погибли пять лет назад в автокатастрофе. На встречную п-полосу выскочила фура, водитель которой уснул за рулём. Но это было п-пять лет назад, то есть за пределами сдвига.

— За пределами чего? — уточнил Влад, обхватив голову руками. Всё вокруг казалось каким-то ненастоящим, каким-то бредом и ночным кошмаром, хотелось скорей проснуться и сбросить наваждение.

— За пределами сдвига, — спокойно ответил капитан, — ничего изменить нельзя. Только то, что было п-после него.

Джессика позади Влада нервно рассмеялась, и её можно было понять: ко всем её бедам и вообще ни разу не определённом будущему, добавилась необходимость выслушивать сказки какого-то сумасшедшего русского, который к тому же ещё и военный. Чем не реализовавшийся штамп из голливудского блокбастера.

Капитан сохранял невозмутимость.

— А я вас помню! — вдруг воскликнула американка. — Вы были в том поезде! Когда произошла атака, вы были в том поезде! Я вас там видела! Вы ещё прошли с проводниками в вагон машиниста. Я ещё подумала, что вы идёте меня арестовать.

— Да, — согласился пограничник, — я там был. Нет, арестовывать мы вас не собирались. Мы вообще не знали, что в поезде была гражданка США.

Влад поднял глаза и всмотрелся в лицо военного. Да, хоть это и было больше двух месяцев назад, он смог вспомнить группу военных, которые прошли в головной вагон "Ласточки" в сопровождении проводника. Вот так встреча!

— Тоже вспомнил? — обратился он к Владу. — Будем на "ты", раз уж мы знакомы, тем более, что ты и так ко мне так обращаешься, да и мы тут все не из высшего общества.

Капитан протянул руку.

— Ну, начнём всё заново? Алексей, можно Алекс.

— Влад. Владислав, — Влад не стал противиться и пожал протянутую руку.

— В общем, мы все были в том поезде, это мы уже выяснили. Только я был там уже второй раз.

— И я тоже, — пожал плечами Влад.

— В смысле? — Алекс явно насторожился и даже как-то вытянулся. — Ты тоже был в том поезде не один раз?

— Ну да, мы с женой, — Влад запнулся, вспомнив Алю, — мы ездили этим поездом каждый месяц к родственникам в Псковской области, так что я был в том поезде неоднократно.

— А, в этом смысле, — Алекс заметно потерял интерес, но тут же продолжил. — Видимо, мне придется кое-что вам объяснить.

Пограничник потёр рукой подбородок и, наконец, пересел со стола на рядом стоявший стул. При этом сел он на него задом наперёд, а руки положил на спинку. Теперь он был с Владом и Джессикой как бы на одном уровне. Влад распознал в этом психологический приём, направленный на то, чтобы расположить к себе собеседника. Хотя, может, он действительно хочет им поведать что-то значимое и заручиться доверием.

— Я был в том поезде второй раз в тот же самый день в то же самое время, — начал свой рассказ капитан. — Вы, кстати, в курсе, кто победил на выборах президента США в ноябре этого года? Джессика, как думаете?

— Это не смешно! Вы прекрасно знаете, что выборы не состоялись!

— Ну да, ну да..., - вздохнул Алекс. — В тот день, 11 октября 2020 года я вместе с группой своих товарищей после остановки в Новгороде, отправились дальше до конечной станции в Петрозаводске...

Точно контузило, не иначе, подумал Влад, учитывая, что поезд, который доставил их с Алей в город, был уничтожен в ходе налёта американского бомбардировщика. Впрочем, стоит признать, что Алексей вовсе не выглядел буйно помешанным. Неужели он тихо двинулся на почве войны, смерти товарищей и вот этого всего. Выглядит вроде нормальным. Однако, ему уже приходилось видеть людей, которые выглядели на первый взгляд психически здоровыми, а на самом деле крыша у них была так далеко и безвозвратно уехавшей, что мама не горюй!

Он улыбнулся, показывая, что заметил сомнения Влада в том, что его рассудок остался в здравом состоянии, но, тем не менее, продолжил:

— Мы доехали до Петрозаводска без каких-либо проблем. Мы и раньше ездили этим маршрутом. У двоих из нас там живут семьи, у меня — невеста

— Петрозаводск подвергся нападению, — перебил Влад, — прилетело минимум две боеголовки по мегатонне каждая, если правильно помню.

Алекс как будто не услышал замечания Влада, продолжал:

— Мы спокойно доехали, спокойно продолжили свою службу. Весело и шумно встретили Новый год в компании хороших друзей и близких. В начале 2021 года нас "погнали" на вакцинацию от коронавируса, из-за чего в интернете началось бурление говен. Но это так детали обычной мирной жизни. Хотя к лету 2021 года злосчастная пандемия продолжила бить новые рекорды.

К слову, на выборах президента США таки победил Джозеф Байден. Выборы, чтоб вы знали, Джессика, ознаменовались громкими скандалами и дискредитацией выборной системы США, поставив под вопрос вообще всю так называемую американскую демократию.

Ваши медиакомпании любят критиковать выборы в России, но если посмотреть на то, что происходило у вас, то притча о бревне в глазу заиграет новыми красками, так как бревно это размером со знаменитую американскую секвойю.

В итоге Твиттер, Фейсбук и Ютуб навсегда забанили Трампа, лишив его элементарной возможности обращаться к избирателям, при этом тщательнейшим образом затирая любой компромат на семейство Джозефа Байдена.

— It's impossible! What are you talking about?! — воскликнула американка.

— Посибл-посибл, такая вот свобода слова по-американски, — возразил Алекс, — 6 января сторонники Трампа даже захватили здание Конгресса на короткое время, а одна женщина из числа протестующих (белая, кстати, бывший морпех), была застрелена чернокожим охранником. И да, из-за того, что Трамп был выпилен из всех соцсетей, он не смог обратиться к своим сторонникам, не предпринимать подобных действий. Ну а потом начались облавы на республиканцев. В общем, весело у вас там было.

По Джессике было видно, что она имела в виду не столько то, о чём рассказывал пограничник, сколько о то, что она не верит в историю целиком.

— Но это так, — продолжал Алекс, не обращая на неё внимания, — как говорится, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы... В общем, я наблюдал за этим постольку поскольку. У меня своих дел было по горло, своя служба.

Джессика сидела, уставившись на капитана, не моргала, а её челюсть даже немного отвисла. Сумасшедшему русскому явно удалось захватить её внимание.

— Потом пришло лето, и новый президент США даже встретился с президентом России. Создалось шаткое впечатление, что нормальные взаимоотношения между нашими странами всё-таки возможны.

Это вам вкратце картина мира на июнь 2021 года. Люди жили своей жизнью, я жил своей жизнью, готовился уйти в отпуск. В общем, после той поездки в "Ласточке" мы спокойно добрались каждый до своего пункта назначения и даже не пересекались внутри поезда, так как сидели в разных вагонах.

— Ты же в пятом сидел, да? — уточнил он у Влада, тот согласно кивнул. — А ты, Джессика, в третьем. Ну а мы с ребятами расположились в первом вагоне.

А потом был тот налёт, свидетелями которого вы стали. Это уже позднее стало известно, что он не был случайным. Противник организовал группу из 21 истребителя-бомбардировщика и 10 беспилотников.

Что рассказали пилотам, учитывая, что они согласились на, прямо скажем, самоубийственную миссию в тыл врага, остаётся только догадываться, но, видимо, это было что-то очень важное и одновременно пафосное, как любят американцы. Типа того, что в поезде перевозится груз "новичка", которым злые русские хотят запустить по благословенной Америке. Хотя, быть может, им просто пригрозили убийством семей, что тоже вполне реально. Как бы то ни было, до цели добрался только один самолёт, и слишком поздно (большинство пассажиров уже покинули вагоны), и его в итоге тоже уничтожили.

Влад обратил внимание, что пограничник полностью перестал заикаться. Видимо, в такие моменты его мозг забывал об этом дефекте.

— Сначала я думал, что поезд хотели уничтожить из-за меня и моих товарищей. И это было бы логично, хотя и свидетельствовало о том, что в наших спецслужбах сидят кроты с высоким уровнем допуска. Мы даже решили, что на этом налёте все попытки нас ликвидировать закончатся. Но потом..., - Алекс сделал паузу, — Потом я узнал, что убили

выжившего при налёте машиниста. Потом проводников. И вот тут я задумался над тем чтобы получить списки пассажиров "Ласточки", но из-за неразберихи и оформления разрешений мне удалось это сделать слишком поздно, и то их обнаружили на каком-то богом забытом резервном сервере, в то время как остальные копии были кем-то уничтожены. А у противника эти списки уже были, и он, чтобы не сильно себя утруждать приступил к ликвидации всех из этого списка. Опять же, вопрос "крота" не снят с повестки. Ваши сограждане, Джессика, хорошо умеют работать.

Американка встрепелась, хотела что-то возразить, но тут же передумала и продолжила тихо сидеть на своём стуле в углу.

— Далее, я соотнёс данные с убийствами, произошедшими в городах по пути следования поезда, и понял, что то, что могло показаться следствием разгула преступности, на самом деле имеет вполне себе чёткую взаимосвязь. Кто-то методично выпиливал всех пассажиров поезда. Охотились не только за мной и моими сослуживцами.

— Ты хочешь сказать, что мою жену убили только за то, что она ехала тем поездом? — тихо спросил Влад.

— Нет, конечно, не только из-за этого, но в целом да, целью были все пассажиры и машинисты с проводниками. В общем, время играло против нас, необходимо было разыскать всех, кто находился в поезде и взять их под охрану до принятия решения.

В этот момент дверь кабинета приоткрылась и в просвете появилась голова сержанта, которого Влад лично не знал, но вроде как встречался его в лагере. Вот только мысли сейчас были совсем не о том, где он мог его раньше видеть, да и неважно это было.

— Капитан? — взволновано позвал он.

Капитан отвлёкся от своего бредового рассказа и, бросив короткий взгляд на Влада с американкой, вышел за сержантом из комнаты.

Перед тем, как дверь за ним закрылась, до ушей Влада донеслось что-то про Саров и что всё готово, к тому, чтобы кого-то принять.

Что это, думал Влад, последствия контузии? Или психологическая травма? Влад не знал, как реагировать на откровения капитана. Единственное, что ему сейчас хотелось, это в последний раз увидеть Алю и достойно её похоронить, а не в общей могиле где-то на окраине города. А потом спать. Спать и ещё раз спать. И плевать на работу. Пусть увольняют.

Укол совести Влад, конечно же, заметил — как можно хотеть спать, когда ты только что потерял жену — но в то же время, он был настолько опустошён, что, как бы это цинично не звучало, но он понимал, что от него ничего не зависит. А если так, то какой смысл биться в истерике?

Снова укол совести. И снова лёгкий. Слишком всё достало.

Влад посмотрел на вернувшегося пограничника с подозрением. Люди иногда заговариваются, бывает, но это не значит, что им надо потакать в их безумии.

— Выборы в Штатах не состоялись, — уставшим голосом произнёс Влад, — они должны были состояться в ноябре, но не состоялись по причине начала ядерной войны. И не было никаких встреч президентов США и России, и не могло быть. Как и не было ничего из того, что мы могли планировать, так как случилась война. Или ты пытаешься нам втереть, что всё вокруг нереально, и это мы поехали крышей, а ты типа здоров как никогда?

Он сделал неопределенный жест рукой, как бы предлагая собеседнику поглядеть по сторонам и вернуться в реальность, а не витать в своих фантазиях.

— Ну да, ну да, — закивал Алекс, показывая, что он знает что-то такое, что не доступно пониманию остальных. — Но как бы то ни было, выборы состоялись, как и положено 3 ноября 2020 года. А по поводу нереальности я ничего такого не утверждал. Наоборот, всё вокруг нас реально настолько, насколько вообще возможно.

Он постучал ладонью по столу. С шумом втянул ноздрями застоявшийся воздух подвального помещения, в котором чувствовалась некоторая сырость и даже какие-то признаки где-то разрастающейся плесени. Огляделся вокруг, всем видом показывая, что реальность вокруг них самая что ни на есть настоящая.

Он продолжал говорить, а Влад пристально смотрел на него. Ведь, всё что, он говорил, звучало как откровенный бред. Типичный псих, разве нет? С этим, как его, ПТСР, верно? Посттравматический синдром чего-то там... или посттравматическое стрессовое расстройство, так вроде правильнее. Военные, прошедшие через реальные боевые действия им частенько страдают. Был же так называемый вьетнамский синдром, потом иракский. У нас — афганский и чеченский... Правда, обычно такая болезнь даёт о себе знать, когда солдат возвращается к мирной жизни, а тут как бы до мира ещё шагать и шагать, да и не факт, что люди грядущему миру будут рады.

Что-то говорит про квантовую теорию... про время... пространство... взаимосвязь всего со всем. Он явно что-то где-то слышал, но теоретических знаний ему явно не хватает. С другой стороны, сумасшедший в периоды обострения и не такое может нести. Но почему его не скрутили свои же? Он же, по словам того же Потапенко, вёл себя довольно уверенно и настойчиво в общении с гораздо более высокими чинами, и его при этом слушали.

Что Влад знает про кванты? Что-то слышал ещё из школьного курса физики. В голове, по большому счету от всех знаний, полученных в школе и самостоятельно, осталось только то, что квант, это такая элементарная частица, вроде бы. Пограничник упомянул какие-то точки бифуркации. Опять что-то связано с физикой. Внезапно Влад словно бы очнулся, и он озвучил созревший вопрос:

— Окей, допустим, ты говоришь правду, а не поехал крышей на почве контузии и психологической травмы, — Алексей замолчал и внимательно посмотрел на Влада. — Ты хочешь сказать, что есть некоторая возможность, какой-то шанс, что всё можно отмотать назад. Чтобы не было атомной бомбардировки и вообще этой войны?

Американка всё это время сидела на стуле тихо, как мышь в присутствии кота, который зашёл на кухню, но ещё не учуял грызуна. Если честно, то у Влада возникло опасение по поводу сохранности рассудка бедной девушки, которая сначала стала свидетелем ядерного нападения её страны на Россию, потом её допрашивали спецслужбы, потом даже позволили работать в лагере для беженцев, а сейчас её приволокли сюда под вооружённой охраной и заперли. Может, это её пытались грохнуть в гостинице? Тогда понятно, почему она готова в любой момент удариться в истерику.

В конце концов, что теряет Влад от того, что воспримет рассказ пограничника всерьёз? Ровным счётом ничего.

Капитан растянул лицо в улыбке. Типа именно это он и хочет до них донести. И то, что он, как и другие пассажиры того злосчастного поезда, каким-то образом могут на что-то повлиять в глобальном масштабе. Влад отчаянно ощутил запах теорий заговора и его захлестнул приступ злости. Его лицо резко поменяло выражение, сидя на стуле, он подался вперёд.

— Слушай, капитан! — прошипел Влад. — Ты что, думаешь, я не не понимаю, что

происходит?!

Пограничник выжидающе молчал.

— У меня жену убили, у неё, — Влад мотнул головой в сторону американки, — родители в радиоактивный пепел превратились, а ты просто решил этим воспользоваться, чтобы мотивировать нас на...

— На что? — перебил его капитан. — На что я хочу вас мотивировать?

— На то, чтобы мы с тобой пошли!

— Зачем мне это, если от тебя, как ты думаешь, ничего не зависит, а все убийства, в том числе, твоей жены, — Влад готов был уже броситься на капитана, и даже боль в руке не помешала бы, но тот продолжал, как ни в чём не бывало, — просто совпадения? Сам подумай, существует гораздо более эффективные способы заставить вас делать то, что нужно, но я решил действовать по-хорошему. По крайней, мере пока.

— Бл@, капитан, да х@р знает, что у тебя там в голове. Какие там тебе приказы дали! Может, ты считаешь её шпионкой, а я тебе для спектакля нужен! А может ты на почве гибели сослуживцев тронулся!

— Так себе объяснение, Влад, — казалось, капитан издевается над ним.

Он вздохнул и встал со стула, посмотрел на часы.

— Времени у меня мало, ребятки, — обронил пограничник. — Лясы точить мне тут с вами особо некогда. Только вот, что вам следует уяснить: противник готов пойти на всё, лишь бы уничтожить всех, кто был в том поезде. Если у вас зародилась мысль, что вам удастся отсидеться, то это мысль крайне неудачная. Вас всё равно найдут. А если они поймут, что агентурная сеть всё-таки не справляется, они могут прибегнуть к самым радикальным мерам.

— Это к каким же? — начал было Влад, но капитан, казалось, его уже не слушал, он спокойно проверял карманы, и свой автомат.

— У меня есть цель, до которой я постараюсь добраться, чего бы мне это не стоило. И чем больше человек из того поезда я приведу с собой, тем больше шансов будет на то, чтобы всё исправить.

— И много тех, кто остался жив из того поезда? — раздался из угла робкий голос девушки.

— Здесь — только вы двое. Остальных спасти не удалось. Несмотря на самый высокий допуск, убедить высшее начальство в том, что какие-то гражданские требуют серьёзной охраны, а значит отвлечения столь ценных человеческих ресурсов, очень трудно, практически невозможно Тем более, когда не можешь раскрыть всех деталей. В общем...

Но договорить он не успел, их прервал истошный звук сирены, который было слышно даже через закрытые двери, за дверью послышался топот бегущих людей, а монотонный голос из громкоговорителей вещал: «Атомная тревога! Внимание! Атомная тревога!».

— Ты спрашивал, на что они готовы пойти? Вот тебе и ответ.

Пограничник закрыл лицо ладонью, грязно выругался, и сообщил:

— Этого следовало ожидать. Так, вы идёте со мной?

— А если я не хочу, — решил проявить дух противоречия Влад.

Он поднялся со стула, в то время как американка, казалось, сжалась в комок, забившись в угол, и впад в некое подобие транса.

— Верить мне или нет, решать вам, но так у вас есть хоть какой-то шанс, а останетесь — умрёте ещё до рассвета. У нас максимум п-пятнадцать минут. Доживём до завтра — уже

хорошо. А сейчас нам нужно просто выжить. Вы хотите жить?

Пограничник всем своим видом показал, что собирается уходить и как можно скорее. Пятнадцать минут — много это и мало, особенно, когда к тебе летит межконтинентальная баллистическая ракета, или что там ещё может прилететь?

В конце концов, что теряет Влад? Что теряет ещё час назад абсолютно незнакомая американка Джессика? Будет ли ещё хуже, если они откажутся идти за пограничником? Ничего они не теряют! И хуже может быть только, если Влад решит остаться здесь. Хочешь — не хочешь, а здесь Влада уже ничто не держало и не связывало его с городом. И как бы это цинично не звучало, но если ракета долетит и взорвётся, то вопрос с похоронами жены отпадёт сам по себе — её тело, как и множество других, в том числе живых людей, будет кремировано в момент ядерного взрыва. Или чуть позже, но это, по большому счёту, уже не важно.

Он поднялся, показывая всем видом, что готов следовать, хоть в Пекло. И дело даже не в том, что военный, как казалось Владу, откровенно бредил, а в какой-то злобе, которая должна была найти свой выход, иначе становилось совсем невыносимо. На душе скреблись даже не кошки, а какие-то неведомые звери, готовые порвать эту самую душу в клочья, если не найти способ себя отвлечь.

Глава 15. Убежище

Одновременно с раздавшейся сиреной на разный лад зазвенели мобильные телефоны, и на их экранах высветились сообщения о необходимости найти укрытие, запастись продуктами питания, водой, документами и лекарствами (Влад с сожалением вспомнил про свой "тревожный" рюкзак, который остался в разгромленной квартире) и местах сбора для эвакуации, но последнее предназначалось, очевидно, уже для тех, кто переживёт эту ночь. За оставшееся время было понятно, что мало кто успеет куда доехать или добежать. Речь сейчас шла лишь о том, где бы закопаться подобно кротам поглубже под землю и не высовываться как можно дольше.

Страх и ужас. Как ещё можно описать свои ощущения, когда ты понимаешь, что в твою сторону летит ядерная боеголовка, которая испепелит тебя в считанные доли секунды, взорвись она прямо над тобой. В такие мгновения ты начинаешь по-настоящему понимать, что инстинкт самосохранения это не какое-то абстрактное чувство и эволюционный атавизм, доставшийся нам от далёких предков, которые прятались на высоких деревьях от саблезубых кошек.

Нет! Вот оно! Выброс адреналина, стук крови в висках, сбивчивое участвовавшее дыхание, понимание, что с минуты на минуту ты познаешь, что такое окончательная безвозвратная тьма. И из неё уже не будет выхода, и ты уже никогда не проснёшься и не сможешь, сладко потянувшись, увидеть падающий на подушку лучик солнечного света.

Иногда человек готов к этому последнему и безвозвратному небытию, но обычно он согласен с ним встретиться, когда прожил долгую и плодотворную, хотя бы в его собственном понимании, жизнь. Дети, внуки, достижения. Посаженные деревья, построенный дом. И осознание того, что твоё тело, в самом деле, выработало ресурс, и ты хочешь уснуть последним сном.

Кто-то ждёт, что попадёт в Рай, кто-то — в Ад, кто-то ждёт очередного перерождения в новом человеческом теле, в собаке, муравье, или даже просто в камне. Индусы такие индусы! Но никто не хочет уйти раньше предназначенного ему природой (или Богом, уж как хотите) времени. Желание жить и сохранить себя — базовая эволюционная прошивка, которая сделала людей теми, кто они есть, которая управляет всеми животными созданиями в этом мире. И не дай вам Бог увидеть, на что способны животные, лишь бы сохранить свою жизнь.

И сейчас Влад ощутил воздействие на себе инстинкта самосохранения в полной мере, в какой-то момент он осознал, что на него накатывает паника. Ты оказался перед лицом неминуемой, почти стопроцентной гибели, и у тебя, по словам незнакомого солдата, которого ты и видел-то всего раз до этого, но успел об этом забыть, есть не более пятнадцати минут. То есть в реальности времени может быть гораздо меньше. Десять минут? Восемь? Пять? Всё зависит от того, откуда были пущены ракеты, и как хорошо сможет отработать ПРО. Взорвутся боеголовки раньше, или позже намеченной точки, такое тоже вполне может быть.

Впрочем, уже сам по себе сигнал тревоги означает, что какая-то из ракет смогла пробиться через заслон противоракетной обороны и скоро достигнет своей цели. Вопрос в том, не прозвучал ли он слишком поздно?

Неужели всё, что говорит их новый знакомец, этот странный пограничник с

неопределёнными, но очень большими полномочиями, это правда? Что вот эта ракета сейчас летит не просто по цели, по населённому пункту, а именно по их с Джессикой душу. Да ну, бред! Ну, реально же бред! И вот эта вся возможность откатить реальность или как он там сказал, разве это не бред травмированного на войне солдата, который наблюдал смерть своих товарищей и потерял своих близких в результате так называемой первой волны?

Кто его знает, как там контузия сказывается на мозговой деятельности. Влад вспомнил один сериал, в котором контуженному на войне бойцу даже в мирное время виделось всякое, что вполне можно было бы назвать галлюцинациями. А тут как бы сама окружающая обстановка может свести с ума кого хочешь.

"Атомная тревога!" — продолжал монотонное вещание голос, перемежаясь с надрывным воем сирены. По коридору стучали армейские ботинки, постепенно затихая, вот кто-то протопал этажом выше. Крики, команды. Люди экстренно ищут место, где можно было бы укрыться от надвигающегося Армагеддона. Сложно представить, что готовых укрытий хватит на всех. В общем, каждый сам за себя, а там уже видно будет, кто выживет, а кто нет.

Пограничник открыл дверь, за которой уже никого не было. Однако, быстро ребята решили, что важнее: караул, или собственная жизнь! Хотя кто знает, какие у них там действуют внутренние инструкции на такой случай. Не исключено, что там написано "в случае ядерной атаки, заставшей вас врасплох — спасайся, кто может!"

— Давайте, времени в обрез! — скомандовал пограничник и посмотрел на Джессику. — Что с ней?

В углу, забравшись на стул с ногами и обхватив колени руками, сидела Джессика, и казалось, даже не думала куда-то идти. Её лицо буквально застыло и ничего не выражало. В такой позе она тихонько покачивалась вперёд-назад, вперёд-назад. И кажется она что-то напевала себе под нос. Что это? Что-то из репертуара Майли Сайрус? Бритни Спирс? Влад не сильно разбирался в поп-музыке, но мелодия была очень знакомой, наверное, в своё время верещала из каждого, как говорится, утюга. Да какая к чёрту разница, что она там бубнит!

"Атомная тревога!", — напомнил голос из динамика на фоне ревущей сирены.

— Походу у неё истерика! Если не хуже — ответил Влад, подбегая к американке.

— Твою мать! — пограничник быстро подошёл к девушке и дёрнул её за руку, но та вырвалась и осталась на месте, продолжая напевать (Wrecking Ball?).

Видели, как люди сходят с ума? Вот так и сходят, внезапно и без всяких предисловий. Казалось бы Джессика и так пережила не мало: видела как падали бомбы (пусть, так же как и Влад, издали), оказалась одна во внезапно ставшей для неё глубоко враждебной стране, пережила покушение в гостинице, но последняя беседа, судя по всему, оказалась той соломинкой, которая переломила хребет верблюду.

Психика явно не выдержала такого потока событий и информации, в том числе, давайте признаем, от довольно странного пограничника, который стал задвигать дикую дичь про вещи, в которых разбираются от силы несколько десятков людей на всей планете, и это если считать его рассказ хоть в какой-то степени правдивым.

То, что произошло потом, заставило Влада даже задержать дыхание от удивления. Пограниц, недолго думая, подошёл к американке и с ходу съездил кулаком по её голове. Девушка закатила глаза, обмякла и сползла со стула.

— Некогда нам уговорами заниматься! Взваливай её на плечо и уходим!

Ну, хоть не бросил, и на том спасибо, подумал Влад. Однако, в данном случае, не исключено, другого выхода из ситуации просто не было. Любые уговоры и попытки привести её в чувства съедали драгоценные минуты и даже секунды. Не до сантиментов было. Разбираться в тонком душевном устройстве женской психики, элементарно не было времени и было чревато незапланированной смертью.

Они побежали по коридору и стали подниматься по лестнице. Капитан бежал впереди.

— Погоди, — сказал Влад, поправляя девчонку на плече, — здесь же наверняка должно быть какое-нибудь убежище! Это же не простое здание!

Влад почему-то был уверен, что в таком здании, где располагалось управления ФСБ и МВД уж точно должно быть что-то вроде бомбоубежища. Заводы и ведомства, которые работают в военное время, должны обеспечить, как минимум, своих сотрудников защитой на случай нападения с воздуха, в том числе от возможного ядерного удара.

Ещё до войны он читал, что в городе и области ведётся модернизация бомбоубежищ и противорадиационных укрытий. Сколько их в городе — несколько десятков точно. Но все они располагались на территории крупных предприятий, добраться до которых могло элементарно не хватить времени. Ну а здесь быть такому бункеру сам Бог велел!

— Нет тут ни хрена! Архив в подвале есть, но он нас не спасёт. Здание вообще под снос планировалось. Давай на улицу! Там "Тигр" стоит! Под зданием правительства есть убежище! Туда помчим.

"Тигра" на улице не оказалось. Если честно, то Влад бы очень удивился, если бы автомобиль оказался на месте. Зато по ночному городу мчалось много других автомобилей, и, понятное дело, никто останавливаться не хотел. Драгоценное время утекало, что вода сквозь пальцы. По улицам бежали люди, Доли секунды, пока пограничник размышлял казались вечностью.

Они не успевали к зданию областного правительства, и это было очевидно. К тому же не факт, что им бы открыли двери и впустили их в убежище. Кто знает, какие у них там протоколы: всех, кто успел за пять минут с момента подачи сигнала, впустят, а всех кто нет — извините, ничего личного, могут и стрелять начать по всем, кто помешает закрыть двери бомбоубежища. Это как на подводной лодке: успел — не успел, люк задраивается и всё тут — главное живучесть корабля, обеспечив которую можно спасти остальной экипаж.

Отсутствие броневедомоги, казалось, выбило капитана из колеи, он встал словно вкопанный на краю проезжей части, глядя в след проносившемуся мимо транспорту. По тротуарам ночного города бежали люди, осознавшие, что подвал в их доме их явно не спасёт и надо найти что-то более приемлемое.

Подземный пешеходный переход на другом берегу реки? Но пока до него доберёшься, может оказаться уже поздно. К тому же Влад, хоть убейся, не помнил, есть ли там хоть какие-то ворота, которые могли быть закрыты при необходимости, а без них это укрытие так себе.

Замечали, что время может ускоряться либо замедляться в зависимости от субъективных ощущений? Ты спешишь — и минута перед светофором может длиться неоправданно долго. Ты не спешишь, отдыхаешь — время проносится как "Сапсан" мимо забытого полустанка, раз — и нет отпуска!

— Как знал, что пригодится! — крикнул пограничник. — Давай, за мной! Туда, через дорогу!

Они побежали в сторону городского парка. Влад тащил недвижимое тело гражданки

США, которое в какой-то момент стало ему казаться невозможно тяжёлым.

Когда они перебежали дорогу в сторону городского парка, какой-то малыш показал рукой в небо (как тогда на вокзале, подумал Влад).

— Мама, смотри, звёздочка падает! — закричал ребёнок, которого за другую руку тащила встревоженная мать.

Влад на ходу (споткнулся и чуть не упал) посмотрел вверх и увидел на западе еле видимый в чёрном зимнем небе инверсионный след, рассекающий небо, и сияющую звёздочку работающего двигателя ракеты.

— Быстрее, вашу мать! — командовал пограничник, он тоже заметил приближающуюся ракету. — Сюда!

Они пересекли дорогу и бежали по мокрому снегу вглубь парка среди деревьев. К этому моменту Влад практически выбился из сил, и в его голове появилась подленькая мысль бросить представительницу вражеского государства прямо здесь. Мало ли что там говорит пограничник, он вообще, вероятно, не в своём уме.

К счастью, к этому моменту американка вроде как пришла в себя и начала подавать признаки жизни и, главное, адекватного поведения, слабо потребовав, чтобы Влад её опустил на землю, что он с превеликим облегчением и сделал.

Они остановились у бетонного основания, припорошенного снегом, сквозь который виднелся тяжёлый чугунный люк. Судя по всему, внизу проходила теплотрасса. По крайней мере, запах канализации отсутствовал.

В голых по-зимнему кустах, пограничник быстро нашёл спрятанный гвоздодёр. Он с усилием откинул крышку люка в дорожном полотне. Вытащил из сумки три маски-противогаза и приказал их надеть.

— В прошлый раз там было чисто, но может скопиться газ, — пояснил, на вопросительный взгляд Влада. — Не хотелось бы спастись от взрыва, но задохнуться от углекислоты. — Он дождался, пока все нацепят противогазы, после чего скомандовал, — А теперь — быстро вниз!

Влад поборол желание ещё раз посмотреть на небо, чтобы узреть летящее к ним адово пламя, заключённое в металлическую оболочку. Перед тем, как спуститься вслед за Джессикой в темноту подземных городских коммуникаций, он, атеист, мысленно перекрестился. Трудно оставаться неверующим, когда Ад буквально наступает на пятки. Время шло даже не на минуты, на секунды.

— Быстрее! — толкнул его пограничник, и Влад чуть не сорвался вниз.

Он нащупал ногами первые две ступеньки, ухватился руками за боковые направляющие и за долю секунды по-морскому соскользнул вниз. При этом он неловко зацепился ногой за выступающую арматуру и грохнулся на спину.

Он упал на какие-то плотно упакованные мешки или рюкзаки, тусклый свет фонарика не давал возможности рассмотреть. В первый момент Влад подумал, что они свалились на укрывшихся здесь бомжей, вот была бы весёлая компания, но нет, это были не люди, а просто вещи.

Перед тем как провалиться вниз он услышал неразборчивые крики и вместо пограничника на него сверху упали ещё два человеческих тела, одно большое, другое совсем маленькое (Влад даже подумал, что на него грохнулся рюкзак) в зимней одежде, которая смягчила удар. Это оказались та женщина и ребёнок, который несколько минут назад показывал на летящую "звёздочку" в небе.

Влад еле успел откатиться в бок, при этом навалившись на взвизгнувшую американку, перед тем, как сверху, предварительно задвинув за собой тяжёлый люк, ловко спрыгнул пограничник, у него это вышло гораздо ловчее, чем у Влада.

Вспышку света было видно даже со дна колодца. Над их головами, там где должен был быть люк высветился сияющий круг, будто солнечная корона во время полного затмения. А потом... потом раздался гром, какого Влад ещё никогда не слышал в своей жизни. Будто демоническое чудовище из самых страшных кошмаров достало молот и ударило в титанического размера гонг. Будто прямо над его головой звуковой барьер преодолели сразу тысячи сверхзвуковых истребителей. А потом... потом пришла взрывная волна.

***

Аля присела рядом на диван, положила руки ему на плечо и наигранно серьёзно посмотрела ему в глаза. Влад отложил джойстик. В каком-то веке нашлось свободное время для расслабления мозга, но, ладно, если жена хочет о чём-то поговорить, то виртуальные зомби могут подождать на паузе, прежде чем будут уничтожены такими же виртуальными боеприпасами.

Он внимательно посмотрел ей в глаза, приглашая к диалогу.

— Ты меня любишь? — она выразительно моргнула пару раз, её карие глаза искрились в голубом свете люстры, включённой в её любимом вечернем режиме.

— Что. Тебе. Надо? — перешёл сразу к делу Влад.

— С тобой не интересно! — надула она губки. — Ты несколько не романтичный!

— Ну, ты знала, за кого выходишь замуж. Ведь так?

Она тяжело вздохнула, постучала пальцами по его плечу, мол, тут всё безнадежно.

— Знаешь, я думаю нам надо подумать о покупке новой квартиры.

— О как! — удивился Влад. — Тебе этой мало? Трёшка же! На двоих! — он с прищуром посмотрел на неё. — А, понял, ты хочешь, чтобы у нас было общее имущество, чтобы при разводе отхватить половину?

Аля закатила глаза, она давно уже привыкла к его шуткам, но иногда, для профилактики, делала вид, что их не понимает.

— Скажешь тоже! — воскликнула она.

— Тогда зачем нам новая квартира? Это опять кредит, опять ипотека, переезд, ремонт... И вообще, надо будет переоформить уйму бумаг, а это реально бесит.

— Ну, ипотека будет небольшой, если эту квартиру продадим, — она окинула взглядом комнату, — или будем её сдавать. Но лучше, пожалуй, продать, чтобы не влезать в совсем уж большие долги.

— Ну и?

— Ну, разве плохо иметь дополнительную комнату? В новой квартире, в новом доме?

— Который ещё не дал усадку, ага, — Влад приобнял Алю за талию. — Чтобы новая плитка потрескалась, обои отклеились, а ещё может плесень завестись.

— Ничего-то ты не понимаешь, — улыбнулась она.

***

— Дальше! Дальше ползите! — толкал их Алекс в темноту бетонного короба вдоль старых труб.

Перед Владом ползла Джессика и ребёнок с матерью, последним был пограничник, но далеко уползти не получилось, ржавая металлическая балка перегородила путь. И вот они замерли, прижавшись друг к другу.

Колебания ощущались даже здесь под землёй, их трясло и качало, со стен их прибежища сыпались куски бетона, а пространство заволокло пылью. Не имея противогазов, мать с ребёнком замотали лица шарфами и зажмурили глаза. И этот гул... жуткий гул, будто миллионы демонов Преисподней с воплем, заставляющим кровь стынуть в жилах, вырвались на поверхность земли, чтобы сеять абсолютный хаос в преддверии появления своего хозяина.

Влад как-то пытался представить, как живут в подземных теплотрассах бездомные, ну, вот теперь он точно знает, что ощущают бомжи во время землетрясения. Почему эта дурацкая мысль сейчас посетила его? А, психологическая реакция, мозг пытается хоть как-то стабилизировать его состояние, притормозить готовое выскочить из груди сердце.

***

— *Слушай, надо решить вопрос с отпуском, — Аля разливала по чашкам чай.*

Влад пожал плечами. Он достал из холодильника половинку лимона на блюде и отрезал несколько тонких ломтиков.

— *А в чём проблема? Поедем куда-нибудь, куда захочешь.*

— *Куда захочу?! — обрадовалась супруга.*

— *В пределах разумного, — тут же уточнил.*

— *Ну, вот ты какой не интересный! — Аля надула губки.*

***

До этого момента Влад не знал, как выглядит землетрясение и что при этом чувствуют люди, оказавшиеся в его эпицентре. При этом он вспомнил, как однажды самолёт, на котором они с Алей летели на море, попал в зону турбулентности и кресло, на котором он сидел, решило, что гравитация его больше не связывает с сидящим на нём пассажиром. Как же тогда охнул весь салон, а жена вцепилась ему в руку своими длинными ногтями.

Тряхнуло так, что у него, кажется, кляцнули зубы. При этом даже через толстый слой почвы и бетона ощущалось, что там наверху творится что-то ужасное, все летит в тартарары, ударяя по земле многотонными обломками цивилизации.

Влад почувствовал, как воздух вокруг них стал гораздо теплее, чем был. Неужели они здесь запекутся как утки в духовке? Было бы досадно. И смешно. Как утки.

***

— Ты как хочешь, но утка не получилась. Картошка вообще не пропеклась.

Влад ковырял вилкой внутри горячей горячей утки, только что извлечённой из духовки, вытаскивая куски картошки.

— Ну вот! Теперь ещё скажи, что я не умею готовить! — Аля всплеснула руками.

— Фаршированную утку — нет, констатировал Влад. — По крайней мере пока. Не надо было под завязку её набивать начинкой, без горячего воздуха картошка не пропеклась.

Аля бросила фартук и прихватки на стол и вышла из кухни.

***

Да, будет забавно поджариться снаружи до хрустящей корочки, а брюха останется сырой. Тёплой, но сырой. Не пропечённой. И вытащить тебя из духовки будет некому.

— Сейчас в обратку пойдёт! — прогудел сквозь маску противогаса Алекс.

То, что за первой взрывной волной идёт вторая, но уже по направлению к эпицентру, Влад знал, он видел множество раз хроники испытаний ядерного оружия, которые проводились ещё во времена Холодной войны. Да и в кино это изображалось примерно так же. И точно, выдвинутый из эпицентра воздух поспешил заполнить собой образовавшуюся пустоту. Грохот и гул не утихали, а температура вокруг явно шла на повышение. Влад

представил, что творится наверху, как там всё горит и летит кубарем и ему стало не по себе.

Сердце гулко билось в груди, воздуха явно не хватало. По виску под маской скатилась капля пота. Что это: это в подземелье так жарко, или это нервное? Ребёнок, который казалось бы, должен рыдать и биться в истерике сидел тихо, прижавшись к матери. Пространство тускло освещалось зеленоватым светом палочкой химического фонаря.

Как люди смогли докатиться до такой ситуации? Кто осмелел настолько, что решил, будто ядерная война это ничего страшного. Будто потом радиация развеется, и никакие ветры её не принесут тебе "на сдачу". Одно дело две бомбы в 1945 году для Японии, другое — сотни, или тысячи бомб.

Всё-таки благословенное время тогда было — Холодная война. Да, и Советский Союз и США могли с лёгкостью уничтожить друг друга, США — Союз раз десять, Союз — США раз пять, но, чёт побери, они этого не делали! И там, и там понимали, что последствия могут быть самыми непредсказуемыми, тем более, что врага достаточно убить один раз, а не пинать его труп долго-долго. Может Америка и закидала бы Советский Союз большим количеством бомб, если она при этом сама будет отброшена в развитии на сотни лет назад, то какой смысл так рисковать.

А сейчас вот рискнули. Что-то изменилось в психологии американского руководства, в психологии их граждан. С какого момента они стали считать, что победа в такой войне возможна? Ладно, пускай, формально победить можно, но это же будет даже хуже чем пиррова победа! Восстановление, если оно вообще возможно будет длиться сотни лет.

Кстати, почему в английском языке Советский Союз пишется как Soviet Union? Влад не раз слышал от иностранцев, что они думали, что это какое-то специфичное русское слово, которое не переводится на английский. Но ведь это не так! "Совет" вполне себе переводится на другие языки, при этом именно в том смысле, в каком оно используется в оригинале. Неужели это было сделано лишь для того, чтобы русские казались какими-то страшными и загадочными коммунистами? Не исключено.

Странные мысли, однако, лезут в голову. Почему он об этом подумал? Надо взять себя в руки.

Влад ожидал, что растаявший снег прольётся внутрь их убежища радиоактивными потоками, так как о его герметичности можно было только мечтать, но нет, ни капли воды на них не упало. По всей видимости, весь снег просто испарился, не успев достичь состояния жидкости.

Тишина наступила внезапно. Просто стало тихо и они даже смогли слышать шум своего дыхания. Они сидели, уставившись взглядом прямо перед собой, и молчали. Не было ни сил, ни желания что-то говорить и даже просто подбодрить друг друга. Их как будто охватила густая пустота.

— Высоко над землёй рвануло, метров пятьсот плюс-минус, — Алекс был на удивление спокоен. Тишина была разрушена. — Будем надеяться, что мы отхватили не сильно большую дозу, всё-таки бетон и земля, — он осмотрелся, — должны были задержать большую часть излучения.

Опять тишина. Опять все молчат.

— Надо отсидеться, — опять пограничник.

— Сколько? — поинтересовался Влад.

— Пока основная радиация не рассеется. В идеале, двое суток.

— А если захочется в туалет? — вдруг всплыла мысль в голове.

Пограничник только развёл руками. Он достал из сумки прибор и включил его — раздался знакомый треск дозиметра. Он посмотрел на его экран и убрал обратно в сумку, облокотившись на пыльную стену.

Как назло, мочевого пузыря тут же напомнил о своём существовании.

Глава 16. На поверхности

Море. Такое спокойное, чистое, тёплое. Дно чётко просматривается метров на десять, а то и глубже. Рыбки стайками снуют туда-сюда, подплывают к тебе, выпрашивая что-нибудь вкусное. А может и не выпрашивают, кто их разберёт, этих рыб. Может, просто так шныряют рядом с тобой.

Волны укачивают. Можно лежать и ничего не делать, и просто смотреть в бездонное лазурное небо, с редкими перьями облаков. Можно закрыть глаза и слушать, как где-то на дне стучит друг о друга перекатываемая волнами галька. Как же хорошо.

Ты выходишь из моря и ложишься на разогретую полуденным солнцем гальку, и стекающая с тебя вода, попадая на камни, тут же с них испаряется. И этот горячий, почти обжигающий ветер. Он дует прямо в лицо и от него хочется закрыться руками или хотя бы надвинуть козырёк бейсболки.

— Эй! П-подъём! — толчок в бок. Потом кто-то тебя трясёт за плечо. — П-просыпайся, кому говорю!

Это было не море, и это был не ветер. Это твоё же собственное горячее дыхание, циркулирующее внутри маски противогаса. В ней жарко и уставший мозг решает обыграть эти ощущения, подсунув тебе обманку в виде сна. И это не волны тебя качают, это кто-то пытается тебя растолкать.

Сновидение будто переключается по щелчку пальцев, не желая отпускать Влада из своих объятий. Но теперь это было уже не море и не солнце. Теперь Аля лежала на его руках и медленно умирала. Она кашляла и из её рта выплескивалась кровь, стекая на выстланный плиткой пол и смешиваясь с пылью и грязью. Она смотрела на него затухающим взглядом, а вокруг бегали сотрудники и клиенты банка.

Стоп! Аля уже мертва. Её убили буквально пару дней назад и вовсе не в каком-то банковском офисе, а в их собственной квартире неизвестные ублюдки, которые хотели убить и его, но он выжил. Ему повезло. Он выжил, а Аля нет. Что это значит? Ему опять снится сон. Он опять впал то состояние, когда ты вроде ещё как не пересёк границ царства Морфея, но уже занёс ногу над разделительной полосой.

И вот кто-то тебя хватает за шиворот и выдергивает обратно в реальность, не давая перейти границу сновидений.

— П-просыпайся, кому говорю! Надо собираться и идти, — это тот странный пограничник, который затащил их с Джессикой в схрон, устроенной на месте старой теплотрассы.

Влад тяжело вздохнул и сфокусировал зрение. Маска как назло запотела. Казалось, что он и не закрывал глаза, а так и сидел с открытыми. На море было тепло, и Аля была жива. Но не теперь. Теперь всё наоборот. Ни моря, ни Али, ни какого-то внятного будущего. Он ощутил, как он впадает в уныние. Если честно, ему не хотелось никуда вылезать, а хотелось, чтобы его оставили в покое, и он смогу бы сидеть в этом подземелье столько, сколько ему вздумается.

Странно, ведь ещё пару дней назад он бежал за солдатом, желая во что бы то ни стало спасти свою жизнь. Наверное, это такой психологический эффект: опасность отступает, и вновь оказываешься наедине со своими мыслями и проблемами.

Ещё с ними были молодая женщина и её ребёнок (наверное, её ребёнок, ведь,

признаться в эти пару дней, они не сказать, чтобы сильно общались), которые побежали за ними, когда увидели странную тройцу, бегущую в парк. Ну как тройцу, один из трёх — девушка — безвольно болталась на плече второго мужчины, поспевающего за первым. Надо признать, женщина сделала правильный вывод, что эти незнакомцы не просто так бегут в сторону от известных бомбоубежищ, до них бы они элементарно не успели добраться, а хотят укрыться где-то поблизости. И всё, что требуется — бежать за ними и надеяться, что тот с оружием не пошлёт их куда подальше, если места в их убежище будет очень мало.

Но места оказалось достаточно для ещё двух человеческих существ, подгоняемых инстинктом самосохранения. И солдат оказался не зверь какой-то, а быстро-быстро спихнул их внутрь и тут же соскользнул вниз сам, хотя дело шло уже на секунды.

И вот они здесь, в нескольких метрах под землёй переживают, когда можно будет выйти на поверхность, не рискуя помереть от лучевой болезни в первые несколько дней, после того, как окажутся на поверхности. Хотя, скорее всего, они всё равно отхватили какую-то дозу. Пограничник молчал, но Влад видел, как он то и дело поглядывал на дозиметр, у которого предусмотрительно отключил звук, чтобы, видимо, не нагонять панику его непрерывным треском.

С другой стороны, не так чтобы он сильно волновался. Может всё не так плохо, как думал Влад? В конце концов, ликвидаторы аварии на Чернобыльской АЭС вообще работали в самом настоящем радиационном пекле, но при этом многие из них прожили потом долгие годы. Может быть, не такой счастливой жизни, как бы им хотелось, такое всё-таки даром не проходит, но жили ведь, и живут до сих пор.

Алексей в призрачном свете химического фонаря, который как ни когда раньше напоминал об опасной радиации, стал разбирать тюки, которые им служили подушками и на которые они упали два дня назад. Спать было жуть как неудобно, но выбирать было не из чего. Живы, и на том спасибо.

Для начала они решили перекусить, съев по банке тушёнки и запив всё водой из пластиковых бутылок. Тот факт, что их не стошнило, и в целом аппетит имелся, Алексей посчитал хорошим знаком, о чём всех и оповестил. Однако, и излишнего оптимизма тоже не стал озвучивать.

В мешках оказались защитные костюмы, какие Влад уже не раз видел на улицах города и в лагере беженцев за последние месяцы, и уже совсем другие противогазы, полностью закрывающие голову. Такими можно запросто пугать детей. Влад подумал, почему пограничник не дал их женщине и ребёнку, но, видимо, на то были причины. Зато теперь он как раз отдал им свою маску и маску Влада. Ребёнку она была явно велика, впрочем, как и противогаз (может в этом причина?) и кое-как её приладил, максимально затянув ремни и накинув на голову ребёнка поверх маски капюшон пуховика.

— А если они не подойдут нам по размеру? — вдруг спросил Влад. — Они же вроде как индивидуальные должны быть.

— Откуда знаешь? Ты же вроде не служил.

— В лагере мерки снимали.

— Я с запасом брал. Где надо п-подтянем.

Влад натянул защитные брюки, которые надевались сразу поверх одежды и обуви. Пограничник проследил за тем, как то же проделала Джессика. Потом дело дошло до куртки такого же зеленоватого оттенка. Он периодически отдавал указания, в каком порядке и что надевать и как застёгивать, но в целом всё было понятно, к тому же экипировались они не

сильно спеша, никто над ними с секундомером не стоял.

Костюм, на удивление, оказался Владу впору, он нигде не жал, не сковывал движения и был относительно прост в надевании. А вот на Джессике он висел мешком, и она выглядела в нём как апокалиптический хоббит. Вроде и страшно, но одновременно смешно. Алексей подтянул ремни, нацепил на неё рюкзак с лямками и застегнул их на груди, чтобы уж совсем всё не болталось. В любом случае, лучше так, чем вообще никак.

Противогазы, капюшон, перчатки. Алексей достал из рюкзака рулон скотча и стал обматывать голени и запястья своих спутников, стараясь придать комплекту наибольшую герметичность. Главное, как она сказал, не допустить попадания радиоактивной пыли на кожу и внутрь организма вместе с вдыхаемым воздухом. Костюм можно будет при необходимости

Потом он как бы невзначай спросил не хочет ли кто в туалет, учитывая, что на поверхности такая возможность представится не скоро. Смешно. "Раньше не мог сказать?" — подумал Влад. Впрочем, он сильной нужды не испытывал, а о том, как они справлялись с естественными потребностями последние пару суток предпочитал вообще не вспоминать.

Кроме Джессики, на которую уже был навешан рюкзак, аналогичный достался и Владу. Алекс сказал, что там всё необходимое, чтобы перевести дух, когда они покинут зону заражения.

Перед тем, как нацепить противогаз на себя и также плотно замотаться скотчем, пограничник ещё что-то говорил женщине с ребёнком (Влад поймал себя на мысли, что они так и не назвали своих имён, а они не спросили), объясняя когда можно будет выбраться наружу, что он оставит знак для спасателей, которые обязательно придут и спасут их. Выдал консервы и воду, вытащив из своего рюкзака.

Только придут ли спасатели? Даже после первого удара спасательные службы работали на пределе возможного, что уж говорить о текущей ситуации. Тут впору поставить вопрос о выживаемости, бросив все силы на то, кого и что можно спасти, и приняв трудное решение, что кого-то спасти не удастся.

— Алексей, — обратился сквозь противогаз Влад, — это была та самая вторая волна?

— Не знаю, рация не работает, спросить не у кого. Надо выбраться наверх, найти кого-нибудь из командования. Сейчас нельзя сказать, точечный это был удар или массированная атака, — пробубнил он из под противогаза. — Если Москва устояла, а мы это быстро поймём, то, скорее всего, это была разовая акция с целью прощупать оборону.

Влад обратил внимание, что сейчас Алекс не стал акцентировать внимание на том, что эта атака имела целью уничтожения совершенно конкретных людей, то есть их. Не много ли чести использовать ядерную боеголовку для уничтожения нескольких человек? Отправить наёмников — да, снарядить авиационную группу — ещё куда ни шло, хотя тоже больше походило на натягивание совы на глобус. Но чтобы запустить ракету с ядерной боеголовкой!

Когда Алекс упаковался, он полез под большую трубу, и вытащил из-под неё завернутый в брезент автомат Калашникова из последних моделей, Влад определил его как АК-12, и ещё одно оружие, наименование которого он не смог определить. Что-то с длинным стволом и оптическим прицелом, явно намекающими на его дальнобойность.

— На, — он протянул винтовку Владу, — владей и п-пользуйся.

Влад принял оружие и пару магазинов к нему.

— Я хэээ, как здесь и куда нажимать, — признался Влад. — Что это вообще?

— Ну, ты даёшь! СВД — снайперская винтовка Драгунова. Не п-переживай, вылезем — покажу, что к чему.

— Быстро ты меня в снайперы записал.

— Жить захочешь, как говорится, не так раскорячишься. А потом, ты же по тарелкам стрелял? Стрелял! Ну, вот и ладненько. Выбирать не из кого, не ей же поручать оружие, — Алекс кивнул в сторону американки. — Как ни как гражданка враждебного государства.

Джессика либо не слышала последней фразы, либо старательно делал вид, что её это не касается.

— А что, "винтореза" в военторге не было? — вдруг вспомнил название Влад.

— А говоришь, не разбираешься! — похлопал его по плечу пограничник. — Чего не было, того не было! СВД — наше всё! Проверено десятилетиями эксплуатации по всему миру! Хоть в Африке, хоть в Афганистане, хоть на Ближнем Востоке.

Алекс перепроверил обоймы и пистолеты, которые разместились на разгрузочном жилете, одетом поверх комбинезона. Скорее всего, если не получится пройти нормальную дезактивацию, потом от них придётся избавиться, но это потом, а сейчас они могут очень даже пригодиться. Наверху их может ждать всё, что угодно.

Он полез наверх и попытался отодвинуть люк, но он не поддавался. Толкнул его несколько раз, что есть сил, но без толку.

— Твою мать! — выругался он. — П-пригорел что ли! Влад, подай мне гвоздодёр! Да, давай.

Влад отыскал металлическое изделие в полутьме колодца и подал его пограничнику. Тот приспособил его в пространстве между краем колодца и люком и, что есть сил, дёрнул за него, а потом так и вообще повис.

Сверху что-то треснуло, посыпалась пыль, и люк с трудом, но подался. После нескольких попыток воздействия гвоздодёром его удалось, наконец, отодвинуть и Алексей выбрался наружу. Оказалось, что люк был придавлен упавшим деревом.

— Давайте рюкзаки, — сказал он остававшимся внизу людям, и Влад стал передавать их наверх, поднявшись на пару ступенек и удерживаясь одной рукой.

Потом они, осторожно, чтобы внутрь попало как можно меньше радиоактивной пыли, выбрались из колодца, сначала Джессика, потом Влад. Казалось, что они покидают один ад, чтобы попасть в другой.

Алекс подошёл к колодцу и посмотрел внутрь, где оставались женщина с ребёнком. Они смотрели снизу вверх на три фигуры в защитных костюмах и противогазах, которые по каким-то только им ведомым причинам должны были оставить их здесь в надежде, что их найдут спасатели. В последнее обстоятельство не верил, наверное, даже сам Алексей. Наверное, он никогда не забудет этот взгляд, но иного варианта просто не было, им нужно было их оставить.

Насколько им хватит еды и воды, которые им выделил пограничник? Дней на пять, если сильно будут экономить. Пять дней на то, чтобы их нашли, вытащили, провели дезактивацию и начали лечение, если будет такая необходимость. Относительно лучевой болезни и дозы, которую он мог отхватить, Влад предпочитал не думать. Всё-таки оставалась надежда, что колодец принял на себя основной поток частиц.

Влад мысленно благодарил пограничника за то, что тот догадался сделать схрон из старого колодца теплотрассы. Видимо, он предполагал, что ядерная атака может застать его где угодно, и он не сможет добраться до нормального оборудованного убежища. Интересно,

где-то ещё в городе есть такие места? Наверняка, в подвале или даже в канализационном колодце лежит ещё пара-тройка тюков с припасами и снаряжением.

Судя по всему, пограничник был настроен крайне решительно относительно своей миссии, в чём бы она ни заключалась. Ведь, тогда в комнате, он толком ничего не рассказал, обойдясь общими фразами и непонятными для непосвящённого человека терминами. Влад даже догадывался, что пограничник сам не до конца понимает их значение.

Алексей задвинул крышку люка обратно, так что она упала в пазы, изолировав оставшихся внизу людей от агрессивной среды. Потом достал из своего рюкзака баллончик с краской и написал на люке "Живые люди!", воткнул рядом найденный поблизости железный прут от арматуры и повязал на него кусок красной ткани. Он бы запомнил координаты точки в смартфоне, но гаджет отказывался запускаться. Либо сдох аккумулятор, либо сам смартфон не выдержал электромагнитного импульса. Поэтому ему пришлось просто пообещать, что сообщит спасателям где их искать

Влад обернулся и осмотрелся вокруг. Картина была поистине inferнальной. Развороченные стволы деревьев, где-то были вырваны с корнем, где-то а где-то разорваны пополам, оцетинившись щепками своих внутренностей. И они были покрыты... нет, не снегом, на них лежал толстый слой пепла.

И тишина. Настолько абсолютная, на сколько вообще может быть в представлении жителя даже небольшого города, привыкшего засыпать под звуки проезжающего под окном транспорта, лай соседской собаки или разговоры у подъезда, которые ночью слышно даже с девятого этажа.

Ни лая собак, ни карканья ворон, ни щебета вездесущих воробьёв, которые даже зимой умудрялись устраивать свары из-за брошенного кем-нибудь куса замёрзшего хлеба... Казалось, молчали даже искорёженные деревья.

Влад почувствовал, как ему становится жарко. Главное сейчас не заболеть. Не хотелось бы подхватить какой-нибудь грипп и ещё какой вирус, который не позволит тебе нормально передвигаться. А тёплую постель и тарелку бульона тебе сейчас никто не гарантирует, скорее наоборот, пристрелят как загнанную лошадь.

Ну, пристрелить если и могут, то какие-нибудь бандиты или диверсанты, а вот успех всей миссии, какой бы она бредовой Владу не казалась, мог повиснуть на волоске, если кто-то из них троиخ проявит признаки простуды. Чихать в противогазе ой как неудобно, а уж если вздумается пробле@ться, то и вообще смертельно опасно.

Да, миссия. Миссия реально пахла бредом сумасшедшего. В чём она заключалась? Алексей хотел найти выживших с поезда, и он их нашёл. Они ему были для чего-то нужны, но для чего и какова их роль, Влад не понимал. По крайней мере, пока их задача заключалась в том, чтобы идти туда, куда идёт странный пограничник, но который при этом, судя по всему, обладает нешуточными полномочиями. Прав был Гареев, который определил погранца не как обычного вояку, а как человека Конторы.

Влад вспомнил майора и своих знакомых из лагеря для беженцев, с которыми успел серьёзно подружиться. Что с ними случилось? Успели укрыться? Или все погибли? Было такое чувство, что он их последний раз видел не пару дней назад, а пару жизней тому. И не удивительно! Мир за не полных три месяца на глазах Влада изменился до неузнаваемости целых два раза!

Когда они оказались на поверхности, Алексей достал и включил дозиметр, который тут же принялся радостно трещать, напоминая о том, какая именно бомба взорвалась над

городом. Его треск нервировал Влада, но, видимо, только не пограничника. Он притулился к нему на разгрузку и махнул рукой, мол, пошли уже.

— Нам надо выйти на шоссе, что на Москву идёт, — прогудел он из-под противогаза. А для этого нам надо перебраться через реку. Посмотрим, устояли ли мосты.

— А есть ли она ещё, твоя Москва? — пессимистично заметил Влад.

Алекс пожал плечами.

— Скоро узнаем. А как узнаем, так и решим, как действовать дальше.

Они двинулись через парк, и быстро вышли на основную улицу, ведущую к мосту через Волхов, разделяющий город пополам. Им приходилось обходить обломки зданий, перевёрнутые и до сих пор ещё тлеющие автобусы и автомобили. В некоторых из них можно было заметить водителей и пассажиров, которых взрыв застал в пути. Точнее, то что от них осталось.

Обугленные деревья, те, что не были выдернуты с корнем или сломаны взрывной волной, будто зывали к небу о помощи, воздев руки-ветви к небу в последней немой молитве.

Город превратился в руины, наполненные мертвецами. Оплавленное и разбитое стекло, арматура, торчащая из кусков бетона, раскрошенный кирпич, обрывки одежды, бумага... и пепел, везде был этот пепел, который, казалось, в этом новом мире заменил собой снег.

У стены полуразрушенного здания лежало тело в позе эмбриона. Такие фигуры Влад видел на фотографиях из древних Помпей. Вроде всё дело в воздействии высокой температуры на мышцы, они невольно сокращаются, и человек как бы сжимается, принимая такую позу. А вот ещё тело. И ещё одно.

Влад догадывался, что где-то в подвалах наверняка укрылись и выжили люди, но пока они не решались или не могли выбраться на поверхность. Да он бы, на их месте, и не стал. Никто не пытался выбраться на поверхность из подвалов. Было странно ощущать, что

Огромное грибовидное облако ещё вполне себе угадывалось над западной частью города, там, где были основные спальные районы. Всё небо было в в рваных грязно-серых облаках с жёлтыми потёками.

— Кстати, вот эта вся фигня с большим пальцем руки и сравнением его с высотой ядерного взрыва не то, чтобы никуда не годится, но о-очень некорректная, — рассказывал Алекс, пока они ещё сидели под землёй. Владу говорить особенно не хотелось, да и остальным сидельцам тоже, а вот пограничника то и дело прорывало на разговор. — Нам тогда в поезде п-просто п-повезло, взрывы были реально далеко. А так, если видишь, что-то подобное, надо срочно искать укрытие. Нехрен сравнивать высоты гриба со своим п-пальцем. Вот просто сразу: увидел — беги. И прячься. Овраг, сточная труба, да хоть бы и валун какой. П-правда это не спасёт тебя от лучевой болезни разной степени тяжести, особенно, если бомба рванула поблизости, но всё-таки. Как говорил товарищ Сухов, помнишь?

— "Лучше, что бы помучиться", — неохотно отвечал тогда Влад. — Как-то так вроде.

— Ага, — закивал пограничник, — желательно помучиться. А почему? А потому что пока ты жив, то всё ещё может измениться. Всегда остаётся шанс на лучший исход.

— Или на худший.

Алексей не стал тогда отвечать на последнюю реплику Влада.

Они шли по мёртвому городу молча. Картина, представшая их взгляду, не способствовала разговору, да и говорить в противогазах было откровенно неудобно —

приходилось подходить почти вплотную, чтобы что-то расслышать, поэтому общались больше жестами.

Мост, построенный сразу после войны, той другой войны, и простоявший десятки лет, не выдержал удара и рухнул в реку, превратившуюся в серую тусклую массу, неспешно текущую с юга на север. В воде виднелись корпуса затонувших теплоходов.

Здесь пересечь реку было невозможно. Между рухнувшими пролётами было слишком большое расстояние, а лезть в воду зимой было опасно и при обычных обстоятельствах.

Они стояли на берегу и осматривались. До моста слева было далеко и он тоже был разрушен. А вот пешеходный мост справа устоял, хотя и был серьёзно потрепан: пролёты частично обвалились, но судя по всему, по тому, что осталось можно было перебраться на другой берег.

Алексей махнул рукой, указывая их дельнейшее направление. Они вновь двинулись по парку мимо мёртвых деревьев, но уже вдоль берега и стен средневековой крепости.

Кремль не был разрушен полностью, но взрывная волна прошла и по нему. То тут, то там валялись куски крепостной стены. Софийский собор и звонница, судя по всему, готовы были в любой момент обвалиться. Кресты с куполов сорвало, да и сами купола были разорваны, с них сорвало листы обшивки, обнажив рёбра каркаса.

В этот момент над ними пролетел вертолёт.

Глава 17. Из Ада

Вертолёт пролетел прямо над ними и так низко, что можно было различить, что пилоты, как и трое путников на земле, были облачены в спецкостюмы и противогазы. Один из них даже, кажется, посмотрел на людей внизу. Винтокрылая машина была российской, о чем свидетельствовали красные звезды в белом канте и бортовой номер. Первым делом захотелось ему помахать, чтобы пилот обратил на них больше внимания, приземлился и принял их на борт.

Указанные манипуляции тут же осуществила Джессика. Кажется, она даже подпрыгивала на месте, из-за чего рюкзак за её спиной тоже подскакивал невпопад.

— Он не приземлится, — огорчил её Алексей, прогудев из противогаза. — Не положено. Скорее всего, это просто разведка, хотят посмотреть масштабы бедствия и оценить обстановку в целом.

— И что им стоит нас забрать?! — не унималась Джессика, произнося слова с сильным английским акцентом.

— Оставаясь в воздухе, на них налипнет радиоактивной пыли по минимуму, а сядут — вовек потом не отмоются. Да и не факт, что смогут взлететь. Кто его знает, что у выживших людей в голове.

— Выжившие хотят спастись, — вставил Влад.

— Выжившие, прежде всего, непредсказуемы, — резонно заметил Алексей и сделал широкий жест рукой — Тем более после такого.

Они вступили на мост и начали осторожно продвигаться вперёд. Вертолёт, тем временем, по дуге ушел в сторону Москвы, куда планировал добраться и Алексей со своими попутчиками.

— Однако, то, что он тут пролетел уже хорошо, не всё потеряно, — произнёс он, проверяя ногой прочность поверхности моста.

Мост осыпался и даже для его размеров заметно шатался. Крупные куски отваливались и с шумным плеском падали в мутную воду с высоты. Правая сторона обрушилась, и пройти можно было только по узкой полосе вдоль левых перил.

Они шли осторожно, держась за перила, след в след за пограничником. Влад подумал, что неплохо было бы использовать верёвку, которую можно было бы перекинуть через перила, и таким образом подстраховаться от падения в мутную воду, что и предложил Алексею.

— Не, — не согласился тот, — А если кусок отвалится, и ты вместе с ним рухнешь? Не уверен, что успеешь отвязать его, так вместе с ним на дно и пойдёшь. И в связке идти, я бы не стал по той же причине. Не тот случай.

Цинизм Алексея несколько покорёжил Влада, он живо представил, как падает в вялотекущие воды, а пограничник просто провожает его взглядом. Но стоило признать, что логика в такой постановке вопроса была.

Идти приходилось осторожно, проверяя каждый метр перед собой, поэтому путь, который раньше занял бы от силы минуту-две, сейчас отнял у них времени раз в десять больше, и это им ещё повезло. За ними постоянно что-то сыпалось и крошилось, а снизу раздавались всплески.

Вот они, наконец, достигли верхней точки моста.

Взгляд Влада скользнул по навешанным на страховочном ограждении замкам разных величин и фасонов. "Дурацкий обычай", — подумал он. Смысла в нём не было никакого, тем более, что наверняка многие из тех, кто их тут оставили и выбросили ключ от замка в воду в надежде на крепкий и долгий брак, уже успели развестись, некоторые даже по несколько раз.

Аля тоже хотела тогда навесить замок, но Владу хватило шумной и дорогой, по его мнению, свадьбы, ведь, по большому счёту, это были деньги, выброшенные на ветер. Чего стоило только пережить все эти дурацкие шутки-прибаутки тамады, которого где-то раскопали родственники жены. Он тогда ещё несколько дней приходил в себя, да и потом то и дело на него накатывали волны испанского стыда.

Можно ведь было спокойно расписаться, сделать фотосессию и посидеть в кафе. Но нет, Аля была не такой человек. Иногда ему казалось странным, что они познакомились и сошлись, настолько они были разными по характеру.

В одном месте полоска оставшегося моста, по которой можно было пройти, была совсем узкой, можно сказать, что это были одни перила, висящие над рекой. Алексей уже прошёл её и обернулся посмотреть, как там его подопечные. В это момент в опору моста ударил дрейфующий и давший сильный крен на левый борт теплоход. Такие здесь летом часто ходили по реке и по озеру — катали туристов.

Мост содрогнулся, и Влад потерял опору под ногами. Алексей замер, не в силах как-то помочь, а шедшая за Владом Джессика, взвизгнув, вцепилась в перила.

Влад оступился и повис на одних руках. Его сердце билось как бешеное, а рюкзак и винтовка тянули вниз, противогаз откровенно мешал дышать.

Главное — не смотреть вниз, главное — не смотреть. Почему, при этом всегда хочется посмотреть? Влад не боялся высоты как таковой, но он никогда и не стремился подойти к краю какого-нибудь обрыва или крыши высотки, чтобы проверить себя. Зачем? Ведь и так всё хорошо.

Он скосил взгляд, и голову повело, а руки предательски ослабли.

По обе стороны от него стояли два человека, которые ничего не могли поделать в этой ситуации и всё, что им оставалось — с напряжением ждать, чем всё закончится.

Где-то там внутри, Влад раздобыл ещё немного сил для решающего рывка. Выдохнув, он закинул ногу на край, и рукам сразу стало легче, но это ещё не конец. Надо подтянуться, держась за широкие перила руками в неудобных перчатках, готовых соскользнуть в любую секунду. Было бы глупо утонуть в реке, пережив ядерную бомбардировку.

Собрав остатки сил, он сделал рывок, потом ещё один, и вот он уже стоит на двух ногах на шаткой осыпающейся конструкции, но сила инерции его толкнула вперёд и он, чуть было, не перекинулся через перила с другой стороны.

Внизу в мутной холодной воде вяло текущей реки плыли обломки катеров, лодок, зданий, и тела, много тел. Искалеченные и обожжённые взрывом они плыли по своей реке мёртвых. Только Харон их не встретит и не переправит в царство мёртвых, наверняка он махнул своей костлявой рукой на весь этот ужас и уплыл писать заявление по собственному желанию, не справившись с таким наплывом клиентов.

Картина плывущих тел пугала и завораживала одновременно. Они словно манили пойти за ними. "Только мёртвые видели конец войны" всплыло в голове древнее изречение. Да, им уже всё равно, они уже отмучились.

Влад стал осторожно продвигаться дальше и вскоре уже стоял на прочном основании,

где он тут же упал на колени, а потом завалился на бок. Пот заливал глаза, из-за чего те нестерпимо жгло. Хотелось содрать противогаз и расчесать веки.

— Ну, ты как? — Алексей одобрительно похлопал его по плечу. — Не вздумай снимать. Остынешь — пойдём дальше, всё п-пройдёт.

Влад только лишь кивал, что, мол, всё норм, хотя в реальности было совсем наоборот. Противогаз его душил, и он испытывал жгучее желание сделать вдох полной грудью без этой резиновой душегубки на голове.

Алексей тем временем подошёл к краю и махал Джессике, отдавая указания, где и как надо идти. Та послушно выполняла всё, что могла понять, и не торопясь осторожно двигалась по мосту, медленно переставляя ноги и удерживаясь за ограждение.

Шаг за шагом, минута за минутой, и вот она уже стоит рядом. Влад к этому моменту уже более-менее пришёл в себя и сидел прямо на асфальте, рассматривая свой костюм на предмет повреждений. Если что, то можно будет залепить дыру прихваченным скотчем. Но нет, костюм, не считая легких потёртостей, выдержал приключение на мосту, не позволив Владу напитаться лишней радиацией.

Дождавшись американку, они ещё немного передохнули и двинулись дальше. Необходимо было как можно скорее покинуть заражённую зону, иначе фильтров для противогазов могло не хватить.

Они шли по большой улице, которая должна была вывести из города на шоссе в сторону Москвы. Эта часть города пострадала не так как та, где они укрывались, но взрывная волна прокатилась и по ней. Дома смотрели на путников пустыми глазницами выбитых окон. Кое-где ещё продолжался пожар, и столбы сизого дыма поднимались в серое и пасмурное зимнее небо.

Парк, где когда-то находилось колесо обозрения, превратился в лес из ночных кошмаров с присыпанными пеплом деревьями, и абсолютным отсутствием жизни. Нет птиц, нет белок, нет собак и кошек. Нет ничего. Только чёрные стволы, скрюченные предсмертной судорогой.

— Смотри! — Влад обратил внимание Алексея на движение возле одно из домов.

— Вижу, — ответил пограничник.

Из подвального окна на поверхность, будто демоны из преисподней стали вылезать измождённые фигуры. Уцелевшие люди рискнули выбраться наружу, но здесь их не ждёт ничего хорошего. Только надышатся радиоактивной пылью, что лишь затруднит их дальнейшее лечение.

Сначала вылезла одна фигура, мужчина, потом он принял из окна фигуру поменьше, и ещё одну — дети. А вот, наверное, их мать.

— Вы — спасатели?! — они бросились к незнакомцам.

Вот чёрт! Они приняли их за спасателей. Видимо, выглядывали наружу, а тут люди в полной защитной экипировке. Что ещё они могли подумать? Естественно, что наконец-то пришла помощь. Не хотелось их разочаровывать, но...

— Стойте! — Алексей поднял левую руку в останавливающем жесте, а правой сняв с предохранителя автомат.

От людей в такой ситуации можно ждать чего угодно, и какой угодно реакции. А если их тут много и они начнут вылезать из своих укрытий, ринувшись к мнимым спасателям? А когда они не получают ожидаемой помощи, то что тогда? На кого они выплеснут свою обиду и разочарование? Ответ бы настолько очевиден, что Влад тоже положил руку на СВД, на

всякий случай. Движение получилось каким-то естественным, как будто он всю жизнь так делал.

— Мы оперативная группа разведки, — начал разговор Алексей. — Мы только оцениваем ситуацию. В ваших интересах вернуться в убежище и ждать основных сил спасателей.

— У нас закончилась вода, мы не успели собраться, еды нет.

Что делать? Дать консервы и воду из рюкзака? Влад заметил движение в других окнах. Всех не накормишь, а эффект может получиться такой, что толпа выживших их тупо обнесёт и хорошо, если только ограбят. Одно дело оставить припасы женщине с ребёнком, с которыми сидели в колодце городских коммуникаций, переживая взрыв, другое дело засветить продукты перед напуганной и голодной толпой.

Похоже, что Алексей думал аналогичным образом, он продолжал вежливым, но твёрдым голосом давать указания и советы, как можно выжить, и обнадеживая словами, что помощь уже в пути и будет со дня на день.

— Вам нельзя выходить на улицу, здесь опасно, понимаете? Здесь радиация и без специального снаряжения нахождение на открытом воздухе смертельно опасно, — пытался объяснить пограничник.

— Нам нечего есть, — продолжал повторять незнакомец, за которым маячили двое детишек и их мать.

Он сделал несколько шагов в сторону путников.

— Прошу вас, возвращайтесь в убежище. Лучше находиться в подвале, или любом другом закрытом помещении, чем на улице. Закройте все щели и ждите спасателей.

Но мужчина продолжал приближаться.

— У нас нет воды, прошу вас, помогите! Дети хотя пить! — в его голосе появились истеричные нотки.

— Прошу вас не приближаться! — всё также вежливо, но уже гораздо более настойчиво произнёс Алексей.

— Дайте воды, сво...! — выкрикнул мужчина.

"Твою мать!" — только и успел подумать Влад.

Мужчина рванул к пограничнику и тот нажал на спусковой крючок, выпустив в воздух короткую очередь. Влад вздрогнул от неожиданности, но потом перехватил винтовку, прямо не направляя её на людей, но показывая, что готов стрелять в любую секунду.

Мужчина заметался, будто бездомный кот под колёсами автомобиля, схватил в охапку детей и скрылся там же, откуда появился. Женщина осталась стоять на месте и только мелко дрожала, выпучив глаза.

— Всё, — скомандовал пограничник, — пошли! Быстро! Пока они не опомнились.

Из окон ближайших домов, привлечённые шумом стрельбы, выглядывали испуганные измождённые лица. Как скоро страх получить пулю сменится гневом и чувство голода и жажды пересилит инстинкт самосохранения? Да, надо было уносить ноги, и как можно быстрее. Троица ускорила шаг, оглядываясь по сторонам, и держа оружие наготове.

Нет, за ними никто не бросился в погоню. Отдельные люди лишь выходили на улицу и смотрели им вслед, да поглядывали украдкой из окон цокольных этажей. Через полтора часа Влад и Джессика в сопровождении пограничника пересекли условную границу города — за их спинами осталась соответствующая стела с названием населённого пункта.

Так они прошагали ещё несколько часов, пока не встретили первых военных и

спасателей. Точнее, их тормознул секрет, состоящий из пяти бойцов, тоже облачённых в защитные костюмы и противогазы. Они появились внезапно по бокам шоссе из придорожного кювета, нацелив на путников автоматы и обступив их так, чтобы исключить попадание под перекрёстный огонь.

— Стоять! Руки за голову! — прокричал один из них. — Кто такие, и куда направляетесь?!

Признаться, держать руки за головой в защитном костюме было неудобно, но провоцировать солдат тоже не хотелось, а то пристрелят и разбираться не будут.

— Свои! — как можно добродушнее ответил Алексей. — Документы в кармане! — он указал пальцем поднятой руки, где их можно найти. — И мне бы связаться с твоим командиром, боец.

Влад и Джессика продолжали стоять с поднятыми руками. При этом когда они покидали город, Алексей чётко дал понять, чтобы его спутники молчали, в присутствии других людей и тем более, военных, особенно это касалось американки. Акцент выдаст в ней англоговорящую иностранку, и то, что в первый раз с ней обошлись по-божески, во второй раз может уже так не повезти. Ещё не известно, что лучше будет: сразу пулю в лоб пустят, или отправят на допрос с пристрастием, при этом главным в допросе будет не получение информации, а сам процесс допроса.

— Доставай! — приказал боец. — Без резких движений!

Видимо, он был главным в этой команде. Он осторожно, продолжая держать пограничника на прицеле, принял у того документы. Отошёл, чтобы ознакомиться. Потом рукой показал своим, чтобы бойцы продолжали держать путников на прицеле, и жестом подозвал к себе Алексея.

Тот подошёл и они о чём-то говорили несколько минут. Командир отряда несколько раз с кем-то связывался по рации и один раз передал её Алексею, чтобы тот тоже мог говорить. Потом главный жестом показал своим, что те могут опустить оружие, всё это время они держали Влада и Джессику на прицеле.

— Всё, — сказал вернувшийся Алексей, — нас доведут до ближайшего лагеря, который разворачивают в пяти километрах отсюда. Вроде всё в порядке.

Командир выделил в сопровождение двух человек, в связи с чем Влад решил, что он всё-таки не сильно доверят появившейся из самого пекла троице, а может быть, просто инструкции были такие.

Они шли ещё около часа, по пустынной дроге, на которой, тем не менее, время от времени появлялись военные автомобили и блокпосты, и это вселяло осторожную надежду, что ещё не всё потеряно. В какой-то момент они прошли мимо поля, на котором готовился транспорт, явно предназначенный для работы в месте поражения. Значит, спасатели всё-таки придут на помощь и шансы на выживание у людей, оставшихся в городе не нулевые.

Когда они, наконец, дошли до обозначенного лагеря, их отправили в зону для дезактивации, где обработали со всех сторон и по несколько раз. Наконец, они могли снять костюмы и противогазы.

Влад глубоко вдохнул воздух. Обычный холодный зимний воздух. Никогда ещё в жизни ему не приходилось носить противогаз так долго. Да собственно никогда он его и не носил, если не считать одного случая на работе, когда их учили ими пользоваться.

Потом, в такой же полевой бане они, наконец, смогли помыться.

Потом их осмотрел врач. Он ничего не сказал ни Владу, ни Джессике, общался только с

Алексеем, но когда дверь приоткрылась, Влад смог расслышать слова "легкая степень лучевой болезни, могло быть хуже". Медсестра что-то быстро записывала в карточку.

Касалось ли это состояния их всех или только Алексея, он не понял. Понятно было только, что они не смогут читать книги без электрического освещения, и что не помрут в муках в ближайшие дни. Это несколько обнадеживало.

Хотелось спать. Но ещё сильнее хотелось есть. После того, как они помылись и прошли медосмотр, их отвели в столовую, в которой никого кроме них и персонала не оказалось.

— Вы прямо оттуда? — только и спросил солдат в белом фартуке и таком же колпаке, когда наливал им в тарелки наваристого горохового супа из огромной кастрюли.

Влад только кивнул. Говорить не хотелось. Как описать парой слов, то, что ты пережил ядерный взрыв, сидя под землёй, еле успев запрыгнуть в колодец в последний момент? Как описать то, что творилось на поверхности, и чего ты не видел, а если бы увидел, то сейчас здесь бы не находился.

Солдаты и сотрудники лагеря смотрели на них, как на тех, кто спустился в Ад, а потом вернулся оттуда. И это они ещё не знали, что, если принять рассказ пограничника за чистую монету, то Сатана идёт за ними буквально по пятам.

Что стало с лагерем, где работал Влад? Сколько человек успели эвакуировать? Сколько спаслось? Судя по тому, что они увидели, когда вылезли из колодца, как по реке плыли тела, шансов выжить было немного.

Они сидели в столовой и молча ели. Не тошнит. Это хорошо. Пока хорошо. Зубы вроде не шатаются. Волосы... вроде бы не выпадают больше, чем обычно. Или для клинических проявлений лучевой болезни должно пройти какое-то время? Должно быть всё зависит от степени облучения.

Влад понял, что его начинает одолевать невроз. Схватил он дозу или нет, какая, в конце концов, разница, если уже ничего нельзя изменить. А если ты никак не можешь повлиять на события, то и переживать из-за этого не стоит. Как там было написано: "Вы что, вечной жизни захотели, обезьяны?!"

Они сидели в полевой столовой, генератор мерно тархтел в углу, освещая скромную обстановку и давая какое-никакое тепло, гороховый суп был съеден, теперь в мисках были макароны с тушёнкой, в чашках — горячий сладкий чай. Алексей достал фляжку, и откуда-то два гранёных стакана.

Открыв фляжку, он на два пальца наполнил стаканы, один из которых пододвинул в сторону Влада. В воздухе повис коньячный аромат.

— Где Джессика? — спросил Влад, принимая стакан. — С момента дезактивации он её не видел.

— У себя в палатке, — ответил Алексей. — Я её отвёл туда, чтобы не отсвечивала. Местное командование знает, кто она, но лучше, ей не ходить за нами. Не переживай, голодной она не осталась.

Алексей поднял стакан, и, не дожидаясь ответной реакции от Влада, выпил всё залпом. Влад же задумчиво держал стакан с коньяком навесу.

— Скажи, а ты стал бы стрелять? — вдруг спросил он, так и не отпив из стакана.

— Когда?

— Ну, тогда в городе, когда выжившие у нас просили еды.

— Так я и стрелял.

— Нет, я не о том, — замотал головой Влад. — Ты стал бы стрелять по ним?

Алексей серьёзно посмотрел в глаза Владу.

— Слушай, ты вроде умный человек, а задаёшь вопросы, на которые и так знаешь ответы, — пограничник отхлебнул из стакана, показывая, что эта тема для разговора закрыта.

И действительно, зачем задавать вопросы, ответы на которые заранее известны. Тем более, что сам Влад давно ответил для себя, стал бы он стрелять, если бы ситуация вышла из-под контроля.

— Я — спать, — оповестил его Алексей, встал из-за стола и удалился.

Влад тоже залпом опрокинул содержимое стакана в себя. Жидкость обожгла пищевод, и по телу растеклось приятное тепло. Вроде как красное вино помогает при облучении, выводит радионуклиды, подумал он. А может, это просто маркетинговый ход виноделов.

Влад достал свой дневник, чтобы сделать очередную запись.

Глава 18. Новый день нового года

В новом полевом лагере (уже втором для Влада, только теперь он был не сотрудник, а, скорее, беженец) из пострадавших, кроме них, было всего несколько человек, сумевших добраться до него самостоятельно, и то их определили в зону для поражённых радиацией, так как в отличие от Алексея и его спутников, они не имели такого защитного снаряжения, и осадков с пылью на них на них налипло более, чем достаточно. Сколько им осталось, не известно? Хотя, доктор сказал, что могут ещё выкарабкаться, но без последствий, в любом случае, не обойдётся. Последствия бомбардировки японских городов, аварии на Чернобыльской АЭС или испытаний сказывались на людях потом ещё десятки лет.

Снаружи все готовились к тому, чтобы отправиться в эпицентр и начать вытаскивать тех, кому ещё можно помочь. На шоссе выстраивались колонны спецтранспорта, вокруг которого суеился народ в мешковатых комбинезонах. Ни средств, ни техники не хватало, и это было заметно невооружённым взглядом. Тем не менее, к полевому лагерю подъезжали новые цистерны с дезраствором и устанавливались "душевые", как их в уме назвал Влад, для беженцев и рамки для автотранспорта, через который должны были его прогонять по возвращению.

После того как их ещё раз осмотрели врачи — Владу обработали и наложили свежую повязку на раненую руку, выдали радиопротекторы — и дали возможность привести себя в порядок, их отвели на допрос, очередной. Допрашивали одновременно и в разных помещениях. Не удалось отвертеться даже пограничнику. Особый интерес проявили, понятное дело, к американке, и даже Алексею не позволили присутствовать на допросе, как бы он не протестовал и не угрожал своими полномочиями, которые, однако, как понял Влад, Москва ещё не подтвердила.

Сам факт того, что Москва не подверглась удару в ходе последней атаки, уже обнадеживал, хотя и вызывал некоторые вопросы. Например, почему сейчас по ней не ударили? Огромный мегаполис, переполненный беженцами и до сих пор сохраняющий административное и политическое значение как командный центр, является привлекательной целью для нанесения удара, и не факт, что текущее состояние противоракетной обороны смогло бы обеспечить надёжную защиту городу.

И даже с учётом того, что часть командных функций наверняка уже давно дублируется из других мест, нанесение удачного удара по столице противника — удачный пропагандистский шаг. Тем более, что Москва сейчас это в большей степени символ, а не единственное место из которого поступают приказы вооружённым силам.

Так неужели причиной для последней атаки была исключительно их довольно сомнительная тройца? Неужели контуженный пограничник прав, и жизни пассажиров злополучного поезда имеют какое-то весомое значение? Но для чего? Влад напрочь отказывался принимать ситуацию, при которой целый город подвергли бомбардировке только из-за него, или случайным образом оказавшейся не в том месте и не в то время американской туристки. Это было не логично. Это звучало безумно само по себе. Тем более, что, как показал их опыт, никакой гарантии уничтожения целей не давал даже ядерный удар.

Впрочем, мир вокруг уже давно не отличался здравомыслием и летел в пропасть на всех парах, постоянно набирая ускорение, и даже не стараясь хоть как-то зацепиться за края обрыва. И тот, кто отдавал команду об атаке, мог руководствоваться какими-то только ему

известными мотивами.

Единственное, что смог узнать Влад, это то, что это не была та самая Вторая волна, которой все так опасались, хотя ему, как человеку пережившему бомбардировку, от этого не было сильно легче. Однако, речь шла всего лишь о нескольких ударах в разных частях России, которые никак не соответствовали данным расчётов о сохранившихся запасах ядерного оружия у противника, да и системы в них никакой не просматривалось. Добавьте сюда другие виды оружия массового поражения, которые пока ещё не пустили в ход. По крайней мере, ему о таких фактах известно не было. Если где-то и произошла утечка химических отравляющих веществ, так для этого было достаточно попадания обычной авиационной бомбы, как говорится, куда надо.

Допрос вели какие-то местные особисты с уставшими, и оттого непроницаемыми, лицами. По ним было видно, что они нормально не спали как минимум уже вторые сутки, находясь в постоянном стрессе.

— Имя? — равнодушно спросил один из них, по погонам майор. Подполковник — тот, что второй — молча сидел в стороне.

— Владислав, — почти таким же голосом ответил Влад, очень сильно хотелось спать.

— Фамилия?

— Алексеенко.

— Звание?

— Рядовой запаса.

— Место работы?

— Вы серьёзно? Опять?

Особисты переглянулись, после чего тот, что сидел в стороне, предложил записать, где Влад работал до войны. При этом Влад не сомневался, что данные по нему должны были быть уже получены и несколько раз перечитаны. Ну, что поделаешь, раз порядок такой. Он перечислил места, в которых ему довелось поработать за свою жизнь, в том числе упомянул лагерь беженцев у себя в городе, в который устроился, когда прошлый работодатель свалил из города с деньгами фирмы, как только на горизонте выросли первые ядерные грибы.

Дальше допрос пошёл по привычной по схеме: кто, что, когда, зачем и почему. Откуда знаешь того-то и того-то, видел ли раньше, а мог ли видеть, почему не обратился сразу туда-то и туда-то и так далее. Очередной допрос, думал Влад, что же, их было не мало за последнее время, переживу и этот.

В ходе допроса, помимо прочего, особисты очень интересовались, как это так они оказались подготовлены к предстоящей атаке, лучше всех остальных? Как так получилось, что они затарились комплектами КЗИ и противогАЗами, да ещё расхаживают с оружием по дорогам. И какого хрена погранслужба делает так далеко от непосредственной границы.

Влад не стал ничего придумывать, так как от Алексея никаких указаний на этот счёт не поступало, ни о какой совместно выработанной позиции в случае допроса они не договаривались. Да и зачем она? Тут скрывать-то особо было нечего.

Поэтому Влад рассказал, как оказался в Управлении полиции, как раздался сигнал тревоги, известивший о приближении ядерной ракеты и как они, выскочив из здания, хотели рвануть на машине к бомбоубежищу, но "тигра" на месте не оказалось. Как они бросились в парк, а там — в колодец теплотрассы. Как там оказалось снаряжение, он не знает и пояснений дать не может.

Как в городе оказался представитель погранвойск, или как они там называются, он не

знает, структуру вооружённых сил и уж тем более Федеральной службы безопасности знает лишь в общих чертах, о полномочиях и задании капитана Плетнёва (вот оказывается какая фамилия у пограничника!) ничего не знает.

Он лишь благодарен ему, что захватил его с собой, когда побежал искать укрытие от надвигающегося конца света. И да, в том колодце остались ещё два человека: мать с ребёнком, и их не помешало бы вытащить, а то еды, и тем более, воды им надолго не хватит.

Наверняка, американка рассказала примерно всё то же самое, с небольшими поправками на то, что некоторое время до взрыва она находилась без сознания, получив оплеуху от пограничника. А так, всё должно было быть один в один.

А о том, как в колодце оказались защитные комплекты и оружие, это уже пусть Алексей рассказывает, скорее всего, у него на этот счёт заготовлен не один вариант правдоподобной истории, к тому же, как ни крути, выходило, что он реально имел отношение к соответствующим структурам. Уж насколько он был пограничником, не известно, но держался среди военных уверенно и по делу. Гражданский бы себя так вести не стал.

А вот про то, что им рассказал пограничник в здании полицейского управления (по совместительству регионального управления ФСБ) лучше помалкивать, хотя бы просто из желания не прослыть тронувшимися на почве попадания под ядерную бомбардировку. Учитывая то, что, по одной из версий, атака была произведена, чтобы уничтожить всего-то нескольких человек, тебя могли упечь в "дурку" и дальше бы ты рассказывал эти истории консилиуму специалистов от психиатрии.

"Да-да, и в яму закопал" — вспомнилась фраза из старой комедии.

Как там в другом уже американском фантастическом боевике говорил психиатр: "Её видения необычно логичны и структурированы". Как-то так вроде. А Владу хватало своих видений, которые то и дело накатывали ночными кошмарами, не давая ему толком спать.

В итоге их отпустили без особых указаний и ограничений, даже охрану не приставили. Наверное, решили, что бежать им всё равно особо некуда. А может, пока их трясли особисты, из Москвы пришло подтверждение полномочий Алексея и от них, по крайней мере, на какое-то время отвязались.

— Про женщину с ребёнком в колодце рассказал? — решил всё-таки после допроса уточнить Влад, когда они стояли на улице у вагона на колёсах, который тут играл роль своеобразного штаба.

— Да, — утвердительно кивнул пограничник.

Влад заметил, что пограничника что-то беспокоило. Выглядел он гораздо серьезнее, чем обычно. Скорее всего, причиной этому был не допрос. К нему он явно был готов и не сильно переживал за его исход. Было ещё что-то, о чём он пока предпочитал не говорить. И нет, это были явно мать с ребёнком в колодце. Про них, складывалось ощущение, капитан вообще предпочитал не думать. Сдал информацию о месте нахождения — спокоен.

Оставалось только предположить, что причина осталась за дверями допросной, и, судя по всему, она не касалась неподтверждённых полномочий. Видимо, поступила дополнительная информация, которую он пока держал при себе.

Алексей внимательно посмотрел на то, как Влад, закончив с ужином и отнеся поднос с тарелками на кухню, достаёт свой блокнот и делает очередную запись. Влад перехватил заинтересованный взгляд капитана:

— Что не так? — спросил он.

— Да нет, ничего — развёл руками Алексей, — п-просто, это типа дневник, да?

— Типа, да.

— Зачем ведёшь? — продолжал любопытствовать Алексей.

— Помогает не свихнуться, — ответил Влад.

— Не пойми не правильно, только разве человеку с нормальной психикой нужны такие костыли для разума как дневник?

— А может у меня психика давно уже не нормальная, не думал?

— Ну-да, ну-да, — капитан отхлебнул сладкого чая из стакана в подстаканнике. — А там сильно личное?

Влад тяжело вздохнул. В людях он очень ценил прямолинейность, и крайне не любил всяких экивоков и обходных манёвров. Если тебе что-то нужно, так и спроси, не теряй время. Надо денег в долг — спрашивай, а не юли, всё равно тебе не дам. Нужна помощь по работе — попроси, может быть смогу помочь, или нет, но время не теряй.

— Если хочешь посмотреть записи, так и скажи, — он захлопнул блокнот и протянул его капитану, но на полпути остановил руку, из-за чего рука Алексея, протянувшаяся было подхватить книжку, замерла пустой в воздухе. — Но ты мне расскажешь, зачем она тебе понадобилась.

Влад не сильно переживал за то, что его сокровенные мысли станут достоянием кого-то другого, тем более, что их-то как раз он держал при себе и не изливал душу на страницах дневника. Дневник в большей степени содержал записи и описания всяких интересных событий, а их с октября, было столько, что приходилось выбирать, о чём писать.

Иногда он записывал свои сны, не все, конечно, если записывать весь тот бред, который обыкновенно снится человеку, никакой бумаги не хватит. Нет, он записывал те, которые производили на него наиболее сильное впечатление и были и в самом деле логичны и структурированы. Хотя и оставались не более, чем просто сны.

Зачастую ему снилась Аля. И в такие минуты ему не хотелось просыпаться. Там, во сне она была живой. Весёлой, нежной и живой. От таких снов становилось грустно, потому что приходилось просыпаться. А в реальности Али уже не было.

И да, он сделал запись о смерти Али. И нет, страницы не были залиты слезами или кровью, на них не было словесного заламывания рук и обращения к Богу с сакраментальным вопросом "За что?" и "Почему?"

Просто дата. Просто запись: "Алю убили".

— Надо кое-что п-проверить. Ты же там записывал истории беженцев, так? — Алексей продолжал держать руку навесу.

— Иногда, да, — он всё-таки передал блокнот Алексею. — И что?

— Может и ничего, но я хочу для начала убедиться, — он стал перелистывать страницы, быстро пробегая их глазами.

Иногда он останавливался на какой-то записи, вчитывался более подробно, потом опять листал дальше. Иногда возвращался обратно.

— Я оставлю у себя? — спросил он у Влада. — Обещаю вернуть.

Влад только пожал плечами в ответ, мол поступай как считаешь нужным. Делать в столовой ему было больше нечего. Набросив выданную куртку, он собрался отправиться в свою палатку. Надо было выспаться, того и гляди, пограничник решит сорваться с места и отправиться в Москву, о чём он как-то обмолвился в разговоре с Владом. Или ещё куда. Кто знает, что у него в голове.

— После допроса тебя что-то насторожила, я правильно понял? — внезапно решил

спросить Влад. — Если это касается нас, не хотелось бы быть в роли слепых котят.

Лицо пограничника, листающего дневник, стало серьёзнее, чем обычно и как будто бы замерло. Всё-таки скрывать эмоции получается не всегда. Он оторвался от чтения и взглянул на Влада.

— Это касается всех нас, Влад, — ответил он. — Но пока я ничего рассказать не могу. Надо разобраться.

Оставалось лишь молча удалиться, тем более, что спать хотелось всё сильнее и сильнее.

Выйдя из палатки соловой он направился к своей почти через весь лагерь. Поравнявшись с дорогой, он увидел, скопившиеся автомобили с тюками на крышах и в оттопыренных багажниках. Нет, это не были люди из города. Вряд ли там оставалась хоть какая-то рабочая техника. Скорее всего, какие-то другие беженцы, которые решили, что оставаться в их населённом пункте без снабжения не имеет смысла.

Часть народа толпилась у автомобилей, как правило, это были мужчины, скорее всего, отцы семейств. Женщины и дети сидели внутри, ожидая дальнейшего развития событий.

Военные в защитных костюмах осматривали транспорт и пассажиров, делая замеры радиационного фона. Если будет превышение норматива, их отправят в "душевую", а заражённые пожитки так и вообще отправят на утилизацию. Но судя по происходящему, пока всё было спокойно.

Людям предложили остаться в лагере, но колонна из нескольких автомобилей явно намеревалась проехать дальше после улаживания формальностей и получения пропусков, которые им теперь однозначно понадобятся. Без бумажки ты букашка...

Задерживать без лишней необходимости их никто не собирался, так как совсем скоро здесь могла возникнуть совсем другая проблема — нехватка мест для всех пострадавших. Поэтому командование проводило вынужденную сортировку.

С неба начинал падать редкий снег, но учитывая спокойствие военных и мерное потрескивание дозиметра, можно было понять, что пока осадки не представляют радиационной опасности. Да, теперь даже снег может быть опасен так, как никогда до этого не был.

Наконец, Влад дошёл до палатки, в которой им местное командование выделило три койки. Он прошёл через всю палатку туда, где у самой брезентовой стены лежала, накрывшись шерстяным одеялом, Джессика, и присел на край своей, стараясь не шуметь и не разбудить невольную спутницу.

Американка лежала, отвернувшись на раскладной кушетке и спала. Так, по крайней мере, показалось Владу. Он бы и сам не прочь был забыться сном. Второй день в лагере их допрашивали по несколько часов, что выматывало само по себе.

Внутри палатки было тепло, обогреватель, как и освещение работали от переносного дизельного генератора, мерно тархтящего где-то за брезентовой стеной. Налетающий порывами ветер периодически запускал по стенам волны, из-за чего брезент хлопал подобно полощущимся парусам.

— Влад? — не оборачиваясь, подала голос Джессика.

Он в очередной раз удивился тому, как хорошо она говорит по-русски. Почти без акцента. Свои же знания в английском языке Влад постепенно терял, не имея нормальной практики общения, а просить Джессику, по понятным причинам, было не к месту. Не до жиру, быть бы живу, как любила говорить его прабабка, сначала потерявшая мужа в Финскую войну, а потом братьев в Великую Отечественную, и испытывавшая на себе все

прелести немецкой оккупации с венгерским душком.

— Да, — откликнулся он.

— Как ты думаешь, куда он нас ведёт? — она тщательно подбирала русские слова, стараясь не делать ошибок в падежах и склонениях. — И зачем?

— Я знаю не больше твоего, Джессика, — и это было правдой. — Только то, что он рассказал нам тогда, в полиции.

— Ты ему вообще веришь? — её голос был уставшим и слегка осипшим.

Плакала? Может быть. Учитывая всё ими пережитое и то, что пограничник особенно не деликатничал, когда сообщал, что город, в котором жили её родители, был также уничтожен. Понятно, что надежды на то, что они смогли выжить, были, мягко говоря, призрачными.

Одно дело остаться в живых во время взрыва боеголовки, другое дело — выжить после: воздух наполнен радиоактивными частицами, фонит буквально всё вокруг, ну и дождь, тот самый радиоактивный дождь, который выпадает образовавшегося облака.

Так что если вы каким-то чудом выжили в время взрыва, не испарившись во время вспышки, а оказались на достаточном удалении от эпицентра и вас не разорвало взрывной волной и не завалило обломками, то у вас всегда есть возможность схватить дозу, надышавшись радиоактивной пылью или попав под такие же осадки.

— Я уже не знаю, чему верить. Мир перевернулся с ног на голову, и долбиться башкой об асфальт, — замотал головой Влад и провёл ладонями по лицу. — Знаю только, что у меня пока есть хоть какая-то цель в этой жизни. А иначе что? Воевать? Это какая-то другая война. Всё кругом горит, но вражеских войск не видно. Просто взять автомат и пойти убивать, надеясь, что американская пуля прекратит всё это, я... я не знаю...

Он запнулся, вспомнив, что перед ним гражданка той страны, которая прямо или опосредованно причастна к развязыванию войны, и к смерти Али. При других обстоятельствах, он должен был бы ненавидеть Джессику, и даже, не исключено, попытаться её убить. Но почему-то ненависти он не испытывал. Жалость. Сопереживание. Усталость. Очень большая усталость, которая давила на веки, заставляя их закрываться.

Странно, очень странно. Вроде вот перед ним воплощение режима, ответственного за миллионы и одну смерть, но никакой злобы не было. Только усталость.

— И ты просто будешь следовать за ним? — спросила она, всё так же не оборачиваясь.

Влад поймал себя на мысли, что американка негативно относится к Алексею, что, учитывая обстоятельства знакомства, не было удивительным, однако, а какие были варианты? Да, Алексей был тем гонцом, который принёс вести о гибели её родителей и друзей в результате ответного удара. Да, он вырубил её ударом в челюсть (синяк до сих пор красовался на левой стороне лица), но как бы поступил сам Влад? Наверное, тогда это был наиболее эффективный и рациональный способ решения возникшей проблемы сохранения её жизни. Если американка не хотела или не могла идти с ними, её надо было заставить. Знать бы ещё, зачем она ему понадобилась. Зачем они вообще ему нужны живыми? А пограничник именно, что хотел сохранить им жизни, по крайней мере, до определённого момента.

— А что мне остаётся?

— Разве ты не можешь не идти?

Джессика повернулась на другой бок и посмотрела Владу в глаза. Её веки действительно были розовыми и припухшими от слёз. Ветер снаружи продолжал полоскать брезентовые стены.

— Я не вижу причин не следовать за ним.

Джессика поднялась со своей кровати, сделала шаг и села рядом с Владом, взяв его за руку. Он не стал её одёргивать.

— Мы поедem в Москву?

— Вероятно.

— И что он хочет там найти? — спросила Джессика. — Я слышала, что нам надо добраться до Сарова. Это вообще где?

Влад попытался вспомнить, где слышал это название. Кажется какой-то закрытый город. По крайней мере, был таким в советское время, а как дела обстоят сейчас, Влад не знал. Скорее всего, тоже город с особым режимом въезда-выезда. В памяти всплыла история с российскими спортсменами, которые тренировались в закрытом городишке, а комиссары WADA, которых туда не пустили, сделали из этого вывод, что атлеты там принимают тонны секретного допинга.

Но почему он не сказал об этом обстоятельстве Владу? Нет, капитан, конечно, не обязан просто так по доброте душевной делиться с ним информацией, если не считает это нужным, но всё-таки...

Мысли завертелись в голове Влада, цепляясь одна за другую выстраивая цепочку фактов и предположений, но усталость продолжала давить на сознание, и все умозаключения терялись в тумане неопределённости. К тому же сидящая рядом Джессика вольно или не вольно не давала сосредоточиться.

Таких американцев, как она, сейчас по России не один десяток, если не сотня, что уж говорить о других иностранцах из государств, внезапно ставших России глубоко враждебными. В чём они виноваты? По большому счёту от них ничего не зависело, и вешать на них всех собак, это уподобляться небратьям из страны победившей гидности. Правда, что касается Украины, то обстановка там сейчас далеко не однозначная, если верить официальным сообщениям и варьируется от области к области.

Кто-то приехал, как турист — осенью реально дешевле, — кто-то находился в стране по работе, всяких там менеджеров иностранных компаний не счесть, добавьте сюда журналистов и прочих подобных. А кто-то перебрался сюда как экспат, не найдя себе применения на родине. Такие тоже встречаются.

Только вот где-то сейчас ныкается американский посол, сваливший из Москвы буквально за считанные часы до удара. Его так и не удалось найти, несмотря на все усилия правоохранительных органов и спецслужб. Считается, что государственную границу он не пересекал, иначе западная пропаганда с высокой долей вероятности об этом сообщила. Значит, где-то отсиживается сволочь.

Ну, увлеклась девчонка русской культурой (Пушкин, Достоевский, Толстой и т. д.), решила изучить язык, потом возникло желание посетить страну, а тут вот оно что. Никто отдельных граждан не будет предупреждать о планируемом ударе, особенно, если этот кто-то надеется на эффект неожиданности. Так что не стоит себя накручивать лишний раз там, где это абсолютно не имеет смысла.

— Мы все умрём? — Джессика положила голову ему на плечо и её светлые кудри защекотали ему шею.

Что тут можно ответить? Что всё будет хорошо, как в американском боевике? Где героя без половины туловища другой герой наигранно подбадривать. Мол, не переживай, всё будет хорошо! Мы тебя подлатаем! А ещё они любят в фильмах все в крови и кишках целоваться.

Кто так делает в реальности? Да никто! У тебя так-то половины тела нет — хорошо уже не будет никогда, бро! Помирай давай уже, давай, мне ещё похоронку писать.

Что он может ей сказать? Обнадёжить, что всё наладится и всё в таком духе — покривить душой против реальности. Хорошо не будет. И скорее всего, да, они умрут. Может, не все и не сразу, но умрут. В конце концов, человек смертен и ни одного бессмертного наука ещё не зафиксировала. Вопрос лишь в том, каким образом это случится.

И да, умирать в молодом возрасте не хочется. Ты ещё столько всего не успел сделать, у тебя ещё столько планов, ты готов к новым открытиям и отношениям, а тут типа раз и всё. И хорошо ещё, если "раз и всё", а то начнёшь расплзаться по частям: сначала полезут волосы, потом начнут выпадать зубы, клетки внутренних органов начнут распадаться и организм перестанет переваривать поступающую в него пищу, начнёшь блевать и срывать кровью, а кожа покроется язвами.

Влад невольно посмотрел на светлые локоны Джессики, которые пахли обычным мылом. Духи остались в прошлой жизни.

Её рука коснулась его ладони, и он ощутил её дыхание у своей щеки. Кровь ударила в лицо, но...

— Нет, — постарался как можно мягче произнести он, отстраняясь от Джессики, — я не могу. Я потерял жену всего несколько дней назад. Это не правильно. Я её очень любил.

Джессика лишь молча закивала, поднялась и вернулась на свою койку.

— Понимаю, прости. Просто, если мы завтра...

— Даже если мы завтра погибнем, это было бы неправильно. И не стоит извиняться, ты ни в чём не виновата.

Он лёг на койку в сметённых чувствах и закрыл глаза. Через несколько минут он уже провалился в глубокий, но тревожный сон. Снилось Аля.

Ночью он проснулся от звуков работающих моторов и всполохов света фар в пластиковом оконце палатки: фургоны и автобусы стали привозить первые группы выживших в ядерном кошмаре. Напуганных и растерянных людей гнали на помывочные пункты, где с них снимали всю одежду, заставляли тщательно мыться резко пахнущими растворами, после чего им выдавали новый комплект одежды.

Автотранспорт, тем временем тоже отмывали от пыли и грязи, пропуская через рамки с раствором, которые подавался под напором, а также вручную солдатами в защитных костюмах, и вооружённых ручными мочными агрегатами.

Влад стоял на морозном воздухе, накинув бушлат на плечи и наблюдал, как лагерь начинает жить своей типичной жизнью. Вот побежал куда-то солдат в полном комплекте КЗИ и с баллонами дезраствора, вот другие солдаты ведут группу отмытых и не сильно фонящих граждан в предусмотренные для них палатки.

Тех, кто получил большую дозу радиации при взрыве и потом отсеивали и располагали поодаль под специальным присмотром и охраной. Фактически часть таких палаток представляли из себя не что иное как мобильный хоспис, где могли оказать разве что паллиативную помощь. При большой дозе радиации лучевая болезнь развивалась очень быстро, человек просто сгорал на глазах, и если ему и чем можно было помочь, только тем, что облегчить его страдания.

Других, которым повезло чуть побольше, старались лечить, но препаратов не хватало, так что шансы их хоть и были не нулевыми, но и хорошими их тоже можно было назвать с трудом. В любом случае, без последствий для здоровья не обойтись.

Вот приехала команда, занимавшаяся сбором и утилизацией трупов, а ей на смену на нескольких грузовых машинах уехала другая. Солдаты и бойцы МЧС буквально вываливались из-под тента фургона, измотанные и еле стоящие на ногах, а им ещё проходить дезактивацию. Страшно представить, что им довелось увидеть.

Влад вернулся в палатку, но толком уснуть уже не получилось. Он впал в то состояние, когда не понимаешь, спишь ты или бодрствуешь. Всё время ворочался, а в ушах стоял шум работающих моторов и шипящих под давлением форсунок, выплевывающих дезрасствор. Мысли вертелись в голове, не давая покоя.

Никакой побудки не было. Он просто открыл глаза и увидел, что снаружи уже светает. У стены всё так же спала Джессика, а вот койка Алексея была пуста. Койки, расположенные ближе к входу уже были заняты незнакомыми людьми, но он не помнил, как они здесь оказались. Видимо, он всё-таки спал. Плохо, но спал.

Одевшись, он вышел из палатки. Дыхание клубами пара вырывалось изо рта, морозный воздух щипал ноздри и охлаждал легкие.

— Алексея не видел? — обратился он рядовому, проходившему мимо, и которого несколько дней назад был среди тех, кто первым встретил их по прибытию в лагерь.

— Кого? — не понял тот.

Влада, как и Алексея, он знал в лицо, но совсем не факт, что помнил имена.

— Ну, пограничника, с которым я пришёл. Помнишь, когда мы тут появились.

— А, ты о капитане? Он, туда пошёл, — он указал направление, — к командиру.

Влад поблагодарил солдата и, ёжась от холода, пошёл в указанном направлении. Когда он подошёл к искомой палатке, его остановил часовой.

— Капитан, пограничник, там? — поинтересовался у него Влад.

— Там, — кивнул тот. — Только я не советую туда соваться. Твой друг порядком выбесил нашего главного.

С этим словами он кивнул в сторону входа, откуда доносились один приглушённый и нарочито спокойный голос, и один практически перешедший на рёв.

— Да ты совсем охренел, капитан! — это был полковник, местный командующий. — У меня каждый автомобиль на вес золота! Бензина и дизеля — каждый литр на счету!

— Не понимаю вашей реакции, товарищ полковник, — спокойно парировал Алексей. — Мои полномочия подтвердила Москва, поэтому...

Он не успел договорить.

— Да мне плевать на твои полномочия! Мутные твои полномочия, и сам ты мутный! И спутники твои — мутные! Одна американка чего стоит! Гражданка государства, совершившего ядерную атаку на твою, между прочим, страну! Да и сам ты — пограничник, так какого хрена забыл в глубоком тылу?!

Часовой выразительно поднял бровь, взглянув на Влада.

— Баба что, реально американка?

— Долгая история, — попытался уйти от ответа Влад.

— Ну вы, блин, даёте! — солдат покачал головой.

Тем временем разговор на повышенных тонах продолжался. Точнее, это полковник продолжал орать на капитана. А тот, спокойно отвечал на все его выпады, как будто перед ним не был старший по званию.

— В данном случае, это не имеет значения. Гражданка США находится под моей ответственностью, и если с ней что-то случится, трибунал вам обеспечен, товарищ

ПОЛКОВНИК.

— А ты меня трибуналом не пугай, капитан! Пуганный уже! Не ровен час, завтра все на тот свет отправимся, вот какого трибунала я боюсь, а твой мне как-то по барабану! Уловил?! Совсем Контора совесть потеряла: капитан полковнику условия ставит!

— По барабану или нет, но завтра у меня должен быть чистый автомобиль с полным баком запасом топлива, пропуска на всех троих, и свежие защитные комплекты. И верните оружие.

— Да ты, капитан, не охренел, ты оху!.. — начал было полковник, но пограничник, не дослушав, вышел из палатки, где натолкнулся на Влада.

Часовой не то с восхищением, не то со страхом смотрел на Алексея. Похоже, с их полковником ещё никто не смел говорить в таком тоне.

Влад не стал делать вид, что не слышал разговора, это было просто бессмысленно.

— Завтра выдвигаемся, — только и сказал Алексей, — собери вещи.

— В Саров? — решил уточнить Влад.

Алексей бросил на него быстрый взгляд. Владу показалось, будто он прокручивает информацию в голове.

— Нет. Саров был уничтожен в ходе последней атаки, — произнёс он, глядя ему в глаза, как будто хотел ещё о чём-то спросить, но не стал.

Влад развернулся и уже сделал шаг в сторону своего временного прибежища.

— Подожди, — Алексей задержал Влада, который было собирался уже идти готовится к отъезду.

— Что? — напрягся Влад.

— Ты вроде должен был знать такую, Анисимову Аллу, старший лейтенант.

Конечно же, Влад знал её, Алла оформляла его на работу в лагерь беженцев. Его к ней отправил майор Гареев. За прошедшее время он сильно с ней сдружился, как и со многими другими сотрудниками лагеря. Она оказалась неунывающим, почти всегда весёлым человеком со специфическим чувством юмора, который, однако, Владу очень нравился. Среди личного состава её за глаза называли "Алла Акбар", но не со злобы, а чтобы пошутить.

— Что с ней?

— Она здесь. Её вывезли вместе с другими пострадавшими сегодня ночью. Только...

— Что только?! — не выдержал Влад.

— Она сильно пострадала. Не думаю, что ей долго осталось.

— Я могу её увидеть?

— Потому тебе и говорю. Если ты готов...

— Да, — подтвердил Влад.

Алексей кивнул поодаль стоящему эмчэснику, тот подошёл к ним, отдав честь Владу, посчитав его офицером, хотя на нём не было никаких знаков различия. Видимо, присутствие Алексея сыграло свою роль, но Влад почувствовал себя несколько неловко.

— Проводи, как договаривались, — отдал короткое распоряжение Алексей.

Влад проследовала мимо рядов палаток к границе лагеря. Чем ближе они к ней подходили, тем больше они понимал, что они идут туда, где бы они ни за что не хотели оказаться.

— Надо надеть поверх, — спасатель протянул ему легкий защитный одноразовый костюм, когда они вошли в одну из палаток. — Мы их отмываем, насколько это было вообще возможно, но многие сильно обгорели, удалить всё загрязнение практически невозможно...

Влад молча влезал в костюм. Эмчезник, тем временем, тоже облачался. Он выдал Владу защитную маску и очки, натянул капюшон, Влад последовал его примеру.

— ...Да и, наверное, уже и не имеет смысла, — честно признался спасатель, который, судя по всему, был медиком.

Они вышли и направились к другой, более вместительной палатке. Рядом уже возводился целый ангар для пострадавших. Краем глаза Влад заметил в паре сотне метров работающий экскаватор не то роющий траншею, не то её закапывающий. Вокруг него и траншеи суетились люди в противогазах, а рядом сложенные штабелями мешки в человеческий рост.

— Только не прикасайтесь к ней. Большую дозу может и не схватите, но сделать больно ей сможете.

Внутри на койках поставленных так плотно, что между ними с трудом могли разминуться два человека, лежали десятки людей, у некоторых находились медики, осуществляя какие-то манипуляции. Вот один из них помахал группе других рукой и двое, взяв носилки, направились к нему. Жуткий запах, казалось, пробивался сквозь респиратор.

Медик провёл его к нужной койке, на которой вся в бинтах, уже успевших пропитаться чем-то бурым и жёлтым лежала женщина. Рядом стояла стойка капельницы, с навешанным на неё пластиковым пакетом. Капли мерно капали. Из всего лица было видно только глаза, при том, что один сильно затёк, и не открывался.

— Что ей колят? — спросил Влад у врача.

— Обезболивающее, очень сильное. Сильнее морфия, если вы понимаете.

Обезболивающее, которое отсекало нервный импульс от распадающихся нервов. Человек умирал, всё его тело буквально вопило от боли, но мозг этого крика не слышал. Сигнал до него просто не доходил.

Влад присел на раскладной стул рядом с койкой. Женщина, видимо, ощутив присутствие другого человека, открыла сохранившийся глаз.

— О! — прохрипела она, — Кого я вижу! Человек "Не болтай!"

— Привет, Алла, — поздоровался Влад, но очень хотел взять её за руку, но стоящий неподалёку врач отрицательно покачал головой.

— Видишь, как оно получилось..., - её голос был еле слышим, особенно на фоне стонов, раздающихся вокруг. — Мы же думали, что тебя всё, убили тогда. Нам ничего не сообщили, а ты вот он...

— Алю убили.

Её глаз затуманенным взглядом уставился на него.

— Соболезную, Влад.

Владу внезапно показалось, что у лейтенанта начались судороги. Но нет, это был такой смех. Затуманенный наркотиками мозг пытался найти что-то оптимистичное в окружающем мире.

— А ведь если бы всё так не обернулось, то я бы тебя у жены отбила... вот честное слово, отбила бы... И к имени бы ты быстро привык... Аля... Алла... Разницы бы не заметил... А сейчас я уже совсем не красивая стала...

Из серого глаза потекла одинокая слеза. Влад почувствовал, как у него у самого в горле встаёт ком. Пытаясь справиться с чувствами, он спросил:

— А майор Гареев, он выжил? Ты его видела?

— Не знаю, — сипло дыша, прошептала Алла, — он грузил людей в автобусы... как

только прозвучал сигнал тревоги. Мы все грузили... Потом, когда стало совсем поздно, я бросилась в канаву... надо было пораньше на пару секунд. Мы разделились... Я его больше не видела.

— Если я его найду, я тебе сообщу, — пообещал Влад, осознавая всю невозможность этого события.

— А помнишь, как мы 4-е Ноября праздновали? — вдруг спросила Алла.

— Помню.

— А потом 7-е, тоже ведь праздник, да? Зачем празднику пропадать...

— И этот помню, — грустно улыбнулся Влад.

Влад смотрел на некогда красивую женщину, замотанную в окровавленные бинты с ног до головы, которая доживала свои последние дни, а может быть и часы, и с горечью думал, что теряет знакомых и близких ему людей одного за другим.

— Ну всё, иди, — она попыталась поднять руку, но ей не хватило сил. — Иди, тебе пора. Устала я, Влад. Спать хочу. Иди-иди. Может, ещё свидимся, а?

На его глазах против его воли наворачивались слёзы, капая и стекая по прозрачной поверхности маски.

— Прощай, — произнёс он одними губами.

Он так и не смог толком попрощаться с Алей, которую увезли в морг, и которую он так и не смог по-человечески похоронить. И теперь в лице старшего лейтенанта Анисимовой прощался и с ней тоже. От осознания того, что и её скоро закопают в одной из выкопанных поблизости траншей, заставляло сердце сжиматься от тоски. За грудиной ощутимо болело.

Подошедший медик стал проверять капельницу, а потом мягко потянул его за плечо.

— Пора, — сказал он.

Влад шатаясь вышел на воздух. Хотелось кричать от досады и боли, но ничего не болело и слов, чтобы кричать, не было. Он только медленно сполз по брезентовой стене палатки, усевшись в грязь. Из него вырывались тонко тихие стоны, которые сотрясали спину.

Появившийся рядом врач, ничего говорить не стал, только присел рядом на корточки и сочувственно похлопал его по плечу. Да, из этой палатки был только один путь: в мешке в траншею, которую потом сровняет бульдозер.

Не чувствуя ног, Влад добрался до своей палатки и стал методично собирать рюкзак, складывая в него всё, что считал необходимым. Джессика попыталась с ним заговорить, но он не ответил, и она больше не делала попыток, занявшись собственными сборами.

Через некоторое время появился Алексей, притащивший на себе оружие, в том числе винтовку СВД. ту или не ту Влад не знал, да и не особо интересовался. Он молча принял от пограничника оружие и проверил его работоспособность, вставив и вытащив магазин, передёрнув затвор и убедившись в исправности оптики.

Распихав по карманам выданной разгрузки дополнительные магазины, он молча взял из принесённого оружия ещё пистолет и кобуру к нему. Походу капитан смог вернуть не только то, что у них изъяли, но и получить сверх того.

Закончив сборы, Влад просто лёг на койку и стал ждать. Его спутники его не тревожили. Оставалось только ждать, когда им выдадут необходимый автомобиль, топливо и снаряжение, о котором говорил Алексей.

В течение дня к ним в палатку подселили ещё десяток выживших, состояние здоровья которых у местных медиков вызывало наименьшее опасение. А Влад всё так и лежал. Накатившие на него ураганом эмоции после встречи с Аллой, отступили, оставив внутри

гулкую пустоту. Он просто ждал.

Следующим утром их разбудил Алексей, который был уже во всеоружии и пришёл явно с улицы.

— П-пятнадцать минут на сборы, господа и товарищи! — громко объявил он, от чего люди на соседних койках тоже зашевелились, приподнимаясь и разглядывая того, кто их разбудил этим тёмным зимним утром. — Я жду вас снаружи.

Закончив собираться, они вышли наружу, где их ожидал Алексей за рулём потрёпанного "Патриота", двигатель автомобиля урчал на холостых оборотах. Они прошли по хрустящему под ногами тонкому льду, что образовался за ночь на лужах. Редкие прожекторы освещали прибежище, которое они собирались покинуть.

Джессика забралась на заднее кресло, куда свалили и часть багажа. Влад взялся за ручку двери со стороны переднего пассажирского места. Перед тем как занять своё место, Влад посмотрел туда, где должна была находиться палатка с лейтенантом Анисимовой. Хотелось что-то сказать или просто подумать, но слов не было, он будто выгорел изнутри. Он был уже другим человеком в другом мире.

Влад открыл дверь и забрался внутрь. Пограничник держался за руль, готовый тронуться в путь в любой миг.

— Да, кстати, народ, с Новым Годом! — Алексей оглядел спутников, его взгляд задержался на американке. — Типа всего хорошего и наилучшего!

Он вдавил педаль газа, и автомобиль рванул с места, разбрасывая ошметки мокрой грязи, сдобренной недавно выпавшим снегом.

Первое января нового 2021 года. Новый день нового года.

Глава 19. Эксперимент

Страна была серьёзно ранена, но продолжала жить и сражаться, несмотря на всеобщую атмосферу страха и нарастающего хаоса. Может быть наступление мира а-ля «Безумный Макс» ещё впереди, может быть, именно так всё и начинается (или заканчивается, это уже кому как), но пока что цивилизация ещё трепыхалась, и само понятие государства не перестало быть чем-то зыбким и несущественным, с чем можно не считаться.

Как и ранее, за нанесённым ударом, в котором удалось выжить Владу, последовал ответ от российских РВСН, которым удалось поразить несколько целей в США и Австралии. Е последнем случае, удар наносили уцелевшие подводные лодки Тихоокеанского флота.

Австралийцы мечтали отсидеться на краю света, но не вышло. Предоставляя места базирования для американских подлодок и стратегической авиации, они являлись такой же целью, как и любой другой союзник НАТО, хотя в обществе Зелёного континента и было распространено явное непонимание, за что они получили свою порцию изотопов.

Остальной мир продолжал наблюдать за безумием, творившимся в северном полушарии, где сверхдержавы с яростью обречённого самозабвенно старались лишить себя и других этого неофициального статуса.

Из окна «Патриота», пока тот ехал по шоссе, Влад заметил закутанных в шерстяные одеяла поверх коротких пуховиков африканцев. Группа чернокожих граждан грелась у костра, разведённого в бочке. Интересно, что их привело в Россию? Скорее всего, какие-нибудь студенты-медики. Их больше всего приезжало в Россию на учёбу. Или слушатели факультетов точных наук. Да уж, попали ребята в замес. Неплохо было бы припахать их оказанию медицинской помощи, сейчас любой студент даже с начальными навыками в медицине на вес золота.

Интересно, кстати, как себя сейчас чувствуют миллионы мигрантов, которые рвались в Западную Европу и Британию? Наверняка сейчас думают: лучше бы сидели у себя в Анголе и Тунисе, Сомали и Ливии. Пакистане и... нет в Пакистане сейчас тоже несладко. Дели с Исламабадом себя тоже порядком потрепали, если так можно выразиться, ядерными ракетами. Хотя долго держались. Но у кого-то всё-таки не выдержали нервы.

Да уж, Европа с Британией сейчас не самые гостеприимные места для мигрантов, как, впрочем, и для коренных жителей. Не исключено, что у многих из них сейчас возникла мысль перебраться из некогда благополучной Европы в считавшуюся до недавнего времени отсталой Африку или Южную Америку.

Кое-как работающее в автомобиле радио сообщало о толпах беженцев, скопившихся на северной границе Мексики, и что правительство этой латиноамериканской страны сообщает о нарастающем гуманитарном кризисе. Стена, которую так самозабвенно строили американцы от нелегальных мигрантов, теперь работала против граждан США, которые искали спасения в презираемой ими до недавнего времени Мексике.

Да, Мехико и другие крупные города не подверглись ядерной атаке, и мексиканцы наблюдали за происходящим с тихим ужасом. Но это вовсе не значит, что кризис, в какой бы то ни было форме, их обойдёт стороной. Если беженцев пустят, то их придётся кормить, а там как бы еды для своих-то граждан не хватает, не то, что для сотен тысяч или даже миллионов беженцев с севера.

А если не пустят, то что тогда? Американская армия сохраняла боеготовность и всё ещё

оставалась самой сильной на континенте. Не факт, что мексиканским вооружённым силам удастся сдержать напор американцев, если те решат действовать силой, а всё именно к этому и шло.

Впрочем, а где сейчас было легко? Люди были напуганы, им не хватало еды, воды, медикаментов и информации. Добавьте сюда зимнее время года, пускай и не самое холодное, но всё-таки не лето, и риск попасть под радиоактивные осадки, из-за чего граждане скупали всё, что можно использовать для использования в качестве защиты. И хорошо, если просто скупали.

Расстрелы убийц, мародёров и просто грабителей, которые попадались Владу и спутникам по пути, были тому явным свидетельством. Нет, пойманным преступникам, конечно, предлагали на выбор: работа в заражённых зонах в искупление своих преступлений, или расстрел. Но почему-то большинство предпочитало смерть здесь и сейчас, чем умирать на расчистке радиоактивных завалов. Не исключено, что скоро просто начнут вешать, чтобы не тратить лишних патронов, может тогда желающих поработать на благо народа, появится гораздо больше. Всё-таки смерть на виселице и смерть от расстрела разительно отличаются друг от друга. Да и вид висельника внушает рядовым гражданам гораздо больший страх, предостерегая остальных граждан от необдуманных шагов.

И не то, чтобы согласившихся на работу в грязных зонах бросали туда без какого-либо защитного снаряжения. Всё-таки человеческий ресурс в условиях его нехватки стоило использовать, как можно более эффективно. Однако граждане-уголовники за последние недели выработали какую-то свою особенную этику поведения и новую мораль.

Если обобщить и упростить, то они жили буквально одним днём, здесь и сейчас, стараясь получить от жизни всё, что только можно. Украл, выпил, расстрел. Тех, кто по-настоящему раскаялся, среди них было найти практически невозможно. Но такие всё-таки были и такие. В то же время, находились и те, кто думал, что согласившись на работу в заражённых зонах, они смогут бежать и вернуться к своему прежнему ремеслу, и кому-то даже удавалось бежать — за всеми не уследишь. Но судьба их была не завидна.

Как и в случае с любой другой войной, на поверхность всплыли все самые низменные позы, скрытые в человеке, который до этого казался добрым семьянином или просто хорошим соседом. Среди тех, кого расстреливали за мародёрство, были и вчерашние учителя начальных классов, и бухгалтера, и простые сантехники.

Страх и отчаяние могут толкнуть человека на многое, и он будет делать такое, что в обычных условиях он ни за что бы ни сделал. Но, тем не менее, выбор всегда остаётся: остаться человеком, или превратиться в животное, готовое на всё ради собственного выживания.

Были ли случаи героизма и самопожертвования? Конечно, были и власти старались максимально их тиражировать в СМИ в качестве пропаганды, но, похоже, это не очень помогало. По крайней мере, пока. Видимо, должно пройти некоторое время, пока люди не преодолеют некую парадигму, справятся с паникой и чувством безысходности и станут жить, работать и сражаться ради лучшего будущего своего и своих детей и внуков.

Они ехали по шоссе, а навстречу им попадались колонны с техникой и солдатами, направляющимися на запад, а в противоположном направлении десятки и сотни автомобилей с беженцами. И большая часть из них направлялась к Москве.

Люди знали, что столица выстояла, и была прикрыта надёжным противоракетным щитом. Этот слух растекался среди обездоленных и напуганных граждан, вселяя в их сердца

хоть какую-то надежду на спасение, на то, что они получают кров, еду и воду, а не умрут в поле с вылезавшими клочьями от лучевой болезни волосами и выпадающими зубами.

То тут, то там по обочинам образовывались стихийные стоянки и организованные властями лагеря. Населённые пункты по пути следования превратились в перевалочные пункты для гражданских и армии. Периодически они натыкались на автомобильные аварии, которые затормаживали и без того не быстрое продвижение.

Как бы власти не упрашивали людей уезжать в глубь страны в сторону Урала и Сибири, и даже выдавали специальные карты с указанием чистых, не заражённых радиацией зон, люди в большинстве своём, гонимые каким-то всеобщим инстинктом и почти религиозной верой в неуязвимость столицы, рвались попасть в Москву. И это несмотря на то, что столица уже еле-еле справлялась с наплывом беженцев. По этой причине Москва с каждым днём становилась всё более и более лакомой целью для нанесения удара и совсем не факт, что в следующий раз противоракеты сработают так, как надо. В конце концов, их количество тоже не бесконечное, а любая система нет-нет да и даёт сбой, особенно в рамках тотального дефицита запасных частей и энергии.

Всё шло к тому, что людей будут отправлять за Урал принудительно. Да, ради их же блага, но кто об этом будет задумываться? Наверняка начнутся бунты, в том числе подогретенные иностранными спецслужбами, а это повлечёт виток репрессий. Интересно, как обстоят дела в той же Америке? Вроде Казахстан открыл границы, но как бы ситуация не сложилась, как с Мексикой. В конце концов, в Китае обстановка была чуть менее напряжённой.

Сколько погибнет людей, если в ходе Второй волны на Москву упадёт хотя бы одна бомба? А если таких боеголовок будет две, три или больше? Счёт жертвам пойдёт на десятки миллионов, в то время как по самым оптимистичным оценкам война унесла уже минимум пятьдесят миллионов жизней во всём мире. И вот тогда страна может погрузиться в самый настоящий последний хаос, из которого не факт, что сможет выбраться.

Падение Москвы стало бы триггером разрушительных процессов, которые с вероятностью девятидесяти девяти процентов приведут к деградации и быстрому разрушению государства. И... добро пожаловать в новый ядерный феодализм.

Влад, глядя в окно, за которым пролетали унылые чёрно-белые пейзажи, думал, что мог бы тоже уехать из города вместе с Алей. Уехать как можно дальше. Да, его автомобиль был сломан и ждал необходимой детали, но можно же было к кому-то пристроиться пассажирами и выполнять функции охранника, или, на худой конец, тупо угнать машину, благо брошенных авто хватало. Другое дело, что угонщик из него так себе.

Почему они остались в городе? И ведь они даже не обговаривали этот момент, вот в чём дело. Ну, остались и остались, тогда город казался безопасным местом. А сейчас он превратился в радиоактивные руины с поставленными на грань выживания уцелевшими в этом кошмаре людьми.

Если бы они тогда уехали, то Аля была бы сейчас жива. Могла бы быть жива, поправил себя Влад. Какое продолжение имел бы их отъезд неизвестно, но всё-таки шансов было бы больше. Они могли бы затеряться среди таких же сотен тысяч и миллионов беженцев, и никакие наёмники не смогли бы их найти.

Дворники, поскрипывая, продолжали методично сметать налипающий на лобовое стекло снег, а Алексей, обычно разговорчивый даже в самых экстремальных условиях, вёл автомобиль только к одному ему известному пункту назначения, молча смотря на дорогу. Со

своими спутниками за всё время пути с утра он перебрался лишь несколькими фразами и то больше обращался при этом к Владу.

Ехать приходилось осторожно, строго соблюдая скоростной режим, а иногда и вообще ползти с черепашьей скоростью, так как дорога была скользкой от падающего мокрого снега. К тому же по ходу движения на обочине периодически встречался припаркованный как бог на душу ляжет транспорт, а пару раз на их полосу движения выскакивали машины скорой медицинской помощи. Впрочем, и им приходилось несколько раз выезжать на встречку, объезжая места аварий, которых было несоизмеримо много по сравнению с любым другим временем. Люди просто не успели «переобуть» свои автомобили в зимнюю резину, если вообще могли её отыскать в этом беспорядке.

Кроме дорожно-транспортных происшествий продвижение тормозили блокпосты, встречающиеся почти у каждого мало-мальски крупного населённого пункта и вообще на трассе. Почти каждые полчаса, а, может и чаще, Алексей был вынужден останавливаться, чтобы показать документы на себя и на пассажиров вооруженным людям.

Во время одной из такой остановок на очередном блокпосту, Алексей вышел из автомобиля и заговорил с военными, пока те проверяли их документы. Один из них подошел к автомобилю, потребовал опустить стекло и всмотрелся в лица пассажиров, сравнивая их с фотографиями на пропусках.

В этот момент неподалёку раздалось сразу несколько сливающихся в одну автоматных очередей.

— Что случилось? — спросил Алексей сержанта, который проверял их документы.

— Очередная банда, — коротко ответил тот, возвращая бумаги. — Представляешь, главарём был преподаватель музыки из консерватории. В своё время руководил хором.

— А?.. — начал было Алексей

— А банда как раз и состояла из хористов.

— Ничего себе, — покачал головой пограничник.

— Ага, и пацаны, и девчонки. Препод харизматичной личностью оказался, смог их подчинить и сколотил что-то вроде секты судного дня. Беспредельничали по полной, убивая всех, кто отказывался к ним присоединиться. Даже порешили местных уголовников, которым удалось сбежать в первые дни из местной колонии.

— А эти-то как сбежали, здесь же взрывов не было.

— Ну и что, что не было, — философски рассуждал сержант. — Фсиновцы разбежались по домам спасать семьи, бросив зеков на произвол судьбы, ну и понеслось.

— И что теперь с сотрудниками охраны? — поинтересовался Алексей.

— Кого поймали — арестовали. Ждут суда. А кого нет — так сильно их и не ищут, не до этого.

— И много таких случаев?

— Каких? — уточнил сержант. — Типа, когда администрация тюрьмы слилась? Если в целом по стране, то немного, насколько знаю. Всё-таки не у всех нервы сдавали.

Алексей положил документы в нагрудный карман и пожал руку сержанту.

— Ну ладно, бывай! — они ударили по рукам.

— И тебе не хворать, граница! — сержант замахал рукой солдатам, чтобы те пропустили машину через блокпост.

Он вернулся за руль и завёл двигатель, машина двинулась дальше.

В один из переездов, когда на их пути долго не попадалось ни деревень, ни блокпостов,

Влад решил вернуться к тому, что Алексей им рассказывал ещё в здании полиции перед самым взрывом.

— Слушай, я хотел бы кое-что прояснить относительно нашей миссии, — произнёс он, когда радио перестало ловить.

Пограничник мельком взглянул на него и снова стал смотреть на дорогу.

— Ты о нашем разговоре тогда?

— Да, — подтвердил Влад.

Алексей замолчал, и Влад уже подумал, что капитан отказывается общаться на эту тему по каким-нибудь причинам сохранения секретности или ещё почему, но тут он произнёс:

— Спрашивай. Если смогу — отвечу.

В этот момент Влад понял, что начать спрашивать не так-то и просто, чтобы не показаться сумасшедшим, или не выставить психом того, кого спрашиваешь, особенно, если он действительно не в своём уме. В конце концов, он взвесил ещё раз все за и против, и, стараясь быть максимально серьёзным, задал первый вопрос:

— Ты тогда в полиции сказал, что кто-то вернулся в прошлое и что-то там изменил?

Алексей на мгновение повернул голову, чтобы удивлённо взглянуть на Влада:

— Я никогда не говорил, что речь идёт о п-путешествии во времени. Вот ни разу.

— Но я так понял...

— Ты не п-правильно понял, — замотал головой Алексей, продолжая смотреть на дорогу.

Снаружи уже начинало темнеть, навстречу им попадалось всё меньше и меньше автомобилей. Влад слышал, как на заднем сиденье зашевелилась Джессика. Наверное, тоже хочет понять, о чём тогда им пытался рассказать странный пограничник. Разговор тогда получился, правду сказать, довольно скомканный, и ни он не американка толком его не слушали, их мысли были заняты потерей близких, а самих их пытались убить неизвестные наёмники.

— Нет, это не п-путешествие во времени. Никто на него не способен в том смысле, в каком мы его привыкли себе представлять по кино. Хотя, как мне объясняли большелобые товарищи от науки, такое чисто теоретически возможно. Что-то там про сингулярность и чёрные дыры. Вот телепортация, к примеру, тоже казалась фантастикой, хотя и сейчас такой является, но всё же были доказанные экспериментально факты телепортации элементарных частиц. Тут, как говорится, главное начать. Но то, что случилось с нами, это не оно. П-переместить физический объект обратно во времени, чтобы в каком-нибудь 1989-м году было две версии меня, не возможно, это не так работает.

— Тогда если это не путешествие во времени, то что? — Влад старался не перешагнуть грань, за которой его слова казались бы насмешкой.

— В нашем случае, как я смог понять из объяснений, мы имеем дело с квантовой нестабильностью. Опять же, это не мои слова. Если выбрать в пространстве-времени некую точку бифуркации, когда развитие континуума может пойти по одному из нескольких возможных направлений, и п-правильно на эту точку воздействовать...

— Ты прям как о правилах поведения с женщиной в постели рассказываешь, — попытался разрядить обстановку Влад.

Сзади засопела Джессика, воспитанная в традициях борьбы с сексизмом и возвращенная на всеобщей толерантности ко всему и ко всем.

— Да как тебе будет угодно, только на принципе применения необходимых усилий в

данном конкретном месте вообще построена вся наша жизнь, в том числе и научные достижения. Так вот, — продолжал Алексей, — если осуществить воздействие на пространство-время как надо и в определённый момент, так сказать подтолкнуть его, можно получить так называемый сдвиг, то есть пространство время начнёт развиваться совсем в другом направлении и с другими последствиями.

— В смысле, в другом направлении? — не понял Влад.

— Не п-правильно выразился, — согласился Алексей. — Будет запущена другая череда событий, причинно-следственная связь будет иной, так яснее? Пространство-время пересобирается заново. Эффект создавался путём создания волн в пространстве-времени. До куда волна достанет, оттуда и начинал пересборка.

Влад молчал, пытаясь переварить услышанное. Алексей продолжал объяснять, глядя на дорогу:

— Помню, как одна не шибко умная барышня хотела покрасоваться на Тур-де-Франс с плакатом в руках и слишком сильно вышла на проезжую часть, что вызвало массовый завал велосипедистов. А если бы не вышла? Что если бы она не сделала тот роковой шаг? Гонщики бы спокойно доехали до финиша. Одно маленькое решение, и на шоссе лежат десятки велосипедистов с переломанными костями.

Влад задумался о том, как могла бы сложиться его жизнь, если бы не разразившаяся ядерная война.

— Не помню такого случая, — сказал он. — Я о велосипедистах.

— Зато я помню, — подтвердил догадку Влада капитан.

— И мы едем...,- начал, было, Влад.

— И мы едем всё исправлять. Или ты не хочешь?

При этом пограничник бросил взгляд в зеркало заднего вида, чтобы посмотреть на Джессику. Влад обратил внимание, что Алексей периодически поглядывал в зеркало, будто хотел держать под контролем то, что происходит на заднем кресле. Но делал это как бы между прочим, как что-то естественное.

Влад тоже взглянул, как там Джессика — она сидела, просто глядя в окно, и казалось, не слушая разговор мужчин.

— Остаётся понять, почему ты так уверен, что имел место этот так называемый квантовый сдвиг. Можно я спрошу откровенно?

— П-попробуй, — усмехнулся Алексей.

— Что если тебе всё это приснилось? Не принимай на свой счёт, но что, если контузия повредила тебе мозги и ты испытываешь посттравматический синдром. Твой разум просто придумал всю эту историю, чтобы хоть как-то смириться с окружающей реальностью? Ты пойми, я, Джессика, мы тебе благодарны, что ты нас тогда спас, но вся твоя история звучит крайне нереалистично.

Алексей не отвечал, а только пристально вглядывался в дорогу, которая уже почти окончательно погрузилась во тьму. Влад понимал, что ходит буквально по острию бритвы, ведь кто знает, что творится в голове у другого человека, тем более вооружённого, тем более видевшего такое, отчего любой другой мог бы с лёгкостью свихнуться.

— Так, уже поздно и темнеет, надо где-то переночевать, — внезапно сказал пограничник.

— Может, доедем до ближайшего города. Там и заночуем, — предложил Влад.

— Нет, — отказался капитан, — Ещё далеко, и ехать в темноте опасно, да и жрать я

хочу так, что слона бы проглотил. Есть тут одно место, если я не ошибаюсь...

На этих словах, Алексей сбросил скорость и свернул на еле заметную в наступивших сумерках просёлочную дорогу, старый шлагбаум, сваренный из стальных труб, был давно сломан и валялся в кустах.

Владу такое решение показалось несколько странным, но возражать он больше не стал, хотя и напрягся. Что если Влад своими расспросами перегнул палку и в голове капитана что-то перещёлкнуло? Справиться с профессиональным бойцом, в случае чего, будет весьма не просто, если не сказать невозможно.

Они проехали ещё метров пятьсот и остановились у расположившегося на возвышении старого полуразрушенного здания. Что-то вроде дореволюционной усадьбы, медленно ветшавшей всё это время. Может здесь и размещалось какое-нибудь колхозное управление в советское время, или ещё что-нибудь подобное, но сейчас строение выглядело не лучшим образом. Штукатурка со стен в большей степени обвалилась, стёкол в окнах давно уже не было, на крыше местами рос кустарник. Перекрытия вызвали обоснованное подозрение в своей прочности.

— П-привал! — объявил Алексей. — Завтра долго ехать, надо отдохнуть.

Он заглушил двигатель и вышел из автомобиля, вытащив ключи из замка зажигания, и положил их в карман. Сидевшая за ним Джессика тоже вышла, но на высокой ступеньке «Патриота» оступилась и упала.

— Надо быть внимательнее, — Алексей помог ей подняться. — Бери спальный мешок с собой, ночью будет холодно.

— А в машине нельзя спать? — удивилась Джессика.

— Можно, но с выключенным двигателем ты тупо замёрзнешь насмерть. А если и не померём, то поутру будем не в адеквате. А мы и так бензина израсходовали больше нормы. Завтра ещё искать придётся, где заправиться.

Влад тоже вытащил свой мешок и рюкзак, в котором были припасы. Винтовку он закинул на плечо. В свете луны осмотрел их будущее место ночёвки. Если честно, так себе, хотя если найти подходящее помещение внутри и развести костёр, то вполне может сойти, главное, что ветер в спину не дует и то хорошо.

В свете фонариков, они вошли внутрь, под ногами раздался хруст старой обвалившейся штукатурки и битого кирпича. Может, здесь когда-то и жили помещики, и барин по пьяни гонял своих крепостных, но сейчас здесь гулял только ветер, скрипя старыми рамами и повисшими на проржавевших петлях дверями.

Учитывая, что старое поместье было на отшибе, здесь не было той загаженности, которую обычно устраивают бомжи и прочие асоциальные элементы в заброшенных домах в черте города. Разве что было заметно, что здесь хорошо поработали чёрные копатели: пол и стены были разворочены в местах, где, по всей видимости, металлоискатели подавали сигналы.

Окон здесь не было, а была только одна дверь, у выхода которой с правой стороны остановился Алексей, пропустив остальных вперёд. Влад и Джессика прошли по хрустящим под ногами обломкам.

Влад, было, хотел задать вопрос, что может быть выбрать другое место для отдыха, всё-таки комнат здесь было не мало, но заметил, что пограничник уже сбросил рюкзак и начал разбирать вещи, доставая комплект сухпайка.

Вскоре они уже насобирали более-менее сухих деревяшек и развели костёр, дым от

которого уходил куда-то в дыру под потолком. Потом достали горелки и подожгли сухой спирт, чтобы разогреть еду в пакетах.

Алексей сидел у стены, положив автомат рядом с собой с правой стороны.

— Ты не ответил на мой вопрос, Алексей, — напомнил Влад. — Про то, почему на твой взгляд с миром что-то произошло, чего не должно было быть.

Капитан облизал ложку и засунул её в карман рюкзака.

— Сначала я ничего не понял. И мне показалось, что я сплю, или спал, и вот только что проснулся, после того как задремал в поезде. Будто мне снился большой и красочный сон. Ощущение, надо признать, довольно необычное. Но потом я взглянул на своих товарищей и понял, что они испытывают такую же дезориентацию, к которой добавлялось чувство дежавю.

Мы заговорили, и поняли, что происходит что-то неправильное. Что-то чего не должно было быть, потому что мы помнили совсем другие события, предшествовавшие тому, как мы оказались в вагоне.

Если бы не мои товарищи, оказавшиеся в такой же ситуации, я бы решил, в лучшем случае решил, что мне действительно всё приснилось. Ну, или моя «крыша» решила поехать, оставив меня в распоряжении психиатров. Но, как я сказал, мы все ощутили одинаковый эффект.

— Какой эффект, от чего? — вдруг спросила Джессика.

Алексей даже не посмотрел на неё, но ответил:

— От эксперимента, в котором мы участвовали. Да, мы вчетвером подписались на один эксперимент, смысл которого и вопросы, которые нам задавали после него, я понял только потом, когда очнулся в поезде. Почему бы не послужить на благо родины, особенно, если за это хорошо платят, верно?

Костёр продолжал медленно гореть. Последний вопрос прозвучал как бы ко всем и ни к кому в частности.

— И что учёные у вас спрашивали? В чём заключался эксперимент.

— Нас, всех четверых, поместили в камеру типа, как её, барокамеры, ну по форме одно и то же, короче, после чего запустили какой-то генератор. Всё, что от нас требовалось, просто сидеть внутри и ничего не делать. Ну, что, ну слышали мы гудение, слегка закружилась голова, но не более. Мы даже не поняли, зачем с нас, помимо расписки о неразглашении, взяли расписку с отказом от претензий в случае смерти или нанесения иного вреда здоровью. Хотя, опять же, денег заплатили много, и родным тоже обещали помочь, если что.

Влад снял с горелки свою порцию и стал с аппетитом уплетать картошку с мясом. Аппетит в их случае это хорошо, это означает, что радиация не поразила организм до такой степени, что он отторгает пищу. Может, ещё выкарабкаемся.

Проглотив очередной кусок, он посмотрел на пограничника.

— Так о чём спрашивали учёные?

— Хм... — Алексей потянулся к рюкзаку и вытащил из него шоколадный батончик. — О чём спрашивали, о чём спрашивали... Спрашивали о том, что я помню. Моих сослуживцев спрашивали о том же. Как спим спрашивали, что нам снится, мучает ли нас ощущение дежавю, ложные воспоминания, которые нам кажутся реальными, и тому подобные вопросы на грани психологии и психиатрии. Иногда мне в ходе таких сеансов даже становилось смешно. Прикинь, тебя разбирает смех, а перед тобой сидит такой серьёзный очкарик, ни

разу не улыбнётся и всё время что-то записывает в свой блокнот.

— В смысле, о чём помнишь? И что ты им рассказал?

— А особо нечего было рассказывать. Ничего такого необычного никто из нас после пребывания в камере не испытывал. Галлюцинаций не было, спали как убитые, практически без сновидений. Мне даже показалось, что умники были сильно разочарованы нашими ответами. Ну, что есть, то есть.

— А потом, значит, вы очнулись в поезде и поняли, что эксперимент оказался успешным?

— Типа того, — кивнул Алексей. — Проблема в том, что эксперимент, в котором мы участвовали, это лишь часть чего-то большего, какого-то другого опыта. Потому мы вначале и не заметили никаких изменений, а масштаб произошедшего осознали только в поезде, когда увидели взрывы на горизонте.

Вот тут-то мы всё и вспомнили. Вспомнили, что мы делали в последние месяцы, как жили, что происходило в мире. Мы осознали, что эксперимент-то удался, как ни крути!

Да, мы не понимали всего, но кое-какие зацепки у нас уже были, и мозаика стала складываться в единое целое. Пускай с кучей отсутствующих фрагментов, но всё-таки она обрела определённые очертания.

Рассказ пограничника породил ещё больше вопросов и главное, не давал ответов на основные из них. К тому же из ответов капитана вовсе не следовало, что он всё не придумал по каким-либо одному ему известным причинам. В конце концов, его товарищей, с которыми он тогда ехал в «Ласточке» вместе с остальными пассажирами, в том числе Владом, Алей и Джессикой, сейчас рядом не было и они никак не могли подтвердить его слова.

Ну, ладно, допустим, вот просто на минуту, допустим, подумал Влад, что пограничник говорит правду.

— Ты хочешь сказать, что всё, что вокруг нас, — Влад глазами обвёл окружающее пространство, — нереально? Мы типа в Матрице сейчас находимся.

— В Матрице? — ухмыльнулся Алексей. — Нет, не в Матрице.

Он взял с пола кусок отвалившейся от стены штукатурки и поднёс к носу.

— Плесень. Известь. Сам понюхай, — он протянул обломок Владу. — Чувствуешь запах плесени? Старой штукатурки, земли? Дело в том, что нет реальности, кроме той, которую мы ощущаем здесь и сейчас. Реальность — она всегда одна единственная и самая что ни на есть реальная. Ветер дует, снег падает. Если мы ощущаем реальность — значит, мы живы, значит, реальность существует.

— Сложно.

— Я не обещал, что будет легко, — продолжал Алексей. — Мы тогда, с товарищами, решили разделить, чтобы собрать как можно информации о происходящем, найти тех, кто тогда руководил экспериментом и имел к нему хоть какое-то отношение. Заставить их вернуть всё, как было.

Из того, что мы узнали, можно сделать вывод, что данное конкретное состояние пространства-времени может одновременно существовать с другими реальностями. Они равновероятны. Но сгенерировав волну, о которой я говорил ранее, можно получить новое состояние пространства времени.

— Легче не стало.

— Я примерно так же реагировал, когда слушал впервые. Над такими проблемами

бьются по-настоящему гениальные умы. Мне вот геометрия с трудом в школе давалась, что уж говорить о высшей математике, квантовой механике, чёрных дырах и всех этих теориях о множественности вселенных, или множественности возможных состояний одной Вселенной. Видать, я потому и согласился на участие в эксперименте, что толком не отдавал себе отчёта в происходящем.

— Или тебя успешно подвели к участию в нём.

— Не исключено, — закивал Алексей.

— Значит, кто-то осуществил этот сдвиг.

— Да, кто-то его осуществил, — согласился он. — И тот, кто это сделал, тоже имел в своём распоряжении камеру, подобную в той, которой находились мы во время эксперимента.

— Чтобы помнить, что произошло, и увенчался ли сдвиг успехом, — высказал догадку Влад.

— Совершенно верно, — махнул указательным пальцем капитан. — Правильно мыслишь.

Влад переваривал услышанное, пытаясь заставить себя поверить во все эти изменения континуума.

— А вот это изменение пространства-времени произошло во всей Вселенной, — с сомнением спросил он, — происходит во всей Вселенной разом или только в рамках небольшого сектора пространства.

Алексей, услышав вопрос, заинтересованно взглянул на Влада.

— Интересное замечание, но ответа у меня нет. Подозреваю, что в какой-нибудь их теории возможны оба варианта. И оба из них равнозначны.

— Этого не может быть.

— Разве? Вот тебе пример: есть Тихий океан, или давай возьмём глобальнее, Мировой океан, так?

— Так, — кивнул Влад.

— Так вот, бросаешь ты камень в этот океан и от него пошли волны. Но сам океан в целом не изменился. Тот же объём, те же берега, да и волны от брошенного камня быстро сойдут на «нет». Но изменение будет внесено. Изменению подвергалась как вся гладь океана, так и отдельная её часть. В то же время, эти изменения нигде кроме этой части заметны не были и ни на что не повлияли.

— Какая-то диалектика, — подытожил Влад.

Алексей, закивал, соглашаясь, и произнёс:

— А потом начались убийства всех, кто имел отношение к эксперименту, в котором мы участвовали. И параллельно выживших пассажиров поезда. Сначала мы не увязывали одно с другим, но потом заметили систему в том, что происходило, и решили заняться спасением тех, до кого не успели добраться убийцы.

Глава 20. Бегство

Ветка обжигаяще хлестнула Влада по щеке, а через секунду он чуть не напоролся глазом на торчащий сук. Он бежал по раскисшей лесной почве, поскользываясь на мокрой опавшей листве, едва припорошенной снегом. Несколько раз он спотыкался в темноте о торчащие корни — дёргающийся словно в припадке эпилепсии узкий луч фонарика больше мешал, чем помогал.

За спиной, по которой уже струями лился пот, и футболка противно прилипала к коже, болталась винтовка Драгунова, за которую он переживал разве что не больше, чем за себя. А в голове была только одна мысль — главное успеть! Главное успеть!

Еловая шишка провернулась под подошвой ботинка, и Влад с размаху рухнул на землю. Налобный фонарик разбился о пень, брызги стекла в последний раз сверкнули перед глазами.

— Да чтоб тебя! — только и вырвалось у него.

Нога предательски заныла растянутыми сухожилиями. Но надо было бежать, надо было успеть. Через силу, преодолевая боль, он поднялся и побежал вновь, уже в темноте, прихрамывая на правую ногу. Боль необходимо было игнорировать. Иначе никак.

***

Алексей сделал паузу. Его лицо внезапно стало очень жёстким и напряжённым. Оранжевые блики от костра плясали по нему и стенам их временного прибежища.

— И вот я думаю, — наконец, произнёс он, глядя немного в сторону, — как скоро нас нагонит группа ликвидации, Джессика? Каждый раз бомбить ядерными боеголовками не с руки, очень дорого, да и не факт, что получится: одно дело знать, что все цели где-то в одном месте, другое — когда они перемещаются по стране.

Джессика буквально замерла с пластиковой ложкой во рту, а затем оторвалась от еды и посмотрела на него.

— Что? — не поняла американка. — Ты сейчас о чём говорить, то есть говоришь?

— Не понимаешь, — не сдавался пограничник, — серьёзно?.

Влад с некоторым замешательством наблюдал за развитием разговора. Происходило что-то, чего он явно не ожидал. В воздухе повисло вполне осязаемое напряжение.

— Влад, ты откуда узнал про Саров, — обратился уже к нему Алексей, — когда ты впервые услышал это название?

— Джессика спросила, куда мы едем, и спросила, не в Саров ли, — спокойно, но уже с некоторой опаской ответил Влад.

Вроде, скрывать ему было нечего, но интонация с которой говорил Алексей явно не предвещала ничего хорошего.

— Гм, — кивнул головой Алексей, — понятно.

— Что происходит, Алекс? — попыталась задать вопрос Джессика, но капитан её как будто не слушал.

Он словно был на своей волне, включив режим, который до того им не демонстрировал.

— Она к тебе тоже подкатывала, Влад?

Влад молчал, медленно пережёвывая кусок тушёнки из пакета, взгляд его был направлен в пол. Что тут можно ещё сказать? Да, был момент, и он чуть на него не поддался, и даже нашёл бы себе оправдание. Безгрешным он не был, и не собирался каяться в прошлых грехах.

Но тогда на базе ничего не было.

— Значит, подкатывала, — произнёс пограничник, и вновь обратил своё внимание на американку. — Без этого было никак, Джессика? Типа, трудные времена, неизвестно, что будет завтра, да? Вообще, рано ты пошла на это, Джесс. Фальстарт, так сказать. Влад только-только потерял жену, а тут ты...

— Алексей! — возмутился Влад, покачав головой из стороны в сторону.

Американка даже сглотнула, вид у неё был такой, будто она оказалась не в том месте и не в то время. Она точно не была готова к такому повороту событий.

— Я не понимаю. О чём ты говоришь? Какая группа ликвидации?

Джессика сидела, сжавшись будто пружина, её взгляд постоянно прыгал с одного мужчины на другого.

— Согласись, если бы ты её не отшил, то сейчас воспринимал бы её несколько иначе. Если мужчина переспал с женщиной, между ними уже устанавливается какая-никакая, но эмоциональная связь, а если эти эмоции чуточку развить, то мужчиной уже можно попытаться манипулировать.

Алексей продолжал всё так же сидеть на полу, даже не глядя на Джессику, но Влад понимал, что пограничник контролирует ситуацию. Он только сейчас понял, что капитан не просто так занял место у единственного дверного проёма.

— Какая такая группа ликвидации, спрашиваешь? — продолжал капитан. — Очевидно, я имею в виду ту, которая занималась уничтожением пассажиров поезда. Которая якобы покушалась на случайно застрявшую в России американскую туристку, разгромив гостиницу и попутно застрелив консьержа. Которая убила жену Влада.

На последних словах Влада словно ударило током. Он внимательно слушал, пытаясь понять, к чему ведёт пограничник.

— Я когда получил список пассажиров, сразу обратил внимание на гражданку США, но наличие до кучи ещё пары граждан Эстонии, как бы снижало градус подозрительности. Всё-таки мы не какая-то Северная Корея и перемещаться туристам по стране у нас не запрещено. До недавнего времени, конечно. Как ты говорил, Влад: мало ли их тут случайно застряло.

Но вот на что мне надо было обратить внимание, так это на время покупки билета на поезд. А оно было, что называется, впритык. Пассажир купил его не загодя, а буквально за пять минут до отбытия поезда.

— Алекс, что ты такое говоришь? Ты считаешь, что я шпионка? Многие покупают билеты перед самым отъездом. В этом нет ничего удивительного! — голос Джессики даже как-то изменился.

— Только если человек не срывается с места, покидая гостиницу, будто по звонку. Джесс, где твой смартфон?

— Он...

— Вышел из строя во время ядерной атаки, знаю. А до этого, где был? Всё время с тобой? Ведь при мне у тебя ничего не изымали. Да и когда там, всё в спешке, обыскали побыстрому и пропустили, тем более в моём сопровождении. Так где сейчас твой гаджет? Или он тебе вообще не нужен? Обходишься чем-то другим?

Наконец, Влад решил вмешаться в странно развивающуюся беседу. Несмотря на слова Алексея о якобы причастности Джессики к гибели Али, он понимал, что пока что капитан не предъявил каких-либо веских улик.

— Алексей, ты и вправду считаешь Джессику иностранным агентом? Она могла

погибнуть тогда вместе с нами.

— Ну, что ты как маленький, — скривился пограничник, а потом всё тем же ровным тоном продолжил. — Я действительно планировал отправиться в Саров, так как именно в этом городе располагался объект, где я с товарищами принимал участие в эксперименте. Именно там были люди, которые могли прояснить, что же такое происходит и как это исправить, если это вообще возможно.

И я долго пытался вспомнить, где и с кем я общался по поводу возможной поездки в этот город. Особенно тогда, когда я ещё не знал, что на пассажиров открыта настоящая охота. И потом тоже: кто и когда рядом со мной мог слышать это название — Саров. Военных можно отместить, это были всё проверенные люди. И остаётся... кто же тогда остаётся?

Плетнёв выжидательно посмотрел сначала на Влада, потом перевёл взгляд на американку.

— Влад, ты вроде начитанный, должен быть в курсе, что это за городок такой.

— Закрытый город, — ответил Влад. — Один из главных центров ядерных исследований в России.

— Он самый. В советское время попасть в него без специального разрешения было практически невозможно.

— И что? — на Джессику было жалко смотреть, больше всего она сейчас напоминала котёнка, над которым навис тапок хозяина. — Я могла слышать это название, где угодно и когда угодно!

— И я вот тут вспомнил, как в комнату, в которой тогда находились только ты, Джессика, Влад и я, заглянул сержант, и сообщил, прежде чем я успел закрыть за собой дверь, что в Сарове меня ждут как можно быстрее. Ты же тогда точно слышала, что он сказал, верно? Влад был подавлен смертью жены и даже, если что-то и слышал, то не придавал этому значения, а вот ты... ты — другое дело.

— Я не помню! — выкрикнула она. — Я вообще была не в себе!

— Слушай, а может, твоя истерика тогда (очень даже реально выглядел, кстати) была связана вовсе не с тем, что ты потеряла родных в Штатах, а? Может, всё дело в том, что ты увидела живого Влада и поняла: чтобы его уничтожить, а заодно и меня, твои наниматели пойдут на самые крайние меры. И они не посчитаются с тем, что ты ещё не покинула зону потенциального удара? Почувствовала, что значит, когда тебя используют как вещь.

И вот, ты вдруг спрашиваешь у Влада, едем ли мы в Саров. Только Сарова больше нет. По нему прилетело аж несколько ядерных боеголовок. Город просто в труху. Удивительное совпадение. И ведь по нам тоже должна была прилететь не одна боеголовка, их просто сбили. Одну вот только пропустили.

— Это что, допрос? — решил уточнить Влад. Всё-таки ему было жалко студентку.

— Как тебе угодно, — бросил Алексей. — Только выживший сотрудник псковской гостиницы сообщил, что гражданка США пулей выскочила из неё, бросив свои вещи в номере.

Джессика закатила глаза.

— Я вот чего не пойму: почему нельзя было выбрать легенду получше? Зачем использовать свой американский паспорт? Или тупо не хватило времени? Решали с колёс, да? Так сказать, по ситуации.

Американка замотала головой.

— Это бред какой-то! Влад, не слушай его! Он пострадал, он ранен, он сам не понимает, что несёт!

— Ну, так как, Джесс, когда нам ждать твоих коллег? — Алексей потёр пальцем нос. — Вы столько людей положили в городе: стариков, детей, женщин... Сначала работали точно, но потом кто-то у вас там психанул и решил, что лучше старой доброй ядерной боеголовки ничего нет. Так?

Кусок мяса отказывался пролезать в горло. Перед глазами был образ умирающей от ранения Али. Неужели капитан не врёт, и всё это правда? Но тогда зачем он потащил её с собой? Или он тогда ни о чём не догадывался?

— Влад, ты же не веришь ему, да? Я могла умереть вместе с вами! Что тогда в поезде, что потом во время взрыва. Это потому что я гражданка США?! — последние слова она бросила в лицо пограничнику.

Вместо Влада ответил Алексей.

— Могла, верно, — согласился он. — Риск есть риск. Был ли на этот случай дублёр, не знаю, но ты выжила. И продолжила выполнять свою миссию. Правда, Джессика? Или ты не Джессика, а...

Алексей не успел договорить, Джессика в прыжке бросила в него внезапно оказавшийся в её руке нож, и рванулась к выходу. Нож ударил в стену рядом с головой Алексея, выбив их неё старую штукатурку. Увернувшийся, пограничник, в падении потянулся, пытаясь схватить американку за ногу, но та хоть и врывалась, всё-таки упала, подняв облако заплесневелой пыли.

Секунды, которая ушла на то, чтобы Джессика успела подняться и побежать, хватило Владу на то, чтобы схватить с пола обломок кирпича и запустить ей в след.

Камень, пролетев над головой Алексея, врезался в спину Джессики, и та упала уже второй раз, распластавшись по трухлявому полу. В следующий миг её уже настиг Алексей и придавил коленом между лопаток к полу, заводя её руки ей за спину. Ещё через секунду кисти её рук уже были стянуты пластиковым хомутком.

Алексей поднялся на ноги и сделал глубокий вдох. А потом, взяв Джессику за ворот и ремень брюк, потащил её обратно в комнату. Здесь он уже связал таким же хомутком ей ноги, и усадил, прижав спиной к стене.

Джессика, морщась, тихо постанывала. Видимо, удар кирпичом был сильным, да и на лице американки после того, как она упала, расплывался синяк с кровоподтёком.

— Алекс, Влад, зачем? — шептала она. — Я же вам ничего не сделала. Прошу, отпустите. Просто отпустите. Я уйду. Просто уйду.

Алексей отошёл от неё и поднял с пола автомат. Проверил затвор.

— Ты лучше скажи, какова вероятность того, что сейчас за нами следует группа перехвата, а, мисс?

— Я не понимаю о чём ты? — Джессика продолжала стонать от боли. — Вы оба спятили!

— Серьёзно? — Алексей присел перед ней на корточки. Выглядел он на удивление спокойным, и это по-настоящему пугало. — Просто вот взяли и спятили? Прямо-таки оба?

— Ты сошёл с ума! — она жалобно посмотрела на Влада. — Влад, помоги, прошу! Я ни в чём не виновата! Я не убивала твою жену. Ты же видишь, Алекс не в себе! Ну, какой квантовый сдвиг?! Какой генератор поля?! Влад, посмотри, он же просто сошёл с ума...

Она плакала, и слезы стекали по пыльным щекам, оставляя грязные полосы, тянущиеся

к шее.

— Влад, — она посмотрела мокрыми глазами, — у него погибли товарищи, жена и дети, он получил контузию, прошу тебя, поговори с ним! Он же сошёл с ума!

— Ну, поговори со мной, Влад, — ёрничал капитан, усаживаясь на прежнее место у стены и беря в руки пакет с недоеденным пайком. — Вдруг ты меня сможешь переубедить?

Влад, молча, смотрел на американку, потом на капитана. Потом снова на Джессику. В голове сейчас было столько мыслей! Кому верить? Своему капитану, или американке, о существовании которой он узнал несколько дней назад? Необходимо было сделать выбор.

— Где твой акцент, Джессика? — вдруг спросил он, и американка буквально оцепенела, словно оказавшись в ледяной воде. Она даже перестала всхлипывать.

— Что? — выдавила он из себя.

— Акцент, Джессика. Куда он пропал?

— Я, я не понимаю, — прошептала она, снова имитируя акцент.

— Вот, сейчас, он у тебя опять появился, — тихо произнёс Влад. — Но ещё несколько минут назад ты говорила совершенно чисто. Так куда пропал твой акцент?

— Я просто волновалась, — попыталась оправдаться американка. — Это всё от волнения, мне больно.

Влад тяжело вздохнул.

— Хм, — горько усмехнулся Алексей. — От волнения человек, скорее всего, потеряет над собой контроль и не сможет притворяться. Избавиться от акцента на почве волнения — довольно сомнительно. А вот забыть его изображать — очень даже.

Джессика, казалось, отмерла и снова стала плакать, её тело подёргивалось от накатывающих приступов истерики.

— Ты ничего не хочешь нам рассказать? — продолжал капитан. — Пока есть такая возможность.

Она молчала, и только её глаза бегали от одного к другому, пытаясь найти в них хоть какое-то сочувствие. Когда Влад посмотрел на неё, она тут же уставилась на него, стараясь зацепиться глазами, в которых читалась мольба о помощи, но Влад быстро отвёл взгляд.

— Влад, — позвал Алексей.

Тот только посмотрел на него.

— Глянь у неё в карманах ключи от машины.

Вот чего-чего, а обыскивать женщину Владу хотелось в последнюю очередь. Даже при всех остальных вводных.

— Ты в неё кирпичом запустил, а п-проверить, есть у неё ключи, стесняешься? — уловил его мысли Алексей.

Влад не стал отвечать, а только встал, подошёл к американке и стал методично проверять карман за карманом. Подсознательно он надеялся, что пограничник ошибается. Джессика смотрела на него, и её взгляд менялся от выражения побитого щенка до презрения и высокомерия, а потом опять становился как у выпрашивающей подачку собаки. В одном из карманов он нашёл ключ от «Патриота». Джессика закрыла глаза.

— Талант не п-пропьёшь! — финализировал обыск капитан. — Ловко ты, ничего не скажешь.

Он встал, подошёл к ней, взял её за плечи и усадил поровнее.

— А знаешь, как было на самом деле, п-подруга, — обратился к ней капитан.

Джессика откинула голову, не желая встречаться взглядом с пограничником. Тот

присел перед ней на корточки.

— Начнём с того, что Джессика, скорее всего, вовсе и не Джессика. Скорее всего, она была девочкой лет десяти-двенадцати, когда её родители эмигрировали вместе с ней в США. Русский она к тому времени уже знала хорошо, и получить американский акцент при разговоре на русском не рисковала. Но при этом у неё было достаточно времени, чтобы освоить английский практически на уровне носителей языка. Учитывая разнообразие американских вариантов английского, в Европе или в России вряд ли кто-нибудь догадался бы, что Джессика — дочь эмигрантов в первом поколении. Я правильно излагаю?

Джессика смотрела куда-то в сторону, отрешенным взглядом.

— Но это самый простой вариант. Есть ведь и другой, куда гораздо более интересный, так, Джессика? Однако, что мне сейчас по-настоящему интересно: это, каким образом ты передала информацию о цели для удара. Причём прямо в режиме онлайн. Если не смартфон, не спутниковый телефон, то что?

Он протянул руку, взял её за подбородок и повернул её голову из стороны в сторону.

— В тебя что-то вшили?

Джессика резким движением высвободила голову из руки Алексея.

— Что, неужели прямо в голову запихнули? Ну, достижений Силиконовой долины я никогда не отрицал. А потом, значит, был взрыв, и твоя техника дала сбой на почве электромагнитного импульса. Мда, законов физики ещё никто не отменял. Тебя не смогли отслеживать. И кто-то, кто тебя отправил на задание, посчитал, что цель уничтожена.

Но вот мы вылезаем из колодца, выходим на военных, и информация о спасшейся гражданке США уходит наверх. А я должен был сообщить обо всех уцелевших пассажирах поезда.

И знаешь, что это значит? А это значит, что где-то уже в наших структурах сидят настолько глубоко зарытые «кроты», что их даже большая чистка, последовавшая после начала войны, не затронула. И что, у них тоже что-то вшито в голову?

Он встал и вернулся на своё место.

— Как ты не вспомнить про «страшное» чипирование, да Влад?

Всё изменялось в один миг. Влад чувствовал себя растерянно и червь сомнения всё ещё продолжал его грызть. Да, он бросил кирпич вслед убегающей американки, но сделал это больше инстинктивно, чем осознанно, и что если она действительно всего лишь туристка, оказавшаяся не в том месте и не в то время? И если это так, то...

— Вы не понимаете, — вдруг тихо произнесла Джессика, без малейшего намёка на американский акцент. — Они убьют всех, кто мне дорог. Моих родителей, моего сына.

— Ну вот, Влад, — отозвался Алексей. — Теперь сомнения отпали? Признаю, ты меня обвела вокруг пальца. Но кто я такой, чтобы тягаться с профессиональными полевыми оперативниками? Обычный сотрудник пограничной службы!

Получается, что всё это время рядом с ним находилась та, кто имеет непосредственное отношение к убийству его жены? Что это — предательство? Можно ли считать, что Джессика предала Влада, если предательство — это её профессия? Пальцы рук до крови впились в ладони, сжавшись в кулаки.

— Они всё равно найдут и убьют вас. Я не знаю, зачем им это. Я всего лишь должна была сесть в поезд и всё, а потом ждать инструкций, — в её голосе уже не было жалостливых ноток, скорее наоборот, звучала некоторая обречённость, акцента и след простыл.

— Хорошо, что ты заговорила, а то пришлось бы искать к тебе другие подходы, со

многими из них ты должна быть знакома. Особенно вы любите такие использовать в Гуантанамо. Да и на сомнения Влада смотреть откровенно больно. Но даже твои наниматели кое-чего не знают.

Алексей бросил взгляд на Влада, стараясь оценить его состояние. Тот сидел на импровизированной скамье, сооружённой из пары кирпичей и старой доски, и на его скулах играли желваки.

— Твой встроенный GPS-трекер, или что там в тебя вшили, снова работает. Джессика? — спросил капитан американку. — Или нас просто попробуют вычислить на дороге?

Джессика отвернула лицо и уже не пыталась зацепиться глазами за взгляд Влада, и лишь часто дышала.

— Да, ловко это у тебя вышло, — Алексей покивал головой. — Обстановка была такой, что мама не горюй, и я ведь реально решил, как сказал Влад, что ты просто студентка, туристка, застрявшая в России в самый разгар Апокалипсиса. Одна из многих таких же иностранцев. Тем более, что ты была важна, так как тоже ехала тем поездом. Почему для них так важен поезд — пока ещё не знаю, но желание уничтожить всех, кто в нём был, наталкивает на некоторые мысли.

Влад решил, что Алексей пытается этими словами надавить именно на него, хотя, учитывая фактическое признание Джессики, он и так понимал, что она несёт ответственность за покушение на него и смерть Али. Куда уж дальше давить и намекать.

— Думаю, нас бы давно уже нашли, если бы твой трекер был исправен. Скорее всего, наше местоположение попытаются вычислить по блокпостам, которые мы проезжали. Ну что, Влад, подождём друзей нашей американской подруги? Или пропустим их вперёд, так сказать? Они же будут искать двух мужчин и одну женщину, а если женщины не будет, то искать уже будет сложнее.

— Они всё равно вас найдут, — вновь прошептала Джессика, не оборачиваясь.

— А мы будем готовы к встрече, Джесс, — усмехнулся Алексей. — Как кто-то говорил из древних: предупреждён — значит вооружён.

Алексей распорядился, что первым будет дежурить он, а через четыре часа его сменит Влад, но Влад, как ни старался, не мог уснуть, поэтому он просто лежал, отвернувшись к стене с открытыми глазами, уставившись в стену с облезлой штукатуркой, из-под которой выглядывал старинный кирпич. В голове, подобно растревоженному улью роились мысли, не давая покою мозгу.

Когда Алексей потрепал его по плечу, чтобы тот просыпался и принимал дежурство, Влад просто встал и занял своё место, так чтобы было видно выход из комнаты и их пленницу.

Джессика сидела с закрытыми глазами, и было абсолютно не понять, спит она или только делает вид, что спит.

И надо же, именно сейчас он вдруг стал испытывать жуткую усталость. Организм — сволочь! Ну, надо же так! Какая-то подстава. Ладно, как-нибудь досидит. Он ногтем с силой вдавил между указательным и большим пальцем, пока не почувствовал сильную боль — сонливость отступила.

Так он проделывал ещё несколько раз, но боль становилась всё менее ощутимой, какой-то притуплённой. Наручные часы показывали без пятнадцати два.

Что-то хрустнуло. Наверное, ветка, или зверь какой по лесу ночью шастает. Мало ли тут

зверья всякого бродит. Да хоть бы и медведь в берлогу не залёг, зима вон какая тёплая. При мысли о медведе стало не по себе, а сели он залезет в дом? А может быть он уже внутри?

Влад ощутил, как тяжёлая лапа медведя опустилась на его плечо, и от этого касания вздрогнул всем телом.

— Просыпайся! Просыпайся, говорю! — Алексей расталкивал Влада.

— Что?! Что случилось?

— Американка сбежала!

— Как?!

Влад посмотрел на часы, до конца его дежурства оставалось каких-то пять минут.

— Как, твою м@ть?! Ты заснул! Вот как!

— В смысле! Мне казалось, что я не спал!

— Да по@рен теперь уже! Сейчас бы понять, когда она ушла.

Влад посмотрел на часы — стрелка едва перевалила за два часа ночи.

— Я помню, что, — он запнулся, — перед тем как заснуть, на часах было без пятнадцати два.

— Хорошо, значит, тогда она ещё была здесь, — кивнул Алексей, собирая рюкзак. — У неё максимум десять минут форы, а мы, свернув с трассы, ехали на автомобиле сюда минут пятнадцать, не меньше. Нам придётся поднажать — сможешь?

— Придётся.

Алексей бросил Владу налобный фонарик, который тот тут же нацепил поверх шапки. В луче фонарика промелькнули валяющиеся на полу разорванные или перегрызенные хомутки, которыми были стянуты руки и ноги американки. Только руки-то у неё за спиной были связаны!

Это получается, что она... так вот какой хруст он слышал во сне, друг осенило Влада! Она вывернула руки из суставов! Это ж как надо изловчиться!

— Знал бы — связал её полностью! — Алексей перехватил взгляд Влада.

Да что уж теперь! Надо постараться её догнать и перехватить.

Они выскочили в ночь, узкий свет фонариков дёргался рваным лучом по стволам деревьев, и разве что не мешал больше, чем помогал видеть дорогу. Наверное, от такого мерцания любой склонный к эпилепсии человек уже бы дёргался в припадке.

Алексей бежал метрах в десяти в стороне, явно уходя в отрыв, Владу не оставалось ничего другого, как стараться поспевать за ним, не теряя его из виду. А в ночном лесу это было сделать крайне проблематично, даже невзирая на луч фонаря.

Они бежали по ночному зимнему лесу, перепрыгивая через упавшие стволы, поскользывались, поднимались и снова бежали. Необходимо было догнать Джессику до того, как та доберётся до основной трассы.

Корни и ветки мешались под ногами и били по лицу. В какой-то момент, Влад с разбегу наступил на шишку, которая перекадилась под подошвой ботинка, и он с размаху рухнул в стылую грязь. Фонарик, издав предсмертный треск, погас. Ну, ночь безоблачная и на том спасибо, а то вообще бы ничего не разглядеть было.

В какой-то момент Влад потерял из виду брезжащий свет от фонарика Алексей и поймал себя на мысли, что так и заблудиться не долго. Вскоре он чуть не выскочил на опушку леса, но услышал приглушенный окрик пограничника, который лежал за пригорком, скрытый кустарником.

Влад подоспел к пограничнику, который рукой показывал ему, что надо пригнуться. И

потом, когда Влад оказался рядом, молча показал рукой по направлению, куда они бежали.

Там на просёлочной дороге, метрах в ста пятидесяти — двухстах от них, стояли два «джипа», а рядом группа солдат в форме вооружённых сил России. Все были в противогазах. Человек десять не больше.

— Наши?! — чуть не выкрикнул Влад, то ли от радости, то ли от удивления.

— Да тише ты! — зашипел на него капитан погранвойск, и прижал его к мёрзлой земле. — Лежи тихо! Вроде, не слышали.

— Что не так? — еле слышно произнёс Влад.

Алексей покосился на него.

— Тебя приходили убивать люди в полицейской форме, помнишь?

Влад, соглашаясь, кивнул. Действительно, с его стороны было неосмотрительно себя так вести, видимо адреналин брал своё. Понятно же, что если их ищут, то использование ряженых — наилучшая тема в этом вопросе, особенно, если ещё и документы будут сделаны на уровне.

— Щас узнаем, наши это или не наши, — капитан жевал сорванную еловую иголку.

Американка, задыхаясь, выбежала на просёлочную дорогу прямо на группу людей в военной форме и противогазах. Они стояли и что-то обсуждали, глядя в планшет, иногда осматриваясь. Наверное, сверялись на местности.

Казалось, они даже несколько удивились, когда из-за деревьев в свете включённых фар к ним на встречу вывалилась запыхавшаяся исцарапанная ветвями девушка. Хотя типичная морда противогаза и скрывала все эмоции. Потом они, однако, словно бы узнали её, и один из них протянул ей флягу, из которой та жадно отпила.

Влад снял винтовку и попытался прицелиться, но из-за того, что Влад дышал как загнанный конь, прицел «гулял» из стороны в сторону. С такой точностью поразить шпионку было не то что затруднительно, а просто невозможно. Однако, Влад был настолько зол на себя за то, что уснул и упустил ту, которая руководила убийством его жены, что готов был выпустить всю обойму.

— Тихо-тихо, — Алексей рукой опустил ствол «Драгунова». — погоди. Не стоит тебе начинать с убийства женщины.

— Она убила мою жену.

— И, тем не менее, — продолжал Алексей. — Посмотрим, для начала, чем их встреча закончится, да и шмальнув, ты выдашь наше местонахождение. Если что будем уходить с тем, что есть.

Тем временем на дороге, в жёлтом свете фар и начавшем падать жидком мокром снеге, происходило общение «американки» с солдатами в форме ВС РФ. Она что-то оживлённо, сбиваясь на тяжёлое дыхание, рассказывала, и показывала в сторону Влада и Алексея.

— Вот тв@рь! — прошипел Алексей, делая акцент на слове «тв@рь». — Провела меня, чтоб её! Стоило догадаться, да спецуре сдать су@ку, чтоб душу из неё вынули!

Солдат, с которым разговаривала, молча слушал её, хотя отсюда было не слышно даже то, что говорила Джессика. Может быть, он ей что-то и отвечал, но за противогазом движений губ, как и вообще лица, видно не было.

Влад ещё раз посмотрел в оптику на людей внизу. Перед глазами стояло лицо умирающей у него на руках Али. Джессика, или как там её на самом деле зовут, фактически призналась в убийстве, а потом подтвердила подозрения, сбежав. И потом она столько дней пользовалась его доверием?

Палец сам нажал на курок до того, как Алексей успел среагировать и пресечь стрельбу. Пуля вошла в бок под левым локтём. Джессика вздрогнула и упала на колени, будто марионетка, у которой одновременно срезали все нити, соединяющие её конечности с крестовиной в руках кукловода, а потом завалилась на спину.

Всё завертелось с небывалой скоростью, события сменяли друг друга как летящие мимо вагоны поезда.

Алексей тоже начал стрелять и снял сразу двух «солдат», остальные пригнулись и попытались укрыться за автомобилями, но ещё одного подстрелил Алексей — пуля прошла сразу две ноги бойца, из-за чего тот упал на руки, выронив автомат. Ещё один «удачно» высунулся из-за машины под пулю, которая вошла аккурат промеж глаз, скрытых противогазом.

Наконец противник пришёл в себя и начал ответный огонь, но теперь их было уже на четверых меньше.

— Меняй позицию! — кричал Алексей Владу. — Не стой на одном месте!

С ловкостью опытного человека Алексей на ходу перезарядил автомат и побежал в сторону и вперёд, ведя стрельбу короткими очередями. Влад тоже побежал, но в противоположную сторону, чтобы найти более удачное место для стрельбы, где было бы видно укрывающихся за джипами «солдат». Вокруг по стволам деревьев стучали пули, но били они чуть поодаль, там, где уже Влада не было. Значит, они их не видят! Нет у них тепловизоров или приборов ночного видения. Или пока не успели надеть — тут же пронеслась мысль.

Влад упал за поваленным деревом и прицелился в движущиеся тени. Выстрел. Ещё один враг как подкошенный завалился в зимнюю грязь просёлочной дороги. Даром, что он по тарелочкам стрелял, пока ружьё не продал. Давай ещё одного? Но в этот миг вокруг засвистели пули, заставив Влада вжаться в землю.

Что-то ухнуло, и секунду спустя неподалёку расцвёл огненный тюльпан. А потом ещё один, и ещё! Стали прилетать выстрелы из подствольных гранатомётов.

Насколько это возможно, Влад отбежал ещё в сторону, когда снова услышал характерное уханье, только теперь взрыв раздался со стороны автомобилей. Это из подствольника ударил Алексей.

Джип дёрнулся и загорелся, от него шарахнулись несколько теней, одну из которых успел подстрелить Влад.

Тут в свете горящего автомобиля Влад увидел, что буквально метрах в тридцать от автомобилей бежит пограничник, на ходу бросая одну гранату за другой. После чего в перекате влетел в кювет и открыл огонь из автомата. Раздалось два взрыва подряд, после чего со стороны капитана снова ухнул подствольник, а рядом с джипами взлетели комья грязи.

Наступила оглушительная тишина. Владу даже показалось, что он оглох. Только сосны скрипели, цепляя ветер своими кронами, да разбуженная ворона каркнула, словно проверяя, не оглохла ли она часом сама.

Влад перевалился на спину, изо рта вырывался пар. Сквозь ветви сосен виднелся темный бархат холодного неба с разбросанными бриллиантами звёзд. Надо же — небо очистилось. А сколько шёл бой — минуту, две три? Его бил легкий озноб, адреналин всё ещё гулял по жилам.

Минуту спустя дыхание более-менее пришло в норму, и он поднялся. Осторожно,

пригибаясь и достав наизготовку пистолет, который до этого ему вручил Алексей, он стал потихоньку спускаться к дороге, прячась за деревьями.

Нет, вроде бы никакого движения со стороны джипов не наблюдалось, было всё также тихо. Выглянув из-за дерева, он увидел, как из кювета осторожно выбирается капитан, готовый в любой момент открыть огонь из своего АК-12.

Алексей приблизился к автомобилям, осторожно обошёл их вокруг и помахал рукой Владу, который подбежал к нему, держа пистолет к низу обеими руками. Вокруг лежали тела в противогазах, растерзанные пулями и осколками.

К нему подошёл Алексей и одной рукой схватил его за куртку, слегка притянул к себе и злобно произнёс:

— Никогда! Слышишь! Никогда так больше не делай! Бл@ть, нас могли порешить из-за тебя! Их было больше в пять раз! Если бы не внезапность, нам бы — п@@@а!

Влад впервые видел Алексея таким нервным и злым. Всё то время, что они знакомы, пограничник вёл себя если не дружелюбно, то, крайней мере, не весьма и весьма сдержанно.

— Но не порешили же, — сбивчиво ответил Влад.

Видно было, что Алексей хочет сказать ему ещё пару «ласковых», но сдержался и только погрозил ему кулаком. А потом осмотрелся и совсем другим, по-детски довольным тоном произнёс:

— Но получилось круто. Ничего не скажешь! — он похлопал Алексея по плечу. — Давай соберём боеприпасы, какие найдём, пригодятся.

Они стали обходить тела и вытаскивать целые магазины с патронами из разгрузок убитых. Алексей до кучи снимал гранаты, нашёл подсумок для гранат ГП.

Вокруг пахло бензином, жжёной резиной, пластиком и обгоревшей плотью. Влад заметил какое-то движение там, где должна была лежать Джессика.

Он подошёл к раненой девушке, кровь, вытекая из раны, смешивалась с водой в луже и тающим снегом. Она была ещё жива, не смотря на то, что у неё изо рта лилась кровь. Её глаза дёрнулись, когда в поле зрения попал Влад. Окровавленные губы стали шевелиться.

Опустившись на одно колено, Влад склонился над ней, стараясь не терять бдительности и держа в поле зрения её руки. Но в них ничего не было, они безвольно лежали в холодной грязи с красными разводами.

Влад наклонился ещё ниже, в попытке расслышать, что же она пытается сказать.

— Всё...должно...остаться..., - она закашлялась кровью, — как... должно быть.

Влад подавил горячее желание пустить ей пулю в лоб, избавив от мучений. Нет уж, такой милости он ей не окажет. Пусть так подышает.

— Прости, — вдруг еле слышно прохрипела она, сделав последний выдох, и её взгляд замер навсегда, но Влад не стал закрывать ей глаза, не хотел.

Вскоре подошёл Алексей, нагруженный оружием и боеприпасами, протянул пару автоматов и полную боекомплектную разгрузку.

— Всё, валим отсюда, Рембо хренов! Она что-то успела сказать? — поинтересовался он.

— Так, бредила перед смертью, — пожал плечами Влад.

— А, ну ладно. Уходим. Нам ещё вещи в поместье собирать.

Они направились в сторону леса, оставляя позади одиннадцать трупов и два горящих автомобиля.

Глава 21. Пленный

Наверное, тьма стояла бы кромешная, как-никак глубокая январская ночь, но внезапно просветлевшее небо с всполохами северного сияния и догорающие автомобили давали достаточно света человеческому глазу, чтобы не наткнуться на что-нибудь в темноте. К тому же у Алексей оставался ещё один целый фонарик.

Накатившая эйфория от первого и удачного боя пока притупляла боль в ноге и отодвигала страх за свою жизнь куда-то на задний план. Что значит какое-то растяжение, учитывая, что они вообще не получили ни царапины?

События этой ночи породили лишь больше вопросов относительно происходящего, но сейчас было совсем не до них, сердце, наполненное богатой адреналином кровью, стучало как бешенное и всё никак не хотело сбавлять темп. И это вот так всегда после боя?

В какой-то момент Влад осознал, что вообще не думал, что его могут убить, он просто старался поразить как можно больше противников и всё. Это тоже нормально? Странно, но чувство опасности только сейчас стало робко напоминать о себе. Стало вылезать из погребка подсознания и робко стучаться в двери разума, приговаривая: «Ты там совсем уже? Не надо так!»

Они стояли над телом Джессики, которая невидящим взглядом смотрела в небо. Милое молодое личико, на которое упала печать насильственной смерти.

Алексей внезапно решил вернуться к лежащему в холодной грязи телу, когда они почти уже подошли к лесу.

— А всё-таки было бы интересно узнать, что у неё внутри, как думаешь? — не то в шутку, не то в серьёз произнёс Алексей, но голос его был полон адреналинового азарта. — Можно было бы понять, как она общалась с кураторами. Смартфон-то я так у неё и не нашёл.

— Ничего бы ты не понял, — поморщился Влад, представив, как Плетнёв копается во внутренностях мёртвой американки, распиливает её череп и роется в мозгах. — Ни ты не понял, ни я. Нет у нас соответствующих знаний. Чип в неё зашили, или наноботами напичкали — не поймём, если сразу на провода не наткнёмся.

Капитан, соглашаясь, закивал.

— Ну, если здесь вскрытие делать, то конечно. Это надо, чтобы специалисты разбирались. И связаться не с кем, да и нельзя — вычислят.

— Ты про крота на самом верху серьёзно?

— Да. Ладно, пошли отсюда, — с сожалением произнёс он.

Они двинулись в сторону леса, чтобы поскорей добраться до поместья и своего «патриота». Надо было убираться как можно скорее. Влад бросил взгляд на место боя и вдруг затормозился.

— погоди, кажется, тот ещё жив! — Влад указал на бойца, с простреленными ногами, которого ранил одним из первых.

— И точно, жив ещё. Видать, просто сознание потерял.

Про этого с простреленными ногами Влад совсем забыл и думать, решил, что тот был добит в горячке боя, учитывая, как Алексей закидывал диверсантов гранатами. Боец незаметно, как он думал, для Алексея и Влада пытался дотянуться до автомата. А когда понял, что спалился, попытался, уже не скрываясь, на одной руке доползти до оружия. Вторая болталась как плеть.

Подбежавший капитан ногой выбил оружие из-под руки, а потом съездил диверсанту берцем по голове, отчего тот перекатился на спину и застонал.

— Что ж нам никак не уйти-то отсюда! — с досадой произнёс пограничник.

— Что будем делать?

— Попробуем пообщаться, пока он кони не двинул, — предложил Алексей и обернулся, окидывая взглядом картину учинённого разгрома. — Только не здесь, надо хотя бы его в лес оттащить. Давай, помогай.

И без того нагруженные оружием, они подхватили раненого боевика под руки и поволокли его в сторону от дороги. Не факт, что в это время суток и учитывая комендантский час, на дороге кто-то объявится, но лишняя предосторожность не помешает. В конце концов, могут заявиться очередные ряженные, но тогда на эффект внезапности можно будет уже не рассчитывать.

Из-под противогаза раздался стон. Раненый диверсант оставлял за собой размазанный красный след на подмороженной дорожной грязи, пока Влад с Алексеем тащили его в лес. Он почти не сопротивлялся, оно и понятно — пуля, выпущенная из винтовки Влада, пробила крупные кровеносные сосуды, не исключено, что артерию, и диверсант просто истекал кровью.

Они протащили его ещё шагов двадцать-тридцать и прислонили к сосновому стволу. Держа пистолет наготове, Алексей наклонился и резким движением руки вверх сдёрнул с «солдата» противогаз. Голова боевика ударилась о дерево, к которому его прислонили.

Лицо как лицо, только искажённое гримасой боли, а может быть и ожиданием близкой кончины. Увидел бы такого на улице в обычное мирное время и даже не подумал бы заострять на нём своё внимание: обычная белобрысая круглая морда — из таких значительная часть России состоит. Хотя, вот ещё поляки по фенотипу на русских очень похожи.

Лицо пленника от боли покрылось крупной испариной, но при этом он оскалился в злобной улыбке.

— Лыбится, — констатировал пограничник. — Весело тебе? Сейчас не будет.

Он наклонился и всунул указательный палец в тактической перчатке прямо в рану на ноге диверсанта, от чего тот дёрнулся, а на лбу у него выступили крупные капли пота.

— На кого работаешь, гн@да?

Пленный, которого отпустила боль, снова стал скалиться, изображая улыбку, но не проронил ни слова. Алексей с размаху саданул ему по челюсти.

— Может, он по-русски не понимает, — предположил Влад.

Пограничник посмотрел на него и продолжил допрос:

— Do you understand me? Where are you from? Who is your chief? Du verstehst mich?

Влад почему-то сомневался, что пограничник знал немецкий дальше этой фразы, но сам он тоже по-немецки мог попросить разве что чашку кофе (фразу выучил ещё в детстве), да сказать «спасибо-пожалуйста-до свиданья». Ещё в голове всплыла фраза «аусвайс битте!» — наверное, что-то из военного кино про партизан и разведчиков Великой Отечественной.

Алексей с размаху отвесил боевику увесистую оплеуху. Голова диверсанта мотнулась в сторону как воздушный шарик на палочке, однако он не проронил ни слова и только злобно тарачил глаза. Как бы так его он не откинулся раньше времени, подумал Влад.

— Отвечай, с@ка! Answer! — потребовал капитан и снова вогнал палец в рану. — Успели передать сигнал? Кому передали? Кто вами руководит?

— По-моему, это без толку, — констатировал Влад. — Только время теряем.

— По-моему, тоже, — выдохнув, согласился Алексей.

Он достал из разгрузки пистолет, передёрнул затвор.

Хорошо ли вот так вот казнить пленного? А именно это сейчас, судя по всему, и собирался сделать Алексей. Логика подсказывала, что нет, тем более, раненого. Но не тащить же его на себе, а оставлять в живых тоже нерационально. Вдруг дотянет до того, как его найдут свои.

Влад рассуждал с точки зрения прагматизма, хотя ещё пару дней назад он бы наверняка воспротивился таким действиям и, как минимум, высказал бы своё отношение. Но не сейчас. Не после того, как он застрелил женщину, которую считал виновной в гибели своей жены.

Алексей вытянул руку, направив дуло пистолета на голову пленного, но спустить курок не успел.

Диверсант всё время держался за бок, в который всё-таки угодила не то пуля, не то осколок брошенной Алексеем гранаты.

— Ну, так что, будешь говорить? — спокойно произнёс капитан. — Даю последний шанс, чтобы продолжить своё никчёмное существование.

Что-то отразилось в глазах боевика, казалось, он всё-таки понимает, то, о чём его спрашивают. Его губы еле-еле зашевелились, будто он пытался что-то сказать.

— Что? Я не слышу! — он наклонился, чтобы расслышать шёпот.

— Вы... все..., - тяжело дыша, пытался говорить пленный, но при этом что-то явно дёргал единственной целой рукой под разгрузкой.

— Да что у тебя там?! — разозлился Алексей и выдернул руку диверсанта из-под разгрузки.

В окровавленной ладони была зажата граната. Без чеки. Оскал на бледном лице диверсанта стал ещё более животным, а глаза буквально замерли, поражая своей решительностью.

— В сторону! — выкрикнул Алексей.

Влад даже не успел оценить ситуацию, как и без того ноющие растянутыми сухожилиями ноги самостоятельно совершили прыжок, он упал в нескольких метрах ногами к месту потенциального взрыва и накрыл голову руками.

Алексей перехватил руку диверсанта, не давая ему разжать ладонь, схватил второй рукой его за шиворот и дёрнул на себя, так что рука с гранатой оказалось прямо под животом боевика. А сам отскочил в бок.

Раздался взрыв.

Влада осыпало хвоей и мелкими кусками коры с деревьев. В воздухе повис запах пороха с металлическим привкусом и ещё чего-то противного.

— Влад! — раздался напряжённый голос пограничника. — Ты там как, цел?

— Да, — отозвался Влад, и тихо добавил, — вроде.

Влад перевалился на спину и ощупал себя. Голова гудела, в ушах стоял звон. Он осторожно привстал на коленях, опираясь на винтовку, чтобы не упасть, ещё осмотрел себя. Вроде руки ноги на месте, других ранений не заметно. Лимит везения на сегодня был явно исчерпан и ангел-хранитель готов всё бросить и уйти в отгул.

— Это что сейчас было? — ошарашено спросил он.

— Знал бы..., - не закончил фразу Алексей.

Пограничник, если судить по выражению лица, сам был удивлён не меньше Влада. Он

тоже, пошатываясь, поднялся на ноги.

— Это — не нормально, — произнёс Влад. — Он мёртв?

Алексей посмотрел на развороченное взрывом, лежащее навзничь тело «солдата», от которого несло гарью, кровью и дерьмом — взрывом разорвало в клочья кишечник.

— Мертвее не бывает, — ответил он.

Он подошёл к недвижному телу, земля под которым уже пропиталась тёмным, и ткнул его носком берца — никакой реакции. Как будто могло быть иначе.

— Допрос окончен, — произнёс он. — Теперь точно уходим!

Сначала бежишь в темноте весь в мыле вниз, потом нагруженный поднимаешься вверх — Влад был не готов к таким нагрузкам, в груди всё горело, будто в легкие залили раскалённого свинца, ноги начинали предательски дрожать, к тому же одна очень сильно болела. Хотелось уже сесть и ехать, а то и просто сесть, хоть бы прямо здесь. А лучше лечь. Весь организм будто трясло изнутри. Ему явно требовался отдых, но каждый раз каким-то усилием воли он заставлял себя сделать ещё сотню другую шагов по пересечённой местности.

Надо было уходить. Причём быстро. Если эта группа успела передать сведения о своём местонахождении, или даже элементарно не вышла на связь в установленное время, то зная её маршрут, вычислить примерные координаты их местонахождения будет не сложно. А если они были снабжены такими же датчиками, как и Джессика? Тогда они точно знают, где они, и всё будет зависеть только от того, как далеко находится ближайшая к ним другая группа диверсантов. Сто, пятьдесят, десять километров? Время поджимало, а ожидание надвигающейся опасности подстёгивало лучше чем, скипидар, нанесённый на пятую точку кота.

Вскоре они добрались до заброшенной усадьбы, собрали по-быстрому манатки в комнате и побросали их внутрь «патриота».

— Да чтоб тебя! — выругался Алексей. — Не было печали!

Он рассматривал спущенное колесо.

— Думаешь, она?

Капитан поднял рядом лежащую доску с торчащим гвоздём, ржавчина на котором явно была потёрта.

— Кто же ещё! — ответил он, однако осмотрелся по сторонам.

Влад тоже посмотрел вокруг, при этом руки непроизвольно потянулись к винтовке. Бережёного Бог бережёт, как говорится. Кто знает, кого мог привлечь шум перестрелки и взрывов, к тому же из головы не шла история с бандой, которую сколотил руководитель хора. Даже если того со всеми подручными расстреляли по законам военного времени, то нет никакой гарантии, что в окрестностях не шастает другая банда из беглых зэков или просто потерявших человеческий облик гражданских.

— Успела пробить только одно. Видимо, я как раз проснулся, и она решила не рисковать, — рассуждал Алексей.

— Два.

— Что «два»?

— Два колеса проткнула, — Влад пнул ещё одно, заднее, сухожилия тут же напомнили о себе болью.

— Бл@!

— Извини, видимо, часовой из меня так себе. Если бы не уснул...

— Да забей уже! Ещё хр@н знает, что лучше: может они бы так нас врасплох застали, а так — мы их. Сейчас надо что-то придумать с этим, учитывая, что запаска только одна. Причём, по-быстрому.

— Думаешь, за ними могут прийти другие?

— Если успели сообщить о контакте, то очень даже, — Алексей вытаскивал запаску, которая оказалась вполне себе полноценным колесом.

— А если не успели?

— Лучше исходить из первой возможности. В любом случае, если команда не будет отзывать долгое время, могут возникнуть вопросы и другие могут быть отправлены по её маршруту. — подтвердил догадки Влада пограничник. — Хотя пока, вроде как, тихо.

— Откуда знаешь?

Алексей достал из кармана рацию.

— Взял у одного из этих. Пока никаких сигналов не поступало. Никто никого не вызывал.

— Это если наши клиенты не должны были уже отзвониться, — возразил Влад.

— Правильно мыслишь, — согласился капитан, — поэтому надо поспешать.

Он поставил запасное колесо на землю и стал искать домкрат. А потом присел на корточки, задумчиво глядя на вторую пробитую покрышку.

— Хз, что с ней делать, может бросить тачку и не мучиться? Чем быстрее уйдём, тем дальше будем.

— Если починим, то по любому уедем дальше, чем дошли бы на своих двоих. К тому же, — Влад посмотрел на свою ушибленную ногу, — не факт, что я смогу далеко уйти, если продолжит распухать. С тем же успехом меня можно оставить здесь прикрывать отход.

— Твою м@ть! У меня идей нет, — развёл руками капитан.

Походу он реально был готов всё бросить и пойти пешком, даже с хромящим следом Владом. И куда бы они так дошли? Через десять километров нога окончательно распухнет, и на неё будет невозможно ступать. Опыт перелома и вывихов конечностей у Влада был, и он особо не надеялся на то, что организм внемлет его пожеланиям и каким-то чудом постарается заглушить боль. Если это просто сильное растяжение, то надо дать конечности отдохнуть, а если трещина? Хотя нет, при трещине он бы вообще бы не смог передвигаться.

Не исключено, что капитан намерен раздобыть новый транспорт, но до него, в любом случае, надо ещё дойти. А это как раз и было проблемой.

— У меня есть одна, однажды помогла.

— Да? Бабахнуть из винтовки, чтобы противник одновременно из всех стволов начал шмалять в тебя в ответ?

Влад не стал отвечать на колкость, а пограничник добавил:

— Ладно-ладно, шучу. Предлагай.

Влад достал нож и, хромя, залез внутрь автомобиля, где провёл около минуты, а когда вернулся, в руке у него был саморез, который он нашёл в салоне.

— Если бы она порезала шины, то пришлось бы бросить, а так, стоит попробовать, — он всё-таки надеялся, что им получится отсюда уехать. — Клей есть?

Алексей пошарил в коробке с инструментами и вытащил чёрно-жёлтый тюбик «Момент».

— Подойдёт?

— Вполне, — кивнул Влад. — Как-то встрял на трассе, а запаски не оказалось — забыл

— пришлось выкручиваться.

Он намазал саморез клеем и место прокола клеем, насадил его на лоскут какой-то резины, и вкрутил его отвёрткой.

— Спускать конечно будет, но доехать до ближайшего блокпоста позволит. А насос-то у нас есть?

— Обижаешь! — воскликнул Алексей. — Полковник хоть и угрожал мне трибуналом, но машину укомплектовал то, что надо.

С этими словами он достал из багажника электронасос и стал подсоединять его к колесу.

— Только сильно не накачивай, — посоветовал Влад.

Пока насос качал одно пробитое покрышку, они максимально быстро установили запаску, после чего закинули инструменты в багажник, и заняли свои места.

На секунду пограничник задумался, держась за ключ, вставленный в замок зажигания. Владу даже показалось, что тот мысленно перекрестился.

Поворот ключа — двигатель привычно заурчал. А ведь и правда, американка могла испортить автомобиль, куда как более серьёзно, чем просто проколоть пару покрышек, чтобы уж они точно не могли им воспользоваться. Но «патриот» был на ходу, и беглый осмотр не выявил заложенных гранат или ещё каких-нибудь сюрпризов в этом роде. Видимо, у Джессики действительно не было времени.

Автомобиль развернулся и, подпрыгивая на неровностях, выехал на дорогу, которая, впрочем, тоже не отличалась равномерностью распределения покрытия, как и абсолютное большинство третьестепенных дорог. Есть направление, не заросшее кустарником — уже хорошо.

Ехать через место боя они не рискнули, Алексей говорил, что дальше по грунтовке можно найти поворот, ведущий на основную трассу. Влад на этой местности не ориентировался, карт в руках капитана он тоже не видел, поэтому не мог знать, говорит ли пограничник правду или просто надеется, что съезд на шоссе в итоге должен быть, его не может не быть.

Они успели отъехать от места боя километров десять, когда Влад попросил остановить автомобиль. Он открыл дверь и, едва покинул салон, его стошнило. Всё, что он несколько часов назад съел, вырывалось наружу, расплёскиваясь по мёрзлой земле.

Вернувшись к роли обычного пассажира, у Влада появилось время, чтобы поразмыслить над событиями последних дней. Вернее сказать, мысли сами стали стучаться в его сознание, накатывая волнами растревоженной совести, которые разбивались о камни чувства мести.

Удивительно, но даже после того случая у лагеря, когда он застрелил провокатора, он не чувствовал себя так плохо. Даже тогда его не тошнило. Хотя, может быть, дело не в самом факте убийства, а в том, что организм просто так реагирует на всплеск адреналина? А может быть всё потому, что тогда он ещё не осознавал, что его самого могли легко убить, а тут он буквально прошёл по краю жизни и смерти.

Нет, всё-таки есть что-то неправильное в том, что он не сдержался и нажал на курок первым, выбрав целью женщину. Теперь надо как-то с этим жить. И не факт что получится. Как бы ты глубоко не запихивал травмирующие воспоминания в подвал подсознания, они всё равно будут время от времени приоткрывать крышку подпола, напоминая о своём существовании и бросая осуждающий взгляд из темноты.

Он стоял, вытирая рот рукавом, и думая над тем, что он сделал. Меньше часа назад он

убил несколько человек, одним из которых была молодая женщина. Пусть она и была агентом иностранных спецслужб, но она была женщиной, которая, в целом, ему даже нравилась, да простит его Аля. Но какого-то особого сожаления он не испытывал и муки совести его не мучили. Пока не мучили.

Пограничник его не торопил. Алексей стоял рядом с автомобилем и курил. Дорога была пустой, но капитан всё равно был при автомате, который висел на перекинутом через плечо ремне.

— Не буду говорить, что это нормально, — произнёс Алексей. — У всех по-разному. Меня в первый раз вывернуло, когда пришлось заколоть противника в ближнем бою. Это я тебе скажу совсем не то же самое, что из огнестрела цель поразить. Поверь, я знаю. Хотя, погоди, ты же уже убивал. Ещё в городе, так?

— Было дело, — нехотя подтвердил Влад.

— Тогда это просто шок от первого боя. Встречал мужиков, которых после каждого трясло, как после первого раза. Так что не переживай, пройдёт. Или нет. Точнее... — он бросил окурок на землю и затоптал его. — А, короче, поехали уже.

Они проехали ещё несколько километров по грунтовке, потом выехали на более-менее асфальтированную дорогу местного значения. Здесь пришлось понервничать, так как по пути им попался патруль, который уже остановил забитый людьми и вещами микроавтобус для проверки документов.

Водитель микроавтобуса и ещё двое гражданских, в том числе одна женщина, что-то шумно объясняли военным, а женщина даже срывалась на плаксивый крик. Остальные пассажиры сидели внутри и не отсвечивали.

Боец с погонами сержанта, заметив приближающийся «патриот», выставил левую ладонь в тактической перчатке вперёд, приказывая остановиться, вторая рука держала направленный на них автомат, и Алексей припарковался на обочине.

Несколько обнадёживало то, что эти солдаты при отсутствии прямой необходимости не закрывали лицо противогазами, Влад вспомнил ночной бой, и им можно было открыто взглянуть в глаза.

Увидев за рулём военного, сержант слегка расслабился, но всё равно потребовал документы, который ему тут же предоставил капитан, вынув их из нагрудного кармана.

Сержант изучил бумаги, вопросительно посмотрел на Влада.

— Это со мной, сержант.

Тот только кивнул. Полистал документы и вернул их капитану, отдав честь. Похоже, что эти солдаты, в самом деле, были свои.

Пограничник вылез из автомобиля и пошёл переговорить с патрульными. Умел он втираться в доверие, этого у него не отнять. Вытащил каким-то чудом сохранившуюся пачку сигарет из кармана, протянул солдатам, некоторые потянулись за куревом, а сержант, так ещё и про запас одну прихватил.

Они несколько минут о чём-то беседовали, сержант даже что-то показал Алексею на планшете. Тот только оживлённо закивал. Потом он затушил носком берца брошенный на покрытый инеем асфальт окурок и вернулся за руль.

— Эти ребята — не наши клиенты, — с облегчением произнёс пограничник. — О каких-либо инцидентах с применением оружия в отношении военных этой ночью не слышали. Просто патрулируют по маршруту, пугают мародёров. Этих вот тормознули, увидев, что микроавтобус забит шмотками и прочими материальными ценностями.

— А нормально было так выходить и говорить с ними? — с недоверием спросил Влад. — Вдруг всё-таки это очередная группа ликвидации.

То, как Алесей подчинился приказу остановиться, и вышел общаться с патрулём, ему показалось несколько опрометчивым.

— Иногда просто приходится рисковать, Влад. К тому же, будь они диверсантами, нас бы порешили при первой же возможности, уж поверь. Или нас бы расстреляли свои же, если бы не остановились, сейчас разговор короткий. Как тебе такая вилка?

Ну да, и раньше-то нарушение требования остановиться грозило тем, что гаишники начали бы стрелять на поражение, что уж говорить о нынешних далеко не простых временах. Вилка, да, непростая.

— Что-то интересное удалось выяснить? Что он тебе на планшете показывал?

— Да ничего такого, очередная военная пропаганда.

— А конкретнее?

— Наша подлодка смогла подобраться к восточному побережью США и заснять с беспилотника результат ответного удара по Нью-Йорку. А то знаешь, у нас же народ недоверчивый, пока не покажут, не поверят.

— Да и сейчас скажут, что на Мосфильме сняли, особенно некоторые.

— Это да, — ухмыльнулся, соглашаясь, капитан.

То, что в стране продолжали работать специально подготовленные провокаторы, которые подначивали не сильно критически мыслящих людей, не секрет. Но с ними вели работу спецслужбы. Не то сейчас время, чтобы можно было говорить всё то, что они говорили до войны.

Боже, каким же был травоядным так называемый кремлёвский режим! Ну, реально по отношению ко всякого рода типа журналистам, получающим жалование из-за рубежа, власти вели себя как веганы по отношению к бифштексам — старались не притрагиваться. Другое дело, что некоторые совсем уж начинали границы терять, уверовав в свою полную безнаказанность, о чём даже не стеснялись заявлять публично.

— И как там Нью-Йорк?

— В труху, Влад! В труху! — довольно ответил капитан.

Что испытал при этих словах Влад? Пожалуй, всё-таки удовлетворение. Если бы он узнал, что ответный удар оказался безрезультатным, это однозначно вызвало бы разочарование и не прибавило бы боевого духа ни ему, ни вообще людям, в том числе военным.

Ещё во время своей работы в лагере он сталкивался с просто-таки упёртыми пацифистами и толстовцами, которые говорили, что. Понятно, что таких людей держали на контроле и даже проводили с ними профилактические беседы, если это можно так назвать. Нет, они не были шпионами или штатными провокаторами иностранных спецслужб, но понятно, что подобные речи не внушали доверия у граждан к собственным властям да и вообще сказывались крайне не благоприятно на обстановке в лагере. Пострадавшие от бомбардировки и потерявшие близких людей не выдерживали и кончали жизнь самоубийством, не имея ничего, что их поддерживало бы в их бытии.

А чувство мести, хотя бы и на короткое время, но может заставить людей биться и трудиться ради общей победы.

Да, как и сказал Алексей, эти кадры — пропаганда, но очень нужная и важная. И даже то, как пограничник произнёс «В труху!», с каким выражением это сделал, то, как он был

доволен результатом увиденного, говорило в пользу её необходимости.

Плоха ли война как явление? Безусловно! Горе, которое она приносит семьям, иногда полностью уничтожая их, ни с чем не сравнится. И даже когда война заканчивается, она ещё многие десятилетия не позволяет о себе забыть, тыкая в глаза искалеченными солдатами на паперти и беспризорниками, оставшимися без родительского попечения.

Но означает ли это, что надо сдаться? Что не стоит сопротивляться, а надо лечь на спину и поднять лапки кверху? Проявить, так сказать, толстовское непротивление злу? Но, позвольте, оно же смертельно! Как можно взывать к милосердию и миру во всём мире, когда тебе на голову летит боеголовка, превращающая всё вокруг в радиоактивный пепел? Нет, господа, в такие моменты очень хотелось бы, чтобы тот кто запустил в твою сторону ядерную боеголовку начинал бы молиться, так как понимал бы, что возмездие неизбежно. Даже если ты уже давно будешь расплывён на атомы в эпицентре взрыва, враг должен понимать, что ответ будет обязательно. А главное — ты сам должен это знать. Знать, что ты сам будешь отомщён, что будут отомщены твои родители, твоя супруга, твои дети...

Да, Спаситель говорил, что если тебя ударили по одной щеке, то подставь другую. Над тем, что он имел в виду, веками бьются богословы и философы. Может быть, смысл в том, что ударившему надо дать время одуматься, а не бить сразу в ответ и наотмашь?

В конце концов, он же сказал, что надо всего лишь подставить вторую щеку, а не позволять по ней бить. И уж тем более, Иисус не сказал, что делать, когда щёки всё-таки закончатся. Вполне может так случиться, что продолжение его фразы потонуло в шумном гомоне сопровождавшей его толпы. Или вообще было вычеркнуто из всех источников священнослужителями, переписывающими священные тексты под тусклый свет восковой свечи в каком-нибудь монастыре.

Что если там было продолжение типа: «А если это не поможет, то бейте так сильно, как только можно, ибо объяснять что-либо этим придуркам просто бесполезно!»

Да, Аля частенько называла Влада богохульником за его рассуждения на религиозные темы, а ему нравилось её подначивать, если она уж больно навязчиво для него начинала соблюдать пост или бегать по церквям ставить свечи за здоровье, за упокой и вообще. Обычно это помогало, и Аля не то чтобы соглашалась с мужем, но религиозного рвения у неё значительно убавлялось.

— Я вот сейчас о чём подумал, — задумчиво произнёс Влад, пока они ехали по дороге. — Тот диверсант, он же понимал, что, скорее всего, он тоже погибнет от взрыва гранаты.

— Я бы сказал, что он точно знал это, — кивнул Алексей, занятый управлением автомобилем.

— Но тогда... — Влад попытался сформулировать мысль. — Тебе не кажется, что мы столкнулись с какими-то фанатиками?

— Кто знает, — пожал плечами Алексей.

— Но пойти на то, чтобы уничтожить цель, даже если сам погибнешь, на это не многие способны, на это надо иметь особый склад ума. Верить надо в то, что ты прав.

— Или твоих родных держат в заложниках, тоже вариант.

— Не уверен. Ты видел его глаза? Как он смотрел на нас? А что он там, кстати, пытался сказать? Перед тем как гранату вытащить.

Капитан бросил на него быстрый взгляд.

— «Вы все», — ответил он и снова переключился на дорогу.

— Что это может значить, как думаешь?

— Хрен знает, — пожал плечами Алексей. — Ты сам сказал, что это фанатики. А у них свой особый образ мысли. Я не удивлюсь, если твоя догадка окажется правдой.

— Я всего лишь предположил, — возразил Влад.

— Что ж, не исключено, что твое предположение не лишено оснований. Не знаю, Влад, честно.

— Я догадываюсь, что ты мне много не договариваешь. Однако, учитывая, что нас преследуют — как ты сказал? — группы ликвидации, то у меня возникло стойкое ощущение, что я имею право знать немного больше, чем до этого ты рассказывал.

— Имеешь, — согласился Алексей.

— Но? — перебил его Влад.

— Слушай, я всего лишь имел неосторожность согласиться на участие в эксперименте. Я и мои сослуживцы. Я даже понятия не имею, кто это и что им надо. Из какой они структуры? На какую службу противника работают? Даже не так: сейчас я просто знаю, что они противники. И американцы ли они вообще?

Наверное, у Влада даже расширились глаза.

— погоди, ты хочешь сказать, что ядерный удар нанесли не США?!

Алексей замотал головой.

— Нет, удар как раз нанесла Америка, это однозначно. И союзники их, конечно, куда же без них.

— Тогда, кто эти... которые на дороге остались? Джессика тогда — кто?

— Пока не знаю, — отрывисто бросил он. — А, может быть, и никогда не узнаем. По большому счёту, абсолютно не важно, кто это: диверсанты из специальных подразделений или идейные фанатики. У них, если хочешь, может даже быть своя правда, которой они руководствуются, всё зависит от системы координат.

На текущий момент, ты должен понять одно: одни хотят всеми силами помешать нам сделать то, что мы задумали. Улавливаешь? На текущий момент, и мне и тебе этого должно быть достаточно. Они считают, что мы опасны для их планов. Они не остановятся и будут нас искать.

«Ещё бы понять, что мы собираемся сделать» — подумал Влад, которого начинала напрягать роль ведомого, который только и знает, что его могут грохнуть в любой момент, а за что — не понятно.

Сначала он с Алей чуть не погиб при налёте на вокзал. Потом он сам нарвался на конфликт с провокатором, в котором мог быть убит, и из-за чего его трясло на допросах несколько дней по несколько часов. Затем ряженые в полицейскую форму вломились в его с Алей квартиру — Влад тяжело вздохнул, вспомнив события того вечера — ранили его, убили супругу. Не прошло и нескольких часов, как им пришлось укрываться в колодце от ядерного удара. И вот теперь ночной бой.

Рисковать жизнью приходилось чуть ли не каждый день, при том, что пограничник явно многое недоговаривал. Но и послать его куда подальше, вроде как тоже не имело смысла.

— Потому что мы можем вернуть всё на свои места... Сделать, как было... — не то спросил, не то констатировал Алексей.

— Больше всё-таки похоже на хорошо подготовленных и мотивированных сектантов, — задумчиво произнёс Влад. — Мне представить сложно, как можно самостоятельно вывернуть руки из суставов, чтобы освободиться, а ведь Джессика это сделала, а потом ещё и

пробежала несколько километров по ночному лесу.

Пограничник буркнул что-то нечленораздельное, по всей видимости, нехотя соглашался. Мол, а чего ты ещё ожидал, фирма веников не вяжет, а если вяжет, то — фирменные, вспомнил свой разговор с Гареевым Влад.

— Главное — найти тех, кто сможет нам помочь. Если до них не доберутся раньше нас, — сказал Алексей.

Влад даже не заметил, как рассвело. Просто в какой-то момент зимняя холодная темнота сменилась такой же промозглой зимней серостью, учитывая вновь набежавшие облака.

Они ехали дальше.

***

Можно сколь угодно долго рассказывать, что враг понёс страшные потери в результате ответного удара, но принцип «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» ещё никто не отменял. И даже спутниковые снимки, сделанные уцелевшими космическими аппаратами, не давали того эффекта, который могли обеспечить кадры непосредственно с места событий.

Гражданам необходимо было воочию убедиться, что враг, если и не повержен, то ему нанесён удар такой силы, что он будет ещё веками жалеть о безрассудстве своих руководителей, которое привело к этой катастрофе, а родители будут пугать последствиями непослушных детей.

На большом уличном экране появилось серьёзное лицо ведущего новостного канала. Впрочем, других лиц увидеть на телеэкране было практически невозможно, тем более, что касается новостных программ. Диктор перебирал бумаги у него на столе и поглядывал в экран ноутбука.

После сообщения, которое он услышал в наушнике, он посмотрел в камеру и обратился к зрителям:

— И вот, мы, наконец, готовы представить вашему вниманию эксклюзивные кадры! — корреспондент "Россия-24" был даже несколько возбуждён. — Наш атомный подводный крейсер "Дмитрий Донской" поднялся на поверхность у восточного побережья США, и теперь благодаря выпущенному беспилотнику мы можем увидеть, как выглядит Нью-Йорк, один из крупнейших городов государства, осуществившего вероломное нападение на Россию с применением ядерного оружия!

По всей стране люди собирались у экранов, чтобы самолично убедиться в эффективности ответного удара по Америке. Кто-то сидел дома, кто-то в лагере для беженцев, а кто-то формировал толпу у больших уличных экранов.

Люди словно замороженные смотрели на большой экран, на котором камера, установленная на небольшом разведывательном БПЛА, показывала, как уходит вниз омываемая волнами Атлантического океана подводная лодка. Бегущие по её корпусу люди в защитных костюмах и противогазах возвращались в открытые люки.

— Подводный крейсер готовится к погружению, — продолжал ведущий, — чтобы минимизировать риск нападения с воздуха, хотя, как нам сообщают военные эксперты, в последнее время в этом секторе активность вражеских военных кораблей и авиации практически отсутствует. Но, как известно, бережёного Бог бережёт.

Постепенно камера приближалась к побережью, внизу расстились тёмные и густые, словно смола, воды Атлантического океана.

Вскоре появились знакомые всем по голливудским фильмам очертания Манхэттена. Казалось будто небоскрёбы нисколько не пострадали и стоят так же как и стояли. Кое-кто в толпе стал выказывать осторожное недовольство, что американский город на самом деле уцелел, и сейчас российская власть, как всегда опозорится. Послышались высказывания типа «Да пошёл ты!» и «Иди на х@@!»

— Это в реальном времени? — спрашивает кто-то в толпе.

— Вроде как, — отвечают.

— Да не, если бы в прямом эфире показывали, то подлодку могли бы легко вычислить американцы. Вражеская разведка зубами не щёлкает, сообщили бы по своим каналам и направили бы противолодочные бомбардировщики.

— Типа, шпионы среди нас? — усмехается.

— Запросто, — натывается на серьёзный взгляд.

— Ну, не знаю. Похоже, на прямой эфир.

Тем временем, ведущий новостей продолжал:

— Беспилотник выполнен по технологии "стелс", но всё равно движется на высотах, не достижимых для радаров противника, — сообщил корреспондент. — Хотя, как нам сообщают эксперты, ему всё-таки придётся подняться выше, чтобы сделать обзорные кадры.

Действительно, городские строения, которые издали казались и не такими уж повреждёнными по мере приближения к ним предстали перед зрителями совсем в другом виде. При виде некогда процветающего города, который был одним из самых крупных в США, толпа загалдела, при этом общий тон комментариев был вполне одобрительный.

Вот летательный аппарат пролетел, сделав круг над островом Эллис, на котором установлена знаменитая на весь мир Статуя Свободы. Ну как установлена, скорее была установлена. Обломки некогда известного на весь мир монумента валялись скинутые взрывной волной с постамента рядом постаментом. Голова и рука с факелом были неестественно вывернуты, а обшивка частично сорвана, обнажив металлический каркас.

Немигающие глаза статуи уставились в затянутое низкими свинцовыми облаками небо, а ободранное металлическое лицо словно бы выражало удивление и непонимание происходящего.

— Так им! — раздались в толпе одобрительные возгласы.

— Знатно их приложило!

— На что они вообще рассчитывали?

Небоскрёбы, некогда светящиеся мириадами электрических огней теперь стояли, глядя на окружающий мир пустыми глазницами окон. Большая часть зданий была в той или иной степени повреждена и превратилась в осыпающиеся руины, наваливающиеся одни на другие, будто некий исполин решил сыграть в своё гигантское домино, заставив установленные вертикально фишки падать одну на другую, вызывая цепную реакцию.

Беспилотник продолжал свой неспешный путь. Серые безжизненные руины, автомобили, застрявшие в пробках и так и не сумевшие покинуть остров. Объектив приблизил вид, и можно было разглядеть останки людей, застрявших в своих дорогах и таких бесполезных машинах.

Центральный парк превратился в поле, целиком состоящее из сгоревших деревьев, торчащих изломанными стволами из пыльной земли, словно выгоревшие спички, обращённые головешками своих стволов в мрачное серое небо. Несмотря на зимнее время

года, снег отсутствовал полностью, и только небольшие по размерам воронки завихрений гуляли по опустевшим улицам, подхватывая мусор с поверхности и щедро его разбрасывая кругом.

— А вот сейчас мы увидим эпицентр одного из взрывов. Как известно, над Нью-Йорком взорвалось сразу несколько боеголовок, — произнёс ровным голосом диктор.

Учитывая, что боеголовка взорвалась в воздухе, на земле отсутствовала воронка, которую больше всего ожидаешь увидеть на месте падения бомбы. Но даже без неё было заметно, что в этом месте разрушения были особенно сильными: взрывная волна, упавшая сверху, почти перемолола в порошок здания, а огромные температуры превратили в чёрное стекло всё то, что не обратилось.

Вот ещё одно аналогичное место. Боже, какой же здесь творился ад, когда взрывные волны сталкивались друг с другом, перемалывая в труху всё, что встречали на своём пути, разрывая на куски дома, автотранспорт, деревья, людей.

Сорванный взрывной волной с рельсов поезд безжизненным чёрным червём свесился с эстакады. Те же автомобильные дороги, забитые под завязку брошенным транспортом. Развешивающиеся шторы и жалюзи в разбитых окнах. И ни одного живого существа. Ни человека, ни собаки, ни птицы. Где-то там глубоко под землёй в лабиринте канализации и метрополитена наверняка сохранились крысы и тараканы, но даже они не горя желанием выбираться на поверхность. Есть ли там живые люди? Даже если кто-то и остался в живых, то их судьбе не позавидуешь.

Вид выжженных руин навевал страх, ужас, но одновременно убеждал людей в том, что враг понёс заслуженную кару за смерть их близких и друзей. Можно сколь угодно много рассуждать, что месть это тупиковый путь, что она не может вернуть родных, твою семью, тех, кого ты любил, но знание того, что тот, кто причинил тебе боль, сам понёс не меньшую потерю, давало хоть и мизерное, но всё-таки облегчение.

— Обратились в радиоактивный пепел, — произнёс голос в толпе.

— Большое яблоко превратилось в тлен, — констатировали рядом.

Беспилотник взмыл, давая возможность обзреть то, что осталось от некогда крупнейшего финансового центра мира, и стал удаляться вглубь территории.

Диктор, казалось, замер, глядя на изображение, но потом очнулся и произнёс:

— А теперь к другим новостям. Как сообщает командование Северо-За.....

В обоих полушариях маленькой планеты ещё совсем недавно люди не могли серьёзно поверить в то, что государства начнут забрасывать друг друга ядерными боеголовками. Однако вот уже несколько месяцев мир жил в реалиях ядерной войны, которая, по правде сказать, была далека от завершения.

Глава 22. Старый знакомый

Какое-то время они ехали молча. Влад даже заснул, укачиваемый однообразным серым пейзажем с рваными клочьями подтаявшего снега. Даже яркие кляксы деревенских домов вдоль дороги, выкрашенных где в красный, где в жёлтый или зелёный цвета, смотрелись безрадостно. Такая кричащая расцветка больше вызывала раздражение, чем вселяла осторожный оптимизм.

Иногда на улице можно было увидеть одиноких старика или старуху, которые либо просто смотрели им вслед, либо тащили в жестяном ведре воду, набранную из придомового колодца. Интересно, здесь радиоактивные осадки выпадали или нет? Скорее всего, нет, иначе солдаты понатыкали бы табличек заражено. Или просто ещё не успели, не добравшись досюда? Кто знает.

Нога, оказавшаяся в состоянии относительного покоя, неприятно ныла, но хоть не болела, и то хорошо. Плохо то, что плечо, которое прострелили ещё в городе во время штурма его квартиры, начинало неприятно чесаться, настойчиво намекая на необходимость свежей перевязки.

Когда его последний раз обрабатывали? В лагере после того, как они выбрались из разрушенного ядерным взрывом города? Да, воде бы тогда. Как бы не схватить заражение крови, а то руку полностью могут отхватить, а терять конечность очень не хотелось. Да и вообще можно помереть.

Можно помереть... Влад сквозь дрему невесело улыбнулся. Учитывая всё, что происходит с ним и вообще вокруг в последние месяцы, схватить заражение крови — не самый очевидный способ отправиться к праотцам.

— А знаешь, — подал голос Алекс, — в прошлом веке, в конце 70-х годов был интересный случай.

— Где? — вяло отреагировал Влад, ему нравилось ездить в тишине, до войны он даже магнитола не включал во время поездок.

— Что «где»?

— Случай, где был?

— А, в России, где же ещё! Точнее тогда ещё в Союзе, — ответил Алексей. — Так вот, в одной деревне вдруг объявились немцы! И нет, не туристы, а самые что ни на есть нацисты! Эсэсовцы!

Влад даже не думал что-то отвечать. От этого капитана можно ждать чего угодно. Одна нычка с оружием и защитными костюмами в коллекторе чего стоит. Ведь успел же когда-то собрать, или кто-то для него их подготовил заранее. Он слышал про конспиративные квартиры спецслужб, так почему бы не быть и конспиративным коллекторам и канализациям.

Эсэсовцы в конце 70-х в СССР? Ну-ну. Кто-то подшутил, а народ приукрасил.

— В общем, — продолжал Алекс, — тогда всё списали на то, что там неподалёку кино снимали, а актёры решили подшутить над местными жителями, среди которых были вообще-то те, кто Войну прошёл.

Гляди-ка, пограничник прямо его мысли прочитал.

— И всё бы ничего, если бы не погибшие среди местных жителей.

Влад приподнялся на сиденье, с которого почти сполз, удерживаемый только ремнём

безопасности.

— Уголовники сбежали из колонии, такое случалось, да и покромсали местных. А фашистами их за жестокость прозвали. Тем более, тогда ещё много ветеранов живых оставалось.

— Ну да, ну да, — закивал капитан. — Вообще, ты в правильном направлении мыслишь. Примерно, так потом и говорили. Только ни одна газета про эту историю тогда не написала, что уж говорить о радио или телевидении. Товарищи из КГБ позаботились. Это тебе не то, что до войны, когда каждый мог заснять всё, что угодно на смартфон и выложить в сеть.

— Типа на самом деле было? Провалились в «воронку времени»? — улыбнулся Влад.

— Кто ж теперь расскажет! Кеннеди вон убили, и то до сих пор не могут однозначно определиться, кто в него стрелял и откуда.

— Да вроде как... — начал было Влад, но Алексей жестом руки его прервал.

— Что за?!

В этот момент их «патриот», скользя по крышам, проехал по размазанному по асфальту комкам перьев и чего-то розового. На дороге десятками лежали павшие птицы. Автомобиль даже немного занесло. Скорее всего, здесь могло пройти ядовитое облако. А может, оно прошло где-то вдали, а птицы просто попали под его воздействие и смогли долететь до этой местности, где уже и погибли.

Дозиметр при этом, закреплённый на разгрузке капитана, действительно усилил свой противный треск, наполняя салон ощущением тревоги. Скорее всего, фонили сами мёртвые птицы. Когда ещё до этого места доберутся войска РХБЗ и МЧС, да и доберутся ли вообще. Тут и без этого работы хватает, куда ни глянь. Надо как-то радиоактивные развалины городов разгрести, да людей уцелевших вытаскивать.

И это при непрекращающихся боевых действиях на протяжённости почти всей западной границы и на Дальнем Востоке, где творилось что-то непонятное с Аляской, которую вроде как даже удалось оккупировать, чему местные тлинкиты и прочие коренные жители не сильно и сопротивлялись, а где-то так даже и помогали. В то же время, изрядно потрепанный Тихоокеанский флот продолжал вести ожесточённые морские сражения с японскими и американскими силами.

Одно было хорошо: северокорейцы не давали американцам расслабиться (по неподтверждённым данным они совершили рейд на Гавайи, высадив десант с подводных лодок), в то время как южнокорейская армия заняла позицию вооружённого нейтралитета, чем вызвала жуткое неудовольствие у американского командования, грозящее перерасти в открытое вооружённое противостояние. По крайней мере, так сообщали в новостях. Может, приукрашивали. Может, пропаганда. Кто знает.

Нью-Дели вёл активные переговоры с Пекином, чтобы не получить войну на два фронта, индийцам хватало проблем с Исламабадом, а заодно отказал в проходе и пролёте в своём пространстве войскам Объединённой группировке войск США, Австралия и Новой Зеландии.

В общем, события били ключом и, как говорится, всё по голове, так что какие-то мёртвые, пусть и радиоактивные птицы, были сейчас меньшей из проблем.

Странно, что ещё не поступило приказа бросить мёртвых и безнадёжных и заниматься исключительно живыми на непострадавших территориях. Там сейчас тоже не сладко: беженцы, всплеск преступности, нехватка продовольствия, воды и медикаментов. Может быть, люди даже поймут и примут такое решение. Кто выберется из зон поражения, тот

выберется, а остальные... на всё воля божья.

Да... Бог, где ты вообще? Видишь, чем занимаются твои создания и что творят? Ты там вообще, чем сейчас занят? Или такой вернулся на своё рабочее место, убрал табличку «буду через 15 минут», а тут такое!

Или ты всё-таки, дав людям свободу воли, решил не вмешиваться до конца и посмотреть, кто сможет пережить этот новый «потоп»? И не ты ли его сам устроил, посчитав, что дети твои погрязли в грехах как никогда?

Влад ощупал больную ногу, сморщился от боли.

— Слушай, наверное, стоило тебе всё-таки сказать сразу, — произнёс он, когда вновь выпрямился на кресле, — я тогда не подумал, что это может быть важно. Да и не до этого было.

— Ты о чём? — напрягся пограничник.

— О том, что сказала Джессика перед смертью.

— И? Ты же сказала, что она типа бредила.

— Да я так и подумал. Типа отходит в мир иной, вот и несёт, не пойми что.

Капитан кивнул, показывая, что он внимательно слушает.

— Когда ты сказал, что наёмник произнёс «вы все»... я потом подумал, что то, что произнесла Джессика, может иметь значение.

Капитан краем глаза посмотрел на Влада, не упуская из внимания дорогу.

— Так что она сказала-то?

— Что-то вроде, что «всё должно остаться так, как есть». Это вообще имеет какое-то значение?

Владу показалось, что пограничник даже испытал некоторое облегчение.

— Ты хотел подтверждения, что с этим миром не всё в порядке? — кивнул Алексей. — Ты его получил. Кто бы они ни были, они действительно хотят всё оставить так, как есть. Как тебе такая реальность? Нормально?

— Если честно, так себе, Хочется обратно в офис с интернетом, кофе и бутылочку пива по вечерам за просмотром сериала.

— И всё? — удивился Алексей.

— Нет, конечно, не всё, ты прекрасно знаешь, что не всё.

Пограничник понимающе закивал.

— Те, кто нас преследует, хотят оставить всё, как есть. Уж не знаю, что им нравится в таком варианте реальности, но им почему-то надо всё закрепить, исключив возможность возврата к прежней парадигме.

— А добраться они до нас хотят потому что...

— Потому что они думают, что мы те, кто может всё откатить. Даже если это на самом деле не так, они всё равно в этом уверены.

— Но ты же тоже в это веришь, да?

— Это лучше, чем не делать ничего. К тому же, согласишься, активность наших противников служит подтверждением моих слов.

— А значит, мы постараемся сделать всё от нас зависящее... — задумчиво произнёс Влад.

— Ага. И ещё: и их, и нас поджигает время.

— Откуда знаешь?

— Поговорил с одним учёным, которого видел на объекте среди тех, кто нажимали на

кнопки. Ты бы видел его лицо, когда я с ребятами его нашёл — мы тогда ещё не разделились — и рассказывал ему новости из другой реальности. Он-то был снаружи камеры, это мы типа помним события того, другого мира, а для него этот мир — единственный который ему знаком с рождения.

— Так почему вы с ним не полетели на этот ваш объект?! — чуть было не подскочил на кресле Влад.

— Сложно сказать. Точнее, не сложно, — замылся пограничник. — Не досмотрели мы тогда. Первые дни войны, хаос, бардак кругом. Все на пределе нервов. Не выдержал он вида за окном. В общем, из него и шагнул. Решил, так сказать, что не может жить в этой реальности. Может, не поверил нам. Может, он не верил даже в то, чем занимался на объекте. Физик-теоретик, мля...

Какое-то время они ехали молча. Влад осмысливал услышанное и пытался увязать это с тем, что с ним происходило в последнее время. Кем являются их преследователи? Членами тайной организации? Сотрудниками специальных служб? Членами секты, повёрнутой на тайном знании или воле божьей? Ну, узнает он, кто они такие, и что? Не факт, что эта информация принесёт реальную пользу.

— Но те, кто может запустить установку, ещё остались? — задал вопрос Влад, глядя на стелющуюся перед ними дорогу.

— Да.

— И помимо уничтоженного объекта в Сарове, есть ещё, как минимум, один такой же?

— Да?

— И ты знаешь, где он находится?

— Догадываюсь.

Пограничник явно не хотел говорить всего. С одной стороны, такой подход вполне себя оправдывал, учитывая, что Влада могут захватить, и начать пытаться для получения информации. При мысли о пытках его передёрнуло. Он ни разу был не уверен, что сможет их выдержать, тем более, что потенциальные палачи могли попасться довольно изощрённые.

Даже осознание того, что его могли не просто убить в ходе ночной перестрелки, а оставить калеккой, пришло к нему несколько позже. Тогда он действовал на эмоциях и адреналине, а что будет дальше? И вот будут его пытаться, а сказать-то он ничего и не сможет — вроде, как ни за что и пытали.

С другой стороны, роль незрячего, которого ведёт собака, ему порядком надоела. Хотя нет, даже не так. Собака-поводырь всё-таки ведёт своего хозяина туда, куда тому надо, а тут тебя буквально вынуждают следовать за человеком вслепую. Что, куда, зачем? Только общие фразы и необходимость постоянно рисковать собственной жизнью.

— Главное добраться до генератора, — произнёс занятый управлением автомобилем Алексей, — но сначала надо найти тех, кто сможет его запустить.

— Думаешь, до них ещё не добрались? — с сомнением в голосе спросил Влад.

— До кого-то добрались. Кто-то сам решил самоустраниться как наш физик. Будем исходить из того, что кто-нибудь ещё да остался в живых. Иначе вообще ничто не имеет смысла. Однако, проблема даже не в том, чтобы их найти.

— Да неужели?

— Сарказм? — глянул на него Влада пограничник. — Это хорошо. Это значит, ты ещё способен чувствовать, а значит, готов бороться за жизнь.

Влад не стал отвечать, а капитан, держась за руль автомобиля, продолжал.

— Проблема в том, чтобы убедить их в том, что их эксперимент сработал. И что кто-то другой провёл похожий и уже совсем не в тестовом режиме. Провёл, так сказать, полный цикл.

— У меня есть ещё вопрос, хотя, для тебя ответ, наверное, очевиден: если где-то должен быть такой же генератор, установка, реактор или как там эта штука называется, которая осуществляет пересборку пространства, то что помешает её снова запустить? Что помешает тем, кто однажды уже опустил рубильник, сделать это снова и вернуть мир в прежнее состояние, если тебе, нам, удастся сделать задуманное?

Алексей бросил быстрый взгляд. Было понятно, что он об этом задумывался и не раз.

— Самому интересно. Вот найдём знающих людей и спросим. Те, кто меня ждал в Сарове, говорили, что должны быть соблюдены условия. Конкретные физические условия. Я им примерно такой же вопрос задавал.

— Значит, всё-таки есть те, кто тебе верил?

— Были. Скорее всего, все, кто был в этом городе, мертвы. Да и они, общаясь со мной по спецсвязи, кажется, тоже не сильно верили в то, что их теоритические выкладки воплотились в жизнь.

Что ж, в это Влад вполне мог поверить. Не в то, что капитан говорит об изменённой реальности, с этим он вынужденно соглашался, хотя червь сомнения ещё не до конца его покинул, а в то, что пограничнику не верили учёные, которые занимались проблемой.

Представьте себе какой-то миф, которому тысячи лет, который давно превратился в сказку. И вдруг появляется некий пышущий энтузиазмом гражданин, который начинает всех убеждать, что всё, о чём рассказывается в мифе, было на самом деле!

Понятно, что особого доверия такой человек вызывать в академической среде не будет. Над ним, в лучшем случае, будут подшучивать и забавляться, а в худшем могут и в психушку упечь. Да...

А потом этот энтузиаст находит Трюю. И как-то уже не смешно становится тем, кто над ним смеялся. Смешными выглядят уже те, кто не воспринимал слова искателя всерьёз.

Постой! Ты что, реально стал верить этому мутному пограничнику с непонятными полномочиями в его рассказы о машине изменяющей пространство-время? Влад потёр переносицу и сосредоточился на том, что происходило за окном автомобиля.

Долгое время дорога была практически пустой, их никто не обгонял, а встречный транспорт и того отсутствовал. Теперь же каждой минутой автомобилями становилось всё больше и больше, словно камешек за камушек цеплялся, превращаясь в настоящий камнепад. И откуда они только появлялись? С второстепенных дорог? И когда они уже оставили далеко позади Валдай, они попали в образовавшийся на шоссе затор, начала которому не было видно. Автомобили заняли не только все попутные полосы, но уже выбрались на встречу и заняли обе обочины, зажатые с обеих сторон унылым, едва припорошенным снегом лесом. Такое столпотворение Влад видел впервые в жизни.

Атмосфера была напряжённой, как это всегда и бывает в автомобильных пробках. Народ в нагруженных скарбом автомобилях, шумел и, понятно, не забывал нажимать на клаксоны, как будто от этого что-то изменится, и время ускорится, или все, кто стоит перед сигналящим водителем, внезапно исчезнут, как по мановению волшебной палочки.

— Эй, что там такое? — поинтересовался Алексей через опущенное окно у одного из водителей, который возвращался к своему автомобилю после того, как ходил разведать вперёд.

— До начала пробки не дошёл, хрен дойдёшь, — ответил тот, жуя почти докуренную сигарету. — Говорят, что там крупный блокпост, дорога перегорожена бетонными блоками.

— Ну и?

— Что «ну и»? Откуда я знаю, что там происходит? — начал раздражаться мужик. — Может, ищут кого! Да хоть бы того американского посла, что из Москвы сбежал, или ещё каких шпионов ловят!

С этими словами он бросил изжёванный огрызок сигареты и забрался в свой «дустер», который стоял прямо перед «патриотом». В заднее окно «дустера» на Влада с Алексеем смотрела испуганными глазами девочка лет восьми-десяти.

Почему-то Влад не придумал ничего лучше, чем поднять правую руку и приветствовать ребёнка жестом Спока из «Звёздного пути». Девочка открыла рот, выпучила глаза и сползла обратно на кресло. После этого он удостоился недовольного взгляда уже от женщины, тоже сидящей на заднем кресле «дустера» рядом с ребёнком.

Алексей сидел, держась за руль обеими руками, и выглядел сосредоточенным. Понять, что вызвало его обеспокоенность, было не сложно. Если группа ликвидации не вышла на связь в установленное время, то определить радиус примерного местонахождения цели, не составит труда. Далее — дело техники: перекрыть крупные трассы под благовидным предлогом, а на второстепенные дороги отправить боевиков.

Указанный план не казался чем-то невообразимым, учитывая уверенность пограничника в том, что в руководстве вооружённых сил и специальных служб до сих пор действуют глубоко законспирированные «кроты».

— Думаешь, из-за нас весь сыр-бор?

Алексей тяжело вздохнул. По его лицу было видно, как он напряжённо думает.

— Не знаю. Время военное — причина может быть любая. Но и такой вариант исключать нельзя.

Он взглянул на Влада.

— Как твоя нога?

Влад потрогал стопу в расшнурованном берце — нога отозвалась острой болью. Он оттянул носок, из-под него показался распухший голеностоп.

— Понятно, — не дожидаясь ответа, произнёс капитан. — Значит вариант «бросить машину и идти пешком по лесу» отпадает.

— Если очень надо... — попытался возразить Влад.

— Не, не прокатит, — не согласился Алексей. — Надо оружие тащить, припасы, защиту с боекомплектom. Максимум через несколько километров ты ляжешь. А если у тебя трещина, то ещё раньше.

Он постучал пальцами по рулю, принимая решение.

— Машину не бросаем, будем надеяться, что это не из-за нас. Но быть наготове, — резюмировал он.

С этими словами он достал из кобуры на разгрузке пистолет, вытащил и вставил обойму, вернул пистолет обратно. Влад последовал его примеру — обойма была полной, запасные в специальных карманах.

Время тянулось невозможно долго. Влад уже и забыл, что значит попасть в пробку. Автомобили двигались с такой скоростью, что их бы смог обогнать карапуз на трёхколёсном велосипеде, и то если бы ехал не спеша и отвлекаясь на Чупа-чупс.

При этом фактически они оказались зажаты соседними автомобилями со всех сторон:

сигналь-не сигнал, толку никакого, либо тытащишься вместе с потоком, либо бросаешь авто, чем грозишь навлечь на себя гнев тех, кто стоит за тобой. Ведь в таком случае, твоя машина превращалась в непреодолимое препятствие.

Учитывая количество оружия на руках у населения и общую нервную обстановку, не трудно представить к чему это может привести.

Раньше хоть был нормальный интернет, и можно было убить время, сидя в соцсетях или в какой-нибудь отупляющей игрушке. Сейчас же сеть если и появлялась, то тупила нещадно, да и заточена была, в первую очередь, на передачу официальных новостей, правительственных сообщений и сигналов МЧС на случай движения радиоактивных облаков с возможными осадками.

Под рукой сама собой оказалась аптечка, а в ней нашлись таблетки анальгина, и Влад проглотил сразу две, чтобы заглушить тягучую боль в ноге. Была мысль даже воспользоваться м@рфием, но Алексей запретил, сказав, что это совсем уж на крайний случай, и вообще без должного лечения от него по итогу может стать только хуже. Ну, хуже, так хуже. Значит, шприц подождёт. Хотя к анальгину у Влада выработалась привычка ещё несколько лет назад, и он, если что, пользовался гораздо более сильными обезболивающими препаратами. Но таковых, кроме морфия, в наличии не оказалось.

В какой-то момент, Влад понял что засыпает, но сны были тяжёлые, от них болела уже не только нога, но и голова. В один из моментов сонного забытья, он опять увидел Алю. Они шли вместе куда-то по парку, она улыбалась и была, как всегда, весёлой и озорной, смотрела на него, а он рассказывал какие-то анекдоты. Вот они остановились, Аля обхватила его руками за шею и потянула к себе. И Влад ощутил прикосновение её губ и вкус малиновой помады.

Резкий звук клаксона безжалостно вырвал его из вязких объятий сна в реальность.

— Куда прёшь?! — кричал в открытое окно капитан какому-то водиле, у которого похоже совсем сдали нервы и он пытался прорваться вперёд, царапая соседние автомобили, в том числе и их «патриот».

Влад потянулся в кресле, суставы хрустнули. Если честно, то царапина на двери автомобиля сейчас его волновала меньше всего.

— Не понимаю.

— Чего?

— Куда они все прут? В Москву?

— Скорее всего, — подтвердил Алексей.

— Но должны же быть какие-то планы по рассредоточению населения. То, что происходит — не правильно.

— Не правильно, — согласился пограничник. — Только мы имеем дело не с людьми, а с толпой безмозглых баранов! — последние два слова он вновь выкрикнул в открытое окно. — Баранов, которые решили, что если Москва устояла, то она неуязвима и к тому же, как никогда резиновая!

Видно было, что движение со скоростью улитки его тоже начинало выводить из себя. Влад ощутил лёгкий укол чувства вины, а виноватым он себя ощущать не любил. Особенно тогда, когда от него не шибко что и зависело.

— Они думают, что там мёдом намазано! А о том, что туда может прилететь далеко не одна боеголовка, предпочитают не вспоминать. Начинаю думать, что кто-то осуществил очередную диверсию. И не факт, что это сделали внедрённые агенты, а не какие-нибудь

тупые бараны!

— Я когда в лагере работал, людей вывозили, правда, тогда только автотранспортом и поездами. Взлётную полосу только-только начали восстанавливать, чтобы можно было тяжёлые транспортники принимать. Не успели, — он вздохнул, вспоминая лагерь. — Раздавали памятки, вели разъяснительную работу.

— Значит, кто-то провалил свою работу, Влад, — жёстко произнёс Алексей и обматерил очередного нетерпеливого водителя, подпиравшего их сзади.

Нет ничего страшнее по своей тупости и беспощадности, чем толпа, объединённая какой-то одной идеей: мести, расправы, спасения жизни... Люди теряют возможность рационально мыслить и принимать взвешенные решения. Готовы затоптать друг друга, не обращая внимания на крики и вопли упавших им под ноги менее удачливых сограждан.

А ещё толпа имеет такое свойство, как возможность внезапного появления в месте, где её совсем не ждёшь.

Вот и сейчас, вместо того, чтобы понять, что как раз сейчас надо бежать как можно быстрее и дальше от крупных городов, особенно уцелевших миллионников, которые в любой момент могут стать целью для очередного ядерного удара, народ ломится в столицу, которая каким-то чудом отбилась от атаки первой волны.

Отбилась раз? Значит, отобьётся ещё раз! Где больше всего капитала и ресурсов было сосредоточено до войны? В Москве! А значит надо ехать туда. Все же едут туда, так? Вот, значит, есть для этого причина. Значит, и я с семьёй поеду! Нагружу свою колымагу по максимуму скарбом и поеду.

Но у Влада всё-таки оставалась надежда, что власти в какой-то момент возьмут ситуацию с беженцами под контроль, даже учитывая нехватку личного состава в МЧС, и не мытьём, так катаньем, не уговорами, так пинками разгонят людей по стране, чтобы спасти как можно большее количество граждан.

— Откуда они только бензин берут, — задался риторическим вопросом Алексей. — Вроде все АЗС под контроль взяли, реализация топлива ограничена, а они вон какое стадо образовали!

— Чёрный рынок, — ответил было задремавший Влад. — Не поверишь, но у барыг чего только нельзя купить. Я как-то на тушёнку выменял антибиотики. Почти все банки тогда отдал. В лагере лекарства все под строгим учётом, постоянно не хватает, а у этих — без проблем! Главное — плати.

— Расстрелять таких н@хрен и делу конец! — возмутился Алексей.

— Так и расстреливали, а толку-то? Цена только возрастала. Наценка за риск, понимаешь ли. Барыги всегда были, есть и будут.

— Но это же не значит, что с ними не надо бороться!

— Бороться надо, кто же спорит. Если бросить всё на самотёк, то будет в разы хуже.

Когда уже даже обычно флегматичный Влад готов был взорваться от долгого нахождения в пробке, впереди внезапно появились заграждения блокпоста и солдаты, методично проверяющие документы у всех проезжающих.

Видно было, что часть автотранспорта отправляли в отстойник. Скорее всего, это были те, кто не смог подтвердить свою личность и право владения на автомобиль. И это несколько обнадеживало: значит это не из-за них, а по какой-то другой причине. Мао ли кого могут искать. Да хоть бы того же американского посла!

— Документы! — строго произнёс подошедший военный, когда Алексей опустил окно.

Казалось, вид военной формы и капитанские звёздочки Алексея на него не произвели абсолютно никакого впечатления. Налицо был резкий контраст между тем, как их досматривал поутру патруль.

Какие именно документы его интересовали, он не пояснил — права, ПТС или пропуск на них двоих — поэтому Алексей решил выдать сразу по максимуму, протянув сразу несколько карточек и бумаги, а заодно паспорт Влада, который каким-то непостижимым образом сохранился у него ещё с

Получив от пограничника документы, лейтенант долго их изучал, буквально перечитывая каждый лист. Несколько раз посмотрел в лицо Алексею, потом Владу. Что-то набрал на планшете. Долго ждал ответа. Причина образования пробки становилась понятной — если так пробивать каждого водителя и пассажиров, то пробка хочешь-не хочешь, а образуется очень быстро.

— Так, — в своей манере продолжил лейтенант, и в его голосе слышалось напряжение. — Вы предоставили не все документы.

Алексей приподнял бровь.

— А! Понятно! — он потянулся к карману, а лейтенант при этом сделал шаг назад и снял автомат с предохранителя. — Спокойно! Спокойно, лейтенант!

Алексей пытался изобразить максимальное дружелюбие и желание идти навстречу всем требованиям.

— Вот, удостоверение, — он протянул в окно раскрытую книжечку.

Военный уставился в раскрытое удостоверение немигающим взглядом и как будто бы даже замер. «Завис что ли» — подумал Влад. Потом, вроде как, отмер и уже нормальным тоном сообщил:

— Проезжайте! — замахал кому-то рукой, показывая, чтобы пропустили.

— Спасибо, лейтенант! — поблагодарил его Алексей. — А что случилось, мы просто издалека едем. Ловят кого?

— Ловят, — коротко подтвердил лейтенант.

Заметив несколько недовольный взгляд капитана и горя желанием поскорее пропустить очередную машину, добавил:

— Утром на наш патруль напали в паре часов езды отсюда. Убили пятерых наших.

«Твою мать!» — только и подумал Влад.

— Понятно, лейтенант! — ответил Алексей. — Желаю найти этих подонков и пристрелить их.

— Расстрелом не обойдутся, — злобно ответил лейтенант и отправился к очередной машине, набитой под завязку людьми и вещами.

Алексей нажал педаль газа и не спеша поехал прочь, петля между бетонными блоками, расставленными на проезжей части в шахматном порядке. Из-за мешков с песком, припорошенных снегом на них смотрели готовые в любой момент открыть огонь пулемёты.

— Думаешь, это те, которые нас утром остановил? Они ещё микроавтобус досматривали.

— Скорее всего.

— А не могли быть те, которых мы положили ночью? Вдруг мы своих...

— Нет, — замотал головой Алексей. — Ночью было человек десять, а лейтенант сказал о пяти погибших. Если бы кто-то выжил из тех, то нас бы тупо опознали. Нет, это точно патруль, на который мы нарвались поутру. К тому же они сделали достаточно, чтобы

показать, что они не за кого себя выдавали.

Жуткое ощущение того, что в ходе ночной перестрелки они с капитаном могли уничтожить своих, кольнувшее Влада в самое темечко, тут же отступило. Действительно, скорее всего, просто нервы шалют от всего пережитого. То, как с диверсантами общалась Джессика, и последующие события показали, что единственное, что их объединяло с российской армией это форма и вооружение.

Однако, тот факт, что погибшие солдаты могли быть из того самого патруля, который задержал их утром, не внушал оптимизма. Враг шёл по пятам, и похоже было, готов пойти на любое преступление ради достижения цели. И даже вариант повторного удара ядерными ракетами не исключался. Всё, что было нужно врагу, это точно знать, где они, и пробиться через остатки противоракетной обороны.

С этой стороны блокпоста машин тоже было много, но затором это уже нельзя было назвать. Они ехали ещё некоторое время, когда Алексею внезапно прижало по нужде, и они решили остановиться у придорожного кафе, которое раньше наверняка было полно дальнобойщиков, а теперь у него тусовались разного рода непонятные элементы и спекулянты, готовые по баснословной цене загнать тебе хоть чёрта лысого, лишь бы было чем платить. Ну, и ещё были продавцы пирожков, но Влад почему-то не рискнул бы их покупать, в чём тут же с ним согласился капитан.

Только Богу известно, откуда они раздобыли начинку для своей выпечки. Ведь для оной вполне могла сгодиться и павшая скотина (и хорошо ещё, если она померла от какой-нибудь сибирской язвы, а то ведь и от облучения могла скопытиться), и человечина, которой бы ушлые торгаши тоже бы не побрезговали в эпоху тотального дефицита продуктов питания.

К каждому коммерсу проверяющего не приставишь, а желание нажиться на голодных людях всегда рассматривалось как нечто само собой разумеющееся в среде такого рода предпринимателей.

— Так, ты из машины не вылезай, я быстро. Если кто попытается напасть — стреляй. Попытаюсь ещё разведать, что да как.

— Давай уже, — бросил в ответ Влад, который и сам был не прочь посетить туалетную комнату.

Алексей выскочил из автомобиля и направился в сторону придорожного кафе, прихватив с собой, на всякий случай, автомат. Влад остался его ждать, и хотел было сделать очередную запись в дневнике, но вспомнил, что капитан так его ему и не вернул. А поэтому он просто стал обозревать местность из окна «патриота» в ожидании возвращения своего проводника.

Когда окружающая обстановка ему порядком наскучила, и он собрался отвлечься на осмотр пистолета и боекомплекта, его внимание внезапно привлёк человек в кожаной зимней куртке, который стоял рядом с легковым автомобилем и пытался, судя по всему, позвонить по сотовому. Сигнал, однако, был слабый, и это его выводило из себя.

Человек стоял спиной к Владу вполоборота, но что-то неуловимо знакомое даже в движениях и жестикеуляции показалось Владу очень знакомым. Да нет, не может быть! Надо убедиться!

Влад опустил стекло и, высунувшись, крикнул:

— Дима? Ты что ли?

Человек замер и убрал телефон в карман. Осмотрелся по сторонам, стараясь понять, откуда раздался голос. Обернулся.

— Димон?! — снова повторил Влад.

Казалось, что мужчина не верит своим глазам, у него буквально отвалилась нижняя челюсть.

— Влад?! — наконец отреагировал он, но всё ещё не сдвинулся с места. — Ты?! Как ты здесь оказался?

— Приехал! Как ещё-то! Так и будем перекрикиваться, или ты уже подойдёшь, а то я как-то не очень могу.

— Ёптыть! — взмахнул руками Дима. — Конечно!

И быстрым шагом направился мимо припаркованных машин в сторону Влада.

Влад не мог поверить своим глазам. Он смотрел на приближающегося человека в кожаной куртке и не мог поверить глазам. Последний раз он видел Диму ещё в октябре прошлого года, когда тот передал ему «левую» двустволку, а потом его сестра сообщила Владу, что он уехал на поиски своей бывшей жены и сына, которые проживали в атакованном Питере.

Влад, стараясь сильно не наступать на больную ногу, всё-таки выбрался из автомобиля.

— Ты вообще как здесь?! — снова вопрошал Дима, протягивая ручищи в сторону Влада. Из-под полурастёгнутой куртки проглянула кобура с чёрной рукоятью пистолета.

Заметив взгляд Влада, Дима поспешил его успокоить.

— Да это чисто для самообороны. Ты же видишь, что происходит. Сам же у меня ружьё спрашивал. Пригодилось?

Схватив протянутую в ответ руку, Влад обнял старого приятеля, потом отстранился и ещё раз всмотрелся, не веря своим глазам. Нет, не обознался, и ему не кажется, можно ещё раз обняться.

— Ну, так ты как? — Дмитрий был явно взволнован.

— Да вот, — несколько растерянно ответил Влад. — Вроде как на службу поступил, хотя это не точно. Сам-то ты как здесь? Твоя сестра сказала, что ты в Питер отправился, после того как узнал о бомбёжке.

— Так я тогда в город попасть не смог, военные всё перекрыли, всех разворачивали под угрозой расстрела, — ответил Дима. — Я тогда все полевые лагеря и эвакуопункты объездил в поисках своих. Думал найти хоть бы мёртвых.

Он шумно вздохнул.

— Ну и? — вопрошал Влад, опираясь на капот «патриота» и перешагивая с больной ноги.

— Тебя ранили что ли? — решил уточнить Дима.

— Да нет, скорее производственная травма, — отмахнулся Влад.

— Понятно. Ты представляешь, не было их в городе тогда! Они у тёщи в гостях были в области, мелкий приболел и они остались у неё выздоравливать.

— Ничего себе везение! — Влад похлопал Диму по плечу. — Поздравляю!

— Ну, а ты здесь каким боком? Я же когда услышал, что по нашему городку прилетело, поверить долго не мог. Как Аля, она с тобой.

Видимо, в лице Влада что-то сильно изменилось, радостный тон Дмитрия сразу пошёл на убыль.

— В эвакуации? — неуверенно уточнил он.

— Нет, — нехотя ответил Влад. — Аля погибла. Ещё до бомбардировки. Нападение бандитов.

Дмитрий тяжело вздохнул и посмотрел куда-то в небо. В холодном зимнем воздухе их дыхание превращалось в густой пар.

— Прости, Влад, я не знал.

— Это понятно.

— Соболезную.

Повисла неловкая пауза.

— А ты прикинь, я же вообще не мог поверить, что ты выжил, особенно когда про тебя спросили, — вдруг выпалил Дмитрий.

— Кто спросил? — насторожился Влад.

— Мы, — произнёс за спиной незнакомый голос.

В затылок ударило что-то твёрдое, и свет погас, будто кто-то с силой дёрнул рубильник, чтобы отключить окружающий мир. За мгновение до того, как потерять сознание, Влад увидел удивлённое лицо Дмитрия, который смотрел куда-то за спину Влада. Кажется, он потянулся за пистолетом.

Темнота навалилась на Влада сверху, а снизу навстречу лицу метнулся мокрый и грязный асфальт.

Осознание того, что для их поиска вовсе не обязательно задействовать высокопоставленных «кротов», пришло с запозданием. А ведь и, правда, достаточно было убить солдат из патруля, чтобы военные сами, по собственной, инициативе тали перекрывать дороги в поисках убийц. А дальше уже дело техники.

Глава 23. В западне

Аля сидела на диване, поджав под себя ноги, и пила горячий какао, кружка с которым дымилась, распространяя приятный аромат по комнате. В другой руке она держала смартфон и что-то листала.

— О, как! — внезапно воскликнула она, перестав двигать пальцем по экрану.

— Что-то интересное нашла? — спросил Влад, переключая каналы на телевизоре. Это был субботний вечер, когда были переделаны все запланированные на сегодня дела (ну, почти все) и хотелось просто потюлнить.

— Да уж! Не то слово! — интригуяюще продолжала Аля.

— Да что там такое-то? — Влад попытался заглянуть в смартфон, который Аля держала в руке.

— Не знала, что ты писал стихи. А мне ты никогда стихов не посвящал! — с наигранной обидой сообщила она.

— Какие ещё стихи? — удивился Влад.

— У тебя на странице.

— Серьёзно? Если такое и было, то много-много лет назад. И вообще, надо было удалить.

Аля пролистала экран и продекламировала:

«Я был бы рад — подняться и пойти, Позвать коня и поскакать домой. Но острая стрела торчит в моей груди, Да ворон черный вьется надо мной. Мне спеть бы песню вольную мою, Слова, которой знал я с детства. Но та стрела, что поражен я был в бою, Для вдоха не оставила мне места. Я победителем вернулся бы назад, Любимую обнял, поцеловал бы в уста. Но только та стрела, что врезалась в меня, Уж больно тяжела, не сдвинуться мне с места»

— У тебя что, была когда-то неразделённая любовь? — прищурилась Аля.

— Ммм... да нет, — неуверенно ответил Влад.

— Так да или нет?

— Нет, не было, — твёрдо ответил Влад.

— Ну ладно, если судить по дате публикации, это было задолго до того, как мы познакомились, так что так уж и быть, я не буду тебя ревновать, — она великодушно похлопала его по плечу.

***

Странно, но Влад не помнил этого вечера. Как такое может быть? Понятно, что в мозгу не откладывается всё, что ты когда-либо видел и слышал, хотя под гипнозом, говорят и можно вытащить даже то, ты не хочешь запоминать. Обычно-то запоминаешь что-то яркое, что-то, что привлекло твоё внимание. А тут... он готов был поклясться, что никогда не обсуждал свои потуги в стихосложении с женой.

Видать здорово его приложили по затылку. Так здорово съездили прикладом, что, мозг стал сам продуцировать воспоминания. Но вообще, бывают же сконструированные воспоминания, так ведь? Когда тебе внушают, что ты что-то видел, что-то слышал, где-то был. Особенно таким манипуляциям подвержены дети. Но он-то не ребёнок.

Было это или нет, стоит, однако, вернуться в настоящее. И здесь всё очень и очень плохо, если не сказать отвратительно. Попахивает безысходностью. Остаётся только

молиться Богу, в которого Влад не то, чтобы сильно верил.

Радуется, однако, что он вообще может думать, а если так, то он жив. Исключая всякого рода концепции о загробной жизни, стоит признать очевидное — да, он жив. Вопрос в том, но надолго ли.

И всё из-за встречи со старым предателем, которого сама встреча с которым выглядела как настоящее чудо, учитывая обстановку. Он ещё тогда, когда разговаривал с сестрой Дмитрия, понимал, что то, встреча у подъезда, когда Дима привёз ружьё, была последней.

Однако, что же произошло?

Что может быть хуже предательства? Наверное, ничто. А можно ли считать предательством, если человек предал поневоле, сам того не осознавая? И как должен чувствовать себя тот, кто стал предателем, хотя не планировал таковым становиться? Хороший вопрос, психологический.

Холодный бетонный пол давил на правую щёку, отчего скула уже начинала болеть. Шея затекла. Хотелось пошевелиться, но ноги и руки за спиной были туго стянуты, пластик врезался в кожу, и при каждом движении вгрызался в плоть.

Удобная всё-таки штука эти хомутки. С узлами возиться не надо, с ключами от наручников тоже, а прочность почти такая же, как у цепи. В использовании опять же, наверное, гораздо проще. Если что, всегда можно просто разрезать и выбросить.

Сколько он так лежит? Полчаса? Час? Если так, то у него точно сотрясение мозга, иначе он бы очнулся уже через несколько минут. Уверенность, что он в таком состоянии находится уже порядочно, подтверждали затёкшие руки и ноги, кровообращение в которых было явно недостаточным из-за сковавших его пут.

Голова гудела, а затылок неприятно ныл. Наверняка образовалась гематома. От бетонного пола, на котором он лежал, веяло холодом, который лишь отчасти облегчал головную боль. Блин, если он так лежит уже давно, то, как бы, в руках и ногах не началось отмирание тканей из-за кислородного голодания.

Ха-ха. И ещё три раза ха-ха. Это всё равно, как если бы приговорённый к отсечению головы жаловался тюремному врачу на головную боль. Мол, дайте мне порошка обезболивающего, а то так голова трещит, что на эшафот идти не хочется. Что значат руки и ноги, если тебя наверняка хлопнут без каких-либо угрызений совести. Ведь ты всего лишь цель. Пешка в игре с непонятными правилами и неизвестными игроками.

Запах табачного дыма. Кто-то курит. Как же он ненавидит этот запах! Табачный перегар и разбитая голова — адская смесь для того, чтобы вызвать очередной приступ тошноты. Или у него действительно сотрясение и тошнит его из-за этого? Скорее всего, так и есть. Но дым всё равно бесит. И да, способствует рвотным позывам. Главное, сдержаться, а то не приятно будет лежать в собственной блевотине.

Голоса. Голоса незнакомые. Говорят по-русски. Нормально так говорят, без акцента. Вообще без какого-либо. Обычный среднерусский выговор. Даже кавказских интонаций нет. Почему он подумал про кавказский акцент? Потому. Наверное, стереотипы и шаблоны. В своё время столько людей было похищено и увезено на Кавказ, что появились соответствующее стойкое убеждение.

Что-то неспешно обсуждают, смеются. Слышно, как что-то шелестит и с легким, но хлёстким звуком ударяется о какую-то поверхность. В карты режутся, не иначе. Смешно им. Анекдоты походу травят. После очередного взрываются громким смехом.

Басовитый голос с хрипотцой подхватывает тему:

— А вот ещё! Слушай сюда: Приходит внук к деду и спрашивает: «Дед, а расскажи какую-нибудь историю про войну!»

«Ну, — говорит дед, — ты парень уже взрослый, так что расскажу тебе кое-что интересное. В общем, как-то взрывной волной к нам в траншею закинуло вражескую радистку! Ну, мы с ребятами обрадовались, и давай её и так и этак пользоваться! Недельку развлекались!»

«Дед, — спрашивает тихонько внук, — а м@нет она вам делала?»

«Ну, внучок, я тебе никогда не врал, и теперь не буду, — отвечает дед. — К нам она в траншею уже без головы свалилась».

Раздался залиvistый гогот. Кто-то даже закашлялся.

— Ну, ты даёшь! — смеётся, откашливается.

Сколько их? Человека три-четыре, если судить по смеху. И если, конечно, в помещении нет ещё десятка человек с полным отсутствием чувства юмора, сидящих тихонько-тихонько. Да нет, такого уж точно не может быть. На такую компанию обычно не больше одного тупаря приходится. Сидит такой и не понимает юмора. Как-то видел такую гражданку, бывшая коллега, все ломятся от смеха, глядя комедию, а она явно не понимает, что происходит и что смешного в том, что один из героев случайно упал в измельчитель древесины. Ну, комедия чёрной была.

Анекдот смешной, не поспоришь. В другое время Влад бы посмеялся от души, но не сейчас. Тело затекло, а к больной ноге добавилась тупая боль в затылке. Кожу на голове стянуло чем-то жёстким и твёрдым, видимо, кровь запеклась. Не слабо так долбанули. Удивительно, что он вообще не двинул кони и не отправился к праотцам сидеть у вечного костра и курить трубку мира. Хотя нет, ему же, как крещёному в православии, должна быть уготована участь лежания на облаках, или как там Рай выглядит. Однако, если подумать, то из него верующий как из теста пуля, Рая ему не видать как своих ушей, наверняка застрянет где-нибудь в предбаннике, а то и вообще отправят по распределению в чистилище искупать грехи.

Даже символ веры не знает. А ведь как-то пытался заучить, но больше из любопытства, чем из желания приобщиться к церкви. Да что там символ веры, Влад гимн государства помнил через слово, постоянно путая слова с текстом советского периода. Так что ни православного, ни коммунистического рая ему не видать как своих ушей. И смех и грех, как любила говорить бабушка.

До этого случая его ещё никогда не оглушали ударом по голове. Это с какой же силой надо зарядить по черепу, чтобы человек потерял сознание? Как-то он, ползая по подвалу многоэтажки, когда подрабатывал студентом, в темноте шваркнулся с размаху о бетонный потолок и то не отключился, а только сидел минут десять, растирая ушибленное место, чтобы минимизировать образование гематомы.

Дима, мать твою, откуда ты только нарисовался. Какого мля чёрта! Ты с ними заодно или нет? Тебя просто использовали, или ты продался. Будет неприятно узнать, что ты работаешь на врага, и решил таким образом выслужиться. Типа, сдашь нам своего приятеля, а мы тебе обеспечим место в тёплом бункере с едой и водой, пока мир горит во втором акте ядерного светопрествления. Осознанно ты на это пошёл, или тебя использовали в тёмную, или шантажировали жизнями родных и близких? Как ни крути, всё равно, неприятно.

Если ты решил переметнуться осознанно, то, чесслово, нашёл кому довериться! Тебя же используют и выбросят как то самое изделие. Скорее всего, просто пристрелят, чтобы

избавиться от лишних свидетелей. И не будет тебе никакого комфортабельного бункера. Ни тебе, ни твоей семье. Бункер — привилегия и без того довольно дорогая, чтобы пускать в него всяких предателей.

Влад приоткрыл один глаз. В расширившийся и тут же сузившийся зрачок ударил показавшийся невыносимо ярким свет лампы накаливания. Где это он находится? В каком-то подвале? Под этим углом одним глазом толком ничего не видно: грязный пол, кусок кирпичной стены без штукатурки, лампочка. А это кто?

Таракан уставился на него, потирая своими лапками длинные антенны. Любопытствует, или издевается? Вот, кто выживет, когда всё закончится. Вот, кто унаследует Землю после людей и вознесёт до невиданных высот новую цивилизацию насекомых. Построят новые города, запустят космические корабли. Колонизируют, наконец, Марс и другие планеты Солнечной системы. Главное, успеть сделать всё это до того, как Солнце поглотит планету.

Только и слышно было до войны, что тараканы куда-то пропали, что их исчезновение предвещает страшный катаклизм и вообще ничего хорошего ждать не приходится.

Казалось бы, есть тараканы — плохо, нет тараканов — тоже плохо, если ещё не хуже. Людям не угодишь, да, Рыжий?

Таракан ещё раз тщательно вытер свои антенны — тоже мне чистюля, ползает по грязным углам, сейчас ведь побежит помои подьедать — махнул лапкой, будто прощаясь, и убежал.

И тебе пока, Рыжий. Беги, давай, к своей многотысячной семье. А то жена на алименты подаст, вовек не расплатишься. Есть у тараканов алименты? Даже если нет, то наверняка придумают, когда разовьются до соответствующего уровня.

А как они разовьются? Насекомые же не имеют лёгких, а без лёгких их размеры ограничены. Забавная получится цивилизация. Ну, или тараканы как-то приспособятся.

Или новую цивилизацию создадут крысы? Умные же твари.

Боже, как болит голова! Надо попробовать размять мышцы, иначе точно онемеют с последующим отмиранием. Да-да, типа, какой смысл, если тебя всё равно пустят в расход? Ну, во-первых, пока что ты жив. Во-вторых, хотели бы порешить, уже бы это сделали. Да и вообще, больно и неудобно так лежать.

Подожди, но в прошлый раз по версии Алексея, ради того, чтобы тебя ликвидировать враг на ядерную боеголовку не поспешил. Отчего же сейчас медлят? В чём причина? Им же надо ликвидировать всех, кто был в том злосчастном поезде (и что они так на нём зациклились). Ведь, так? Хлопнули его, хлопнули Алексея...

Значит, что-то изменилось и, например, им нужна информация. Или что-то ещё? Так, тогда в городе они были все вместе в одном месте (какая-то тавтология получается). Ну, допустим, что так. Но тогда это означает, что сейчас он здесь один. Да, чёрт возьми! Алексея им захватить не удалось, только этим можно объяснить то обстоятельство, что он ещё может дышать.

Нет, это просто уже не возможно, надо как-то пошевелиться, чтобы как-то размять мышцы и суставы.

Влад пошевелился, сделал глубокий вдох и закашлялся. В груди неприятно чесалось. А в бронхах что-то хрипело и булькало.

— О! Смотрите, кто у нас тут проснулся! — незнакомый голос. Не тот, что рассказывал пошлый анекдот. — Позови старшего! Очнулся, дружок?

Шаги в тяжёлых армейских ботинках отдавались через пол прямо в скулу. Неприятно.

Голова и так трещит по швам, а тут ещё этот топот.

Один из охранников вышел из помещения, о чём красноречиво сообщила скрипнувшая дверь.

Чужие руки ухватили Влада за грудки и рывком вернули в вертикальное состояние, усадив на расшатанный стул, который ещё походу Советский Союз застал. Перед глазами всё поплыло. Тут же на него накинули ещё несколько петель верёвки, объединяя в одно целое с хлипким предметом мебели.

Если судить по обстановке, то он сейчас находится в каком-то подвале. Обшарпанные кирпичные стены без штукатурки, яркая, не для этого места, одинокая лампочка в патроне без абажура, дверь в дальнем углу комнаты, и знакомый до боли запах... Картошка? Ну да, сырой картофель! Типа здесь раньше хранили урожай? Скорее всего, да, хотя для картофелехранилища как-то уж больно цивильно. Осталось понять, где он сейчас находится. Какой-нибудь заброшенный колхоз или ферма, а может быть, это погреб частного дома, которых немало побросали, особенно, тех, что располагаются в городской черте.

Опять послышались шаги, только на этот раз уже приближающиеся, как будто кто-то спускался по лестнице. Ну, точно — подвал. Влад через силу приподнял голову, чтобы посмотреть в сторону двери. Она отворилась, и в помещение вошёл рослый человек в военной форме. Вроде на плечах были погоны, но Влад сразу не разобрал, сколько там было звёздочек, и какие. Лампа неприятно светила в глаза.

Незнакомец пододвинул другой стул, который ему поднёс тот же бугай, кто поднял Влада с пола, а сам встал сбоку от пленника. И нет, он не поставил его спинкой к Владу, как можно было ожидать. Многие отрицательные герои поступают ведь так, правда? Впрочем, и положительные тоже, ставят стул спинкой вперёд садятся на него как на коня. Этот человек избегал дешёвых понтов, это ощущалось сразу.

Нет, этот человек так делать не стал. Стул был поставлен как обычно, и как следовало. Незнакомец, казалось, непринуждённо расположился на стуле. Руки на груди не скрещивал, но подался вперёд, уперев локти на колени, а пальцы рук образовали замок. Всё-таки психология великая вещь! Только великим мастерам под силу контролировать свои невербальные проявления эмоций.

А тут вроде бы перед тобой хозяин ситуации, и окружающие ему беспрекословно подчиняются, однако что-то его всё-таки беспокоит и это находит выражение в том, что он хочет вызвать доверие у пленника, подавшись вперёд, но, тем не менее, не удержался от того, чтобы не сцепить пальцы в замок перед собой.

А это значит что? Что ему от тебя и в самом деле что-то нужно, причём что-то очень для него важно. Что ж, послушаем, что от тебя хотят услышать.

Интересно, всё-таки было бы узнать, кто это такие. Главное, чтобы не рептилоиды. Хотя чем чёрт не шутит, события последних недель и общение с Алексеем буквально вынуждало воспринимать окружающий мир через призму теории заговора.

Интересно, ты сейчас вообще где? Лёха! Алё! Ну, ты же просто Лёха, так ведь? Ты же Алексом назвался тогда исключительно ради американки, так сказать ради установления контакта с иностранным гражданином. Или нет?

Джессика... Кто бы мог подумать, что ты находишься по другую сторону. Зачем? Для чего? Какого, в конце концов, хр@на?! Правда ли, что твои родные находятся в заложниках у могущественной спецслужбы? Или это была просто уловка, чтобы вызвать у нас жалость? Мне же пришлось в тебя стрелять, чтоб тебя, Джессика!

Или не Джессика? Кто ты в реальности? Почему ты повела себя так, как повела? Ведь тобой же реально решили пожертвовать, но ты всё равно решила работать на своих нанимателей до конца.

О, Господи! Может быть, ты сейчас всё это закончишь? Зачем ты мучаешь меня?

Да, я стрелял в неё! Что ещё ты хочешь услышать?! Да, я не должен был этого делать! Но разве не ты поместил меня в условия, когда другого выхода у меня просто не было? Когда я был на взводе, и ничего другого кроме как нажатия на спусковой крючок от меня нельзя было ожидать?

Вот женщина, которая в целом тебе симпатична, но она причастна к убийству твоей жены. Сначала ты не знал об этом, но потом пазл сложился. Да, она не нажимала на курок, но она, как минимум, руководила.

Такой выбор даёт Господь? Вот именно так? Через такие испытания? А сейчас, значит, пришла расплата.

Чувство необходимости проснуться нарастало с каждой минутой. Хотелось, чтобы это оказался один большой и страшный сон. Сейчас его нежно похлопают по щеке, и он очнётся на больничной койке, рядом будет Аля и все вообще будут рады, что так легко отделались после... автокатастрофы? Нападения террористов? Да для этого подошёл бы любой другой несчастный случай.

Или просто кошмар, приснившийся в гостинице, куда ты приехал после отдохнуть после двенадцатичасового нахождения в дороге. Хочу, чтобы, это, был, сон!

Но тебя никто не будит.

Боже! Как же болит голова! Ещё запёкшаяся кровь рвёт на затылке волосы.

— Ну, здравствуй, Владислав, — произнёс спустившийся в подвал человек и севший на стул, который ему услужливо пододвинул один из охранников. — Или лучше Влад?

Как-то слишком душевно произнёс, по-дружески, ничего хорошего это не предвещает.

Влад через силу поднял голову и посмотрел на гостя. Тот был в военной форме с погонами полковника (теперь Влад рассмотрел) и в натянутой на лицо балаклаве цвета хаки, так что видны были только глаза. Цепкий холодный взгляд.

Пришёл он не один, рядом по правую руку встал такой же незнакомец в балаклаве. Какие погоны были у того, со стула было не видно. Однако, по тому, как он держался, как встал, убрав руки за спину, тоже можно было судить о военной выправке. Только вот не понятно чьей.

Всё чудесатее и чудесатее, как говорила Алиса, прыгнувшая в глубокую кроличью нору. Алексей говорил, что был масштабный саботаж на самом верху перед самой атакой, да и погибший майор Гареев тоже об этом рассказывал. Неужели они и впрямь проникли во все уровни власти и управление армией?

Однако, можно рассматривать положительным сигналом тот факт, что оба гостя, один из которых явно был тот, кого называли «старшим», скрывают свои лица. Значит, они опасаются опознания. Ведь если бы они планировали избавиться от Влада, то смысла сидеть в натянутых масках не было бы никакого. Ведь так? Или не так?

— Поговорим? — продолжил «старший».

— От чего бы и не поговорить, — выдавил из себя Влад, слова давались тяжело, во рту всё пересохло. — Мне бы попить для начала.

— Нет, — твёрдо ответил «старший», по глазам незнакомца было видно, что он улыбается под балаклавой, — сначала поговорим, а потом попить. Не стоит начинать диалог

с условий, обеспечить выполнение которых у тебя нет возможности.

— Какие уж тут условия, чисто просьба, — не сдавался Влад. — А то уж сильно...

Договорить он не успел. Удар пришёлся по рёбрам с левой стороны. Бил тот же головорез, что усадил Влада на стул. Дыхание перехватило, Влад открыл рот пытаясь вдохнуть.

— Подожди! — «старший» махнул рукой тому, кто ударил. — Не спеши. Видишь, мы пытаемся выстроить диалог. А какой может быть диалог, если наш гость не сможет говорить. Ведь так, Влад?

Ну, логика в словах «старшего» была, не поспоришь.

— Ну, и что вы хотите услышать, — задыхаясь, просипел Влад.

— Вот, — «старший» хлопнул себя по коленям, наконец, расцепив пальцы, — это уже правильный подход. Так бы сразу.

Что-то знакомое показалось Владу в голосе «старшего», может даже не сам тембр, а некие интонации. Впрочем, сейчас показаться могло всё, что угодно. Вот рядом с «полковником» уж не Алексей ли стоит? Реально, сейчас бы уже ничему не удивился.

— Итак, Влад, — обратился «старший», — куда вы направлялись вместе с капитаном Плетнёвым?

— А кто это? — почти искренне удивился Влад.

Удар пришёлся в челюсть слева, во рту что-то хрустнуло, и голова закружилась. Влад даже не ощущал боли, всё казалось каким-то ненастоящим. Зуб что ли сломал, сволочь. Губа стала раздуваться буквально тут же, а язык распознал металлический привкус.

— Не смешно, Влад. Только не говори, что ты не знал полного имени своего знакомого из погранвойск.

«Если честно, как-то не до этого было» — подумал про себя Влад.

— Почему бы вам самим у него спросить? — возразил Влад, разбитая губа при каждом движении стала неприятно саднить.

Новый удар по руке, по той, которая была ранена бандитами ещё в городе, когда они ворвались в его с Алей квартиру. Тело словно пронзила молния от плеча до головы. Господи, что ж вы делаете-то! Рука только-только стала заживать.

По руке под курткой сразу стало влажно, рукав прилип к плечу.

— Ты всегда был сообразительным, Влад, и, наверное, уже догадался, что капитан не у нас, — спокойно ответил «старший». — Либо он молчит и строит из себя героя прямо как ты сейчас, как тебе такой вариант?

Чёрт! Да, о том, что Алексей всё-таки может быть захвачен, но отказывается говорить, Влад как-то не подумал. Но тогда получается, что врагам нужна информация, а не просто их смерть. Иначе бы их уже ликвидировали.

Однако, скорее всего, капитан избежал захвата. Не такой уж он простака как ты, Влад, верно? Верно. Повёлся, твою мать, на старого знакомого. Как ребёнок мля!

Что ж придётся их разочаровать, пограничник не сильно стремился делиться своими планами. Вот только поверят ли его «благодетели» в такое объяснение? Или им покажется, что ты знаешь что-то такое важное, о чём сам не догадываешься? Тоже может быть. Но тогда быстро всё это не закончится.

Тем не менее, что-то изменилось. Что-то изменилось. Понять бы что. И почему? От концепции безусловной ликвидации враг перешёл к тактике получения информации. А это значит, что точно что-то изменилось.

Ещё один удар. Только теперь не кулаком, а ногой в тяжёлом берце. И не в лицо или по рёбрам, а по распухшей ноге.

Перед глазами поплыли красно-белые круги. Зубы стиснуты настолько, что, кажется, один хрустнул. Вот ведь же досада, это сколько же надо будет бабла потратить на походы к стоматологу.

— Да погоди ты! — укоризненно произнёс «старший» к тому, кто наносил удары. — Видишь, человек не успевает даже подумать!

«Полковник» снова подался вперед.

— Ты же подумал, Влад, так? — вполне доброжелательно спросил он. Так мог бы говорить добрый начальник с допустившим оплошность подчинённым. — Итак, куда, вы, направлялись, с капитаном, Плетнёвым?

Последнее предложение он произнёс тем же спокойным тоном, но с расстановкой, выделяя паузами каждое слово.

— Он мне докладывал, — прохрипел Влад.

— Подожди! — «старший» поднял руку, явно останавливая своего подчинённого от нанесения очередного удара.

Он тяжело вздохнул.

— Послушай, не стоит геройствовать. Это ведь никто не оценит.

«О! Да он на что-то или на кого-то обижен!» — промелькнуло в раскалывающейся от боли голове.

— Влад, какой смысл сейчас быть героем? Сейчас бы понять, как выжить, разве не так? Ну, вот ради чего ты всё это делаешь, молчишь вот? Потому что так тебе велел полоумный пограничник?

Полоумный или нет, но он взамен ничего не просил. Он тупо спас, и не только его, Влада, но женщину с ребёнком. Мог бы бросить, но не бросил. Пограничник не обещал, что будет просто, не говорил, что за помощь в его непонятных делах он каким-то образом вознаградит Влада. Он просто делает дело, в которое верит. И дело это, не противоречит основным установкам Влада, не заставляет его кривить душой, подгоняя понятия о долге и чести под личные сиюминутные интересы.

Думал ли, Влад, что у капитана не все дома? Что он двинулся на почве потери боевых товарищей и семьи? Конечно, думал! Ему вся эта история с самого начала казалось каким-то бредом. Да что говорить, он и сейчас иногда сомневается в цели их миссии! Спасти мир от ядерной войны, изменив всю реальность — чем не безумная идея!

Но лучше уж быть честным сумасшедшим, чем такой вот п@длой, особенно если окажется, что ты реальный полковник ВС РФ, а не какой-то там ряженный. А, может, в том числе и в этом причина того, что ты скрываешь лицо, как и твои подельники, а не простой страх опознания?

— Мы знаем, — продолжал «старший», — что вы должны были направиться в Саров, но горда больше нет. Если там кто-то выжил, даже в подземной части — я бы очень удивился. Так в каком направлении вы решили двигаться дальше? Какова конечная цель?

— Не поверишь, — закашлявшись, произнес Влад, — но он мне не говорил.

Ещё раз останавливать своего подчинённого «полковник» не стал. Очередной удар по больной ноге заставил Влада в очередной раз до искр из глаз зажмуриться и стиснуть до хруста зубы.

Во-от... вот теперь он по-настоящему понял, почему раньше при осуществлении

операций, ещё до возникновения медикаментозной анестезии, пациенту давали закусить деревянную палку или кусок толстой кожи. Так ведь никаких зубов не напасёшься!

— Ты прав, не поверю. Влад, ты пойми, мне абсолютно не доставляет удовольствия всё то, что сейчас здесь происходит. Ты ведь не работаешь на Комитет. Так зачем тебе это? Просто скажи, куда вы собирались направиться?

— Не знаю, — сквозь зубы произнёс Влад. — Пограничник мне не рассказывал. И правильно делал.

Что ещё за Комитет?! Не знает они ни какого Комитета! Он вообще ничего не знает!

«Старший» вздохнул и опустил взгляд в пол.

— Но ты же понимаешь, что тогда от тебя нет никакой пользы? Скрипач не нужен, дорогой, — сказал, и он за спиной Влада послышались сдержанные смешки.

Новый удар по раненой руке. Раскалённый лом боли пронзил его тело от плеча до головы, заставив зажмуриться.

— А может всё дело в том, что мой товарищ проявляет недостаточное усердие? — в голосе «полковника» послышались железные нотки.

Позади Влада, там, где находился стол, за которым сидели его охранники и за которым резались в карты, послышалось движение, как будто кто-то открывал сумку, и звон металлических изделий. Это что — хирургические инструменты?

«Ну, всё, сейчас начнётся — промелькнуло в голове, — Всё, что было до этого — лишь прелюдия»

А ведь он реально ничего не знал. Разве что то, что они вроде как старались добраться до Москвы, но даже об этом пограничник не говорил напрямую. А данных господ, по-видимому, интересуется совсем другая цель их похода, так сказать, конечный пункт назначения.

Что они сейчас будут делать? Вырывать ногти? Или наоборот загонять под них иголки? Или... да мало ли существует способов причинить адскую боль человеческому телу! За тысячи лет истории люди вполне себе поднабрались в этом опыта, одна только Святая Инквизиция чего стоит! Да и методы обычного уголовного дознания ещё несколько десятилетий назад особой гуманностью не отличались. Впрочем, о чём это он? Есть же такое «замечательное» место как Гуантанамо!

Чёрт, чёрт, чёрт! А ведь не факт, что он сможет выдержать, если его начнут резать. Сказать про Москву? Выдать хоть что-то из известного? Но тогда они точно подумают, что точно знаешь что-то ещё, раз не рассказал об этом сразу.

— Мне очень жаль, Влад, что дошло до этого, — всё с тем же дружески-укоризненным тоном произнёс «старший».

Он кивнул тому, что стоял за спиной Влада, который услышал, как его палач сделал пару шагов к нему. Он почувствовал, как тот хватает его руку и к мизинцу прикасается что-то очень острое.

Влад закрыл глаза.

Глухой стук. Будто что-то лопнуло в пустой металлической бочке. Что, его не стали мучить, а решили просто пристрелить? Или он типа уже отмучился?

Громыкнуло ещё раз. И, по-моему, уже ближе и где-то снаружи. Звук из-за бетонных перекрытий и дверей казался довольно тихим, хотя наверняка таковым не являлся. Короткая автоматная очередь, потом ещё, и ещё одна. Крики и команды.

«Старший» поднялся на ноги и достал пистолет, остальные схватили автоматы.

Послышались приглушённые крики.

— Охраняйте его! — отдал он приказ. — Ты, ты и ты — за мной!

«Полковник» и ещё двое, в том числе тот, что стоял рядом с ним, выбежали из подвала.

— А ну-ка прикроемся им, народ, — прохрипел любитель анекдотов.

— Его же грохнут! Старший приказал его охранять!

— А ты хочешь, чтобы грохнули нас? — огрызнулся хриплый.

Влада привязанного к стулу куда-то дернули, и он почувствовал, как на его плечо лёг ствол автомата. Другие опрокинули стол, за которым они играли в карты, соорудив примитивную баррикаду. Навряд ли такая защита может считаться надёжной от пуль, выпущенных из «калаша».

Звуки стрельбы явно приближалась. Снова громыхнуло, но уже совсем близко. Потом автоматная очередь пробила дверь, и в подвал ввалилось тело с оружием в руках. Из-за того, что на нём была такая же форма, как и российской армии, было абсолютно не понятно, кто это: свой или не свой. Хотя натянутая на голову бойца балаклава всё равно бы не дала этого сделать.

— С@ки! — злобно прозвучало из-за спины Влада. Значит, не свой.

Наступила подозрительная тишина. Пространство заполнил кислый запах пороха, а позади, прикрывшись Владом как мешком с песком, готовились к стрельбе ещё трое бандитов.

В этот момент в подвал, ударившись об пол с тяжёлым стуком, вкатилось что-то цилиндрическое.

— Дерьм..! — только и успел выкрикнуть один из похитителей.

Что было раньше — звук или свет — Влад не разобрал, он только понял, что абсолютно ничего не слышит, а перед глазами стоит снежно-белая пелена, которая заполнила всё вокруг.

Сквозь тонну ваты, заложившей его уши стали пробиваться звуки выстрелов, а он только и ждал, что очередная пуля попадёт ему либо в грудь, либо в спину. Однако, в какой-то момент ему стало уже абсолютно всё равно, что будет дальше.

И снова тишина. Только теперь уже совершенно другая. Приходилось бывать в ночном клубе? Помните то ощущение, когда приезжаешь домой и пытаешься уснуть, казалось бы, в полной тишине, а в ушах продолжает шуметь. Вот и сейчас в голове Влада стоял какой-то монотонный не то шорох, не то свист, заменивший все остальные звуки вокруг.

Однако, он жив! На том свете же не может так всё болеть, ведь так? Вроде, никаких дополнительных отверстий в теле не ощущается, ни откуда не течёт. Можно открыть глаза.

Дым заволок подвал. Вместо его похитителей в помещении уже находились совершенно другие люди. Или те же? Балаклавы, скрывающие лица, разгрузки, рации и автоматы. Вдруг это те же самые, кто его похитил? Так-то не сильно отличаются.

Один из них быстрым шагом подошёл к Владу и протянул, стащил тактическую перчатку и протянул руку, чтобы пощупать пульс на шее пленника. Вроде как выдохнул с облегчением.

— Что в словах «Сидеть в машине и не высовываться» было не понятно, — это был Алексей. Он стянул балаклаву, достал нож и разрезал веревку и хомуты, стягивающие руки и ноги.

— Друг, — попытался оправдаться Влад, разбитые губы плохо слушались, а дёсны неприятно саднили. Кажется, он сильно прикусил язык. — Увидел, друга. Считал, мёртвым.

Что тут можно ещё ответить? Что увидел человека, которого считал погибшим? Человека, с которым тебя связывают долгие года дружбы, и ты просто не смог не отреагировать?

Да, ты уже понял, что это была приманка, что те, кто на вас охотится, не остановятся ни перед чем. Косяк в чистом виде.

Влад стал валиться со стула на пол, но пограничник и ещё один боец подхватили его и собирались тащить наверх, но вмешалась незнакомая девушка, появившаяся рядом как волшебству.

— Ты какого чёрта до человека докопался? У него погибла жена. У него погибли родители. У него погибли друзья. И вот тут внезапно оказывается, что тот, кого он считал мёртвым, оказался жив! Я бы посмотрела на тебя в такой ситуации!

— Какого хрена ты... вы вообще здесь оказались?! — вдруг вспыхнул Алексей, обращаясь к девушке.

— А ты предпочёл, чтобы нас здесь не было? — невозмутимо ответила незнакомка. — Уверен, что смог бы справиться с ними один?

Она взглядом указала на тела, лежащие на бетонном полу.

Она сняла куртку и стала доставать из аптечки шприцы и ампулы. Надломив кончик одной, и разведя раствор, она сделала укол. Потом достала таблетки по типу капсул в желатиновой оболочке и заставила Влада их проглотить, поднеся ко рту фляжку с водой.

— У нас нет времени! — напомнил Алексей. В руках он держал ещё не успевший остыть автомат.

— Алекс! Ты хочешь, чтобы он коньки прямо сейчас отбросил? — возразила девушка. — Насколько помню, у тебя сейчас другая задача, так?! Позволь мне сделать свою работу и осмотреть его! Не в больницу же вам ехать, где вас вычислят на раз-два.

Пограничник явно желал свалить отсюда как можно быстрее, но сильно перечить незнакомке не стал.

— Их главный ушёл, он может...

— Может! — перебила его незнакомка, — а может, и нет! Ему надо будет собрать новых людей, если они у него ещё остались, и на это уйдёт время. И поверь, нам понадобится гораздо меньше времени, чтобы хоть как-то поставить Влада на ноги. А ребята, пока нас будут прикрывать. Тем более, у них вообще была другая задача, и они не смогут нас дальше сопровождать.

— Нас?! — только и вырвалось у капитана, но девушка не стала больше с ним говорить.

— Помоги лучше положить его на стол!

Пограничник с другим бойцом подхватили Влада за руки и ноги и перенесли на дырявый от пуль стол, который перед этим поставили на ножки.

Она отложила в сторону автомат, который держала в руках и принялась осматривать раны Влада. Сначала взялась за обработку его повисшей плетью руку, а потом распухшей до безобразия ноги, которая уже и берце не помещалась (ботинок пришлось срезать). Обработывала раны и накладывала чистые повязки. Владу показалось, что при этом, она ещё на короткое время удерживала свои ладони на повреждённых местах. Вроде не положено так делать при таких травмах, а с другой стороны, чёрт с ней, пусть делает, ведь боль реально стала уходить.

— Сильно же тебя потрепало, солдат, — как-то просто сказала она.

— Я, не, солдат, — процедил Влад. — Не, служил.

Она как-то ласково, но с достоинством посмотрела ему в глаза.

— А кто же ты после этого? Конечно, солдат! Вот увидишь, тебе ещё официальное звание дадут, и наградят...

— Если... только... посмертно, — вставил Влад и попытался растянуть рот в улыбке, но скривился от боли.

— Дай взгляну на вторую ногу, — оказалось, что её всё-таки задела пуля. При этом она укоризненно посмотрела на Плетнёва. — Грязно работаете, товарищ капитан.

Тот ничего не ответил, только посмотрел на часы.

— Так, а теперь твоя голова, Влад. Нехило так тебя приложили, — продолжала сопереживать незнакомка.

Всё это время она не переставала накладывать бинты, в том числе перевязала Владу голову. При этом, подержала ладони у его висков, от чего ему стало тепло и спокойно. Наверное, укол так действует. Вот нет, чтобы Алексей сразу разрешил ему воспользоваться аптечкой, а то всё нельзя, да нельзя! Вот, человек ему шарнул обезболивающее, и сразу полегчало. Да, врача бы из капитана не вышло.

Как бы сильно Влада не мутузили и не били по котелку, он был вынужден признать, что незнакомка ему нравится. Светло-русые волосы, слегка вьющиеся локоны, скорее серые, чем голубые, но очень яркие насыщенные глаза. Пухлые, но в меру губы. Вроде, даже не накрашенные. Да и вообще, косметики на лице было не заметно. Если это натуральная красота, то стоит отдать должное природе. Тем более, что в современных условиях времени на макияж реально могло не хватить, не та сейчас обстановка, чтобы марафет наводить. Лет двадцать пять плюс минус год.

Полевая форма, разгрузка с обоймами, шея обмотана арафаткой. Под плечевым ремнём разгрузки — фуражка. Вообще, она была одета довольно легко для января, пусть зима и была необычно тёплой.

Пока новая знакомая демонстрировала чудеса полевой военной медицины, побив все рекорды по оперативности, Влад старался ещё раз поймать её взгляд и ему это удалось. Она сама взглянула ему в глаза, да, скорее всего, что бы проверить реакцию зрачков, но при этом всё равно улыбнулась, и Владу сразу захотелось жить. Вот ради таких взглядов и стоит жить, да.

...

Сколько прошло времени, Влад не знал, он был словно в забытьи, но один из тех, кто пришёл с Алексеем, подошёл к пограничнику и о чём-то стал с ним переговариваться. Алексей согласно кивнул.

— Всё, Аня, теперь уже точно надо уходить. Пришла информация о группе вооружённых людей в лесу неподалёку. Наши это клиенты или нет, думаю, выяснять не будем.

Аня, вот значит, как тебя зовут, понятно, подумал Влад. Девушка всё это время была рядом, сидя на стуле и наблюдая за состоянием Влада. Она прощупала пульс пациента, посветила фонариком в глаза, на её лице отобразилось сдерживаемое недовольство.

— Ладно, — согласилась она, — только сделаю ещё один укол.

Очередная игла вошла точно в вену, препарат буквально заставил подскочить Влада на столе.

— Тихо-тихо, — проговорила Анна, придерживая его руками, — ты выдержишь, всё будет хорошо.

Она помогла подняться ему на ноги, пол ходил под ногами как палуба в легкое волнение на море. Влад опёрся на стол, на котором ему оказывали помощь.

— Так, давайте, выводите его, — распорядилась Аня.

Алексей и другой боец подхватили его под руки и максимально быстро повели хромающего на обе ноги Влада из подвала наружу.

Это действительно оказался подвал в брошенном недостроенном доме, который стоял несколько на отшибе от основного посёлка, но и дом и населённый пункт, судя по всему, были оставлены жителями или с началом войны, или, что более вероятно, народ сюда обычно наезжает только летом.

Когда они вышли на улицу, было относительно светло, Влад сказал бы, что сейчас часа три пополудни, из низко нависших облаков сыпал редкий снег.

Во дворе оказалось ещё несколько человек, которых с полной уверенностью можно было бы назвать спецназовцами. Рации, разгрузки с полным боекомплектom, автоматы, винторезы, в общем, полный набор.

Кроме них, во дворе лежало ещё несколько тел в военной форме. «Старшего», понятное дело, среди них не было.

Группа из пяти бойцов изучала какие-то документы, по всей видимости, принадлежавшие мертвецам.

Влад дал знать, чтобы его отпустили, и кое-как доковылял до одного тела. Человек будто присел отдохнуть на землю у кирпичного завода. Если бы не красные следы на том же заборе.

Это был Дмитрий. Он смотрел в мир мёртвыми недвижными глазами, в которых теперь уже нельзя было увидеть какие-либо эмоции, разве что слабые отблески. Снежинки падали на его лицо, на его открытые глаза и не таяли.

Влад подошёл к телу и встал на одно колено. А потом просто сел на сне рядом со своим мёртвым другом. Количество смертей вокруг него росло с каждым днём. В душе не было пустоты. В душе была буря, которую не описать доступным человеку языком. Чтобы понять — надо пережить.

Он протянул руку и закрыл глаза Дмитрию.

Сзади подошёл Алексей и положил ему руку на плечо.

— Это твой друг?

— Да. Кто его? — спросил Влад.

Сейчас было важно понять, является ли Дима предателем, или его использовали вслепую. Учитывая, российскую военную форму, в которую были одеты похитители, Влад бы такому исходу не удивился. Наверняка у них и документы были на высшем уровне.

— Не мы, — уверенно ответил капитан. — Когда мы прибыли, он уже был здесь.

Чёрт, Дима! Как же так?! Значит, тебя просто использовали?! И что теперь, вск оставшуюся жизнь мучиться от чувства вины, или принять то, что от тебя зависит далеко не всё?

Вроде с одной стороны отлегло, а с другой всё равно на душе горько.

Алексей помог выпрямиться Владу, и он было собрался идти к их «патриоту», который кто-то уже подогнал к дому, но капитан остановил его:

— Не-не, этот конь своё отскакал, парни нам другую тачку подогнали, — и указал на джип, который стоял чуть в стороне. — Вещи уже перегрузили.

Влад взглянул на Анну, которая стояла рядом с новым автомобилем и проверяла свой

автомат. Интересно, что за чудо-уколы она ему сделала. Намазала ногу, перевязала руку, и боль стала отступать на глазах.

Анна будто почувствовала направленный на неё взгляд и посмотрела в ответ. Улыбнулась. Стало как-то легко. Хотя что-то позитивное и хорошее ещё осталось в этом летящем в пропасть мире. Например, красивая девушка, которая тебе улыбнулась. И пусть сейчас у неё в руках автомат с подствольником. В этом есть даже какой-то особый шарм.

— Что завис? — оборвал размышления Влада капитан, перехватил направление взгляда, ухмыльнулся. — Так, давай в машину, нам пора выдвигаться. Сильно не пялься на неё, хорошо. Это для твоего же блага.

К ним подбежал спецназовец, судя по всему командир.

— Всё, нам пора! — сообщил он.

— Понял, ответил Алексей. — У вас как?

— Один трёхсотый, лёгкий, останется в строю.

— Ещё раз спасибо. Вы сейчас куда?

— Попробуем выяснить, что за народ с оружием по лесу бродит. Если банда какая, то ликвидируем.

— Понятно! Удачи!

— И вам тоже!

Они обменялись крепким рукопожатием. Спецназовцы попрыгали в появившиеся, откуда ни возьмись, автомобили и умчались прочь.

— Ну, и нам пора, — произнесла Анна.

— По местам, — скомандовал Алексей, и они все забрались в их новый джип.

Глава 24. Комитет

Остановились они через пару часов в лесу, съехав с основной трассы. Необходимо было подкрепиться, к тому же новая спутница потребовала остановку, чтобы можно было осмотреть Влада на предмет его ранений.

Стоит признать, что самочувствие у него улучшалось буквально не дням, а по часам. Какой уж там волшебный коктейль она засадила в него несколькими шприцами, и какие чудодейственные таблетки она ему дала, оставалось только догадываться. Но становилось всё лучше и лучше. При любых других обстоятельствах он лежал бы пластом и старался уснуть, лишь бы не чувствовать боли.

Ещё в юности Влад слышал про так называемые «кремлёвские» таблетки, о которых ходили самые невероятные слухи. Чуть ли они даже мёртвого могли на ноги поставить и типа ими пользовались «кремлёвские старцы», чтобы быть в адекватном состоянии на важных переговорах. Как будто на всех остальных мероприятиях можно было находиться в состоянии маразма. Хотя вот вспомнить кандидата в президенты США Байдена, так вот тот реально был в состоянии нестояния большую часть времени, а к дебатам его явно чем-то накачали, чтобы он мог бодро парировать активному Трампу. Правда, после дебатов Байден, судя по всему, опять испытал приступ деменции.

Ситуацию спасало наличие потенциального вице-президента Камалы Харрис, которой, как раз, и прочили фактическое президентство вместо «Сонного Джо». О том, что в американском руководстве имел место заговор — одна из самых популярных версий произошедшего ядерного апокалипсиса. И вся эта история с вытягиванием на президентский пост, по мнению многих, несамостоятельного кандидата имела целью поставить у руля ядерной державы лидера, который был бы таким формально, и который не принимал бы самостоятельных решений.

Однако, в этой вероятности Вселенной, президентом оставался Трамп и никаких выборов не состоялось.

Забавно было представлять, что президентские выборы в США выиграл Байден, а не Трамп. Неужели такое вообще возможно? Ведь первый однозначно не в адекватном состоянии, а американский избиратель, вроде как, всегда считался самым прошаренным, по крайней мере с точки зрения внутренней российской оппозиции.

Интересно, что сейчас происходит в руководстве США, почему они не идут на контакт и не хотят прекратить эту бойню? Не исключено, что попытки российского командования, да и не только российского, выйти на связь, в Вашингтоне рассматривают как проявление слабости, а значит и скорой победы.

Только победа-то, если и будет, то даже пирровой её можно будет назвать с натяжкой. Тысячи и тысячи квадратных километров отравленной территории и десятки миллионов погибших граждан только в результате контрудара — чтобы наладить жизнь после войны

Тут как бы ещё вопрос, будет ли кому подписывать капитуляцию или любой другой мирный договор. Современная система международных отношений утрачивала свой смысл буквально на глазах, на основании чего многие стали считать Африканский континент, не задетый ядерным апокалипсисом, местом, где люди смогли бы переждать возрождение нормальной жизни в Евразии и Северной Америки. Ещё вот Южную Америку минула костлявая длань тотального уничтожения, но что там, что в Африке разве не хватало своих

проблем до войны? Можно ли было назвать эти континенты процветающими? Безусловно, нет. Перенаселённость, бедность и необразованность десятилетиями, если не веками держали эти территории в состоянии перманентной войны всех со всеми. И что будет, когда уцелевшие европейцы, всё ещё сохраняющие превосходный военный потенциал начнут целенаправленную миграцию в Африку, от которой континент пока (пока!) спасает естественная водная преграда?

То, что может получиться, было продемонстрировано на примере вторжения американских войск в Мексику под предлогом обеспечения безопасности своих беженцев. Принявшая несколько сот тысяч беженцев и без того не богатая латиноамериканская страна была вынуждена закрыть границу с северным соседом, что моментально вызвало негативную реакцию со стороны американского командования и началась активная интервенция. С тяжёлыми боями мексиканские вооружённые силы отступали всё дальше и дальше на юг. Что-то будет дальше!

Они проехали немного по грунтовой дороге и потом свернули в лес на небольшую полянку. Костёр разводить не стали, чтобы не привлекать внимания поднимающимся дымом, а вместо этого разогрели еду и воду на горелках с использованием сухого горючего, входящих в состав сухпайка.

Рядом с автомобилем появилась небольшая палатка буквально на двух человек с положенными туда спальниками. Алексей сказал, что в машине будет спать Анна, хотя, какой в этом был смысл, если один из двоих должен был дежурить, Влад не понимал. Его решили в силу необходимости максимально быстрого восстановления от несения ночного бдения освободить.

Анна осмотрела раны Влада и, судя по взгляду, осталась довольна процессом заживления. После чего наложила свежие бинты, и сделала аж пять новых инъекций маленькими шприцами, которые достала из своей, как теперь обратил внимание Влад, аптечки.

Сложно описать, что при этом испытывал Влад. От бодрости, до эйфории. У него даже закралась мысль, что его пичкают чем-то наркотическим, чтобы погасить болевые ощущения. Но то, что это были какие-то стимуляторы, это точно! Например, стимулятор, которые заставляет мягкие ткани восстанавливаться гораздо быстрее, чем обычно. Он прекрасно помнил, как однажды врезался ногой в торчащую арматуру, и как рана заживала месяцами, а тут на месте повреждений уже появилась розовая кожица.

Да что кожа! Было похоже на то, что два сломанных ребра тоже готовы вот-вот вернуться в состояние, предначертанное им природой. Распухшая нога, повреждённая ещё в ходе ночной погони за Джессикой, и по которой похитители нещадно его долбили в подвале дома, стала возвращаться в прежние размеры, и он даже мог на неё с осторожностью наступать. Такими темпами можно будет и ботинок снова надеть, а не ходить в одном шерстяном носке поверх намотанных бинтов.

Голова при каждом кивке, однако, ещё производила трение мозга о черепную коробку, но болела уже не так сильно, как ещё полчаса назад, да и тошнота уже не мучила его постоянными накатами, оставшись в прошлом.

— Ну, ты как? — обратилась Аня к Владу, взяв его голову в свои руки, и подсвечивая ему в зрачки маленьким фонариком.

— Гораздо лучше, — признал Влад и попытался сфокусироваться на её серо-голубых глазах. Каждый раз, когда ему удавалось встретиться с Аней взглядом, его будто окатывало

волной необъяснимого тепла.

— Может, не просто так Алексей советовал ему не пялиться на неё слишком долго?

— Нога ещё болит, и дышать трудно, — добавил он, — а так, очень даже хорошо. Что ты в меня вколола?

— Ну, нога повреждена была сильно, да и сломанные рёбра требуют времени для заживления, — вопрос Аня либо не расслышала, либо предпочла оставить без ответа. — Скоро будешь бегать, как новенький. Одевайся и застегнись, не забудь про шапку.

Блин, прямо как мама перед тем, как выпустить гулять дорогого сыночка. Влад даже невольно улыбнулся.

Аня выключила фонарик и распрямилась, встав на ноги. При этом у неё из-за воротника вывалился не то кулон, не то медальон (Влад был не силён в видах ювелирных украшений) в виде небольшого жёлтого диска на цепочке. И это было не золото, которое сразу бросается в глаза своей яркостью неподверженному окислению металла, этот медальон был скорее тусклым.

— Монета? — проявил любопытство Влад.

— А? Что? — внезапно спохватилась Аня. — Нет, не монета.

Она подхватила медальон и вернула его обратно за воротник. Никаких пояснений дальше не последовало.

— Кушать п-подано! Садитесь жрать, п-пожалуйста! — раздался призыв Алексея, который всё то время, пока Анна колдовала над Владом, занимался приготовлением пищи.

— Давай подсоблю, боец!

Аня помогла подняться Владу на ноги и, поддерживая его за руку, довела его до места трапезы, которое представляло собой три раскладных стульчика, которые обычно используют рыбаки и прочие туристы, в виде двух алюминиевых рам и натянутом между ними брезентом. Посередине продолжало догорать на горелке сухое горючее.

В глаза бросилось то, как пограничник посмотрел на них, и у Влада зародилась мысль, что капитан просто-напросто ревнует Аню к нему. Да ну! С чего бы это! Он её знает-то всего пару-тройку часов! С другой стороны, судя по тому, что услышал Влад, пограничник мог знать Анну гораздо дольше. Кто знает, какие отношения могли их связывать в прошлом.

Она также помогла ему присесть на казавшийся хлипким для его почти ста килограммов веса стульчик. Тот явно собрал все свои силы, чтобы устоять и опозорить своего производителя.

Подтаявший снег, серое небо, чёрный по-зимнему лес вокруг и слабо потрескивающий дозиметр, сообщающий, что пока что с радиационным фоном всё в порядке — такая вот постапокалиптическая пастораль.

Они принялись за горячую еду, стуча ложками по стенкам плоских котелков и отправляя в рот куски хлеба с намазанным на них толстым слоем салом, которое в обычное время Влад не сильно жаловал, а тут прямо аппетит прорезался.

— Ешь побольше, тебе сейчас нужен материал для восстановления организма, белки, жиры, углеводы — подбодрила Аня. — Ведь ничто не берётся из ниоткуда.

Влад только кивал, запихивая в рот очередной кусок, есть действительно хотелось зверски. Вот он намазал очередной кусок хлеба паштетом и проглотил, запивая сладким-пресладким чаем, пар от которого особенно сильно дымил в прохладном воздухе.

При этом Анна лопала тоже так, что будь здоров. И куда в неё только лезет!

Прожевав очередной кусок, и запив его горячим напитком, Влад решил задать вопрос.

— Как? — выдал из себя он.

— Что как? — спросил в ответ Алексей.

— Как вы меня нашли?

Вместо ответа Алексей встал со своего места и подошёл к Владу. Протянул руку к его куртке и предложил потрогать «липучку» на рукаве, что тут же Влад и проделал.

— Чуть плотнее, чем обычно, — заметил Влад. — Что это? Жучок?

Капитан утвердительно кивнул.

— Когда ты успел-то?

— Когда выбрались из города после взрыва, тебя осматривал врач, а я провёл небольшую операцию с твоей новой одеждой. Вскрыл, засунул, зашил. Я тогда доктора просил тебя осмотреть более внимательно.

— Понятно. Американке тоже такой подсунул?

— Что значит «подсунул»?! Снабдил устройством слежения. А ты думал, почему я знал, в каком направлении за ней бежать по ночному-то лесу! Тут бы и Чингачгук не справился.

— Везде поспел, — констатировал Влад.

— Если бы. Как кто-то сказал, история человечества складывается из ошибок и недочётов. Признаюсь, нам... тебе повезло, что захватившие тебя не стали тебя сканировать на предмет жучков. Может, не успели, может, не имели соответствующих технических средств.

— А может, — вставила Аня, — просто были чересчур самоуверенны.

Они замолчали, потягивая чай. Аня пила кофе со сливками, который развела из пакетика.

Начинало смеркаться. Влад понял, что сегодня они уже никуда не поедут. И тут у него всё буквально похолодело внутри, а по спине пробежали мурашки.

— А не могли они засунуть в мою одежду свой жучок? Чтобы следить за нашим перемещением, — он обвёл своих спутников взглядом, которые на удивление сохраняли абсолютное спокойствие.

— Могли, — согласился капитан, — но либо, опять же, не успели, либо не имели возможности. Не похоже, чтобы они нам подсунули тебя в качестве наживки, уж очень они старались отбиться.

— И, тем не менее... — не согласился Влад.

— Мы тебя обследовали не только на предмет полученных травм, вообще-то, — ответил Алексей, — но и на предмет посторонних следящих устройств, помещённых не только в твою одежду и обувь, но и внутрь твоего организма. Ты не представляешь, сколько в теле человека мест, куда можно запихнуть жучка!

Похоже на этом месте у Влада особенно расширились глаза.

— Ну а как ты хотел? — как ни в чём не бывало, продолжал пограничник. — Мы должны были учесть все возможности. Для того Аня тебе наркоз и всадила, чтобы ты ничего не чувствовал. Сейчас никакого дискомфорта не испытываешь, нет?

В этом месте Аня прыснула, и у неё носом потекло кофе. Хорошо, что она в этот момент не жевала печенье.

— Ну и паразит же ты, Алекс! — проворчала она, вытираясь. — Придумывает он всё! Ничего такого не было.

— Понятно, — смутился Влад.

— Но на счёт слежки не переживай, мы в самом деле просканировали тебя, — добавила

Аня, — только в щадящем режиме, если так можно сказать. Похоже, мы всё-таки имеем дело с серьёзными ребятами.

— Кстати, кто это был, есть мысли? — спросил Влад.

— Какие-то бандюганы, — пожал плечами Алексей. Владу показалось, что пограничник как-то уж просто согласился с такой версией событий.

— Мне так не показалось.

— Однозначно бандиты, но под управлением правильных людей, — попытался сгладить эффект пограничник.

— Нет, не бандиты, — не унимался Влад, — по крайней мере, командовали ими люди с выучкой.

— Ну, а я что сказал, — пожал плечами Алексей.

Аня при этом молчала, но явно прислушивалась к разговору.

— Один из них мне показался знакомым.

— Знакомым? Кто именно?

— Не знаю, могло показаться. Главный. Они называли его «Старший». Интонациями что ли. Манерой речи... Лица я не видел. И ещё...

— Что? — Алексей замер с ложкой у рта.

— Этот «старший», у него были погоны полковника.

— И?

— И вёл он себя как полковник. Ну, вот просто как настоящий полковник.

При этих словах даже Влад невольно улыбнулся. Словосочетание «настоящий полковник» было знакомо почти каждому, кто имел возможность слушать радио.

— Я думаю, он военный, кадровый офицер. И те, кто был с ним тоже, по крайней мере, минимум ещё один, за остальных не скажу.

— Не исключено, — согласился пограничник, — Надо признать, что проникли они глубоко. В этом и проблема. Мы же не с эстонской разведкой дело имеем, а со службами самой крупной по потенциалу сверхдержавы.

Потом он облизал ложку, посмотрел в небо, из которого падали редкие снежинки, и добавил:

— По крайней мере, она была таковой до нашего ответного удара. Хотя, если так пойдёт дальше, понятие «сверхдержава» канет в Лету, — он горько усмехнулся, — как и всё человечество.

— А спецназ откуда взялся? — пытался утолить любопытство Влад. — И ты, Аня?

— Это вот к ней вопросы, — бросил в ответ капитан.

Аня, наконец, наелась и сидела с очередной кружкой горячего кофе со сливками, закутавшись в куртку и накинув капюшон на голову. Кружку она держала обеими руками и смотрела на догорающее сухое горючее.

— Наверное, всё дело в том, что я одна из тех немногих, кто считает рассказ Алекса имеющим право на существование. И если мы попытаемся повернуть то, что он задумал, хуже не будет. У нас хотя бы есть цель, кроме той, чтобы просто выжить.

Она сделала небольшой глоток.

— А спецназ... Пришлось коего-кого убедить в важности происходящего, правда, не раскрывая всех деталей. Сказали, что ты, Влад очень большая шишка, обладающая чрезвычайно важными сведениями государственной важности.

— Надеюсь, не то, что я якобы знаю, где скрывается бывший американский посол?

Аня даже подняла указательный палец.

— А вот это, кстати, очень хорошая мысль! В следующий раз так и скажу, — рассмеялась она.

— А?.. — Влад мотнул головой в сторону пограничника.

— Ну а чтобы найти Алекса без значительной доли везения не обошлось. Плюс некоторые догадки относительно пункта вашего назначения. Внезапно образовавшийся затор на трассе федерального значения, вызванный поиском тех, кто уничтожил группу патрульных. И тому подобные нюансы.

— Понятно.

Пограничник встал с раскладного стула и объявил:

— Я дежурю первым, потом Аня. Тебе, — он указал пальцем на Влада, — спать.

Спать, так спать. Тем более, что спать действительно очень сильно хотелось. Даром, что говорят, будто организм восстанавливается во сне. Однако, чувствовал себя Влад всё лучше и лучше.

— Есть ещё одно, — вспомнил Влад.

— Что ещё? — насторожился капитан.

— «Старший» упомянул некий Комитет, — сказал Влад, держа в руке ложку, — мол, зачем мне всё это ведь я не работаю на Комитет и могу с чистой душой рассказать, куда мы направляемся. Они очень хотели узнать конечный пункт назначения. И... что за Комитет он имел в виду, вы часом не в курсе?

Влад этого не видел, но Аня и Алексей еле заметно переглянулись, Аня при этом еле заметно кивнула.

— Сложно сказать, что именно имел в виду главарь, — попытался отпетлять капитан.

— Он имел в виду что-то конкретное, Алексей, — произнёс со всей серьёзностью Влад. Ему нужны были хоть какие-то ответы, и он намерен был их получить.

Пограничник сделал вид, что задумался и что-то вспоминает, и взвешивает то, что можно озвучить, а что нельзя.

— Алексей, — продолжил Влад гораздо серьёзнее, — я, конечно, понимаю, что такое гостайна, и про формы допуска знаю не понаслышке, но меня пытались несколько раз убить. У меня жену убили. Даже если учесть, что в последний раз я был отчасти сам виноват, то я, по-моему, имею право знать, что происходит.

Капитан помолчал, пораскинув что-то в уме, вернулся на свой стульчик, кивнул.

— Да, слышал я о Комитете. Комитет государственной безопасности...

Влад разочарованно вздохнул, думая, что Алексей опять будет уходить от ответа, недоговаривая и умалчивая в своей типичной манере, но тот на удивление решил расщедриться на куда больший объём информации, чем обычно.

— После распада Советского Союза многое изменилось. Какие-то задачи, которые выполнял Комитет государственной безопасности, в том числе по охране государственной границы, кому-то там, — Алексей взглядом указал на небо, — наверху показались второстепенными, а то и вообще не важными. Страна переживала жуткий кризис и многие подразделения перестали получать финансирование, люди увольнялись, или про них просто забывали. Особенно это касалось секретной работы с агентурными сетями и нелегалами. Мир, дружба, жвачка и реклама «Пицца-Хат» сделали своё дело, госбезопасность ушла на второй, если не на третий план, везде были только друзья, против которых вести разведдеятельность считалось чем-то неприличным. И это несмотря на то, что против нас

никто не прекращал работать.

Союз трещал по швам, от него откальвались целые республики, а вместе с ними терялись архивы, оборудование, связи. С большим трудом отдельным энтузиастам удалось сохранить какие-то осколки данных, но не получив поддержки в руководстве страны, они занялись обустройством собственной жизни. Кто-то из них потом просто умер от старости, кто-то затерялся на просторах бывшего СССР, кто-то подался в солдаты удачи и воевал в той же Югославии, а кто-то просто погиб в девяностые, в том числе при весьма странных обстоятельствах. Однако, тогда гибли столько новоявленных бизнесменов и простых граждан, которых и взрывали, и расстреливали, и травили всякого рода веществами, так что особого внимания на отдельные такие случаи не обращали.

— Всё это прекрасно, — перебил пограничника Влад, — но речь шла явно не о КГБ СССР.

— И о нём тоже вообще-то. Комитет, о котором, судя по всему, вёл речь твой похититель, был создан ещё во время Великой отечественной войны, как структура НКВД с полномочиями СМЕРШа. Ну а позже, когда было создан Комитет госбезопасности, он перешёл в его подчинение. Такой вот комитет в комитете. Название менять не стали. Кому надо, тот всегда знал, о каком комитете идёт речь.

— И чем занимался этот комитет в комитете?

— Ну, в сферу деятельности Комитета входило создание нелегальной агентурной сети за границей и в приграничных территориях, и собственно охрана границы на особо опасных участках с целью предотвращения случаев чрезвычайно опасной контрабанды и незаконного пересечения границы особо опасными гостями.

Собственно, отсюда и пошло сначала неофициальное название структуры, которую между собой вовлеченные люди называли «Комитет по приёму гостей». Официально же группа называлась «Особый Комитет Пограничной Службы». Хотя про официальное название это я, наверное, преувеличил. Ни один официальный государственный архив не содержит документов с таким наименованием структуры.

— Всегда думал, что нелегалами занимается Служба внешней разведки. И зачем нужна ещё одна секретная служба? По-моему, их и так хватало во все времена.

— И СВР тоже, отличия в нюансах и поставленных задачах. Иногда их цели пересекались. Штука в том, что многие сотрудники ОКПС официально занимали должности в структурах МВД, КГБ, СВР и прочих. Боевые и оперативные группы формировались зачастую под конкретную задачу и за редким исключением не имели постоянных мест дислокации типа пограничных застав или военных баз.

— И ты работаешь в этом самом Комитете? — прямо спросил Влад.

— Да.

— Занимаешься охраной границы?

— Да.

— Но не только?

— Не только.

Всё это время Аня, сидевшая рядом, не проронила ни слова, только периодически попивала кофе, который каким-то чудом до сих пор оставался горячим, хотя воздух становился всё холоднее и холоднее.

— Проблема в том, что в конце 80-х, начале 90-х прошлого века Комитет был фактически расформирован. Точнее, он был даже не расформирован, а про него просто

забыли. И не мудрено, учитывая, что официально он нигде не значился, а финансирование осуществлялось окольными путями под прикрытием выделения средств совсем на другие цели, в том числе через подставные иностранные фирмы. Финансовые потоки либо намеренно терялись в огромном союзном бюджете, либо вообще не находили никакого отражения в официальной отчётности.

В общем, такой вот бюрократический казус: то, что существовало неофициально в условиях строжайшей секретности, также неофициально прекратило своё существование. Хотя в начале девяностых вообще творился жуткий бардак. Кто должен охранять границу, где охранять — вообще было не понятно.

В середине нулевых годов неравнодушные люди, которые всё это время хранили оставшиеся документы и помнили старые агентурные связи, решили напомнить о себе. С учётом того, что некоторым ветеранам удалось вновь занять довольно высокие посты в силовых структурах страны, было принято решение о возрождении Комитета. Тем более, тогда случился серьёзный повод.

— То есть служба в погранвойсках это не простое прикрытие?

— Это — не только прикрытие. Это ещё и служба в погранвойсках.

— Получается, что захватившие меня, знают о существовании Комитета, — заключил Влад.

— Получается, что так, — вынужденно согласился Алексей.

— Так себе секретность, — скривился Влад.

— А никто не говорил, что против нас дилетанты работают!

— Если какой-то «старший» с погонами полковника знает о вашем Комитете, то получается, что либо ему кто-то о нём сообщил, либо он сам из этого Комитета.

На этих словах, произнесённых Владом, лицо Алексея помрачнело, он будто ушёл в себя переваривая озвученную информацию, которая, как догадывался Влад, в реальности уже давно беспокоила его.

Хотя учитывая то, что вообще говорили о начале войны, и о том, как осуществлялся саботаж на самом высшем уровне, и о том, что возможность для ответного удара была восстановлена в последний момент, как пытались нейтрализовать «Мёртвую руку»... В общем, необходимость разобраться в том, кому можно доверять, а кому нет, было насущной проблемой.

— Я — рядовой сотрудник. Я был допущен до определённой информации, которая была мне необходима для выполнения поставленной задачи. Но я не мог знать всё руководство в лицо, да это и не нужно. Поставь сейчас передо мной того, кто тебя захватил — я не смог бы однозначно утверждать, что он работал в Комитете.

— Проблема, — констатировал Влад.

— Проблема, — согласился капитан.

— Мальчики, — подала вдруг голос всё это время молчавшая Аня, — нам завтра долго ехать. И неизвестно ещё, по каким дорогам. Давайте уже спать, а кому положено — нести охрану. Хорошо?

Она поднялась с места, всем своим видом показывая, что собирается идти спать в автомобиле.

— И последнее, — всё-таки вставил Влад и посмотрел пограничнику в глаза — Пока последнее. Кто-то ещё из того треклятого поезда выжил, кроме тебя и меня? Можем ли мы хоть на минуту предположить, что те, кто за нами охотится, отвлекут своё внимание на

другие цели?

В наступившем сумраке лица Алексея уже почти не было видно, но было понятно, что сильно над чем-то раздумывает.

— Я потерял связь со своими уже давно. Мне не известно, смогли они найти, и главное — спасти, ещё кого-то или нет. Связь с Центром по данному вопросу тоже под сомнением по причине утечки информации. Я вообще удивился, когда мне подтвердили полномочия и разрешили действовать, — он на секунду замолчал, а потом добавил. — Нет, на это мы рассчитывать не можем.

Было понятно, что сегодня из капитана точно больше ничего не вытащить. Оставалось последовать совету Ани и попытаться уснуть, в чём у Влада вообще-то были серьёзные сомнения, столько всего произошло за последний день: Дима, похищение, плен, допрос с пытками, чудесное освобождение, лекарства, которые залечивали его раны прямо на глазах. Новая знакомая, которая его напичкала этими лекарствами и которая не менее, а может и более, загадочная, чем капитан Плетнёв. И как тут уснёшь?!

— погоди, — будто прочитала мысли Влада Аня, — это поможет уснуть и нормально проснуться.

Она протянула ему обычное с виду белое драже.

Влад не стал спорить. А какой смысл? С некоторой обречённостью он проглотил пилюлю и забрался в палатку, а там уже и в спальник. Спать, так спать.

Деревья вокруг скрипели, будто тяжело вздыхая под порывами холодного ветра. Где-то вдали, взбалтывая лопастями воздух, нарезал круги вертолёт.

Глава 25. С того света

Что? Что вы хотите услышать? Мои ощущения и чувства в тот миг, когда всё случилось? Вам, правда, интересно? (Тяжело вздыхает)

Сложно описать словами то, что происходило вокруг. Всё случилось так внезапно... с одной стороны. И так ожидаемо, с другой. Никто ведь не верил до конца, что всё, что происходит, это взаправду. Все думали, что завывшие сирены это очередная учебная тревога МЧС. Даже полицейские, которые смотрели в свои смартфоны непонимающим взглядом, думали, что всё это не по-настоящему.

Многие говорили, что может начаться война, весь телевизор и интернет был заполнен этой темой. Но все думали, что это будут локальные столкновения. Может быть, собьют несколько самолётов, может быть потопят зашедший в чужие территориальные воды корабль. Но чтобы применить ядерное оружие!

В это не верил никто. А потом...

Внезапно день превратился в ночь.

Ведь тогда ещё не было темно, как зимой. Зимой же как, особенно в конце декабря, темнеет уже в четыре часа, и ты возвращаешься домой фактически ночью. Жителям южных широт этого не понять, у них в 6–7 вечера темно даже летом, а у нас же по-другому. Мы привыкли, что день и ночь в зависимости от времени года имеют разную продолжительность.

И вот был день. Да, уже было понятно, что вот-вот наступят сумерки, но это же был ещё октябрь! Было ещё очень светло. Свет... да...

Свет исчез. Был день. Стала ночь. Настолько яркой была вспышка. Никто меня не учил, что надо закрыть глаза. Что надо укрыться... да хотя бы в придорожной канаве... но не смотреть на вспышку. Может в Советском Союзе и проводили такие уроки в школах, но когда я училась, никто о таком не задумывался. Мир как бы радовался окончанию Холодной войны.

Я никогда не забуду тот свет.

Свет, из-за которого сейчас я не вижу ничего. Ночь, день... не имеет значения. И смогу ли видеть, не известно. Врачи не пытаются меня ободрить. Врачи теперь стали реалистами.

Только огненные круги, бывает, появляются перед глазами, яркие такие пятна. Но доктор сказал, что это не глаза, это мозг рисует картинку. Своего рода фантомные боли.

Знаете, если бы я была слепа от рождения, наверное, мне было бы проще. Ну не видела окружающий мир, ну не знаю, как он выглядит, и ладно. Но я-то помню, как он выглядит! Небо. Деревья. Дома. Люди. Лица... Похоже, что та вспышка была последним, что я видела.

Да, мне помогают. Мир не без добрых людей, как бы ни избито звучала эта фраза. Мне помогают. Но было бы проще, если бы мой мозг перестал генерировать образы прошлого. Иногда мне кажется, что я вижу, но ведь это не так!..

И теперь мои глаза не видят. А мозг думает, что видит. Это очень трудно. Простите. Я больше не могу говорить. Мне нужно побыть одной. (закрывает лицо ладонями)

***

Иногда складывается ощущение, что человечество не может жить без войны. Война

для него сродни наркотику, от которого дико хорошо (недаром говорят, что война всё спишет), но от которого наступает жуткий по силе отходняк. Абстинентный синдром, по сравнению с которым любая ломка просто лёгкое недомогание.

И вот, с каждым разом человечеству нужна всё большая и большая доза этого наркотика. Да, потом будет плохо, но это же потом! Не сейчас!

Сначала ты долбишь голову врагу каменным топором, потом протыкаешь его бронзовым копьём... погибших с каждым разом становится всё больше... Похмелье — всё тяжелее... Вот у тебя в руках уже железный гладиус, дальнобойные луки и баллисты. Потом примитивные бомбарды... Ты уже не можешь остановиться... О! Появились первые мушкетеры, и ты стройными рядами отправляешь на поле боя линейную пехоту.

Но вот кому-то в голову приходит классная идея, что человек может летать, и ты изобретаешь самолёты, которые, понятно, снабжаешь бомбами, которые так удобно сбрасывать на головы врагов.

Организм требует всё большей и большей дозы, потому что отходняк всё более и более болезненный.

Самолёты становятся реактивными, а сбрасывают они снаряды, начинённые напалмом! Но и этого мало!

Ты, в какой-то момент, осознаёшь, что можешь расщепить атом, а это высвобождает хренову тучу энергии! И да, это можно использовать для уничтожения врага! Уфф!

И ты это делаешь! Ты используешь энергию расщеплённого атома для поражения врага! И тебе это нравится... Вот только похмелье становится уж совсем непереносимым. Ты, остатками разума, начинаешь задумываться, что может пора бы слезть с этого наркотика? И даже пытаешься это сделать, создав целую серию договоров о нераспространении.... Но проходит много лет, и ты вспоминаешь, как же тебе было хорошо. Тебя больше не вставляют самолёты и корабли с подводными лодками. Спецназ больше не удовлетворяет твои потребности.

И ты решаешь попробовать запретный плод. Ведь ты думаешь: а вдруг пронесёт?

Да, я был учителем истории в школе, пока мой город не перестал существовать.

Подозреваю, что Френсис Фукуяма представлял себе конец истории несколько иначе.

***

Ну да, я пробыл под завалами почти две недели. Как выжил? Чудом. Реально чудом. Я в момент взрыва, когда взрывная волна настигла меня, ехал на гироскутере с работы. Я студент, подрабатывал в свободное от лекций время.

Ну вот, увидел вспышку, хорошо, что только отсвет, так как многоэтажки загорались сам взрыв, гироскутер вырубился, а я полетел в канаву, оставленную дорожниками или коммунальщиками, уж не знаю, кто там что копал. Грохнулся прямо в грязь.

Я до сих пор помню, как закричали люди и особенно женщины, и этот грохот, от которого до сих пор мурашки по телу, как вспоминаю. Вот, и сейчас волосы зашевелились.

И вот пришла волна, и надо мной разверзся настоящий ад: в потоке пыли летели автомобили, коляски, люди, автобусная остановка...

Сверху посыпались осколки стекла и кирпичей. Я как был в луже, на дне ямы, там так и остался, закрыл голову курткой и весь сжался. Помню, сердце стучало как бешенное, готовое выскочить в любую минуту.

Потом сверху посыпались плиты панельных домов. Благодаря той яме я и выжил. Ну как выжил, сейчас вот с лучевой болезнью хожу, вроде не сильно надыхался, но всё равно неприятно. Врачи сильно не обнадеживают. Ну, они сейчас никого не обнадеживают. Просто говорят, что радиопротекторы, конечно, помогут, но их мало, всем не хватает, и вообще без последствий не обойдётся.

Нет, никакой сирены не было. Всё случилось очень быстро: вспышка, остановка транспорта, крики, ударная волна.

Да я как-то сразу понял, что это ядерный взрыв. Было какое-то секундное замешательство и типа «мне всё это снится!» и всё такое, но мозг как-то быстро сопоставил происходящее с тем, что мне было известно. В голове даже всплыл образ «Часов Судного Дня», которые наконец достигли полночи.

В общем, мне тогда с ямой повезло. Повезло, что меня не завалило кирпичами. Повезло, что в яму не упал сорванный с парковки автомобиль. Повезло, что плиты сложились надо мной удачно так, перекрыв яму и защитив от остальных обломков. Повезло, что здание, которое на меня рухнуло, было продуктовым супермаркетом. Что тоже помогло мне продержаться до прихода спасателей..

Но это уже потом, когда доел последний шоколадный батончик, что был у меня в рюкзаке, и допил оставшуюся воду в пластиковой бутылке.

Когда всё стихло... вот тогда наступила настоящая тишина... правда, только на какое-то время. Видимо, так показалось на контрасте между тем рокотом, который был за несколько минут до этого. Но потом, когда уши привыкли, стало слышно, как выжившие зовут на помощь. Но никто на помощь к нам тогда не пришёл... Люди кричали, дети и женщины плакали... и всё это было слышно даже через образовавшиеся завалы. Неподдалёку от меня молилась незнакомая женщина, она всё время просила Бога вернуть всё обратно, как было до взрыва, она просила прекратить этот кошмарный сон, и чтобы она проснулась. Но Бог её не слышал, и она в какой-то момент стала его проклинать.

Через какое-то время она стала просить пить. Спрашивала, есть ли кто живой по близости, но я не отозвался. Я уже говорил, что у меня была вода? Совсем немного, но я был напуган. До устр@чки, если честно. И...да, я хотел оставить воду себе, тогда я ещё не знал, что рядом под завалами целые залежи еды и воды из разрушенного супермаркета.

Стыдно ли мне сейчас за своё малодушие и эгоизм? Стало стыдно, когда я нашёл способ доползти до неё, но было уже поздно. Её ноги придавило бетонное перекрытие, она толком не могла пошевелиться, так и умерла.

С каждым часом голосов, звавших на помощь, становилось всё меньше и меньше. Люди уже не звали на помощь, не плакали, не кричали. Кто-то ещё стонал, но всё тише и тише.

По-настоящему стало плохо через несколько дней, когда стали разлагаться тела и по пустотам, стал распространяться трупный запах. Боюсь, я его никогда не забуду. Как вспомню, так сразу тошнит.

Да, так и живу: вспомню взрыв — знобит, вспомню запах — тошнит. Или это меня от облучения тошнит? Даже не знаю. Наверное, так и должно быть, когда возвращаешься с того света.

***

Из сводки: ...

«По последним данным количество погибших в стране в первые минуты войны составило порядка 25–30 миллионов человек. Потенциальные потери от травм и болезней, в

том числе лучевой, в ближайшие шесть месяцев оцениваются в 5–6 миллионов человек.

По экспертной оценке Соединённые Штаты понесли сопоставимые потери населения.

Еще 15–20 миллионов погибло в результате ответного удара в странах Европы и Великобритании.

Количество погибших в странах Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе уточняется...»

***

Из сводки:

... операции было задержано и ликвидировано 23 агента, которые осуществляли деятельность, направленную на подрыв обороноспособности государства и причастных к саботажу...

При этом однозначно установить причастность к спецслужбам стран НАТО и непосредственно США удалось только в отношении двух задержанных и четырёх ликвидированных. Принадлежность остальных...

...с задержанными проводятся следственные мероприятия.»

***

Погода вдруг вспомнила, что на дворе вообще-то январь-месяц, который, на секундочку, зимний, и решила вывалить сразу весь запас снега, который у неё накопился в небесных закромах. Да ещё снабдить всё это довольно сильным ветром.

Из всего этого был только один плюс: мороз был не сильный, как и положено, когда с неба падает снег. Но густой снег, переходящий периодически в настоящую пургу сделал практически невозможным продвижение по второстепенным дорогам, которые в условиях ядерного апокалипсиса никто не стремился чистить. Их как бы и до этого не особо чистили, а сейчас и подавно, все были заняты совсем другими делами, и образовавшиеся сугробы были сейчас наименьшей проблемой для государственных служб.

В результате, осознавая все риски быть снова вычисленными или замеченными, пришлось всё-таки свернуть на основную трассу, поддержанием которой в пригодном для перемещения автотранспорта состоянии занимались военные, сгонявшие всю снегоуборочную технику, которую только могли найти.

И это понятно, необходимо было поддерживать возможность быстрой переброски военной техники, в том числе по суше. Кроме того, по этим же дорогам ехали вереницы автобусов с гражданскими, в первую очередь, женщинами и детьми, которых увозили подальше от городов, которые в любой момент могли стать потенциальными мишенями для очередного ядерного удара.

Часть ехала на восток России, часть на юг, в сторону Казахстана, который согласился принять беженцев, и который почти не подвергся нападению. Хотя американские беспилотники и нанесли ряд ударов по Байконуру, попутно разбомбив военные базы уже казахской армии, которые приняли за российские. Не исключено, что данное событие в итоге и привлекло Астану на сторону Москвы.

Помимо того, что снег сам по себе мешал нормальной видимости и езде, до кучи ещё приходилось следить за уровнем радиации в выпадающих осадках, которые до сих пор могли быть опасными, хотя и не в такой степени, как в самые первые дни и недели после атаки. Тогда сирены завывали с завидной частотой раз в несколько дней, предупреждая население, что та или другая туча потенциально опасна и несёт в себе радиоактивные осадки.

Сейчас в этом плане стало поспокойнее, но всё равно приходилось быть начеку. Там,

где выпадали отравленные дожди, ещё осенью погибла скотина и люди, которые не успели эвакуироваться. В основном это были деревни и люди, которых отравы застала в пути. А там где ядовитый дождь прошёл над лесом, деревья стояли рыжим частоколом, а трупы мёртвых животных так и лежали под открытым небом, разлагаясь и привлекая всякого рода падальщиков. Какому-нибудь волку, лисице или ворону не запретишь отведать павшей косулей, так что зараза продолжала разноситься по округе.

По словам пограничника неподалёку был прилёт боеголовки, которая рухнула в малонаселённом районе. Не то так и было задумано, не то произошёл сбой в системе наведения. Никаких особо важных военных объектов, которые бы располагались поблизости, Алексей припомнить не мог. Ну, в конце концов, он обычный пограничник, и не может знать всего о военной инфраструктуре государства.

Наличия какой-нибудь станции радиолокационного слежения вполне могло хватить, чтобы выбрать её целью для удара тактической боеголовкой. А может, там были пусковые шахты, которые тоже следовало уничтожить.

Пару раз дозиметр действительно начал тревожно трещать, но быстро вернулся в норму. Владу очень уж не хотелось снова залезать в защитный костюм, учитывая, что рёбра ещё болели, да и нога, хоть и приходила в норму, но нет-нет, да и напоминала о себе тянущей болью. Наверняка, просто ветер поднял заражённый снег и пыль с поверхности.

В итоге было решено рискнуть и ехать через Тверь, а не объезжать её окольными путями. Как сказал Алексей, время их всё-таки поджимало и приходилось соотносить риски. Что там у него со временем было, Влад не знал, и с расспросами не лез. Время, так время. Быстрее, так быстрее.

Блокпосты прошли без лишних проблем, с солдатами вела переговоры в основном Аня, иногда подключался Алексей, показывая своё удостоверение, перед которым солдаты словно застывали на секунду и потом пропускали без особых расспросов.

Правда, один раз, когда Алексей начал особо нервничать, Владу пришлось залезть под кресло и его завалили рюкзаками. Так себе маскировка, если честно, но каким-то образом им удалось проехать дальше без особых проблем. Ведь, если их кто-то и искал, то в первую очередь, ориентировка среди тайных агентов была разослана на двух мужчин, а не на мужчину и женщину. Но тогда их даже не стали досматривать.

Какие документы показывали его спутники, Влад не вникал, но пару раз услышал, что Алексей и Анна называются совершенно другими именами, и ему сказали, если что использовать другое имя. Получается, что у пограничника были заготовлены удостоверения на все случаи жизни. Но, как минимум, одно из них точно было настоящее. Оно и понятно, если показывать настоящие документы с именами и званиями, информация об их перемещении могла попасть не в те руки с гораздо более высокой вероятностью.

Блин! Во что ты ввязался, Влад!

В общем, блокпосты миновали, никто их задерживать не стал. Хоть какая-то толика везения. Не исключено, что у их преследователей в итоге иссяк ресурс или они элементарно потеряли след. А очередная провокация, как та, которую осуществили, чтобы перекрыть дороги, и в результате которой, Влад угодил в западню, могла бы привлечь лишнее внимание и вызвать новые чистки в армии и правительстве. Потерю новых агентов, особенно высокопоставленных, могли счесть неприемлемой.

Может, у противника внезапно поменялись приоритеты. Планы, бывает, меняются, даже самые серьёзные и, казалось бы, железобетонные.

Ну, или враг перешёл к более тонким способам слежки. И сейчас их всё так же ведут, только так, что даже опытный разведчик не сразу распознает, где и как за ними наблюдают.

От этой мысли Владу стало не по себе. Недаром говорят, что нет ничего хуже неизвестности. Где-то там, снаружи за ними всё так же кто-то следит, может быть даже тот самый «Старший», который допрашивал его в подвале брошенного дома. Вообще, ведь не обязательно постоянно держать в поле зрения объекты слежения. Достаточно знать, где они могут в настоящий момент находиться.

Или... или враг гораздо ближе, чем может показаться? Влад посмотрел на светло-русые локоны Ани, сидевшей на переднем пассажирском кресле. Нет, нет, это был бы уже перебор. В конце концов, кому-то надо доверять в этой жизни. Он отогнал эту мысль, как слишком уж страшную, которая однако, скорее, забила в закоулки подсознания, а не окончательно его покинула.

Они въехали в город, но старались держаться не главных улиц, на которых также было много полиции и военных, а ехали всё больше закоулками.

Влад вспомнил времена, когда на смартфоне или планшете можно было просмотреть 3D-панорамы городских улиц и без проблем понять, где ты находишься. Ему нравилось иногда так осматривать места, где он когда-то жил в детстве и сравнивать текущую застройку с той, что он помнил, узнавать улицы, где он когда-то бегал беззаботной школотой.

Так как город не пострадал от ядерной бомбардировки и находился на достаточном удалении от государственной границы и линии соприкосновения с врагом, здесь тоже было много беженцев, которые ютились в многочисленных палаточных городках, возникших, где организовано, а где стихийно. Уже было заметно, что у государства не хватает ни ресурсов, ни рук на обслуживание всех пострадавших и перемещённых лиц.

Влад вспомнил, как работал в таком же лагере, где пытались организовать временное пребывание беженцев из других регионов. Для многих из них тот лагерь стал последним пристанищем в жизни. Учитывая, что он состоял больше из брезентовых палаток, девяносто девять процентов его обитателей точно погибли в результате взрыва. За то, время, что было до прилёта ракеты, эвакуировать такое количество народа было просто невозможно.

Над городом сновали стрекочущие вертолёты, по основным улицам передвигались патрули. Тверь превратилась в один большой распределительный пункт с элементами военной базы. На одной из площадей, на которой стоял памятник Михаилу Тверскому, можно было заметить множество автобусов и напуганных растерянных людей с сумками котомками, которых должны были вести дальше вглубь страны. Занесённый снегом князь безрадостно взирал на происходящее вокруг. Большая концентрация гражданского населения в одном месте ни к чему хорошему бы не привела.

Здесь же был организован призывной пункт, в который отправляли всех, у кого было медицинское, военное или иное полезное для армии образование. Похоже, пока Влад переживал свои приключения, свалившиеся на его голову, в стране всё-таки объявили мобилизацию. Частичную или всеобщую не известно, да это, большому счёту, было и не важно.

Добровольцев, однако, тоже хватало. По крайней мере, с такими лицами, в армию могут вербоваться только по собственной воле. С такими лицами не идут в армию из-под палки. Плачущие жёны, дети, матери, которым приходилось расставаться со своими мужьями, сыновьями и отцами. А как иначе?

Густая пелена снега, из-за которой не видно ничего на десятки метров перед собой, лай служебных собак, сине-красные проблески служебных маячков, люди, стоящие в очереди на призывной пункт и в очередях за продуктами. Такая вот безрадостная картина.

Глядя на всё это из окна автомобиля, Влад гонял мысли туда-сюда, обдумывал события, произошедшие с ним и вообще с окружающим миром. Вроде вот ещё совсем недавно ты мог спокойно зайти в Макдоналдс, купить чего-нибудь вредного, но страшно вкусного. Мог вечером тёплой квартире посмотреть сериал, или кино в компании жены. Вы даже задумывались купить новую, большую по размерам. Обычные житейские проблемы, которые по сравнению с тем, что творится вокруг, сейчас кажутся не стоящими выеденного яйца.

А сейчас? Что сейчас? В чём твоё предназначение? Зачем тебя тащат через страну? Зачем тебя пытаются, бьют, допрашивают? Зачем пытаются добиться ответов на вопросы, на которые ты просто не знаешь ответов? Зачем тебя лечат, накачивая препаратами, чтобы ты выжил? Неужели твоя жизнь настолько ценна? Почему она ценна? Для кого ценна?

Иногда голова просто раскалывается от накачивающих мыслей. Хочется её полностью опустошить и не думать обо всём этом хотя бы пять минут. А иногда просто хочется опустить руки и дожидаться пресловутой Второй Волны, о которой все говорят, когда враждующие государства выпустят друг по другу остатки ядерного арсенала, завершив приготовление основного блюда, и приправят всё это сверху химическими и биологическими специями.

Вот тогда наступит настоящий Апокалипсис. Наверное. Звезда Полюнь упадёт на Землю и всё такое. И живые позавидуют мёртвым, потому как жить в том, что останется от привычного некогда им мира будет настоящей мукой. И не это ли будет настоящий Ад на Земле?

Хотя зачем использовать биологическое оружие? Рост эпидемий и без того гарантирован. Столько необрушенных тел людей и животных кругом, что, как только серьёзно потеплеет, начнётся сущий кошмар.

Единственное, что заставляло двигаться вперёд, что давало хоть смутную, но надежду, это возможность исправить, как говорит Алексей, саму реальность, чтобы вернуть всё так, как должно быть. Звучит, как бред сумасшедшего, конечно, но разве есть альтернатива?

Исправить реальность! Попытки осознать и понять все квантовые тонкости мироздания ни к чему не приводили. Влад, конечно, считал себя эрудированным человеком и мог без запинки перечислить в порядке удаления от Солнца все планеты, а также вспомнить, что Плутон с его спутником Хароном статуса планеты был лишён лет десять назад. Помнил значение скорости света, скорости звука в земной атмосфере (зачем, спрашивается?), и не путал вольты с амперами. Знал, что вольфрам — самый тяжёлый металл. Да и вообще школу закончил с медалью, а красный диплом в институте не получил только из-за собственной лени.

Однако, всякие там теории струн и концепции многомерности пространства укладывались в его голове с большим трудом. Все эти точки бифуркации с критическим состоянием систем, когда они могут перейти в иное состояние... Это были для него чересчур абстрактные понятия.

Он просто принимал тот факт, что они есть. И считал, что наука — двигатель прогресса.

— Странно, — задумчиво произнёс Влад, глядя в окно.

— Что именно? — не оборачиваясь, спросил Алексей.

— На улицах совсем нет бездомных собак.

— Съели, — он пожал плечами.

— Или они сбежали из города, — возразил Влад.

— Чтобы их не съели, — настаивал на своём пограничник.

У кого-то есть способности объять необъятное, например, как у физика Хокинга или математика Лобачевского, а кому-то приходилось принимать их выкладки как данность в сильно упрощённом виде, потому как представить что-то кроме известных признаков трёхмерного пространства и времени, получалось с трудом.

Теория струн — придумают же название! Алексей как-то её упомянул. Видимо, тоже где-то что-то услышал урывками во время участия в своём эксперименте, но объяснить и понять не хватает понятийного аппарата. Да и воображения тоже, стоит признать. Ведь как-то это надо визуализировать, хотя бы у себя в голове.

Название, стоит признать, красивое. Ёмкое, краткое, без заумных терминов. Но как эта теория согласуется с тем, что происходит в мире, Влад не понимал. Множество вероятностей, которые могут реализоваться в данном конкретном моменте. Натянутая струна реальности, за которую кто-то потянул и отпустил, и вибрация пошла через всё пространство-время, меняя его структуру, переставляя вещи и события местами.

Хотя, не исключено, что пограничник вообще не это имеет в виду. Услышал обрывок разговора и решил, что это относится к его случаю.

— Дрожащая струна Вселенной.

— Ты там завязывай говорить сам с собой! — капитан на миг обернулся. — Аня, с ним всё в порядке?

— Да, — она бросила быстрый взгляд на Влада, который его не заметил, так как прислонившись лбом к стеклу, глядел наружу. — Насколько это вообще может быть возможно в наших обстоятельствах.

Может статься, что эта теория не о том, о чём себе представляет Влад? Хотя, какая разница? Найдём того, кто запустит установку, что бы она собой не представляла, и всё вернётся на круги своя. Главное, чтобы всё это имело смысл.

Однако... однако, если всё окажется правдой, он сможет снова обнять свою Алю, как бы это не звучало сопливо-романтично. Просто она была той, которая была готова терпеть Влада таким, какой он есть. А он позволял ей это делать.

Женился он поздно, когда в голове уже устоялся свой образ восприятия окружающего мира и людей, и менять себя под кого-то он элементарно не хотел. Но вот он встретил Алю, на целых десять лет младше него, и мир заиграл новыми красками. Жить стало легче, жить стало веселей. Появился смысл в существовании, а не просто, чтобы жить день за днём, от пятницы до пятницы, от зарплаты до зарплаты.

Как-то Влад даже придумал тест для самого себя, чтобы понять, любит он женщину по-настоящему, или нет. Или это всё напускное и просто симпатия и секс: сможет он отдать почку, если его женщина будет в ней нуждаться, или нет? И лично для себя, что касается Али, он ответил на этот вопрос совершенно однозначно.

Да он бы сердце отдал!

— О чём задумался? — Аня смотрела на Влада через зеркало заднего вида. Влад повернул голову. Что-то было неочевидное в её серых глазах. А что — уловить было невозможно.

— Да так, о своём, о всяком.

— Как самочувствие? Нога? Дышать не больно?

— Нет, всё хорошо, только ощущение такое, будто мешки с цементом всю ночь ворочал.

— Это нормально, — улыбнулась она. — Значит поправляешься.

Да, ещё вот Аня. Довольно странная персона, чего уж тут говорить. Появилась из ниоткуда, привела помощь, лечит его. Присоединилась, к их мужской компании в их тайной миссии.

Однако же, в её присутствии как-то даже спокойнее стало что ли. Может всё дело в том, что она напоминает ему Алю? Даже внешне.

Он несколько раз пытался всмотреться в лицо Ани, пытаясь поймать общие черты, которые, как ему казалось, действительно были, и каждый раз натыкался на встречный взгляд новой спутницы, которая будто бы даже с закрытыми глазами понимала, когда он на неё смотрит. После чего Влад очень надеялся, что не краснеет как влюблённый юнец.

Да, чем-то она действительно напоминала ему супругу, разве что у той глаза были карие, а у его новой знакомой насыщено-серые, да волосы имеют немного другой оттенок и длину. Хотя, что в наше время значит цвет волос!

Когда он впервые увидел её тогда в холодном подвале, где его избивали, он чуть не назвал её по имени супруги. Только остатки сознания, которые чётко говорили ему, что Аля умерла у него на руках, и он видел, как выносили её тело, чтобы отвезти в переполненный морг, помешали ему это сделать.

Влад испытывал угрызения совести от того, что не смог попроситься со своей супругой, и что её тело не было предано земле, как велит традиция. Сгорело оно в ядерном взрыве, или где-то лежит под радиоактивными завалами — ему было не по себе от осознания невозможности что-либо сделать.

— Что, она тебе кого-то напоминает? — спросил как-то Алексей, перехватив очередной взгляд Влада в сторону Ани во время остановки для перекура.

— Да, — кивнул тот. — Она... похожа на мою жену.

— Понятно, — только и вздохнул пограничник, ничего добавлять он не стал, но как будто бы и не ожидал другого ответа. Владу даже показалось, что он его пожалел, но говорить об этом вслух не стал.

Один из знакомых Влада, из той, прошлой жизни, который очень увлекался книгами Толкина и по молодости в компании таких же увлечённых личностей даже бегал с деревянным щитом и мечом по лесу, как-нибудь бы живо описал бы их компанию. Получилось бы что-нибудь вроде: рыцарь-паладин, эльфийка-лекарь и... а кто собственно он в этой триаде?... какой-нибудь хоббит, который вынужден тащить кольцо всевластия, чтобы уничтожить его в жерле зловещей горы. Только вот никакого кольца у него нет. И ничего такого по значимости, что могло бы сыграть его роль.

А если никакого кольца нет, то — Влад задумался над посетившей его мыслью — может быть, дело конкретно в нём? Недаром же, если верить пограничнику, наёмники пытались уничтожить всех пассажиров поезда. Просто они не знали, кто им конкретно нужен, и решение было принято самое простое и от того, как бы это ни цинично звучало, самое эффективное — уничтожение всех. Не получилось одним способом — перешли к другому. Не получилось вторым — сработали третьим.

Сколько выжило ещё пассажиров, не известно. В его городе, по словам Алексея, вырезали всех, кроме него. Списки пассажиров были получены слишком поздно, сказала военная неразбериха. Или саботаж, что тоже не исключено. А потом пойдешь, найдешь их всех,

попробуй заставить на работе, дома или ещё где-нибудь.

Контакт со своими сослуживцами, ещё тремя пограничниками, Алексей потерял после того, как они разделились. Если кто-то из них нашёл кого-то из числа пассажиров, то должен был продвигаться в условленный пункт назначений. И тогда есть вероятность того, что на Владе свет клином не сойдётся.

С другой стороны, надеяться на то, что кто-то другой выполнит работу, по результатам которой Влад сможет воссоединиться со своей женой, не по-мужски. Да и вероятность положительного исхода, когда участвуют все, вырастает в разы.

Вот и Аня сказала, что верит в историю Алексея о, так сказать, безумных учёных, которые создали некий генератор волн, меняющих пространственно-временной континуум. Почему она верит в это? Или она тоже участвовала в некоем эксперименте, как и капитан? Опять вопросы без ответов.

Начинаешь спрашивать — натыкаешься на уклончивые ответы, недосказанности, умолчания. Даже на свой вопрос относительно того, работает ли Аня в том же Комитете, что и Алексей, Влад не получил однозначного ответа. Что это, самый-самый высокий уровень секретности? Типа настолько секретно, что просто не существует?

Взгляд скользнул по светло-русым прядям, сидящей на переднем пассажирском кресле Ани. Она словно почувствовала, обернулась, улыбнулась. Будто проверила, всё ли в порядке с пациентом, жив он там, на заднем кресле, или нет.

Влад сжал и разжал кулаки, разминая кисти рук. Посмотрел на ладонь.

Да, твоя жизнь уже столько раз могла оборваться, но линия жизни никуда не исчезает и на удивление очень длинная, чуть ли не огибает холм Венеры. Она длинная, эта линия жизни, и даже двоятся, а то и троится, если это вообще может иметь хоть какое-то значение, ведь ты никогда не верил ни в гороскопы, ни в хиромантию, ни в прочие гадания на кофейной гуще.

Это просто уникальный рисунок, такой же, как отпечатки пальцев. Просто складка наружного кожного покрова. Но людей хлебом не корми, дай им послушать очередной гороскоп или прочую подобную астрологическую чушь.

Ты помнишь ту цыганку, которая пыталась развести тебя на деньги, и как ты посмотрел на неё? И как она посмотрела на тебя? Ты помнишь, как изменился её взгляд? Как она плевалась и ругалась тебе в след. А всё потому, что ты указал ей на простой и непреложный факт, что она не более чем обычная уличная мошенница, выманивающая деньги у простодушных прохожих. Просто тогда она ошиблась с выбором очередной жертвы для «развода». Ну, бывает. Не смогла.

Хотя, сначала ведь она перекрестилась, когда увидела твою ладонь. Цыганка. Перекрестилась. То ещё сочетание, не правда ли? И как она отшатнулась, когда ты посмотрел ей в глаза. Что она увидела в твоём взгляде? Ведь ты же тогда откровенно смеялся над ней.

***

Влад и Аля лежали в постели, и Аля обнимала его. Она положила голову на его грудь и просто молчала. Он знал, что она не спит, а она думала, что спит он. Оба не решались пошевелиться, чтобы сохранить этот идеальный момент счастья, когда им обоим так хорошо. Им просто было хорошо вместе. Здесь, сейчас.

Разве это не любовь? Настоящая, неподдельная. Когда ты — для неё, а она — для тебя.

Качка на корабле усиливалась с каждой набегающей волной, и уже откровенно было

больно от того, что Влад бился о стенки каюты, о перила трапа, обо всё, что попадалось на его пути, пока он пытался выйти на палубу, чтобы насладиться чудесной погодой Адриатического моря.

Вот же оно, Солнце, которое светит прямо в проём или как он там называется на морском языке!

— Иди ко мне! — зовёт Аля. — Я хочу тебе кое-что сказать.

Аля машет ему рукой, улыбается, мол, давай же поднимайся, посмотри, как здесь красиво! Как же она красива, честное слово! Как легко и непринуждённо она улыбается! И зовёт к себе! Сейчас я поднимусь, Аля! Только эта долб@нная качка сбивает с ног! Да что ж это такое!..

***

— Просыпайся, пациент! — кто-то нещадно тормошит его из стороны в сторону.

Это было не море. И не качка на волнах. Это его будит капитан погранвойск.

Влад с трудом открыл глаза. Над ним, на фоне натяжного глянцевого потолка, в котором отражались зелёные цифры настольных часов, нависало небритое лицо пограничника.

Реальность будто цунами набежала и заполнила сознание Влада.

Нет солнца. Нет яхты. Нет моря. Нет Али.

Есть война. Ядерная. Есть зима. Пока не ядерная, но всё к тому идёт.

— Зачем ты меня разбудил, — только и смог произнести он, испытывая острое желание остаться во сне навсегда.

— В смысле? Ехать нам надо! Давай уже, вставай, делай свои дела и вперёд! Здесь тебе не санаторий, чтобы спать до обеда!

В комнате было темно, так как электричество подавали строго по расписанию и всего на несколько часов в день. Впрочем, как и воду, поэтому в санузле и на кухне стояли наполненные водой жестяные и пластиковые вёдра.

Дозиметр превышения предельно допустимой нормы радиации рядом с водой не выявил. Хорошо. Уже хорошо.

Прихрамывая, Влад отправился по утренним делам, потом умылся, держа в одной руке ковшик и наливая воду в ладонь другой.

Он стоял перед зеркалом в ванной квартиры, которую они сняли за три банки тушёнки (по одной за каждого) и упаковку анальгина для отдыха для ночёвки и чтобы переждать снежную бурю, и смотрел на своё отражение.

Из зеркала на него смотрело мокрое уставшее лицо человека, постаревшего лет на десять за последние несколько месяцев. Не таким он себя помнил, совсем не таким.

Надо было как-то привести себя в порядок. Нет, не в физическом плане. Что касается здоровья тела, то тут дела обстояли как нельзя лучше. Лёгкая хромота ещё оставалась, но нога уже почти не болела. Как и остальные части тела, покалеченные всего несколько дней назад.

Не, в олимпийскую сборную Аню бы не взяли. WADA бы не поняло. Вот если бы она работала на сборную Норвегию, то тогда другое дело, там такие фокусы любят. Или в американской тоже, там своим всё прощают.

Влад попытался улыбнуться, но вышло так себе. Что ж, ехать, так ехать. Очереди в ванную не было, все уже давно проснулись и собрались на кухне, где хозяин кипятил чайник на плите (газ ещё не отключили), чтобы заварить чай из запасов, которыми поделились

неожиданные квартиранты.

Закончив с лёгким завтраком, они спустились по тёмной, неосвещённой лестнице, и вышли из подъезда. В таком же тёмном дворе стоял их автомобиль, в отношении сохранности которого Влад высказывал вечером сомнения, но Алексей сказал, что полностью уверен, что никто на него не покусится.

Наверное, просто дежурили с Аней по полночи у окна. Ну, не растяжку же он в дверях установил. Тем более, что в ней нет никакого смысла, если вместе с угонщиком на воздух взлетит всё их добро.

— А ты говоришь, собаки пропали! — бросил Алексей, когда они подходили к джипу.

У дерева за оградой, заваленного снегом газона сидел коротколапый исхудавший пёс и смотрел на них взглядом, наполненным одновременно и страхом и надеждой. Псина дрожала, сидя в снегу, а сверху ей на морду уже насыпало маленький сугроб, который даже уже не таял.

Владу сразу вспомнился соседский пёсель, которому Аля всегда оставляла кусочек чего-нибудь вкусного, и псина, которая прижилась в лагере беженцев. Вспомнилось, что Аля даже планировала завести животное, но они никак не могли сойтись на том, кто будет с ним гулять по утрам, хотя было понятно, что если она принесла бы щенка, то по утрам пришлось гулять именно Владу, без вариантов.

Влад перешагнул ограду и его ноги утонули в снегу, а собака приготовилась бежать, но запах сала из армейского сухпайка в протянутой руке, похоже, был сильнее страха.

— Подь сюды, — осторожно позвал Влад, — на вкусняшку. Голодный небось? Конечно голодный.

Ушастый пёс, диковато озираясь, потянулся носом к салу, то и дело, отдергивая его. Из пасти на снег стали падать горячие слюни.

— Блин, вот нахрена я это сказал! Влад, нам пора ехать.

— Да погоди ты! — одёрнула его Аня. — Не человек что ли?

Капитан изобразил гримасу типа «ой, всё!»

Тем временем пёс слизал с руки Влада сало, и даже дал себя погладить.

— Это вообще что за порода? — спросила Аня, подойдя ближе. Она тоже протянула руку и ласково потрепала собаку по загривку. — Дворняжка?

— Это корги, — констатировал Влад, — любимая порода супруги.

Пёс, виляя хвостом, протянул лапу Ане, а потом Владу.

— А выглядит как дворняжка, улыбнулась она. — Ну всё, теперь мы не сможем его оставить.

Капитан чуть не всплеснул руками.

— Аня, ты-то куда?! Он нас будет задерживать.

— Он будет сидеть сзади вместе с Владом и никого не потревожит, ведь так... — она взяла сохранившийся на ошейнике медальон, — Агат? Тебя зовут Агат?

Пёс радостно замахал похожим на лисий хвостом.

— Алекс, — Аня гладила животное по голове, — если найдём, кому оставить, то оставим, а пока он поедет с нами.

Она подмигнула Владу, и тот подхватил собаку руками, вытаскивая её из снега.

— А! — пограничник махнул рукой. — Делайте, что хотите. В крайнем случае, съедим.

Понял пёс интонацию или нет, но на капитана он посмотрел с опаской.

Как только они разместились внутри автомобиля, салон наполнился запахом мокрой

собачьей шерсти. Алексей лишь покачал головой, в то время как Агат стал приноживаться и осматриваться.

Пока собирались, уже начало светать. Ехали молча. Видимо, не выдержав гнетущей тишины (даже собака не издала ни малейшего звука), Алексей, чтобы хоть как-то разрядить обстановку вздумал травить анекдоты.

— Или вот ещё, — продолжал Алексей. — Приходит как-то Василий Иванович к Петьке и говорит: «Хочешь, я тебе объясню, что такое парадокс?», а Петька такой: «Да пошёл ты, Василий Иванович! Я ещё от нюанса не отошёл!»

Влад против желания засмеялся, всё-таки стресс требовал выхода, но недавние, хоть и заживающие раны тут же напомнили о себе. А вот на лице Ани отобразилось явное непонимание.

— Где смеяться? — она посмотрела на заваливающегося на заднем кресле Влада, а потом на растянувшуюся в хитрой ухмылке физиономию капитана.

— А для этого, Аня, надо знать анекдот про то, как Петька спрашивал, что такое нюанс, — ответил, еле сдерживаясь от смеха пограничник, а сзади вновь послышался сдавленный хохот Влада.

Аня продолжала смотреть на дорогу непонимающим взглядом, от чего Алексей с Владом ещё больше начинали смеяться.

— Не расскажешь? — не выдержала она.

— Про что? — не понял Алексей.

— Про нюанс, — напомнила Аня.

На этих словах на мужиков напал новый приступ смеха. Как пограничник умудрялся следить за дорогой, оставалось только догадываться.

— Не, как-нибудь в другой раз, — отсмеявшись, ответил Алексей.

Они ехали по городу, Алексей и Аня о чём-то переговаривались, и настроение, как ни странно, в целом значительно улучшилось. Влад по большей части равнодушно смотрел в окно. Дома, дома... люди, спешащие по своим делам, военные, полиция... Вот человек, стоя у синего «шевроле» о чём-то говорит с другим человеком... Снег, который так и не переставал идти, если не считать небольших перерывов.

Как вдруг Влада словно ударило током, а глаза непроизвольно расширились. Он с трудом подавил в себе желание закричать, чтобы пограничник нажал на тормоза.

Взяв себя в руки, он спокойно произнёс:

— Гареев!

— Что? — не понял Алексей. — Ты словно приведение увидел.

— Я видел Гареева! — ответил Влад. — Там, позади, у перекрёстка! Останови! Стой!

Капитан припарковал автомобиль и обернулся назад, Аня, как обычно, смотрела на Влада в зеркало заднего вида.

— Ну, ты должен был его знать! — воскликнул Влад. — Начальник лагеря беженцев в моём городе! Наверняка с ним общался, когда меня искал!

— Гареев, Гареев, — пытался вспомнить Алексей. — Это тот, что майор?

— Ну да! — обрадовался Влад. — Он меня тогда на работу в лагерь взял. Ещё помог в той истории, когда я застрелил провокатора с листовками.

— Ты уверен, что это он?

— Слушай, Алла Анисимова, — у Влада непроизвольно задержалось дыхание, когда он вспомнил старшего лейтенанта, — перед смертью сообщила мне, что Гареев руководил

эвакуацией перед ударом, она считала, что он погиб во время взрыва.

Капитан секунду подумал.

— Где ты его видел?

— Там, — Влад показал за спину большим пальцем руки. — У синего «шевроле лачетти». Номер из-за снега не видел, извини.

— Хр@н с ним, с номером. Ладно, давай проверим, что да как.

Пограничник вывернул руль и развернулся, выехав на противоположную сторону улицы. Они проехали по почти пустой проезжей части совсем не много, когда Влад указал пальцем вперед:

— Вон! Вон та машина!

У автомобиля уже никого не было. Алексей не стал останавливаться и проехал чуть дальше. Когда они проезжали мимо, то за рулём «шевроле» заметили сидящего мужчину, который рассматривал карту, разложенную на руле.

Вообще, ему повезло, что по близости не оказалось патруля, так как человек с картами сейчас вполне себе обоснованно вызывает подозрение. Да, скорее всего, его отпустят после проверки, ведь он может оказаться обычным беженцем, но тем не менее...

Мужчина, одетый в легкий пуховик, был слишком занят изучением карты и не обратил внимания на проехавший мимо автомобиль и на людей, которые, стараясь не привлекать внимания, попытались его рассмотреть.

— Ну что? — поинтересовался Алексей.

— Очень похож, — отозвался Влад. — Практически одно лицо, разве что борода.

— Ну, у кого сейчас её нет, — капитан непроизвольно потрогал семидневную щетину на подбородке. — Мне тоже кажется, что похож.

— Надо убедиться, он это или нет.

— Надо, но сначала проследим, куда он поедет.

На этих словах Алексей остановил автомобиль у тротуара так, чтобы в зеркала можно было видеть «шевроле», и они стали ждать. Агат тихо лежал под креслом.

Глава 26. Рокировка

Рыцарь, эльфийка, простой горожанин, а теперь ещё «грозный» пёс а-ля цербер на минималках ждали чего-то, чего не знали сами. Пёс, впрочем, шибко ничего особенного не ожидал, а просто наслаждался тем, что может спокойно спать на полу в тёплом автомобиле, а не жариться на вертеле, будучи пойманным голодными людьми. Мясо было в дефиците и рецепты старой корейской кухни как никогда обрели актуальность. Впрочем, та же история касалась и котов, и морских свинок и даже хомячков.

Учитывая, что города снабжались буквально с колёс, логистические проблемы, порождённые бомбардировками и заражением местности, естественным образом привели к дефициту продуктов питания. И не смотря на то, что государство распечатало специальный резерв, еды и медикаментов всё равно не хватало.

Они молча сидели в салоне, периодически перекидываясь короткими фразами, и поглядывая в зеркала заднего вида, чтобы не пропустить момент, когда машина тронется с места, или её хозяин решит её покинуть. Прошло уже минут десять или пятнадцать, как они припарковались, но ничего существенного так и не произошло.

В какой-то момент Алексей начал сомневаться, что это точно майор Гареев, а не случайный человек, который навскидку оказался просто похож на начальника лагеря беженцев, и который когда-то принимал Влада на работу.

— Точно он? — пограничник почесал заросшую светлой щетиной щёку.

— Теперь и я начал сомневаться, — Влад всматривался в зеркало, в котором отражался «шевроле». Снег стал идти менее интенсивно, но обзору всё-таки мешал. — Может, уже выйти и спросить, чтобы убедиться, да делу конец.

— Не, ещё подождём немного. Если через дес...

Капитан не успел договорить, как у «шевроле» загорелись фары, указывая на то, что водитель надумал куда-то ехать.

— Так, — тихо произнёс Алексей, когда седан проехал мимо них, — теперь главное не спугнуть.

Когда автомобиль отъехал на достаточное расстояние, чтобы его ещё можно было не потерять из виду, Алексей провернул ключ зажигания.

Ничего. Машина, сипло порычала, чихнула, но даже не думала заводиться. На лице капитана одновременно отразился целый спектр эмоций: от разочарования до бессильного гнева.

Тем временем габаритные огни синего «шевроле» скрылись за поворотом направо.

Пограничник на секунду замер, наклонил голову, словно прислушиваясь, и вновь провернул ключ. На этот раз двигатель заурчал как надо, и Алексей, по-тихому матерясь, нажал на педаль газа.

Они доехали до поворота, за которым скрылся седан, и тоже повернули, одновременно пытаясь высмотреть нужный им автомобиль. А здесь их было уже не один и не два.

— И откуда их столько в это время?! — всматривался перед собой капитан.

— Беженцы, — сообщила Аня.

— Х@еженцы! — выругался пограничник, он явно нервничал. — Ты видишь его?

— Пока нет.

— Твою-то м@ть!

Можно было, конечно начать выкручивать между машин, но это могло привлечь внимание того, за кем они пытались следить. Другое дело, что он (если это вообще он) мог не ожидать слежки, и решил бы, что на дороге просто очередной потерявший самоконтроль водитель.

Алексей всё-таки рискнул маневрировать между ползущим транспортом, и сделал несколько удачных перестроений, как вдруг Аня произнесла:

— Кажется, это он!

Впереди через пять автомобилей действительно стоял на удачно загоревшемся красным светофоре синий «лачетти».

— Номер видишь?

Аня присмотрелась.

— Да, это он.

— Никогда не думал, что скажу это, но хвала автомобильным пробкам! Сейчас главное, успеть проскочить на светофоре.

Когда загорелся зелёный, машины тронулись, проскочить удалось уже на жёлтый сигнал светофора. Главное сейчас было не упустить машину из виду, но и не привлекать лишнего внимания.

Надо отметить, что автомобиль с предполагаемым Гареевым не сильно петлял по городу, типа в попытке скинуть гипотетический хвост, от чего у капитана опять зародилось сомнение, а не теряют ли они драгоценное время, преследуя невесть кого.

В какой-то момент, автомобиль свернул в переулок и, проехав ещё немного, остановился у старого дома с аркой. Дом как дом. Может, Гареев, или тот, кто на него похож, тут просто живёт или снимает квартиру. Пограничник остановил джип поодаль.

— Ну что? Пойдём, проверим, что да как?

Было решено, что Влад пойдёт навстречу предполагаемому Гарееву, когда тот будет возвращаться через арку, Аня будет прикрывать Влада с улицы. Алексей, надвинув фуражку на глаза и надеясь на то, что его не срисуют из окна, решил до поры укрыться в одном из внутренних подъездов, у которых к счастью, были отключены магнитные замки домофонов. Мол, мало ли что понадобилось здесь военному, их сейчас по всей Твери сотни.

Единственно, что было не понятно, это сколько придётся ждать, прежде чем майор выйдет обратно, но чтобы зря не морозить з@дницы на улице, Алексей передал Владу рацию, по которой должен был дать сигнал, когда заметит движение.

Поэтому Влад и Аня пока сидели в джипе, ожидая сигнала. Досматривать шевроле не решились, так как это могло спровоцировать срабатывание сигнализации, а как на это отреагирует цель, было совершенно не понятно. Может и выскочит проверить, а может, попытается скрыться, не выходя из подъезда.

Больше всего на свете Влад не любил ждать, поэтому всегда старался приходить на встречи вовремя, оставляя стандартные десять минут запаса. Сейчас же не пришлось выжидать и это время. Однако, уже минут через семь Влад услышал по рации «пошёл!», и они с Аней вышли из автомобиля. Владу надо было ещё как-то изобразить случайного прохожего.

У самого входа в арку, он услышал гулкое эхо шагов, а потом и сам вошёл в неё.

— Товарищ майор?! — окликнул мужчину Влад, когда они поравнялись, но тот не реагировал, хотя никого кроме него рядом не было. — Ринат Олегович!

Фактически он перегородил ему дорогу. Не очень вежливо стоит признать, но что

поделаешь.

— Товарищ майор! — Влад схватил предполагаемого Гареева за предплечье. Ну не потерял же он память, в конце концов! А ведь реально, одно лицо!

Незнакомец поднял глаза из-под козырька кепки и окатил Влада непонимающим взглядом, как будто видит его в первый раз. Однако спустя несколько секунд по глазам мужчины стало понятно, что он узнал Влада, и дальше строить из себя страдающего амнезией не получится.

— Как вы спаслись?! — Влад реально не мог поверить своим глазам.

— Не может быть! — почти искренне удивился Гареев, но только почти. — Ну, здравствуй Владислав! Я-то тебя и не признал сразу, извини, столько всего навалилось. Я ведь тоже думал, что ты, того Влад... погиб тогда.

Веки Влада едва заметно дёрнулись, когда он услышал голос майора. Гареев протянул руку для рукопожатия.

— Ты вообще, как?

— Да всё как-то так, «старший», — как бы невзначай ответил Влад, пожимая руку Гареева.

Майор на секунду замер, потом попытался вырвать руку, но с первого раза это не получилось, а когда всё-таки он смог освободиться и обернулся, то наткнулся на ногу пограничника, удар которой в область солнечного сплетения заставил Гареева сложиться пополам. Тут же сверху последовал удар в затылок кулаком в тактической перчатке.

Гареев рухнул как подкошенный, а Влад стоял в оцепенении, не веря своим глазам. Перед ним реально был майор Гареев, но, похоже, это было его не единственное имя.

А если бы Влад в последнюю секунду не назвал его по прозвищу, которое использовали похитители? Если бы он не решил проверить совершенно дикую догадку, посетившую его, когда Гареев всё-таки с ним поздоровался? Почему он обратил внимание на интонации в голосе, и на это «Ну здравствуй, Владислав»? Что бы было тогда? Гареев наверняка бы просто рассказал им заранее подготовленную историю о своём чудесном спасении. Да скорее всего, так.

Из оцепенения Влада вывел женский крик, раздавшийся во дворе:

— Полиция! Убивают!

В этот момент подбежала Анна и стала надевать на потерявшего сознание Гареева наручники, попутно его обыскивая, а пограничник пошёл успокоить женщину пенсионного возраста, по каким-то своим делам вышедшую в это время во внутренний двор и ставшей свидетелем схватки.

— Спокойно, бабуля! Работает ФСБ! Задержан опасный преступник!

Он достал своё удостоверение и чуть ли не ткнул в лицо пожилой женщине.

— Да какой же это преступник, — попыталась она возразить, и всё время стараясь заглянуть через плечо пограничника туда, где Аня и Влад «паковали» майора — это же Альберт Николаевич! Квартиранист из соседней квартиры!

— Спасибо огромное за содействие эмм....

— Зинаида Петровна, — назвалась она.

— Спасибо огромное, Зинаида Петровна, что оказали бесценное содействие в поимке опасного рецидивиста, — Алексей поднёс ко рту рацию и сделал вид, что кому-то отчитывается. — Всё, отбой, объект задержан.

— Какое же взаимодействие я оказала? — не унималась беспокойная старушка.

— Ну как, какое?! — удивился Алексей. — Вы нам сообщили его подпольное имя. Теперь нам будет легче вскрыть все его преступные связи. А теперь идите домой, и не выходите в ближайшие пару часов, пока мы проводим оперативные мероприятия. Хорошего дня!

Он вежливо, но настойчиво подтолкнул её в сторону подъезда, из которого она вышла.

— Рецидивист?! Серьёзно?! А такой вежливый был, всё время здоровался, — продолжала она, не оставляя попыток обернуться и посмотреть.

— А вы как думали! Маскируется! — он вежливо, но настойчиво втолкнул пенсионерку в тёмный подъезд.

Потом, дождавшись, когда женщина скрылась внутри подъезда, быстро подбежал Владу с Аней, достал из кармана черный матерчатый мешок и надел его на голову Гарееву, предварительно заткнув ему рот кляпом из куска какой-то ткани.

— Так, давай, потащили! — скомандовал он, обращаясь к Владу.

Они подхватили майора под руки и поволокли к автомобилю, в то время, как анна направилась к автомобилю майора, чтобы его осмотреть. Его ноги волочились по асфальту, подпрыгивая на неровностях.

— Аня, захвати карту, которую он смотрел, может пригодиться.

Они быстро разгребли багажник и впихнули туда обмякшее тело майора, после чего набросали сверху всяких вещей, чтобы его прикрыть. Со стороны это выглядело, стоит признать, как самое обычное похищение, а не операция правоохранительных органов, поэтому сваливать отсюда надо было как можно быстрее, пока какой-нибудь бдительный гражданин не позвонил, куда следует.

Да, скорее всего, Алексей и Аня, ткнув в лица местным особистам удостоверения и сделав пару звонков, легко бы отмазались, но это засветило бы место, где они сейчас находятся, а с учётом утечки информации, это был совсем крайний вариант.

Анна вернулась с пистолетом, парой магазинов и стопкой сложенной бумаги, среди которой угадывалась карта, а то и не одна.

Заскочив в автомобиль, они рванули с места, чтобы покинуть место «похищения» как можно быстрее.

Отъехав на некоторое расстояние, Алексей остановил джип и разложил принесённую Анной карту на руле, как ещё совсем недавно делал Гареев.

— Так, что тут у нас? — он стал изучать трофей.

Перед ними была карта Твери. Кое-где на карте были сделаны пометки карандашом. То тут, то там был проставлен маленький крестик.

— Я там ещё нашла, — сообщила Анна, держа в руке ещё несколько карт. Да уж, в условиях еле-еле работающего интернета, который полностью перешёл на государственные рельсы, старые добрые бумажные карты обрели второе дыхание.

— Держи пока при себе, могут пригодиться. Так, так... — бубнил себе под нос Алексей, рассматривая карту. — Это же место, где мы взяли майора, так?

— Так, — согласилась Аня, мельком глянув на карту.

— Бабка сказала, что он там квартиру снимал, так?

— Было такое, — на этот раз отозвался Влад, который уже полностью пришёл в себя.

Пограничник посмотрел на своих спутников.

— Можем мы предположить, что там, где стоят кресты, скорее всего, тоже есть квартиры, типа конспиративные?

— Можем, — согласился Влад, — но надо убедиться. Если там действительно есть пустая квартира, то мы могли бы использовать её для беседы с нашим клиентом.

В итоге они выбрали крестик ближе краю карты, куда доехали минут через сорок-сорок пять, удачно миновав патрули и пробки. В чём-то же им должно было повезти.

Это был дом на окраине города и, судя по всему, до войны он готовился к сносу, как образец ветхого жилья, о чём свидетельствовал забор и соответствующая табличка с наименованием компании, которая должна была проводить работы.

Удивительно, что до сих пор его не занял никто из прибывших в Тверь беженцев. Всё-таки лучше иметь хоть какую-то крышу над головой, чем вообще никакой. Любые кирпичные стены были лучше матерчатых стен палаток, так казалось Владу. Хотя, может быть ещё всё впереди и на этот дом найдутся свои жильцы.

Несмотря на внешнюю заброшенность, необходимо было подстраховаться, для чего на разведку отправилась Анна, которая скрылась за ограждением.

— Может, не стоило отправлять её одну?

— А что ты предлагаешь? Отправить с ней тебя? Или мне пойти? — спросил Алексей и добавил иронично. — Я тебя уже как-то один раз оставил одного, ничего хорошего из этого не вышло.

В другой бы раз Влад почувствовал укол чувства собственного достоинства, но сейчас на удивление, отнёсся к реплике пограничника если не с пониманием, то с изрядной долей равнодушия. Что было, то было. Всё, что не убивает тебя, делает тебя сильнее. Это был опыт, тяжёлый, но опыт.

Из-за низко нависших облаков, из которых продолжал идти снег, хоть и не такой густой, как раньше, было ощущение сгустившихся сумерек, несмотря на давно наступившее утро. Если бы сейчас разбудили, то не сразу бы и понял, утро на дворе, день или уже вечер. Погода чудила по-страшному.

Через несколько минут в проходе появилась Анна с автоматом в руках. Она оглянулась по сторонам и махнула рукой, показывая, что всё чисто и они, вытащив Гареева из багажника, потащили его к подъезду. На удивление майор даже не пытался сопротивляться, а лишь периодически спотыкался, не имея возможности видеть, куда ступает нога, из-за надетого на голову чёрного мешка.

За ними следовал Агат, выскочивший перед этим из джипа.

— Ну и куда дальше? — поинтересовался Алексей, когда они оказались в холодном подъезде.

— На карте были цифры «23», — вспомнил Влад, — может это номер квартиры.

Из мешка раздалось мычание майора.

— Походу ты думаешь в правильном направлении, Влад, вишь, как раздухарился. А вот здесь должен быть ключ, — Алексей вытащил из кармана куртки Гареева сразу несколько штук. Железки забренчали у него на ладони.

Они поднялись на третий этаж, где на старой обшарпанной двери, покрашенной когда-то обычной половой коричневой краской, в маленьком белом ромбике виднелись почти затёртые цифры. При этом Гареев начал особенно сильно дёргаться, проявляя нервозность, и это было связано явно не с тем, что они обнаружили его тайное место.

— Подожди, Алекс, здесь что-то не так.

Аня взяла ключи и стала подбирать подходящий. Найдя тот, который легко вошёл в замочную скважину, она приготовилась его проверить.

— Лучше отойдите, — посоветовала она.

Влад и Алексей, удерживая скованного наручниками Гареева, тут же последовали рекомендации, прижавшись к стене.

Щёлкнув, замок открылся, и дверь слегка отошла. Достав нож, Аня просунула его в образовавшийся узкий зазор и медленно провела им снизу вверх. Ближе кверху нож за что-то зацепился.

Отодвинув дверь ещё немного, Аня просунула руку и стала что-то нащупывать. Спустя несколько секунд она что-то поддела пальцами и отпустила, после чего всё также осторожно стала открывать дверь всё шире и шире.

Когда образовался просвет достаточный для того, чтобы она могла в него пролезть, она прошмыгнула внутрь, за ней последовал Агат.

Спустя несколько секунд дверь распахнулась настежь. Перед ними стояла Аня, а в руке она держала гранату Ф-1, к чеке которой крепилась тонкая струна с кольцом на конце.

— А, так вот чего ты дёргался. Не хотел на своей же растяжке подорваться?

Алексей втолкнул Гареева внутрь, удерживая за воротник, а Аня, проверив этаж выше и ниже, вернулась и закрыла дверь, предварительно не только вернув обезвреженную растяжку на место, но и установив новую внизу.

Агат при этом на удивление вёл себя очень адекватно, под ногами не суетился, а только с любопытством наблюдал за происходящим.

Они прошли в дальнюю комнату, где на окнах висели замызганные шторы. Учитывая сумерки, они не стали включать внутренне освещение или фонари, чтобы не выдать себя с улицы ярким лучом.

Теперь уже не Влада, а «Старшего» усадили на первый подвернувшийся в комнате стул и крепко к нему привязали.

Алексей сдёрнул мешок с головы Гареева, тот окатил их холодным равнодушным взглядом.

Пограничник прислонил палец к губам, затем провёл большим пальцем по горлу, показав тем самым, чтобы майор молчал и что будет, если он поступит иначе. Затем выдернул кляп из его рта. Тот только глубоко вздохнул и несколько раз сплюнул на пол.

— Аня, будь добра побудь с нашим лохматым другом настороже, пока мы общаемся с товарищем майором, — попросил капитан и недобро добавил, — который нам совсем не товарищ.

Анна и Агат удалились на кухню, поближе к входной двери, и заодно, чтобы иметь возможность наблюдать за улицей из кухонного окна, которое выходило на ту сторону улицы, где они заходили в дом.

Табуретка, которая нашлась на кухне, была поставлена перед майором, на ней устроился Влад. Может быть, и стоило поручить допрос пограничнику, но всё получилось как-то само собой. Вопросы требовали ответа, и капитан не стал вмешиваться. Видимо, посчитал, что Влад имеет право их задавать как никто другой.

— Ну, что, начнём, товарищ майор? — начал Влад. — Или вы вовсе не майор?

— Думал, вы не догадаетесь про растяжку, — отозвался майор и ещё раз сплюнул на пол. — Попить не найдётся? А то, похоже, я наглотался шерсти от вашей шавки.

— Нет, — холодно ответил Влад, — сначала ответы на вопросы, потом вода. Вы же будете отвечать, или...?

— Или ты поступишь со мной так же, как я с тобой в том подвале? — скривился майор

Гареев. — Пойми, я ничего личного против тебя не имею. Так получилось.

Пограничник стоял чуть позади и сбоку от Влада, прислонившись к стене и сложив руки на груди. В разговор не вмешивался.

— Какая, однако, рокировка произошла, да Влад? Тогда ты был привязан к стулу, теперь я. Типа это ты меня будешь допрашивать? — с сомнением в голосе спросил майор, пытаясь уколоть Влада.

Тот только коротко кивнул.

— Да.

— А, ну-да, ну-да, — вспомнив о чём-то, попытался откинуться на спинке стула Гареев, но будучи в наручниках и привязанным к стулу, получилось у него это крайне неловко. — Ты же проводил допросы по роду своей прежней работы, так? Только ведь те допросы и эти, они ведь малость разные.

Опять старается вывести из равновесия.

Влад слегка подался вперёд.

— Но вы же не знаете, как я это делал.

— А ты ничего так выглядишь, не думал, что тебя так быстро подлечат. Что, небось, комитетчики помогли. Это же они тогда тебя освободили, да?

Влад не отвечал. Он просто смотрел в глаза Гарееву.

— Знаете, когда готовишься к допросу и потом, когда его проводишь, — наконец, произнёс он, — надо понимать, с кем ты имеешь дело. Для каждого — свой подход.

Теперь уже молчал Гареев. Влад выдержал паузу.

— Я не буду вас уговаривать, и не буду с вами торговаться, — продолжал Влад. — Пытать вас тоже никто не будет.

— Ну, я ведь тоже предлагал тебе сказать, всё, что ты знаешь, прежде чем приступить к крайним мерам.

Влад пропустил эти слова мимо ушей.

— Только он действительно ничего не знал, — раздался твёрдый голос капитана. — Вы не тяните кота за яйца, говорите, кто вы и чьи приказы исполняете.

Влада слегка перекосило от того, что капитан всё-таки вмешался. Потом он сказал:

— Я исхожу из того, что я вас мог бы и не заметить, а значит, будь вы живы или мертвы, то это не имеет какого-то особого значения. Я могу прожить без информации, которой вы располагаете, а вот вы... В общем у вас есть ровно два выхода: отвечать на вопросы, и надеяться, что меня удовлетворят ответы, и тогда есть шанс остаться в живых, либо...

— Либо что? Ты убьёшь меня? Ты же никогда не убивал, Влад, если не считать того случая у лагеря. Там была случайность. Я помню, как тебе было плохо.

Видимо во взгляде Влада промелькнуло что-то особенное, потому что Гареев осёкся.

— А, то есть уже были и другие случаи? Ну, моё тебе уважение, — ухмыльнулся Гареев.

— Пытать вас никто не будет, ещё раз повторил Влад. — Только ответы на вопросы, либо смерть. Учитывая, что вы до сих пор живы и скрываетесь, жизнь вам дорога и раньше времени отправляться на тот свет вы не хотите.

По лицу Гареева было видно, что он размышляет. Думает, поверить или нет. Блефует Влад или реально сможет его застрелить. Уместен торг или уже однозначно нет?

В какой-то момент взгляд майора скользнул в сторону, за спину Влада, где находился пограничник. Видимо, выражение лица последнего сыграло решающую роль в принятии дальнейшего решения.

— Ну, я смотрю, мы все сильно изменились за последние месяцы, — процедил он сквозь зубы. — Давай, Влад, спрашивай. Однако... однако, признаю, твоё появление стало для меня неожиданностью. Удивительно, как много порой зависит от простой случайности, — снова ухмыльнулся он. — Понимаю, выдал себя.

— Да, выдали, — согласился Влад. — Так кто вы на самом деле?

Гареев бросил косой взгляд через плечо на стоявшего позади Плетнёва.

— Комитет? Да?

— Похоже, вы всё-таки сделали другой выбор, — в голосе Влада звучало уже неподдельное разочарование. Он потянулся за пистолетом, который располагался в кобуре на разгрузке.

— погоди! погоди! — запротестовал Гареев. — Давай, спрашивай.

— Хорошо, — сказал Влад, но пистолет остался в его руке. — Старший лейтенант Анисимова, Алла, перед смертью сообщила мне, что вы погибли, эвакуируя гражданских из лагеря, когда взорвалась боеголовка. Как вы выжили?

— Значит, Алла погибла... — в голосе Гареева, казалось, звучала неподдельная грусть. — Подозреваю, что, так же как и вы. Учитывая доступ к ресурсам, которые я имел в связи с управлением лагерем, создать себе достойное убежище, было делом техники, Влад. Твой пограничник и тот справился с этой задачей, а уж я-то мог это сделать и подавно. Ведь так? Сделали где-то схрон, так? Главное здесь было сохранить всё втайне и добраться до него до того, как произойдёт взрыв.

— Удалось сохранить в тайне?

— Хм... Однажды убежище обнаружил Сахаров. Помнишь такого?

Влад помнил. Сержант был одним из первых, кого он повстречал в лагере беженцев.

— Вообще всё как-то глупо получилось, — продолжал Гареев, — случайно. Примерно, как вы меня выследили. Признаться, он и сам не понял, с чем столкнулся, и пришёл ко мне доложить.

— И поэтому вы приказали его устранить?

— Нет, — покачал головой Гареев, — мне было достаточно его отрядить на захват боевиков. Остальную работу сделало геройство Сахарова. Вот если бы он тогда не накрыл собой гранату, пришлось бы мне вмешаться лично, а так всё получилось, как нельзя лучше.

— Вы же потом поминали его вместе со всеми, — Влад задумчиво разглядывал пистолет в своих руках. Где-то там, внутри него бушевали признание и ненависть, которые пока ему удавалось держать под контролем.

— Да, поминал. А что мне оставалось делать? Признаться всем, что я готовлю себе убежище, а он его обнаружил? Согласись, это было бы глупо. В конце концов, он погиб как настоящий солдат.

Влад щёлкнул предохранителем. Гареев замолчал. Но Влад просто продолжил задавать вопросы:

— Объясните, чем я был обязан факту своего похищения на трассе? И... тех солдат из патруля, из-за убийства которых перекрыли дорогу, убили тоже вы?

Гареев посмотрел на Влада взглядом уставшего и давно не спавшего человека, почти таким же, каким ещё совсем недавно Влад смотрел на своё отражение в зеркале. На мгновение Владу показалось, что он вновь смотрит в зеркало и видит собственное отражение.

— Прежде, чем я отвечу, я попрошу тебя остыть, Влад. И попробуй понять, что в

тяжёлые времена приходится принимать тяжёлые решения.

Что это? Гареев боится, что Влад сорвётся?

— Я жду ответа, — Влад просто посмотрел ему в глаза, и взгляд этот был совсем нехороший.

Сзади послышалось, как пограничник переступает с ноги на ногу. Влад просто поднял левую руку, давая понять, что переживать пока рано.

— Закурить можно? Очень хочется, а сигареты закончились. Ты, случаем, как тогда на всякий случай с собой не носишь?

— Нет. Отвечайте на поставленные вопросы.

— Да что ж вы за люди такие! Ни воды не даёте, ни сигаретой не поделитесь!

Никто даже не пошевелился.

— Что-то надо было делать, чтобы вас выловить. Отдать ложный приказ у меня не было возможности, пришлось действовать по обстоятельствам.

— Понятно, — на удивление спокойно произнёс Влад. — Зачем меня похитили?

— О! Это самое интересное. Отчасти это связано с той американкой, Джессикой, с которой вы покинули город. А она...?

— Мертва. Продолжайте.

— Даже так? Почему-то подозреваю, что это ты её того...

— Не советую тянуть время, Ринат Олегович, — пистолет уже смотрел дулом на Гареева. — В ваших интересах не выводить меня из себя.

Майор громко втянул ноздрями воздух.

— Знаешь, когда я тебя нанимал, я ведь не знал, что ты с того злополучного поезда. Представляешь, до меня не дошла эта информация. Да и вообще, почему бы и не нанять, но ты проявил удивительную прыть и вскрыл схему хищений в лагере... которую, вообще-то я разработал. Но те пешки меня не знали, а вот распространитель листовок, с которым ты сцепился, очень даже. Ну и я его знал... Так что, даже хорошо, что ты его грохнул.

— Почему? — сухо спросил Влад.

— Что почему? — не понял Гареев. — А, ты об этом. Ну, у всех свои мотивы. Считай, что я был обижен на власть. На меня вышли, предложили хорошие деньги, если я иногда буду передавать кое-какие сведения. Я ведь одно время работал в той же структуре, что и капитан Плетнёв.

Алексей стоял, прислонившись к стене и не вмешиваясь, но Влад буквально затылком ощущал его тяжёлый взгляд.

— Я даже как-то узнал, что такое Комитет, когда мне поручили участие в одной специфической операции.

— На кого вы работаете?

— А вот это интересный вопрос. И ответ на него — не знаю. Мне платили — меня это устраивало. Допускаю, что это что-то вроде Комитета, но только с другой стороны. Но точно не наши.

«Наши»... при этих словах у Влада дёрнулась щека. Кто для майора «наши»?

Как в том анекдоте:

«— Фима, кто побеждает?

— Наши, Сима!

— А кто это «наши»?

— Скоро узнаем.»

Сейчас, впрочем, она казался не таким уж и смешным.

Подобное поведение Влад не воспринимал в принципе, что однажды стоило ему хорошей работы. Тогда он долго думал, как поступить и что сделать, и да, его посещала мысль пойти на сделку с совестью, но рассудил он иначе: лучше быть честным перед собой, чем всю жизнь потом вспоминать о своей слабохарактерности и соглашательстве.

Работу можно найти новую. Да, может быть не сразу, так как бывшие работодатели сделают всё, чтобы тебе навредить, и да, может быть, не на большие деньги, но лучше зарабатывать немного, но быть честным перед собой. И Аля его в этом поддерживала.

Однако, что это? Почему майор внезапно стал так разговорчив? Неужели сказывается напряжение, с которым даже ему не под силу справиться? А кому сейчас легко! Или ему уже всё равно? Майор говорил и говорил, а Влад его не перебивал. Это уже походило даже не на допрос, а на исповедь.

— Подозреваю, что это были штатовцы. Платили хорошо, тут грех жаловаться, — майор смотрел куда-то сквозь Влада, — А потом появилась эта Джессика, довольно скользкая особа, кстати, и сообщила, что ты являешься одной из целей, подлежащих ликвидации.

— И моя жена тоже, — глядя на пистолет, задумчиво произнёс Влад.

— Да, и твоя жена тоже. Тогда в ходе налёта на вокзал погибло много пассажиров, но значительная часть выжила, и их пришлось зачищать в ручном режиме. Видимо, они знали, что кто-то важный находится именно в этом поезде, но не знали кто именно. Причём настолько важный, что они не пожалели несколько десятков самолётов для прорыва, когда поняли, что ударить ядерным оружием прямо сейчас не смогут. Это потом, когда ПВО уже были значительно истощены, они снова шарахнули, но тогда пошли по пути авианалёта.

Влад поджал губы.

— Поэтому вы не связали меня сразу с капитаном Плетнёвым, а лишь вскользь упомянули, что он интересовался мной?

— Не поверишь, но мне захотелось самому разобраться, что к чему, и зачем они так тобой интересуются, но твои данные были уже у Джессики, она потребовала отправить к тебе наёмников, попутно сообщив своим нанимателям, что несколько целей, то есть пассажиров, находятся в городе.

— И что вы сделали? — голос Влада становился всё более равнодушным, но при этом обретал металлические отзвуки.

— А что мне оставалось?! Но капитан, — майор всё-таки бросил взгляд на пограничника, — сориентировался быстрее и подрядил полицию выехать по твоему адресу.

Влад прекрасно помнил этот момент. Когда казалось, у него уже нет ни малейшего шанса выбраться из схватки живым, пришла неожиданная подмога, и убийц уничтожил подъехавший наряд.

— Я получаю сообщение, что ты выжил, но ещё не знаю, что всех нападавших уничтожили, и понимаю, что если спецы подраскинут мозгами, то могут выйти на меня. Надо было действовать, но за меня уже всё решили — это я понял по сиренам воздушной тревоги. До меня доходит, что мной решили просто пожертвовать мои наниматели, которые обещали мне полную защиту и безопасность.

Да, тобой решили пожертвовать, подумал Влад и вспомнил, как затряслась и впала в истерику Джессика, когда поняла, что совсем скоро сторит в ядерном пламени. Как она буквально окаменела и не хотела двигаться с места. Видимо тоже не могла поверить, что она просто расходный материал, ведь, скорее всего, ей обещали всемерную поддержку, но

бросили подышать. Тем не менее, потом, когда они выжили в ходе бомбардировки, она не забыла, на кого работает. Хороший расходный материал, ответственный. Даже не понять, похвальная это черта или нет. Хотя, она же говорила что-то про ребёнка, которого фактически держат в заложниках.

Странно, Влад поймал себя на мысли, что не испытывает жалости от того, что лишил ребёнка матери. Может, это от того, что он не сильно верил в реальность его существования. Легенды ведь можно придерживать до последнего.

— И вы воспользовались подготовленным убежищем?

— Да, воспользовался. Зря я его, что ли готовил. А когда пыль улеглась, и я понял, что выжил, решил выяснить, что же такое натворили мои наниматели, что решили стереть весь город в порошок ради нескольких человек, пожертвовав своими же людьми. Нетрудно догадаться, что их что-то пугало, и пугало просто-таки до ур@чки.

Майор попытался почесать щёку, но со связанными за спиной руками это выглядело так, будто у него чуть не начался эпилептический припадок. Кое-как достав щекой до плеча, он всё-таки удовлетворил внезапно возникшую потребность.

Чем дальше продолжался разговор, тем всё более уставшим и жалким начинал выглядеть Гареев.

— Мне такой подход не понравился, признаюсь честно, — продолжал он. — И я решил, что обязательно выясню причину, но для начала мне надо было выжить. Да, когда началась паника, я смог скрыться и добраться до укрытия.

Потом выбрался и связался уже со своими людьми. Новые документы были заранее подготовлены. Учитывая творящийся бардак, мне удавалось долго выдавать себя за полковника. Знаешь, Влад, всегда надо иметь своих людей, не связанных с твоим непосредственным нанимателем. Они-то и помогли тебя отловить.

— Это ваши люди выследили нас на лесной дороге?

— Что? — не понял майор. — Нет, не мои. В стране сейчас много диверсионных групп противника, которые готовились задолго до удара.

— Ладно. А потом?

— Потом хлопцы из Комитета покروшили моих людей. Даже лейтенант, что был тогда со мной в подвале, ты его видел, умер в лесу от полученного ранения. Правда, его не комитетчики ранили, а какие-то спятившие урки, сбжавшие с зоны.

Повисла недолгая пауза.

— В общем, идею прихватить нанимателей за причинное место я не оставил. Очень хочется заставить их бояться. Видать, это что-то такое, от чего они реально трясутся как бараны в Курбан-Байрам. Так, может, просветите, что происходит? Куда вы направляетесь? Из-за чего всё это?

Влад молчал. Пограничник за его спиной тоже.

— Не слишком ли вас болтает из стороны в сторону, майор? — ровным, лишённым эмоций голосом, наконец, произнёс Влад. — Знаете, что я понял?

Гареев уставился вопрошающим взглядом.

— Вы абсолютны бесполезны.

Он поднялся с табурета, пистолет всё так же оставался в его руке.

Глава 27. Судьба

Так обычный день был, ничего особенного. Едешь себе с работы и едешь, слушаешь наушниках музыку, зависаешь в ноутбуке. В тот день руководство отпустило нас пораньше. Фирма заключила удачный контракт, и генеральный расщедрился на столько, что даже закупился коньяком для всех. Учитывая, что для него это было нехарактерно, нас реально охватило чувство праздника. Контракт был реально выгодный, и мы были бы обеспечены работой на несколько лет вперед. Женской части фирмы, понятное, купили вина и шампанского, хотя они потом всё равно коньяк стали пить. Понятно, что после первых ста граммов работать не имело смысла и, прикончив заказанные пиццу и суши, мы отправились по домам, ну или кто там куда собирался.

Машины пришлось оставить на парковке и конторы, проблем с гаишниками не хотелось от слова «совсем», ну и дождался ближайшего автобуса. Народа в нём почти не было.

Сел у окна, ехать долго, минут сорок. Достал ноутбук, решил погонять в игрушку, пока еду. Часть коллектива пошла «догоняться» в кафе, а я решил, что мне хватит, и думал, лучше дома отосплюсь, всё равно мозг уже не работал.

И вот вдруг музыка в наушниках пропадает, смартфон и ноутбук показывают, что сети нет. Сразу у двух разных операторов отрубился интернет? Возможно, конечно, но... смотрю кругом, а все тоже пытаются привести в чувства свои гаджеты. Даже пенсионеры с кнопочными телефонами стали нажимать на кнопки — отключился не только интернет, но вообще мобильная сеть.

И вот в этот момент я краем глаза в окне замечаю то, что может вмиг привести в чувства самого злостного алкаша — за городской застройкой поднималось грибовидное облако взрыва.

Собственно, я тогда и протрезвел сразу. Но в то, что это именно ядерный взрыв понял не сразу. Мало ли что может так взорваться. Однако понимание реалистичности того, что и вообразить раньше было сложно, пришло очень быстро.

Автобус остановился, и люди просто смотрели — молча — на растущий гриб. Помню, как пассажиры в автобусе просто стояли и смотрели. Смотрели, как надвигается взрывная волна, поднимая облака обломков и пыли. Смотрели, как люди на улице бегут прочь, пытаются найти укрытие. Только от судьбы-то не убежишь.

***

Майор Гареев буквально замер, на его лице не дрожал ни единый мускул. Только что казавшийся растерянным и запутавшимся человеком, который не вызывал ничего кроме жалости, он глядел на Влада жёстким взглядом схваченного и разоблачённого агента, которому нечего терять. Не исключено, что ещё несколько минут назад он просто притворялся, чтобы расположить к себе Влада, отсюда и чрезмерная, как показалось Владу, откровенность майора. Это если считать, что он говорил правду, а не пытался дезинформировать.

Как ни как человек годами скрывал то, что работает на иностранное правительство, или кто там выступал его нанимателем. Без актёрских способностей и умения располагать к себе людей, завоёвывать их доверие здесь точно не обойтись. Ведь надо было, чтобы ты всё время оставался вне поля зрения контрразведки и одновременно получал и передавал ценную

информацию.

Либо он просто был так называемым «спящим» — агентом, который живёт своей обычной жизнью, ходит на работу или на службу, и даже выполняет свои обязанности с отличием, пока однажды ему не поступит приказ от вербовщиков.

К несчастью для Гареева, Влад неоднократно сталкивался с попытками обмануть его на допросах, и разжалобить его ещё никому не удавалось. Разве что Влад сам мог притвориться, что поверил в слезливые истории свидетелей, и потом использовал это в служебных целях. Зачастую он испытывал своеобразный азарт игрока.

Могли ли его обмануть в жизни? От этого никто не застрахован. В конце концов, людям хочется верить и постоянно быть на страже того, что тебя однажды «кинут», очень трудно. Но чтобы на допросе... нет, уж лучше утаить информацию. Если, конечно, получится.

Да, человек, к которому Влад когда-то испытывал искреннее уважение, который помог ему с работой, да и вообще выжить, когда его родной город постепенно погружался в хаос новой ядерной реальности, оказался предателем, да ещё и причастным к потере самого близкого Владу человека.

По всему выходило, что майор использовал Влада в своих целях, но мог ли он тогда предположить, что перед ним не офицер российской армии, а тот, кто эту самую армию, да и страну, предал? Нет, тогда не мог. Да и мысли его были заняты тем, как обеспечить себя и Алю продуктами и лекарствами, которых с каждым днём становилось всё меньше и меньше.

Аля, Аля... Каждый раз, когда Влад вспоминал Алю, в груди всё сжималось и хотелось кричать. И он кричал. Только внутри себя. Это его боль и никому вовне совсем необязательно видеть её проявление.

Стоя напротив привязанного к стулу майора, Влад говорил с ним таким тоном, словно зачитывал приговор.

— Я понимаю, что вы всё равно ничего не будете помнить. Вы даже меня не будете помнить, но это не имеет значения. Когда всё закончится, когда мы сделаем то, что задумали, за вами придут. Я лично сделаю всё возможное, чтобы вас привлекли к ответственности и упекли на максимально возможный срок без малейшей надежды на обмен. Могу лишь представить ваше удивление и тщетные попытки понять, на чём вы прокололись.

Влад даже улыбнулся. Не хорошо так улыбнулся. Так улыбаются, когда совсем не хотят шутить.

— Не будет у вас своего домика в Солсбери и бокала английского эля по вечерам. Будете сидеть далеко, надёжно. Хорошо, если вам позволят валить лес. А по вечерам будете есть баланду.

Майор смотрел на Влада взглядом человека, который знает, что совсем скоро отправится в мир иной не по своей воле и далеко не по естественным причинам.

— Решил меня сдать контрразведке?

— Нет.

Майор схватился за хлипкую соломинку.

— Возьмёте с собой? Влад, ты прав, я буду гораздо полезнее живым, — хриплым голосом произнёс он. — Если со мной что-то случится... У меня ещё есть свои люди, которых я могу переманить на нашу сторону. Даже сейчас... просто поверь.

Но Влад его перебил.

— На нашу сторону? — скривился он. — У нас с вами разные стороны, майор. Нет, мы

не передадим вас контрразведке. По крайней мере, не сейчас.

— Тогда о чём ты говоришь? Если вы меня не сдадите сейчас, то...!

— Сдадим, но не сейчас.

— Ничего не понимаю, — майор замотал головой. — Ты же сказал, что... Что ты, чёрт возьми, имеешь в виду, Влад?! Хочешь меня казнить? Я понимаю, что ты чувствуешь, поверь, мне это чувство очень даже знакомо. Но ты же законник, я читал твоё дело.

Влад молчал. И от этого молчания майор начинал нервничать, и сейчас, судя по всему, отнюдь неподдельно. К тому же Влад продолжал твёрдо сжимать рукоять пистолета.

— Да, — наконец, произнёс он, — Я обязательно сдам вас контрразведке, только это будет в другой реальности. А в этой — вы убили мою жену, майор.

— Что? — сощурился Гареев, но его лицо тут же стало менять выражение, а глаза наполняться пониманием того, о чём говорил Влад. Он как будто о чём-то догадался. — Неужели и здесь без Комитета не обошлось? Не обошлось ведь, Влад, так?

Но Влад только щёлкнул предохранителем на пистолете.

— Влад, не верь им! Не верь капитану! Не верь этой шл@хе! Они тебя обманут! Комитет с тобой поступит так же как со мной. И как со многими другими! Ты же их совсем не знаешь! Комитет всегда лжёт! — умирать майор точно не хотел. По крайней мере, не так и не здесь.

«Какой же ты настоящий, а, майор?» — подумал Влад, но мысль потерялась в тумане охватившей его холодной злости.

Гареев, тем временем, не оставлял попыток повлиять на решение своего вопроса и склонить чашу весов в свою пользу.

— Слушай, Влад, если здесь замешан Комитет, то, кажется, я понял, чего боится другая сторона! Но ты, ведь, и сам уже знаешь, так? Влад, я...

Майор не успел договорить. Раздался выстрел. Привязанный к стулу он дёрнулся, и, потеряв равновесие, рухнул на пол.

В воздухе повис кислый запах пороха и звенящая тишина. Влад поставил пистолет на предохранитель и убрал его обратно в кобуру. За спиной шмыгнул носом пограничник.

В комнату вошла Аня. Она ничего не сказала. С грустью в глазах взглянула на происходящее, развернулась и вышла обратно. За ней последовал озадаченный пёс.

Не время быть человечным, Аня. Не сейчас. Влад уже однажды преодолел основополагающее табу. Сначала случайно, защищая свою жизнь в схватке один на один. А потом совершенно осознанно, когда мысли о мести ослепили его.

С другой стороны, что значит быть человечным? Под человечностью почему-то принято понимать всё самое доброе и светлое: щедрость, любовь, заботливость...

Но все забывают, что злоба, убийство и война сопутствуют человеку всю его историю с того самого момента, как он осознал себя человеком. Когда поднял и заточил первую палку, а потом обжёл её на огне, сделав прочной. Когда впервые ударил камнем по голове представителя другого племени з-за того, что те пришли на их землю и стали пить из их реки.

Человечность, мля...

Позади с ноги на ногу переступил Алексей. Наверное, ему тоже не нравится, как на Влада подействовала война. Но говорить он всё равно ничего не стал, он тоже всё прекрасно понимал.

Может, он и хотел выдать что-то вроде «А когда ты в налоговой работал, ты тоже так

допросы проводил?», но предпочёл промолчать. Не до шуток сейчас.

Можно ли было оставить Гареева живым? Да, можно. Можно было бы записать весь разговор и выкинуть его у какого-нибудь блокпоста, или сдать его в местное Управление ФСБ или армейской контрразведке.

Но зачем? Была ненулевая вероятность того, что их бы задержали, и пришлось бы давать объяснения и отвечать на вопросы, а это не только потеря времени, но и риск засветиться перед агентурой врага.

Гареев сказал, что к той группе ликвидации, на которую вышла Джессика, он не имел отношения, но было понятно, что сейчас по стране действует не одна такая ДРГ, их хватает с лихвой. А выдать своё местоположение и превратиться в объект всеобщей охоты, потеряв преимущество скрытности — непозволительная роскошь.

Взять его с собой тоже так себе вариант. Даже с учётом того, что Гареев уже несколько раз разочаровался в своих нанимателях и поклялся бы в верности Владу на Библии, Коране или Конституции, или на чём там ещё приносят клятву. Нет, предатель, предавший единожды, предаст снова. Постоянно оглядываться, опасаясь, что он выстрелит тебе в спину, просто невозможно.

Да, риск был неоправданно велик. И не важно, какое бы решение было принято.

Влад вдруг с кристальной ясностью осознал, что стал жутко циничным, но что-то внутри него всё ещё продолжало протестовать против такой метаморфозы. Однако это был протест обречённого, от которого уже ничего не зависит, и его мнение в любом случае не будет подлежать учёту.

Убить майора было логичным решением. Но...

— Ср@нь, бл@ть, — Гареев, всё так же привязанный к сломанному стулу, лежал на боку и тихо матерился. У него нервно подёргивалась щека, он открывал и закрывал рот, стараясь привести в порядок ухо, в котором сейчас стоял жуткий звон.

В последний момент Влад отвёл дуло пистолета чуть в сторону.

— Надо уходить, — только и сказал Влад, глядя майору прямо в глаза, но обращаясь к капитану. Он с трудом подавил в себе желание сделать ещё один выстрел, но уже не в сторону, а прямо майору между глаз. Но он хотел по возможности попытаться вытрясти из Гареева столько информации, сколько будет возможно, тем более, что он сказал, что тоже имел дело с Комитетом. Это могло быть полезным, а пристрелить никогда не поздно.

Пограничник подошёл к майору, отвязал его от стула, проверил, насколько крепко связаны руки у него за спиной, и рывком поставил его на ноги. По лицу капитана было не понять, одобряет он решение Влада, или сожалеет. Похоже, всё-таки сожалеет.

Все вместе они вышли коридор. Под ногами скрипели старые половицы.

— Аня, ты где? — позвал Алексей.

— Здесь! — раздался звонкий голос из дальней комнаты.

Мужчины быстро прошли туда, где должна была находиться Аня, капитан вёл Гареева перед собой. Это оказалась небольшая комната метров десяти с отслаивающимися и засаленными обоями, на которых проступали застарелые жирные пятна вокруг выключателя и розеток.

— Ребята, смотрите, что Агат нашёл! — сообщила Аня.

В полу были вскрыты несколько досок, под которыми был оборудован тайник.

— Это как? — пограничник присел на корточки, заглядывая в образовавшуюся дыру, пока Влад держал майора.

— Дала ему просто понюхать гранату и сказала «искать». Исключительно ради любопытства.

Как она может сохранять такое спокойствие, подумал Влад. Или это просто такая психологическая защита? Через плечо капитана он тоже посмотрел вниз.

Под вскрытыми половицами оказался настоящий склад вооружения: гранаты, автоматы, пистолеты, много патронов разного калибра в снаряжённых магазинах и даже два РПГ-18, более известных как «Муха».

Алексей даже присвистнул.

— Хороший п-пёсик, — он впервые потрепал Агата по загривку, тот довольно высунул язык и завилял хвостом. — Тебе с такими навыками на таможне служить надо.

— Тут была ещё одна растяжка, я её обезвредила, — сообщила Аня. — Хорошо подготовились, надо признать. И сколько таких схронов по стране устроено?

Они, не сговариваясь, посмотрели на майора, у которого продолжала дёргаться щека, что грозило перерасти в настоящий нервный тик.

— Что тут скажешь, — он нервно пожал плечами, — была необходимость.

— В каждом месте, которое обозначено на карте, так же? — спросил Алексей.

— Не везде. Где-то оружие, где-то медикаменты, продукты, или всё вместе. По ситуации.

Алексей подхватил одну гранату и повертел её в ладони.

— Думаю, кое-что из этого богатства можно экспроприировать. Пригодится.

Несколько гранат сразу отправились в его рюкзак, магазины к «калашу» были розданы спутникам. Гареев молча наблюдал, как пустеет его кубышка.

— О! Это точно нам пригодится! Вернее, тебе, Влад.

Капитан протянул Владу принял пару магазинов для его СВД. Патронов он действительно потратил много. В тайнике лежала ещё одна такая же винтовка поновее, но, учитывая, что оружие, с которым Влад уже, можно сказать, сроднился, работало исправно, менять одно на другое он не стал.

— А остальное? Так и оставим? — Влад был озадачен, бросать такой арсенал на произвол судьбы было опасно, ведь он точно будет использован на то, чтобы, кошмарить население.

— Ты прав, оставлять не хотелось бы, но препятывать времени у нас нет, а взрывать — будет много шума. К тому же у нас дополнительный груз нарисовался, — капитан бросил короткий взгляд на Гареева. — Положим доски обратно и уйдём. По возможности сообщим в органы.

Когда последняя доска была уложена на своё место, а сверху накинут кусок найденного здесь же линолеума, все вместе, пополнив боекомплект (пограничник не удержался от того, чтобы прихватить обе «мухи»), направились на выход.

В коридоре пёс с любопытством уставился на обои, оскалив зубы. Красное пятнышко на стене, противоположной от окна, которое выходило во двор, привлекло внимание Агата.

Капитан проследил направление взгляда кабыздоха.

— Ложись! — внезапно закричал Алексей, резко схватив и потянув за собой Влада и Аню, оттолкнув майора.

Физическое воздействие было излишним, да и повторять дважды не было нужды. Если такая команда раздаётся от того, кому ты доверяешь, да ещё с учётом текущей обстановки, то все вопросы должны быть отложены на потом.

Все разом рухнули на пол, разве что задетый пограничником майор со связанными руками замешкался, и в туже секунду сверху на них посыпались обломки кирпича, обрывки обоев, щепки от старых дверных косяков. Звенело, падающее осколками на пол стекло. Воздух наполнился запахом гари и облаками мелкой кирпичной пыли.

Упавшая на пол Аня придерживала поджавшего уши пса, который даже и не думал вздрагивать от выстрелов, так как между ними практически не было паузы, и они слились в одну сплошную какофонию. Пёс зажмурился и только тихо скулил.

— А кто-то боялся, что будет много шума! — перекрикивая шум, напомнил Влад, повернув голову в сторону Алексея и зажмуриваясь от падающих сверху обломков.

— И не говори! Сглазил, ёпт@! — отозвался сквозь шум Алексей.

Лупили из дома напротив, по виду такого же заброшенного. Судя по тому, что пули влетали практически горизонтально, огонь вёлся примерно с такого же этажа, на каком они сейчас находились.

Автомобиль же находился по другую сторону дома, за забором. Оставалось надеяться, что до него не добрались, но сейчас надо было как-то выбираться в подъезд, который не имел окон с той стороны, откуда велась стрельба. Это давало некоторый шанс, что у них получится уйти.

Тем временем, интенсивность огня несколько стихла, а красная точка лазера на стене пропала.

— Похоже, перезаряжаются! Аня, Влад, прикройте меня!

Вскочив на ноги, и укрываясь за дверным проёмом, они открыли огонь из «калашей» в направлении соседнего дома, в оконных проёмах которого заметили движение. Огонь вели короткими очередями. В ответ стали раздавались одиночные выстрелы, но такого шквального огня, который заставил их залечь на пол, уже не было.

Странно, могли бы чередоваться, и тогда бы начать ответный огонь было бы сложнее, голову было бы не поднять.

Влетевшая в оконный проём пуля врезалась в дверной косяк, выбив из него очередную порцию щепок, одна из которых вонзилась в скулу Влада, но тот просто отмахнулся как от назойливого комара, продолжая стрелять по окнам напротив. По щеке потекла тонкая струйка крови.

— Перезарядка! — крикнул он, сбрасывая пустой магазин, в то время как Аня продолжала вести огонь. Пустой магазин с глухим звуком упал на деревянный пол.

— Чёрт! Сколько их там? — бросила она.

— Я насчитал около пяти вспышек! — отозвался Влад и, выглянув из-за стены, выпустил ещё одну короткую очередь.

Алексей тем временем, перескочив через лежащего на полу майора, переместился в соседнюю комнату, в которой от стрельбы тоже было разбито окно, а сорванная пулями и сколками занавеска, испещрённая обгорелыми дырками, валялась на полу.

— Сейчас их точно станет меньше! — это Алексей.

Он быстро снял крышку на гранатомёте и раздвинул трубы до упора. Мушка тут же приняла вертикальное положение. Выдохнул, прицелился из глубины комнаты, в разбитое окно было видно соседний дом, и нажал на спусковой рычаг.

Граната, вращаясь вокруг своей оси, полетела прочь, а чрез мгновение раздался взрыв, который сменился звоном осыпающегося стекла. Пустой тубус был брошен здесь же за ненадобностью.

Наступила робкая тишина.

— Ну, раз пошла такая пьянка!.. — с этими словами он выдернул чеку у гранаты и побежал в комнату, где был обнаружен тайник с оружием.

Через секунду он уже выскочил оттуда.

— Всё! Уходим к машине, быстро! Пока они не очнулись! — скомандовал он и добавил. — Если, конечно, кто в живых остался. Влад, поднимай майора!

Но майор вставать не спешил и вообще не реагировал на усилия Влада. Приложив чуть больше сил, Влад приподнял Гареева за плечи — на полу, поглощая пыль и грязь, растекалось густое красное блестящее пятно. Щека Гареева больше не дёргалась, да и глаза не двигались, высматривая Харона и его лодку.

Обидно, только и подумал Влад. Как же обидно! У него было столько вопросов, на которые мог ответить Гареев, и, главное, он так сам хотел его застрелить, чтобы отомстить за жену, так об этом думал, а тут всё решили за него.

Видать, судьба такая. Ты не можешь уследить за всем, не можешь контролировать всё вокруг. Иногда обстоятельства складываются независимо от твоих желаний и возможностей, какими бы они у тебя ни были.

Пограничник только и сделал, что раздосадовано плюнул.

— Твою м@ть! Сук@, кони двинул!

Он потянул Влада к выходу. Аня, которая уже успела снять ранее установленную растяжку, стояла на лестничной клетке, с автоматом наизготовку в одной руке и поджавшим хвост и уши псом в другой. Как она с ним управлялась было не понятно, так как блохастый хоть и был коротколапым, но далек не миниатюрных размеров и весил килограмм семь так минимум.

Когда они выбегали из квартиры, позади них гроыхнуло, да так, что дом, казалось, покачнулся. Не исключено, что там вынесло часть наружной стены. Вдогонку за ними из дверного проёма устремилось облако густой пыли.

Они неслись вниз, перескакивая несколько ступенек за раз, а по спине били не закреплённые как следует рюкзаки и оружие. Подхватив левой рукой под живот пса, первой бежала Аня.

— Стой! — скомандовал капитан перед тем, как они бы выскочили из подъезда на улицу. — Надо убедиться, что там никого. Прикрывайте меня!

Пнув дверь, он перекатился через спину и встал на одно колено, осмотрел в прицел окрестности, и махнул рукой остальным. Они побежали к дыре в заборе, за которым стоял их джип. Алексей замыкал группу, прикрывая.

— Аня, за руль! — пограничник бросил ей ключи от машины, которые она ловко подхватила, оставив автомат висеть на ремне, так как другая рука крепко удерживала пса.

Когда Аня оказалась по ту сторону, а Влад ещё только влезал в дыру, раздались новые выстрелы, пули свистели совсем близко. Похоже было, что кто-то из тех, кто на них напал, всё-таки выжил после попадания гранаты.

— Давай-давай! — капитан протолкнул Влада в дыру в заборе, при этом, не переставая контролировать окружающую обстановку.

Развернувшись, встав на одно колено, и выпустил длинную очередь в сторону приближающихся преследователей, которые вместо того, чтобы обежать здание с двух сторон и взять беглецов в клещи, стали неуклюже кучковаться за правым углом строения.

Стрельба со стороны противника, кем бы он ни был, была уже не такой прицельной.

Выпустив ещё полмагазина, капитан сделал завершающий аккорд в виде выстрела из подствольника.

Угол здания превратился в фонтан из кирпичной крошки и дыма. Послышались человеческие крики. Стрельба сразу потеряла ту уверенность, что имела поначалу. Но проверять, остался кто-нибудь из нападавших живым или нет, никто не собирался. Была высока вероятность, что к ним может подойти подмога, так что рациональной выглядела потребность, как можно скорее убраться отсюда.

Мгновения спустя, пограничник хлопнул дверью автомобиля, и Аня вдавила педаль газа до упора. Из-под колёс полетели камни, и грязный снег, а джип в момент старта пошёл юзом, но Аня ловко выровняла ход автомобиля.

Оставшаяся целая «Муха» полетела на заднее кресло рядом с Владом, заставив пса, ещё сильнее затаится на полу.

— Кто это был?! — спросил запыхавшийся Влад, глядя в заднее окно, но пока преследования не замечал.

— Хэээ! Отморозки какие-то!

— Думаешь?

— Уверен, группа захвата бы так действовать не стала. А эти привыкли брать нахрапом. Стреляют длинными очередями, толкуются в одном месте. Не каждый бандит — иностранный агент, Влад. Сейчас много всякой шв@ли повылезало. Может, они первые нашли заначку Гареева, и обиделись на нас, когда мы её потрошить начали.

— Или мы что-то упустили, когда приволокли майора на квартиру, или не досмотрели. Какой-то условный знак. С@ка, может, он именно это и имел в виду, когда говорил, что пригодится живым.

— Возможно. Что сделано, то сделано, Влад.

Что он имел в виду? Произнёс капитан это без какого-то упрёка в сторону Влада, просто констатировал факт. Могло даже показаться, что он испытывает облегчение от того, что майора застрелили, и его не надо будет тащить с собой, постоянно на него отвлекаясь, чтобы он чего не выкинул.

Поставив автомат прикладом на кресло, он быстро его перезарядил.

— Все мы делаем свой выбор. Главное, когда всё закончится, — добавил он, — найди Гареева и убеди наших, что он крот. Во что бы то ни стало!

— Мы можем это сделать вместе, если всё получится, — предложил Влад.

— Получится, — отозвался капитан.

Сидящая за рулём Анна, бросила короткий взгляд на Алексея.

— У тебя кровь. Левая рука.

— Что? — не понял капитан. — А, да, всё-таки зацепили п@dлы!

Левый рукав в районе плеча действительно выглядел мокрым и тёмным от пропитавшей его крови. Капитан подвигал пальцами, согнул пару раз руку в локте.

— Не, чисто по мясу пуля прошла. Кость не задета, — констатировал он.

— Всё равно надо обработать.

— Ты за дорогой следи! Сам сейчас разберусь, — внезапно резко отреагировал он. — Выезжай из города на московскую трассу. Главное, не гони, чтобы не привлекать внимания.

Аня ничего не ответила, даже плечами не повела, а просто продолжила управлять автомобилем.

— И у тебя щека, Влад, — проинформировала она.

Влад дотронулся до лица, на пальцах осталась кровь. В месте ранения неприятно щипало, но по сравнению с тем, что ним бывало раньше, это был сущий пустяк.

В этот момент им на встречу, как по заказу, пронеслись, мигая проблесковыми маячками и оглашая всё вокруг звуками сирен, машины Росгвардии и МЧС.

У Влада всё замерло внутри, попадаться очень не хотелось, он был уверен, что росгвардейцы не просто так несутся куда-то, а именно по сигналу равнодушных граждан, которые сообщили о перестрелке в заброшенных домах. Спасло то, что они были единственным транспортом на дороге, и следы от пуль на кузове, которые могли бы привлечь внимание со стороны, отсутствовали.

Алексей тоже проводил автомобили немигающим взглядом, а когда те скрылись за поворотом достал аптечку и, кое-как сняв куртку, стал обрабатывать рану, после чего одной рукой и зубами наложил сам себе повязку.

В какой-то момент в салоне повисла тишина.

— Аня, ты прости, — вдруг произнёс капитан. — Нервы на пределе, а мне надо, во что бы то ни стало, добраться до объекта, чтобы этот чёртов мир встал на правильные рельсы!

— Без проблем, Алекс. Я всё понимаю.

Аня была такой же, как обычно, по её лицу нельзя было сказать, что внезапная вспышка грубости со стороны пограничника как-то её задела. И как ей это удаётся.

— Как там наш спаситель, жив? — спросил Алексей, имея в виду собаку, и попытался заглянуть через плечо назад, но раненая рука заставила его скорчить гримасу — шок боя проходил — да и пёс находился на своём месте за креслом водителя, где его не было видно.

Влад поглядел на пса, который почуяв, что говорят о нём, поднял глаза и посмотрел в ответ.

— Вроде цел. Трясётся только, — сообщил Влад.

— Дай ему там чего-нибудь вкусного, — попросил Алексей.

Похоже было, что пограничник, изначально настроенный по отношению к неожиданному питомцу крайне скептически, несколько оттаял после того, как реакция Агата на красную точку лазерного прицела фактически спасла им жизнь.

Из кармана был извлечён завалившийся крекер и сунут под нос псу.

Пёс понюхал предложенное лакомство, и проглотил его, почти не жуя, впрочем, как поступила бы любая другая собака. Влад потрепал пса по загривку. После чего Агат вернулся на своё место, но уши теперь держал поднятыми, а глаза то и дело с любопытством поглядывали то на Влада, то на его спутников.

Ближе к выезду из города, когда надо было преодолеть несколько блокпостов, Алексей надел новую куртку из запасного комплекта, чтобы кровью на рукаве не привлекать лишнего внимания солдат.

Особых проблем, как и в прошлые разы не было. Что капитан, что его знакомая умело общались с солдатами и росгвардейцами, и когда надо показывали свои документы. Алексей при этом старался не сильно двигать левой рукой, благо он был правша, и ранения никто не заметил.

Какие при этом демонстрировались документы, Влад не знал, но внутренний голос ему подсказывал, что в них указаны явно не те имена и звания, по которым он знает своих спутников. Задавать вопросы он не счёл необходимым, так как итак было всё понятно.

Вот с кем бы он ещё пообщался, так это с майором Гареевым. Проблема в том, что всё, что он знал, онунёс с собой на тот свет. Странно как-то. Странно и обидно. Пересилить

себя, чтобы не пристрелить его на месте, и потерять такого ценного свидетеля в самый последний момент.

На одном из блокпостов их всё-таки решили досмотреть более внимательно, так как служебная овчарка проявила неожиданное любопытство к автомобилю, начав лаять и срываться с поводка, а на такое поведение уже среагировали солдаты. Когда Влад взял в руки и показал проверяющим приبلудившегося корги, то те, отпустив несколько шуточек относительно роста и длинны лап Агата (типа, видать, он жутко ядовитый, раз такой мелкий), позволили им проехать. Но овчарка так и продолжала лаять им в след.

Ехали молча, почему-то было не до разговоров и анекдотов. Капитан и подавно очень быстро вырубился, видимо сказался не только стресс и ранение, но и то, что он реально за последние несколько дней спал меньше всех, принимая на себя большую часть бдений.

Пёс перебрался на кресло и положил голову на колени Владу, который чесал его за ухом.

Несколько раз им на встречу попадались колонны бронетехники, движущейся на запад, туда, где шли самые серьёзные бои. Танки, бэтэры, системы залпового огня. Когда ехали вдоль железнодорожных путей, наблюдали то же самое, только здесь техника была закреплена на платформах.

В противоположном направлении шли поезда, набитые под завязку напуганными и голодными людьми. Женщины и дети смотрели из окон затравленными глазами, в которых читался только один вопрос: как люди дошли до того, что ещё совсем недавно могло присниться только в страшном сне.

Попутного автомобильного транспорта поначалу было не так много, но как только они стали подъезжать к Москве, легковых автомобилей и грузовиков с медикаментами и продуктами питания становилось всё больше и больше. Откуда-то появились переполненные людьми автобусы.

В какой-то момент они упёрлись в очередную пробку — на въезде в столицу проверяли всех въезжающих без исключения. И не удивительно, ведь это только казалось, что война шла где-то там далеко, на самом деле диверсионные группы работали везде, куда только могли дотянуться. Часть из них была, судя по всему, спящими ячейками и активизировалась после Первой волны. Другие — забрасывались через границу и линию фронта (если о таковой вообще можно говорить в нынешних условиях), так как системы контроля значительно пострадали во время бомбардировок, и при большом желании и умении доставить ДРГ извне было не то, чтобы легко, но и не являлось чем-то невыполнимым.

Однако, как оказалось, это очень даже хорошо работало в обе стороны: пока вражеские диверсионные группы работали внутри страны, наши силы ССО проводили мероприятия на территории Аляски, откуда довольно просто проникали в Канаду, а там и непосредственно на территорию Штатов. И тут начиналось чудо с подрывом железнодорожных путей, мостов и электростанций, охрана которых оказывалась деморализована или уничтожена.

Да, подобные миссии, по большому счёту, были самоубийственными для их исполнителей, но такова была логика новой войны. Люди знают, на что идут. Знают, что от этого зависит выживание не только страны и народа, но и их родных и близких.

Обо всём этом вещали с больших экранов, установленных на обочине и на которых раньше гоняли ни к чему не обязывающую оупляющую рекламу, а теперь транслировали новости государственных каналов. Что же, правда это или нет, но боевой дух подобные сообщения поднимали изрядно. Понятно, что информация подавалась дозированной и только

после удачно проведенных операций, но даже если часть того, о чём сообщалось, действительно имела место, об этом можно и нужно сообщать.

Периодически на экранах появлялись фотографии бойцов российских вооружённых сил, которые сопровождал текст о награждении за проявленную отвагу и мужество при выполнении боевых задач, иногда посмертно.

— Так, что тут у нас? — Алексей, проснувшись от внезапной остановки, открыл глаза и посмотрел на скопище автомобилей и вышки блокпостов впереди. Между рядами ходили солдаты в сопровождении служебных собак.

— Москва, — сообщила Аня.

— Уже? Понятно.

Они стали медленно двигаться по направлению к блокпосту.

Глава 28. Москва

Мы только-только приехали с дачи и выгрузили несколько мешков картошки в свой закуток в общем подвале, когда всё произошло. Жена с дочкой как раз спустились вниз, чтобы посмотреть на урожай и взять кое-что из заготовок, оставшихся ещё с прошлого года, на ужин. Так мы и спаслись всей семьёй: я, жена, сын и дочка.

Сначала мы подумали, что где-то наверху взорвался газ, бывает же такое, что нет-нет, да и рванёт где-нибудь. Грохот был ужасный. Земля тряслась как во время землетрясения. Сам я землетрясения никогда не видел, но решил, что именно так всё и происходит. Потом стало очень жарко.

Мы забились в углу и ждали, когда всё утихнет. Электричество погасло, телефоны не работали. Так и сидели в темноте, пока не вспомнили, что в шкафу с инструментами есть пара свечей, там же нашли зажигалку.

И вот всё стихло. Такой тишины я, наверное, ещё никогда не ощущал. Я зажжёт свечку, в помещении пыль стояла клубами, многие банки с заготовками слетели с полок и разбились, пол был усеян осколками стекла, и стоял запах рассола и варенья.

Вскоре мы поняли, что нас завалило. Дети всё время плакали, приходилось их успокаивать и говорить, что нас скоро спасут. Ведь самое страшное уже позади: приедут спасатели, разгребут завалы и вытащат нас.

Да, тогда мы ещё не знали, что взорвался совсем не газ. Не знали, что воздух, который просачивался снаружи, отравлен радиацией. Тогда мы ещё просто радовались чудесному спасению.

Но прошёл один день, потом второй. Телефоны не отвечали, сеть отсутствовала, а потом наши смартфоны разрядились. Потом прошёл ещё один день, но помощь так и не приходила.

У меня были наручные часы, но довольно простые, без даты и указания дня недели. Поэтому в какой-то момент, проснувшись, мы поняли, что не понимаем, день сейчас или ночь.

Пытались пить маринад и рассол из уцелевших банок, но от него потом хотелось пить ещё больше. В результате придумали делать кашу из картошки и выжимать влагу из неё.

Что забавно: вроде есть еда, а есть невозможно. Пробовали питаться сырой картошкой и соленьями? Честно — не советую.

Про то, что творилось с нашими желудками, и про санитарные условия я промолчу, ладно? До сих пор, как вспомню, так меня передёргивает.

То, что дело совсем не во взрыве газа мы с женой стали догадываться, когда за нами так и не пришло МЧС на вторые или третьи сутки, но детям озвучивать версию войны не стали, хотя старший, похоже, и без нас догадался.

Вопрос был только в том, какого рода война случилась наверху. Обычная или... ну, в общем, та, которая случилась.

В какой-то момент мы поняли, что воздух откуда-то поступает, раз мы до сих пор не задохнулись, да и свечи горели ровным пламенем, значит был приток кислорода. Тогда мы ещё не знали, что это за воздух.

В общем, нам надо было выбираться и кое-как нам удалось найти место, откуда поддувало. Ещё, наверное, целый день разгребали завалы, меня чуть бетонной балкой не

придавило, но вылезли.

Ну, что можно сказать, наши самые плохие ожидания оправдались. То, что творилось на земле сложно описать словами. Пепел, пыль, мёртвые тела, руины...

Разорвали часть одежды, чтобы прикрыть рот и нос. Ночевали в каких-то развалинах. По пути встретили группу людей... обгоревших, почти без одежды. По-моему, они сошли с ума, все и сразу. Может быть, для них так было даже лучше.

Сколько шли, точно не помню, день или два, может быть, но, в итоге, когда уже совсем потеряли надежду, вышли на военных, которые нас принялись обрабатывать от радиоактивной пыли. Выдали лекарства, сказали, что могло быть хуже, отправили в лагерь для беженцев.

***

Москва. Даже с учётом военного положения столица кипела жизнью, насколько это было вообще возможно в текущих условиях. Либо государство плюнуло на необходимость рассредоточения гражданского населения по стране, либо у него элементарно не хватало ни рук, ни средств, чтобы справиться с наплывом людей, которые считали столицу чуть ли не своеобразной Меккой, которую не в состоянии поразить ни одна ракета противника. Знали бы они как ошибаются и в каком состоянии реально находятся остатки противоракетной обороны, поспешили бы убраться из Москвы как можно быстрее и как можно дальше.

Но людям свойственно надеяться и заниматься самообманом даже тогда, когда надеяться не на что, а факты настолько неприятны, что мозг предпочитает найти любое объяснение, чтобы их не принимать, или просто начинает их игнорировать в малодушной попытке избежать неприятных ощущений.

А понять следовало одну простую истину: ничего абсолютного не существует, у всего есть свой предел прочности. Противоракеты на исходе, часть производств, где их делали, уничтожена, часть работает на износ, не успевая покрыть растущую потребность, к тому же враг не оставляет попыток прорваться к местам их производства при помощи обычных крылатых ракет, что опять же истощает запасы уже готовых систем противовоздушной обороны.

Чего ещё хватало, так это собственно межконтинентальных баллистических ракет, и прочих носителей, в том числе гиперзвуковых, которые могли доставить ядерный заряд к месту назначения, чтобы очередная порция людей отправилась в ад, ну а мы, понятное дело, в рай.

Таким оружием можно было нанести очередной массированный превентивный удар, или, если хотите, ответный, спастись от которого было бы практически невозможно.

Люди гнали от себя эти мысли, но хочешь-не хочешь в разговоре то и дело всплывали рассуждения о Второй волне. Да, и сейчас, то и дело, куда-нибудь да прилетала ядерная боеголовка, но это были спорадические проявления, которые никак нельзя было назвать массированным ударом.

Вторая волна. Это то, после чего, скорее всего, на человеческой цивилизации в том виде, в каком она нам знакома, пришлось бы поставить крест. Выжившие смогут разве что в силу своих литературных способностей высечь на камне эпитафию этому миру. А потом они отправятся бродить по радиоактивным пустошам в поисках незаражённой местности. Ну, или решат не продлевать свои мучения, чего тоже нельзя исключать.

В столице, как и ожидалось, был объявлен комендантский час, поэтому сейчас людей было много, все старались сделать свои дела до наступления шести часов вечера. После на

улицах могли находиться только те, кто обладал специальным пропуском. Влад вспомнил, как ему однажды пришлось сидеть в обезьяннике — впервые в своей жизни — и как его вытаскивал знакомый полицейский.

Хм... наверное, он, тот полицейский, тогда тоже погиб. Когда они сидели в колодце под землёй, а наверху всё горело и разлеталось радиоактивной пылью под воздействием высоких температур и взрывной волны.

Вроде всё это совсем недавно было, а такое чувство, будто прошли годы, и ты вспоминаешь то, что произошло когда-то очень и очень давно. В каком-то смысле так оно и было. Не важно, сколько времени прошло от того или другого события, все они для тебя недоступны. Что день назад, что год, что тридцать лет.

Наверное, впервые с тех пор как личный автомобиль Влада оказался прикованным к парковке по причине поломки, он сидел за рулём. Ощущал себя при этом почти оправившимся от ранений и даже чувствовал некоторую бодрость в теле, чего, конечно, не скажешь о душевном состоянии. Он старался гнать от себя негативные мысли, но то, что произошло в Твери, не давало ему покоя.

Зацепка в виде майора буквально выпала у него из рук, лишив его возможности получить ответы на многие вопросы. Чувство жгучей досады разъедало Влада изнутри. Майор упомянул, что тоже работал на Комитет, но по какой-то причине оказался очень недоволен сотрудничеством. Настолько, что даже решился на предательство и переметнулся на другую сторону. Правда на кого он работал, было понять не возможно, и походу сам Гареев не очень это понимал. ЦРУ? МИ-6? Или какой-то аналог Комитета?

Были в его предательстве какие-то личные мотивы, Влад чувствовал это, и хотел попытаться разговорить майора, как бы противно ему при этом не было. Хватит уже давать волю эмоциям — можно подумать и о деле.

Гареев говорил, что его обманули. Алексей при этом молчал. Влад не видел, как пограничник реагировал на слова Гареева, тот стоял за его спиной. Скорее всего, капитан и майор не были знакомы, признаков этого Влад не заметил. Но это не значит, что пограничник не мог быть в курсе ситуации с Гареевым. Даже если и не знал сразу, то мог навести справки по своим каналам, которые, судя по всему, со скрипом, но всё ещё работали.

И вот то его выражение лица, когда Гареева убили — пограничник как будто испытал реальное облегчение. Вроде бы и раздосадован, но в то же время, и нет. Странно это.

С одной стороны, Влад сам хотел прикончить майора прямо там, на квартире, с другой — Гареев мог стать ценным источником информации о том, что происходит в мире и поведать ему немного больше о той истории, участником которой поневоле стал Влад.

Но майора случайно застрелили какие-то бандиты, которых сейчас по стране действительно расплодилось немыслимое количество. Только вот, случайно ли. И бандиты ли. Червь сомнения буквально вгрызлся в подкорку.

Не хотелось ему вновь испытать разочарование, которое он испытал, когда он, будучи на государственной службе, наткнулся на противозаконные действия своего начальства, а в итоге покинуть службу пришлось не им, а ему. Как же он тогда переосмыслил отношения со многими людьми!

Невольно поймал себя на мысли, что его история имела общие черты с тем, что случилось с рядовым Сахаровым, который пришёл доложить о найденном тайнике Гарееву. Знал бы он, что майор сам это тайник и оборудовал...

Влад нажал на тормоза перед светофором, реагируя на красный свет. Надо же, светофоры работают! Перпендикулярно им помчались автомобили в несколько рядов. Периодически в потоке гражданского транспорта мелькал какой-нибудь броневик типа «Тигр» или полицейский фургон.

На пяточке у перекрёстка стоял ЗРК «Бук», рядом прохаживалась или охрана или экипаж обслуживания с автоматами за плечом. Вот подошёл один из бойцов, протянул другому пачку с торчащей сигаретой. Закурили.

Такие «Буки» встречались по городу во множестве, то тут, то там. И не только они, просто Владу именно эта техника была наиболее знакома, так как примелькалась на экранах телевидения и в интернете ещё со времён инцидента с МН17.

Тверская и вообще вся территория вблизи Кремля была перекрыта блокпостами, заграждениями из бетонных блоков и колючей проволоки — об этом наглядно информировал один из билбордов, а вскоре путники и сами смогли в этом убедиться, когда их на очередном перекрёстке завернула военная полиция, а машину сопровождал ствол пулемёта на поворачивающейся башенке БМП.

Получается, что срезать напрямую им не удастся, и придётся ехать в объезд, что съест не один час времени, а то и все полдня. В Москве и до войны с пробками была проблема, а теперь, когда то тут, то там тебя тормозят патрули для проверки документов, или ранее проезжая улица оказывалась перекрытой, то тем более. Особенно для человека, который последний раз по Москве ездил разве что на метро.

До войны Влад мотался на своём «рено» только в близлежащие областные центры типа Пскова или Питера, эти города он знал более-менее нормально и ориентировался довольно легко, так как заранее просматривал карты.

Здесь же было всё в новинку, даже с учётом того, что в Москве ему приходилось бывать не единожды, но город большой, а он бывал только в отдельных районах. Да и жил большей частью в гостинице «Измайлово».

Некоторые районы были закрыты по причине проведения дезактивационных мероприятий. В первые дни после попадания по Троицку радиоактивное облако прошло в стороне, лишь вскользь затронув непосредственно саму Москву, зато потом прилетели осадки из других поражённых районов поблизости. Где-то они выпали одновременно, образовав радиоактивное пятно, а где-то прошли полосой, оставив шрам, в пределах которого жить было строго запрещено.

Правда, говорят, что всякого рода самозванные сталкеры и просто мародёры нет-нет да и попадались патрулям внутри зон отчуждения — уж очень соблазнительной казалась перспектива заполучить чужое добро, чтобы потом продать его на барахолке. И хорошо, если у случайного покупателя окажется с собой хотя бы самый простенький дозиметр, иначе ничего хорошего его бы не ждало. Медленно облучаться, находясь рядом с заражённым предметом, пока не станет совсем поздно — безрадостная перспектива.

При приближении к заражённым районам дозиметр начинал трещать заметно активнее, а на улице встречались люди в защитных костюмах рядом с цистернами, наполненными дезраствором. Дома в таких районах выглядели опустевшими, а на улицах не было даже бездомных животных. Скорее всего, если они забредали в запрещённые зоны, то их просто отстреливали, чтобы они потом не разносили радионуклиды по остальному городу.

К тому же нельзя было исключать ушлых дельцов, которые готовы были пустить на шаурму даже животных с явно выраженным радиационным фоном. А то, что народ подъедал

домашних любимцев, большим секретом не было. Не до брезгливости было или излишней жалости.

По пути в Москву Владу запомнились мелкий пацанёнок и родители, которые жарили что-то небольшое на костре у дороги. Оказалось, что это была морская свинка, которую берегли до последнего из-за сына, но всему приходит когда-нибудь конец. Вот и тогда, мальчонка плакал, но ел своего домашнего зверёныша, а рядом с синяками под глазами плакала мать, и шмыгал носом отец.

Алексей тогда из собственных скудных запасов, выдал им банку тушёнки и сгущёнки. Влад ещё подумал, что ребёнок мог решить, что зря они свинку зажарили, но в реальности нет, не зря. Еды было мало и становилось меньше день ото дня.

Признаться, Влад тогда поймал себя на подленькой мыслишке, что еда им и самим понадобится, но видимо, пограничник настолько верил в свою миссию, что считал, будто еда им по её достижению не понадобится. А если миссия провалится? Что тогда?

Развернувшись в очередной раз по приказу военного в противогазе, Влад решил притормозить у обочины, чтобы свериться с картой. Интернет нещадно тупил, поэтому он разложил на руле обычную бумажную, и попросил Алексея показать место, куда надо ехать.

— Сюда, — ткнул пальцем пограничник в район Люберец.

Хорошо, хоть не в Бутово, которое как раз частично и накрыло радиоактивными осадками после прилёта по Троицку.

Пограничник подвигал левой рукой, поморщился, но было видно, что заживление идёт быстро. Во время одной из остановок Аня всё-таки осмотрела рану, вколола что-то из своего набора и заставила капитана выпить несколько капсул, содержащих, опять же, только ей известные лекарства.

Алексей поначалу отнекивался, говорил, что обойдётся стандартным набором обезболивающих и антибиотиков, но Аня настояла на своём, аргументировав одной единственной фразой: «Ты же хочешь дойти до конца?»

В ответ капитан пробурчал что-то вроде «А ты хочешь попасть домой», на что Аня лишь печально улыбнулась.

Влад принял услышанное во внимание, но связать это с общей картиной мира не смог, да и с остальными фактами фраза никак не вязалась. В конце концов, все они хотят вернуться домой. К себе домой, где нет ни войны, ни смерти, ни страха.

И только Агат сидел на кресле, высунув язык и глядя в окно, иногда потягивая носом воздух, который проникал в приоткрытое окно. И что творится в этой маленькой голове забавного на вид животного?

Словно услышав мысли Влада, корги захлопнул пасть и посмотрел в зеркало заднего вида прямо в глаза Владу. Наклонил голову, сглотнул, опять уставился в окно.

«Тьфу ты!» — Влад вернулся к управлению джипом.

По улице прошла группа чернокожих людей в пуховиках, у некоторых были намотаны на шею толстые вязаные шарфы. Скорее всего, студенты, застрявшие в России после начала войны. Таких попаданцев сейчас не одна тысяча по всей стране.

— Да уж, нелегко им сейчас, — капитан проводил взглядом африканцев. — Приезжаешь такой учиться, а тут война и все «прелести», связанные с ней. Да и куда податься? Обрато? Даже если смогут добраться, то там сейчас наверняка свой ад, с блэкджеком и шлюх@ми.

— Думаешь? Африка ведь не пострадала от бомбардировок, — Влад был занят тем, что

пытался развернуться.

— Африка-то не пострадала, но регион бедный, с огромными пустынями. Толком ничего не растёт. Вся пшеница-то была где — в России да на Укр@ине. Африка у нас зерно и покупала целыми сухогрузами. А сейчас с продовольствием совсем плохо стало. Голод в мировых масштабах обеспечен. Хотя, он уже наступает. Помнишь того парнишку с зажаренной морской свинкой?

Влад кивнул.

— Вот то-то и оно.

— Понятно. Если так, то скоро там начнётся война всех против всех за кусок хлеба и банку консервов. И за воду, — согласился Влад. — Если уже не началась.

— Именно. И не исключено, что многие люди в Африке посчитают, что канныбализм — вполне себе выход. Предки врагов ели, и нам можно.

— Попахивает расизмом, — заметил Влад.

— Нисколько! В самые тяжёлые времена, когда голод доводил людей до п-предела человечности, мы начинали уплетать друг друга так что за ушами свистело, и это никак не зависело ни от цвета кожи тех, кто ел или тех, кого ели. П-поверни здесь, — Алексей показал направление. — К тому же огромные запасы провизии оказались либо уничтожены, либо заражены радиацией, то есть их, как бы тоже нет. Резервы, сам п-понимаешь, не бесконечны.

— Однако, это не мешает торговать ими на чёрном рынке, — возразил Влад, — я имею в виду заражённые продукты.

— А ты как думал? Всегда найдутся те, кто в п-первую очередь думают о собственном кармане, а не о том, что будет с теми, кто купит заражённый товар.

— Значит, будет только хуже, — констатировал Влад.

— Если мы не справимся, то да, — мрачно подтвердил пограничник.

Африканцы, озираясь, прошли дальше по улице и скрылись из виду.

Сейчас только группами и можно ходить. Пойдёшь один, зазеваешься — ограбят, или убьют. Да, скорее всего, Росгвардия или полиция, когда поймает убийцу (если у них вообще на это есть время), шибко с ним церемониться не будет, а поступит так, как то предписывает закон военного времени, но тебе-то от этого уже не легче. Когда стоит вопрос о выживании, сдерживающий фактор из Уголовного кодекса так себе.

Погода на удивление прояснилась, и на ярко-голубом небе плыли лишь редкие обрывки белоснежной ваты. Даже по-зимнему низко висящее солнце стало пригревать, а когда его лучи касались глаз, то хотелось почему-то спать.

По городу петляли ещё полдня, и Влад успел всерьёз проголодаться. Мысль о банке с консервированной кашей не оставляла Влада уже часа два, он готов был съесть её даже не разогревая, запив обычной водой.

На заднем кресле Аня о чём-то умильно вполголоса беседовала с псом, почёсывая его за ухом, а тот довольно фыркал и поскуливал. Наконец, Алексей постучал по торпедо призывая остановиться.

— П-приехали, — сообщил Алексей.

— Здесь? — уточнил Влад.

— Да, п-припаркуйся вон там, — он указал на свободное место у тротуара.

Обратив внимание, что Алексей опять начал заикаться больше обычного, Влад вывернул руль и осторожно притёрся к бордюру. Когда они, выходили из джипа, мимо проехал

полицейский автомобиль, из которого на приездах с подозрением посмотрели сотрудники органов, но останавливаться не стали, видимо, дел и так было невпроворот, чтобы ещё проверять документы у явно военных и вооружённых людей.

Впрочем, Влад не сомневался, что у Алексея с Аней найдётся, что им предъявить и как объяснить свое присутствие здесь. К тому же за последнее время Влад вполне научился помалкивать, если его не спрашивают, и довольно успешно поддакивать, когда без этого совсем уж было не обойтись.

— Что здесь? — поинтересовался он, когда заглушил двигатель и вылез наружу, глянув на возвышающееся поблизости здание.

— Конспиративная квартира, — просто ответил Алексей. — Должна быть сейчас свободна. Либо там должен быть тот, кто нам нужен.

Подойдя к дверям, оборудованным домофоном, Алексей дёрнул ручку и очень удивился, когда дверь отказалась поддаваться его усилиям. Видать, не ожидал, что электричество будет расходоваться на то, чтобы поддерживать в работе домофон с электромагнитным замком.

Алексей стал копаться по карманам и тихо чертыхаться. Если он искал электронный ключ, то Влад несколько бы не удивился, если капитан его потерял, столько всего им пришлось пережить. Каждый раз, когда ему в очередной раз приходилось что есть мочи бежать, он сам не досчитывался потом какой-нибудь мелочи, выскочившей из карманов, как бы плотно их не застёгивал.

Но нет, в конечном итоге, искомая «таблетка» была найдена и приложена к сканеру. Зазвучала стандартная переливчатая для таких случаев мелодия, электромагнит щёлкнул и дверь открылась.

На всякий случай, они взяли в руки оружие, чтобы быть готовыми ко всякого рода сюрпризам. Да, район был оживлённый, но исключать того, что их ждёт засада, было нельзя.

Несмотря на наличие электричества подниматься решили пешком: впереди Алексей, посередине Аня с псом, который на удивление вёл себя очень разумно и никуда не рвался, следуя строго рядом, смешно перепрыгивая по ступенькам; замыкал группу Влад, периодически поглядывающий назад, чтобы не получить никаких сюрпризов со спины.

Наконец, когда ноги стали ныть, а в боку закололо, они остановились. Какой это этаж: девятый, десятый? Не могли конспиративную квартиру найти этажом пониже?!

— Чёрт! — прошептал пограничник.

— Что не так? — насторожился Влад.

— Внутри кто-то есть.

— Откуда знаешь? — решился спросить Влад.

— Условная метка сорвана.

— А не могли её сорвать случайно?

Капитан посмотрел на Влада таким взглядом, что сразу стало понятно, что нет, не могли. Ну, не могли, та не могли. Значит, внутри кто-то есть, ладно. И что теперь?

Пограничник осторожно, чтобы не вызывать лишнего шума провернул в замочной скважине сначала один, а потом и второй ключ.

— Аня — этажом ниже. Влад — дёрнешь дверь на себя, что есть сил и отступишь вниз. Приготовьтесь открыть огонь. Уйдите с линии огня.

Алексей отошёл чуть в сторону от двери, которую за ручку взял Влад.

— А если там растяжка, как в Твери? — вдруг спросил Влад, готовый дёрнуть дверь на

себя.

— Придётся рискнуть, — твёрдо ответил капитан. — По сигналу, Влад.

Напряжение можно было резать ножом и насадить на вилку. Алексей упёр автомат прикладом в плечо, опустил переводчик огня в положение «стрельбы очередями» и положил палец на спусковой крючок.

— Давай! — скомандовал он.

Влад, что есть сил, потянул металлическую дверь на себя, и отпрыгнул в сторону, чуть не споткнувшись, но вовремя собравшись и взяв под прицел дверной проём.

Алексей рванулся внутрь.

— Бросай оружие! — раздалась команда из-за двери. — Руки за голову!

— На пол! Бросай автомат! — в ответ кричал Алексей.

Аня осторожно спускалась по ступенькам сверху, держа наготове автомат, с другой стороны аналогичным образом, прижавшись к стене, подбирался Влад.

Никакой стрельбы, к их сильному удивлению, не раздалось. Звуки борьбы тоже отсутствовали. Они осторожно заглянули внутрь, готовые в любой момент открыть стрельбу.

Два вооружённых человека стояли друг против друга с нацеленными автоматами. Казалось, кто-то из них вот-вот нажмёт на спусковой крючок, и начнётся стремительная перестрелка, одна из многих, в которых пришлось принять участие Владу за последние пару месяцев.

Медленно войдя в прихожую, Влад и Аня взяли на прицел человека в военной форме и натянутой на лицо балаклаве.

Квартира была не чета той, где они допрашивали Гареева, да и получше той, в которой они ночевали в Твери. Видно было, что ремонт от застройщика, но всё чистенько и даже есть адекватная мебель.

Понятно, что один против троих — не вариант, кто-нибудь обязательно успеет выстрелить в ответ.

— Паша? — наконец, осторожно произнёс Алексей.

— Лёха? Ты? — прозвучало в ответ.

Знакомые что ли? Да неужели?! И не узнал сразу капитана Плетнёва? Хотя, когда последний раз Влад смотрел на себя в зеркало, он сам себя с трудом узнал, так что и здесь вполне возможно такое.

Человек в камуфляже тихо убрал палец с крючка и отвёл ствол автомата в сторону и вверх, второй рукой стянул с головы балаклаву. Под ней оказалось уставшее и небритое, но молодое лицо мужчины ростом и возрастом примерно, как и Алексей.

— Паша! Ёпт@! Жив! — капитан опустил автомат дулом вниз, не забыв при этом, поставить его на предохранитель, впрочем, проделывал он это автоматически, не то что Влад, которому приходилось каждый раз напоминать самому себе об этом.

Второй человек тоже опустил оружие, и они крепко обнялись.

— Твою ж! — воскликнул капитан. — Я ведь думал, что тебя в Петрозаводске накрыло во время бомбардировки!

— Не, тогда пронесло, успел укрыться. А потом как-то всё завертелось. Припахали к одному делу, даже слушать не хотели все мои рассказы. Пока смог связаться с начальством, времени ушло немерено. С тобой связи никакой! Решил вот на квартиру наведаться! Вдруг, думаю, ты объявишься, хотя особо уже и не надеялся. Думал, подожду ещё пару деньков и свалю с клиентом на точку.

Влад с Аней тем временем, особо не отвечивая, переминались с ноги на ногу в прихожей. Оружие они опустили, видя, что опасность отсутствует. Признаться у Влада несколько отлегло от души, что обошлось без стрельбы. Аня, пропустив Агата, закрыла входную дверь.

— Ты что-нибудь понимаешь? — шёпотом спросил Влад у Анны.

— Ага, — кивнула та. — Это Павел, ещё один из тех, кто участвовал в эксперименте с генератором. Я его знаю, виделась как-то.

В этот момент Павел обратил, наконец, внимание на остальных гостей и протянул руку Владу.

— Павел! — представился он. — Друг Алексея — мой друг.

— Владислав, можно Влад.

— Пронзитель?

«Ха-ха, шутки за триста подъехали» — подумал Влад.

Влад пожал руку нового знакомого. Входить в чужие компании он не любил, вот просто почему-то так сложилось. И не смешивал одних своих друзей с другими, если они сами не смешивались. Но тут было не до своих комплексов.

— Аня! — обратился Павел к девушке. — Столько лет, столько зим, а ты всё такая же красивая! Ни капли не изменилась!

— Скажешь тоже! — улыбнулась Анна.

Неужели она смутилась? Да, точно! Вон, даже румянец на щеках выступил. Удивительное дело, однако.

— Влад... он тоже ехал в том поезде, — пояснил Алексей для Павла. — Его жена тоже там была, но её спасти не удалось.

Только что сиявшее радостью от встречи со старыми друзьями лицо Павла в момент приняло серьёзное выражение. Он понимающе закивал.

— Понятно. Соболезную.

Повисло неловкое молчание, которое разрядил сам Влад.

— Может, уже пройдем на кухню, а то есть хочется, сил нет. Заодно расскажем, зачем мы сюда заявились, и что будем делать дальше.

— О! Точно! — спохватился Павел. — Вы же с дороги. Проходите, гости дорогие к нашему шалашу, всё, что наше — ваше. Не то, чтобы было густо, но поесть хватит.

Они прошли на кухню, хвостатый проследовал за ними, а Павел бросил на него вопросительный взгляд.

— Это с нами, — пояснила Аня. — Наш спаситель.

— Ну, если спаситель, то ему полагается тогда что-нибудь жирненькое, да? — Павел был явно более благодушно настроен к животному, чем поначалу Алексей.

На столе появились хлеб, сало, тушёнка и отварная картошка, причём ещё тёплая.

— Решил, пока жду, сварить чутка. У меня, кстати, есть — хитро подмигнул Павел, после чего на столе появилась непочатая бутылка водки. — Вы как?

— А! Наливай, старлей! — махнул рукой Алексей. — Всё равно скоро комендантский час, без пропуска лучше не появляться на улице. У тебя кстати есть?

Тем временем, Павел чинно разливал водку по стопкам, налил даже Ане, которая согласия не давала, но и возражать не стала.

— У меня-то пропуск есть, но, подозреваю, даже если бы у вас у всех пропуска были, всё равно лучше не попадаться на глаза патрулю. Лучше да, дождаться завтра и поехать на

другой адрес, — констатировал он, нарезая хлеб и сало, тушёнку из банки каждый взял себе сам. — Ну, будем?

Раздался звон стопок и Влад почувствовал разливающееся по телу тепло.

— Паша, — начал Алексей, — насколько помню, на этой квартире нас должен был ждать ещё один человек.

— Должен был, — согласился старлей, — и ждёт. Но только в другом месте. Я два раза уже его перепрятывал. Сюда, как раз собирался его перевезти, для того и приехал, чтобы проверить объект: нет ли наблюдения, хвоста и прочих всяких неприятностей.

— То есть наш клиент сейчас в другом месте, а ты... мы здесь? Не думаешь, что его могут ликвидировать? — капитан вдруг стал серьёзным, как никогда.

Старлей положил вилку на край тарелки и пристально посмотрел в глаза Алексею.

— Товарищ капитан, если сомневаетесь в моей компетентности, то так и скажите, — внезапно перешёл на «вы» старлей. — Объект в надёжном месте, охраняется людьми, которым я полностью доверяю. Готов отвечать головой.

Несколько секунд длилась игра взглядов.

— Ладно... Допустим. Все на пределе, ситуация серьёзная.

— Что касается ситуации, то она действительно серьёзная, — согласился старлей. — Высшее командование оставило попытки выйти на связь с американцами, чтобы предотвратить полномасштабную вторую волну, и усиленно готовится к ответному удару, как только получит подтверждение начала атаки. Сейчас усиливают по максимуму противоракетную оборону столицы и обустривают бункеры в глубине территории, чтобы спасти хоть какую-то часть населения.

— Не слышал.

— Делают всё максимально скрытно. Стараются не допустить паники. Если начнётся, то всё может посыпаться, армия будет отвлечена на подавление беспорядков.

— Так за границей то же самое начнётся, — вставил свои пять копеек Влад.

— Да там уже абзац, — ответил старлей, — только наши власти блокируют эту информацию, чтобы у нас было тихо максимально долго. Про Мексику слышал?

— Да, — кивнул Влад.

— Так вот часть государств Латинской Америки уже направляет свой контингент на помощь мексиканцам, настолько штатовцы слетели с катушек. Крошат всех направо и налево, походу решили захватить всю территорию Мексики для будущих, так сказать, Новых США. Колумбия, правда, пытается усидеть на двух стульях, но, думаю, и её надолго не хватит, придётся делать выбор. Кубинцы, кстати, взяли штурмом базу Гуантанамо, сейчас ждут высадки американского десанта.

— А Комитет как? — Алексей дал понять Павлу, чтобы тот наливал по новой.

Павел бросил вопросительный взгляд на капитана, потом глазами указал на Влада.

— Он в курсе, — сообщил Алексей. — Можешь говорить.

Павел пожал плечами, мол, раз командир сказал, значит можно, но типа лёгкое сомнение у него всё равно осталось.

— С Комитетом всё не просто, примерно, как и со всем остальным. После череды убийств и покушений, многие затихарились и стараются лишней раз не демонстрировать свою причастность к нему. Пароли, явки пересматриваются. Я эту квартиру отслеживал несколько дней, пока не убедился, что за ней нет наблюдения. Так что, товарищ капитан, клиент не просто так здесь отсутствует. В общем, дальше нам придётся рассчитывать только

на себя. Не исключаю, что в Комитете завелась крыса, при том не одна.

— Одну такую мы, похоже, знаем. Знали, — поправил сам себя Алексей.

— Да? — спросил Павел. — Ладно, потом расскажешь, что с тобой было. Мне ту сорока на хвосте принесла, что ты под удар ядерной боеголовки попал, было такое?

— Вместе с Владом отсиживались в колодце теплотрассы, — подтвердил пограничник.

— Охренеть! — искренне удивился старлей. — Аня, ты чего не пьёшь?

Аня повертела в руках рюмку.

— Должен же вас охламонов кто-то сторожить, пока вы отсыпаетесь.

— Ты так говоришь, будто мы сейчас тут нажрёмся в хлам и свалимся без задних ног! — наигранно возмутился Павел. — Сейчас по третьей оформим и отдыхать, да, капитан?

— Давай! — махнул рукой пограничник. — Раз уж нас охраняют, да ещё и с собакой!

Агат продолжал грызть кусок хлеба с салом, периодически поглядывая на присутствующих, вдруг кто ещё чего вкусного даст.

Потом они ещё долго сидели, пока не доели всё, что было на столе, после чего старший лейтенант с капитаном остались что-то обсуждать и планировать на завтра, а Влад почувствовал, что вышитое его явно рубит с ног и надо куда-то поскорее приткнуться.

В одной из комнат он обнаружил двуспальную кровать, накрытую бежевым покрывалом, поверх которого он не раздеваясь и упал. Надо было бы конечно снять берцы, но было настолько лень, что он просто не стал заваливаться с ногами, а позволил им свисать с края. И так сойдёт.

Где-то далеко на кухне продолжали говорить пограничники, иногда в их разговор вклинивалась Аня. Странно, он так и не узнал её звание и должность. Какой-нибудь военный медик, если судить по навыкам. Когда она начинала говорить, мужчины замолкали, видимо что-то обдумывали, и потом снова начинали о чём-то оживлённо спорить.

Очень хотелось спать.

***

— У меня для тебя есть сюрприз! — на фоне солнечного света, наполнявшего комнату через окно, Аля казалась ангелом, спустившимся с небес, алучи, пробивающиеся сквозь её волосы, создавали что-то вроде светящегося ореола вокруг её головы.

Какое замечательное солнечное утро! На работу не надо, можно валяться в постели сколько угодно, смотреть сериалы, заказать пиццу, да ещё и сюрприз тебя ожидает.

— Да, и что же это за сюрприз? — он приподнялся на локтях.

— Сейчас скажу, только сначала я тебя поцелую.

Она обняла его за плечи, и он ощутил её дыхание на своём лице.

***

— Влад!

Зачем? Ничего не понятно. Что происходит?

— Влад! Просыпайся, нам пора! — это была Аня, которая осторожно трясла его за плечи. Она наклонилась так низко, что он ощутил тонкий необычный аромат её духов, — Скоро закончится комендантский час, нам надо будет ехать. Просыпайся.

Сон. Опять сон. Но такой яркий и красочный. В голове вертелось, постепенно растаивая, как утренний туман, слово «сюрприз» и образ жены. Всё-таки Аня на неё похожа. Удивительно, как совершенно незнакомые люди могут походить друг на друга.

Влад присел на краю кровати. На ногах не было берцев, они стояли рядом у стены. Ну, хорошо, хоть не раздели.

— Давай, умывайся и завтракать, все уже на кухне.

Хотелось вернуться обратно в сон. Не хотелось верить, что всё, что происходит с ним в последние месяцы правда. Но вот он — здесь и сейчас. Другой реальности нет. Нахлынули острые сомнения, что всё, о чём ему говорил капитан — бред сумасшедшего и реальность изменить никак нельзя.

Обычная утренняя хандра. Надо умыться.

Вода в ванной текла тоненькой струйкой — напор был минимальным, но этого хватило, чтобы освежиться. Бриться не стал, и так пока сойдёт.

На кухне действительно уже сидела вся компания, и пила ароматный чай из старых запасов, найденных в шкафу над столом. Не из пакетиков, а заваренный в отдельном фарфоровом чайнике.

— Ты как? — поинтересовался капитан у Влада, взглянув на него.

Влад сверился с внутренними ощущениями, и решил, что лучше будет сказать:

— Нормально. Не хуже, чем вчера. Сам как? Как рука?

Капитан подвигал плечом, сморщился.

— Работает — это главное. Аня наложила швы, сменила повязку. Скоро заживёт.

Влад откусил кусок бутерброда, запил чаем.

— Здорово это у неё получается, — произнёс он, дожёвывая кусок.

— Что? — не понял Алексей.

— Лечить людей. Вроде всё, как всегда, а зарастает как на собаке, — Влад невольно взглянул на Агата, а пограничники только переглянулись. Тема разговора развития не получила, к тому же на кухню вошла Аня.

Присела на стул, тоже налила себе чаю. Достала упаковку печенья, того, что кладут в сухпаёк.

— Чего это вы такие задумчивые? — вдруг спросила она, когда молчание явно затянулось. — То не заткнуть, особенно тебя Павел, то вдруг молчите как на поминках.

Но никто ничего толком не ответил, Павел что-то промычал с набитым ртом, но что именно, было не разобрать.

— Значит, говоришь, клиента охраняют надёжные люди? — наконец прервал тишину капитан.

Старлей энергично закивал.

— Да, там один чел, я его вытащил из изолятора — пришлось сильно постараться — после того, как он поучаствовал в разгроме американского посольства. Мужик злой, идейно правильный на все сто, купить его невозможно вообще никак.

— Ну, что поехали тогда с ним знакомиться, надеюсь, всё так, как ты говоришь и клиент в порядке.

Глава 29. Поезд на Ё-бург

Сейчас дети уже не плачут, просто жмутся ближе. Но раньше, стоило им услышать звук летящего вертолѐта или даже высотного бомбардировщика, как сразу начиналась истерика.

Признаться, я и сама нервничаю, когда слышу гул в небе. Свой самолѐт или не свой, кто его знает. Хочется забраться куда-нибудь поглубже под землю и не вылезать.

Да, мы из Пскова. Вот там семья — из Белгорода. А там — из Орловской области. Сложно сказать, повезло ли нам, ведь по нашим городам сбрасывали обычные бомбы, а не ядерные, как на Петербург, Петрозаводск или Новороссийск с Владивостоком.

Что будет дальше, не знаю. Муж на фронте. Известий не получала уже недели две. Главное — постараться выжить. А там видно будет.

***

Клиент не был в порядке. Вот совсем не в порядке. Нет, он, конечно, был жив и конечности всё было на месте: и руки и ноги, и голова крепилась к телу через шею, а не примотанным наскоро скотчем, но сказать, что он был в порядке, было бы большим преувеличением, да ещё с изрядной долей оптимизма.

Когда они, наконец, добрались до нужного адреса, то это оказался частный дом в пригороде Москвы, обнесѐнный стеной из жѐлтого кирпича. Пока доехали, переплевались, так как добираться через весь город, находящийся на военном положении то ещё удовольствие. Несколько раз их останавливал патруль и, в итоге, волноваться начал даже Павел, который до того был спокоен как слон и всячески убеждал всех, что у него всё схвачено, документы в порядке, а объект в полной безопасности.

Может быть, если бы на автомобиле были чѐрные военные номера, было бы проще, но что есть, то есть.

И вот они въехали в ворота, которые им открыли вооружѐнные люди с лицами, скрытыми балаклавами, сквозь ткань которых в этот морозный, хоть и солнечный день, вырывались облака пара.

В другое время такой погоде можно было бы только порадоваться, в конце концов, что может быть лучше солнечного утра или дня зимой, когда от одного только яркого света за окном повышается настроение. Но сейчас это воспринималось скорее как затишье перед бурей. Словно больной, который провѐл много дней в бреду и внезапно обрѐл ясность сознания только для того, чтобы попрощаться с окружающими.

Влад не стал делиться своими предчувствиями с окружающими. Ему и так хватало того, что он толком не спал уж несколько суток. Вроде бы засыпаешь быстро, спишь, ничего не слышишь, а утром у тебя такое ощущение, будто ты всю ночь бегал, ходил, работал.

Тем временем, ворота за их машиной закрылись и Алексей критически, если не сказать с подозрением, оглядел людей без опознавательных знаков на форме, которая и формой-то по большому счѐту не была, а больше напоминала рабочую одежду.

Капитан даже положил руки на «калаш», который до того спокойно лежал у него на коленях, так как за рулѐм был непосредственно сам старший лейтенант.

Некоторое беспокойство передалось даже Владу, уж очень не хотелось попасть в засаду, да ещё, так сказать, при «помощи» своего человека. Хватит с него уже засад и плена. Однако полное доверие, которым пользовался старший лейтенант у Плетнёва, и то, что Алексей не

стал брать автомат наизготовку, заставило Влада убрать руку с пистолета, который он успел незаметно снять с предохранителя.

Аня наоборот была спокойна как никогда и смотрела на всё больше с любопытством, чем с опаской.

Когда ворота закрылись, на крыльце дома появился высокий черноволосый мужчина с суровым выражением лица и направился к автомобилю. Почему-то Владу сразу показалось, что он иностранец. Не типичная для России внешность, не рязанская кость, а какая-то больше средиземноморская что ли.

На шее у хозяина дома на ремне висел АКСУ, а одет он тоже был в некую робу в стиле милитари, которая запомнилась Владу ещё со времён 2014-го года. По поведению мужчины было понятно, что он ждал их приезда, и что машину заприметили ещё издали.

Тем временем, гости покидали автомобиль, последним спрыгнул с подножки Агат на уже истоптанный утренний снег, грязными рваными клочьями лежащий на асфальте.

Когда незнакомец увидел Павла, то сразу повеселел, и на только что донельзя серьёзном лице появилась дружеская улыбка.

Старлей обратился к своим спутникам:

— Знакомьтесь, это Деян, — и первым пожал ему руку.

Затем он представил своих друзей:

— Это Влад, это Алексей, Анна и... Агат, — последним он указал на пса.

Если капитан казался Владу несколько легкомысленным, то Павел в этом плане был ещё более безбашенным.

— Деян, это же сербское имя, так? — уточнил Алексей.

— Точно так, — подтвердил густым баритоном их новый знакомый. Говорил он с лёгким акцентом иностранца, много лет прожившего в России, но всё ещё сохранявшего влияние родного языка. — Прошу, проходите внутрь.

— Как наш клиент? — спросил Павел у Деяна.

Серб слегка замялся, но потом ответил:

— В целом нормально, но ты сейчас сам всё увидишь.

По лицу Павла было видно, что он понимает, о чём говорит Деян, который, судя по всему, был здесь назначен старшим лейтенантом за главного. И было точно понятно, что то, что они увидят, капитану совсем не понравится.

Войдя в дом, они прошли в комнату, которая когда-то служила хозяевам рабочим кабинетом и была заставлена шкафами с книгами и папками-регистраторами, рабочим столом с выключенным компьютером, кожаным креслом и небольшим кожаным же диваном у стены.

Под ногами звякнули, перекатываясь по полу с характерным звуком, пустые бутылки, а в нос ударил запах алкогольного перегара и немывтого тела.

— Это что? — брезгливо спросил Алексей.

Перед ними на грязном диване среди пустых и не очень бутылок лежало, как бы это помягче сказать, тело, более всего иллюстрирующее, к чему приводит безудержный алкоголизм.

Тело открыло глаза на небритом минимум неделю лице и посмотрело на вошедших в комнату людей. Ну как открыло, скорее, попыталось размокнуть веки, а когда не получилось, то просто запрокинуло голову, которая тут же мячиком на верёвке упала обратно на грудь.

Вторая попытка взглянуть на пришедших была более удачная. Оно пыталось что-то мычать, пока, наконец, очередная попытка удержать голову в вертикальном положении не увенчалась успехом.

— Аааа!!! Что это за тварь?!! — пьяным голосом, еле произнося слова, заорал человек, указывая дрожащим указательным пальцем куда-то за их спину.

Влад и остальные невольно обернулись. Только капитан смотрел прямо на то, что должно было бы носить гордое имя человека, и ради которого они сюда приехали.

— Можешь п-пояснить, что здесь п-происходит? — не глядя на Павла спросил у него Алексей.

Влад давно заметил, что когда капитан чем-то или кем-то недоволен, то начинает обращаться к человеку, глядя куда-то в сторону, но при этом тот, к кому обращались, прекрасно понимал, что речь идёт именно о нём.

Старлей прошёл вперёд, отодвинув Влада, и вырвал из рук человека полупустую бутылку вискаря. Напиток выплеснулся и растёкся пятнами по и без того не первой свежести рубашке клиента. Человек пытался подняться с дивана, но у него ничего не получалось. В итоге, он просто сполз на пол, не переставая пялиться куда-то за спины людей и страшно пучить глаза.

Налицо было сильнейшее отравление алкоголем, в народе обычно называемое запоем. Причём таким жёстким запоем, который не каждая печень выдержит.

— Короче, народ, это тот, кто нам нужен. Ставицкий Александр Николаевич, учёный, физик, ядерщик и т. д. и т. п. Поможет нам запустить прототип генератора, рабочая модель которого была уничтожена в Сарове.

Павел уже сам попытался поднять учёного хотя бы на уровень дивана, так как на ногах это создание стоять точно не смогло бы, но у него ничего не получилось. Тело безвольно плюхнулось на пол среди пустых бутылок и стало шарить рукой в поисках недопитой бутылки.

— Я настойчиво рекомендую тебе, — сквозь зубы произнёс капитан, — объяснить, что здесь, мать твою, п-происходит, и п-почему охраняемый объект в таком, @@@@, состоянии?!

— Если коротко, то у него квартира в Троицке была, — начал издали объяснять старлей. — Прямо недалеко от эпицентра. Я там был соспасателями — жуть полнейшая. Проскочила одна боеголовка, к сожалению. Так он тогда всего на сутки по чистой случайности задержался в Москве — день рождения отмечал у знакомых. Не свой. Поутру случилось похмелье, на следующий день сказался больным и взял больничный, после чего остался всё у тех же знакомых.

— У него что, семья в Троицке погибла? — уточнил Влад, пытаясь понять причину столько плачевного состояния человека.

— У него — нет, — ответил старший лейтенант, мельком глянув на Деяна. — Не женат, детей не имеет.

— А п-после обеда случился взрыв, — вставил Алексей. — Это мы знаем. П-паша, я спрашиваю, почему он, бл@ть, в таком состоянии?!

— Ага. Случился, — согласился Павел. — Видимо, он не может пережить тот факт, что ему повезло. Чердак и протёк. В общем, он с тех пор жёстко бухает. Совсем жёстко.

— И ты этому потворствуешь?! — разозлился капитан.

— Товарищ капитан! Ты бы так не заводился! Я, если что, не посмотрю, что у тебя на

одну звёздочку больше. В данном случае, у меня просто не было выбора. Я не специалист по работе с алкашами, психологии не обучен, — продолжал Павел. — Когда он пьёт, он хотя бы под контролем. И вообще он уже был в таком состоянии, когда я его нашёл. Я пытался до него достучаться, но его конкретно так переклинило. Мы отбирали алкоголь, но у него начинается неадекватное поведение, становится неуправляем, вплоть до попытки суицида. Тем боле, у нас уже есть один такой пример.

Капитан хотел было высказаться ещё как-то покрепче, но сдержался. Влад вспомнил про учёного, о котором рассказывал Алексей и который выпрыгнул из окна, когда, казалось бы, ситуация была полностью под контролем.

Алексей присел на корточки, чтобы попытаться заглянуть в опухшие и красные глаза человека, от которого зависел успех всей миссии.

— И что с этим делать?! Он же буквально синий!

Ставицкий, тем временем, перестал таращиться на гостей, уставился в пол и только тихо бубнил себе что-то под нос.

— Что он там несёт? — спросил Влад.

Павел прислушался.

— Что-то вроде «всё не так», «должно быть не так», хр@н разберёшь, если честно. Может «цыганскую» пытается петь. «Всё не так, ребята!» От него сейчас можно ожидать, чего угодно.

— Или не ожидать ничего, — озабоченно произнёс капитан и вернулся в вертикальное положение.

Поудобней ухватившись за учёного, старлей всё-таки рывком посадил его на диван. Раздался треск рвущейся ткани. Ставицкий сидел, опустив голову и пуская слюни.

— К тому же, если бы я ему запретил, у него бы сердце могло остановиться, и что тогда? — продолжал оправдываться Павел.

— Никогда не видел, чтобы человек мог ужраться до такой степени, — констатировал капитан.

— Ну, так ты и в ситуации такой никогда не был, — раздался голос Ани, а Плетнёв бросил на неё мимолётный взгляд.

Не сговариваясь, все одновременно посмотрели на неё.

— Что? Что вы так на меня смотрите? Предлагаете мне записаться в наркологи? Очевидно, что у пациента белая горячка. Из такого состояния выводят долго и под надзором специалистов. Его прокапать необходимо, чтобы провести детоксикацию и вообще...

— Аня, — вздохнул Алексей, и дальше продолжил больше просительным тоном, чем приказным, — надо его привести в чувство и срочно. Придумай что-нибудь, прошу, иначе весь наш план по бороде. У тебя же должно быть что-то на такой случай.

— На такой случай?! Алекс, здесь налицо глубокая алкогольная интоксикация!

— Ну, так это же вид отравления, правильно я понимаю?

Аня закатила глаза, но сделал это так красиво, что Влад готов был посмотреть на это ещё раз.

— Всё, выходите отсюда, — скомандовала она. — И закройте дверь, не люблю, когда мне мешают.

Она сняла с плеча рюкзак и стала доставать из него и выкладывать на письменный стол свои коробочки со шприцами и препаратами. На секунду остановилась, обернулась и недовольно посмотрела на скопившихся мужиков, которые и не думали покидать кабинет.

— Я что, тихо говорю?

— Всё-всё, уходим! — народ быстро покинул комнату и закрыл за собой дверь, при этом Влад заметил, как Ставицкий выпученными от ужаса глазами смотрит в сторону Ани и пытается что-то показать дрожащей рукой.

«Совсем допился до чёртиков» — подумал Влад, покидая кабинет. Сам он всегда с осторожностью относился к алкоголю и даже в самые тяжёлые времена, когда на длительное время остался без работы, не скатился до того, чтобы с головой погрузиться в беспробудный запой. Ситуацию это точно не исправило бы, а вот и без того шаткое финансовое положение подорвало бы окончательно. Хотя, не исключено, что тогда справиться с неприятностями ему помогла Аля.

Да и каким бы ни было эмоциональное потрясение, заливать горе синькой не имеет смысла, так как будет только хуже. С каждой выпитой бутылкой депрессия будет накатывать с новой силой. Нет, чтобы так опуститься, это надо совсем не иметь никакого стержня.

Они прошли в гостиную, где уже находились два человека с автоматами. Деян приказал им покинуть помещение, и они, собравшись, быстро ушли.

Деян, Алексей и Павел уселись на диван и кресла. В углу стоял большой плоский телевизор, по которому транслировали единый информационный канал. Мелькающая на экране картинка и бегущая строка сообщала о тяжёлом положении в районе Калининградской области и вообще на Северо-Западе России. Войска НАТО концентрировались на балтийском побережье и явно готовились к наступлению. Вооружённые силы Российской Федерации подтягивали резервы. Наверное, те самые колонны техники, которые они видели, когда ехали в Москву, подумал Влад. В Балтийском море потоплен шведский линкор, а на Чёрном море два французских вертолётносца типа «Мистраль». Аэродромы на территории Финляндии по большей части уничтожены крылатыми ракетами вместе с базировавшимися на них самолётами. Берлин ещё со времён Первой волны превратился в руины, как показали снимки со спутника. Тихий океан бурлил от тонущих кораблей всех враждующих сторон.

Но это был ещё не конец. Всё это грозило закончиться очередной дуэлью на ядерных ракетах.

— Деян, — обратился к сербу Алексей, — Павел посвящал тебя в детали нашей задачи? Деян неопределённо пожал плечами.

— Нет, мне было поручено подобрать людей и ценой жизни охранять Ставицкого, я и имени-то его не знал до сегодня. Причины Павел мне не раскрывал. Раз надо, значит человек очень важный, даже учитывая его состояние.

Павел виновато вздохнул.

— Ну, с его состоянием, я надеюсь, справиться Анна, — в этот момент из кабинета раздался душераздирающий вопль и грохот, что заставило присутствующих невольно обернуться на звук.

— Может, стоит помочь? — уточнил Влад.

— Нет, всё под контролем, — решительно ответил капитан. — Анна справится.

Действительно, после ещё нескольких ударов о стену — как будто кто-то боролся, и звука бьющегося стекла, всё быстро стихло.

— А вот людям своим ты доверяешь? — продолжил Алексей, обратившись к Деяну.

— Как себе самому, капитан.

— Хорошо, потому что нам понадобится твоя помощь в том, что касается охраны

Ставицкого. Всех деталей раскрыть не могу, но от этого человека зависит очень многое. Можно сказать, что победа в войне, если быть точным. Он физик-ядерщик, ракетчик.

Влад поймал себя на мысли, что Алексей сейчас мог врать или, по крайней мере, серьёзно недоговаривать, ведь из того, что он слышал, Ставицкий не имел никакого отношения к ракетам, тем более, с ядерными боеголовками, а занимался некими генераторами волн, и вообще изучал пространство-время.

— Я обязан Павлу, а значит и его командиру. Терять мне кроме чести нечего, поэтому я сделаю, всё, что мне прикажут.

— Уважаю, — без тени иронии произнёс Алексей. — Как только Ставицкий будет в состоянии передвигаться самостоятельно, нам надо будет его доставить на базу в Уральских горах, но для этого нам понадобится охрана, то есть ты и твои люди. На нас могут напасть, чтобы уничтожить, в том числе, Ставицкого.

— Понимаю, — согласился Деян с возможным риском. — Но для того, чтобы попасть на поезд, нужны документы, тем более с оружием.

— Что скажешь? — на этот раз Алексей уже обратился к Павлу.

Тот, краем уха прислушивался к шорохам, раздающимся из-за стены, за которой находился кабинет. Когда капитан к нему обратился, вмиг стал сосредоточенным.

— Вопрос по документам решён. Бумаги пройдут первичную проверку, но если станут копать, то гарантий никаких, но что есть, то есть. В условиях неразберихи и плохо работающих баз должно прокатить. Прикинемся охраной, хотя, по сути, мы ей и являемся, так что сильно притворяться не придётся. Возможно, потребуется утрясти вопрос с начальником вокзала или поезда, но это уже по ситуации, и, смотря, откуда будем отправляться. Пассажирские составы до Екатеринбурга, как и раньше, отправляются с Восточного, Ярославского и Казанского вокзалов. Сейчас там формируют составы, в первую очередь, с беженцами, которых отправляют вглубь страны.

— То есть придётся возвращаться в город, чтобы попасть на поезд?

— Да.

— Рискованно. Автомобильным транспортом добраться не вариант?

— Думал над этим, но вот вы долго ехали до Москвы?

— Долго, — согласился капитан.

— На поезде реально быстрее, прикрытие в виде охраны, риск быть обнаруженным примерно такой же, если не меньше. К тому же, — сделал акцент Павел, — мы сможем сойти максимально близко к конечной точке нашего путешествия.

Повисла тишина. Люди переваривали услышанное, капитан обдумывал ситуацию.

— Что ж, тогда так и поступим, — решил он и посмотрел на часы. — Долго они там ещё?

Но из кабинета не доносилось никаких звуков. Наверное, Аня вколола успокоительных или ещё каких препаратов из своей аптечки. В конце концов, если она смогла поставить на ноги Влада со всеми его травмами, то уж с каким-то алкоголиком, даже страдающим белой горячкой, справится тем более.

Открылась и закрылась дверь кабинета, в коридоре послышались шаги, и в гостиную вошла Аня. Выглядела она не то уставшей, не то озадаченной.

— Через несколько часов будет готов, — ровным голосом сообщила она.

— В смысле? — не понял Алексей.

— В смысле, сможет адекватно воспринимать окружающую реальность. Подозреваю,

правда, что именно от неё он и хотел убежать, когда заливал шары, но что поделать.

— А что был за шум? — это уже Деян.

— Не хотел таблетку глотать, — пожалала плечами Аня и присела по другую сторону дивана от Алексея.

— Хм..., - выдохнул он, — несколько часов говоришь? А поточнее?

— Часов пять точно, может чуть больше, может чуть меньше. Надо ещё понаблюдать за ним, чтобы всё в порядке было.

— Должны, по идее, до наступления комендантского часа успеть, — рассуждал вслух Алексей. — Паша, Деян, транспорт ещё есть, чтобы всем поместиться.

— Да, — подтвердил серб. — В гараже ещё два внедорожника.

— Документы и пропуска есть, — добавил старлей. — Если сильно докапываться не будут, то должны сработать.

— Хорошо, — констатировал капитан. — Деян, пошли, познакомишь со своими людьми, пока Ставицкий приходит в себя.

Он, Деян и Павел поднялись и вышли из комнаты, в которой остались только Влад, Аня и пёс, который устроился в ногах у Ани, то и дело, посматривая по сторонам.

В комнате повисла неловкая пауза.

— Может заварить чаю? — разрядила обстановку Аня.

— Да, сейчас, — спохватился Влад, вскакивая с кресла. — Только найду здесь кухню.

— По коридору прямо и налево.

Пройдя на кухню, Влад нашёл там электрический чайник и воткнул его в розетку. Электричество поступало от генератора, который тарахтел в подвале. Если бы не он, воду пришлось бы разогревать на костре, так как электричества здесь не было, судя по внутреннему состоянию холодильника уже давно. Видимо, генератор притащили сюда люди Деяна и Павла, уже после того, как жилище опустело.

Что случилось с настоящими хозяевами дома, чьи фотографии в рамках можно было во множестве увидеть на стенах и полках, куда они пропали и вообще живы ли, Влад предпочитал не думать. Точнее, ничего хорошего в голову на этот счёт не приходило. Единственное, в чём он был уверен, так это в том, что его друзья не причастны к их пропаже.

Может эвакуировались вместе с другими жителями посёлка, который выглядел довольно безлюдно, может уехали самостоятельно, а может попали под бомбардировку или под радиоактивные осадки.

Странно, однако, что люди предпочли покинуть пригород, хотя как раз именно сюда и надо было бы ехать их крупных городов, которые в любой момент могли превратиться в каменные мешки без еды, воды и отопления.

Скорее всего, Павел выбрал этот дом, когда он был уже заброшен, а по близости не наблюдалось человеческой активности. Каким-то чудом, сюда ещё не добрались мародёры, ну да всё ещё впереди.

Нет, он не считал ни Влада, ни Павла, ни тем более Деяна (это же как надо быть обязанным, чтобы согласиться на любое задание!) непогрешимыми ангелами, он и сам таким не был, он просто был уверен, что они не могли поступить плохо, не имея на то веских причин. В конце концов, этот дом мог оказаться таким же конспиративным логовом, как и квартира в Люберцах, а фотографии — всего лишь легендой.

Он залил кипятком два чайных пакетика чая, упаковку которых нашёл тут же на столе, как и тарелку с раскрошившимся печеньем и несколькими конфетами в потёртых фантиках.

Ладно, не время придирааться. Осторожно взяв всё в руки, он вернулся в гостиную, поставив чашки и тарелку на журнальный столик.

Первая печенька полетела в пасть Агату, который её тут же проглотил, почти не жуя.

— Аня, давно хотел спросить: что известно об остальных сослуживцах Алексея. Тогда в поезде вместе с ним было ещё три человека. Павел здесь, понятно, а остальные?

— Да, Александр и Глеб, — назвала их имена Аня и глубоко вздохнула — По ним полная тишина, Влад. Паша говорит, что пытался выяснить, но всё бес толку, к тому же он опасался себя засветить перед сетью агентов. Не хочу нагнетать, но, скорее всего, они погибли. Мы-то сколько раз по краю ходили, а они в самом пекле оказались, да ещё в ситуации первых дней войны.

— А этот Деян, он откуда? — поинтересовался Влад, отхлебнув глоток.

— Судя по тому, что я слышала от Паши, он давно живёт в России, переехал сюда по работе, ещё лет десять назад, женился тут, дети...были, — задумчиво ответила Аня. — Его семья, как и Ставицкий, в Троицке жила, а Деян в тот день был в московском офисе. В общем, с учётом того, что его родители погибли ещё, когда американцы бомбили Югославию в 1999-м, можешь представить его чувства.

— И?

— И он в составе толпы пошёл к американскому посольству. Посол и заместители уже скрылись, но часть персонала из числа граждан США ещё оставались внутри. Скорее всего, их просто бросили для отвлечения внимания.

— А, кажется, я слышал об этом случае, там они ещё самосуд учинили.

— Да-да, возглавлял расправу именно Деян. Осуждаешь его? — покосилась на Влада Аня.

— Нет, — покачал головой Влад. — Уже нет. Я давно потерял моральное право кого-либо осуждать.

— Ну, все мы не без греха. В общем, не вдаваясь в подробности, Павлу удалось его вытащить, используя старые связи в ФСБ, и теперь он работает на него.

— Про Комитет осведомлён?

— Нет, ему незачем об этом знать. По крайней мере, пока. А там видно будет.

Они тихо пили чай, пока в голове Влада назревал вопрос, который уже давно его волновал. Наконец, он решился спросить:

— Аня, а тебе это всё зачем? Ты же вроде не из органов, и не из армии, как я понял. Связана каким-то образом с этим... Комитетом, но как-то особняком держишься.

Она посмотрела на него своими ярко-серыми глазами, в которых при желании можно было увидеть металлический отсвет. Влад видел серые глаза у других людей, и не раз, но не такие.

Тонкая кисть легла на грудь там, где был медальон, который как-то заприметил Влад.

— Подарок?

— Что?

— Медальон?

Складывалось впечатление, что Аня хочет избежать ответа на вопрос.

— О! — Аня отставила чашку, но, как оказалось, явно не для того, чтобы поделиться воспоминаниями. — Это долгая история, Влад. Тем более, что наш пациент, судя по всему, пришёл в себя.

На этих словах Влад проследил за направлением взгляда Ани.

В дверном проёме стояло то самое тело. Стояло, пошатываясь, опираясь одной рукой на дверной косяк и глядя ошалелыми глазами на Влада и Аню, безмятежно попивавших чай с просроченными конфетами.

— Где я? — раздался хриплый голос. — Вы кто такие?

Ставицкий был явно дезориентирован и не понимал, что происходит.

— Ну, надо же! — всплеснула руками Аня. — Подействовало быстрее, чем я думала. Влад, позови остальных, а я пока поработаю с пациентом.

Она поднялась, взяла учёного под руку и усадила на диван, на котором только что сидела сама. Достала маленький фонарик и посветила ему сначала в один глаз, а потом в другой.

— Вы помните своё имя? — обратилась она к Ставицкому.

Судя по взгляду последнего, он мог с трудом вспомнить алфавит, не то что собственное имя.

Влад, тем временем, в поисках капитана и стрелея вышел из дома, обнаружив их во дворе, стоящими рядом с их автомобилем полукругом. Они что-то обсуждали, иногда выпуская клубы табачного дыма. Он быстро подошёл к ним.

— Алексей, Ставицкий очнулся, Аня работает с ним, — сообщил он капитану.

Пограничник сделал последнюю затяжку и, бросив окурочок на асфальт, затушил его носком берца.

— Ну, значит надо собираться.

Деян помахал рукой нескольким охранникам — часть осталась во дворе — и они вместе вернулись в дом, где Анна отпаивала водой с каким-то порошком горе-учёного.

— Ну, как он? — спросил Алексей, когда они вернулись в гостиную.

— Могло быть и лучше, ему бы отлежаться ещё сутки, — сообщила Аня, — но, в целом, передвигаться самостоятельно может, сознание возвращается. Главное, что он помнит своё имя и чем занимался до войны.

— Сутки дать ему не могу, максимум пару часов, пока собираемся.

Ставицкий жадно глотал воду прямо из графина, в то время как его глаза вертелись в орбитах, осматривая окружающих. Кажется, он реально не понимал, где находится и что происходит.

— Доведи его до кондиции, Аня, насколько это вообще возможно, — с надеждой в голосе попросил Алексей.

Аня ничего не ответила, только стала перебирать свои припасы, разложенные на журнальном столике.

— Ну что, Александр Николаевич, готовы к труду и обороне?

Ставицкий отнял графин ото рта и посмотрел на капитана.

— Куда вы собираетесь меня отвезти? Зачем я вам нужен? — его голос был всё ещё хриплым.

— А сами не догадываетесь? — ответил вопросом на вопрос капитан.

Из подвала Павел и ещё два человека из тех, чьих имён Влад не знал, принесли комплекты новой формы ВС РФ, бронежилеты, каски и обувь. Потом принесли ящики с оружием и боеприпасами.

Сверившись с документами, которые до того Алексею вручил Павел, капитан стал раздавать комплекты всем присутствующим. Когда несколько человек из людей Деяна переоделись, они сменили тех, что охраняли дом снаружи, и которые пришли получить свою

форму.

Владу досталась форма с нашивками старшего сержанта и соответствующие документы, согласно которым он был на пять лет младше и звали его не Владислав, а Андрей. Старший сержант Андрей Турчак. Ну, ладно. Главное, не забыть.

Когда все были готовы, проверили готовность оружия и укомплектованность рюкзаков, все вышли во двор. Ставицкого тоже переодели в чистое, так как после пребывания в том состоянии, в которое он себя погрузил, его прежняя одежда пришла в полную негодность.

Выдали ему, однако, некомплект военной формы, а обычную гражданскую одежду: джинсы, свитер и порванный на руке пуховик. Одеждой поделились люди Деяна, которые сами уже успели облачиться в форменное обмундирование.

Потом во дворе состоялось своеобразное построение. Люди стояли в полной выкладке и с оружием. У Влада помимо автомата за спиной была СВД, с которой он по-настоящему сроднился за это время. Никогда бы не подумал, что можно так прикипеть к оружию. Даже своё охотничье ружьё, которым он баловался исключительно на стрельбище, он продал без особых сожалений, а тут следил за СВД, разбирал, чистил, смазывал, настроил прицел.

— Так господа офицеры и солдаты, — обратился к собравшимся капитан погранвойск, — всем ознакомиться с их новыми документами, форму подтянуть, боекомплект проверить. Всё должно быть готово к использованию по первой необходимости! Всем запомнить свои новые имена! На полноценную легенду для каждого времени не было, поэтому, если что, действуем по ситуации.

Общая часть легенды — мы охрана состава с беженцами. Все переговоры веду я. Если кто-то докопается — говорите, что не в курсе, по все вопросам к товарищу капитану! Вас сформировали буквально перед отъездом, поэтому вы толком ещё друг с другом не знакомы, но свои новые имена должны помнить, как «Отче наш»! Понятно?!

Послышалось нестройное «так точно!». Господи, что же за людей подобрал Деян с Павлом. Единственное, что заметил Влад, это то, что все они прекрасно обращались с оружием, но военными, судя по всему, в классическом смысле не являлись. Чувствовалась в них некая расслабленность и вольность что ли, сочетаемые с пониманием того, что они очень даже осознают, что им приходится рисковать своими жизнями.

Наёмники? Добровольцы? ЧВКашники типа распиаренных в СМИ «вагнеровцев»? (с другой стороны, какая разница, кто они и откуда, если выполняют свою работу ответственно и с полной отдачей.

Влад про себя отметил, что звание капитана по новым документам сохранилось за Плетнёвым, но он уже не был пограничником, а стал росгвардейцем, как и все остальные.

— И тем более, вы должны помнить имя и вашего командира, то есть меня. Моё имя на время операции — капитан Еремеев! Запомнили?! — продолжал Плетнёв.

Опять «так точно!»

— Первоочередная задача, как я уже говорил ранее, — защита двух человек. Влад, шаг вперёд.

Влад вышел из строя.

— Это — первый, кого необходимо сохранить живым. Любой ценой! — подчеркнул капитан. Народ с ненавязчивым интересом бросил взгляд на Влада.

Ставицкий тоже с любопытством смотрел на него, почёсывая небритый подбородок и параллельно с этим жуя булку и запивая её молоком из картонного пакета. Что-то в его взгляде показалось Владу неприятным. Типа как когда на тебя смотрят, зная о тебе что-то

такое, чего ты сам не знаешь.

Учёный стоял чуть в стороне рядом с Аней, которая видимо была специально приставлена к нему, чтобы отслеживать состояние его здоровья, а то вдруг опять к бутылке потянет, или ещё как переклинит деятеля науки.

— Встань в строй, Влад.

Влад вернулся на место.

— Второй — наш, до недавнего времени, гость, господин Ставицкий, которого вы все видели и знаете, — по строю пробежал легкий смешок. — Приоритет такой же! Всем всё ясно? Вопросы есть?

Вопросов не было. Все всё поняли, приказы и указания были розданы, возможно, даже заранее, а это построение имело исключительно пропагандистский характер.

— По машинам!

Народ стал распределяться по трём автомобилям, на которых были заранее перевешаны номера, а за лобовым стеклом прикреплены ламинированные пропуска Росгвардии.

Алексей подошёл к Владу.

— Как тебя зовут, старший сержант?!

— Старший сержант Андрей Турчак, товарищ капитан! — отрапортовал Влад.

— Отлично, — Алексей похлопал его по плечу. — Запомни своё новое имя. Ни у кого в группе нет одинаковых имён и фамилий.

— Чтобы не путаться?

— Да. Поэтому если слышишь своё новое имя и фамилию, то реагируй, чтобы не спалиться на мелочах.

— Понял.

Влад ухмыльнулся, что не осталось незамеченным Алексеем.

— Что не так? — заинтересовался капитан.

— Да нет, всё нормально, просто никогда не стремился в армию, а она меня всё равно настигла, хоть бы и под липовыми погонами старшего сержанта.

— Нормально всё, глядишь, липовые, по итогу, станут настоящими, и не сержанта, а повыше. И вообще, они не липовые, а маскировочные, для прикрытия.

Влад не стал возражать. Однако, если верить капитану, в случае успеха миссии, никто ему никакие погоны даже и не думал бы давать, так как окружающий мир вернётся в норму, а вот это всё будет казаться просто страшным ночным кошмаром. ТАМ не будет войны, ТАМ всё будет, как обычно. ТАМ всё будет так, как и должно быть.

— Ладно, давай в авто.

Когда Влад отходил к машине, краем уха услышал, как Алексей обращается к сербу:

— Деян, сильно не болтай, у тебя всё-таки заметен акцент, особенно, когда быстро говоришь.

— Понял, капитан. Буду больше молчать! — улыбнулся Деян.

Створки ворот издали жалобный скрип, будто прощаясь с людьми, когда двое из группы Деяна их открывали. Как только все автомобили выехали, то они запрыгнули в машины и все отправились на Казанский вокзал города Москвы — это был пункт, где планировалось попасть на поезд. Место отправления определилось в последний момент, когда Павел созвонился с кем-то по телефону.

Ну что, теперь главное попасть без приключений на поезд до Екатеринбурга, который должен доставить их как можно ближе к некоему месту, хотя сойти с него, как понял Влад,

придётся несколько раньше, не то до пересечений Уральского хребта, не то после.

В душе копилась усталость.

Если верить Алексею, то оставался последний рывок.

Глава 30. Наваждение

Из донесения:

«Вчера в 21.15 МСК ракетным ударом с воздуха был поражён ракетный крейсер «Москва» Черноморского флота. В результате попадания ракеты произошла детонация боекомплекта, что привело к образованию пробоины и ниже ватерлинии и обширному пожару. Принято решение об эвакуации выжившего экипажа.

Ответным ударом крылатыми ракетами были уничтожены вражеские корабли в портах Румынии, Болгарии и Греции. Дополнительно нанесены удары по аэродромам в указанных странах»

Из донесения:

«... В ходе операции ВКС России был потоплен эсминец ВМС США «Росс», который в итоге, затонув, перекрыл фарватер Босфорского пролива.»

Из донесения:

«...перемещение подводных лодок, а также подготовка оставшихся ракетных шахт.»

«...диверсий удалось вывести часть установок шахтного базирования....

...в районе Хоккайдо потоплен американский подводный атомный крейсер...

... в Атлантическом океане выведен из строя американский... в настоящее время дрейфует без возможности получения помощи... в сторону...»

Из служебной записки:

«По предварительным оценкам к концу текущего года голод достигнет катастрофических масштабов. Количество голодающих и жертв голода будет отличаться от страны к стране только в зависимости от размеров населения. В процентном соотношении государства Европы пострадают не меньше, чем государства Юго-восточной Азии...

Падение производства продуктов питания наряду с взрывным ростом заболеваемости инфекционными заболеваниями произведёт кумулятивный эффект. Указанные обстоятельства приведут к гибели минимум миллиарда человек в ближайшие 5-10 лет...»

«Совершенно секретно: электромагнитные аномалии неясного происхождения были зафиксированы в районе....»

«... у берегов Гренландии произошло столкновение наших подводных лодок с подлодками ВМС США, Канады и Британии, что свидетельствует об активизации си. противника...»

***

Влад поймал себя на мысли, что никогда не видел удостоверения капитана. На его глазах Плетнёв неоднократно тыкал им в раскрытом виде патрульным и всем, кто бы внезапно решил усомниться в его личности и полномочиях. А ведь это было не так уж и редко.

Их задерживает патруль. Капитан (или Анна) убалтывают солдат. Если совсем уж не получается, и те не ведутся (Влад сделал для себя пометку — не ведутся!) на разговоры его спутников и как-то прохладно реагируют на бумажные документы, то пограничник вытаскивает удостоверение и в раскрытом виде демонстрирует его патрульным.

Те всматриваются в раскрытое удостоверение и без вопросов пропускают их дальше.

Странно? Странно! Да не то слово!

Жуткое недоверие, которое зрело внутри Влада всё это время, в такие моменты расцветало со всей силой.

Почему? Зачем? Что? Какие сведения содержатся в обычной книжице удостоверения, с которым Влад и сам проходил ни один год. Разве не странно, что люди при погонах, которые минуту назад явно выказывали признаки недоверия к их группе (что уж говорить, он сам бы, на их месте, однозначно попытался их задержать), увидев раскрытое удостоверение, отдавали честь и пропускали их дальше без лишних вопросов.

Доверие и недоверие боролись в сознании Влада. И доверие побеждало лишь благодаря тому, что недоверие было ещё хуже. Недоверие не давало надежды. Надежды на то, что всё можно исправить, и что вся эта реальность исчезнет так, как будто бы её и не было.

Доверие. Или недоверие. Верить. Или нет?

***

Влад столкнулся с Аней на выходе. И что-то щёлкнуло в его голове. Мозг заработал совсем иначе, не так как раньше. Всё было другим и в то же время таким знакомым. Почему всё было таким, он даже не мог понять, но его это устраивало более чем.

Он посмотрел в её глаза, а она в его. Упасть в прохладную воду с высоты — вот, что значила встреча их взглядов. Жара. Жажда. Вода! Прохладная, манящая вода. Это то, что он хотел всегда. и в чём другом он сейчас не нуждался. И пусть весь мир горит синим пламенем. У него есть — она!

"Влад!" Он продолжал обнимать её, и целовать. Его губы соприкасались с её губами так, как никогда раньше.

"Влад!" Аля почему-то пыталась вырваться из его объятий. Такого ещё никогда не было.

"Влад! Я — не Аля!" Слова будто прожигали его сознание, но ему, по большому счёту, было всё равно. Влад испытывал то самое чувство, когда впервые поцеловал Алю, и она не отвергла его поцелуй. Когда впервые он обнял её, и опасался, что она отвергнет его, и ему придётся чувствовать себя неудобно и, не дай Бог, извиняться.

Но она лишь привлекла его к себе, и мгновение отчаяние превратилось в миг триумфа! Именно ради этого мига он жил все эти годы. Именно ради этого мгновения он терпел все неприятности, которые происходили с ним.

"Влад!"

Да что ж это такое?!

"Влад! Я — не Аля!" "Я — не Аля!"

Его словно выдернули из тёплой ванны и бросили на холодный снег. Мгновения абсолютного счастья сменились холодной изморозью реальности.

Ты — не Аля... Ты — не Она. Тогда, кто Ты?

И что происходит?!

— Стой! — Алексей схватил его за плечо. — Остановись! Всё не так, как тебе кажется. Поверь, я проходил через это.

— Не понимаю, — только и пробормотал Влад.

— И я не понимаю, Влад, — ответил капитан. — И Паша не понимает. Никто не понимает и не знает. Даже она не до конца осознаёт всё, что происходит. Это — её сила и её проклятье. Надо просто понять это, и принять. Я знаю — просто поверь.

Влад смотрел вслед удаляющейся Ане. Или Але? Он не мог понять... Пока не мог. Не понимание приходило подобно тому. как начинается прилив — постепенно.

Она — не Аля. Всё это — морок. Сладкий, вожденный, такой успокаивающий, не

морок!

Но разве не лучше погрузиться с головой в этот убаюкивающий морок, чем находиться в этой неправильной, искривлённой реальности?!

Неужели ЭТА реальность лучше того, что даёт ему один единственный поцелуй, который возвращает его в ЕГО реальность. В единственно правильную и настоящую реальность! Что в этом плохого?!!

— Влад! — кисть пограничника сжала предплечье Влада. — Очнись, твою мать! Или мне придётся съездить тебе по морде! Вспомни об Але!

Об Але?! Да он только о ней и думает все эти недели! Он только и надеется на то, что сможет её вернуть! На то, что сможет всё исправить!

"Почему она уходит?!" "Почему, Аня... Аля?!"

Мысли путаются... Аня... Аля... Почему?!

— Влад! — голос извне. — Очнись! Да проснись ты уже!

Аня... Аля... Аня... Почему ты уходишь, ведь ты та единственная...

— ВЛАД!!!

Глубокий вдох. Серьёзный взгляд пограничника напротив.

***

Ощущение недосказанности заставляло чувствовать себя неудобно, Влад боялся встретиться взглядами с Аней после, если так можно выразиться, инцидента на вокзале.

И чёрт его дернул её поцеловать! Словно в тумане каком был. Просто в какой-то момент ему реально показалось, что перед ним стоит его воскресшая жена. И вроде мозгом понимаешь, что этого быть не может, но подсознанию хотелось быть обманутым.

Аня сказала, что виной всему эмоциональное перенапряжение, и что ничего страшного не произошло, но Влад предпочитал избегать зрительного контакта. Ему даже не столько стыдно было, и даже не перед Аней, а то, что свидетелем этого стал Алексей, который силой оттащил его от неё.

Хотелось провалиться под землю. С другой стороны, ну что такого он сделал? Ну, поцеловал, ну потерял контроль, забылся на мгновение... столько прекрасное мгновение... блин!

Влад лежал на верхней полке, погружённый в мысли, и смотрел в небольшую щель, которая осталась после того, как Алексей потребовала опустить шторы. Владу нравилось путешествовать. Непонятно даже, что ему нравилось больше: достичь конечного пункта поездки, или сам процесс дороги. То, как ты собираешься, складывая вещи, выкладывая ненужное и оставляя только то, что реально тебе понадобится. Ощущение ожидания своего автобуса, поезда или самолёта.

Да, пожалуй, сама дорога ему нравилась больше, чем возможность оказаться в номере гостинице на берегу тёплого моря. Аля любила путешествовать. Вместе они побывали во множестве стран ещё до того как закрыли границы из-за пандемии. Естественно, как северным людям, им больше нравилось бывать на берегах, омываемыми теплыми волнами и залитых солнечным светом. Дождя и сумрака им хватало и дома, северо-запад России был на это дело богат, а в Питере так и подавно ходила шутка про «эту шгуку в небе, которая иногда светит так ярко, что на улицу не выйти».

И вот сейчас, глядя в узкую полоску свободного от шторы окна, в котором мелькала чёрно-белая картинка зимнего леса, его настигло чувство сладкой и одновременно грустной ностальгии по тем временам, которые остались в таком близком и в то же время далёком

прошлом.

Всё же что-то не переставало беспокоить Влада, не давало ему забыться хоть каким-нибудь пусть даже самым никчёмным сном. И нет, это не был треклятый поцелуй. Как раз он не был тем происшествием, которое могло бы вызвать сколь-нибудь серьёзную обеспокоенность относительно успеха их миссии. Чувство смущённости, неудобства — да, но не беспокойства.

Несмотря на то, что он, хоть и ехал под легендой росгвардейца, капитан Плетнёв, он же Еремеев, освободил Влада от несения каких-либо служебных обязанностей, присущих охраннику поезда, наполненного под завязку беженцами, спасающимися от войны. Только один раз Владу довелось двинуть прикладом промеж глаз разбушевавшемуся типу, употребившему до этого с избытком горячительного, и который вёл себя крайне вызывающе, наплевав на приличия и окружающих. Бузотёра потом сняли с поезда на ближайшей станции и передали полиции, которая с удовольствием навала на него дополнительных люлей.

Вывод — надо быть вежливым с окружающими. Особенно с вооружёнными людьми.

Алексей переживал, что этот инцидент может привлечь ненужное внимание к поезду со стороны неких сил и то, что Влад сейчас маялся бездельем на верхней полке, вполне возможно, было следствием этого. С другой стороны, а какие ещё были варианты? Терпеть хамство распоясавшегося быдла@, или пресечь его на корню? И ещё не известно, что больше могло бы привлечь внимание: выполнение непосредственных служебных обязанностей росгвардейцами, или росгвардейцы, которые внезапно решили не замечать хулиганских действий одного из пассажиров.

Он, как и Ставицкий, всё ещё приходящий в себя от последствий глобального запоя, должны были сидеть в купе под охраной вместе с Аней и без лишней надобности вообще не высовываться. Надобность в этом случае могла быть только естественной, и то выходить приходилось исключительно в сопровождении двух человек из группы Деяна, которые проверяли коридор, тамбур и соседний вагон и собственно туалет прежде, чем туда пройдёт кто-нибудь из них двоих.

По Ставицкому было абсолютно не понять, то ли он наслаждается своим положением важной персоны, то ли его это всё просто забавляет. На Влада он несколько раз бросал любопытные взгляды, и, судя по всему, хотел о чём-то спросить, но присутствие чужих ушей его всё время останавливало.

А что собственно он мог спросить? Только то, каким чёртом Влад вообще оказался замешан в этой истории и почему его так охраняют. Почему охраняют Ставицкого понятно — он тот, кто может запустить генератор, что бы он собой не представлял. А вот зачем пограничники тащат за собой через полстраны Влада — реально было бы интересно узнать даже ему самому.

Но тогда что же беспокоит Влада, если это не спонтанный поцелуй Ани и не удар прикладом, которым он огрел по голове пассажира? Хм...он попытался ещё раз уловить ускользающую мысль. И, пожалуй, Влад смог определить то чувство, которое не давало ему покоя, словно приставленное к затылку шило. Вроде, оно тебя и не касается, но ты точно знаешь, что оно там.

Всё было хорошо. Очень хорошо. И вот то, что всё было хорошо, Влада и беспокоило сейчас больше всего.

Наверное, один из законов Мерфи должен гласить что-то вроде: если очень долго всё идёт по плану, то вскоре всё будет гораздо хуже, чем могло бы быть, если бы до этого

случались мелкие неприятности.

Можно было, конечно списать отсутствие проблем на хорошую работу Павла, который подготовил их посадку на поезд, как-никак навыки оперативника у него были замечательные. Странно только, что он служил в пограничной службе, пускай она и относится к ФСБ. Хотя, кто его знает, чем они там занимаются. Послушать Алексея, так их Комитет осуществлял нелегальные операции на сопредельных территориях, причём такие, на которые накладывается гриф секретности сразу минимум лет на двадцать пять.

Однако, напряжение, которое хочешь-не хочешь, а подспудно нарастало, никуда пропадать не собиралось. Уж больно всё удачно складывалось.

Они доехали до вокзала вообще без проблем. Пару раз их тормознул патруль, но документы проверили мельком и никаких подозрений они не вызвали. Один солдат даже протянул в окно руку, чтобы потрепать по голове Агата.

Потом они спокойно прошли проверку на подходе к вокзалу. Вошли в него тоже без задержек. Внутри было шумно и многолюдно, как всегда, только и шума и людей было в разы больше, чем привык видеть Влад, когда ему приходилось бывать здесь по служебным делам.

Также без каких-либо препятствий они нашли свой вагон, и расселись по купе. Какой-то офицер что-то пытался выяснить у Алексея, но изучив предъявленные бумаги, кивнул головой и отпустил их. Наверняка его напрягло то, что охрана поезда каким-то чудом получила размещение в купе, а не в плацкарте, как все остальные.

Ну, не было свободного плацкарта, и такое бывает.

Так они и заняли выделенное им купе: Ставицкий, Влад, Аня, Агат (которого не хотели пускать в вагон, но которого называли служебной собакой, и проводница не смогла ничего возразить людям в форме и при оружии) и ещё один боец, которого отрядил к ним капитан.

Хотя за всё время Влад слышал только об одном единственном служебном корги в России, который вроде как искал наркотики в аэропорту.

Другие люди из их команды разместились в соседних купе, остальные, поддерживая легенду, время от времени, ходили по составу, выполняя функции охраны.

Помимо того, которого ссадили после вмешательства Влада, по пути пришлось приструнить ещё нескольких особо разошедшихся пассажиров, которые попытались отжать места у женщины с детьми. Но на этот раз достаточно было передёрнуть затвор на автомате, чтобы привести их в чувство.

— Что, солдат, не спится? — спросил Ставицкий у Влада, когда они всё-таки остались внезапно вдвоём. Какому-то пассажиру стало плохо, а единственным человеком с медицинским опытом по близости оказалась Аня, которой Алексей разрешил разобраться с проблемой, а Влад, так и не смокнув глаза, спустился на нижнюю полку и занял место за откидным столиком. Их личная охрана вышла в коридор и дымила табаком в приоткрытое окно, а пёс почти всегда неразлучно следовал за новой хозяйкой.

Учёный не вызывал доверия у Влада, или вернее сказать, абсолютно не располагал к себе. Он был из разряда тех людей, с которыми вообще не хочется поддерживать неформальные отношения, а формальные — свести к минимуму.

Ощущение первого негативного впечатления от их знакомства, когда они нашли Ставицкого вусмерть пьяного настолько, что он даже не смог бы попросить запасную печень, будь у него такая опция, так и не проходило.

Но Плетнёв утверждал, что только этот человек сможет запустить генератор, который

обратит эту реальность вспять и вернёт окружающий мир в его нормальное состояние.

Ну, не всем суждено быть идеальными людьми и нравится окружающим.

— Не могу уснуть, — нехотя подтвердил Влад.

— А что так? Сны плохие мучают?

Влад не ответил, но бросил на Ставицкого подозрительный взгляд. Сны, которые даже и не снами были, целыми видениями донимали его уже давно, не давая толком выспаться.

— Ты, значит, был в том же поезде, в каком очнулся наш капитан с товарищами?

— Да, — нехотя кивнул Влад, — было дело. Только для меня в той поездке не было ничего не обычного. Я просто возвращался с женой домой после выходных.

— Да это понятно! — понимающе закивал Ставицкий. — Ты же не участвовал в эксперименте и не проходил через камеру. Это наши brave солдаты по природной безбашенности — молодые, чё! — решили послужить Родине. А ведь предложение было исключительно на добровольной основе. Сейчас бы знать бы не знали, что существует ещё какой-то вариант реальности, кроме той, что окружает нас. А с тобой — другая история.

— Слушайте! — вдруг вспыхнул Влад. — Мы вроде с вами водку вместе не пили, чтобы на «ты» общаться!

На лице Ставицкого не дрогнула ни одна мышца.

— Так за чем же дело стало?! — подмигнул он и вытащил из внутреннего кармана объёмистую плоскую фляжку явно наполненную не газировкой.

Влад неожиданно для себя задумался.

— Давай по-быстрому, пока наша общая знакомая медсестра не пришла, а то отберёт и выбросит. Строгая она у вас. И сильная, хотя так и не скажешь.

Последние слова Ставицкий произнёс, будто вспоминая что-то, что задело его мужскую гордость.

В конце концов, почему бы и нет, подумал Влад. Может, Ставицкий вовсе не такой, каким кажется, да и глоток алкоголя поможет ему уснуть, а то в глаза будто песка насыпали.

Влад кивнул, соглашаясь, и учёный, отвинтив откидной колпачок, протянул сосуд Владу. В нос ударил аромат сивушных масел и самогона. Виски. И когда Ставицкий успел обзавестись фляжкой? Вроде всё время был под присмотром.

Сделав глоток, Влад зажмурился — чистый вискарь — вернул фляжку Ставицкому, который тоже сделал ощутимый глоток, а потом быстро убрал её за пазуху.

— Значит, ты занимался фундаментальными исследованиями в области пространства-времени? — спросил Влад. Ну, теперь можно было и на «ты».

— Угу, — подтвердил Ставицкий, отламывая кусок хлеба и протягивая Владу. — Про гравитационные волны слышал?

— Что-то было такое.

— Ага, вот и ими тоже. Ну и ещё думали, как практически воплотить наши теоретические выкладки. Штуки всякие конструировали.

— Типа новых ядерных реакторов?

— Типа того.

Влад прожевал кусок предложенного хлеба (так себе закуска для виски), спросил:

— Так что с нами, с миром, происходит?

По лицу Ставицкого было видно, что периодически он погружается в глубокие размышления, словно проводил одному ему понятные расчёты, словно его что-то его серьёзно волновало, но потом будто выныривал и вновь становился нагловатым

сумасшедшим учёным-алкоголиком. И, признаться, не в меру болтливым алкоголиком.

Интересно, он всегда был таким, или война его так изменила. Павел говорил, что он его нашёл уже в хлам ужратым и готовым повторить судьбу своего коллеги, за которым не досмотрел Алексей. Может такое быть, что при других обстоятельствах он был бы ценным членом общества и добрым семьянином, выступающим за здоровый образ жизни?

Наверное, мог бы. Если бы не обстоятельства. С другой стороны, как сказал один мудрый человек: слабые люди ищут оправдания в обстоятельствах, а сильные — обстоятельства меняют.

— Что такое точка бифуркации представляешь? — Спросил Ставицкий.

— Представляю. Проходили ещё в школе, на алгебре.

— Алгебра! — снисходительно фыркнул Ставицкий. — Ну так вот, мы сейчас находимся в своего рода такой точке. Только «точка» в нашем случае понятие довольно условное, характеризующее нестабильное состояние Вселенной в определённой — хотя это достоверно не установлено по объективным причинам — её области, которое может, в итоге, принять ту или иную форму, пойти, так сказать, по одному из возможных и до определённой степени равновероятных путей развития. Улавливаешь?

— Улавливаю. Только не понимаю: Вселенная меняется в какой-то отдельной её части или целиком? Просто представить, что кто-то имеет возможность изменить всю Вселенную, находясь на отшибе одной Галактики, очень сложно.

Ставицкий имел задумчивый вид. Потом бросил быстрый взгляд на закрытую дверь купе, быстро достал фляжку и ещё раз отхлебнул. Протянул её Владу, который отказываться не стал.

— Хм... я же говорю достоверно это определить пока нельзя, — наконец, произнёс он. — Дело в том, смотря что считать целым, а что частью И возможно ли такое вообще в принципе. Вот мы сейчас сделали по паре глотков хорошего виски (серьёзно, хорошего, врать не буду), и вроде как изменили конкретно своё состояние, добавив в свой организм немного этилового спирта. Так?

— Так.

— Но мы сами по себе являемся частью окружающей нас Вселенной, и изменив себя, мы...

— ... изменили всю Вселенную.

— Точно!

— А значит, по большому счёту, рассуждения об изменении всей Вселенной или только нашей Галактики, или всего лишь Солнечной системы, не так уж и важны.

— И да, и нет.

— Какой-то сплошной дуализм, — выпитое действительно несколько расслабило Владу, от чего он даже был готов порассуждать на философские темы. К тому же ему реально хотелось хоть как-то понять, что творится вокруг него.

— Представь себе, что воздействие волны, изменяющей структуру мироздания, ограничено в пространстве, и кто-то может наблюдать за происходящим извне.

— Ты про пришельцев?

— Пришельцами они становятся только тогда, — Ставицкий поднял указательный палец, — когда приходят к нам, на Землю. Но да, инопланетяне. Я о них говорю. Чисто теоретически. В общем, чужая цивилизация.

— Ну и? Допустим.

— Ну и гипотетически они могли бы наблюдать, как отдельный сектор Вселенной внезапно поменял свои характеристик. Вот он был таким, а вот он уже другой.

— Думаешь, ядерная война на какой-то Богом забытой планете такое уж заметное событие в масштабах Вселенной, чтобы его могла заметить внеземная цивилизация? Чисто теоретически, конечно.

Влад откинулся на мягкую спинку нижней полки.

— Галактика крутится, Планеты вокруг Солнца тоже, — продолжал он, — ни одна из них не сошла со своей орбиты. Ну, подумаешь, повысился радиационный фон на каком-то там камне. В масштабах Вселенной это всё равно, что разорить муравейник где-то на африканском континенте. Кто-то его разорил, а ты в России и знать не знал о его существовании и это событие никак на тебя не повлияло.

— Всё правильно. Но, как ты заметил — дуализм. Мы не знаем, как распространяются волны, испускаемые генератором, во Вселенной. Если кто-то там вонне заметил аномальные всплески, то я бы на их месте серьёзно призадумался: а если эта штука может изменить и их историю, подвергнуть перестройке и их часть Вселенной тоже, то, что тогда? А если их внезапно накроет осознание, что их мир, такой знакомый им с самого рождения, на самом деле не такой, каким кажется, а должен быть совсем другим?

— Ты это к чему вообще, про пришельцев? Думаешь, что это всё они натворили? Ты понимаешь, что сейчас реально похож на сумасшедшего учёного? Да и людей ты, по-моему, недооцениваешь. Мы вполне можем уничтожить себя сами, а предлог всегда найдётся.

Ставицкий скривился как от понюшки нашатыря.

— Да пришельцы это вообще чисто к слову было, просто, чтобы объяснить. Ты же сам спрашивал, как влияет генератор на окружающий мир: целиком на весь или только на его часть.

Учёный явно хотел сделать третий глоток, но в последний момент пересилил себя и не стал.

Влад посмотрел в узкую полоску закрытого шторой окна и задумчиво произнёс, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Вот ты есть, а вот тебя нет. Или ты есть, но не такой, как должен быть. Не такой каким мог бы быть в реальности. Кто-то всё решил за тебя, и не понятно для каких целей. По-моему, это всё равно что смерть.

— В этом плане концепция ислама, согласно которой смерть одного человека — смерть целого мира, вполне себя оправдывает, не думал?

— Христианство примерно о том же, разве что другими словами.

— Это верно, — согласился Ставицкий.

Влад подался вперёд и пристально посмотрел в глаза Ставицкому, от чего тот заёрзал на своём месте.

— Так это вы своими опытами запустили эту волну, изменив мир? Как-то так себе получилось, не находишь. Обычно люди хотят улучшить свою жизнь, сделать её легче, а не дышать через противогаз, опасаясь надыхаться радиоактивной пылью.

— Окстись! — замахал руками Ставицкий. — Всё, что мы сделали, это запихнули четверых служивых в камеру, заметь — добровольно, система при этом вообще в пассивном режиме находилась. Генератор спал, а остальные приборы должны были всего лишь улавливать колебания.

— Значит, Плетнёв прав, где-то есть ещё один такой генератор, и кто-то решил его

запустить, но что-то пошло не так?

— Получается, что так, — задумался Ставицкий. — Точно не мы. Чисто гоняли в тестовом режиме, но чтобы запустить его на полную мощность...нет, не мы. Мы как-то побаивались что ли.

— А идеи, кто это может быть есть?

Учёный пожал плечами.

— Американцы? Японцы... Кто ещё у нас обладает соответствующим уровнем технологий и знаний?

— Кому-то захотелось поиграть в Бога, — решил Влад. — Посмотреть, что получится, если чуть-чуть подправить мир вокруг. Или всё-таки этот кто-то преследовал какие-то конкретные цели. И либо не получил не тот результат, на который рассчитывал, либо...

Влад посмотрел Ставицкому в глаза.

— ...либо достиг того результата, которого хотел, — завершил свои размышления вслух Влад.

Ставицкий молчал. Было понятно, что он давно пришёл к таким же логическим умозаключениям.

Действительно, что если те, кто запустил процесс пересборки их мира как раз и хотели достичь такого результата, который они сейчас имеют несчастье наблюдать в окно: ядерная война, разрушения, смерти, всеобщий хаос.

Но тогда оставался ещё один, главный, вопрос без ответа: какую цель они преследовали? Понять цель, выгоду неизвестных было не менее важным, чем просто повернуть всё вспять. Ведь, если сейчас у них ничего не получится, а нас всё выйдет, то, что помешает им снова воспользоваться генератором, чтобы попытаться всё-таки достичь своей цели, какой бы она не была.

— А генератор этот вы сами изобрели? — поинтересовался Влад, поглаживая в окно.

— Хм... — вопрос застал Ставицкого врасплох. — Всё в этом мире относительно.

«Понятно» — подумал Влад, но спрашивать дальше не стал, так как дверь в купе с шумом отъехала в сторону и внутрь вошла Аня.

Она постояла в дверях, кажется, принюхиваясь, бросила на соседей по купе строгий взгляд, полный разочарования, покачала головой, но предъявлять ничего не стала, а просто устало села на свободное место рядом со Ставицким напротив Влада.

За ней вбежал, смешно ковыляя, пёс.

— Что-то интересное обсуждали? — спросила она невзначай.

— Да нет, ничего такого, — быстро отреагировал Ставицкий, который относился к Ане почему-то с опаской, несмотря на то, что та его быстро привела в чувство, когда тот был в глубоком запое, грозящим перерасти в самую настоящую алкогольную кому.

— А у тебя как дела? — решил разорвать образовавшуюся между ними неловкость Влад. Аня неопределённо пожалала плечами.

— Тоже ничего такого. Всё, что обычно сопутствует беженцам в дороге: абсцессы, нарывы, расстройство желудка, травмы и один случай диабетической комы, вызванной отсутствием инсулина. Спокойно доехать до места, судя по всему, не получится, Алексей с ребятами ещё троих заковали в наручники, будут ссаживать на ближайшей станции. Агат вот детишек развлекал, очень умный пёс, надо сказать. Да, агат?

Пёс вывалил язык и растянул пасть в улыбке, пока Аня чесала его за ухом.

— Понятно, — произнёс Влад. — Насыщенно провела время. А с инсулиновой комой

что? Всё?

— Да нет, был у меня запас в несколько ампул. На какое-то время хватит, хотя им, конечно, надо будет где-то их раздобыть. Я сказала начальнику поезда передать сообщение на ближайшую станцию, чтобы подготовили партию инсулина для пассажиров, но не уверена, что его смогут найти, с лекарствами сейчас непросто.

***

Спустя пару часов, они действительно прибыли на крупную станцию, полную народа. Перроны гудели людьми, которые хотели уехать подальше от западной границы. Некоторые хотели попасть в Екатеринбург, ошибочно полагая, что он также защищён, как и Москва.

О, если бы они знали правду. Противоракетная оборона была истощена и каждая следующая ракета могла стать той соломинкой, которая переломит хребет верблюду.

Да, затаившиеся «Посейдоны» и система «Периметр» сделают своё дело в автоматическом режиме, и США с их союзником не удастся избежать ответного возмездия, но людям от этого легче не будет. Разве что глубокое моральное удовлетворение от осознания того, что враг превратится, как там говорил один телеведущий, в ядерный пепел.

Как и ожидалось, капитан Росгвардии Еремеев, он же капитан погранслужбы ФСБ Плетнёв, передали полиции дебоширов, несмотря на сопливые и в то же время агрессивные вопли, сопровождавших их жён и матерей. Скажите спасибо, что вообще не пристрелили и не выбросили из поезда на ходу.

Оформив необходимые бумаги, люди Деяна вернулась в состав. Аня тоже на время стоянки покидала поезд, отправлялась на поиски медикаментов, чтобы пополнить личные запасы, а заодно выгулять Агата, которые всё больше и больше привязывался к ней.

Всё это время Ставицкого и Влада охраняли четыре бойца: два в купе, два в коридоре. Ребята были не разговорчивые, так что скоротать время за разговором не получилось. Им сказано беречь объекты во что бы то ни стало — они берегли, болтать при этом вовсе не обязательно.

Ставицкий положением важной персоны явно наслаждался и даже несколько раз просил (почти требовал), чтобы ему принесли чая, и ему приносили. Влада же подобное внимание к себе наоборот сковывало и заставляло чувствовать себя неудобно.

Поэтому, когда в купе вошла Аня, а бойцы вышли, Влад испытал настоящее облегчение, тем более, что отправка поезда явно затягивалась, и гнетущая обстановка в купе на него начинала давить. Он как бы и сам любил побыть одному и чтобы его не донимали разговорами, но в данной ситуации даже болтливый Ставицкий казался лучшим вариантом для того, чтобы убить время.

Вбежавший следом Агат наполнил помещение запахом мокрой псины, из-за чего Ставицкий стал показушно морщить нос, но озвучить свои претензии так и не решился.

— Где Алексей с Павлом? — поинтересовался Влад у Ани, когда та села на полку и стала перебирать и сортировать раздобытые припасы.

— С начальником поезда о чём-то говорят. До этого бумаги оформляли, чтобы сдать транспортникам дебоширов, — ответила она, разглядывая на свет ампулу с желтоватой жидкостью.

— Скоро поедем?

Аня посмотрела на часы.

— Да уже скоро. Цепляют новые вагоны и локомотив.

Через некоторое время в купе действительно заглянули пограничники, убедились, что с

«ценным грузом» ничего страшного не произошло, все головы на месте, и отправились отдавать дальнейшие указания.

Вскоре вагон качнулся, обозначая начало движения. На раскладном столике у окна звякнула ложка в стеклянном стакане, и Влад машинально потянул руку, чтобы поправить стакан в литом подстаканнике.

Взгляд скользнул по тонкой полоске свободного от шторы окна. Холодок пробежал по спине.

На перроне в толпе беженцев и солдат, следивших за порядком, стояла Джессика и смотрела на вагоны отъезжающего поезда.

Влад побледнел. Он моргнул, а когда попытался осторожно отодвинуть пальцем штору, наваждение растворилось. Людская волна словно смыла видение.

Реакция Влада не осталась незамеченной для Ани.

— Что случилось? Ты будто привидение увидел, — спросила она.

Влад невольно сглотнул.

— Типа того. Показалось, наверное.

— Точно?

— Да, — твёрдо ответил он, — Другого просто не может быть. Эмоциональное перенапряжение.

На последних словах щёки Ани зарделись легким румянцем.

Если бы Влад не был женат, то он бы... на этой мысли он осёкся.

Влад откинулся на спинку полки и обвёл взглядом присутствующих. Ставицкий, понятное дело, не в курсе событий, лишь поднял брови в немом вопросе. Аня тоже появилась в жизни Влада уже гораздо позже событий на лесной дороге.

Не может быть? Точно, не может быть! Он сам видел, как она умерла, причём у него на глазах, собственно, от его же руки. Это он тогда нажал на спусковой крючок.

Вот так вот тебя и преследуют призраки прошлого. Правильно ты поступил, что выстрелил? Или нет? А если бы не стал стрелять и ты с напарником оказался в положении загоняемых волков? Шансы уйти от группы хорошо вооружённых и свежих людей стремились бы к нулю.

Ищешь себе оправдание? Да, ищу. Все люди ищут оправдание своим поступкам. Особенно, когда совершают что-то, что не очень соответствует их внутренним установкам.

Холодный расчёт говорит, что ты сделал всё правильно. Тем более, что это спасло вам жизни. К тому же ты получил моральное удовлетворение от смерти человека, который руководил убийцами твоей жены. Но какая-то п@скудная кошка где-то в закоулках подсознания продолжала скрести когтями: если бы он тогда не уснул...

Поезд тем временем продолжал набирать скорость, вокруг мелькали лишь деревья, да столбы с натянутыми между ними проводами.

В купе, запыхавшись, ввалился Павел, и начал шарить по столику и в рюкзаках.

— Жрать хочу — смерть! Есть чего пожевать? И чаёчку бы, чаёчку, или чего покрепче! А, есть что?

Ответа на последний вопрос Павел не получил, а Ставицкий отвёл скромно взгляд в сторону.

Налив себе из термоса горячий чай, он намазал сгущёнкой кусок обычного чёрного хлеба и стал и, усевшись рядом с Владом, всё это с аппетитом поглощать.

— Не, не получилось у нас спокойно проехать, чтобы не отсвечивать, — сетовал. —

Люди как с цепи сорвались, то один буяннить начинает, то другой, бабы ещё истерят. Дети кругом вопят. С другой стороны, вычислить нас — это надо постараться.

На слове «бабы» Аня наградила Павла взглядом, полным деланого презрения, а Влад подумал, что ехать на автомобилях всё-таки было не самым плохим предложением. Но, тут уж не угадаешь.

— Ну, а чего вы хотели, — встрял Ставицкий. — Тяжёлые времена, все на взводе, все на нервах. Скажешь неосторожное слово и всё, пошла-поехала!

— Да пофиг! — бросил Павел, проглотив кусок. — Устал.

— Полка свободна — залезай и спи, — предложил Влад.

Павел посмотрел на часы.

— Да, вроде есть пара часиков, можно и соснуть. Чего это он? — Он взглядом указал на Агата.

Собака вела себя беспокойно. Пёс сначала наострил уши, прислушиваясь, а потом стал нервно крутиться на месте, пытаясь забраться под кресло, при этом старался короткими лапами закрыть большие уши.

Ничего хорошего поведение собаки не предвещало, а в голове вертелось только одно слово — «началось».

— Не понимаю, — озадаченно произнесла Аня. — Впервые вижу его таким.

— Вы же врач, должны разбираться, — заметил Ставицкий, после чего Аня одарила его таким взглядом, что тот предпочёл уставиться в завешенное шторой окно.

Аня наклонилась, чтобы погладить пса.

— Аня, — произнёс Влад, глядя на повисшее на цепочке украшение, — твой медальон.

Глава 31. Вторая волна

***

Смартфон просигнализировал в 12.24 по местному времени. Канал открытый, сообщение пришло по обычному WhatsApp, и на первый взгляд, не содержало ничего подозрительного, обычная переписка в семейном чате.

Не знающий человек даже, если заглянет случайно через плечо и увидит текст, не подумает ничего плохого. Что может быть подозрительного в общении в WhatsApp между членами одной семьи или друзьями? Ровным счётом ничего.

Однако, вчерашняя американская студентка, решившая себе устроить туристическую поездку по окончании обучения, поняла истинный смысл сообщения. Старые добрые кодовые фразы были куда как лучше самого хорошего шифрования. Шифр можно взломать. А вот, чтобы понять кодовую фразу — её надо знать.

В текущей поездке ей очень помогало знание русского языка. Не то, чтобы она говорила без акцента, но в целом могла довольно легко общаться, и это было преимуществом.

Да, сейчас американцев в России, особенно после крымских событий, не особенно жаловали, но кто может иметь что-то против наивной студентки, влюблённой в русскую литературу и искусство и решившей попрактиковаться в знании языка. В своём роде это было идеальное прикрытие, работавшее от обратного: не будут же американцы настолько глупы, чтобы присылать на задание гражданку США.

Нужно было срочно бежать на вокзал. Собирать вещи было некогда. Совсем некогда. Чемодан придётся бросить, а вот в небольшой рюкзак весёлой расцветки полетело всё самое необходимое. Нужно было срочно успеть на поезд «Псков — Петрозаводск» и ждать новых распоряжений.

***

Сейчас даже он слышал писк на грани ультразвука, который становился то громче, то тише, когда медальон на шее Ани раскачивался. Не надо было быть пяти пядей во лбу, чтобы связать одно с другим.

Она положила ладонь на грудь и зажала медальон в кулаке. Впервые за всё время их знакомства Влад видел Аню такой растерянной. Девушка, которая готова была терпеть грязь и кровь, не боялась открытых ран и всего, что связано с войной, внезапно превратилась просто в девушку. Обычную, растерянную молодую женщину.

Ставицкий уставился на Анну выпученными глазами. Его взгляд бегал с лица Ани на зажатый в кулаке медальон, с медальона на лицо и потом снова обратно. Казалось, он хотел сказать так много и сразу, что слова, столпившись, просто застряли у него в глотке, не в силах вырваться наружу.

— А... а..., - только и смог выдать его речевой аппарат.

— Я думала, что всё в прошлом, — вдруг сказала Аня. — Простите.

— Аня! — выкрикнул Влад. — О чём ты, чёрт возьми, говоришь?!

В дверях показался возбуждённый капитан Плетнёв, которого по радиации успел вызвать Павел.

Он остановился в дверях с автоматом в руках, бросил взгляд на Аню, будто что-то поняв или вспомнив, раздосадовано сплюнул.

Ещё одна тайна! Ещё один чёртов секрет, с которым столкнулся Влад! Все только и делают, что умалчивают и недоговаривают!

Тем временем пёс стал совсем неадекватным и, жалобно скуля, забился под нижнюю полку.

— Стреляют, — просто сказал Влад.

— Что? — не понял Алексей.

— Стреляют, говорю! — выкрикнул Влад. — В поезде стреляют!

Они прислушались и действительно услышали приглушённые и смешанные со стуком колёсных пар автоматные очереди и крики перепуганных людей. Звуки доносились сквозь открытое окно, в которое ещё совсем недавно выпускали клубы табачного дыма псевдоросгвардейцы.

И тут же по коридору, спотыкаясь и ударяясь о стены, пробежали первые спасающиеся от опасности пассажиры. В соседних вагонах нарастала паника.

— Поспал, мля, — раздосадовано покачал головой Павел.

— Ахмед! Ваня! Саша! Охраняйте их, чего бы это ни стоило! Остальные — за мной Паша, ты с ними! — отдал приказ Алексей, а сам с оставшимися людьми, расталкивая напирających пассажиров, побежал на звуки стрельбы, которые становились всё отчётливее, по узкому коридору вагона по направлению к концу состава.

Один из охранников остался в купе, двое других отправились к тамбурам по оба конца вагона, пробиваясь через увеличивающийся людской поток.

Павел тем временем возился с рацией, и, судя по его тихим матюгам, с ней было далеко не всё в порядке.

— Сук@, сук@, сук@! Только что ведь работала! — шипел старлей, продолжая нажимать кнопки. — Саша, у тебя как?

Оставшийся в купе боец их группы проверил свою рацию. Доложил:

— Молчит. На всех частотах.

Павел тяжело вздохнул и оглядел присутствующих.

— Ну, что, господа, готовимся к бою. Проверить оружие и боекомплект!

По коридору тем временем пробивались пассажиры, ищущие спасения в головных вагонах. Вот прошли несколько бойцов, но не из группы, с которой на поезд сел Влад. Это были другие росгвардейцы, откомандированные для охраны состава. Один помогал идти товарищу, с обвисшей рукой и почти не работающей ногой. Третий тоже был ранен, правая рука у него превратилась буквально в месиво.

Вскочив со своего места, Аня скомандовала:

— В соседнее купе! Быстро! Надо остановить кровь! — и скрылась в коридоре, прихватив свой рюкзак с медикаментами и инструментами.

Сержант, который помогал идти раненому в ногу бойцу, оставив его на попечение Ани, рванул обратно, но его перехватил Павел.

— Что там, боец?! — выкрикнул он.

Запыхавшийся росгвардеец с измазанным кровью лицом, остановился.

— Вертолёты, две шгуки. Высадили десант. Минимум одну группу, — отрывисто говорил он. — Связь пропала. Пробиваются с боем. В голову состава. Сюда.

— Кто?! Как выглядят?!

— Не известно. Экипировка не наша. Все в противогазах. С тактическими щитами Ваши пока их сдерживают, — с этими словами сержант Росгвардии перехватил удобнее

автомат и побежал туда, где шёл бой.

— Ты куда?! — старлей схватил за плечо Влада, когда тот попытался выйти из купе.

— Сержант сказал, что только один вертолёт смог высадить десант, хочу посмотреть, где второй.

— Рискованно!

— Сам посуди, либо мы все вступаем в бой и пытаемся уменьшить угрозу, либо теряем даже этот шанс!

— Тьфу! Чёрт с тобой! Только осторожно!

Влад схватил свою СВД и встал сбоку от окна. Павел тоже подкрался к окну и стал всматриваться в небо. Тот, кого назвали Саша, наконец, поднял штору, которая всё это время закрывала окно в купе, и тоже стал высматривать вертолёт.

— Сейчас должен появиться с вашей стороны! — сообщил он.

Влад положил дуло на открытую форточку и посмотрел в оптический прицел. Действительно, рассекая с характерным звуком воздух, с их стороны на удалении пяти-шести вагонов над поездом появился Ми-8.

Сдвижные двери были открыты, и в проёмах чётко просматривались чёрные человеческие фигуры, готовые вот-вот начать спуск на крышу. Но стрелять было неудобно, не под этим углом.

— Паша, — спросил Влад, — что там у нас впереди, поворот будет?

Старший лейтенант посмотрел в окно.

— Да, на право!

— Это хорошо. Нам надо попытаться их остановить.

Железнодорожное полотно действительно изменило направление, поезд превратился в одну большую дугу, и зависший над поездом вертолёт оказался в наиболее удобной позиции для стрельбы. Но и десантирование уже началось. Один диверсант уже успел спуститься по верёвке, и подходили к проделанному в крыше отверстию, а второй уже висел на стропях.

Силуэт в перекрестии. Выдох. Выстрел.

Фигура в чёрном дёрнулась, будто её кто-то с силой ударил по правому плечу, но сделав несколько шагов, всё равно скрылась внутри вагона.

Чёрт!

Очередная фигура замерла в прицельной сетке. Диверсант готовился спуститься на крышу поезда и завис в воздухе, только ногами цепляясь за край фюзеляжа.

Выдох. Выстрел.

Человек схватился за горло и безвольно повис на стропях. Другие его отцепляют, и труп тяжёлым мешком падает вниз, скрывшись между вагонами, чтобы быть перемолотым колёсами.

Что-то застучало по вагону снаружи, разнесло стекло и обожгло голову.

— Ложись! — Павел бросился на Влада, повалив его на пол, в то время как над ними в обшивку врезались пули. Стреляли с вертолёта.

Ошибка. Влад допустил ошибку. Надо всегда менять позицию. Даже после удачного выстрела.

Бойцы, оставшиеся с Владом и Павлом, открыли огонь из автоматов для прикрытия, но сильного эффекта он не дал. Встав и пригнувшись, Влад заметил в разбитом окне, как на крышу спустился ещё один диверсант, но потом вертолёт вынужден был подняться из-за виадука, под которым проносился поезд.

«Меняй позицию, меняй позицию» — билось в висках. Влад рванул вперёд, в следующий вагон. Отстреливать боевиков по одному, конечно, здорово, но в данном случае контрпродуктивно.

Он подозвал к себе бойца, которого звали Ахмед и за спиной у которого был «винторез».

— Убойная штука? — поинтересовался он.

— Типа того, — улыбнулся Ахмед.

— Попытаемся расстрелять кабину пилотов, — предложил Влад.

По суровому лицу Ахмеда было видно, что идея ему нравится, но он в неё не быстро верит. Но что им оставалось. Павел с остальными бойцами продолжали обстреливать летящую машину из автоматов.

Вскрыв, двери в тамбуре, Ахмед и Влад приготовились стрелять, ветер с силой ударил по ним, Влад чуть не потерял равновесие, потеряв драгоценные секунды, но в этот миг от одного из вагонов позади, там, где шёл основной бой, вверх по направлению к вертолёту устремилась белая полоса, а спустя секунду раздался взрыв.

Влад совсем забыл про ещё одну «муху», что Алексей изъял в тайнике Гареева.

Вертолёт сразу накренился, из него выпала пара человеческих тел, а потом, резанув с размаху винтами по вагону, от чего тот покачнулся, выбив сноп искр из-под колёс, весь в дыму с размаху рухнул на землю, разметая вокруг себя щебень и землю, крутящимся винтом, который тут же разлетелся осколками в разные стороны.

Одной проблемой меньше. Надо решать оставшиеся.

Словно услышав мысли Влада, по коридору стала в панике протискиваться очередная группа пассажиров. За ними появились отстреливающиеся росгвардейцы, среди которых Влад заметил Алексея, Деяна и ещё несколько человек из их группы.

Часть бойцов заняла позиции у тамбура, Алексей подбежал к Владу и Павлу.

— Твою мать! Сказано же не вылезать! — закричал он, но требовать от Влада, чтобы тот затихарился в купе как Ставицкий не стал. — Где Аня?

— Перевязывает раненых, — ответил Павел. — Что там происходит? Кто такие?

— Хрен их разберёт, но вооружены по последнему слову, и бронники у них что ли новые, плюс тактический щит. Передай Ане, чтобы уводила раненых дальше в начало поезда, попытаемся задержать их до прибытия на станцию, а там, надеюсь, к нам придёт подмога.

— Связи нет, командир, — напомнил Павел.

— Значит, будем надеяться, что догадаются, что помощь нам пиз@@@ц как нужна!

Аня, тем временем, сопровождала раненых солдат, которые не могли держать оружие, и пассажиров дальше, в сторону головного вагона. Схватив Ставицкого за воротник куртки, Алексей вытащил его из купе и отправил по тому же направлению.

— Уходите вперёд! Чем дальше, тем лучше!

Со стороны хвоста гроыхнуло, и раздалась автоматные очереди. Враг приближался даже быстрее, чем ожидалось.

— Твари! Значит, прошли наших!

Стекло двери, ведущей в тамбур, там. Где был бойлер и купе проводника, разлетелось на куски от летящих пуль. Бойцы, открыли ответный огонь, по врагу, который был совсем близко, но которого отсюда ещё не было видно.

Брошенный кем-то округлый предмет от ricochetил о стену, и упал на пол коридора. Доля секунды и по барабанным перепонкам ударила плотная волна воздуха, а коридор

посекли осколки взорвавшейся гранаты. Стрельба с нашей стороны стала прерывистой и несколько беспорядочной.

— Отходим! — скомандовал Алексей и тут в конце коридора Влад увидел тех, кто десантировался на поезд.

Они действительно шли

Если бы не бойцы, которые задерживали продвижение диверсантов, стреляя из купе, Владу и другим было бы сложно уйти, находясь в узком помещении и под постоянным обстрелом.

— Давай-давай! — толкал Влада вперёд капитан.

Когда они добежали до тамбура, Влад обернулся и заметил, как прикрываясь тактическим щитом, неизвестные командос продвигались вперёд. Сколько их было точно, он не разглядел, человек десять, меньше навряд ли смогли устроить такой штурм несущегося по заснеженным просторам поезда.

Внезапно из купе, которое они уже прошли, снизу вверх ударила автоматная очередь. Боевик, тот, что был со щитом, рухнул вперёд, следовавший споткнулся о тело, и продвижение остановилось. Но ровно до тех пор, пока те, кто следовал за ним, бросили очередную гранату в купе, убив очередного бойца.

А вот теперь Влад остолбенел.

Благодаря тому, что щитовик был убит, остальные командос открылись и за фигурами боевиков промелькнули знакомые до боли кудри. А потом и лицо.

Джессика!

В бронежилете, каске, тактических очках и МП-5 в руках. Она находилась за спинами диверсантов, в самом конце, и, пригибаясь, шла остальными.

Ошибка? Да нет же, это она! Да, чёрт возьми! Это она! Но как такое может быть!

— Ты чего замер?! — крикнул Алексей, рывком за шиворот убирая Влада с линии огня.

Если бы не заминка, вызванная падением щитовика, Влада бы наверняка уже убили.

От рывка Влад споткнулся о тело убитого солдата и свалился на пол в тамбуре, а там где он только что стоял, в дверь ударила автоматная очередь, выбивая искры из металла и кроша стекло, осколки которого тут же усеяли пол.

— Джессика! — прохрипел Влад. — Там, с боевиками!

Он показал пальцем в направлении коридора, который сейчас простреливался по очереди, то диверсантами, то людьми Деяна. Бойцы постоянно беспокоили командос огнём и не давали им поднять щит, но долго так продолжаться не могло.

— Что?! Ты уверен?! — Казалось, пограничник был не столько удивлён, сколько озадачен, как будто произошло что-то из разряда крайне мало вероятного, но всё-таки возможного. — Твою мать! Вот ведь!

Мысль, что надо было сказать сразу, когда Влад заметил Джессику на перроне, даже если это ему показалось, вспыхнула и погасла метеором в его голове, так как теперь это уже не имело никакого тактического значения.

Деян, тем временем, пользуясь огневым прикрытием, зашвырнул две гранаты в коридор. Громко бумкнуло. Тут же второй раз.

В шуме боя прорезались знакомые хрипучие звуки попеременно с треском. Влад взял в руки ожившую рацию.

Выпустивший длинную очередь Алексей тут же обратил на это внимание.

— Походу мы грохнули их глушилку! Срочно свяжитесь с начальником поезда! —

последние слова были обращены к Павлу.

Стрельба. Взрыв гранат. Русский мат и молчание неизвестных командос. Лица, скрытые противогазами. Стены коридора, измазанные кровью и посечённые осколками и пулями.

Не сумев оперативно вытащить щит из-под тела, неизвестные командос решили рискнуть всем и пойти напролом, будто их что-то подгоняло. Броники у них действительно были хорошие, нечего сказать.

— Влад! — кричал Алексей. — Уходи! Ставицкий знает маршрут! Уходи дальше, чтоб тебя! Паша!

Павел схватил Влада за воротник бронежилета и рывком поднял, увлекая в следующий вагон. При этом в области спины Влад ощутил два коротких, но очень сильных удара.

Всё происходит как во сне, как в долб@нном сне! Ты словно видишь всё происходящее со стороны.

В тамбур врывается командос, готовый выпустить во Влада роковую очередь, но его перехватывает Алексей. Его нож находит свободное пространство между каской и бронежилетом и разрезает артерию.

Капитан использует тело ещё не осевшего боевика как тактический щит, который принимает на себя очередь от своих же. Павел бросается обратно, чтобы прикрыть Алексея.

Шипит рация, незнакомый голос разорванными фразами что-то пытается сообщить.

— Кто там?! — прокричал Алексей.

— Начальник поезда! — отозвался Павел, рядом чертыхается Деян, меняя магазин.

— И? — капитан высунул одни руки с автоматом в коридор и произвёл длинную очередь в сторону врага.

— Екатеринбург не отвечает! — наконец послышались слова Павла. — Начальник поезда говорит, что Екатеринбург не отвечает. Поступило сообщение по спецсвязи!

— Твою мать! Что ещё?!

— Тверь молчит! И Москва тоже! Все города по маршруту молчат! — кричал Павел. — Это Вторая Волна, капитан!

Очередные гранаты полетели в коридор. Взрывы.

Капитан и остальные отходят, дальше в вагон. Влад в сопровождении знакомого Ахмеда идёт впереди. Два бойца остаются в тамбуре прикрывать отход.

— Смотрите! — Влад указал рукой в окно.

Инверсионный след. Второй. Третий. Все понимали, что они означают, без слов. Стрельба не прекращается, хотя командос тоже увидели летящие ракеты.

— Приготовиться к удару! Судя по всему, взорвутся не рядом с нами, так что не есть шанс, что не сгорим! Но, сук@, всё равно близко! — прокричал Алексей.

Мир вокруг озарила яркая вспышка, свет сочился из всех щелей, которые только мог найти в вагоне поезда. Тут же вторая. Колёсные пары зверски закричали по рельсам. Они заскочили в купе.

Влад посмотрел сначала на Алексея, потом на Аню — все замерли в ожидании, капитан шевелил губами, ведя отсчёт секундам.

— Держись! — закричал он, и все ухватились за всё, за что только было можно держаться в вагоне.

За мгновение до удара мир погрузился в неестественную тишину, или это только так казалось, а потом... потом уже катящийся самоходом по рельсам состав сорвало с места

ударом невидимого разъярённого великана и они полетели куда-то прочь, увлекаемые неистовым потоком воздуха.

А потом — обратно.

Потолок, пол, верх, низ, право, лево — всё потеряло смысл. Удар в бок, удар по голове, колено ощутимо хрустнуло, кисти рук потеряли хватку и Влад стал болтаться как тряпка в пустом барабане стиральной машины. Проще уже расслабиться и отдаться на волю судьбы.

Крики людей прорывались всплесками сквозь какофонию гнущегося и скрежещущего железа. Какой адский оркестр, однако. И кто у него режиссёр? Сам Дарующий Свет? А где его создатель? Почему он допустил всё это?

Удар. Что-то хрустнуло в груди (неужели только-только зажившие рёбра?) и сверху тут же что-то навалилось, не давая вдохнуть.

Тишина. Снова тишина, которая мгновения спустя начинает наполняться звуками катастрофы: мольбы, стоны, треск горящих материалов. Запахи, от которых тянуло рвать. Или это от сотрясения мозга?

Интересно, темно от того, что он умер, или ему просто вышибло глаза, а он ещё этого не осознал? Тогда стоит приготовиться к болевому шоку, который настигнет тебя со всей беспощадностью, с какой только может.

Нет, не умер. Мертвый не чувствует языком сломанные зубы и не жалеет о них. У мертвого не скрипит на зубах песок. Или это раскрошившиеся зубы и есть?

Значит ещё ничего не закончено. Странное чувство. С одной стороны, ты радуешься, что выжил во время ядерного удара, уже второй раз в своей жизни; с другой стороны, ты сожалеешь, что это ещё не конец. Надо будет вставать и куда-то идти.

Идти... да. Если будет на чём идти. Пальцы ног упёрлись в берцы. Неужели он даже их не сломал? Допустим.

Но если темнота не вызвана смертью, а в дали не маячит свет Царствия небесного, то....

Что-то тёплое с металлическим привкусом заливает глаза. Капает откуда-то сверху.

Надо протереть глаза, заодно поймёшь, все ли руки на месте. На месте. Руки на месте. Теперь глаза.

Ладонь скользит по лицу, потом там же проходит шершавый рукав форменной куртки. Ну, с Богом! Да будет Свет! Да, он видит, и ни один из его двух глаз не валяется где-то поблизости в грязи. Вот только всё двоится и плывёт. И сверху капает.

Подняв глаза, Влад увидел, что над ним, нанизанный на металлическую трубу, нависает один из тех, кто его охранял. Невидящий взгляд смотрел куда-то мимо Влада, в пустоту, которая уже приняла его.

Протянув руку, он закрыл глаза бойцу.

— Спасибо за службу, — голос как будто принадлежал не ему, а абсолютно незнакомому человеку. Уши словно забиты ватой, и в голове играет классическая музыка. Ну, точно контузия.

И ты снова закрываешь глаза.

— Влад! Влад! Ты меня слышишь?

Что за голос? Знакомый. Очень знакомый. Как будто из другой жизни.

Влад повернул голову, вновь с трудом разлепив веки, над ним склонилась Аня. Вся в пыли, в разорванной куртке, на окровавленном лбу прилипла прядь волос, ссадины на щеке.

— Живой! — радостно воскликнула она. — Живой! Как же я боялась! Сейчас-сейчас, будет легче.

Достав из рюкзака шприц и выпустив из него воздух, она без лишних слов вколола ему в шею препарат. И боль сразу ушла на второй план, потом на третий и казалась уже чем-то далёким, но полностью исчезать за горизонтом не хотела, словно говорила: «Эй, я ещё вернусь! Вот увидишь!».

***

Одни стояли, шатаясь, другие сидели посреди леса, раскуроченного упавшими с неба такими же вывернутыми наизнанку вагонами. Горячий ветер сменял холодный, и наоборот. С неба сыпался пепел, а на горизонте росли как на богатой грибнице сразу несколько соответствующей формы облаков.

Выжившие люди выползали из вагонов в поиске помощи, которой не было. Насколько бы гениальным врачом не была Аня, она не могла спасти всех, да и не чем было. Ничто не берётся из ниоткуда.

Прислонившись спиной к железному колесу, Влад сидел и смотрел, как Аня пытается сделать хоть что-то. Рядом с ней дрожал пёс, у которого не было одного уха. Вот ведь, а ещё говорят, что это у кошек девять жизней!

Появился Павел, который ходил искать Ставицкого, и которому помогал сейчас идти. Тот хромал и очень сильно.

Вот хромает из леса Алексей, он собирал уцелевшее оружие. Рядом пытаются курить выжившие бойцы из группы Деяна, и ещё незнакомые росгвардейцы. Самого Деяна нигде нет. Как и тех, кого Алексей отрядил охранять Влада в последние часы. Ахмед и Саша, вроде их звали.

«Пить! Пить!» — кто-то хочет сильно пить. Но воды нет. Её надо искать.

Влад слышит своё дыхание.

Внезапно воздух разрывают далёкие выстрелы. В это трудно поверить, но здесь кто-то ещё может и хочет стрелять. Не надо много попыток догадаться, кто и по кому стреляет. Тем более, что росгвардейцы поднимают уцелевшие пистолеты и автоматы и занимают позиции среди разорванных как фольга вагонов.

Опять стрельба. Несколько пуль просвистели над головой.

Пригибаясь и прихрамывая, подбегает Алексей. Рядом к этому времени уже находятся Ставицкий и Павел.

— Живучие гады, стоит признать, — качает Алексей головой.

— И упёртые, — добавляет Павел.

Влад берёт автомат, передёргивает затвор и старается подняться. Становится понятно, что это ещё не конец истории. Опять не конец.

Снова выстрелы, уже ближе.

— Уходите! — закричала Аня, отрываясь от очередной перевязки. — Уходите! Мы их задержим!

— А как же ты?! — спросил капитан. — Неужели всё зря?!

— У меня будет ещё целая жизнь, Алекс. Целая жизнь, — грустно улыбнулась она.

А потом она подбежала к Владу и притянув его к себе поцеловала в губы.

— У тебя всё получится, — сказала она, отстраняясь, и Влад понял, что у него действительно всё получится. Что иначе и быть не может. Он дойдёт, куда надо и сделает всё от него зависящее, чтобы вернуть этот свихнувшийся мир в нормальное состояние, в то, которое он знал до этой безумной войны.

— Уходите! Мы их задержим, — произносит человек из группы Деяна, имени которого

Влад даже не знал. Кусок металла торчал у него в боку, но он на удивление ловко перезарядил автомат одной рукой, поставив его прикладом на землю.

— Уходите! — снова повторила Аня.

Выжившие бойцы готовились принять последний бой в их жизни. Всё ради того, чтобы не просто остановить войну, а сделать так, будто бы её и не было. Ради спасения миллионов жизней. Пусть даже они и не знали об этом.

— Нам придётся идти через заражённую территорию, Влад, — не то предупредил, не то констатировал Алексей. — Снаряжения нет.

— Ну, значит, придётся, — пожимая плечами, согласился Влад. От этого движения у него всё прокололо внутри.

— Пошли уже, — Ставицкий опираясь на импровизированный костыль из обломка вагона, заковылял прочь.

За спинами удаляющейся четвёрки послышался лязг затворов и отдельные выстрелы. Потом короткие и длинные очереди. Взрывы.

Глава 32. Не тот поворот

Поиграем в Бога? Изменим реальность? Если верить Ставицкому, то это, вполне себе, возможно сделать по щелчку пальцев. Ну, ладно, не по щелчку, а запустив особую силовую установку, генератор, который может пересобирать пространство-время в определённом секторе в зависимости от силы воздействия. Захотел — на день, захотел на неделю или на месяц. А если постараться и создать точку бифуркации (что, говоришь, точку бифуркации нельзя создать, её можно только обнаружить? да не важно!), то изменению можно подвергнуть и век, и целое тысячелетие.

Такое вот путешествие во времени без путешествия во времени. Не надо отправлять отважного героя, чтобы он убил Гитлера. Достаточно сделать так, чтобы Гитлер поступил в художественную академию, вызвав возмущение в Точке бифуркации. И вот, никакой тебе Второй Мировой Войны, и никакого вождя Третьего Рейха, а вместо них мирная Европа — относительно мирная, конечно — и более-менее удачливый живописец-импрессионист Адольф Шикльгрубер.

И всегда есть учёные, которым неймётся что-нибудь исследовать и над чем-нибудь поэкспериментировать. Ну и военные, куда ж без них! Эти ребята на любое научное изыскания смотрят исключительно сквозь призму создания нового оружия. Мол, чего бы такого создать, чтобы как можно сильнее бахнуть. Да так, чтобы «весь мир в труху».

Не то, чтобы военные были совсем не правы, но сколько полезных новшеств можно было бы выпустить в гражданский оборот, если бы не патологическая любовь к грифу «совершенно секретно».

Влад, Алексей, Павел и Ставицкий шли по насыпи железнодорожных путей, с обеих сторон от которых возвышались обгоревшие, переломанные и перекрученные стволы деревьев, словно призраки потустороннего мира, взиравшие на них с удивлением и осуждением. Ибо это был мир мёртвых, а вы пока ещё живые.

Да, пока. Пока ещё живые. Влад закашлялся и посмотрел на красные капельки, оставшиеся на перчатке. Да уж, перспектива вырисовывалась так себе.

Всё мертво. Всё убито. Вот так люди уничтожают всё вокруг себя, и себя самих. И никто не знает, зачем они это делают. Разве стоили этого все те политические дрязги, в которых, словно в чане с нечистотами, купался мир с момента появления человека? Это — финал?

Поначалу Влад ещё оборачивался, чтобы посмотреть, не идёт ли кто за ними следом. Вдруг кто-то выжил в том бою, но никого не было. Один раз ему только показалось, что среди чёрных остовов деревьев промелькнул тень, но, скорее всего, это был упавший ствол. А потом он перестал оборачиваться.

Движение справа привлекло внимание. Олень. Или косуля. Обгоревшее и ослепшее животное плело куда-то из последних сил, натываясь на покрытые гарью деревья. Оно пыталось издавать какие-то звуки, но вместо этого из его рта вырывался глухой хрип. Оно не видело людей, но чувствовало их присутствие. Голова оленя поворачивалась по направлению их движения.

Удастся им всё исправить или нет, но пройти мимо мучающегося животного Влад не мог. Достав пистолет, он спустился с насыпи и подошёл к оленю, который услышав шаги шархнул в сторону, но споткнулся о поваленный ствол и в довершение своих страданий сломал ногу.

Теперь олень просто лежал, даже не делая попыток подняться на ноги. И только хрипел и хрипел, ворочая спёкшимися глазами.

Капитан бросил взгляд на отставшего Влада, но останавливаться не стал. Только помотал головой. Они уже ушли порядочно вперёд и придётся поднажать, чтобы догнать.

Влад выстрелил, и страдания оленя прекратились. Теперь — идти дальше.

В легких нестерпимо жгло и хотелось кашлять при каждом вдохе. Противогозов не было, всё осталось в сгоревшем поезде. Поэтому лица закрывали шарфами и вообще, чем придётся.

Снега почти не было. Деревья уже остыли, но снега не было, несмотря на холодный воздух. Его заменял пепел, покрывавший всё кругом. Лес успел остыть после пожара. Лишь кое-где красные глаза угольков.

Деревья не потрескивали на холоде — жалобно ныли, ветер не шумел меж хвойных лап — злобно свистел среди голых ветвей. Не было растекающегося эхом вороньего карканья, не стучал по стволу дятел в поисках вкусных личинок. Только звук людских шагов, да осыпающихся с насыпи камней.

За лесом возвышался гранит заснеженных гор. Таких близких и таких далёких.

Взобравшись обратно на насыпь, Влад ускорил шаг, насколько только мог и пошёл рядом путями. Идти по шпалам было категорически невозможно, так как согласно неизвестным железнодорожным правилам их клали именно с таким интервалом, а не с тем, который бы позволял по ним идти нормальным прогулочным шагом. Но по ним всё-таки иногда приходилось идти, когда полотно пересекало болотца и частично скованные льдом безымянные речушки.

За спиной у каждого было по полупустому рюкзаку со снаряжением, которое удалось найти в обломках поезда. Немного еды, припасы и оружие. Не то чтобы было тяжело, но не в их текущем состоянии, когда по уму стоило бы лежать на койке под капельницей и ждать священника для исповеди.

Прошлая жизнь казалась чем-то далеким и нереальным. Прошло всего несколько месяцев с тех пор, как в окне «Ласточки» он наблюдал ядерные взрывы, осветившие горизонт, а такое ощущение, что миновало уже лет десять.

Где-то там, в прошлом, осталась стабильная работа, хорошая зарплата, шумные родственники, поездки в гости, супруга, за которую он готов был благодарить любого бога, хоть православного, хоть нет, если бы знал, какой из них ниспослал её ему. И проклинать тех, кто её у него отнял.

Такие себе апокалиптические хоббиты, идущие в Мордор, чтобы бросить проКлятое кольцо в жерло Роковой горы. Влад книгу не читал, но кино смотрел, и образ маленьких страждущих путников явственно стоял перед глазами. Сознание просто защищалось, подкидывая сказочные картинки, так как реальность была просто невыносимой.

А что? Хоббиты ведь тоже шли, чтобы изменить мир. Создать свою реальность, отличную от той, что им грозила. Другое дело, что их вселенная не переставала существовать, после подмены другой, параллельной.

Хотя нет, Ставицкий утверждает, что она вовсе не параллельная. Она — равновозможная, надо лишь подтолкнуть правильную костяшку домино, чтобы всё сложилось так, как надо, предварительно выстроив другие костяшки.

Учёный хромал всё сильнее, но упорно продолжал идти, рассуждая о мироздании и его квантовых основах. Впрочем, нести его всё равно никто не смог бы. Все были очень слабы, и

лучевая болезнь сказывалась всё сильнее. Последние радиопротекторы были проглочены ещё в Москве.

Наверное, Ставицкому так было проще переносить тяготы. Типа идёшь, говоришь, вводишь себя своего рода в транс. Кванты, фотоны, реликтовое излучение, оставшееся от самого момента сотворения Вселенной, гравитационные волны и чёрные дыры... Чего только Ставицкий не успел упомянуть.

Однако, неужели всё предопределено? Да, из всех рассуждений учёного-алкоголика (и как его только до таких работ допустили!) можно было сделать один простой и очевидный вывод — всё предопределено. И что бы ты ни делал, всё будет так, как предначертано.

— Думаешь? — Просипел Ставицкий, сквозь обмотанный вокруг его лица шарф. — Ну, тогда можешь просто упасть здесь, лечь и заснуть. Поверь, ты даже не заметишь, как умрёшь.

Вот про сон сейчас совсем было не к месту. Спать хотелось так, что реально хотелось плюнуть на всё и устроиться на последний в своей жизни тихий час под ближайшим бревном, чтобы уже никогда не проснуться.

— А разве не так? — сквозь кашель ответил Влад. Его колотил озноб и бросало то в жар, то в холод, спина была насквозь мокрая и одежда противно прилипала к телу. — Получается, что от момента Большого взрыва, до настоящего времени было понятно, что произойдёт. Динозавры были заранее обречены. О, до этого какой-то кусок кометы обязательно должен был упасть на безжизненную планету, чтобы принести зачатки углеводородных соединений.

— Ну... — Начал Ставицкий, но Влад продолжал.

— Или какого-то бедолагу сбила машина на перекрёстке. Он просто шёл на работу, так, как всегда ходил, одним и тем же маршрутом, так короче. Он проснулся вовремя, поел, и пошёл. А какой-то водитель вчера отмечал день рождения, и сегодня у него жутко болела голова, что повлияло на его внимательность. Он отвлекся на долю секунды, пережал педаль газа, не вовремя нажал педаль тормоза. И вуа-ля! ДТП со смертельным исходом. И всё это было предопределено от самого момента вашего Большого взрыва. Все ваши атомы, фотоны и электроны разлетались и сталкивались именно так, чтобы спустя миллиарды лет, один неспавшийся водила сбил одного трезвого и соблюдающего правила пешехода.

— Но, наблюдатель, находящийся в каждой конкретной точке пространства времени не может видеть, что будет дальше. Он и прошлое-то толком не видит, так общие черты того, что происходило. Хоть бы твой водитель. Он же знал, что ему завтра за руль, но всё равно участвовал в возлияниях, хотя мог бы и не делать этого.

— Я об этом и говорю: от твоего наблюдателя ничего не зависит. Он делает всё так, как и было предначертано. Он не мог принять иного решения просто потому, что в его мозгу сработали соответствующие электрические импульсы, вызванные конкретным строением нейронов и набором генетической информации, полученной от предков.

— Но у наблюдателя есть воля! — не унимался Ставицкий. — Он может что-то делать, а что-то нет. И в зависимости от принятых решений Континуум будет принимать ту или иную форму, его структура будет меняться.

— Воля? Что такое воля, Александр Николаевич? Человек — биохимическая машина. Испытывает голод — надо добыть топлива, чтобы поддержать работу узлов. Следовательно, принимаются одни решения. Если человек сыт, то есть заправлен, то решения уже совсем другие. Не кажется ли вам, что мы рабы?

Влад зло улыбнулся.

— Ну, можешь, конечно, и так думать, — согласился Ставицкий, но по его тону было понятно, что он не сдался в споре, а просто взял паузу для поиска новых аргументов. — Но даже если и так, то разве нет смысла в том, чтобы пребывать в гораздо более комфортной версии предопределённой Вселенной, чем в той, что мы имеем несчастье наблюдать сейчас?

Влад не стал отвечать. Он просто пожал плечами. Или ему показалось, что пожал, усталость требовала привала, но Алексей и Павел фанатично шли вперёд, даже почти не оглядываясь, чтобы проверить идут ли за ними Влад и Ставицкий. Пограничники просто знали, что идут. И привал будет тогда, когда они скажут, а не тогда, когда этого потребуют организмы их спутников.

Они шли уже очень долго, Влад даже не пытался считать время, чтобы понять, какое расстояние они прошли. Просто в какой-то момент, они оказались на заброшенном полустанке, пострадавшем от взрывной волны.

Перрон и небольшое здание в фирменной расцветке РЖД, точнее того, что от неё осталось. Раскученные перила. Вывеска с названием полустанка отсутствует, наверное, её сорвало.

Интересно, где они? Из ориентиров только возвышающиеся вдали поросшие лесом горы. Если то, что осталось от выгоревших деревьев можно назвать лесом.

Сверху всё-таки начинал падать снег, и в этом был какой-то сюрреализм: белый снег на чёрных деревьях и такой же чёрной земле. Снег и пепел.

Да, скорее всего, снег нещадно фонил, но они даже не пытались включить дозиметр, чтобы проверить уровень радиации. Да его и не было. И он ничего бы им дал. Все понимали, что уже слишком поздно пить боржоми, когда не только печень, но и все внутренние органы распадаются под действием бешенных радионуклидов.

Пока Влад со Ставицким доковыляли до покосившихся стен с выбитыми окнами, пограничники уже успели внутри развести небольшой костёр и начали разогревать пищу. Дым тоже был радиоактивным.

— Надо отдохнуть, — оповестил всех Алексей. Остался последний рывок, мы скоро будем на месте.

— Не хочу наводить панику, но если я усну, то не факт, что проснусь, — как есть сообщил Влад. — Простите.

Влад был прав, все были максимально истощены, к тому же сказывались травмы, полученные при крушении поезда. А Павел и Александр ещё и оказались ранены в ходе перестрелки. Это стало понятно, когда на прошлом привале они стали менять повязки. Сшивать раны пришлось на живую, но кровь продолжала сочиться, отказываясь нормально сворачиваться.

Алексей словно ждал этих слов от Влада.

— Есть одно средство, как раз для нашего случая, — сообщил он. — П-последнее средство.

Капитан развязал рюкзак и достал маленький чехол для шприцов. Последних по совпадению оказалось ровно четыре. Он раздал каждому по штуке. Внутри янтарём желтела некая жидкость.

— Колите в открытый участок тела, — проинструктировал он. — Желательно в шею. Но сойдёт и в руку, если кому хватит сил раздеться и одеться.

— Это же не...? — засомневался Ставицкий. Сам на краю могилы, а всё за жизнь переживает, хотя ещё недавно пытался убить себя алкоголем.

— Это не яд, — ответил Алексей. — Стимулятор и обезболивающее в одном флаконе. Особая смесь, поэтапного действия. Больше двух раз за жизнь применять не рекомендуется.

— А потом? — не успокаивался Ставицкий.

— А потом — не важно.

— Долго будет действовать? — спросил Влад, он был готов загнать в себя любой препарат, так как то, что вколола ему Аня, уже перестало давать результат, и его мучали жуткие боли.

— Нам хватит.

— Почему раньше не дал?

— Потому что, тогда бы не хватило, — с этими словами Алексей снял колпачок, выпустил воздух, и, отодвинув одной рукой воротник, другой с размаху засадил себе тонкую иглу в шею, нажал на поршень.

Влад смотрел, как в шприце уменьшается янтарная жидкость.

Алексей вздрогнул. Выдохнул.

За ним процедуру повторил Павел. Последовала примерно такая же реакция. Вроде бы ничего страшного. В памяти всплыли статьи из бульварной прессы о боевых препаратах, которые использовали военные и спецназ, чтобы получить нечеловеческую силу и выносливость. Тогда это воспринималось не больше, чем очередные сенсации в передаче на Рен-ТВ.

— Едим, два часа на сон, идём дальше, — сообщил он совсем другим голосом.

— А мы вообще сможем уснуть после этого укола? — с сомнением спросил Влад.

— Сам увидишь, — бросил Алексей и, спокойно вытащив шатающийся зуб, принялся поглощать разогретую тушёнку.

Насколько это было оправдано, Влад не знал, ведь, скорее всего, пища если и будет усваиваться, то с большим трудом, учитывая поражение внутренних органов. Или это уже был не обед, а своего рода поминки по самим себе?

Но есть действительно хотелось, как и спать. Так почему бы не вколоть себе эту дрянь, чем бы она ни являлась, и в последний раз насладиться обычными человеческими радостями?

Была ни была, терять, в принципе, нечего.

Укол. Нажатие. Чувство тепла и ничего. Никаких негативных ощущений.

— Странно, ничего не чувств... — Влад не успел договорить, так как его свела судорога, и жилы заполнил раскалённый металл.

Он скрючился и упёрся головой в холодную землю, пуская слюни.

— Твою... — выдавил он из себя. — Почему у тебя не так?

— Привыкание, — сообщил Алексей. — Реакция на вторую инъекцию была бы как у меня. Сейчас пройдёт.

И действительно, тут же стало значительно лучше, сознание накрыло волной эйфории, будто тебя окутало тёплое южное море, и ты качаешься на его волнах.

И вот ты уже на берегу, и можешь твёрдо стоять на ногах. И хочется есть. Очень хочется есть.

Нет, здесь явно не обошлось без каких-то наркотических веществ в составе чудосыворотки. С другой стороны, какая теперь разница. Главное — выполнить поставленную задачу. Но прежде необходимо поесть и поспать.

Влад тоже достал банку тушёнки и стал наворачивать её, даже не разогрев. А потом ещё

одну. А потом захотелось спать. Очень сильно захотелось спать, но Влад заставил себя посмотреть на часы: почти три дня.

— Привет! — Аня смотрела на него сверху. Она почему-то всегда говорила «привет» вместо «доброе утро». И Владу это нравилось. — Выспался?

— Нет, — обиженно сообщил Влад.

— Ой, — возмущенно хлопнула ресницами Аля, — а что так?! Чем же это ты занимался всю ночь?!

— Как будто ты не знаешь.

— Представь себе, не знаю!

— Может, тебе ещё и показать?

— Ну, держись!

Когда Влад открыл глаза, он почему-то не удивился, что проспал отведённые два часа, как и обещал Алексей, если это вообще можно было назвать сном. Видимо, такой эффект от сыворотки. А ещё он буквально ощущал запах духов своей жены и помнил прикосновение её губ, как будто она только что покинула постель. Тоже сыворотка?

Чувствовал он себя при этом гораздо лучше, чем ещё несколько часов назад. Боль ушла, но мышцы всё равно ощущали что-то вроде того, что чувствуют после тренировки люди, долго до этого не занимавшиеся спортом.

Остальные тоже уже упаковывали небогатые пожитки, пока в продуваемом со всех сторон здании свистел холодный ветер.

Надо пойти сделать свои дела, заодно проверить все ли органы пока ещё на месте, а не отвалились из-за облучения, невесело подумал Влад. Ха-ха три раза. Надо только отойти подальше.

Застегнувшись, Влад отправился обратно, но бывает у вас так, что вам кажется, что за вами кто-то наблюдает? Кто-то смотрит в затылок. Что, скажете, это признак паранойи? Ну, посмотрим на вас, особенно, когда вы только-только справили естественную нужду, а в затылке прямо так и зудит, чтобы ты обернулся.

— Владислав! — раздался до боли знакомый голос. По спине вдоль хребта пробежал холодок.

Обернуться и посмотреть на своего демона или, не оборачиваясь, идти дальше? Но демон тогда может напасть со спины. Что может быть хуже, чем нападение со спины? Или попытаться себя убедить, что тебе послышалось? Да и разве можно справиться с демоном?

— Влад!

Нет, не послышалось, демон так просто тебя не оставит в покое.

Влад обернулся и увидел то, чего не хотел видеть ни при каких обстоятельствах. Перед ним, метрах в десяти, стояла Джессика. В бронежилете, тактических перчатках, маска-противогаз в одной руке, в другой — Хеклер и Кох. К магазину скотчем прикручен запасной.

Да, она была потрёпанной, если можно так выразиться. Вся в грязи, и с бурыми пятнами засохшей крови на одежде, свидетельствующими о полученных ранениях, но держалась она бодрее, чем даже они, накаченные боевой сывороткой.

А главное, если Джессика здесь, то, значит, Аня... Неприятно кольнуло сердце, рука сжала рукоять пистолета, который он бессознательно достал из кобуры.

— Ты не можешь быть живой! Я сам тебя убил! — выкрикнул он.

— Что? — Она как будто не понимала о чём речь. — Ах, да! Всё намного сложнее, Влад, чем может показаться.

— Да куда уж сложнее, Джессика! Или как там тебя?!

Интересно, те, кто сейчас на полустанке, слышат их разговор? Влад старался говорить громко, но звать на помощь было опасно, так как это могло спровоцировать Джессику.

Она как будто уловила ход его мыслей, улыбнулась так мило, как только может сделать молодая красивая белокурая девушка.

— Они нас не слышат. Можешь хоть выпью кричать, хоть волком выть, — она вытащила из-под бронжилета знакомый медальон на цепочке. Сердце кольнуло второй раз. Это тот же самый, или просто такой же?

Влад прислушался. Вокруг было действительно необычно тихо. Да, всё, что было живого, всё погибло, но ветер продолжал гулять среди обожжённых деревьев, заставляя их стонать от боли, жалобно пел в обрывках проводов, свисающих с поваленных столбов. А сейчас — тишина. И только голос Джессики.

— Влад, я хочу договориться.

— То есть, завербовать? Как Гареева?

— Гареев — хороший агент, был, — поправила сама себя Джессика, — но для большой игры нужна группа единомышленников, Влад. Гареев решил, что сможет сам во всём разобраться. Он не хотел, да и не мог податься к своим: власти бы его отправили в камеру на долгие годы, а Комитет бы просто убил как предателя. Хотя, у каждого предательства есть свои причины, Влад. Да и что есть предательство? Желание жить — предательство? Желание, чтобы твои дети жили и были здоровы — предательство? Желание мести — предательство?

«Желание пить Баварское — предательство?» — дополнил смысловой ряд Влад, но не стал вступать в полемику в ответ на философскую эскападу Джессики.

— Так, значит, это всё-таки ваши люди на нас напали в Твери? — просто спросил он.

— О нет! То были люди Гареева. Как вы говорите: понабрал по объявлению. Нормальных-то твой пограничник со спецназом перебил, когда тебя из подвала вытаскивал, да и те были не первый сорт. Но убили майора не они.

— А кто тогда?

Зачем задавать вопрос, на который уже знаешь ответ, но в который до конца не веришь? Только для того, чтобы получить звуковое подтверждение своим догадкам?

— Ты же знаешь, Влад. Это сделал капитан. Сам спроси у него.

— У всех свои тайны, — покачал головой Влад. — Тем более, как ты сказала, они нас не слышат.

Хотя, может, и спрошу, тебе какое дело? Обязательно спрошу, но точно не тебе капать мне сейчас на мозг. Гареев был предателем, думал Влад, но сейчас меня интересует другой вопрос:

— Кто вы такие? Зачем всё это устроили? Убили миллионы ни в чём неповинных людей, и миллионы ещё погибнут.

На лице Джессики не дрогнул ни один мускул. Если не считать перепачканного пылью и грязью лица, он была в полной норме. Ну, почти, если учесть, что там, где были пятна засохшей крови, на одежде темнели соответствующие отверстия.

— Пойдём с нами, и я тебе всё расскажу, Влад. Всё не так просто.

— Думаешь?

— Поверь. Нет чёрного и нет белого. Идём со мной. Мы вылечим тебя. Ты будешь жить, Влад, и ни в чём не нуждаться. Поверь мне... нам.

— Вам?

— Да, нам. Просто поверь. Тебе кажется, что всё плохо, но на самом деле, всё может быть ещё хуже и для мира, и для тебя. Всё будет только хуже, Влад. Пойдём со мной, — она протянула ему руку.

На лицо сама собой напозла недобрая ухмылка.

— Посмотри на меня, Джессика. Ты же прекрасно понимаешь, что я не пойду, да и не дойду. Никуда я уже не дойду. Я держусь исключительно благодаря какой-то жиже из шприца. И знаешь, ещё что?

— Что?

— Сдаётся мне, ты просто тянешь время. Понять бы почему.

— Что ж, — она как всегда мило улыбнулась, обнажив идеальный белый ряд зубов, пожала плечами и нажала на курок своего МП-5, но выстрела не последовало. Ещё одно нажатие — тишина, лишь глухой щелчок бойка по перекошенному в патроннике патрону.

— Походу это судьба! — Владу хотелось расхохотаться.

В области сердца Джессики появилось пыльное облачко — пуля ударила в бронезилет, заставив Джессику пошатнуться.

Вторая пуля тоже угодила в корпус, заставив её сделать шаг назад, чтобы не упасть.

Влад шёл вперёд, продолжая стрелять. Он слышал выстрелы, но эхо, которое можно было бы ожидать, полностью отсутствовало.

Выстрел, ещё выстрел. Пуля врезается в правое плечо женщины, и выпущенный из руки пистолет-пулемёт падает на землю. Она поднимает глаза, когда раскалённый ствол пистолета уже находится в десяти сантиметрах от её лба.

— Влад, — она пытается улыбнуться.

— К чёрту такой мир, Джессика! — Влад и нажимает на спусковой крючок.

Белокурая голова откидывается назад и тело, теряя равновесие, падает на свежеснеженный снег, разбрызгивая по нему ярко красную акварель.

— И тебя к чёрту, — добавляет он.

Опять. Он опять её убил. Его мучала совесть за прошлое убийство, но он всё равно сделал это снова, добавив ещё одного демона, который будет терзать его совесть до конца жизни, сколько бы она ещё не продлилась.

— Надеюсь, это была наша последняя встреча, — Влад всунул опустошённый пистолет обратно в кобуру и посмотрел по сторонам, прислушался.

Звуки вернулись. Скучные звуки умирающего мира. Надо идти к своим.

Когда он вернулся в здание полустанка, все уже собрались и были готовы идти. Складывалось ощущение, что что его отсутствия даже не заметили, а выстрелов не слышали.

— Всё? — это капитан. — Готовы идти дальше?

— Как будто у нас есть выбор! — Ставицкий.

— Ты словно сам не свой, — это Павел Владу.

— Посмотрел бы ты на себя, да зеркала нет, — ответил Влад.

Неужели ему всё это привиделось? Однако, если он сходит с ума, то в этом нет ничего удивительного.

— О чём задумался? — глядя на меняющего обойму в пистолете Влада, спросил Ставицкий.

О чём, о чём...

Влад достал из кобуры пистолет, проверил обойму — пустая. Да и пистолет заметно

тёплый — недавно из него стреляли. Значит, всё-таки не привиделось. Значит он в своём уме.

— О предопределённости, Александр Николаевич.

Учёный внимательно посмотрел на Влада, хотел что-то ещё спросить, даже рот открыл, но не стал. Поправил рюкзак, и пошёл вслед за удаляющимися пограничниками.

Почему-то именно сейчас рассказать об очередной встрече с Джессикой и стрельбе в лесу не хотелось. Или, скорее, уже не имело смысла.

Они спустились с платформы, и пошли по грунтовой дороге, терявшейся в лесу, и вскоре натолкнулись на старый шлагбаум, покрытый облезлой краской, а рядом полусгнившая будка. Видимо, в ней когда-то находился охранник. Интересно, что он охранял в такой глуши.

Они пролезли под шлагбаумом и зашагали дальше.

Вскоре они снова вышли на старую железную дорогу, рядом с полотном которой по обе стороны находился перрон и какие-то хозяйственные постройки, полуразвалившиеся от времени.

Над дорогой возвышалась довольно живописная скала, бывшая частью горного массива. Ржавые рельсы терялись в темноте тоннеля, вырубленного в базальте гор.

— Нам туда, — показал рукой Алексей в сторону тоннеля.

Через минуту жерло тоннеля поглотило путников, которые включили фонарики, освещавшие им путь. Их шаги гулким эхом отражались от каменных стен. Что ж, здесь хотя бы не было ветра.

— Александр Николаевич! — Позвал отставшего учёного Алексей, когда они остановились. Капитан выглядел озадаченным. — Куда дальше?

Железнодорожная ветка раздваивалась: одна уходила в левый тоннель, другая — в правый. Рядом торчал рычаг стрелочного перевода. Вдоль стен тянулись закреплённые кабели и провода.

Подошёл запыхавшийся Ставицкий.

— Я не уверен, но, кажется, направо?

— Точно?

— Слушайте, я был здесь один раз, когда мы чертежи снимали, причём шли не пешком, а на транспорте с закрытыми окнами. Нас привезли, нас увезли. Всё! Чего вы ещё хотите. Секретность, чтоб её!

— И всё-таки? — не отставал капитан.

Ставицкий стоял в задумчивости, напряжённо что-то вспоминая. Несколько раз закрывал глаза, ходил из стороны в сторону.

— Налево! — твёрдо заключил он.

— Точно?

— С высокой долей вероятности!

— Ну, пошли, — Алексей может и сомневался в сделанном выборе, но предпочёл его сделать, чтобы не торчать на одном месте. Отправлять две команды в разные ответвления не имело смысла, так как для миссии нужны были все сразу, да и связи у них не было, рации не работали.

И все повернули в левый тоннель. Влад подумал, что здесь вполне бы могли бы укрыться люди во время ядерной атаки, завези сюда необходимое количество припасов и оборудуй нужную вентиляцию.

Вскоре их путь перегородили огромные металлические ворота, которые по идее должны были бы отъезжать по специальным направляющим, но сейчас они были закрыты, а здоровенные поршни намекали, что обычно это происходило при помощи электричества.

— Давайте попробуем их отрыть! — произнёс капитан.

Они нашли на поверхности ворот скобы и стали тянуть: два человека с одной стороны, два — с другой. Потом по четыре с каждой по очереди. Всё бес толку. Либо ворота жутко проржавели, либо были заперты, причём не факт, что снаружи.

— Там точно были ворота? — Алексей пристально посмотрел на Ставицкого.

— Да не помню я! — взорвался тот, — Может и были! Да, точно, были!

Влад отошёл в сторону, когда его фонарик сначала выхватил облупившуюся надпись «Открывать только при...», потом и нечто похожее на дверь.

— Эй, народ! — позвал он. — Тут что-то вроде прохода!

Это действительно оказалась дверь, причём открытая, но, судя по замку и состоянием петель, с которых дверь была снята, как и приметным следам, её явно вскрыли без помощи ключей. Рядом валялся брошенный кусок арматуры. Не исключено, что перед ними было орудие взлома.

Алексей посветил внутрь и вошёл в открывшийся коридор, за ним последовали остальные.

На стенах висели плакаты и таблицы, на которых от времени уже было толком не разобрать, что написано. Были боковые двери, потом попало помещение за стеклом, которое больше всего напоминало что-то вроде диспетчерской. По крайней мере, именно такая ассоциация пришла на ум Владу.

— Долго ещё? — поинтересовался Алексей у Ставицкого.

— Да, вроде должно быть где-то здесь, уже скоро.

Проходя по коридору, за «диспетчерской» Влад споткнулся, чувство было такое, будто на мгновение из-под ног ушла земля, но он решил, что у него просто кружится голова.

А вот капитан и старший лейтенант остановились. Было понятно, что они испытали нечто похожее, и это явно вызвало у них настороженность. Они отошли и стал о чём-то вполголоса переговариваться.

— Хочешь проверить? — краем уха услышал Влад слова старлея.

— По-моему, уже без вариантов. Надо убедиться.

Они как-то нехорошо посмотрели на Ставицкого, не то со злобой, не то с интересом.

— Пошли! — махнул рукой Алексей и, пройдя ещё немного, они вышли из коридора обратно в тоннель, но уже по другую сторону железных ворот.

И всё бы ничего, но от Влада не ускользнул тот факт, что вышли они из дверей, расположенных на противоположной стене тоннеля. Хотелось бы удивляться, но, если честно, он уже устал.

Воздух здесь был вполне тёплый, во всяком случае, по сравнению с тем, что был по ту сторону ворот. Они быстро зашагали вдоль рельсов и скоро увидели в конце тоннеля свет, а воздух становился всё теплее и теплее. Под ногами стал попадаться жёлтый песок.

Когда они, пройдя мимо старого локомотива, который простоял здесь десятки лет, вышли из тоннеля, взобравшись по ступенькам на занесенный песком перрон, в глаза им ударил яркий солнечный свет, столько яркий, что на какое-то время им пришлось даже зажмуриться, чтобы можно было привыкнуть.

Зато, когда они их, наконец, смогли открыть, им предстала удивительная картина,

которую Влад никак не ожидал увидеть в горах Урала.

Не то степь, не то пустыня, выжженная солнцем, иссушенная до крайней степени. Ключки такой же ломкой засушенной травы, которые колыхались, понуждаемые жаркими потоками ветра. Скалы, торчащие из поверхности и железная дорога, убегаящая куда-то вдаль, теряющаяся за скалами. А в стороне ещё одна дорога, но уже обычная грунтовая, которая вилась по направлению к... городу! Да, точно! Это был самый настоящий город, причём такой, какой можно запросто встретить в любой части России (панельки побольше, панельки поменьше...), но уж никак не ожидаешь увидеть здесь.

А собственно, где это «здесь»?

Рядом с перроном на столбе была приколочена полустёртая табличка: «Станция погранзаставы Са...» далее неразборчиво.

— Алексей, что это? — спросил Влад.

Алекс выглядел озадаченным, и в то же время, в его взгляде читалась некая радость, удовлетворенность тем, что они имели возможность наблюдать.

— Ничего не хочешь мне пояснить? На какой именно границе ты служил? — напомнил о себе Влад, когда пауза затянулась.

Алексей оглянулся на Влада.

— Куда отправляли, там и служил, — просто сообщил он. — И на государственной тоже. Но здесь я не был.

— Да и я тоже, — добавил старший лейтенант.

Тем временем, по спине полились новые струйки пота, теперь уже от царящей вокруг жары, учитывая, что одеты все были по-зимнему.

— Смотри! — Павел похлопал Алексея по плечу, привлекая его внимание и показывая рукой куда-то вдаль, туда, где дорога уходила в сторону города.

Вдалеке по дороге по направлению от города к станции шёл человек. Да не просто шёл, а прямо-таки бежал. Похоже, он тоже заметил группу на перроне, и даже замахал им рукой, но разглядеть отсюда, кто это был, не представлялось возможным.

— Бинокль? — спросил Алексей.

— Нет бинокля, — покачал головой Павел.

— Жаль, — констатировал капитан. — Но не думаю, что в наших интересах сейчас контактировать с местными, хотя и было бы интересно. Только от нас фонит как от чернобыльского реактора без ремонта. Соответственно, контактировать с нами не в интересах местных тоже.

— А мне сдаётся, кто бы это ни был, он сильно настроен пообщаться, — отметил Павел, вглядываясь в даль.

Микроскопическая фигура действительно ускорила шаг, фактически бежала. Отсюда было заметно, что у неё (или у него) за спиной какой-то рюкзак или мешок, который... фигура остановилась, порылась в рюкзаке, вытащила свёрток поменьше и снова побежала в сторону станции.

— Всё это очень интересно, но у нас, господа, другая п-проблема, — сообщил Алексей.

— Какая?

— Мы п-потеряли время из-за того, что ошиблись с поворотом. Нам может не хватить времени, на которое рассчитано действие сыворотки. А отходняк от неё наложится на боль от наших травм и ранений, мало не п-покажется.

Про себя Влад отметил, что Алексей не стал срывать на Ставицком и ставить ему в

вину ошибку с выбором тоннеля. По его тону даже показалось, что он даже рад такой оплошности.

Влад же пытался понять, что происходит и куда они вышли из тоннеля. И вроде как ответ был очевиден, но произносить вслух его не хотелось.

— Значит надо поторапливаться, — согласился Павел. — Александр Николаевич, учитывая то, как мы сюда попали, вы сможете нас вывести обратно?

Ставицкий, что-то быстро спрятал в карман, когда к нему повернулся пограничник.

— Думаю, что да, — быстро закивал он. — Надо только панель управления найти, чтобы фазу переключить.

— А если не переключить? — напрягся Влад, слабо понимая, о чём идёт речь.

— Ну, — заулыбался Ставицкий. — Тут два варианта в зависимости от вводных: либо нас выбросит обратно, либо нас разорвёт к х@рам собачьим.

— Как-то не по-научному ты изъясняешься, Александр Николаевич. Препод из тебя был бы так себе.

Они развернулись и двинулись обратно в спасительную темноту тоннеля, прочь с палящего солнца.

Взглянув на бегущую вдаль фигуру, Влад обратил внимание на своих спутников. В ярком солнечном свете было заметно, что их кожа, а значит и его, покрыта пятнами, которые нельзя было назвать признаком здорового организма.

Язык нащупал шатающийся зуб, даже два, а на большом пальце правой руки «отклеился» ноготь. Было совсем не больно. Сыворотка глушила боль, но организм от этого не переставал разваливаться, получив смертельную дозу радиации.

Человек вдали продолжал бежать. Ну, пусть бежит.

Глава 33. Второй шанс

***

— Ты понимаешь, что происходит? — Глеб смотрел на своих сослуживцев. Все они ехали сейчас в «Ласточке» из Пскова в Петрозаводск.

— То есть у тебя тоже это странное ощущение? — спросил Павел и Глеб кивнул, хотя сам толком не мог описать то, что сейчас испытывал. — Саша, ты как?

— Дежавю. Жуткое дежавю, мужики. До тошноты. Но что-то не так. Не понимаю. А где Лёха? Капитан где?!

— Отошёл.

Алексей Плетнёв, капитан погранслужбы стоял в туалете вагона и смотрел в зеркало. Он уже по третьему разу споласкивал лицо холодной водой и снова смотрел в зеркало.

— Этого не может быть, — повторял он, глядя на своё бледное отражение, — этого не может быть.

Он вышел из кабинки и вернулся к своим сослуживцам, которые с удивлением смотрели на него. Казалось, все они хотели задать один и тот же вопрос, но боялись его озвучить. Алексей упал в кресло и стал растирать виски. Голова начинала жутко болеть.

— Эксперимент сработал, — наконец, произнёс он. — Понимаете?

Они понимали, теперь понимали и они.

Раздались встревоженные крики и все пассажиры бросились с одной стороны вагона к другой, чтобы прильнуть к окнам. Там на горизонте ярко вспыхивали новые маленькие солнца, а потом на их месте начинали формироваться облака, форму которых не спутаешь ни с чем на свете.

— Нужен начальник поезда, — решил Алексей. — И связь. Нужно понять, что происходит. Пошли!

Когда шли по поезду Алексей встретился взглядом с женщиной лет тридцати пяти, он успокаивал жену. Другая пассажирка забилась с ногами на кресло.

***

Телефон звонит? Да. Звонок телефона. Странно, что телефонная связь вообще ещё работает. И кого несёт в такое время!

— Алло! Ставицкий?! Александр Николаевич?!

— Что? Да. Кто это? Связь плохая.

— Это Савенков! Слышите меня?

— С трудом. Много помех. Чего тебе? Ты хоть видишь, что за окном происходит? Полмира в ядерную труху!

— Я поэтому и звоню!

— Не понимаю.

— Наши выводы подтвердились, Александр Николаевич! Понимаете! Подтвердились!

— Какие выводы? Ты вообще о чём?!

— По установке! По генератору волн! Понимаете, полностью подтвердились! Помните папку под грифом "Совершенно секретно"?

— Ты совсем из ума выжил о таком по телефону сообщать?! Подожди, ты сейчас серьёзно? Неужели...

— Да! Да! Именно, мы получили прямое тому подтверждение! Я сегодня говорил с... я

перезвоню, не могу больше говорить.

— Подожди! Ты где?

Гудки.

Подтвердились? Их выводы подтвердились? Но тогда получается, что...

Господи! Надо выпить! Надо срочно выпить!

***

Панель пришлось поискать, и со слов Ставицкого, он видел нечто подобное только один раз где-то в горах Памира, где существовала подобный тоннель, и то ещё в бытность советского Союза. Естественно, в те времена всё было в режиме строгой секретности, да и он был тогда молодым, не то, что сейчас.

Все воспоминания и ностальгия по старым временам, в которые, понятное дело, было не то, что сейчас, сводились к тому, что память учёного вполне может его подвести. Вроде как закинул удочку на случай, если ничего не выйдет с возвращением, чтобы не сразу его убили, а дали помучиться оставшиеся ему дни или даже часы.

Но память не подвела. Панель управления нашли, хотя произошло это больше благодаря интуиции, а также стандартизации и унификации. Памирский и Уральский тоннели были оборудованы примерно одинаково.

Пока возвращались по тёмному тоннелю обратно и пока искали заветную дверь, Влад думал: а что если тот, кто бежал к ним со стороны города успеет до того момента, пока они вернуться обратно. Кто это? Человек? Не человек? После встречи с восставшей из мёртвых Джессикой он уже ничему не удивится. Даже тому, что бежавшая фигура окажется Джессикой. От последней мысли его передёрнуло.

Что надо незнакомцу? Или незнакомке — без бинокля половину принадлежность было не разобрать. Может ведь статья, что ему или ей нужна помощь, или наоборот, он или она может быть полезен им. Не понятно, правда, в чём, но всё-таки...

Походя озвучив свою версию капитану, Влад не нашёл у него поддержки. С его слов следовало, что данная застава была заброшена очень давно, и вообще предполагалось, что точка перехода запечатана и неактивна. Никто даже не предполагал, что от нас можно попасть на ту сторону, да и попыток таких не делали уже лет тридцать, если не больше.

Странно, что они вообще кого-то встретили здесь. В общем, вероятность того, что неизвестный проявил бы агрессию, как только приблизился на расстояние выстрела, была далеко не нулевой, а времени на очередной бой, да ещё в их стремительно ухудшающемся состоянии, не было.

Короче говоря, ничего хорошего от незнакомца ждать не следовало и вообще никогда не стоит заговаривать с чужаками, особенно в таких местах. В каких «таких», Алексей уточнять не стал. Как и распространяться о своей службе на границе даже на краю неминуемой гибели.

Ни Алексей, ни Павел не горели желанием поведать о своей жизни и службе. Павел может быть, и был бы не против что-нибудь рассказать, по крайней мере, так показалось Владу, но, глядя на капитана, он предпочитал держать язык за зубами, отделяваясь общими фразами. При том, что исповедь сейчас не помешала бы никому, будь ты хоть трижды атеистом.

Даже с учётом того, что у их миссии не было никакой гарантии положительного исхода, выговориться бы не помешало, но даже и краю могилы, Алексей предпочитал отмалчиваться и другим не давал возможности болтать лишнего, только то, что он сам слышал и одобрял.

Граница и граница, разве что служить на обычной межгосударственной им тоже приходилось, причём большую часть времени. Где было сложнее? Да по-разному. И там и там бывало не просто. Контрабанда наркотиков, оружия или группы боевиков под кураторством иностранных спецслужб не предполагают возможности расслабиться.

На какой-нибудь таджикско-афганской границе, когда выслеживали контрабандистов, бывали замесы похлеще любых других. Так что как-то так.

Хм... получается, замесы бывали и здесь. Ну, не здесь конкретно — здесь-то всё заброшено по какой-то причине — а там, где несли службу капитан со старшим лейтенантом, на особых заставах. Если есть охрана границы, значит, границу надо от чего-то или кого-то охранять.

При других обстоятельствах Влад наверняка бы впился в своих спутников, пока бы те не рассказали ему всё, что только можно. С другой стороны, при других обстоятельствах, они бы и не встретились. Каждый бы доехал до своей станции, и разошлись бы они по своим делам. И продолжили бы жить своей обычной жизнью.

Алексей пресёк осторожные попытки Влада расспросить об увиденном, напомнив, что у них совершенно чёткая и ясная миссия, на которую они бросили все силы, и разбираться с второстепенными задачами просто некогда. Капитан явно торопил Ставицкого и нервничал из-за потерянного времени.

А оно сейчас играло против них, буквально запустив обратный отсчёт. Секундомер судьбы сейчас отсчитывал последние часы их жизни, в лучшем случае дни, и всё зависит от индивидуальных характеристик их организмов. Кто-то проживёт чуть дольше, кто-то чуть меньше. Главное — запустить генератор до того, как они уже не смогут двигаться.

С последним утверждением Влад и сам был согласен. Кровь на перчатке, когда он в очередной раз закашлялся, и начинающий слепнуть глаз, однозначно сообщали, что тело продолжало разрушаться. Где-то внутри в области поджелудочной железы что-то периодически покалывало, но было понятно, что в скором времени, легкий дискомфорт может перерасти в дикую боль, которая не позволит совершать осмысленные действия.

Да, он не чувствовал боли, по крайней мере такой, какой ожидал, и сохранял ясность сознания, но это была всего лишь обманка, обеспеченная сывороткой, которая подобно закиси азота давала двигателю повышенную мощность, но в то же время приводила к досрочному его износу. В их случае двигателем было всё тело. Мышцы и кости, как поршни и ремни передачи, кровь как масло, и всё это изнашивалось сейчас с ужасающей скоростью.

Панель действительно оказалась спрятана так, что сразу и не разберёшь, особенно в свете полумёртвых фонариков. Искомое помещение нашли за одной из дверей в коридоре, по которому они должны были выйти, но до того злосчастного порога, о который они как бы споткнулись. Дверь в помещение оказалась взломана, что вызвало неодобрительную реакцию Алексея.

— Здесь кто-то был, — констатировал капитан.

— Но ничего не смог сделать, если пытался, — прокомментировал Ставицкий. — Нужные рубильники даже не тронуты.

Внутри оказалось оборудование, словно из старого фантастического фильма: панели с потухшими кнопками, рычажками и переключателями. Выпуклые экраны и прочие амперметры со стрелками довершали композицию. Только сейчас всё было покрыто толстым слоем пыли.

— Если по-простому, то это как ниппель: войти — можно, выйти — нельзя, —

объяснял Ставицкий. — Чтобы попасть обратно, надо перевернуть ниппель, как-то так.

Пограничники стояли наготове с оружием, ожидая неизвестного гостя, хотя добираться сюда ему ещё очень порядочно. Тем более, по такой-то жаре. Но предосторожность лишней не бывает.

Ставицкий, тем временем, колдовал над панелью управления, которая больше всего напоминала старый трансформатор. С другой стороны, здесь было столько предметов, представляющих из себя остатки оборудования, в том числе, разного рода шкафы с проводами и переключателями, что если не знать, что именно тебе необходимо, то сразу его так и не найдёшь. Да даже, если и обнаружишь, не факт, что догадаешься о его предназначении. Шкаф и шкаф. Металлический. Тут вон весь тоннель проводами обвешан и какими-то коробками.

Три рубильника, три лампочки — Ставицкий протёр их рукавом, убирая с них пыль — красная, жёлтая и зелёная. Как на светофоре, подумал Влад. И ещё один большой рычаг.

Влад спросил, откуда энергия. Ведь всё выглядело довольно старым, и работоспособность оборудования вызывала у него обоснованное сомнение. Оставалась только вера в чудо.

— Ты видел, какое здесь солнце? — напомнил Ставицкий, но потом добавил. — Если, конечно, солнечные панели не демонтировали. Или не разбили их.

На этих словах, капитан так зыркнул на учёного, что стало понятно: ещё один косяк, и он точно пристрелит его.

— Не, ну должны быть ещё аккумуляторы, не думаю, что они сдохли. Динамо-машину покрутим и зарядим, если что. Люди всё-таки думали о некоторой автономности на крайний случай. Вот и рычаг для зарядки!

И на пределе слышимости, так что разобрал только Влад, стоящий рядом, добавил:

— Надеюсь, что ничего не развалилось от старости.

— А энергии хватит? — спросил Влад, берясь за рычаг. Ручка шла с трудом, но вроде как работала, потом возвращалась под действием пружины обратно. В глубине, что-то жужжало и крутилось.

— Для переключения фазы — вполне! — уже в полный голос успокоил его Ставицкий.

Механизм скрипел, срывался, но вырабатывал электрический ток. О достаточном заряде известил загоревшийся красный огонёк.

— Сейчас мы не в фазе, — оповестил Ставицкий, опуская первый рубильник. — Если сунемся — разорвёт в клочья. Сам процесс не видел, но результат как-то наблюдал. Но я уже об этом говорил, и это в худшем случае.

Он опустил второй рубильник, загорелась жёлтая лампочка, которая от времени стала практически белой.

— Фаза подготовки синхронизации.

С включением третьего рубильника в цепь, загорелась зелёная лампочка.

— Ну, теперь можно идти.

Влад не сильно умел читать по губам, но ему показалось, что Ставицкий произнёс что-то вроде «Господи, благослови!». Боковым зрением заметил, как Павел быстро перекрестился, перед тем как войти внутрь. Алексей же был сосредоточен как никогда и явно готов был рискнуть жизнью, настолько он торопился.

И они прошли по коридору, по которому и должны были выйти в тоннель, ещё тогда, когда оказались в этом странном месте.

Для Влада слова о том, что их может разорвать в клочья, были всего лишь предупреждением, а вот пограничники, судя по всему, как и Ставицкий уже видели, что происходит с теми, кто нарушает правила перехода, что бы это ни значило.

Вот и тот порог — полоса жёлтого тусклого металла, утопленная в пол, стену и потолок — на котором они «споткнулись», когда шли сюда. В этот раз ничего такого не было. Они прошли мимо, как ни в чём не бывало. Разве что лёгкое ощущение ушедшего из под ног пола, которое тут же и прошло.

Если кто-то и хотел успеть к ним на встречу, то он опоздал. А если ему всё-таки удастся пересечь границу, то он окажется в нормальном мире, таком, каким он и должен быть. Но для этого надо поторапливаться, о чём не забывал напоминать Алексей.

Когда они проходили мимо помещения, которое Влад окрестил диспетчерской, Ставицкий зашёл в внутрь и, открыв очередную металлическую дверь на стене, опустил один из рубильников, под которым горела зелёная лампочка, за ним автоматически опустились оставшиеся два.

— Предохранитель, — пояснил он. — Срабатывает, когда кто-то-то проходит с той стороны в ручном режиме. И если его опустить в прежнее положение, то возвращает «ниппель» в прежнее положение.

— То есть тот, кто сюда бежал, не сможет пройти тем же путём, что и мы?

Ставицкий задумался.

— Сможет. Если найдёт панель переключения фазы и повторит наши действия.

— И что, нет механизма полностью перекрывающего переход? Должна же быть какая-то кнопка или рубильник.

— Есть, — вмешался Алексей, — только и он не панацея, к тому же это не имеет значения, если у нас всё получится с генератором.

— Странно, что не заварили коридор полностью, — высказался Павел. — В данном случае, это самый надёжный способ запечатать любой проход, где угодно.

— Наверное, посчитали, что пройти можно только туда, — размышлял Ставицкий. — Или просто забыли. Пост заброшен с начала девяностых прошлого века, а может ещё раньше. Тогда могли уходить по-быстрому. А могли просто решить, что никто этого места не найдёт.

— Или тупо забыли, — уставшим голосом произнёс Алексей. — Нам надо поторапливаться. Сыворотка скоро прекратит своё действие и тогда нам мало не покажется. Паша, разберёшься потом с архивом, чтобы понять, в чём дело.

— Принято, капитан, — с готовностью, но как-то удручённо отозвался Павел.

Идти пришлось очень быстро и часть снаряжения, которое они тащили всё это время с собой, пришлось сбросить, чтобы ускорить шаг, оставив лишь папки с документами, которые могли понадобиться для запуска генератора.

Пока шли, погасли два из четырёх фонарика, так что под ноги пришлось смотреть с утроенным вниманием. К тому же Ставицкий совсем уж сильно стал хромать и пограничники, периодически меняясь с Владом, помогали ему идти, а фактически где-то даже его тащили.

От развилки до места, где заканчивались рельсы, было примерно такое же расстояние, как и до железных ворот, которые отделяли один мир от другого.

Да, внутренне Влад уже смирился с такой формулировкой, так как никакого другого объяснения найти не мог, и напротив, его собственные глаза всячески подтверждали эту версию.

Впрочем, сейчас его интересовала исключительно судьба его собственного мира, который превратился в грёбаный Ад на Земле, в котором заживо сгорели десятки миллионов людей, и ещё сотни миллионов погибли от травм и последствий облучения. А если точнее, его интересовала жизнь совершенно конкретного человека, одной-единственной женщины.

На образ его Али сам собой наложился облик медсестры Ани. Ну, что же, он будет не против, если она тоже будет жива в той, нормальной Вселенной, тем более, что она так похожа на его Алю.

Вспомнился поцелуй у развороченного поезда, и то чувство эйфории, прилив сил, которые он испытал, когда им пришлось уйти. В голову вползла мысль, что от того поцелуя он получил заряд бодрости примерно, как от сыворотки, по шприцу которой им раздал Алексей. Наверное, просто совпадение.

Теперь, что касается сил. Они всё-таки начинали их покидать, что было видно уже по Александру Николаевичу, который не мог самостоятельно идти, хотя на удивление сохранял ясность ума и бодрость духа. Скорее всего, это вызвано тем, что учёный был намного старше каждого из них. Не то, чтобы критически, но всё-таки.

Поэтому, когда они обнаружили в конце тоннеля лифты в зарешеченных шахтах, Влад испытал настоящее облегчение от того, что можно будет хоть какое-то время отдохнуть, пока они будут спускаться вниз.

Влад так обрадовался их наличию, что совсем забыл, что тот может элементарно не работать. Либо электричества не будет, либо механизм мог просто не выдержать испытанием временем, ведь судя по увиденному, о какой-то целенаправленной консервации не шло и речи.

Рядом с шахтами лифтов на рельсах стояли пара пассажирских и один товарный вагон. На земле лежали ящики и стояли бочки. Судя по глухому звуку и характерному запаху, исходящему от них, они были наполнены соляжкой.

— Для того, чтобы можно было лифт запустить, если не будет централизованного питания, — пояснил Ставицкий.

— И за столько лет не попортилась? — засомневался Влад.

— За сколько «за столько»? Я же говорил, что мы сюда приезжали чертежи снимать, с тех пор и осталась, наверное. Хороший дизель, военный, — принохиваясь к открытой бочке, сообщил учёный. — Ну что, попробуем запустить?

Они вошли в кабину лифта, когда их уже порядком шатало и начинало мутить. Больше всего состояние напоминало пищевое отравление, когда тошнит и кружится голова. Когда лифт, освещённый тусклой красной лампой, наконец, поднялся из подземных глубин, Влада тут же вырвало на бетонный пол.

— Пардон, — криво улыбнувшись, извинился Влад, войдя внутрь и сползая спиной по стене кабины.

Капитан лишь махнул рукой, он и сам выглядел немногим лучше. На его лбу висели градины пота, а сам он был настолько бледным, что это было заметно при таком, более чем скромном освещении. Хотя, кто из них сейчас мог похвастаться хорошим самочувствием? Вопрос риторический.

Ставицкий нажал на массивную кнопку — цифровизацией и сенсорными панелями здесь и не пахло — и лифт, дёрнувшись, медленно поехал вниз, отсчитывая пройденные этажи приглушёнными металлическими щелчками.

Проехали этаж — щёлк. Ещё один — щёлк.

— Странно, — вдруг задумчиво произнёс Влад.

— Что именно? — повернул в его сторону голову капитан.

— По словам Александра Николаевича, он был здесь в составе группы, которая снимала мерки с генератора, чтобы построить свой, уже в Сарове.

Ставицкий, до этого дремавший, услышал своё имя, и открыл глаза.

— И? — Алексей снял тактическую перчатку и в задумчивости рассматривал руку, покрытую темными пятнами.

А потом с каким-то неожиданным равнодушием отодрал ноготь с указательного пальца левой руки. При этом ни один мускул не дрогнул на его лице. Покрутив ноготь в пальцах, он просто отбросил его в сторону.

— Странно то, — продолжал Влад, — что они не заинтересовались тем, куда ведёт левый тоннель.

Ставицкий явно что-то хотел вставить, но его опередил Алексей:

— Не стояло такой задачи. Не думали, что проход работает. Думали, что всё запечатано... Причин может быть много. Это уже не важно. Не сейчас.

«Не важно...» — подумал Влад под мерный стук лифта. Желание рассказать о последней встрече с Джессикой как-то сразу пропало. Как и про то, что Аня, скорее всего, погибла. А надо было бы?

Капитан просто от него отмахнулся. Подобное отношение всё-таки укололо Влада. После всех испытаний, которые выпали на их долю, Влад считал, что заслужил право на получение ответов.

Никто не отменяет секретности, это верно, но какая, к чёрту, секретность сейчас! Они ходят по краю могилы, периодически в неё падая и вылезая обратно, и просто хотелось бы понять, ради чего всего это и стоит ли оно того. Да, конечно стоит! И Влад знал, чего хочет, и вернуть нормальную реальность обратно хорошо, но они-то никуда при этом не денутся. Не убьют же они его в нормальном мире, где, судя по всему, он будет помнить всё, что произошло с ним в этом. Или?..

Алексей сидел на полу, смотрел в пустоту, и казался погружённым в свои мысли, вид у него был более чем отрешённым. Все они очень сильно устали. Может быть, капитан и не хотел его задеть.

— Алексей, — обратился Влад к капитану.

— Да?

— Когда на поезд напали диверсанты, выходит, что ракеты уже летели.

— Да.

— Решили подстраховаться, если группа ликвидации не справится?

— И да, и нет. Скорее всего, просто совпало. Всё шло к тому, что мы выпустим остатки ядерного арсенала. Те, кто хотел нас ликвидировать и те, кто отдавал приказы о запуске ракет, могли действовать независимо друг от друга.

— Однако, если бы не взрывы, то нас бы могли добить эти боевики. — размышлял вслух Влад. — Слишком они напористо действовали.

Алексей еле заметно пожал плечами.

— Гареева ты убил? — вдруг спросил Влад

Алексей лишь улыбнулся уголком губ, снова повернув голову в сторону Влада.

— Гареев — предатель, — уставшим голосом сообщил давно известный факт капитан.

— Но он мог быть ценным источником информации.

Пограничник тяжело вздохнул, смотря куда-то в пол. Из носа у него пошла кровь, и он постоянно вытирал её рукавом куртки. Периодически он с нетерпением смотрел на мерцающее красными цифрами табло, отсчитывающее этажи.

— Когда всё станет так, как должно быть, можешь разоблачить его, — наконец сообщил он. — Тебе поверят. А если не поверят сразу, то возьмут на заметку и в скором времени прижмут его, возможно даже с поличным. Интересно было бы посмотреть на его лицо при этом.

Влад понял, что вопрос с Гареевым на данном этапе закрыт. Надо будет действительно сообщить в органы, по крайней мере, попытаться. Если, конечно, у них всё получится.

Если получится.

Что должно получиться? Как это будет выглядеть? Что он при этом будет ощущать?

Лифт, клянувшись в последний раз, пружинисто остановился и люди стали с трудом подниматься, чтобы выйти из него. Алексей и Влад поднялись самостоятельно, а вот Ставицкому встать на ноги помог старший лейтенант.

Павел с грохотом открыл дверь кабины, и они оказались в довольно просторном помещении.

— Александр Николаевич, — произнёс Алексей, — я так понимаю, из всех нас здесь были только вы. Ничего не хотите нам объяснить?

Воздух здесь был затхлым и застоявшимся, но это было не главное. Скупые лучи фонариков выхватывали из темноты картину, которая могла бы украсить любой фильм ужасов на тему древних гробниц и разграбления могил.

Вокруг, среди ящичков, в которых когда-то было либо оружие, либо оборудование, среди стоящих на полу бочек, лежали тела. Много тел. Навскидку Влад насчитал человек двадцать. Точнее того, что когда-то ими было.

Очень уж они походили на тех, кто напал на них в поезде: черные форма, больше похожая на комбинезоны, бронежилеты с разгрузками, каски и противогазы. У некоторых, правда они были сняты (или содраны?) и можно было рассмотреть их лица, которые больше всего напоминали напуганных мумий.

Кто-то сжимал в усохших руках автоматы, неизвестной Владу модели, но у части он распознал уже виденный им Хеклер и Кох, а под ногами россыпью валялись пустые гильзы, издававшие пустой металлический звук, когда на них наталкивалась нога в ботинке и они катились по полу.

На стенах, ящиках и металлических шкафах, стоящих вдоль стен виднелись многочисленные следы от попадания пуль.

— Богом клянусь! — запричитал Ставицкий. — Когда я здесь был, ничего такого не наблюдал! Никого здесь, кроме нашей группы не было! Тихо было, как в склепе!

— Про склеп, это вы точно подметили! — согласился Алексей. — Паша, ты понимаешь, что надо будет разобраться с этим?

— Сделаю всё возможное, — отозвался старший лейтенант.

— Мало нам проблем... — пробубнил капитан. — Влад, что с тобой?

А вот сейчас в голосе капитана слышалась неподдельная тревога.

Влад схватился руками за голову и облокотился на большой металлический ящик. Его нещадно мутило, но не так, как обычно.

Ставицкий с интересом наблюдал за происходящим.

— Всё плывёт, — сообщил Влад. — Мутит...

— Нас всех тошнит, — согласился Павел.

— Нет, — замотал головой Влад. — Не так, странное ощущение, будто...

— Будто? — спросил учёный.

— Будто я всё это уже видел. Жуткое ощущение, учитывая, что я здесь никогда не был.

Очень сильное дежавю, — ответил Влад, растирая виски. — Фу! Кажется, отпустило.

— Я думаю, нам надо поторапливаться, — констатировал Ставицкий.

— Я об это только и говорю, — подтвердил Алексей. — Идти сможешь?

Да уж, тащить ещё одного инвалида, было бы сейчас просто некому.

Влад кивнул.

— Да, думаю смогу.

Осторожно обходя трупы, а где надо перешагивая, они пошли дальше, и вскоре оказались в узком коридоре, который более всего напоминал длинный переход внутри какого-нибудь бункера. Собственно, они же в нём и находились, в бункере, упрятанном под Уральскими горами.

— Здесь когда-то хотели создать подземное убежище на случай ядерной войны, — просвещал их по пути Ставицкий. — Гора идеально защищала от температурного воздействия, взрывной волны и проникающего излучения. Где-то здесь до сих пор хранятся запасы оружия и провианта, правда, последнее, должно быть, уже испортилось окончательно.

— Но? — спросил Влад.

— Что «но»? — не понял учёный.

— В ваших словах так и звучит «но». Хотели создать ядерное убежище, но...

— Да-да, — согласился Ставицкий, — но не стали. Планы изменились.

Подхватив учёного под руки, они пошли по тёмному коридору с низким потолком, который, судя по всему, был вырублен прямо в скальных породах. По стенам, выкрашенным самой обычной серой краской, тянулись кабели, периодически появлялись плафоны с лампами, спрятанными за решёткой, но света не было.

— Ничего, скоро запустим реактор, и будет свет, — сообщил Ставицкий.

— Здесь есть ещё и реактор?! — устало удивился Влад.

— А как же! — воскликнул учёный и закашлялся. — Здесь много чего есть, в том числе и реактор, чтобы питать генератор волн. Ты думаешь, почему его воспроизвели в Сарове? Вот, то-то же. Правда там всё было на электронике и сенсорных экранах, а здесь, как видишь всё старое доброе аналоговое. Хр@н знает, как всё работало, но работало. По крайней мере, в тестовом режиме точно. Никто не решался запустить его в полную силу.

— Кто-то всё-таки решился, — заметил Влад. — И, как я понял, не этот, который здесь и не тот, что был в Сарове, а какой-то третий.

— Да, — задумчиво произнёс Ставицкий, — и это проблема. Очень серьёзная проблема.

Коридор заканчивается массивной железной дверью, какую, пожалуй, можно увидеть в любом бункере. Толстый металл, задвижка наподобие штурвала, небольшое оконце вверху.

— Почти пришли, — сообщает Ставицкий, пока Алексей и Павел пытаются вскрыть дверь, так как замок явно не смазывали с момента его создания.

Каждое напряжение мышц отнимает очередную порцию сил, но, в итоге, дверь поддаётся и со скрипом открывается. За ней оказывается просторное помещение, вдоль стен

которого установлено множество приборов с ещё большим количеством кнопок и переключателей. Есть ещё несколько дверей в стенах, похожих на ту, через которую они сюда попали, в том числе одна, похожая на ту, через которую они попали сюда.

Посреди комнаты большой покрытый пылью стол с несколькими листами пожелтевшей от времени бумаги, старые кресла на колесиках с обивкой из потрескавшегося дерматина.

— Там — реактор, — указал на одну из дверей Ставицкий, — он точно в рабочем состоянии, но его надо запустить. Кто со мной? Нужна будет грубая физическая сила. Там, за дверью должны быть защитные комбинезоны. Хотя в нашем положении толку от них, как от козла молока.

Павел не то поднял, не то махнул рукой, мол, показывай, что куда поднять и где нажать. Позже к ним присоединился Алексей и вскоре в помещении загорелся свет, но это, по словам Ставицкого, было лишь начало и чуть ли не самая легкая задача, которую им удалось решить. К тому же свет периодически моргал и где-то за панелями раздавался подозрительный треск.

Необходимо было подготовить к запуску генератор волн, для чего Ставицкий разложил на столе принесённые документы и стал внимательно их изучать, время от времени делая записи на чистом листе бумаги. Влад представил, с какой скоростью и какие задачи сейчас решает мозг учёного.

Периодически он давал указания, и пограничники выходили в другие помещения, чтобы повернуть очередной переключатель или нажать на кнопку. Влад, тем временем, с фонариком в зубах лёжа на спине под очередным прибором, перекидывал клеммы с места на место, переставляя провода из одних разъёмов в другие, тупо выполняя указания учёного.

В какой-то момент, они все собрались в центральном помещении, где уже сам Ставицкий сидел в размышлениях над открытым в полу люком.

— Так, что там у нас, — обратился Алексей к учёному, — запустится?

Ставицкий почесал голову, в люк, на пол посыпались волосы.

— Должно.

Из люка вылез Влад, держа в руке гаечный ключ.

— Всё, сделал, как сказали.

— Хорошо, — кивнул Ставицкий.

Влад сел рядом на пол, усталость валила с ног, задумался.

— Я вот, что хочу понять: ну запустим мы этот генератор волн, что бы это за волны ни были. Но я-то вам зачем? Тащить меня через полстраны... Вы бы быстрее сами добрались сюда. Или в Саров бы успели, если бы не искали меня. Только давайте сейчас, как есть говорите.

Ставицкий глянул в сторону капитана.

— Объясните ему, — махнул рукой пограничник. — У вас лучше получится. А мы пока отдохнём, что-то совсем сил нет.

Ставицкий, вытащив из люка в полу нечто, более всего походившее на большой аккумулятор, и поставив его рядом на пол, уселся на старое истёртое кресло на колёсиках и начал говорить.

— Уж не знаю, как капитан догадался, — учёный произнёс это с явным уважением в сторону Алексея, — но твоя роль, Влад, в этом деле далеко не праздная и тащить тебя в такую даль, охраняя жизнь, как зеницу ока, было просто-таки необходимо.

Он подался вперёд и его тон приобрёл заговорщицкие нотки. А Владу заметил чёрные

круги под его глазами и тёмные с красным, почти чёрные пятна на его лице. Неужели и он сейчас так выглядит?

— Всё дело в твоих снах и видениях, которые, помимо прочих событий, ты имел привычку записывать в своём дневнике. Помнишь, я об этом с тобой ещё в поезде пробовал говорить. Я тогда сам не всё понимал, но когда переговорил с капитаном, то всё более-менее встало на свои места. Ведь, про то, что с ним случилось... — Ставицкий осёкся, словно сказал не то, что должен был, но тут же продолжил, — тот эксперимент, в котором он с коллегами участвовал он и был направлен на то, чтобы, так сказать, поймать отголоски другой возможной реальности.

— Это я уже понял, мне только не понятно...

— ...почему наши друзья-пограничники не почувствовали никакого эффекта от пребывания в камере? — перебил Ставицкий.

— И это тоже, — задыхаясь, подтвердил Влад. У него всё чесалось, а в груди продолжало нестерпимо жечь. Каждый вдох давался с трудом, а выдох наоборот был очень лёгким, будто на грудь положили мешок с песком.

Ставицкий назидательно поднял указательный палец.

— Потому что они ещё не испытали перехода, — выдержав драматическую паузу произнёс он. — А вот когда они оказались, так сказать, здесь, в этом новом состоянии пространства-времени, они сохранили память о том, другом, состоянии Вселенной. Вплоть до мелочей, на которые только способна человеческая память.

— Допустим, а что тогда со мной не так. Ведь я не проходил ту же процедуру, что и они.

— А вот это очень интересный момент. И связан он, как я полагаю, с тем, что в какой-то момент Вселенная может пребывать одновременно сразу в нескольких состояниях, которые для неё, по большому счёту равнозначны, ну, плюс-минус. Наступает точка бифуркации, выход из которой может быть как таким, так и другим.

— Но мои сны, или видения... дневник, мы говорили о них.

— Да, — закивал Ставицкий. — Я выслушал капитана Плетнёва и пришёл к выводу, что ты, дорогой товарищ, видел не просто сны, ты описывал жизнь из другой реальности.

Ответ, в принципе, уже был понятен и без слов, но Влад решил его всё-таки проговорить.

— Я что, тоже проходил через эту камеру? — он устало кивнул в сторону массивной металлической двери.

То, что это был аналог той камеры, в которой согласились посидеть пограничники, он уже не сомневался.

Ставицкий проследил за взглядом собеседника.

— Скажем, такая вероятность имеется. И учитывая то, с каким горячим желанием тебя и наших друзей из погранслужбы хотели прикончить, применяя всё вплоть до ядерного оружия... Да, я склонен в это верить.

— Верить, — задумчиво повторил Влад, глядя в пол. — Учёный должен не верить. Учёный должен знать.

— Ну, прям! — всплеснул руками Ставицкий. — В нашем деле, знаешь ли, тоже нельзя без веры. Без веры в результат. Сначала ты веришь, что твоя гипотеза верна. Потом веришь, что найдешь ей теоретическое обоснование, потом — что сможешь реализовать теорию на практике.

— То есть я помню ту, правильную реальность потому, что проходил через эту камеру в этой реальности, — констатировал Влад.

— Типа того, — Ставицкий отхлебнул из фляжки. — Это особое место, Влад. И ты своего рода связываешь обе реальности. Примерно так же, как твои товарищи пограничники, но в то же время по-другому. Всё-таки они сначала прошли процедуру, а потом оказались здесь, а ты должен её пройти, чтобы оказаться там. И есть вероятность того, что запуск генератора с тобой, пока ты будешь в камере, вернёт всё на круги своя.

— Всего лишь вероятность?

— Как ты, правильно заметил, я — учёный, и исхожу из того, что исход того или иного события всегда может оказаться не совсем таким, как мы того ожидаем. Просто потому, что всегда можно забыть учесть какой-нибудь важный фактор. Понимаешь?

— Понимаю.

— Но я верю, в то, что у нас должно получиться, — завершил мысль Ставицкий. — Ты, кстати, помнишь, когда впервые стал видеть видения?

— Вы же уже знаете, зачем спрашиваете?

— Так, из вежливости, — сморщился Ставицкий. — Но для порядка я озвучу: видеть ты их стал, когда началась война. Ты ещё стал плохо спать, о чём ты и написал в своём дневнике.

— Я смотрю, его уже успели прочитать все, кому не лень, да Лёша? — Влад шмыгнул носом, обращаясь к капитану, который сидел у приборной панели и, казалось, готов заснуть. — Только ведь не ошибусь, если скажу, что тогда многие перестали спать спокойно. Так себе зацепка.

Слова Влада заставили Алексея разомкнуть веки. Он полез за пазуху и достал порядком истрёпанный дневник.

— Прости, так было надо. На, держи свой дневник Апокалипсиса, — он попытался добросить его до Влада, но книжица упала, не пролетев и половину нужного пути.

— Но кое-что ты описал очень правдоподобно, события, о которых знал Алексей и Павел, когда пребывали в другой вселенной. Это хоть как-то объясняло то, что наши противники пытались убить всех пассажиров того злополучного поезда.

— Они знали, что на нём есть тот, кто может связать обе вселенные, — вдруг подал голос Алексей, — но, видимо, не знали, кто именно. Иначе не стали бы заморачиваться с истреблением всех пассажиров.

Пограничник затряс головой, приводя себя в чувства. У Влада вертелся какой-то вопрос на языке, мысль, которую он только что хотел озвучить, но реплика капитана его сбила с неё.

— Но получилось так, что это именно я? — наконец уточнил он, хотя спросить хотелось о чём-то другом. — Именно от меня зависит, вернётся ли этот мир в норму, а не от кого-то другого, так?

Влад хотел рассмеяться, но от этого только сильнее болело в груди.

— Так.

— Это странно. Почему именно я?

— А почему нет?! — всплеснул руками Ставицкий. — Как будто ты первый, кто задаёт себе эти вопросы. Так получилось! Так бывает! Ты думаешь, я себе не задавал этот вопрос? Как будто я просто так решил упиться до смерти.

— Так! Давайте заканчивать приготовления, а то я прямо ощущаю как разваливаюсь на

составляющие, — неожиданно твёрдо произнёс Алексей. Он поднялся, опираясь на приборную панель, на которой остались кровавые отпечатки его ладоней.

И они продолжили заниматься подключением генератора, тем более, что им действительно становилось всё хуже и хуже.

Влад наблюдал за приготовлениями Ставицкого, который щёлкал тумблерами на панели управления, переключал что-то на щитках, переставлял кабели из одного гнезда в другое, потом задумчиво смотрел на стрелки приборов, и снова принимался за настройку.

Несколько раз свет моргал, а однажды вообще погас, и работать пришлось в свете электрических фонариков, тихо матерясь и проклиная проводку, или что там ещё могло гореть, так как в помещении явственно запахло жжёным пластиком и резиной.

Господи! Да сколько лет этому оборудованию, думал в тихом ужасе Влад, и его спутники, за исключением разве что Ставицкого, были такого же мнения. Ни тебе ни одного ЖК-монитора, ни одного сенсорного экрана. Всё, буквально всё было лампово-аналоговым. Да как они вообще могли воздействовать на материю пространства с такими-то агрегатами!

На все эти немые восклицания в голове сам собой всплыл образ Николы Теслы и его экспериментов. Мол, на, получи и распишись. Человек и не такое делал и без всяких там микрочипов. Ну, ладно.

— Ну что там? — кричал в темноте Алексей, обращаясь в Ставицкому.

— Надо заменить предохранители и перебросить питание! — отвечал учёный.

Влад и Павел таскали детали и катушки с проводами, обжимали их и закручивали клеммы там, где указывал Ставицкий.

Несмотря на первоначальную неприязнь к Ставицкому, вызванную первым впечатлением от встречи, теперь Влад даже восхищался учёным, которому нравилось своё дело.

Фонарь выхватил его напряжённое, уставшее, но на удивление, увлечённое лицо с отвёрткой в зубах, когда он переключал очередные тумблеры.

— Так! — выдохнул Ставицкий, и налобный фонарик дрогнул. Все замерли, глядя на учёного, который одной рукой держался за рубильник, а другой упирался в стену от усталости. — Либо сейчас, либо никогда.

Влад обратил внимание, как Павел снова мельком перекрестился. Вроде, о какой вере может быть речь, после того, что они пережили и увидели, а Павел, судя по всему, видел гораздо больше Влада, но человек всё равно надеялся на какие-то высшие силы. Может быть, в его жесте и было больше суеверия, чем веры, да только какое, по большому счёту, имеет значение.

— Не томи уже! — выдохнул, кашляя, Алексей. Выглядел он всё хуже и хуже.

Ставицкий почему-то тянул.

— Ну, — подал голос Павел.

Но учёный вместо того, чтобы уже опустить рубильник, словно замер, а потом рванул с места и, сильно хромя, выбежал в коридор в соседнюю комнату, из которой вернулся Алексей. Влад даже удивился такой прыти. Послышалось какое-то лязганье и щелчки, и минуту спустя Ставицкий вернулся.

— Я должен был проверить, — не уточняя, что именно он должен был проверить, пояснил он.

— Ну, теперь-то всё? А то мы скоро сдохнем, так и не запустив установку, — не выдержал Влад. — Каждая минута на счету.

Ставицкий посмотрел на него немигающим взглядом и выдал:

— Время не имеет значения.

Его рука резко опустилась.

Раздалось размеренное гудение, а помещение и коридоры осветились тёплым светом древних ламп накаливания.

Горелым не пахло. По крайней мере, не сильнее, чем до этого. Свет не мигал. Разве что появился запах, как после только что прошедшей грозы.

— Пахнет озоном, — отметил Влад.

По лицу Ставицкого расплзлась довольная улыбка, и Влад заметил, что у того нет двух зубов, а дёсны имеют нездоровый цвет. Автоматически Влад языком потрогал свои зубы — даже так он ощутил, как они шатаются.

— Это хорошо! — произнёс Ставицкий. — Это значит, что генератор работает. Мы сможем сгенерировать новую волну, которая пересоберёт этот кусок пространства-времени.

— Всё будет, как прежде?

— Должно быть, — он пожал плечами. — Мы никогда так раньше не делали.

Со своего стула поднялся пошатываясь Алексей, а за ним встал, сидящий на полу Павел, который буквально опирался на стену, чтобы не упасть от истощения.

— Хватит тогда сопли жевать, — прохрипел капитан, закашлялся, и из его рта полилась кровь. Он вытер рот рукавом и посмотрел на перепачканную одежду. — Времени у нас почти не осталось. П-пошли в камеру.

Он махнул рукой, приглашая за собой. Точнее попытался махнуть, но жест получился совсем уж слабый, рука лишь слегка дёрнулась. Они поплелись по направлению к очередной металлической двери, которая больше всего напоминала люк на подводной лодке — такой же штурвал и запорный механизм. Над дверью горела зелёная лампочка.

Павел с Алексеем стали вдвоём крутить «штурвал», который, если и поддавался, то с большим с трудом. Ещё бы, столько лет механизм не смазывали и вообще никак за ним не следили.

Втроём там делать было нечего, и Влад, почесав голову и обнаружив в руке клочок волос, решил поговорить со Ставицким.

— Вы... ты не пойдёшь с нами?

Измученное лицо учёного изобразило искреннее непонимание.

— Зачем?

— Ну, чтобы помнить.

— Ты серьёзно? Это ты должен туда зайти, это ты часть пазла мироздания, без которого континуум не примет нужную структуру. А мне это на хр@н не сдалось.

— В смысле? Ты же исчезнешь. Точнее, останешься, но будешь совсем другим.

Ставицкий откинулся в кресле, которое от такого обращения издало жалостливый скрип, положил руку на пульт, готовый нажать кнопку «пуск» в любую секунду.

— А оно мне надо, Влад? Ты что, думаешь, что я хочу это всё помнить? Благо у меня не было ни детей, ни жены, — он скривил губы в ехидной усмешке, — разве что кроме бывшей. Но друзей я здесь всех потерял. Всех знакомых. Родителей своих, понимаешь? Я вот сейчас сижу и распадаюсь у тебя на глазах от зашкаливающей дозы радиации...

Он пошевелил губами, двигая языком во рту, и выплюнул на пол очередной зуб.

— Во! Круто! — весело шепелявя, воскликнул он, глядя на подскочивший от удара о пол зуб. — И ты хочешь, чтобы я всё это помнил? Нет уж спасибо-спасибо! Мне такого счастья

не надо. И не вздумай там ко мне подходить и что-то такое рассказать. Хотя не факт, что я вообще поверю. В такое, если сам не переживёшь, поверить будет сложно.

Потом на секунду-другую ушёл в себя, о чём-то размышляя. Потом полез во внутренний карман куртки и извлёк оттуда увесистую фляжку, которая, суд по звукам, была практически полной. И ведь тащил же всё это время с собой!

— С другой стороны, там будут люди, которые наверняка тебе поверят, а они убедят меня... — Ставицкий, отвинтив колпачок, сделал глубокий глоток виски. — Короче, как хочешь, я всё равно ничего не вспомню, но лучше не надо. Ты, Влад, лучше постарайся свою жизнь устроить. Считай это вторым шансом. А второй шанс, он, как это пелось, не получка, не аванс. Выпадает только раз.

Он снова сделал глоток.

— Хотя, кому-то и первого не выпадает, — вздохнул он.

— Неужели тебе не хотелось бы вернуться в горы Памира? Вспомнить всё как было? Или сюда, но только в другой реальности всё запустить так, как и должно работать?

— А ты знаешь, как оно должно быть? Или как оно было в горах Памира? Хочу ли я туда возвращаться, Влад? Сам подумай! Ты думаешь, что я вот просто так бухаю, потому что я алкоголик? Я, Влад, держался, очень долго держался. А потом вот это всё! И это к тому, что было, и с чем я боролся. Нет, спасибо, мне хватит тех проблем. Уж лучше, я всё забуду, как будто ничего и не было. Мне хватит моих проблем из той реальности.

— Харэ базарить! — раздался от камеры голос капитана. — Давайте уже сделаем то, ради чего сюда пришли!

— Ну, давай! — Ставицкий протянул Владу руку и тот её пожал.

— А как оно будет всё происходить? — спросил Влад, направляясь к камере.

— Без понятия, Влад, — пожал плечами учёный.

Двое пограничников и Влад вошли в камеру и закрыли за собой дверь. Камера представляла собой небольшое помещение метров семь площадью, не больше. Металлический пол, стены, покрытые металлической решёткой, вроде это называется клеткой Фарадея, да откидные скамейки, обтянутые искусственной кожей. На них-то и разместились люди.

Никаких окошек, или камер видеонаблюдения. Только зелёная лампа над дверью.

— Может быть, ты меня проклянёшь, не знаю. Но я прошу понять меня. Просто у меня не было другого выбора.

Влад обернулся, чтобы переспросить, что имеет в виду капитан, но тут зелёная лампа погасла, и вспыхнула красная.

Весь мир кругом заходил ходуном, а пол словно ушёл из-под ног, к горлу подступил ком тошноты. Ориентация в пространстве потеряла всякий смысл. Где пол, где потолок! В ушах не то чтобы звенело, в них просто... просто они не улавливали никаких звуков. Может ли тишина вообще быть такой... тихой? Ведь он не слышал даже собственного дыхания.

Влад закрыл глаза, подождал, сколько смог, и вновь разомкнул веки. Напротив него сидел Павел и странно улыбался, глядя на Влада. Приглядевшись, в глазах сильно двоилось и троилось, Влад понял, что взгляд старшего лейтенанта направлен не на него, а куда-то в пустоту, сквозь него. Такое чувство, будто он сейчас не понимает, где находится. Странно, всё странно. Так и должно быть?

Последние слова он вроде бы даже произнёс вслух, но в наступившей неестественной тишине он не слышал своего голоса.

Повернув голову, Влад посмотрел на сидящего по левую руку от него Алексея, но тот никак не реагировал на происходящее, уронив голову на грудь. Только было видно, как под опущенными веками двигаются глазные яблоки. Из его рта тянулась тонкая струйка крови, которая внезапно поменяла направление и стала капать вверх, разлетевшись по камере маленькими красными бусинками.

А потом всё прекратилось.

Они всё также сидели в клетке Фарадея, которую его спутники по-простому называли камерой. Ничего не изменилось. Абсолютно ничего.

— Лёша? — Влад дотронулся до плеча капитана, и его тело стало медленно заваливаться на бок. Плетнёв не дышал.

Опираясь руками о стены, Влад и Павел вышли из камеры... в которой остался Алексей.

Если они здесь, то получается, что ничего не произошло? У них ничего не получилось? Всё было зря?

Влада вырвало. С кровью. Видать хватанули они дозу изрядную, очень-очень изрядную. Организм разрушался прямо на глазах, и Влад это отчётливо осознавал.

Как только они перешагнули порог камеры, на пол упал уже Павел и больше не поднялся.

Кое-как Влад добрался до стола и сел в одно из кресел. Напротив сидел Ставицкий, в одной руке он, как обычно держал фляжку, делая периодически глоток за глотком. Удивительно, но он, похоже, несмотря на возраст, переживёт их всех.

Влад сложил руки на столе и положил на них голову, мутило по-страшному.

— Ничего не получилось? — просто спросил он учёного.

Ответа долго не было, и Влад с трудом поднял голову, чтобы убедиться, жив ли ещё Ставицкий.

Жив. Видимо просто крепко задумался, хлебнув крепкого.

— Не знаю, — с расстановкой ответил учёный. — Знаю только, что ты точно поймёшь, когда всё произойдёт.

— А если не произойдёт?

Ставицкий пожал плечами.

— Какая теперь разница.

— Разница есть, Александр Николаевич. Хотелось бы, чтобы реальность, наконец, встала на правильные рельсы.

Ставицкий даже поднял брови, когда услышал последние слова.

— А кто тебе сказал, что эта реальность неправильная? — вдруг задал он вопрос, поставив на стол фляжку.

— В смысле, кто? — прилагая усилия, переспросил Влад. Всё валилось из рук, хотелось упасть и заснуть. — Мне об этом сказал Алексей.

— Точно? Так и сказал?

Что-то нехорошее зашевелилось в душе у Влада.

— Не помню точно, — сказал он сглатывая ком, — но что-то такое говорил. Что надо вернуть нашу реальность, говорил. Как-то так.

— Ммм... Понятно, — почесал заросший седой щетиной подбородок Ставицкий.

Очередной глоток. Похоже, он просто растягивал удовольствие, ведь уже давно мог бы всё выпить.

— Я так понимаю, что капитан уже того, отправился в лучший мир? — и сам тут же

хрипло рассмеялся своей шутке. — В лучший мир! В нашем случае это звучит довольно неоднозначно. Так я прав?

— Насколько могу понять, он не дышал, когда всё прекратилось.

Ставицкий мельком посмотрел на лежащего на полу Павла, будто хотел убедиться, что и он их уже не слышит.

— В общем, тут такое дело, Влад. Мы сейчас как раз и находимся в правильной вселенной, — учёный сделал ударение на слове «правильной».

— Что? — не поверил своим ушам Влад.

— Что слышал! Мы сейчас доживаем свои никчёмные жизни в самой, что ни на есть аутентичной версии пространственно-временного континуума. Думаю, именно этим отчасти объясняется парадокс, связанный с тобой.

— Ты сейчас серьёзно?

— Серьёзней некуда, Влад. Мы когда это поняли, жуть как охр@нели. И нам захотелось попробовать узнать, как выглядит та другая реальность, к тому же условия были благоприятные. Ну, мы и построили эту камеру, о предназначении которой вообще мало тогда себе что представляли. Да и сейчас я не уверен, что она позволяет только сохранять память о других вариантах развития событий.

Он постучал пальцем по поверхности стола.

— Не-ет! — протянул Ставицкий. — Это что-то гораздо большее!

— Ты... вы сказали, что эта вселенная вторична, я правильно понял? — продолжал не верить услышанному Влад.

— Да, совершенно верно, — сообщил Ставицкий.

«Всё должно остаться, как есть» — всплыли в памяти слова умирающей Джессики.

Влада снова вырвало. То ли от лучевой болезни, то ли от попыток осмыслить полученную информацию.

А та, вторая Джессика, или первая, кто её разберёт! Она сказала, что будет только хуже, что мы просто всего не понимаем. Так они получается, всё это время пытались помешать пограничникам и Владу оставить мир вокруг в исходном состоянии?! Нет! Нет! Это какой-то бред!

Мысль о том, что это и есть то, что должно быть, была настолько дикой, что мозг отказывался её принимать. С другой стороны, какая разница, если...

— Тот мир, который описывал Алексей, — с трудом произнёс Влад, — там не было войны. Там жива моя Аля. Так как какая разница, в какой версии вселенной жить.

Учёный пожал плечами.

— Ну, смотри. Если тебя всё устраивает, то почему бы и нет? Мне, по большому счёту там тоже больше нравилось. Но не просто же так за нами охотились эти господа в противогазах.

— Нет догадок, кто это мог быть?

Ставицкий задумчиво уставился на свою руку, которая заметно дрожала, но это всё равно не помешало ему сделать последний глоток. Пустая фляжка упала на пол.

— Понимаешь, главным вопросом для нас стал поиск причин такого изменения вселенной, которое тогда мы вообще считали ещё чисто теоретическим. К тому же пограничники после участия в эксперименте нас ничем не порадовали. Но, тем не менее, кто-то же изменил известную нам вселенную. Нет, догадок у меня нет. По крайней мере, ничего адекватного в голову не приходит.

— Знаете, — с улыбкой на потрескавшихся губах заметил Влад, — могли бы и предложить мне глоточек виски.

— Мог бы, — согласился Ставицкий.

Его тело начинало оседать в кресле, а взгляд блуждал по стенам старого бункера. Он умирал.

— Может, тебе удастся решить эту задачку, — еле слышно произнёс учёный. — Там, во вторичной вселенной.

Его рука безвольно повисла вдоль тела, едва не достав кончиками пальцев до пола.

И что, и это всё? А где же перемещение в пространстве-времени? Всё-таки ничего не получилось. Влад попытался встать с кресла, но не смог.

***

Очнувшись в парке, глядя на голубей и воробьёв, мельтешивших у его ног, Влад понял, что у них получилось. Всё-таки получилось! Вышло пересобрать пространство-время и вернуть мир в состояние, в котором не было ядерной войны, превратившей Землю в сущий Ад.

Так вот что ощущали пограничники, когда очнулись в вагоне поезда. Да, действительно, можно свихнуться. Реально можно тронуться, если не быть к этому готовым. Да даже если и готов, то ощущения те ещё. словно ты проснулся, а весь твой сон состоял из леденящего кровь очень яркого и детального кошмара.

Он встал со скамьи и осмотрелся. Языком, а потом и пальцем потрогал зубы, надавил — все на месте, держатся. Провёл рукой по волосам — тоже не вываливаются от малейшего прикосновения.

Солнце светило, лучи его играли на зелёных листьях деревьев, и... хотелось жить. Влад сделал глубокий вдох и почувствовал аромат листвы и цветов.

Куда его выбросило? Какое сейчас время года? Вроде как лето, или раннее лето, если судить по людям. В целом было довольно тепло, но на прохожих можно было заметить и пиджаки и легкие ветровки.

В голове, конечно, полный сумбур. Есть какие-то всполохи чужих воспоминаний. Хотя, конечно же, это его воспоминания, из этого мира. Просто он их ещё не воспринимает как свои.

Сейчас узнаем, хотя...да нахр@н это время года и день недели! Надо бежать к Але! Она наверняка его ждёт!

Влад, конечно, не побежал, но пошёл довольно бодрым шагом, рассматривая всё вокруг. С детства знакомый город казался таким незнакомым, как будто он вернулся из долгой-долгой командировки, и здесь всё изменилось. Всё вокруг такое знакомое и в то же время нет.

Звонок в дверь. Никто не открывает. Наверное, Аля на работе. Боже, он же не видел её несколько месяцев! Нет, здесь они, конечно, виделись каждый день. Но для него прошли целые месяцы!

А вот и ключи. Замок издал такие знакомые звуки, дверь открылась, и Влад вошёл внутрь. Сбросил ботинки, повесил куртку на вешалку, прошёл в комнату, потом в другую.

Али в их квартире не оказалось. И что-то странное ещё было, что не сразу бросалось в глаза, но что-то не то было в их общем жилище.

И ещё в кармане оказался пистолет. Самый обычный ПМ. Оружие он заметил уже, когда подходил к их дому. Сначала думал, что там кошелёк или смартфон, но когда полез в

карман, чтобы всё-таки посмотреть время, у него всё похолодело внутри. И нет, надежда на то, что ствол окажется необычного вида зажигалкой, не оправдалась.

Откуда у него пистолет? Память услужливо подсунула картинку, как он покупает абсолютно левый ствол, у какого-то криминального элемента. Хотя нет, он покупал только патроны. Пистолет у него уже был. Но зачем он их приобрёл? Странно. Очень странно.

Очень хотелось есть, но холодильник оказался на удивление пустым. Остатки курицы гриль, и тут же кусок хлеба. Что ж, хоть что. Ещё недавно, это показалось ему настоящей роскошью.

Звонок в дверь. Влад прошёл в прихожую, открыл. На пороге стоял Дима. Вид у него был какой-то извиняющийся, как будто он хотел попросить прощения за то, что вынужден делать, хотя за что ему просить прощения? Да и что такого он мог сделать? Они же с ним знакомы со школы!

И ведь жив! А Влад прекрасно помнил, как он лежал застреленный во дворе дома, где его держал в подвале Гареев.

— Ну, ты как? — спросил Дима, заглядывая, но не слишком настойчиво, в глаза Владу.

Странное ощущение — говорить с человеком, которого ты видел мёртвым.

— Нормально, — Влад не мог считать реакцию Димы. Он откусил от куриной голени, которую продолжал держать в руке. — А как должно быть? Всё нормально, как обычно.

Дима как-то тяжело вздохнул, словно происходило что-то, с чем ему уже приходилось иметь дело.

— Слушай, я понимаю, что стресс и всё такое, для меня это тоже удар. Да для всех твоих друзей, если честно. Я серьёзно, Влад, без тени иронии. Мы все переживаем эти события близко к сердцу. Но...

— Что «но»?! — напрягся Влад.

— Твои провалы памяти... с ними надо что-то делать. Я знаю, ты сильный мужик и сможешь справиться, просто... может, стоит всё-таки обратиться к психологу? В церковь ты не ходишь, не исповедуешься, это понятно, но, может, таблетки тебе какие выпишут?

— Да о чём ты таком говоришь?! — Влад сделал шаг вперёд, нависая над Дмитрием.

И только сейчас Влад понял, что не так в квартире. Нигде не было ни одной фотографии его жены. Ни тех, где она была одна, ни тех, где они были вместе. Да и его фотографий не было.

Это Аля любила развешивать фото с их совместных поездок. Вот здесь висело фото из Египта. Здесь из Черногории, а здесь из Чехии. А здесь... здесь должна была быть большая фотография с их поездки на Адриатическое море, в которую им каким-то чудом удалось выбраться, учитывая ситуацию с полузакрытыми границами из-за пандемии.

Да, тогда они плавали на арендованной яхте вдоль побережья. Грохнули уйму денег, как помнил Влад... Только он помнил эту поездку как-то не так как другие их путешествия. Как будто это было не с ним и одновременно с ним.

Господи, так вот о чём говорил Плетнёв! Странное чувство, ничего не скажешь — помнить другую реальность, которая в твоём мозгу сохранилась как отблеск событий, в которых ты принимал участие, словно в забытьё. Вроде и с тобой было и в то же время без тебя.

Это же куда его выбросило? Сколько времени прошло с тех пор, как они увидели ядерные взрывы в окне поезда?

Да, тогда они плавали на яхте. Было солнечно. Пахло морем и, проснувшись, она

позвала его на палубу, чтобы сделать сюрприз. Открыть какой-то секрет. Что за секрет это был? Что за сюрприз?

Боже, голова начинала трещать, как расколотый арбуз, и он невольно схватился за висок, чем вызвал беспокойство у Димы.

— Ну, вот опять! У тебя анальгин есть? — занервничал он.

Что Аля ему сказала? Что она сказала той версии Влада, который плавал вместе с ней на яхте? Надо вспомнить! Сюрприз. Она была рада. И он тоже обрадовался.

Да! Он вспомнил! Аля сообщила ему, что ждёт ребёнка! Ре-бён-ка!

Эйфория от радости накрыла его волной.

Но было что-то ещё, из-за чего радость быстро убегала, словно море во время сильного отлива, обнажая каменистое и острое морское дно.

И тут он вспомнил, почему сидел в парке на скамье. Вспомнил, о чём думал, тупо уставившись на прыгающих рядом птиц, выпрашивающих хлебные крошки.

И снова стало плохо, очень плохо. Всё внутри будто оборвалось, а сердце стало биться невпопад.

***

Снова парк. Снова скамья. Похоже, что та же самая. Неважно. Уже всё неважно.

Над птицами нависла чья-то тень. Кто-то встал рядом, а потом и сел на скамью.

Какого чёрта? Говорить ни с кем не хотелось, и Влад понял, что если незнакомец сейчас задаст какой-нибудь глупый вопрос, да хоть бы просто спросит время, он врежет ему по морде.

Но человек молчал. Но и сидел он не на таком расстоянии, чтобы можно было сказать, что он просто решил отдохнуть, проходя мимо и не найдя другого свободного места, тем более, напротив стояла совершенно пустая скамья.

— Знаешь, помнить свою смерть — не самое приятное ощущение, — произнёс незнакомец. — Это как помнить, что когда ты попал в автокатастрофу, и тебе переломало все кости... только ещё хуже.

Влад не отвечал. Его взгляд безвольно с равнодушием наблюдал за голубями, которые ходили по тротуару перед ним. Очевидно, что они ожидали очередную подачку от него и вообще хоть от кого-нибудь, но Владу было всё равно на потребности пернатых. И кто ты вообще такой, что решил заговорить со мной?

— Это как кошмар, который всё время с тобой, и который никак не хочет, чтобы его забыли. Всё равно, что помнить, что произошло вчера, но чего никогда в реальности не было. Ужас небытия, точки, за которой для тебя ничего нет. Иногда мне кажется, что я схожу с ума, так как события того мира всё время возвращаются ко мне во снах и вообще всегда, как только мне покажется, что я о нём забываю. По-моему, человеческий мозг не в силах уместить в два раза больше воспоминаний, чем это предусмотрено природой.

— Ты кто? — наконец, выдавил из себя Влад.

— Извини, не представился. Меня зовут Глеб. Мы с тобой не знакомы, но ты знал моего командира, Алексея Плетнёва.

Будто током ударило. Влад решился взглянуть на собеседника.

— Что ты хочешь мне сказать? — произнёс Влад. — Что тебе было плохо, и что плохо сейчас? Знаешь, не удивил.

Глеб грустно улыбнулся.

— Да, наверное, это походило на то, как будто я жалею на свою участь. Я, скажем так,

всегда отличался характером от остальных ребят, еще с училища. Но нет, я не жалуясь. Вообще, должен был прийти Павел, но он не смог по объективным причинам.

И что? Что это изменит? Какая разница, кто пришёл: Глеб, Александр, Павел или сам Николай Второй! К чёрту вас всех!

— Алексей тебе рассказывал, как мы очнулись в поезде? — продолжал новый знакомый. — В том, в котором ехал и ты тоже.

Влад не был настроен вести задушевные разговоры. Ему сейчас реально было не до того.

— Он много чего говорил, — ответил он, сжимая кулак. — И о многом умолчал.

— Это верно. Служба обязывала его молчать, — согласился собеседник. — Таковы правила, тут ничего не поделаешь.

— Так что тебе надо?

Глеб наклонился вперёд, поставив руки на колени. Голуби, напуганные неожиданным движением, вспорхнули, но тут же вернулись обратно.

— Боюсь, он не рассказал тебе главного. Того, как мы... охр@нели... когда увидели его живым.

— Что? — с сомнением спросил Влад.

Собеседник, сидевший рядом на скамейке, подумал и ответил:

— Он был мёртв. Он погиб, понимаешь. Я погиб в той, а он — в этой. Мы попали в засаду, отбились, но командира убили. Разорвало гранатой, которую он накрыл собой.

Влад уставился на незнакомца немигающим взглядом.

— А тут мы вдруг видим его живым и невредимым, — продолжал Глеб. — Целиком, чтоб его!

— Я не понимаю.

— Мы тоже не понимали. Пока он не привёл нас в чувство, пока не объяснил нам, насколько мог, что происходит. Пока мы ему не рассказали, почему так тарачимся на него. Ведь, он не знал, что мёртв. Не здесь, а в той, другой реальности, в которой сейчас находимся мы с тобой. Потом он, правда, вспомнил. Память из другого мира настигла его как волна. Ты, наверное, тоже испытал нечто подобное, да? Ну вот, даже заикаться стал. Не сильно так, но заметно.

Глеб говорил, глядя прямо в землю, и одновременно куда-то вдаль.

— Но дело даже не в том, что мы поняли, что мы оказались не в то время и не в том месте. Мы помнили. Теперь ты знаешь, что это такое и можешь понять, о чём я говорю.

Да, Влад мог понять. Он ещё не до конца верил, но понять мог. Верить он не хотел. Но реальность была такой, какой была.

— Мы увидели друг друга и поняли, что что-то произошло. Что-то неправильное. Но ещё больше нас поразило то, что мы увидели живого Алекса, как его обычно называла Аня.

Вот на этих словах Влад даже посмотрел на незнакомца.

— Как можно описать эмоции, которые овладевают тобой, когда ты видишь перед собой того, кто погиб несколько месяцев назад. Кого ты успел похоронить и над могилой кого ты произвёл несколько выстрелов почётного салюта. А потом сидел за столом и выпивал горькую, вспоминая всё то, что тебя связывало с покойником. Как поднимал, не чокаясь, рюмки, как смотрел на наполненную стопку, с положенным поверх куском чёрного хлеба... Ты сидишь с сослуживцами и вспоминаешь всё, что вас связывало.

А до этого ты звонишь его жене и...подбираешь слова, чтобы сказать, что Алексей не вернётся из командировки. Что он больше не обнимет ни её, ни детей. Что его тело прибудет

тогда-то и тогда-то, и что церемония прощания состоится там-то и там-то, потому что мы обо всём позаботились.

Глеб замолчал. Выждал полминуты, заговорил снова.

— Мне сложно объяснить то, что произошло, поверь. Тем более, что многое произошло без моего участия. И я прекрасно понимаю тебя. Ты потерял женщину, которую любил. Ты потерял её — здесь. И ты потерял её — там. Просто прошу, попробовать понять и его тоже. Ты потерял жену, и с этим никто не спорит. И я это понимаю. Он — потерял семью. Жену, сына, дочь там, во время бомбардировки, но там он был жив. А здесь он умер, но здесь его жена и дети были живы. Здесь он умер, понимаешь?

Влад молчал. Человек, сидящий рядом, был чужим. Он был никем. Никем говорящим правильные, но такие бессмысленные для него вещи.

— И вот, он осознаёт, что он снова жив. Вчера он ещё был мёртв, а сегодня жив. Он может дышать, обонять, чувствовать... Есть только одно «но». Его семья, все те, кто для него был дорог настолько, насколько может быть дорога целая вселенная, оказались мертвы. Он — жив, а они — нет. Сгорели. Превратились в радиоактивный пепел. Вот они есть, и вот их нет. А он — жив и дышит. Понимаешь? — продолжал повторять собеседник.

Влад понимал. Понимал настолько, что готов был вопить и кричать, биться в истерике и проклинать этот мир за всю его несправедливость. А Глеб, тем временем, продолжал.

— И вот у тебя появляется шанс. Шанс всё исправить. Но есть одно маленькое условие: твои близкие будут жить, а ты — нет. Решение, которое заставит задуматься любого, не так ли?

«Да всё! Всё! Я уже понял! Не стоит продолжать! Ведь мне, мне от этого не легче! Как ты не понимаешь?! У меня не было второго шанса! Мой второй шанс оказался таким же проигрышем, как и первый!»

— Алексей сделал свой выбор. Он решил, что жизни его детей более ценны, чем его собственная. Жизни миллионов людей важнее, чем его жизнь...

— И жизнь моей жены важнее, чем жизни его детей, чем...

— ...жизни миллионов людей, — перебил его пограничник. — Аля мертва. Здесь. И там. Ты помнишь? Всё равно ничего нельзя было изменить.

«Предопределённость»

— Да что ж вы за люди такие! — Влад закрыл лицо ладонями, хотелось рыдать, но слёз не было.

Глеб молчал. Влад отнял руки от лица и глубоко вздохнул.

Перед ними прошла молодая рыжеволосая женщина, вокруг которой крутился озорной мальчуган. И лица их были до боли знакомы. Знакомы по той другой вселенной, где они сидели в городских коммуникациях, спасаясь от ядерного пламени.

Женщина естественно его не узнала, лишь с легким удивлением и настороженностью взглянула на мужчину, сжимающего кулаки до белизны в костяшках.

Сейчас перед глазами Влада стояла совсем другая картина: ухоженная могила с памятником из чёрного гранита, а на нём фото Али с указанием годов жизни. Но это была не единственная надпись. Чуть ниже было вбито «...и нашему нерождённому сыну»

Его давний приятель Дима, приходил не просто так. Он приходил, чтобы проведать его и узнать как дела. И не удивительно, ведь, Влад говорил об Але в настоящем времени, и всё время ждал её возвращения и, кажется, запутался в том, где реальность, а где нет.

Упившийся до беспометства утырок врезался в их автомобиль на перекрестке. Ему было

хоть бы что, а вот Аля... Аля мучительно умирала на руках Влада.

Влад готов был рвать собственную грудь, чтобы вырвать сердце, которое всё ещё билось, чтобы можно было просто упасть на могилу Али и остаться лежать на ней. Безысходность овладела им с такой силой, что сводила его с ума. Всё, что он делал, всё, что он пережил, оказалось напрасным.

Миллионы людей, говорите?!

И только семья пограничника жила. Да, сам он был мёртв, но он-то шёл за ним не ради этого!

— Сможешь ли ты простить его за то, что он сделал, за то, что он тебе не рассказал всего, я не знаю. В своём роде он всё рассчитал предельно цинично. Он понял, что твоя супруга погибает и там и здесь. Понять это ему помогли твои записи в дневнике. Мало кто ведёт дневник в наше время, но ты это делал. Ты записывал туда свои сны и видения, как ты их определил. Алексей понял, что ты ключ к тому, чтобы вернуть ту реальность, которая тебе была знакома до войны. Ты видел её, ту реальность, в которой мы сейчас находимся.

Влад схватился за голову и стал раскачиваться из стороны в сторону, а прохожие с настороженным любопытством смотрели на него, гляди, мол, очередной городской сумасшедший поехал крышей на публике.

А собеседник продолжал.

— Он понял, что желание спасти твою жену будет мотивирующим фактором для тебя, чтобы дойти до места назначения. Цинично? Может быть, и так. Но... тогда в поезде... и потом, перед тем как мы разделились... он сказал, что сделает всё, чтобы его дети и их мать жили. Чтобы жили миллионы других людей.

— Но Аля! — лицо Влада было перекошено.

— Аля была мертва и там, и там, Влад, этого было не изменить.

«Предопределённость. Предопределённость, предопределённость!» — стучало в висках.

— Как?! — он схватил его за воротник, прохожие стали озираться, — Как я могу это понять?! Что ты такое несёшь?! Кто вы такие вообще, чтобы решать, кому жить, а кому умереть?! Кто, бл@ть, такой этот капитан, чтобы такое решать?!

— Влад! Он пожертвовал собой. Не только ради своих жены и детей. Ради миллионов... десятков миллионов людей. Он знал, что исчезнет, но всё равно...

— Да мне плевать!!!! Почему?!! Какое он имел право решать?!! — онтряс Глеба за грудки, а новый знакомый даже не сопротивлялся, он просто позволял Владу излить на него гнев, пока хватка не ослабла, и Влад его не отпустил, вернувшись на скамью.

— Успокоился?

— Гареев был прав. Вам нельзя верить, — замотал головой Влад.

— Гареев — предатель, — твёрдо сообщил Глеб. — И раз уж речь зашла о майоре, то я хотел бы просить тебя о помощи. Гарееву удалось скрыться. Как он узнал, что за ним придут, не известно. К тому же, не знаю, насколько ты вспомнил события этой реальности, но здесь всё не так просто. Войны, той, что была там, пока нет, но, похоже, всё рискует повториться. В больших масштабах. Фактически мы сейчас воюем со всем НАТО. Опосредовано, но всё-таки.

«Всё может быть только хуже» — слова воскресшей Джессики, перед тем, как он разрядил в неё обойму. Неужели, она имела в виду вовсе не мировой апокалипсис, а то, с чем столкнётся он лично?!

— Поэтому, раз уж ты в определённой степени посвящён в наши дела, я хочу, чтобы ты

пошёл с нами. Мы можем предотвратить надвигающуюся катастрофу.

— Хватит! — рявкнул Влад. — Я уже однажды согласился пойти с вами! В надежде, что смогу всё исправить, как мне сказал твой командир!

— Влад, повторяю, я понимаю, что ты чувствуешь, но...

— Но?

— Ты... спас миллионы жизней. Разве это того не стоило.

— Чего стоят миллионы жизней, если среди них нет одной единственной? И как ты сказал: всё может быть ещё хуже. Значит, всё было зря. Значит, ничего не изменить. Джессика, кстати, говорила то же самое.

Глеб молчал. Действительно, что тут можно сказать? Алексей пожертвовал собой? Но эта жертва его, личная. Владу от неё ни тепло, ни холодно. Всё время их знакомства, пограничник не договаривал и умалчивал, они все его обманывали! И сейчас он узнаёт, что политическая ситуация может вылиться в конфликт, который может оказаться ещё более страшным, чем тот, свидетелем которого он стал.

— Сам подумай, если бы ты знал исход, то стал бы помогать ему? При том, что свой исход Алексей знал.

Можно сколько угодно искать оправдания и причины тому, что произошло, но они не заполнят той пустоты, которая разъедала Влада изнутри. Никакие попытки осмыслить произошедшее, ни одна выпитая бутылка водки не давали облегчения, становилось только хуже.

Хуже и хуже. Сил бороться с реальностью просто не было.

Рука сама нащупала пистолет в кармане куртки. Пистолет, который он купил у какого-то чёрного копателя. Хорошо сохранившийся пистолет, достаточно было его довести до ума и смазать. Патроны он приобрёл там же. Вот он и вспомнил, откуда у него оружие.

Много месяцев в этом, пока ещё незнакомом ему мире, Влад вынашивал идею убить виновного в смерти его жены, чтобы свершить своё личное правосудие, но так и не смог подобраться к нему, без риска быть раскрытым слишком рано. Ни во время следствия, ни во время суда. Так оружие и осталось при нём, напоминая о несостоявшейся мести.

Безысходность и пустота съедали его изнутри. Здесь в этой реальности они мучали его слишком долго. С одной стороны, он помнил весь ужас того мира, который он считал не правильным, где он потерял свою жену в перестрелке с наёмниками. С другой стороны, он помнил всё, что произошло с ним в этой вселенной, которая должна была быть для него лучшей, но всё оказалось совсем наоборот.

Пограничник был прав. Нести память о двух мирах, в обоих из которых ты испытал трагедию, очень тяжело, практически невыносимо. Ты пережил горе в обоих мирах, ты скорбишь в два раза больше. Ничего нет там. Ничего нет здесь. Ничто не имеет смысла.

Рука сама собой приставила холодный ствол к виску.

Испуганные взгляды прохожих.

Выстрел.

Вместо эпилога

Запах мокрой от дождя хвои сменяется запахом тоннельной сырости и креозота. Когда-то именно с запаха креозота всё для меня и началось. Потом холодный воздух тоннеля сменяется сначала тёплым и сухим, а потом и жарким дуновением ветра. Чем-то это напоминало вентиляцию в метро. Да, здесь тоже была вентиляция, и даже с выключенной тягой воздух всё равно активно циркулировал, не давая шанса ни плесени, ни грибам ухватиться за абсолютно сухую поверхность.

Каким бы примитивным организмом ты не был, ты всё равно нуждался в воде. Хоть и в минимальном количестве, но она должна была быть. Здесь же сухо, как в той самой Долине Царей, где древние египтяне сушили своих фараонов на случай их возможного воскрешения.

Когда ноги в летних ботинках делают очередной шаг, под толстой подошвой хрустит щебень, и звук эхом отдаётся от сводов тоннеля, по центру которого пролегает самая настоящая железная дорога. Давно же по ней не ездили!

Вот и свет в конце тоннеля, как бы образно это не звучало. Солнце светит так ярко, что приборы ночного видения приходится отключить, так как яркое пятно окулярах не позволяет нормально смотреть по сторонам. К тому же надо побережь аккумуляторы. Но на случай, если они разрядятся, у каждого из группы в рюкзаке есть портативная электростанция на солнечных панелях, которую можно быстро установить, просто развернув фотоэлементы и соединив её проводами с прибором, которому требуется подзарядка.

А солнце здесь такое, что долго ждать не придётся. Злое. Да, хорошие солнечные очки, крем с самым высоким УФ-фильтром и тюбик пантенола тоже имелись в наличии. Не хватало ещё обгореть, и лишиться возможности передвигаться. Обгорали когда-нибудь? Так чтобы до тёмно-бордового цвета с последующими пузырями, наполненными противной жидкостью? Вот то-то и оно.

Всё время ведь не будешь ходить полностью в одежде, да ещё в бронежилете. Да ещё в разгрузке и с оружием в руках. Рано или поздно захочется или придётся снять рюкзак и куртку, и отложить их в сторону.

Скоро выход из тоннеля. Ветер всё горячее, эхо от шагов всё тише.

Железнодорожные пути раздваиваются, и ты по занесённым песком ступенькам поднимаешься на центральный перрон, проходя мимо старого локомотива и нескольких брошенных давным-давно вагонов.

В этот раз они подготовились, как надо. Ничего лишнего, но и нужного не забыли. Даже небольшой топор и длинный нож на поясе — почти что меч — к ножу, что есть в разгрузке. Это больше на случай если боекомплект закончится, а не для того, чтобы что-то рубить, рубить тут особо нечего. А БК, он же, как мёд: вот он есть, а вот его нет.

Солнце бьёт в глаза так, что невольно поднимаешь руку, чтобы их защитить, настолько оно яркое. Надо надеть очки и опустить козырёк кепки. Кто-то был более предусмотрителен, у них на головах были шляпы а-ля панамы с круговыми полями по типу тех, что носят латиноамериканские коммандос. Натянутая на нос куфия защищает от песка, которым бросается ветер в лицо незванным гостям.

Иссохшие перекасти-поле, подпрыгивая на ветру, играют в догонялки на занесённом песком перроне. Удаляются вдаль, пропадая из поля зрения. Кроме шума ветра, пересчитывающего песчинки больше никаких звуков. Если здесь и есть какая-то жизнь, то

сейчас она прячется в глубоких норах или сидит под камнями, не отсвечивая, чтобы не получить солнечный удар. Интересно, каково здесь ночью? Становится хоть немного прохладнее? По логике должно.

Люди, продолжали подтягиваться из тоннеля, в том числе четверо на квадроциклах, оборудованных электродвигателями, опираясь на жалкие крохи информации о местном климате. Всего десять человек. Десять вооружённых до зубов бойцов с непонятным статусом. Кто-то был действительным военным, кто-то наёмником из ЧВК, но таким же только в прошлом военным, и только один здесь был, не пришей кобыле хвост, без реального военного опыта. Вернее, без реального военного опыта в этой версии селенной.

Вверх, жужжа винтами, взмыл дрон для разведки местности с воздуха. Правда, насколько хватит пластиковой машинки на такой жаре, неизвестно.

За их спинами возвышался горный хребет. В том мире, откуда они пришли это были Уральские горы. И расстояние до них измерялось даже не световыми годами, а какими-то иными, пока ещё неизвестными единицами измерения.

— Дрон управляет дроном, — командир шутит. А теперь уже обращается к нему. — Ну что, Славик, давай, веди! Кроме тебя здесь никто не был.

— Я вроде говорил, что не люблю это имя.

— О! Прошу прощения! — Придуривается. Или проверяет психологическое состояние, снова. Его ещё долго будут проверять.

— Павел тоже здесь был. И тебе это прекрасно известно, — отвечаю.

— С юмором у тебя, Влад, так себе, — Глеб по-дружески похлопал его по плечу, а потом, воодушевлённо глядя вдаль, спрашивает. — Скажи, это же лучше, чем застрелиться, да? Вот не стало тебя, и ты бы этого никогда уже не увидел. И не узнал бы, что скрывается вот за теми чёрными столпами.

Показывает рукой в сторону горизонта.

— Я не стрелялся.

Хм... действительно ли он этого хотел, застрелиться, или всё-таки нет? Ведь сейчас он готов поклясться, что никогда бы на такое не пошёл. Глупая ситуация. Вспоминать не хотелось.

Это одна версия того, что произошло. Она нужна для того, чтобы те, для кого она предназначена, поверили в неё.

И как в неё не поверить, когда ты вытаскиваешь пистолет из кармана и приставляешь к своему виску. Вот только на курок нажимаешь несколько дольше, для того, чтобы собеседник успел среагировать и предотвратил незапланированное самоубийство.

Чтобы ложь показалась наиболее правдоподобной, она должна нести в себе хотя бы каплю правды.

— Ну да, а пистолет кто перехватывал? Не я ли? А голуби обосравшиеся от выстрела? А прохожие, которых пришлось убеждать, что мы пранк для ютуба снимаем? Удивляюсь, как никто нас не заснял на смартфон.

Благо время сейчас такое, что люди скорее поверят в то, что стали участниками розыгрыша, чем реальных событий.

Что было бы, если бы не успел перехватить пистолет? Хм... ну, успел же!

— Думай, что хочешь, — отмахиваюсь.

— Ладно, проехали, у всех бывают трудные моменты в жизни.

Бывают, да. Тебе бы таких моментов в кепку напихать. Давно ли ты умирал от лучевой

болезни? Нет, не пробовал? Ну, попробуй. До сих пор по ночам просыпаешься от того, что снится, как зубы выпадают, да язвами покрываешься. Одна надежда, что это не отзвуки другой реальности, а просто ночные кошмары, вызванные ПТСР.

С другой стороны, ты же тоже умирал, и помнишь свою смерть, хоть и не так ярко, как это происходит у меня или у того же Павла, который прошёл через камеру второй раз.

Глеб достал бинокль и посмотрел туда, где вдалеке виднелся самый настоящий город, вернее Городок. Несколько человек из группы тоже поднесли к глазам бинокли, чтобы разглядеть строения.

По другую сторону перехода сейчас работала другая группа, изучая помещения и оборудование и настраивая новое. В дочиста вычищенной диспетчерской сейчас сидели двое дежурных, которых сменяли каждые сутки. Там сейчас много работы.

Что касается, тех, кто здесь оказался, то они не задавали вопросов. Они просто знали, что если они здесь, значит, они прошли достаточную проверку. И если кто-то и охреневал от увиденного, то делал это молча. Это были люди, которые не привыкли удивляться.

Четверо останутся здесь, оборудуют временный лагерь и будут наблюдать за поведением техники. Остальные, в том числе Влад отправятся в Городок на разведку. Сначала туда.

Павла сейчас с ними не было. Где-то там, в такой далёкой и в то же время близкой России старший лейтенант сейчас занимался поимкой майора Гареева. А может, и не в России. Гареев — хитрый лис с хорошо развитой чуйкой, которая заставила его всё бросить и исчезнуть буквально перед самым задержанием.

То, что ему, поймай его бывшие коллеги, не светило ничего хорошего, было понятно сразу. Сначала бы, конечно, вытрясли всю информацию, какую только можно, а потом... тут были варианты развития событий, но один из них был наиболее вероятным.

А что же здесь делаю я? Официально — работаю на Комитет, утоляю своё любопытство и жажду познания неизведанного. Так должны думать мои текущие коллеги.

А неофициально, спросите вы? Что ж, была и неофициальная часть, основанная на том, с чем я уже успел столкнуться. Ведь, если реальность можно было изменить один раз, то те, кто это сделал однажды, попытается это сделать снова. И очень уж мне хочется посмотреть в глаза тем, кто всё это сотворил.

Нельзя безнаказанно просто так менять вселенную. Тем более, когда такое изменение затрагивает меня лично. И да, если будет шанс сотворить третий вариант вселенной, в которой я смогу вернуть жену, то почему бы и нет.

А если вдруг что-то пойдёт не так, если вдруг моя любовь никогда и ни при каких условиях не сможет быть возвращена... что ж, те, кто в этом виновен, умоются собственной кровью.

Я сделаю так, что вы будете гореть в ядерном пламени, чтобы вы задохнулись, будучи отравленными радиоактивным воздухом. Чтобы вы познали всю ту пустоту бездны, которую познал я.

Ты хочешь, чтобы всё осталось так, как есть, Джессика? Чтобы всё было так, как хотели твои хозяева? Не могу обещать. Скорее, я сделаю так, чтобы они возопили в сердце своём. Чтобы они валялись у меня в ногах, моля о пощаде.

И знаешь, Джессика... если ты воскреснешь ещё раз, я тебя убью снова. А потом ещё раз. И ещё. Сколько бы раз ты не появлялась передо мной. Но имей в виду, что ты не умрёшь лёгкой смертью. Прежде, чем начать просить меня о лёгкой смерти, ты мне поведаешь обо

всём, что знаешь.

В общем, готовься, и лучше не вылезай из своего небытия.

Поверь, ничто не меняет человека так, как его собственная смерть. А я однажды умер.

— Там! — указал я рукой вдоль извивающейся грунтовки. — Там мы видели человека.

Он, вроде как, хотел с нами пообщаться, но Плетнёв тогда очень спешил.

— Плетнёв спешил, это верно, — тяжело вздохнул Глеб.

У каждого человека должна быть цель в жизни. И у капитана Плетнёва она была. Не какой бы благородной она не казалась, в той же степени она была эгоистичной и затрагивающей мои личные интересы.

Что же, и у меня есть цель. И она тоже подпитывается моим эгоизмом. И да помогут вам боги, если вы окажитесь у меня на пути.

— Ну что, начнём с Городка, чтобы понять, что к чему. — Рассуждал вслух Глеб. — Жаль, что документов сохранилось мало. Такое чувство, что их намеренно уничтожали. И нам необходимо понять, почему.

— Так может, не стоило сюда возвращаться? Может, те, кто уничтожил архив, как раз и стремились к тому, чтобы воспрепятствовать здесь нашему появлению, — спрашиваю я.

— Отсутствие информации может оказаться не менее фатальным, Влад. Неизвестность всегда хуже, поверь.

Глеб помолчал, оглядывая местность.

— Здесь всегда так жарко? — порывы горячего ветра бьют в лицо.

— Насколько известно, периодически. Мало информации.

Посмотрел на меня.

— Что, думаешь, не согласился ли ты на очередную авантюру? Ты же однажды участвовал в чём-то подобном.

— Тогда от меня скрыли важную информацию и ещё неизвестно, какое решение я бы принял, если бы знал все условия сделки. Сейчас, я это делаю по своей воле, осознавая все последствия.

— Прагматичный подход. И справедливый. Кстати, твоя ситуация прекрасно объясняет, почему мы здесь: лучше знать и быть наготове, чем пребывать в благодушном неведении.

Он оглядел команду.

— Ну что, по квадроциклам и поехали? Наша задача — разведка. На конфликт, если кого встретим, не идём. Обозначим наше присутствие и напомним о нашем праве на эту территорию.

Коптер, управляемый оператором, зажужжал, взмыл вверх и унёсся вперёд. Люди расселись по четырёхколёсным машинам и поехали, оставляя за собой клубы мелкой почти белой пыли.

Посмотрим, чем всё это закончится.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net